Владимир Степанов

То взлет, то…

Москва
2018

УДК 82-39
ББК 84-44
С79

Степанов В.П.
С79 То взлет, то… – М., 2018. – 1158 с.

Не секрет, что авиационные происшествия зачастую привлекают внимание публики в гораздо большей степени, чем другие неприятности, происходящие на планете. Нет на земле абсолютно безопасных видов транспорта, но статистика утверждает, что самую меньшую опасность представляет… самолет. Авиационные катастрофы происходят в результате взаимосвязи целого ряда причин, которые поодиночке могут показаться несущественными. К сожалению, эти причины иногда совпадают…

Роман «То взлет, то…» написан на основе реальных событий. Действие происходит в 1986-1991 годы во времена так называемой «Перестройки», которая закончилась развалом СССР. Главного героя книги, начальника уголовного розыска центрального района столицы Лукина, командируют из МВД в только что созданную Государственную комиссию по надзору за безопасностью полётов воздушных судов при Совете Министров СССР. Опыт, накопленный Лукиным за долгие годы безупречной службы, оказывается востребованным и на «гражданке».

УДК 82-39
ББК 84-44

© Степанов В.П., 2018

Содержание

Смутный след **5**
С Америкой на «ты» **75**
От Амура до Камчатки **114**
С докладом в Кремль **179**
Таран над пропастью **230**
Армения **335**
И нет сомнений... . . . . . **375**
Северная мечта **419**
Медовый месяц **458**
Зеркальная роковая ошибка **539**
У подножья Тянь-Шаня **566**
Частный сыск **611**
На Урале без изменений **700**
Цирковой номер ГКЧП **725**
Прощальные гастроли **776**

«Летчики не умирают, они улетают
и не возвращаются».

Антуан де Сент-Экзюпери

Смутный след

В середине сентября 1986 года московские улицы не просыхали от холодных дождей. По всем приметам такое ненастье должно было смениться «бабьем летом», но пока сумрачное утро не радовало глаз. Прохожие сновали с раскрытыми зонтами, уткнувшись в шарфы и воротники пальто.

Ночью в Москву прорвалось дыхание Карского моря, обойдя Мурманск и Архангельск, принесло заморозки. Они плотно сковали лужи сверкающим блеском льда, а траву покрыли белым инеем. Утром запорхали «белые мухи» из легких снежинок, которые исчезали, едва коснувшись земли. Следом пошел мокрый снег, и к обеду началась пурга. Москва застыла в сугробах. Необычно выглядели на белом фоне зеленые кусты и деревья, еще не сбросившие листву.

В народе говорят: если снег упал на мокрую землю, то не растает до весны. Как всегда, в Москве зима началась неожиданно для дворников и водителей, которые не успели переобуть зимнюю резину.

Начальник уголовного розыска центра столицы подполковник милиции Виктор Лукин с трудом поднялся на своих «Жигулях» в горку. С Цветного бульвара он проехал по Большому Сергиевскому переулку в управление милиции, где проработал пятнадцать лет от простого оперативника до руководителя. Ему еще не было и тридцати, когда его назначили начальником угрозыска. Подполковника получил до тридцати пяти…

Лукин размышлял, зачем он добровольно подставил свою успешную карьеру под удар. Ведь было заранее понятно, чем все закончится. Никто, кроме «старших братьев» из КГБ, не знал о его тайном романе с француженкой Лаурой.

Пятнадцать лет назад молодой инспектор познакомился с необычайно красивой молодой девушкой, которая ничем не отличалась от своих сверстниц. Когда он узнал, что она француженка, было уже поздно. Они влюбились друг в друга. Но им не суждено было быть вместе...

В семидесятые годы общение с иностранцами было фактически запрещено. Сотрудник КГБ, проводивший проверку его «морального облика», заявил, что Лукин должен был писать рапорта о каждом контакте с иностранной гражданкой. Лукин пояснил чекисту, что то было по молодости, с Лаурой он жил гражданским браком, поэтому не хватило бы бумаги на рапорта. Об их недавней встрече не сказал...

Три года назад КГБ одержало в долгом противостоя-

нии верх над МВД, и приняло под оперативное обслуживание милицейских сотрудников. Выражалось это обслуживание в сборе информации через агентов, которых чекисты навербовали в рядах МВД. Не лучшая половина личного состава поливала грязью своих коллег, зачастую настоящих профессионалов, которые отказались от вербовки. Что может быть в жизни поганее, когда твои коллеги сегодня стучат на тебя, а завтра тебе придется защищать их от пули преступника? И почему КГБ курирует МВД? Почему милиция не разбирается с предателями в рядах чекистов? Ведь в последнее время их количество растет и ущерб от измены в тысячи раз ощутимее, чем от одного-двух преступников, втершихся в доверие к сотрудникам МВД.

Ответы на эти вопросы Лукин, конечно, ни у кого не спрашивал. Ему хотелось разобраться со своими стукачами. Не хотел он их видеть за праздничными столами среди сыщиков. «Такой вот я правдоха. Правда, с элементами анархии и авантюризма», – подумал Лукин и улыбнулся.

Говорят, что с резким наступлением осенних холодов, при недостатке витаминов и отсутствии солнечных лучей, у некоторых людей происходит некое обострение. Шизики в такие дни испытывают беспокойство. Конечно, у Лукина не было ничего похожего на хандру, и не от уныния он затеял шутки с чекистами районного КГБ, которое взялось блюсти его «моральный облик строителя коммунизма». Ему осточертела эта опека. Хотелось увидеть воочию, что с ним будет при заключении брака с француженкой. Хотя он и так догадывался, что за одно такое желание его могут упрятать в психушку или арестовать за антисоветскую пропаганду. «Что поделаешь – хо-

лодная осень. Берет свое», – произнес про себя Лукин.

Потом он объяснял чекистам, что просто шутил со своими коллегами по работе, что нет у него никого в Париже и он не собирался переезжать во Францию. Конечно, он знал о стукачах, но специально подкинул им «горячую» информацию. Они заглотили ее и тем самым выдали себя. В финале разборки чекисты предложили руководству управления уволить Лукина из органов к утру следующего дня.

Лукин провел пятиминутку с оперативным составом, выслушав отчеты о мероприятиях по розыску преступников без особой заинтересованности. Свой перевод в МВД СССР Лукин хранил в тайне. Лишь начальник управления Виктор Григорьевич Куликов, который предложил ему искать новое место работы, знал о его переходе, но не догадывался куда. Куликов зашел в его кабинет и, не поздоровавшись, спросил:

– Как у тебя с переводом? Из КГБ опять звонили и просили поторопить тебя.

– Товарищ полковник, вопрос практически решен. Конечно, если «старшие братья» не будут мешать...

– А куда переходишь?

– Мне не хотелось бы об этом говорить раньше подписания приказа. Знаете, как бывает. Здесь меня уволят, а на новом месте вакансию займет другой сотрудник, и я при переходе зависну в воздухе. Так что не взыщите, сообщу, как только...

– Но мне надо что-то сказать руководителю райотдела КГБ. В каком состоянии твой вопрос о переводе?

– Ждите, Виктор Григорьевич… С вами я работать все равно не буду, потому что вы легли под КГБ и боитесь защитить меня от их несправедливых нападок. У них нет

ничего против меня, и не может быть. Ну а наши интересы совпали. Мне давно пора на повышение, а в районном управлении только ваше место, поэтому мне лучше уйти, – улыбнулся Лукин.

– Вечно ты со своими шуточками! А если серьезно?

– Тогда сейчас позвоню при вас и выясню.

Лукин набрал телефонный номер инспектора кадров МВД СССР Никитина на Огарева, 6.

– Федорович, доброе утро. Лукин побеспокоит. Ко мне зашел начальник управления Куликов. Интересуется моим переводом.

– Здравствуйте, Виктор Павлович. Могу вас поздравить, приказ подписан министром. Вы переведены в резерв министра. Можете сдавать дела. Ваш дальнейший перевод в Совет Министров СССР согласован, но об этом не обязательно знать районному начальству. Еще раз поздравляю, и до встречи.

– Спасибо большое. До встречи, – сказал Лукин и медленно опустил трубку, как бы боясь вспугнуть удачу.

– Ну, что там у тебя? – нетерпеливо спросил Куликов.

– Можете меня поздравить. Я уже два дня, как переведен в личный резерв министра внутренних дел.

– Опять твои шуточки?

– Нет, на сей раз более чем серьезно. Кстати, с сотрудником центрального аппарата МВД СССР можно и на «вы».

– Но никто не запрашивал вашего личного дела и характеристики. Как могли подписать приказ без этого?

– Меня в МВД знают и без ваших характеристик, и доверяют. А вы после пятнадцати лет совместной работы усомнились во мне только по одному звонку из КГБ. Кстати, в кадрах МВД СССР не в восторге от вашего по-

ведения.

– Вот ты повернул ситуацию! Можно подумать, что у меня была любовница из Франции...

– Согласен, но то было по молодости, а теперь я примерный семьянин и связи с француженкой не поддерживаю. А бредни КГБ и их стукачей не подтвердились. Так что извините.

– Ладно, не держи на меня зла. Мне тоже хочется до пенсии доработать. У меня нет таких связей, как у тебя, чтобы уйти в МВД без характеристики, – Куликов протянул руку в знак примирения и Лукин пожал ее.

На Огарева, 6 Лукин получил новое удостоверение с вензелями, как на бубновом тузе и загадочной записью, что подполковник милиции состоит в кадрах МВД СССР. Думай, что угодно...

Его загнали в угол, не оставив путей к отступлению. Но Лукин обошел в оперативном мастерстве районных чекистов, и перевелся в МВД СССР. Оттуда его командировали в комиссию Совета министров СССР по расследованию авиационных катастроф. Теперь он был недосягаем для тех, кто предлагал его уволить. В том и состояло мастерство оперативника, чтобы чекисты узнали о его переходе на высокую должность спустя месяц. Поднимать шум было уже поздно.

Впрочем, Лукин поставил в известность авиационное руководство о своем романе с француженкой. Его новому начальству преследование чекистов по таким обстоятельствам показалось смешным.

Лукин считал такой поворот подарком судьбы, искуплением за все его страдания на любовном фронте с Лаурой. А ведь «терки» с КГБ вполне могли закончиться для него плачевно. В лучшем случае он мог бы устроиться

дворником или грузчиком в магазине. А он взлетел до руководящей должности в обойме чиновников Совета министров СССР! Пожалуй, впервые офицер не погорел за «аморалку», а, наоборот, возвысился. Как утешительный приз, судьба преподнесла ему то, о чем он мечтал с детства…

Еще в школе Лукин перечитал все книги о полярных летчиках: Михаиле Водопьянове, Сигизмунде Леваневском и, конечно, о Николае Петровиче Каманине – «первом номере» из летчиков, спасавших челюскинцев в далеком 1934 году. За ту операцию Каманину вручили Звезду Героя Советского Союза № 2. Первую же звезду получил другой полярный летчик, Анатолий Васильевич Ляпидевский. После полета в космос Гагарина Каманин руководил отрядом космонавтов и частенько приезжал на Новослободскую улицу в гости к своим однополчанам, Героям Советского Союза Логинову и Алексееву. А с сыном Алексеева Володей Лукин дружил с первого класса, и жили они в одном подъезде.

Среди пацанов во дворе только и были разговоры о полетах в космос и полярных летчиках. Встречи с легендой полярной авиации Каманиным лишь утвердили желание Лукина стать пилотом и летать на Севере. Книгу Вениамина Каверина «Два капитана» Лукин зачитал до дыр. И, наверное, потому он вырос мужественным и достойным гражданином, для которого жизненным девизом стали слова из книги: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». В последние годы он все чаще стал задумываться над смыслом борьбы. Ему чаще выпадала борьба за честь своего мундира, из которой он выходил победителем, но с потрепанными нервами. Однако у него никогда не воз-

никало желание «сдаться в плен» и жить, «как все люди».

Вместе с осуществлением детской мечты судьба подарила ему еще и взрослый подарок – жалование, как у министра. Будучи молодым лейтенантом, он не мог себе позволить жениться. Не хотел «разводить нищету». Да и девчата предпочитали парней с большой зарплатой. Теперь «денег куры не клюют», а тратить не на кого. Нет детей, а потому и семья – не семья. В Париже – сын и любимая женщина, но дорога туда заказана и, похоже, что Лауре теперь закроют въезд в СССР. Они снились ему во сне, но утром все исчезало. Он не думал о карьере, но кроме работы ничего в жизни не оставалось.

Еще одна приятная новость заключалась в новой форменной одежде. Специалистов по расследованию авиационных катастроф одевали как летчиков-испытателей. Меховые комбинезоны и куртки синего цвета с надписью «ВВС СССР», унты, кожаные сапоги на белой цигейке, бежевый свитер из верблюжьей шерсти, и, конечно, заветная летная коричневая кожаная куртка с молниями на карманах. Они с друзьями часто пели песню о полярных летчиках: «Кожаные куртки, брошенные в угол… ».

В уходящем году многое было необычным, начиная с погоды. То в сентябре вместо «бабьего лета» закружили метели, то в самый короткий день 22 декабря воздух прогрелся до 8 градусов тепла, и побил на три с лишним градуса рекорд 80-летней давности. В жизни Лукина произошли перемены не менее рекордные...

По всем программам телевизора шумели о «перестройке», но поначалу ни Лукин, ни другие граждане страны не особо почувствовали «ветер перемен». Вранье на самом высшем уровне продолжалось. Новая риторика

говорливого генерального секретаря Горбачева казалась обычной кампанейщиной, дежурной болтовней, которой все были сыты по горло. Народ отреагировал на его болтливость, наградив генсека кличкой «птица-говорун». Начал действовать сухой закон, и москвичи часами простаивали в очередях за спиртным – отнюдь не только алкоголики, но и вполне приличные люди. Водка стала «жидкой валютой», которой можно было легко расплачиваться, например, за бытовые услуги. А по телевизору – новый бред о безалкогольных свадьбах.

Его коллеги шепотом обсуждали события в Казахстане, происшедшие неделю назад. Радио, телевидение и газеты не сообщали об этом ни слова. А казахи здорово напугали московские власти. Таинственность вокруг событий в Казахстане только разожгла любопытство Лукина. Вечером он включил свой старый приемник «Фестиваль» с автоподстройкой «вражьих голосов». Корреспондент «Голоса Америки» передал, что казахские националисты в Алма-Ате устроили кровавую бойню за независимость от СССР.

Москва по-прежнему хранила молчание, но были отменены авиарейсы на Казахстан, а бортами гражданской авиации срочно перебрасывались в Алма-Ату военнослужащие войск МВД. В Казахстане отключили связь с внешним миром, работала только ВЧ.

Перед солдатами была поставлена задача – подавить бунт. Было тревожно и страшно, но не хотелось, чтобы власти пошли против народа. Хотя такое уже было четверть века назад в Новочеркасске, когда расстреляли безоружных демонстрантов. Появились первые русские беженцы, которые рассказывали, что на центральной пло-

щади столицы Казахстана, где находилось здание ЦК компартии, произошло побоище. Горели автомобили, в окнах домов побили стекла, вокруг валялись булыжники, палки, железные прутья. Удручающее впечатление...

Детонатором к митингу студентов алма-атинских вузов послужило снятие накануне с поста первого секретаря ЦК Кунаева и замена его русским «варягом» Колбиным. Во всех союзных республиках всегда во главе стоял кто-то из местных бабаев, а вторым лицом был русский. Горбачев решил поломать сложившиеся десятилетиями устои. К зданию ЦК КП Казахстана вышла молодежь. «Нет Колбину!», «Первым секретарем ЦК должен быть казах!», «Долой русских». Разгон митинга привел к кровопролитию, первому при Горбачеве. Как могло случиться, что КГБ прозевало массовые выступления студентов?

Лукин вновь вспомнил Лауру. Четыре месяца назад она прилетела к нему в Москву и сказала: «Я приехала за тобой. Мне плохо без тебя». Он улыбнулся и спросил: «Ты меня в багаже увезешь в Париж?». Она ответила, что в Союзе грядут серьезные перемены. Неужели на Западе знают больше, чем в КГБ? Однако погромы и митинги в Алма-Ате быстро ликвидировали внутренние войска и пограничники. Лукин был уверен, что так будет и впредь. Ведь так уже было в Новочеркасске и Грузии. Репрессии никогда не заканчивались.

Декабрьским утром Виктор Лукин припарковался на широком тротуаре перед домом № 7 по улице Кржижановского. Перед входной стеклянной дверью справа и слева сверкали темно-синие вывески с золотыми буквами: «Государственная комиссия по надзору за безопасностью полетов при Совете Министров СССР».

Ранее за полетами надзирали и расследовали авиационные катастрофы сами работники Министерства гражданской авиации, но за последние годы не произошло снижения количества катастроф. Как говорят в народе: «Ворон ворону глаз не выклюет». Вот и приняли правильное государственное решение о создании независимой комиссии. Госавианадзор подчинили Совету Министров СССР, и руководить им поставили принципиального Ивана Ефремовича Машкивского, а его заместителем стал доктор технических наук Рудольф Амбарцумович Теймуразов, непосредственный шеф Лукина. В отделе кадров ему выдали удостоверение сотрудника Госавианадзора Совмина СССР.

Так уж устроен человек, что авиационные происшествия привлекают особенное внимание. Это трудно объяснить, ведь автомобильные аварии уносят в сотни раз больше жизней. Но к расследованию авиапроисшествий прикованы взгляды и специалистов, и общественности. От того, насколько профессионально и беспристрастно будет проведено расследование, зависит не только определение причин катастрофы, но и предотвращение повторения их в будущем.

До 1986 года авиакатастрофы расследовались в секретном режиме. Теперь в Госавианадзор СССР были командированы военные летчики Минобороны, а также представители МВД и КГБ, ведь специалисты расследуют все происшествия с самолетами, летающими по воздушному пространству Союза, и участвуют в расследованиях с его бортами за рубежом.

По четырем этажам большого здания с серьезным видом сновали сотрудники в штатском и в различной летной форме. Здесь были военные летчики с боевыми орде-

нами, которых дополняли их коллеги из морской авиации и, конечно, летчики гражданской авиации. Все специалисты были в званиях не ниже полковников, часто мелькали и генеральские лампасы небесного цвета.

Бывшему начальнику угрозыска центра столицы Лукину не составило труда найти общий язык со своими новыми коллегами – летчиками, инженерами и диспетчерами. Простых инженеров здесь не было. В управлении расследований Виктор подружился с Борисом Горюновым, Сергеем Лещинским и Леонидом Каширским. Все они представляли инженерную прослойку расследований и были влюблены в небо, а Сергей особенно. В Летном управлении он познакомил Лукина со всеми летчиками, а с Владимиром Терентьевичем у него с первых дней сложились добрые отношения. Он был немного заносчив, но хорошо подготовлен по летным вопросам.

Все специалисты в погонах находились в двойном подчинении – у своих Министерств и Госавианадзора СССР. Но дисциплина в этих стенах была очень строгая. Они отлично понимали, что уволить их могут теперь по согласованию со своими Министрами и с визированием в Совмине СССР. Военные понимали, что такое увольнение приравнивалось бы к концу их карьеры. Но такого быть не могло, так как отбор кадров проходил соответствующий.

Лукину предстояло проводить расследования вместе с летчиками, а прикомандированных сотрудников КГБ летчики обходили стороной. Чекистская служба была представлена в воинских частях в виде особых отделов КГБ 3-го управления контрразведки. Лукин их в шутку называл «3-м отделением царской охранки».

Виктор постепенно впитывал азы расследований авиа-

происшествий. Это были математические формулы, за которыми стояли тысячи жизней. Авиационное происшествие происходит при одновременном случайном совпадении ряда неслучайных отрицательных факторов. Пилотируя самолет, летчик делает все возможное, чтобы полет завершился успешно, но никто не застрахован от ошибки. В самолете любая ошибка пилота должна быть подстрахована другим членом экипажа или специальной тревожной сигнализацией. Ведь экипаж – не компания самоубийц, и все хотят завершить начатый полет успешно.

Лукин заглянул в соседний кабинет к своему коллеге Сергею Лещинскому. За чашкой чая тот рассказал ему о «ямах» (так расследователи называли место падения самолета) и о полевых расследованиях катастроф.

– Сергей, а ты летал на расследование за границу?

– Пока не приходилось, но наши самолеты летают за бугор и, к сожалению, иногда падают. У нас в Управлении много специалистов, но ты из МВД один, потому чаще нас будешь летать на «ямы». Для полетов за границу расследователям оформлены синие паспорта МИДа и визу делают быстро.

– И часто вылетаете на «ямы»?

– По-разному, но нынешний год оказался неудачным. Будем надеяться, что с созданием комиссии удастся сбить волну катастроф. Если хочешь, можешь ознакомиться со сводками за год, а я пока займусь составлением акта расследования.

Лукин открыл секретную папку со сводками о катастрофах. Здесь в хронологическом порядке были подшиты сообщения, о которых знал узкий круг специалистов: «Самолет Ил-14М совершал полет 17 февраля 1986 года в Ан-

тарктиде и попал в ураганный встречный ветер, о котором не сообщали синоптики. Ураган привел к значительному падению путевой скорости и дополнительному расходу топлива, которого по расчетам не хватало для полета до Мирного. Экипаж принял решение совершить вынужденную посадку и начал снижение, но вокруг царила белая мгла с поземкой, потому экипаж не мог видеть поверхности ледника, покрытого ледоломом. В таких условиях посадка была обречена на катастрофу. Через несколько дней поисков удалось обнаружить обломки самолета и погибший экипаж».

Другое сообщение гласило, что ночью 2 марта 1986 года самолет Ан-24Б выполнял рейс из Москвы в Бугульму. По прогнозу погоды в окрестностях Бугульмы ожидалась сплошная облачность и сильный снегопад. Фактическая погода в Бугульме почти соответствовала прогнозу, но видимость была в два с лишним раза выше ожидаемой и соответствовала метеоминимуму командира экипажа. Пилот с разрешения диспетчера начал снижение, выполнил заход на посадку правым доворотом и вышел на предпосадочную прямую без отклонений, выпустив шасси и закрылки. Но спустя секунду произошел отказ левого двигателя, и самолет начал быстро входить в левый крен. В сложной обстановке экипаж допустил ошибки в технике пилотирования, что привело к потере скорости и еще большему сваливанию самолета с его последующим столкновением с земной поверхностью. В результате погибли 38 человек.

17 мая 1986 года на самолете Як-40 произвели замену переднего шасси на авиационно-технической базе аэропорта Ханты-Мансийска. Полетов не планировалось, но руководитель авиационно-технической базы вызвал ре-

зервный экипаж. Они вместе с экипажем провели руление самолета после замены шасси и поставили его на стоянку охладить колесные тормоза. Потом они запросили разрешения на взлет, чтобы выполнить контрольный полет по кругу и посадку для проверки работы шасси. Однако после вылета экипаж запросил набор эшелона 7800 метров, что отнюдь не соответствовало целям полета по проверке шасси. Затем они выполнили несколько виражей с креном до 60° и двукратными перегрузками, а следом смоделировали падение самолета. Экипаж отклонил элероны и руль на создание правого крена и начал выполнять бочку, но штурвал остался в положении «на себя». В результате самолет перевернулся «на спину», опустив нос, и начал падать, продолжая вращение. Вертикальная перегрузка достигла 5 единиц, что в полтора раза выше максимально допустимой для такого самолета. Из-за этого оторвался кусок обшивки левого крыла и снес киль вместе со стабилизаторами. Самолет потерял управление и перешел в беспорядочное вращение, из-за перегрузок оторвало закрылки и обшивку правой плоскости крыла, после чего самолет врезался в землю и разрушился. Утром обломки самолета с разбросом в два километра были обнаружены в километре от реки Обь рядом с протокой Ерошкина. Экипаж и руководитель авиационно-технической базы погибли. Кому и что они хотели доказать?

Лукин пробежал глазами по следующей сводке авиапроисшествия от 21 мая 1986 года с самолетом Ту-154 над аэропортом Домодедово, который выполнял рейс из Челябинска в Москву. На его борту находились 175 пассажиров. Прежде, чем знакомиться с происшествием, он посмотрел вниз сводки и вздохнул с облегчением, прочитав: «Никто из экипажа или пассажиров на борту не по-

страдал». А ведь были на грани. Московские авиадиспетчеры заранее предупредили экипаж, что к северу от аэропорта в районе Электроуглей наблюдаются грозовые засветки, которые рекомендуется обходить с южной стороны. В слое облаков от 2500 до 4000 метров наблюдалось сильное обледенение. Борт при снижении обошел грозовые очаги, но попал в зону ливневого дождя с обледенением. Пилотирование выполнял второй пилот, который вдруг увидел, что скорость на приборах начала снижаться и вскоре упала до нуля. Пилот опустил нос самолета вниз, чтобы увеличить скорость, но это не помогло, и они перевели двигатели во взлетный режим. Полет проходил в облаках без видимых внешних ориентиров, а на высоте 1800 метров машина вышла из облаков и они увидели, что несутся навстречу земле с огромной скоростью. Командир рванул штурвал на себя, и самолет успел выйти из пикирования, но с превышением перегрузки, и лишь чудом не разрушился. Экипаж благополучно посадил самолет в аэропорту Домодедово и скрыл факт происшествия. При обслуживании самолета техники подключили шланги для его заправки, но из крыльев фонтаном потекло топливо. При тщательном осмотре обнаружили следы деформации по всему самолету, который чуть не разрушился в воздухе. Расшифровка «черного ящика» показала, что Ту-154 снижался с вертикальной скоростью 100 метров в секунду и скоростью 813 километров в час, а в процессе маневра по выходу из пикирования машина испытала перегрузку в 3,2 единицы, то есть превысила все пределы допустимых скоростей и перегрузок.

– Сергей, помнишь, как в старом кинофильме «Парень из нашего города» командир спрашивает танкиста: «Скорость?» – «Третья» – «Газ?» – «Полный» – «Так, по-

чему танк провалился?» – Лукин улыбнулся. – Я не понял из сводки, почему чуть не угробили пассажиров Ту-154 в Домодедово? Откуда обледенение 21 мая?

– На высоте воздух в любое время года сухой и морозный, а в облачности на той высоте были условия для обледенения. Потом комиссия установила, что экипаж включил противообледенительную систему по крылу, хвостовому оперению и воздухозаборникам двигателей, а на тумблеры обогрева приемника полного давления никто за весь полет так и не глянул. Такая забывчивость считается серьезнейшим нарушением и может, как мы еще раз убедились, привести к катастрофе самолета. Тумблер включает обогрев двух трубочек с дырочками, направленными вперед, по бокам фюзеляжа, в которые попадает напор воздуха. В зависимости от скорости он давит по шлангам на приборы, показывающие скорость самолета. Но дырочки обледенели, и скорость упала до нуля на приборах, а пилот, не разобравшись, отдал штурвал от себя и пустил самолет в пике, чтобы увеличить скорость. Ему показалось мало, и он дал взлетный. Хорошо, что командир успел рвануть штурвал на себя, и высоты хватило на вывод из пикирования.

Наша Комиссия выдала рекомендации КБ Туполева оборудовать самолет сигнализацией в случае не включения тумблера ППД. Есть в том некоторые сложности, ведь его надо включать только за минуту перед взлетом, если раньше, то без обдува спираль обогрева может сгореть, а позже, то обледенеет.

– Теперь ясно, что из-за какой-то трубочки могут погибнуть пассажиры.

– Про ту трубочку прописаны правила и летчиков обучают, чтобы вовремя включали все тумблеры.

– Но они живые люди, которым свойственно ошибаться. Правильно, что предложили конструкторам подумать, как напомнить экипажу об ошибке.

– Да ты на глазах растешь! Но в правилах предусмотрено, что включает тумблер штурман. Он докладывает, а второй пилот контролирует. Но он ушами хлопнул, а потом допустил ошибку в пилотировании, которую не сразу распознал командир, потому что отвлекся. Именно накладка ошибок одна на другую и приводит к катастрофе. Им повезло, что хватило высоты для выхода их пике, и самолет выдержал перегрузки. Теперь все понятно?

– Предельно, – улыбнулся Лукин и вернулся к папке со сводками.

Далее шла серия авиапроисшествий с самолетами средней дальности полетов Ту-134.

Воскресным вечером 22 июня, уже в сумерках, самолет Ту-134 начал разбег по взлетной полосе Пензенского аэропорта на Симферополь. Спустя 38 секунд с начала разбега при скорости 230 км/ч загорелись табло «Неисправность двигателя». Бортмеханик доложил командиру, который взял управление на себя и принял решение прекратить взлет, так как скорость позволяла. Он перевел взлетный режим на малый газ и включил реверс, но скорость к тому времени выросла на двадцать километров, а до конца взлетной полосы оставалось 400 метров. Командир отвернул влево, и самолет помчался по пересеченной местности, где попал в яму. Самолет получил значительные повреждения, семь пассажиров были ранены, а один скончался от сердечного приступа.

19 октября 1986 года в авиационной катастрофе погиб Президент Народной Республики Мозамбик Самора Машел. Президент и сопровождающие его люди погибли

на самолете Ту-134А-3, пилотируемом советским экипажем. Для оказания помощи Мозамбику в расследовании авиакатастрофы была направлена специальная комиссия из авторитетных работников Министерств и Госавианадзора СССР.

– Сергей, а кто из наших летал в Мозамбик?

– Председателем комиссии назначили начальника Летного управления Ивана Васильевича Донцова. Они еще в Африке, а когда прилетят, я познакомлю тебя с ним. Без Ивана Васильевича я не готов обсуждать эту катастрофу. Там больше политики…

– Понятно, – сказал Лукин.

20 октября 1986 года самолет Ту-134А совершал рейс по маршруту Свердловск – Грозный, а в 16 часов при промежуточной посадке в аэропорту города Куйбышева произошла катастрофа. Комиссии стало известно о споре командира воздушного судна с экипажем, что он посадит самолет по приборам, вслепую. Никто из членов экипажа не остановил его. При посадке у самолета была слишком большая вертикальная и горизонтальная скорости, от удара подломились стойки шасси и он перевернулся. Фюзеляж самолета переломился надвое, из разрушенных топливных баков вылилось и загорелось топливо. Погибли 70 пассажиров и членов экипажа.

– Сергей, как же экипаж на ровном месте допустил катастрофу в Куйбышеве?

– Там преступление налицо, но нашей задачей является установление причины, а уголовное дело возбуждает генеральная прокуратура по нашим материалам, которые теперь будешь передавать ты.

– Недалеко я ушел от своей профессии, – улыбнулся Лукин.

12 декабря 1986 года самолет Ту-134 выполнял рейс из Минска в Берлин, но из-за сильного тумана в столице ГДР экипаж совершил посадку на запасном аэродроме в Праге, а когда в берлинском аэропорту Шенефельд погода улучшилась, вылетел к месту назначения. На подходе к Берлину небо опять затянуто кучевыми облаками с туманом. Дул боковой юго-восточный ветер. Диспетчер передал экипажу, что они первые в очереди на посадку и разрешил заход с прямой на левую полосу. Заход был выполнен без замечаний, но тут диспетчер включил с целью проверки посадочные огни на правой полосе, которая была закрыта на ремонт, о чем предупредил экипаж на английском языке. Бортрадист белорусского самолета неверно понял информацию и воспринял доклад диспетчера как указание осуществлять посадку на правую полосу. Диспетчер увидел их маневр на радаре и попытался уточнить, что правая полоса закрыта на ремонт, а огни включены лишь для проверки, но из-за переговоров членов экипажа между собой, его не расслышали. Ту-134 отвернул вправо и пропал с экрана, а диспетчер передал: «Аэрофлот 892, вам заходить на 25 левую». Экипаж подтвердил получение информации, после чего командир экипажа дал команду: «Переставь назад», но скорость полета упала до 263 км/ч, а вертикальная скорость снижения возросла до 7 метров в секунду. В трех километрах от торца левой полосы самолет в непосадочном положении с убранными шасси и невыпущенными полностью закрылками зацепил верхушки деревьев леса, врезался в землю и загорелся. Из 84 пассажиров и членов экипажа только 10 человек остались в живых.

По Госавианадзору прошла информация о возвращении из Африки начальника Летного управления Донцова,

уполномоченного СССР по расследованию катастрофы с президентом Мозамбика. Расследование проводилось авиационной администрацией Южно-Африканской Республики, как государством, на территории которого упал самолет.

Сергей заглянул в кабинет Лукина, который продолжал изучать материалы по расследованию авиационных происшествий.

– Пойдем, я тебя познакомлю с настоящим летным ассом, Иваном Васильевичем. Тебе придется с ним летать на расследования по особо запутанным катастрофам, – предложил Сергей.

– Сергей, а удобно? Он только прилетел из Африки, и, наверное, дел и без нас хватает.

– Я ему звонил. Он уже доложил руководству о результатах расследования и может с нами пообщаться.

Они с Сергеем поднялись на четвертый этаж. Часть кабинетов занимали сотрудники Госавиарегистра, а в остальных расположились военные и летчики гражданской авиации, да специалисты из Управления воздушным движением.

Донцов с улыбкой встретил молодых расследователей.

– Иван Васильевич, хочу тебя познакомить с Виктором Павловичем. Он направлен к нам из МВД для участия в расследованиях авиационных происшествий.

– Очень приятно. Жаль, что раньше не назначили. Могли бы вместе в Африку слетать. А чем занимались в милиции? – поинтересовался Иван Васильевич.

– Я, Иван Васильевич, более пятнадцати лет проработал в уголовном розыске. Ловил жуликов разных мастей.

– Виктор скромничает. Он раньше был начальником уголовного розыска в центре Москвы, – дополнил Сергей.

– Если я не ошибаюсь, то в работе уголовного розыска есть тоже много романтики, как и у летчиков. А не страшен был такой резкий поворот в судьбе – из сыщиков окунуться в летную работу?

– Нет, Иван Васильевич, все расследования чем-то похожи. Только в уголовных делах я доказывал вину преступникам, а при авиационных происшествиях будем вместе выяснять причины катастроф и предупреждать их. Я считаю, что это более благородное занятие.

– Да, в этом ты прав, наша миссия благородная.

– Иван Васильевич, расскажи нам о катастрофе в Африке? Политика нас не интересует. Только причина… – попросил Сергей.

– Нет, Сережа, в данном случае политика и может пролить свет на причину катастрофы, – предположил Лукин.

– Да, здесь сыщик в чем-то прав, но причина все равно отдельна от политики. У нас есть борт самолета, экипаж и диспетчеры, а среди их действий и исправности техники зарыта причина катастрофы. Коротенько я могу вам рассказать о ней, если интересно?

– Еще бы, расскажи, Иван Васильевич, – попросил Сергей.

Донцов вылетал в Африку уполномоченным представителем государства – изготовителя самолета, потерпевшего катастрофу, еще подчиняясь Министерству гражданской авиации, а сегодня докладывал результаты расследования уже руководству Госавианадзора Совмина СССР.

– Пока есть время, я расскажу вам, как все происходило на самом деле, но это между нами. Комиссия не сделала пока окончательного вывода причины катастрофы, и мы еще вернемся в Африку. Договорились?

– Иван Васильевич, мы только с тобой можем обсудить возникшие вопросы.

– Ну, хорошо. 19 октября, возвращаясь из Замбии, президент Мозамбика Самора Машел и 33 сотрудника из его свиты до Мапуту не долетели. Его личный самолет Ту-134 нашего производства и пилотируемый нашим экипажем вскоре после взлета неожиданно сбился с курса, потерял управление и врезался в гору на территории ЮАР. Сразу же появились бредовые версии катастрофы. Наш экипаж обвинили в непрофессиональных действиях. Якобы летчики были пьяными. Грешили и на сложные погодные условия. Самолет не был оборудован прибором, предупреждающим об опасном сближении с землей. Наконец, другая сторона дошла до версии о несогласованности действий экипажа и диспетчеров, когда наши летчики отвернули от курса, ориентируясь на ложный сигнал мощного радиомаяка установленного за горой, в которую они и врезались. А это уже диверсия. Она и осталась рабочей версией в расследовании. Тогда мы спросили министра иностранных дел ЮАР Фредерика Боту, для чего ему понадобилось чудовищное нагромождение несостоятельных версий? Министр, не моргнув, ответил: «Чтобы отразить обвинения, предъявляемые нашей стране». Министр лукавил, а бредовыми версиями он выводил из-под удара спецназ ЮАР, который выполнил свою задачу с ложным радиомаяком. Самора Машел считался большим другом СССР. Официальное же заключение нашей комиссии звучит, что самолет Президента был сбит с курса ложным радиомаяком, установленным на территории ЮАР. Однако маяка никто не нашел и тех, кто его устанавливал, никто не видел. Косвенные подтверждения были, но не более.

Иван Васильевич прикурил очередную сигарету и за-

думчиво выпустил дым.

– Иван Васильевич, неужели не осталось никаких доказательств?

– Расследование проходило в Африке и у нас были ограниченные возможности по сбору доказательств. Оставшиеся чудом в живых видели, что по еще дымящимся обломкам самолета ходили какие-то люди. Они что-то искали. Рылись в разбросанных документах. Они, как призраки в полувоенной форме, не оказывали помощь пострадавшим, а решали какую-то свою задачу. О них никто ничего больше не слышал. Это бред, сообщили власти ЮАР. Никаких людей не было и это «глюки» травмированных людей. Остался в живых один член экипажа, бортинженер Владимир Новоселов. Его показания четки и недвусмысленны, но только до момента столкновения с горой. После катастрофы и лечения в ЮАР, где советского летчика навещал Бота, его рассказы стали сбивчивыми. Было много разговоров, что на расстоянии 150 метров от точки, где самолет врезался в гору, были обнаружены следы военного лагеря. Объяснений по этому поводу ЮАР не дала. Больше того, ЮАР незадолго до катастрофы объявило тот район военно-оперативной зоной. Попасть туда было практически невозможно. Догадки строить можно и версий – сколько угодно.

– Да, не обошлось здесь без большой политики. Жаль наших ребят, что погибли в результате африканских разборок.

– И при всем при этом нельзя не сказать об ошибках экипажа. Послушайте мнение старого асса. Самолет был исправен, и у экипажа была возможность уйти от той ловушки с ложным маяком. Они поняли, что сбились с курса, но на самолете Ту-134 есть возможность определения ме-

стонахождения самолета несколькими совершенно независимыми способами. Функцией штурмана является обязательный контроль одного способа выдерживания заданной линии пути другими способами. В том полете штурман свои функциональные обязанности не выполнял, а командир его не контролировал. Еще раз повторяю, что ничем не подтверждена версия о диверсии. Вся эта версия с «ложным маяком» очень похожа на «отмазку» в рамках расследования силами гражданской авиации. Экипаж к полету не готовился и выполнял его с грубейшими нарушениями, а злобные враги устроили диверсию, и вот потому произошла катастрофа... Включение ложного маяка на одной частоте с аэродромным маяком обязательно привело бы к неустойчивым показаниям азимута! Тогда штурман обязан был бы немедленно уточнить место самолета дублирующими способами.

– Иван Васильевич, а кто проводил расшифровку средств объективного контроля?

– Наша новая лаборатория под руководством Владимира Кофмана. Грамотный специалист. Так вот они расшифровали записи «черного ящика», бортового магнитофона «МАРС-БМ» и переговоры борта самолета с диспетчером аэропорта Мапуту.

Сделали вывод, что полет самолета от Замбии до контрольного маяка на север западной границы Мозамбика протекал нормально. Самолет летел на автопилоте. Никаких неисправностей не зарегистрировано. При подлете к северной границе Мозамбика в 18.46 бортрадист передал: «Добрый вечер, Мапуту». Пролетая маяк Курла, находящийся на расстоянии по прямой 440 км от аэропорта Мапуту, бортрадист передал в 18 часов 48 минут: «Мы прошли Курла, расчетное время прибытия Мапуту –

19.25». В 19.02 сообщили, что готовы к снижению. Эти передачи свидетельствуют, что на борту самолета все было нормально и все системы самолета работали. Следуя прямо на маяк аэропорта Мапуту под автопилотом, самолет должен был прибыть туда через двадцать минут. Экипаж должен был знать, что на протяжении прямого полета, при снижении до высоты круга (474 м) никаких сигналов от маяков, требующих изменения маршрута полета, быть не может. Курсовая система автопилота в случае отсутствия сигналов маяка должна была привести самолет в пункт назначения с точностью до пяти километров. Это, если экипаж ничего не будет делать. При наличии сигналов маяка самолет должен был следовать курсом на маяк с момента захвата сигнала на расстоянии минимум 280 км от Мапуту и выйти точно на аэропорт. В случае работы наземного маяка самолет должен был автоматически войти в глиссаду и произвести нормальную посадку под управлением имеющейся на борту аппаратуры и правильными действиями экипажа после 30-ти метровой высоты принятия решения.

Так должен был действовать экипаж, но в 19 часов 11 минут штурман, без доклада командиру, изменил курс полета в сторону холмистой местности. Командир этого не ожидал. Последовала его реакция: «Что за виражи? Не мог напрямую?». На это штурман ответил: «Маяк туда показывает». В дальнейшем никаких действий не последовало. Вот здесь и были совершены грубейшие ошибки экипажа, занятого не пилотированием самолета, а посторонними разговорами. Штурман выполнил доворот на 10 минут раньше и на его ошибку экипаж не обратил внимания. После разворота на другой курс самолет на всем протяжении полета до удара о возвышенность точно

выдерживал заданный штурманом курс. Полет продолжался более 10 минут, самолет пролетел около 100 км. На том протяжении участка полета бортрадист вел переговоры с диспетчером аэропорта Мапуту по заходу на посадку, но не согласовал их с командиром. Командир и второй пилот выполняли, как им казалось, прямой заход на посадку.

Запись слов командира в 19 часов 20 минут 12 секунд: «Какой правый? Подожди, подожди, на 25». В 32 секунды второй пилот говорит: «Мы сходу будем садиться». И тут же командир: «Сходу садимся». С 21 минуты 1 секунды по 32 секунду непрерывно срабатывает сигнал системы сигнализации опасного сближения с землей, но командир реагирует: «Во зараза!» и увеличивает скорость снижения с 2,6 м/с до 3 м/с навстречу гибели. Штурман все это время докладывал удаление до мнимого аэропорта, чем совершенно путал командира и второго пилота: «25-30 км… Где-то 18-20 км осталось».

Бортовые средства радиосвязи на протяжении всего полета работали нормально. Практически, связь борта с диспетчером Мапуту поддерживалась до момента удара самолета о землю.

В 19 часов 18 минут сработал маяк ДМЕ, что свидетельствовало о полной потере экипажем ориентации. Экипаж не знал, где он находится. Самолет летел параллельно курсу аэропорта Мапуту на расстоянии 50 км. Показание прибора в данном случае подсказывало экипажу, что он двигается параллельно взлетно-посадочной полосе и маяк ДМЕ находится сбоку. В этом случае показания прибора очень характерны и грамотный экипаж определил бы точно, что идет не на маяк, а параллельным курсом. Вот такие результаты расследования.

– Теперь я понимаю, почему создали нашу независимую комиссию. Иначе расследование этой катастрофы закончилось бы выводами о ложном маяке и диверсией, – сказал Виктор.

– Так ложный маяк все-таки был? – решил уточнить Сергей.

– Судя по действиям штурмана, был. Если ему он не приснился, потому что других подтверждений нет. Но он не должен был стать причиной катастрофы. Одна ошибка легла на другую и так по цепочке привела к катастрофе. А теперь пора работать. Как-нибудь на «яме» обсудим политические вопросы, – подвел итоги Иван Васильевич.

Лукина на данном этапе интересовало все. Он вспомнил лекции по аэродинамике и про подъемную силу (ему не дали продолжить учебу на четвертом курсе МАИ, когда в райкоме партии предложили работу в уголовном розыске). Казалось, все было понятно. Но когда он подходил к многотонному самолету, то возникал вопрос, как же эта штука летает? А теперь ему предстояло выяснять, почему самолеты падают? Иван Васильевич еще раз подтвердил формулу о стечении нескольких отрицательных обстоятельств в одно время, которые и приводят к катастрофе.

С Сергеем они спустились в управление расследований.

– Сергей, а ты летал на расследование за границу?

– Пока не приходилось, но все возможно. И тебе тоже предстоит, да гораздо реальнее, чем другим. У нас в отделе много специалистов, а ты один из МВД с такими обязанностями, поэтому чаще нас будешь летать на «ямы». Не хотелось бы, но что поделаешь. Самолеты не только летают, но иногда и падают. Не всегда с трагическими по-

следствиями, но иногда в простой аварии заложены далеко идущие последствия, которые надо вовремя устранить. Раньше в системе МГА на эти вещи не обратили бы должного внимания из-за выполнения плана, а теперь мы не должны упускать даже мелочей, влияющих на безопасность полетов.

– Да, перспективу ты мне нарисовал, – посетовал Лукин. Но сам он был готов улететь из дома хоть к черту на рога.

– К сожалению, катастрофы случаются помимо нашего желания. Скоро Новый год, давай сменим тему. У нас в буфете можно приобрести что-нибудь вкусненькое к столу. Правда, спиртного не бывает.

– Если только в этом проблема, то ее можно решить.

– Наш начальник управления расследований Алексей Куцков сейчас в Ташкенте на расследовании катастрофы с ЯК-40. Пойдем к дежурному, получим мультитоны и отъедем по хозяйственным вопросам.

– Мультитоны, как в скорой медпомощи?

– Да, только шифры у нас другие. Например, прибыть в аэропорт Домодедово или быть готовым к вылету через два часа. Пойдем, пообедаем в нашем буфете.

Обстановка буфета со сверкающим блеском мраморного пола и стеклянными прилавками с хорошим выбором салатов и блюд напомнили ему столовую Академии общественных наук ЦК КПСС, а проще Высшую школу КПСС на Миусской площади, в которую у него был пропуск и он иногда обедал в уже построенном для узкого круга коммунизме. Те же белоснежные скатерти с нарезанным хлебом в хрустальных вазах на столах, и, конечно, с горчицей, оливковым маслом, солью и перцем. Снабжение этих пунктов общественного питания осуществлялись с одних

и тех же закрытых для других граждан продуктовых баз, потому цены были примерно одинаковыми или немного ниже, чем в заводских столовых, но качество – не сравнить. Комплексный обед за 1 рубль включал в себя на выбор холодную закуску из ветчины с хреном, кеты слабосоленой, севрюги или белужьего бока горячего копчения, салата из помидор и огурцов со сметаной, говяжьего языка с хреном, а также салаты из зеленой редьки, свеклы с чесноком, из квашеной капусты, маринованных моховиков или баклажанной икры. Супы были представлены борщом, рыбной солянкой и гороховым супом с копченой грудинкой, а горячие блюда – филе окуня, запеченного с луком и майонезом, мясными тефтелями в томатном соусе, тушеной бараниной с фасолью, свиным шницелем.

– Ну, как нас кормят? – спросил Сергей после обеда.

– Неплохо, но таким меню я пользуюсь в столовой Высшей партийной школы. И продукты, которые можно купить для дома отличного качества. Только они не тянут по ценам на спецпайки для партийной номенклатуры, – сказал Лукин.

– Да, цены чуть выше магазинных с учетом буфетной наценки.

– В том-то все и дело, что у них сохранились цены с 30-х годов, когда они были утверждены Постановлением Совнаркома СССР и с тех пор не менялись при всех денежных реформах.

– Да они могут и бесплатно получать пайки.

– Такого в их документах не прописано, а недельные пайки узаконены, правда, забыли цены поправить, но это формальности.

– Интересно, чем же их кормят?

– Я несколько раз бывал на даче члена Политбюро Ку-

лакова. Его сын Валерий был руководителем в ОВИРе МВД СССР, а мой начальник вместе с ним учился и брал меня с собой в гости. Мы выпивали в Москве, а потом продолжали банкет на даче Политбюро по Дмитровскому шоссе, но в доме не было ни капли спиртного, и Валерий вызывал сотрудников из 9-го управления КГБ, которые не только охраняли дачу, но и развозили пайки по холодильникам. Он отдавал им батоны сырокопченой колбасы, осетровые балыки с просьбой обменять на спиртное. В пайках на неделю привозили три килограмма мяса, пару батонов колбасы, 4 кг свежей рыбы и 2 кг в балыках кеты и осетров, столько же сельди, полкило красной и триста граммов черной икры, по килограмму сыра и сливочного масла, мука, яйца, крупа и чай с кофе. Все лишнее можно было поменять на другие продукты и в магазин не ходить, да там и не было многих продуктов. Хрущев обещал, что наше поколение будет жить при коммунизме. А у них он настал сразу в 1917 году, когда Ленин распределил все блага среди кучки так называемых революционеров, – грустно улыбнулся Лукин.

– Виктор, ты нормальный МВДешник, но в нашу структуру скоро придет заместитель по режиму в лице действующего генерала КГБ, и секретный отдел возглавит его коллега в чине полковника. Мы-то с тобой окопники, с «ямы» на «яму», а вот с другими я бы такие разговоры не вел.

– Сергей, я вполне взрослый и разбираюсь в людях, а пока народ не пришел из ЧК, то можно не опасаться прослушек.

– А ты думаешь, что они поставят?

– Несомненно. Чем им еще заниматься? И расследователи катастроф для них интересные носители информа-

ции, – улыбнулся Виктор. – Поехали в Столешников переулок по моим родным местам.

По Столешникову переулку змейкой вилась «петля Горбачева» – огромная очередь в винный магазин за водкой. Немного меньше была очередь напротив, в магазин «Алмаз» за золотом и бриллиантами. Такая же очередь стояла в небольшой магазин за пирожными. Было впечатление, что народ больше ничего в жизни не интересовало. С очередями за водкой было все понятно, такое время наступило. За пирожными народ всегда стоял в Столешниковом переулке. Мимо магазина невозможно было пройти из-за вкусных запахов, которые доносились по переулку. А вот вкус золота и бриллиантов народ распробовал недавно. На них цены росли каждые три месяца и приобретенные в магазине «Алмаз» драгоценные камушки поднимались в цене в два раза при выходе из магазина. Стоимость места в очереди приравнивалась к средней месячной зарплате в 120 рублей. Лукин знал директора «Алмаза», но сейчас перед ними стояла более простая задача – купить без очереди спиртного к Новому году. Его «Жигули» нырнули в арку рядом с магазином «Вино» и остановились у заднего входа, откуда вышел милиционер.

– Здравия желаю, товарищ начальник. Нужна помощь? – спросил он.

– Как служба на винных погребах, водка свежая? – улыбнулся Лукин. – Заведующая Надежда на месте?

– Да, у себя, а водки только что две машины завезли.

– Нам с коллегой нужна коробка водки и коробка шампанского. Лучше крымское из Нового Света. Вот тебе деньги, пусть работяги положат в багажник, а я пока развернусь. Надежде привет.

Через несколько минут операция была успешно завер-

шена и коробки стояли в багажнике.

– Неплохо живут начальники уголовного розыска, – улыбнулся Сергей.

– Небольшие радости от работы на «земле». В МВД работа поспокойней, но с такими просьбами они приезжают к нам.

– И в магазине «Алмаз» можно приобрести что-нибудь?

– Можно, но не так часто, иначе продадут руководству. В «Алмазе» все «брюлики» расписаны между своими, потому они не любят, когда к ним часто в карман залезают.

– Понятно, водки для милиции не жалко, а золотишком делиться не хотят, – улыбнулся Сергей.

Прогноз Сергея о командировке Лукина сбылся гораздо раньше, чем он ожидал. Правда, командировка была не за границу, а в Узбекистан. По расстоянию это было как до Парижа, но по содержанию «немного» отличалось.

«К чему бы опять эти сравнения?», – подумал про себя Лукин.

Он вспомнил, что всего лишь полгода назад был в Узбекистане. Просто так, потому что захотелось во время отпуска еще раз прогуляться по душным улочкам Самарканда, встретиться с друзьями и под плов выпить араки. Потом в Москве он встретился с парижанкой Лаурой, которая побывала в Самарканде, но спустя два дня после него. Потом разразился скандал с сотрудниками КГБ, которые обвинили его в связях с Лаурой, и якобы их встреча была запланирована заранее. Никакой связи они не могли доказать, но Лукину пришлось после скандала совершить восемь кульбитов в воздухе и оказаться теперь здесь.

Теперь ему предложили помочь комиссии и вылететь в Ташкент, где в аэропорту недавно потерпел катастрофу самолет ЯК-40. Он на взлете, как выразился юрист, визировавший приказ о командировке Лукина, попал в «смутный» след и упал.

– Может быть, в спутный след, а не смутный? – улыбнулся Лукин.

– А какая разница?

– Я еще толком сам не знаю. Вот вернусь, расскажу.

В Ташкенте работал в составе бригады Генеральной прокуратуры по «узбекскому делу» его друг Нарзулло из Самарканда. В командировку они вылетали на две недели для подведения итогов расследования той катастрофы вместе с начальником управления расследований Алексеем Куцковым. Дежурный по Госавианадзору СССР вручил Лукину конверт с командировочным удостоверением и проездным талоном. Талон этот был похож на проездной билет в городском автобусе, но только с ним можно было сесть на любой рейс самолета. В конверте также были наличные деньги под отчет после командировки. Такие конверты хранили у дежурного, потому что вылеты в командировку случались и ночью, а бухгалтера по ночам спали дома. Лукину выдали также приказ о назначении его начальником штаба в Государственную комиссию. Все было по-взрослому.

– Вы где живете? – поинтересовался Алексей Алексеевич.

– Около Белорусского вокзала. На углу с Лесной улицей.

– Это хорошо, а я на Соколе. Рано утром вылетаем в Ташкент из Домодедово. Машина заедет за мной, а потом мы вас заберем. Я позвоню из машины, как тронемся.

Лукин сам занимался получением разрешения на установку радиотелефона на дежурную машину РАФ управления расследований. Такие телефоны ставили только министрам. Их «рафик» уже знали в аэропорту Домодедово и пропустили на летное поле. Погода опять била рекорды, но на сей раз тридцати пятиградусные морозы накрыли сначала северную столицу, а теперь добрались до Москвы. На летном поле было холодно, как в Якутии. Их автомобиль подрулил к депутатской комнате, где их встретила миловидная девушка. За стойкой регистрации пассажиров стояла девушка еще краше первой, а про барменшу и говорить нечего. Их сюда точно подбирали на конкурсах красоты. Пассажиров было еще двое, кроме них. Не понятно было, почему ее называли «комнатой депутатов Верховного Совета СССР», а не VIP-залом с мягкой мебелью, ковровыми дорожками. Депутатская комната в Домодедово расположилась в отдельном здании и больше напоминала мини аэропорт со всей инфраструктурой для приема и отправки VIP-пассажиров. Лукину стало жаль пассажиров, которые толпились на морозе у трапа самолета, ожидая посадки.

Его иногда встречали у трапа самолета, когда он возвращался из командировок с задержанными преступниками. Они садились в машину у трапа и катили в отделение милиции. А, вот с депутатской комнатой он столкнулся впервые. Удобно, слов нет, и девчонки-красавицы так и щебечут вокруг. Не хотите ли это или то, а может быть вот еще и это? Но времени было в обрез. Они протянули свои удостоверения и проездные документы. Об отсутствии мест не могло быть и речи. До последних минут вылета самолета держалась бронь ЦК КПСС, из которой им и оформили билеты в салон первого класса. Приятно было

почувствовать себя в роли «слуги народа».

Только недавно он летал обычным пассажиром. Нужно было прибыть в аэропорт за полтора-два часа до вылета, чтобы маяться в очередях на регистрацию и контроль. Здесь же можно позволить себе приехать за 30 минут до отправки рейса. На все формальности уходит 10 минут. При этом девушка забирает документы и сама проводит регистрацию на рейс, оформляет багаж. К трапу самолета «особо важные персоны» доставляются специальным микроавтобусом до посадки других пассажиров. То же самое происходит во время прилета. Диспетчер встречает их у трапа. Доставку багажа носильщик осуществляет к автомобилю. А за время, оставшееся до вылета, можно почитать свежую прессу, и посмотреть телевизор, сидя в мягком кресле под прохладным кондиционером. Можно посидеть в баре, но за отдельную плату, выпить диковинных спиртных напитков перед вылетом. Здесь нет запретов. Обычным гражданам в целях безопасности полетов запрещено употреблять спиртное, но из депутатской комнаты вылетают проверенные чиновники. Здесь же стоят городские телефоны, и даже душевые кабины для тех, кто «запарился» на работе. И кто от такого сервиса откажется? Кто будет приезжать впритык к вылету самолета, когда здесь можно помыться и пообедать перед вылетом, а после душа принять сто грамм. Но они с Алексеем Алексеевичем вели себя более чем скромно и почти от всех услуг отказались. А так заманчиво краснела икра, положенная толстым слоем на масло с белым хлебушком. Лосось обливался рыбьим жирком. Коньяки на любой вкус. Лукин знал, что все эти продукты особого качества – для «слуг народа». Никакого сравнения с теми продуктами и напитками, что продаются в обычных магазинах. А они с началь-

ником Управления расследований еще и стеснялись друг друга, хотя Лукин не был его прямым подчиненным сотрудником.

И все-таки они решили проблему – поодиночке подошли к стойке бара, пропустив по сотке армянского коньяка под икорку. Сразу жить стало интереснее. Лукин вальяжно откинулся в кресле в ожидании объявления о посадке в самолет.

Конечно же, он обо всем этом слышал из рассказов тестя и его коллег по партийной номенклатуре: «Партийный руководитель должен спокойно жить, работать и отдыхать, наслаждаясь всеми благами, не соприкасаясь с народом».

Они получали проездные билеты в своих кабинетах, которые доставляли им сотрудники со Старой площади из сектора транспортного обслуживания Управления делами ЦК. Во всех самолетах, поездах и гостиницах резервируется бронь ЦК на случай, если вдруг «слуги» пожелают отправиться в поездку. Пускаются такие места в продажу не раньше, чем за полчаса до отхода поезда, или вылета самолета, которые всегда переполнены. Черная «Волга» привезет «слугу народа» на вокзал или в аэропорт в «комнату депутатов». Милые девушки со стройными ножками, цокая шпильками по асфальту, проводят пассажира за несколько минут до посадки, чтобы тот не встретился с народом. При посадке самолета сначала подкатят трап, и он сойдет на пустое летное поле, встреченный местным руководством, а потом уже выпустят остальных пассажиров.

Лукин знал о существовании 235-го авиаотряда специального назначения в особом аэропорту Внуково-2 по обслуживанию руководителей страны. Если советские

министры летают рейсовыми самолетами, занимая в одиночку весь салон первого класса, то члены Политбюро летают на персональных самолетах ИЛ-62 или ТУ-134 и никого, кроме экипажа и охраны, в самолете нет.

С Лукиным сейчас все происходило почти по тому же сценарию. Красавица пригласила их в машину, подвезла к трапу, и проводила в первый салон самолета. Других пассажиров на летном поле не было.

«Да, правильно говорят, что к хорошему быстро привыкаешь», – подумал про себя Лукин и плюхнулся в кресло почти пустого первого салона самолета.

Алексей Алексеевич вручил Лукину акт расследования.

– Вот, пока изучай, чем будешь заниматься. На тебя ложится организация взаимодействия всех министерств и ведомств по расследованию авиационных происшествий. В Ташкенте проведем совещание, разберем обстоятельства катастрофы и объявим заключение нашей комиссии. После соберешь все документы по работе подкомиссий и экспертизы. Сам все проверишь, чтобы наши выводы соответствовали документам. Если что упустили в работе, то проведешь дополнительную проверку и передашь материалы в Генеральную прокуратуру. Я после совещания улечу в Москву, а ты останешься вместо меня. Местные коллеги тебе помогут и вся комиссия в твоем распоряжении. Самостоятельно ты быстрее войдешь в курс дела.

Алексей Алексеевич откинул кресло и расслабился. Лукин заметил, что он немногословен, как и другие руководители высокого ранга, но ему хотелось узнать немного о своем начальнике. Он кое-что слышал о его споре со школьником США, когда Алексей в год запуска первого спутника земли обошел в знаниях американского школьника, а после учебы попал в отряд космонавтов.

В первом салоне было еще трое пассажиров, и Лукин пересел на свободный ряд у окошка, за которым только занимался рассвет. Он открыл папку с актом расследования и прочитал: «16 января 1987 года в простых метеоусловиях при взлете на аэродроме Ташкент-Южный потерпел катастрофу самолет ЯК-40 Узбекского управления гражданской авиации. Экипаж выполнял почтово-пассажирский рейс по маршруту Ташкент – Шахрисябз. На борту самолета находилось 5 пассажиров, 1200 кг почты и 35 кг ручной клади. Взлетная масса и центровка не выходили за установленные пределы. Загрузка самолета была закончена лишь в 6 часов утра, а вылет самолета по расписанию был в 05:55. Спеша с вылетом, экипаж провел запуск самолета и все необходимые технологические операции за полторы минуты вместо положенных пяти. В 06:09 с ВПП начал разгон от рулежной дорожки самолет Ил-76ТД и вскоре оторвался от полосы. Почти сразу в 06:09:47 экипаж Як-40 связался с диспетчером и запросил разрешение на занятие исполнительного старта. После получения разрешения самолет выехал на полосу и экипаж не стал останавливаться, а сразу установил ручку управления двигателем на взлетный режим. В 06:10:56 самолет при скорости 195 км/ч оторвался от земли и убрал шасси. Разгон по полосе и начало взлета прошли нормально, но в 06:11:04 при скорости 230 км/ч и в 15-20 метрах над землей самолет неожиданно начал быстро входить в левый крен. Экипаж попытался исправить ситуацию, но крен продолжал быстро расти, а самолет начало уводить влево. Всего через несколько секунд, в 06:11:10 при положении крыльев близком к вертикальному, самолет при скорости 255 км/ч ударился о землю левым крылом, а через 5 секунд в землю врезался фюзеляж, после чего самолет разрушился

и взорвался. Погибли 5 членов экипажа и 4 пассажира. Як-40 взлетал за Ил-76 с интервалом всего 1 минуту 15 секунд. При расследовании причины катастрофы комиссией был сделан вывод, что такое поведение самолета Як-40 можно объяснить лишь попаданием в спутную струю от гораздо более тяжелого Ил-76. Катастрофа самолета ЯК-40 произошла в результате воздействия на него мощного внешнего возмущения от спутного следа самолета ИЛ-76».

– Алексей Алексеевич, в акте комиссия ссылается на «спутный след». Теоретически я понимаю, что это такое, но какой силой он обладает и чем измеряется? – спросил Лукин.

– Безопасные интервалы следования самолетов друг за другом были известны, по крайней мере, за 6 лет до этого авиационного происшествия в Ташкенте. Однако оно не было предотвращено, потому что до диспетчеров УВД и летных экипажей не были доведены значения этих интервалов в приказе. Так неповоротливость чиновников привела к очередной катастрофе, но это дело прокуратуры. Наше дело – установить причину и принять меры к недопущению подобных ситуаций. До данного авиационного происшествия в гражданской авиации не были установлены научно обоснованные временные интервалы между взлетами воздушных судов 3-го класса, таких как этот ЯК-40, и воздушными судами 1-го и 2-го класса, исключающих опасное воздействие спутного следа. В данном случае ЯК-40 мог взлетать за ИЛ-76 не ранее, чем через три минуты, так как от крыльев самолета в воздухе сохраняются за ним мощные завихрения, которые и бросили самолет на землю. У него не было шансов взлететь. Было научно доказано многими испытаниями и создана таблица для взлета каждого самолета по времени и удалению от взлета большого

самолета. Об такой опасности известно давно. Еще со времен гибели первого космонавта Гагарина.

– Алексей Алексеевич, я слышал, что вы были в отряде космонавтов, и наверняка знаете причину катастрофы с самолетом Гагарина и Серегина. Для граждан это осталось тайной.

– Да, и мое пребывание в отряде космонавтов тоже было засекречено. Интересно, откуда у вас такие сведения? Из МВД или КГБ?

– Алексей Алексеевич, МВД такими сведениями не располагает, а с местными коллегами из КГБ я еще не общался.

– Я не на многие обстоятельства катастрофы с самолетом Гагарина могу пролить свет. В одной из версий рассматривался вопрос о попадании самолета в спутный след самолета, летящего впереди. Но это только теоретически, так как полет другого самолета в непосредственной близости не был зафиксирован. В работе комиссии по расследованию той катастрофы я не принимал, но знаю некоторые обстоятельства. Доложив руководителю полетов о выполнении задания и получив его разрешение на возвращение, Гагарин стал делать разворот с курса с небольшим снижением между двумя мощными слоями облаков при отсутствии видимости естественного горизонта. Попав в вихревой след за летящим впереди МиГ-15, его самолет испытал воздействие сильного аэродинамического момента, сваливание на крыло и переход в штопор.

Моделированием установлено, что в результате воздействия спутного вихревого следа происходит резкое увеличение угла атаки, сваливание самолета на крыло и переход его в штопор.

Гагарин и Серегин быстро и грамотно среагировали на

опасную ситуацию, вызванную неожиданностью сближения самолетов, возможно даже предотвратив их столкновение. Несмотря на отсутствие видимости естественного горизонта, неустойчивый характер приборных показаний, они умело вывели истребитель из штопора. Затем сделали все от них зависящее для попытки перевода его из крутого пикирования в горизонтальный полет, чтобы спасти себя и самолет. Однако им не хватило примерно двух секунд или 250-300 м высоты. Так говорили специалисты, но летчики-испытатели утверждают, что при выполнении группового пилотажа строем, когда ромб из четырех и девяти истребителей, летчики попадали в спутную струю. В этом случае нарушался строй, но ни один самолет в штопор никогда не входил. Нет в том расследовании достаточных сведений, чтобы сделать окончательные выводы с учетом всех высказанных версий. Многое было упущено в начале расследования.

Алексей Алексеевич вновь прикрыл глаза и отдыхал, а может быть Лукин вернул его к воспоминаниям. Ему было, что вспомнить. Школу Алексей окончил с серебряной медалью. В Московский авиационно-технический институт на факультет авиационных приборов он поступил при конкурсе 17 человек на место. Авиация была его хобби. Еще в школе, когда я строил модели самолетов.

В этом они с Лукиным были схожи в молодости, впрочем, как и многие другие мальчишки, мечтающие о небе и самолетах.

После окончания МАТИ его распределили на работу в Шереметьево, где тогда находилась авиационно-техническая база полярной авиации. В 26 лет он уже был заместителем главного инженера базы и летал на Северный полюс. Там он был отобран на подготовку к космическому

полету в отряд космонавтов. Но через год, после гибели космического экипажа Добровольский – Волков – Пацаев, когда их спускаемый аппарат разгерметизировался во время возвращения на Землю, дело с полетами в космос затормозилось. Алексей Алексеевич поступил в аспирантуру гражданской авиации, а после был направлен на работу в Госавианадзор, где трудился, и по сей день.

Не простая работа у расследователей авиационных происшествий. На «яме», где недавно была трагедия, приходилось собирать все по крупицам и ничего не упустить. Гибель одного человека ужасна, а им приходится видеть десятки и сотни погибших. Мозги надо на время отключать от такой картины.

Высветилось табло о пристегивании ремней и через некоторое время двигатели самолета сбросили обороты. Началось медленное снижение.

В аэропорту повторились все прелести новой жизни для Лукина. Машина подъехала к трапу самолета, и они первыми вышли из первого салона.

«Пустячок, а приятно»,– подумал Лукин.

Ему с каждым моментом все больше нравилось его новая работа. Машина рванула в сторону Ташкента и, не доезжая до города, нырнула под «кирпич», установленный на въезде. Дорога серпантином спускалась вниз среди огромных чинар и вечно зеленых деревьев, которые полностью прикрывали дворец и путь к нему. Внизу шумели воды реки Чирчик и совсем рядом сверкали снегом вершины гор Тянь-Шаня.

«А неплохо устроились в плане безопасности. Во всяком случае, от снайперов защита хорошая», – молча оценил Лукин, зная, что в нескольких сотнях километрах еще громыхала война в Афганистане, а с ее началом в границе

появились «дыры».

Лукин готов был предположить, что дворец принадлежал эмиру и не намного бы ошибся, так как это была гостиница Совета Министров Узбекистана. В холле их встретила восточная красавица, но в тюбетейке поверх пышной прически. Им предложили отдельные номера «Люкс», да других здесь не могло быть, и пригласили на обед в ресторан. На время перелета легла разница во времени с Востоком и местные уже обедали.

– Алексей Алексеевич, у меня не хватит командировочных на оплату такого шика, – Лукин знал цену номерам в гостиницах и прикинул, сколько может стоить его «Люкс».

– Платить ни за что не придется. Все расходы по расследованию принимает на себя Узбекское УГА, а в связи с тем, что они чувствуют свою вину в катастрофе, поэтому и прием комиссии такой приветливый, но и Узбекистан гостеприимный. Наслаждайся, пока есть возможность. В другой раз можешь попасть совсем в неблагоприятные условия для работы комиссии, хотя вряд ли. Нас всегда встречают достойно и стараются создать все условия для работы.

«Так, сказка “Тысяча и одна ночь” продолжается»,– подумал Лукин и на стол посыпались различные блюда Узбекистана.

– Сегодня у нас день отдыха,– объявил Алексей Алексеевич. – Совещание назначено на утро.

После обеда Лукин прошелся по тенистым аллеям гостиничного комплекса. В Узбекистане была ранняя весна. А какая весна без цветения миндаля? Вот и здесь приход весны в Среднюю Азию отмечен цветением миндаля. Его заросли хаотично разбросаны по всей территории гости-

ничного комплекса и хорошо видны издалека. Деревья миндаля стоят без листьев и покрытые бело-розовой пеной цветов. На миндале сначала появляются розовые бутоны, а потом они превращаются в крупные белоснежные или бледно-розовые цветки. С этаким чудом Виктор познакомился еще в детстве по сказкам «Тысячи и одной ночи», а позже слышал в Самарканде легенду, как зацвел сухой посох пастуха из миндаля и принес плоды прямо на глазах у народа. А еще говорили, что если увидеть во сне цветущий миндаль, то он предвещает исполнение заветного желания, но это опять сказки, потому что желания Виктора невыполнимы даже в сказках. Он не помнил дословно те стихи, но они были как раз по его душевному состоянию:

Цветут миндальные деревья,
Мою тоску снимая, как рукой.
За много лет, уставший от кочевья,
Я обретаю вновь блаженство и покой…

Да, он именно обрел покой в своих необузданных мечтах о Лауре и теперь готов был полностью отдаться работе, так как больше ничего не оставалось. Вот до чего доводит узбекская «сакура», так он называл миндаль. Или опять весна, с нежно зелеными полянками, на которых расцветают одуванчики и фиалки. В Москве еще метут метели, и растут февральские сугробы, а здесь солнышко прогрело землю и все ожило в разноцветии, но ненадолго. Скоро солнце спалит все красоты, и зеленые оазисы превратятся в частицы пустыни. А пока весна ласкала теплыми лучами солнца и теребила нос ароматами цветов.

На этаже гостиницы его остановила дежурная и рассказала об услугах, предоставляемых в их гостинице. Лукин выслушал внимательно, но ничего не хотелось. Он

решил побыть один. После встречи с Лаурой что-то в его жизни поменялось. Потом необоснованный «наезд» на него чекистов и скандальный переход в МВД, изрядно потрепали его нервы. Он вошел в номер, включил телевизор, который действовал на него расслабляюще. Его легкую дремоту нарушил тихий стук в дверь. Заглянула все та же дежурная по этажу.

– Я забыла сказать, что у нас в гостинице делают массаж и имеется сауна. Массаж делают красивые девочки очень качественно. Сразу будете на «седьмом небе».

– Видите ли, милая Лейла, я мужчина, а когда меня массируют красивые девочки, то возникают необузданные желания, – улыбнулся Лукин.

– Так, я могу пригласить девочку в номер. Она массаж сделает здесь, но только все остальное будет немного стоить, если она Вам понравится.

– Все Лейла, с тобой обсуждать такие темы опасно, потому, что ты мне сама понравилась.

– Но, я этим не занимаюсь.

– Ты знаешь, какое совпадение, что я тоже этим не занимаюсь, поэтому у нас с тобой все будет по любви.

Виктор решил таким образом напугать Лейлу, чтобы она не подходила к нему с подобными предложениями. Она на самом деле была красива, как и все в обслуге гостиницы, но они все «стучали» в КГБ, иначе бы они здесь не работали. Лукина вряд ли они оставят в покое, возможно, и Лейла подошла к нему по их заданию. А, может, он все преувеличивает, и в таких гостиницах предложения интимных услуг в порядке вещей? Но в ней что-то есть зажигающее мужчин, кроме ее красоты.

– Это что – любовь с первого взгляда?– Лейла приняла его игру или он ей на самом деле понравился.

– А разве бывает другая любовь? Хотя француженки утверждают, что любовь придумали русские, чтобы деньги не платить.

– И что же, приходилось встречаться с француженками?– она звонко рассмеялась. – Так у нас как будет по любви или за деньги? Но, я должна предупредить, что я замужем.

– Кого предупредить мужа что ли?

– А с Вами весело.

– Тогда сама решай как, по любви или за деньги.

– Я подумаю и вечером скажу, – она вновь засмеялась и вышла из номера.

«Если так дальше пойдет расследование, то что же будет, когда я останусь в гостинице на две недели один без шефа,– подумал Лукин. – Нет, надо выработать строгую линию поведения. Иначе можно погореть. Знают же кого подсылать в номер, что от одних только разговоров с Лейлой все шевелится. Или ты еще не наигрался с сотрудниками КГБ? Нет сомнений, что сотрудницы гостиницы Совмина Узбекистана состоят на службе в КГБ, а уж по заказу они хотят тебя совратить или по долгу службу разницы нет. Информация об интимной связи будет использована против тебя, ведь она для того и будет добываться. Так что не парься. Что-то было похожее на А. Блока:

«И вечный бой – покой нам только снится!» –
Такой девиз украсит психбольницу:
С судьбой бороться может лишь дурак,
А умный получает просто так
Все, чем захочет только насладиться!

Лукин слишком хорошо знал Узбекистан, потому не удивился предложениям Лейлы. Правда, обычно такое де-

лается тихо и на ушко отдыхающему, а в данном случае он просто развеселил дежурную по этажу, вот она и разговорилась.

Вечером Лейла принесла чайник с заваренным зеленым чаем и больше на ту тему ни слова. Видимо, она не испытала к нему чувства любви, а за деньги трудились на том поприще другие девочки. Во всяком случае, она лукаво улыбалась и молчала. Виктор тоже больше не коснулся ее предложений. Она, вероятно, поняла его «ход», что вроде бы не отказался от ее предложения, но выдвинул свои условия, к которым она не была готова. Тема погасла и он больше не возвращался к ней.

Ему пришлось поработать в скандальной бригаде Генеральной прокуратуры Гдляна и Иванова, выполняя отдельные поручения следствия, а его друг из Самарканда Кудратов до сих пор в той следственной бригаде проводит оперативное сопровождение уголовного дела. Все смешалось в том уголовном деле. Приписки с взятками и любовь с обычными понуждениями женщин к половой связи. Виктор не понимал, зачем такие подробности надо было фиксировать в протоколах допроса. Кому-то было интересно, как бывшая молодая учительница Рано после университета перешла на работу в комсомол и была замечена Первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана. Она сама написала следователю, что двадцать лет назад стала его любовницей, и тот помог ее карьере. Она сначала руководила комсомолом Узбекистана, а потом стала единственной женщиной-секретарем ЦК Компартии, поэтому и оказалась в круговороте следствия по тому делу. У них была любовь. И зачем допрашивать? А сколько женщин совратили «бабаи» просто для своих утех? От таких показаний уголовное дело дурно пахло.

Его удивляло другое, что в гостинице Совета Министров Узбекистана продолжали свои традиции, несмотря на многочисленные аресты среди руководства республики. Прав был Сухов: «Восток – дело тонкое».

Лукин в МВД числился начальником самостоятельного отдела, а такая должность приравнивалась к начальнику Главка, во всяком случае, размером оклада, да с выслугой, званием и летными надбавками он получал в кассе 890 рублей, что на десять рублей меньше Министра и в три раза больше, чем он получал начальником уголовного розыска. Он уже почти не сожалел, что пришлось уйти из уголовного розыска, так как здесь был совершенно другой круг общения. Комиссия состояла обычно из руководителей министерств и ведомств, имеющих отношение к авиации от проекта самолета до эксплуатации, а на месте происшествия он один из руководителей Государственной комиссии, которая имела право привлечь к работе необходимых специалистов. Удостоверения были у Лукина одно краше другого. Когда его машину останавливали сотрудники ГАИ и требовали предъявить документы, то Виктор с удовольствием вынимал сразу оба удостоверения, а иногда и документ прикрытия сотрудника МУРа на полковника милиции Степанова, которое он не сдал в кадры при переходе и оставил на память о работе в уголовном розыске.

– Вам какие из этих документов? – Лукин открывал удостоверения по очереди.

– Все понятно. Счастливого пути, – огорчались некоторые сотрудники ГАИ, которые шагали к его автомобилю и подсчитывали, сколько с него сорвать.

«Какие вежливые сотрудники, – восхищался Лукин, – а не будь у него этих «ксив», наверное, ободрали бы как липку за его незначительные нарушения».

Но больше всего понравился выданный ему проездной билет на самолет, как на автобус. Подходишь к любой стойке регистрации пассажиров, предъявляешь проездной, девушки отмечают тебе место в салоне, и ты летишь, куда угодно. Если нет мест, то могли даже оставить кого-нибудь из пассажиров на следующий рейс. Конечно же, права были большие, но потом все сведения по использованию проездного стекались в бухгалтерию, а те уже сверяли с командировками, поэтому в личных целях проездные не использовались.

С каждым днем новая работа все больше радовала и удивляла Лукина. Разместили их в гостинице Совета Министров Узбекистана за чертой города, на берегу реки с многочисленными деревьями. За каждым руководителем комиссии была закреплена машина, а Лукин приехал позже, и ему предложили пользоваться разгонной машиной.

Алексей Алексеевич провел совещание с руководством Узбекского УГА и членами комиссии по расследованию, огласив причину катастрофы. Потом сообщил комиссии, что Лукин остается за него для завершения работы, а сам улетел дневным рейсом в Москву.

– Виктор Павлович, я могу выделить Вам автомобиль с водителем. А Вы водите машину и права с собой? – поинтересовался Председатель административной подкомиссии Каримов.

– Конечно, они всегда есть со мной.

– Могу предложить Вам машину «Москвич», правда, с надписью «Медицинская служба», путевку на Вас выпишем. Город наш знаете?

– Как Москву, бывал здесь неоднократно.

– А с Вашими удостоверениями здесь проблем не будет.

Можете поехать куда угодно и когда хотите.

– Когда можно будет посмотреть машину? – улыбнулся Лукин.

– Да хоть сейчас за руль. Она почти новая и уже заправлена.

Каримову меньше хлопот с водителем, а Лукину лучше, когда не надо беспокоиться о переработке шофера, да и в выходные можно прокатиться, а не сидеть в гостинице. «Москвич» желтого цвета с красной надписью на борту «Медслужба» еще сохранил запах нового автомобиля, и хорошая отмазка появилась от застолий: «Я за рулем».

Вечером от аэропорта Лукин поехал в гостиницу на желтом «Москвиче». Он позвонил Кудратову домой, и Шейра сообщила, что он в Ташкенте. Нарзулло обещал подъехать к нему в гостиницу после работы. Дорога к гостинице петляла по небольшому серпантину, и от шлагбаума было видно, какая машина поворачивает под их «кирпич» к шлагбауму, где круглосуточно дежурил майор милиции. Перед Лукиным свернула под «кирпич» черная «Волга», где рядом с водителем сидел какой-то железнодорожный «генерал» в черной форме. Майор поднял шлагбаум и откозырял той «Волге», а перед Лукиным закрыл шлагбаум и отвернулся. Виктор посигналил ему, но он, не поворачивая головы, пальцем показал на стоянку недалеко от шлагбаума, от которой довольно-таки далеко шлепать до входа в гостиницу, рядом с которой была другая стоянка. Майор решил не пускать водителя машины «Медслужба», так он, видимо, оценил Лукина. Виктору стало смешно, и он решил объяснить майору милиции разницу между сотрудником МВД СССР и железнодорожником, даже в форме их генерала, а может, и не генерала, просто с петлицами в виде дубовых листьев.

Виктор вплотную подъехал к майору и дал длинный сигнал. Он вздрогнул от такой наглости, подошел к Лукину:

– Вы что здесь хулиганите? Какое имели право проехать под «кирпич»? Ваши документы.

– Право я имею, потому что здесь живу.

С лица узбека вмиг слетел грозный вид, но Виктор решил его добить до конца.

– Вот у меня еще одно право, – Виктор развернул удостоверение. – Я большой начальник в Совете Министров СССР и к тому же ваш коллега из МВД СССР.

– Извините, извините, товарищ начальник, я не знал, – майор не знал, куда спрятать свое лицо.

– А ты и не должен знать, у меня работа секретная, поэтому и катаюсь на медицинской машине. Передай по смене, чтобы я не объяснял каждому майору, кто я такой. Ко мне должен вечером приехать наш коллега Кудратов, пропустите его и объясните, как меня найти.

Кудратов уже знал, где его искать, но лучше будет, если коллеги встретят с уважением. Ох, уж этот Восток. В следующие дни, как только желтый «Москвич» медслужбы сворачивал с трассы под «кирпич», майор поднимал шлагбаум и отдавал честь, держа руку у козырька милицейской фуражки, пока Лукин не проедет его пост. Если навстречу выезжала какая-нибудь черная «Волга», то он тормозил ее жестом, пропуская желтую машину, и все недоумевали, кто этот большой «бабай», которому оказывают такие почести.

Кудратов вытаращил глаза не меньше майора.

– Ничего не понимаю, только два месяца назад руководил уголовным розыском, а теперь работаешь в Совмине СССР. Разве так бывает, да еще расследуешь авиационные

катастрофы. Да, Виктор, ты уникальный кадр. Надо обязательно, хоть на один день, съездить в Самарканд. Просто посидим с друзьями, а Убайдова ты просто убьешь своими продвижениями по службе. Он совсем запутался от твоих приколов.

– Нарзулло, я могу только в выходные.

– У меня тоже раньше не получится, я хоть и за рулем, но по сто грамм выпил бы за встречу. Поедем куда-нибудь, посидим.

– Зачем? У нас здесь буфет и столовая выше любого ресторана будет и недорого.

– А со спиртным сейчас напряжуха. А здесь как?

– Приспособились. Наливают в заварные чайники и вместо рюмок ставят пиалушки. Пошли.

В буфете было все в изобилии.

– Живут же люди.

– И многие блюда по ценам тридцатых годов, утвержденных Совнаркомом для партийных служащих, поэтому здесь угощаю я, – Лукин кивнул официантке, и она мигом оказалась около огромного стола.

– Давайте нам один чайничек без заварки, да икорки, осетринки, что еще есть вкусного под чай. Ко мне друг приехал в гости.

– Может быть, грибочки, селедочку. На горячее плов.

– Нет, мы плов покушаем в Самарканде. Давайте осетринку по-монастырски. Давай, Нарзулло, сегодня устроим русский стол под араку.

– С удовольствием. У нас в городе такого можем не найти, а сюда приезжают со всего Союза, поэтому здесь любая кухня, – согласился Кудратов.

Нарзулло мог только мечтать о ста граммах под такую закуску. Вспомнили последнюю поездку Лукина в Самар-

канд и приезд Лауры.

– Только ты уехал из Самарканда, как на следующий день прилетела Лаура. Мне тут же звонит Наташа из ОВИРа и спрашивает: «Где твой московский гость?» – Уехал, говорю. – «А у меня здесь в кабинете Лаура из Парижа. Я говорю Лауре, что Виктор в Самарканде, а она не верит. Вот, думаю, два артиста, договорились встретиться в Самарканде, а теперь комедию ломают, что ничего не знают друг о друге. Оказывается правда, если он два дня, как уехал. Видно, не судьба было им встретиться».

– Если б я знал, что она прилетит в Самарканд, то не уехал бы никуда и до конца отпуска пробыл в Самарканде, а с другой стороны, хорошо, что уехал, иначе меня уволили бы. И так еле отчитался перед КГБ только тем, что у нас с ней было два дня разницы между моим отъездом и ее прилетом. То было выше всех доказательств, что у нас не было связи долгие годы.

– А почему тебя раньше не трогали, когда ты женился на ней и свадьбу в Самарканде сыграл?

– Наверное, другой статус был у меня. Капитаном работал. А простой опер, кому нужен? – слукавил Виктор. – А теперь женат, и можно аморалку пришить, да и моя должность кому-то помешала, но, может, у них работы не было в это время, и решили на мне дело реализовать в связи с увольнением. Может, подписывали, подшивали бумажки на меня, а там один «бред сивой кобылы в лунную ночь» в итоге оказался. Я им подбросил тему в нужный момент, но облом получился, не оправдал я их надежд, не сдался. В общем, я не знаю, чего они хотели от меня, но это теперь их трудности. Правда, они мне тоже создали кое-какие трудности, которые я преодолел с честью и ушел на большое повышение. Только теперь дальнейшие отно-

шения с Лаурой под большим вопросом. Когда с ней встретился в Москве, все сразу вспомнилось, как будто не расставались, а теперь немного остыл, стал задумываться о себе. Я уже не тот бесшабашный пацан.

– Виктор – это победитель, а ты еще и воин. Русские люди сильные воины, но ты из них крепче других, – сказал Нарзулло после бутылки водки.

– Спасибо, Нарзулло, но хочется спокойной жизни, воевать уже надоело, да и теперь, думаю, не с кем.

– Ты найдешь с кем. Не тот у тебя характер, чтобы штыки в землю втыкать.

– Ну, ты сделал из меня оловянного солдатика. Ты лучше расскажи, как у вас продвигается «узбекское дело»?

– Павлович. Я тебя уже давно знаю, и ты просто так не будешь задавать такие вопросы. Ты знаешь, что я работаю в группе оперативного сопровождения дела и знаю больше следователей. Тебя, что конкретно интересует в деле? Сказать, как у нас дела, это все ровно, что ничего не сказать.

– Вот видишь, пообщался самаркандский опер с большими начальниками и научился дипломатии. Молодец. Я оценил. Мне многое стало известно о лицах, проходящих по вашему делу от тестя. Жуткие слухи ходят по коридорам ЦК КПСС.

– Тогда все понятно. Я так и думал, что тебя интересуют верхние эшелоны власти. Следователи направляли спецсообщения в ЦК КПСС о руководителях партии, которые погрязли во взятках, и дело уже давно не «узбекское». Начинали они в Бухаре с оперативной разработки наших жуликов, а потом Самарканд, Ташкент, Фергана и весь Узбекистан зацепили.

– Ты мне Америку не открыл, я даже помню дату, когда взяли с поличным за взятку начальника ОБХСС Бухарской области. 26 апреля 1983 года, когда ему одна красавица всучила тысячу рублей и попросила о помощи. Расслабился «бабай» и не понял, что была подстава, а скорее обнаглел в своей безнаказанности, но повелся за красавицей, которую не знал. Да и просьба была у нее не по его профилю работы. Она просила организовать условно-досрочное освобождение одному осужденному. Не нужны были ему те «бабки», потому что он положил глаз на красавицу и настроился на прелюбодеяния в гостиничном номере «Люкс». Но во время передачи денег ворвались чекисты, и он получил все «удовольствия» сразу. Чекисты и та женщина оказались из Ташкента, да «подстава» имела ташкентскую «заготовку». Они знали, что руководитель ОБХСС поведется от той красавицы, а «бабки» были предлогом, чтобы возбудить дело. Почему мне дата запомнилась? Да потому, что в тот день в Москве проводилось очередное провокационное задержание сотрудников милиции из центрального отделения с подставными лицами от КГБ. Я понимаю, что провокации бывают, как методы борьбы, но почему в один день и по многим регионам СССР? Да потому, что был объявлен день «Ч» по борьбе с работниками милиции, чтобы грохоту от тех дел было до небес. Я не говорю, что было незаконно. Они задерживали жуликов в конце концов, но в один день по стране, и потому от некоторых задержаний попахивало тухлятиной.

– Виктор, не знаю, как было в других городах, но в Бухаре была паника. Город небольшой, а центр еще меньше, поэтому сразу бросились в глаза черные «Волги» с ташкентскими номерами. Чекисты кружили по городу, словно вороны. Народ не знал, кто у них будет следующим.

– Нарзулло, ведь никто не отменял инструкций ЦК КПСС, которые были изложены в наших секретных приказах, запрещающих оперативную разработку в отношении партийно-советских органов и власти. Такие же приказы есть и у КГБ, но они вели те разработки годами и были готовы доказать многим руководителям, что они были повязаны с преступниками. Это означает, что готовилась большая чистка партийно-советских органов.

– Такое в Москве может быть прокатывает, а здесь Узбекистан. Ты вспомни вашу шутку, когда в конце 70-х вы прилетели к нам для проверки одного таджика на причастность к разбою на квартире в Москве, а он оказался действующим капитаном КГБ из областного управления. Вы тогда с Егорычем не включили «заднюю», а решили все ровно проверить его и даже обыск в квартире учинили без санкции прокурора. Мы с тобой тогда и познакомились, а наши сотрудники вас зауважали.

– Да, мы тогда разыграли маленький спектакль перед тем капитаном и руководством КГБ области. Одни сотрудники задержали капитана и забрали документы, а другие доставили его в отдел уголовного розыска на беседу. Самая трудная миссия досталось Егорычу, так как он должен был объяснить генералу КГБ причину проверки. Когда я приехал в КГБ, то их генерал в своем кабинете распивал коньяк с Егорычем и почтительно встал, приветствуя меня: «Здравия желаю». От чего я немного опешил и попросил Егорыча выйти в коридор. С каких это пор генералы КГБ так приветствуют капитанов из районного подразделения милиции, хоть и с МУРовскими удостоверениями? Егорыч вышел за дверь и сообщил, что представился генералу, как командированный по личному указанию Щелокова и согласованию с Цвигуном, после

чего генерал плюхнулся в свое кресло и внимательно выслушал причину проверки его сотрудника. Он был готов отправить его в Москву, но этого не потребовалось, так как у него было алиби и его причастность мы не установили, о чем я и приехал сообщить генералу, пока Егорыч не довел его до приступа своими шутками. Кстати, чекисты, чтобы не пало пятно на их репутацию, помогли нам поймать настоящих разбойников, так что капитан КГБ оказался в этой компании не совсем случайным «пассажиром».

– Получается, что Егорыч пошутил, что вы прилетели по личному указанию Министра Щелокова и согласованию с Первым заместителем Председателя КГБ СССР Цвигуном?

– А то дали бы нам проверить капитана КГБ. Они наверняка пробили нас, и это подтвердилось, да и разбойное нападение было реальным и они, потом в том убедились, а что касается тех высоких руководителей, то они были большими друзьями Генсека Брежнева, поэтому генерал и стал таким покладистым.

– Вот я про то и говорю, что Москве позволено все и даже такие шутки с генералами КГБ, но в Узбекистане.

– Кстати, у меня сейчас мелькнула не совсем трезвая мысль. Это в ответ на твой вопрос, почему меня не трогали с француженкой. Может, это бредни, но вполне могло быть, что после той шутки ваше областное КГБ «пробивала» нас с Егорычем, а после названных фамилий информация была подшита к оперативным материалам на меня. А что такие материалы существовали, у меня нет ни тени сомнения. Только после названных фамилий у них было замешательство, и они не могли в открытую нарушать секретные приказы и брать меня в разработку без достаточ-

ных на то оснований, когда поняли, что с Лаурой только любовная история. Вот потому они три месяца назад взяли меня в оборот без всякой перепроверки, так как давно уже зуб точили на меня. А тут моя встреча с Лаурой. Они и не стали проверять мою дезинформацию, потому что были уверены в ее достоверности, но у них получился облом.

– Вот я и говорю, что ты сам найдешь себе тему для борьбы. А в Бухаре у начальника ОБХСС при обыске только в сейфе нашли более миллиона наличных денег, что тянуло уже на «вышку». Ему предложили, как обычно предлагал он сам подследственным, побороться за жизнь и чистосердечно раскаяться. И посыпалась из него информация, как из рога изобилия на всех, кто давал ему взятки и кому он сам носил. А ты понимаешь, что у такого руководителя была в руках вся Бухарская область. Информация об этом просочилась в среду коррумпированных чиновников и у них началась паника. Их родственники и знакомые очищали дома от вещей и ценностей, приобретенных не на зарплату, и потянулись они с баулами и чемоданами в родные кишлаки прятать свое добро. Говорили, что у некоторых были закопаны в землю трехлитровые стеклянные банки с ювелирными изделиями, а были и такие, которые закапывали молочные сорокалитровые фляги с золотом. Такого количества золота не видел в свое время Бухарский эмир.

– Нарзулло, а это не слухи с перепугу?

– Не знаю, но вскоре арестовали моего однофамильца – директора горторга Бухары Кудратова, который верил в свою безнаказанность из-за высоких покровителей и не стал прятать наворованное добро. Так вот у него было изъято наличными полмиллиона и ювелирных изделий на четыре миллиона рублей, и это только то, что нашли. Вот

и прикинь, какими суммами они ворочали, когда средняя зарплата у народа около 100 рублей в месяц, да и на них ничего не купишь.

– Теперь мне понятно, откуда такие расценки взяток за получение звания Героя соцтруда. Два миллиона рублей за золотую звезду Героя. Да, здесь деньги на безмене вешают, чтобы считать было легче.

– Не знаю, на чем вешают, но в кишлаках стали жаловаться, что на «бабках», зашитых в матрасы, спать жестко и не так спокойно, – улыбнулся Кудратов.

Лукин еще при знакомстве с Нарзулло отметил его откровенность, которая была прописана на его улыбчивом лице. Так мог улыбаться только хороший человек. Открыто и широко, глядя прямо в глаза.

– Что-то мы с тобой увлеклись серьезными разговорами и совсем забыли про араку и осетрину, да еще и в таком месте, – Лукин очертил указательным пальцем в воздухе дугу, что означало «прослушки».

– Здесь теперь безопасно. Чекисты получили за самоуправство и поснимали все «жучки».

– Наивный народ в Узбекистане. Они старые поснимали, а новые навтыкали. Ты же сам опер и понимаешь, что они не могут остаться без работы, поэтому пусть слушают, что народ говорит, а мы с тобой, как все. Сначала выпиваем и говорим о женщинах, но мы эту тему обошли, как джентльмены, а вот после третьей рюмки заговорили о работе и так должно быть. Теперь давай выпьем за наши семьи и наш прочный тыл, который обороняют наши жены, а то мы слишком трезвые, чтобы говорить о политике, а она вертится на языке.

– Давай брат, хороший тост сказал. Жаль, что с нами нет Шейры и твоей жены. Кстати, почему ты не приедешь

с ней к нам в Самарканд?

– Она не хочет, а я не настаиваю. Давай выпьем, – Лукин понимал, почему он не мог приехать с женой в Самарканд, где был счастлив с другой.

Умели «слуги народа» обустроить свой отдых. В ресторане царила благодать. Изысканная и удобная мебель, не говоря уж о водке и блюдах. Они расслабились окончательно.

– Начало чекистской операции в Бухаре председатель КГБ Узбекистана согласовал со вторым секретарем ЦК Компартии Узбекистана, который по статусу, как и в других союзных республиках, был наместником ЦК КПСС. Эту должность обычно занимали русские, и они курировали органы. Когда мне предлагали руководить Самаркандским областным УВД, то с целью жесткой борьбы с местными «бабаями», поэтому я и отказался. В одиночку против всей области, чтобы написать в Москву еще одну строку в сводке о количестве арестованных и килограммах изъятого золота, – это самоубийство, а в той же Москве берут гораздо больше, – сказал Лукин.

– И завоевал уважение наших сотрудников УВД своим поступком. Я и говорю, что ты воин. «Бухарское дело» наткнулось на противостояние клана Рашидова, который тут же поменял второго секретаря Грекова, работавшего на «два фронта». Был согласен с чекистами и Москвой, но боялся немилости Рашидова. И «бухарское дело» вскоре стало затихать.

– Я могу назвать причину того затишья, потому что в то время по Москве прокатились волны арестов. Как будто бы дирижер взмахнул над страной своей палочкой, как в оркестровой яме, и зазвучали фанфары, а потом подхватил весь оркестр, но кто-то настучал тому дирижеру по

рукам и музыкальные инструменты стали замолкать, или играть не по нотам. Так и в нашей стране все начиналось бодренько, но потом лишь сиплые звуки труб, когда для звучания не хватало дыхания.

– Виктор, что-то тебя на лирику понесло.

– Извини, увлекся. Я расскажу тебе в двух словах об арестах в Москве, и чем это закончилось. «Узбекское дело» замешано на том же тесте и финал у него будет таким же, так как все дела ведут в самые верхние эшелоны власти. Это должны были понимать, кто затевал те дела, но у них не хватило духу, потому что не привыкли работать в таком режиме с сотнями уголовных дел и обвиняемых. А ведь для каждого арестованного необходимо добыть неопровержимые доказательства, потому что среди них нет простых граждан, которых можно содержать под стражей на одних показаниях одного арестованного. А если это оговор? Начальник ОБХСС Бухары открыл счет арестам, но кроме его показаний и изъятых ценностей против них ничего нет.

– Да, ты прав. Так оно и есть.

– Вот я и говорю, что сейчас не 37-й год, когда расстреляли сотни тысяч невиновных по доносам. Теперь смотри, что будет. Тех, кто дал чистосердечные показания на своих подельников, как начальник ОБХСС, посадят на длительные сроки или расстреляют. А кто не признался, то посидит немного и будет отпущен.

– Это, как говорят жулики, что чистосердечное признание смягчает вину и увеличивает срок?

– Ну, примерно так. Ты помнишь нашумевшие дела по «Океану», «сочинское дело», гастроном Елисеевский и сколько их еще было и будет?

– Еще бы не помнить. От Москвы шум докатился до

нас. Ведь они начинались в одно время с «бухарским делом».

– Все правильно. Только в Москве они закончились, и не было продолжения, а в Узбекистане попались взяточники более разговорчивые, а все было то же самое. По уголовному делу в отношении руководства торговой сети «Океан» расстреляли двух руководителей Министерства рыбхоза, а сам министр возвратил взятки в сумме 264 тысячи рублей, которые были доказаны по уголовному делу, и его отправили на пенсию. Спросишь почему? Потому что он был другом Генсека Брежнева, а еще участником войны и последний факт официально сыграл роль в принятом решении. Расстреляли его заместителей, которые признались во всем и сообщили следствию о других сообщниках, в том числе в ЦК КПСС.

А по другому делу расстреляли директора плодоовощной базы Амбурцимяна, который не только воевал на фронтах отечественной войны, но и был участником парада Победы на Красной площади. Ну, что мог украсть такого на плодоовощной базе бедный армянин, что его надо было расстреливать? Конечно же, не за это. Просто у него были клиенты из верхних эшелонов власти, которые получали от него взятки, поэтому ему закрыли рот.

Такая же участь постигла еще одного участника войны – Соколова, который руководил Елисеевским гастрономом. И надо отметить, что они были настоящими хозяйственниками, которые сумели в жутких условиях социализма сколотить миллионы. В том гастрономе отоваривались не только продуктами руководство МВД и некоторые члены Политбюро. Вот на них и «кололи» Соколова чекисты, обещая «скащуху» на суде. Он расслабился и выдал всех, кто получал от него взятки. Но это

Москва, а не Узбекистан, поэтому на основании его показаний лишили свободы руководителей торговли, а его расстреляли. Да и как могли арестовать члена Политбюро и хозяина Москвы?

По Краснодарскому краю вообще проехали на танках и разгромили сочинскую торговую сеть, но, в итоге, все то же самое. Секретарь крайкома партии Медунов «загасил» дело вокруг себя и обрезал выходы на ЦК КПСС. Поэтому «узбекское дело» будет крутиться до тех пор, пока следователи не потребуют «крови» в партийных рядах. Никто не позволит замахиваться на партию и даже КГБ – карающий меч.

– Да, Павлович, ты совершенно прав, потому что дело уже давно не «узбекское», а скорее «московское», потому что все чаще мелькают в показаниях фамилии руководителей МВД и ЦК КПСС.

– А могло бы быть делом «астраханским» или, скорее, «ставропольским», а может быть и «томским», но выходцы из тех местностей умело маневрируют и не допускают разгрома своих областей. Они яростно борются не только с алкоголем, но имеется достоверная информация, что в Ставропольском крае многие свидетели таких же приписок и хищений, как в Узбекистане, пропали без вести, поэтому чекистская операция не имела такого успеха, как у вас. Миша «Меченый» был ставленником Андропова, поэтому не могли допустить разгрома Ставрополья, где раньше любил отдыхать шеф КГБ. А чтобы не было случайностей, то все любители поговорить на темы взяточничества и приписок в Ставрополье пропали бесследно. Так что итальянская мафия отдыхает в пионерском лагере по сравнению с нашей.

– А у нас говорят, что Генсек из Ставрополья и заказал

чистку в Узбекистане, чтобы отвести беду от своих земляков и от себя.

– И в этом что-то есть, так как он курировал в ЦК КПСС вопросы по сельскому хозяйству и как не ему знать о приписках и хищениях по хлопку. Вот и выступил с инициативой. Узбекистан далеко от Москвы и все доклады по делу стекаются к нему.

– Павлович, ты рассказываешь, как будто сам те дела вел. Ведь прошедшим летом наши следователи повторно обратились к Генсеку с письмом, в котором изложили факты взяточничества членов ЦК КПСС и в том числе нашего нового второго секретаря ЦК Компартии Узбекистана Осетрова, которого прислали на замену три года назад из ЦК КПСС. Вот было показательно, что руководитель такого ранга стал взяточником во время арестов и чисток в Узбекистане. Видимо, ты прав, что они ничего не боятся и руку держат на пульсе, командуя кого посадить, а кого отпустить.

– Они давно сделали выбор, потому не сажают преданных им чиновников, которые берут баснословные взятки и делятся с ними, но при этом молчат.

Лукин молча плеснул по пиалам араку, и они так же молча выпили. В своих разговорах они добрались до самого верхнего руководителя страны, и им не было от того радостно. Даже борьбу с пьянством устроили те деятели без «башки». Ну, запретили водку в ресторане более 200 грамм, а им подали ее в заварном чайнике с пиалами. Только этот «чай» они пьют не маленькими глотками, обжигаясь, а залпом, да и не с вареньем и медом, а под соленые огурцы и селедочку. Повырубили виноградники, которые скрещивали столетиями для улучшения качества вин и обрекли народ употреблять всякую «бормотуху» и

прочие химические гадости. Вот с них и надо было начинать те уголовные дела за вредительство и развал хозяйства, которые коснулись не только борьбы с алкоголем. Оказались за решеткой невиновные, которые содержались под стражей без обвинений годами, так как не было против них доказательств, чтобы отправить дело в суд. Лукин был убежден, что надо было начинать с верхушки, которая способствовала приписками и взяточничеству, ставшему образом жизни для многих хозяйственников. Но «верхние» по-прежнему сыпали с трибун лозунги, призывая всех на борьбу негативным явлением в обществе, и народ не понимал, кого же слушать.

– Нурзалло, наверное, у меня не получится съездить в Самарканд с тобой. Для этого надо дня три, а у меня их нет. И неудобно в первый же командировке уходить налево. У нас обычно на этапе расследования выходных не бывает. Так что поезжай один, передавай нашим друзьям привет от меня.

– Непременно все расскажу. Жаль, что у тебя не получается.

Конечно же, Лукин мог вполне побывать в Самарканде, тем более что основное рабочее место у него было в аэропорту Ташкента. С его проездным билетом на самолет Виктор мог попросить местных авиаторов, входящих в состав комиссии, и они отправили бы его в Самарканд, и встретили обратно, но не было такой острой необходимости. Он совсем недавно сбил внезапно появившуюся оскомину по Самарканду, а потом пять дней провел с прекрасной женщиной. Память о ней поманила его туда, где он был когда-то счастлив. После всех передряг на службе он начал задумываться еще и еще раз, а стоит ли все ломать и рушить. Что не сложилось семь лет назад, почему

он считает с Лаурой возможным все вернуть обратно. Да, любят друг друга, но жизнь столкнула их с непреодолимыми трудностями, и безоблачное счастье стало призрачным. Хватит ли у них сил и, что немаловажно, средств на преодоление всех подлянок от спецслужб, чтобы не растерять по крохам свою любовь, которая и так похожа в их положении на фантастику.

В расследовании катастрофы подкомиссии занимались оформлением документов, и у Лукина образовалось свободное время, а в уютном номере правительственной гостиницы его потянуло на лирику. Он отщипнул несколько листов из казенной пачки бумаги и написал Лауре о своих мыслях, о нерадостных на сегодняшний день перспективах на их бракосочетание, потому общаться они смогут, как и договорились через третьих лиц. Под настольной лампой и при открытом окне писалось легко. Не стал он писать о своих «разборках» с КГБ и почему оказался в Ташкенте. Сложил несколько листов письма и с трудом затолкал в конверт. Он мог бы написать и больше, но тогда пришлось бы отправлять бандеролью. Утром позвонил Нурзалло и попросил о встрече перед его выездом в Самарканд.

– Нурзалло, я написал коротенько Лауре. Можешь отправить письмо из Самарканда? Ей будет приятнее получить с почтовым штампом ее города. Письма быстрее до нее доходят от вас, нежели из Москвы, наверное, потому что адрес ее давно известен, а обратный я поставил ее мамы в Самарканде на Фруктовой улице.

– Какие разговоры, брат, сегодня же вечером опущу на почте, так быстрей, а может, сам в Самарканде опустишь?

– Нет, Нурзалло, спасибо, не получается. До встречи.

«Правильно, что отклонил приглашение Нурзалло в Самарканд, – подумал Лукин,– кураж хорош ради кого-то,

а съездить погулять и дать повод для очередного обсуждения его поведения в КГБ… Да и письмо пойдет из Самарканда. Опять же не будет стыковочки с ним».

Виктор многое Лауре не написал о своих мыслях. Он остался на тех же позициях, и не сможет жить во Франции, а она в Союзе, где жизнь за последние пятнадцать лет немного изменилась не в лучшую сторону. А встречаться и годами не видеть друг друга, такое уже у них было и может все закончиться после первой хорошей ссоры. Два необузданных, любящих волю характера, могли бы быть вместе, но почему этого не случилось пятнадцать лет назад, ну даже семь лет, когда они расстались и, казалось, навсегда. Тогда они были молоды, и он мог сделать карьеру в другой сфере деятельности, которая позволила бы им создать нормальную семью, а теперь ему осталось до необходимой для выхода в отставку выслуги три года и теоретически можно попасть под сокращение с пенсией.

Ему стало смешно от своих мыслей. В таком возрасте на пенсию, как подводник. Да, и до полковника ему оставалось два года, а кадровики Совмина сказали, что у них не бывает задержек с представлением на очередное звание, и можно это сделать досрочно, к ноябрю этого года. Исполнится 70 лет, как Ленин подписал Декрет о создании рабоче-крестьянской милиции, то есть на третий день после революции. Такие представления в МВД СССР всегда удовлетворяют, так как они идут от министра к министру.

Всего этого Виктор не писал Лауре, а также что был на гране краха после их последней встречи. Ему стало ясно, что никто не допустит, чтобы они были вместе, и это он выяснил специально, подергав за усы тигра в обличии КГБ. Новая работа и положение ему все больше нравятся,

и не хотелось бы все потерять. Он мог бы все бросить, но их семейный союз из области фантастики. Не писал он ей этих мыслей, но она все поймет между строк, судя по ответному письму, в котором пожелала ему успехов в карьере, пообещав, что будет ждать его решения, сколько сможет.

Ему показалось, что она даже немного обиделась. Но на что? Они обсудили все при встрече. Он сделал резкий шаг в ее сторону и получил по полной. Нужно было только ее согласие на переезд к нему, но Лаура приехала с прежним предложением, что он должен поехать с ней в Париж. Для нее переезд в СССР стал не меньшей проблемой, чем для него Париж. Лукин мог бы начать с ней все заново, но Лаура продолжала уверять, что ее сын принадлежит Франции и его никуда не выпустят до совершеннолетия. От того их союз уходил в отдаленную и призрачную перспективу, а реально ему досталась в жизни лишь интересная работа.

Лукин работал с гражданскими лицами, которые теперь им руководили, правда подчинялся он всего трем лицам – министру, его заму и начальнику управления расследования, и его уникальная должность была одна на весь Союз, и документы он подписывал без указания звания и принадлежности к МВД. Да и расследование было совсем другим. На месте происшествия работали десятки специалистов высочайшего класса, собирая буквально по крупицам в большой «яме» после удара самолета о землю вещественные доказательства. Проводились многочисленные экспертизы, начиная с отбора проб топлива, которым заправляли самолет перед вылетом, расшифровкой параметров полетов, записанных в «черном» ящике, который, кстати, оказался оранжевым, и на бортовых самописцах. Они обычно показывали жизнеспособность воздушного

судна и вероятную причину катастрофы, если эти регистраторы сохранились.

На месте падения самолета во время проведения аварийно-спасательных работ приступала к описанию осмотра и изъятию обломков инженерно-техническая подкомиссия. Они вывозили сохранившиеся части самолета на летное поле и собирали его снова из того, что осталось. Изучали показания приборов, работу механизмов и делали выводы по результатам работы своей подкомиссии.

Такую же работу проводила летная подкомиссия, которая состояла из опытнейших летчиков-инструкторов и руководителей летных подразделений. Действия диспетчеров изучала группа специалистов управления воздушного движения, которая входила в летную подкомиссию. Отдельным документом был отчет административной подкомиссии, куда входили и результаты аварийно-спасательных работ. Руководил ходом расследования Председатель комиссии, а координировал их работу и взаимодействие Лукин. Вообще работы на месте происшествия хватало всем.

Так называемое «полевое» расследование проводилось в авральном режиме. Работа начиналась рано утром и заканчивалась заседанием комиссии ближе к полуночи, когда подводились итоги работы и ставились задачи на ближайшее будущее. Лукин подготовил документы для передачи в прокуратуру, о чем доложил по телефону Алексею Алексеевичу и вылетел в Москву.

С Америкой на «ты»

После Ташкента Лукин занимался подготовкой методических указаний по расследованию катастроф, так как каждый случай вносил коррективы в действия сотрудников, участвующих в расследовании, начиная от опроса свидетелей, обнаружения вещественных доказательств и заканчивая проведением экспертиз. Инженеры и летчики готовили указания о необходимых регламентных работах по воздушным судам, во избежание катастроф в будущем.

Материалы расследований направлялись и в Академию гражданской авиации в Ленинграде, которую называли ОЛАГА. Начальник управления кадров Владимир Николаевич рекомендовал Лукину восстановиться на учебе в МАИ и пообещал помочь в переводе на заочное обучение в Ленинградскую Академию. Два

года и новая гражданская специальность, которая была нужна Лукину, как никогда.

В субботу 9 мая 1987 года пронзительно запищал мультитон Лукина, который шифром извещал о необходимости позвонить дежурному. Бочаров сообщил о страшной катастрофе с самолетом Ил-62, принадлежащим польской авиакомпании LOT на окраине Варшавы. Погибли все находившиеся на его борту 183 человека. Руководство вело переговоры с польской стороной об участии советских специалистов в расследовании катастрофы. Ил-62 считали правительственным самолетом, а потому самым надежным, но вскоре от дежурного Бочарова поступила команда «отбой» до понедельника.

После выходных Лукин с Сергеем прочитали сводку о катастрофе и Ил-62. Накануне 8 мая Ил-62М выполнил трансатлантический рейс из Чикаго в аэропорт Варшавы, где прошел полную подготовку к трансатлантическому перелету в Нью-Йорк, который должен был совершить 9 мая. На его борту находились 11 членов экипажа и 172 пассажира. Взлетный вес составлял 167 тонн. В 10:07 экипаж получил разрешение на руление, а в 10:17, находясь на исполнительном старте, получил разрешение на взлет.

В 10:18 самолет вылетел из Варшавского аэропорта и начал набор высоты, а в 10:41 на скорости 815 км/ч и высоте 8200 метров в кабине пилотов сработали сигналы о декомпрессии и пожаре в обоих левых двигателях. Командир связался с диспетчером и доложил о чрезвычайной ситуации и о намерении вернуться в Варшаву, приступив к аварийному снижению до высоты 4000 метров. При развороте был обнаружен отказ рулей.

В 10:44 с самолета доложили о ликвидации пожара. Необходимо было сбросить лишнее топливо около пятиде-

сяти тонн, так как посадка перегруженного самолета была опасна повреждением шасси. Но работал только один из четырех электрических генераторов. Возникла проблема со сбросом топлива, так как клапаны имели электрический привод. Пожар в хвосте самолета вызвал повреждение систем управления самолетом. Огонь быстро перекинулся в багажный отсек, где предположительно произошел взрыв паров топлива, которые попали туда из-за повреждения топливных баков.

Свидетели показали, что во время захода самолета на посадку от самолета шел густой черный дым. Горящие части фюзеляжа отделялись от самолета и падали на землю. Тогда произошел полный отказ систем управления, включая руль высоты и выпуск шасси также. Отказали насосы, сливающие топливо и в баках оставалось примерно 32 тонны топлива.

В 11:12 самолет рухнул на землю в 5 км от взлетно-посадочной полосы аэропорта Варшавы и полностью разрушился.

Позже Сергей сообщил, что в Варшаве работали наши представители. По одной версии, в последние секунды перед катастрофой пожар из багажного отделения перекинулся в хвостовую часть салона. Пассажиры в панике ринулись в носовую часть лайнера, в результате чего он, находясь на низкой высоте, вошел в пике и врезался в землю. По другой версии, пожар сильно повредил хвостовое оперение самолета, а непосредственной причиной трагедии стало разрушение вала двигателя из-за неисправности подшипников внутри двигателя, что вызвало последующее повреждение второго двигателя и его возгорание. Пожар в грузовом отсеке не был обнаружен экипажем из-за повреждения датчика пожарной сигнализации.

– Наша сторона отказалась признать какую-либо связь между катастрофой и проблемами с двигателями, – подвел итог Сергей, – но Ил-62 правительственный самолет и работы по двигателям будут проведены.

– Опять политика? – спросил Лукин.

– Она родимая.

Через две недели рухнуло понятие «граница на замке». 28 мая в 19 часов в день Пограничника на Васильевском Спуске перед Красной площадью приземлился легкий самолет «Сессна» американского производства и накатом доехал до Собора Василия Блаженного. Из самолета вышел восемнадцатилетний немецкий пилот-любитель, который сообщил, что он прилетел из Гамбурга и стал раздавать автографы, после чего был задержан постовым милиционером. Воздушное хулиганство было на лицо и с угрозой жизни гражданам на площади, да незаконное пересечение советской границы. Конечно, пограничники в данном случае были ни при чем, так как они могли в лучшем случае проводить взглядом низколетящий самолет Руста через советско-финскую границу. «Разбор полета» Руста проходил на самом высоком уровне в Кремле и в участии Госкомиссии генералы и маршалы не нуждались, им вполне хватало специалистов из ЦК КПСС. Но любопытство взяло верх, и Лукин поднялся на четвертый этаж в отдел военной авиации к летчику-истребителю Владимиру Грищенко, который был прикомандирован из войск ПВО.

– Добрый день, полковники и генералы! – улыбнулся Лукин.

– Для нас на самом деле, похоже, добрый, потому что мы откомандированы в Госкомиссию, а наших коллег из ПВО страны ожидают репрессии 37-го года, – сказал Грищенко.

– Хотите анекдот свеженький? – предложил Лукин. – Два летчика-истребителя из ПВО прогуливаются по Красной площади, и один попросил закурить, а другой отвечает: «На аэродроме не курят!».

– Вот видите, в НКВД уже и анекдот сочинили или заранее знали о провокационном полете, – сказал Грищенко и все разом уткнулись в бумаги.

– Понятно, анекдот про ПВО не понравился, тогда расскажу про мента,– улыбнулся Лукин. – У фонтана в сквере Большого театра поставили милиционера на случай, если всплывет американская подводная лодка.

– Так это не про милиционера, а о боеготовности нашей армии, – засмеялся Грищенко. – Пошли, эмвдэшник, покурим.

– Я слышал, у тебя были терки с особистами? – спросил он в коридоре.

– Терки мои были с сотрудниками КГБ. Ты для этого позвал меня в курилку? – спросил Лукин.

– Нет, у нас в отделе все нормальные собрались, но нет гарантии, что нам что-нибудь напихали, ведь целый секретный отдел КГБ у нас под носом образовали, а им работать надо.

– Ну и пусть работают. Ты лучше расскажи, как прохлопали тот самолет.

– Никто его не прохлопал. Над ним наши МИГи из ПВО дважды заходили, но «Сессна» летел низко и с малой скоростью.

– А почему не сбивали?

– После сбитого южно-корейского Боинга на Сахалине был приказ гражданские борта не сбивать, а СССР подписал Чикагскую конвенцию, по которой нарушителя воздушного пространства на легком самолетами можно

только принудить к посадке. Его и сбивать не надо, а лишь пройти над ним на сверхзвуке и он сам бы рассыпался, но принудить к посадке сложно на МИГе.

– Получается, что мы бессильны против малой авиации противника?

– Наша система ПВО нацелена на отражение нападения противника, а в мирное время оказалось, что мы не совсем готовы противостоять воздушным хулиганам на легких самолетах, летящих на малых высотах. Протяженность границ более 60 тысяч километров и экономика государства не потянет их обустройство против таких случаев. Погода в тот день была облачной, с прояснениями, с нижним краем облаков 400 метров. У нас с коллегами сложилось такое впечатление, что это была тщательно продуманная провокация и не без участия руководства страны, судя по расправам, которые учинили с военными. Я шутил, когда упомянул 37-й год, но по масштабам отставок было как тогда, а всего-то легкий самолет и мои коллеги могли его уронить «нечаянно» несколько раз, но не было команды. Сейчас мы знаем, что немецкий летчик хотел сесть в Кремле, но там было много народа.

– Выходит, кто-то ждал его посадки в Кремле, чтобы поменять руководство в Министерстве обороны?

– Во всяком случае, провокация удалась, и хорошо, что мы здесь работаем, а иначе уже сажали бы клубнику на даче, у кого она есть, – сказал Владимир.

– А ты знаешь, похожий случай в истории ПВО произошел в Москве почти полвека назад с самолетом Юнкерс-52.

– Я об этом не слышал. А что за случай?

– Прошло полвека, а вопросов стало больше, чем ответов. История с Юнкерсом была не только засекречена, но

и темной по своему содержанию, потому что мотивы были в ней такими же, как у сегодняшнего полета Руста.

– А откуда ты знаешь о той истории?

– Потому что мне интересна наша история и ее темные пятна. Та история, скорее, больше касалась НКВД, а не ПВО, которую сделали, как с Рустом, козлом отпущения, – сказал Лукин.

– Виктор, умеешь ты интриговать. Так расскажи, что там было с ПВО?

– Ну, хорошо. Чуть-чуть из предыстории о тех временах. В мае 1941 года с западных границ СССР все чаще приходят тревожные сообщения о концентрации серо-зеленой массы германских войск. По ночам вдоль советской границы доносился рев танков и бронемашин, а самолеты Люфтваффе постоянно вторгались в воздушное пространство СССР и после облета пограничных районов возвращались обратно.

15 мая 1941 года, в 7 часов 30 минут утра по Москве, со стороны немецкой границы над Белостоком появился трехмоторный немецкий бомбардировщик Ю-52 с крестами на крыльях. На голубом безоблачном небе ярко сияло солнце, летчики называют такую погоду «миллион на миллион». Некоторые наземные службы ПВО, обнаружив самолет, не объявили тревогу и не навели на нарушителя перехватчиков, другие и вовсе узнали о его полете после приземления в Москве, спустя сутки. А «Юнкерс» тем временем миновав Смоленск, взял курс на Москву и в 11:30 вошел в зону ПВО столицы Советского Союза. Экипаж «Юнкерса» хорошо ориентируясь в окрестностях Москвы, уверенно совершил посадку на Центральном аэродроме имени М.В. Фрунзе, недалеко от стадиона «Динамо». Похоже, что Юнкерс прилетал для проверки

надежности ПВО СССР и особенно Кремля, а вторым заданием полета была провокация с целью компрометации высшего командования ВВС и его последующей ликвидации руками НКВД.

Немецкая разведка провела немало таких операций в 1930-х годах. Была версия, что самолетом доставили письмо Сталину от Гитлера, но историки утверждают, что они не переписывались, и такого письма никто не видел впоследствии. Хотя была информация, что «Юнкерс» заглушил свои двигатели. В тот момент к нему подъехал сверкающий на солнце никелированными фарами и бамперами черный лимузин, из которого вышел человек в черном костюме и шляпе. Он поднялся в самолет по приставному металлическому трапу и вскоре вышел с кожаным портфелем в руках. Черный лимузин выехал с аэродрома в сопровождении черной «эмки» и помчался в сторону центра столицы. Через два часа, заправившись горючим, «Юнкерс» вылетел с аэродрома и исчез в воздушном пространстве Германии. Так родилась версия с письмом Гитлера к Сталину.

Возможно, так и было, судя по содержанию Приказа № 0035 от 10 июня 1941 года Наркома обороны Тимошенко «О факте беспрепятственного пропуска через границу самолета Ю-52 15 мая 1941 года», который остался единственным официальным документом, подтверждающим тот провокационный полет. В приказе были перечислены факты неблагополучного состояния службы ПВО Западного особого военного округа, потере бдительности и отсутствии должной требовательности со стороны командующих военными округами и высшего начсостава ПВО и ВВС к четкости несения службы ПВО. Любой пункт данного приказа мог быть в то время расстрельным

приговором для генералов, но их наказали замечаниями, выговорами и даже с должностей не сняли, что придало еще больше таинственности произошедшему. Да и приказ был подписан почти месяц спустя после посадки «Юнкерса».

– Да, на самом деле много непонятного для того времени, – задумался Владимир.

– Судя по наказаниям в приказе, можно было бы подумать, что НКВД вместе с другими «вампирами» напились «крови» и оставили летный состав в покое, потому что война была все-таки не за горами. Но даже начавшаяся война не остановила вакханалию репрессий. После посадки «Юнкерса» арестовали начальника ВВС Красной Армии Рычагова, начальника управления ПВО Штерна, командующего Прибалтийским военным округом Локтионова, который до того занимал должность начальника ВВС Красной Армии, помощника начальника Генштаба по авиации Смушкевича, которые были расстреляны 28 октября 1941 года в Куйбышеве по личному приказу Берии.

– Всем, кто прохлопал «Юнкерс», по выговору, а верхнее руководство – к стенке. Ты был прав – темное дело, а не секретное. Пока, Виктор, увидимся на сессии в Ленинграде.

– Да вызов получил. До встречи, – протянул Лукин руку.

Дежурный «рафик» доставил Лукина, Грищенко и Горюнова в депутатскую комнату аэропорта, где их встретили все такие же фотомодели в безупречной форме стюардесс, с красивыми ногами в сапожках на шпильках и модными прическами. От девчонок веяло французской парфюмерией, которая имела специфический запах. Его

невозможно было спутать с другими. Им оформили билеты по проездным талонам и пригласили на посадку. Полет чуть более часа и снова депутатская комната аэропорта Пулково, откуда их забрал служебный автомобиль и доставил в Академгородок, разместив в отдельном домике для иностранцев.

Домик был похож на дачу со всеми удобствами и состоял из трех спален, гостиной и кухни со всей необходимой техникой для ведения хозяйства. В Академии гражданской авиации студентов кормили неплохо, но они решили готовить сами, потому что в Питере продукты оказались более качественными, чем в столице, а при их высокой зарплате они могли себе позволить скрасить свой ужин дорогими спиртными напитками. С погодой им немного не повезло: накрапывал мелкий дождь, и небо заволокло низкой облачностью, потому белые ночи стали серыми. Такая погода располагала к преферансу. А какой «мизер» без рюмки?

Мало они были похожи на простых студентов-заочников, но Лукину больше нравилось ездить в Ленинград на «Красной стреле». За окном гостиницы была все та же серая ночь, и не хотелось спать, а может быть из-за нового необжитого места. Ему припомнилась первая поездка в Питер пятнадцать лет назад. До Ленинградского вокзала от дома две остановки на метро и Московский вокзал в центре Северной столицы рядом с Невским проспектом. Теперь надо соблюдать этикет, бесплатный перелет, гостиница и депутатская комната, а тогда, вечером в пятницу, он поспорил с друзьями Владом Численко и Валерой Титковым о качестве папирос «Беломорканал». Они были молодыми инспекторами уголовного розыска и трубки курили больше для понтов, как дань Шерлоку Холмсу, а так больше «Беломор». Влад хвалил москов-

ский, а Валера армавирский, но Лукину больше нравился питерский табачной фабрики Урицкого, но его не поставляли в Москву и ребята бросили фразу, что хорошо спорить о папиросах, которые невозможно купить. Лукин сказал, что не проблема. «Красной стрелой» он мотнулся в Питер, погулял по Северной столице, и утром в понедельник привез «Беломор». Потом он с коллегами иногда ездил поездом в Питер или в Таллин погулять на выходные. Теперь их компания распалась. Прекрасное время было.

Закурил Лукин, когда пришел на работу сыщиком, а до этого был в большом спорте. Но папиросы «Беломорканал» бросил курить после того, как прочитал правду о его строительстве. Да и Лаура предложила «Мальборо», которые курил больше после выпивки и для понтов. В феврале 1980-го в Афганистане Лукин совсем бросил курить.

Студенты стали высокими начальниками, и все давно закончили свои Академии. Лукин – Академию МВД СССР, полковник авиации Грищенко – Академию Генштаба, а Борис Горюнов – МАИ, но им надо было добрать специальных знаний, которые пригодились бы в работе. Профессорско-преподавательский состав хорошо их знал по многим документам, которые они готовили по результатам расследования и относились к ним совсем не как к студентам. Когда же Грищенко в очередной раз поправил профессора на лекции, то он в перерыве предложил им:

– Ваше замечание я учту, но лучше их делать не перед слушателями, а после лекций. Я понимаю, вы практики и все новшества по расследованию авиапроисшествий вы приносите нам для обучения слушателей, и если вам неинтересно на лекциях, то сходите, попейте пива, здесь на трамвайном кругу всегда свежее, а я договорюсь со своими

коллегами, и мы вам всем выставим отличные оценки.

– Я прошу Вас меня извинить. А Ваше предложение мне нравится, товарищ профессор, но можно мы будем посещать те лекции, по которым у нас нет достаточных познаний? – спросил Грищенко.

– Вы можете ходить на любые лекции. Мы предоставляем вам свободный график.

Выйдя из Академии, летчик-истребитель предложил обмыть окончание Академии с отличием:

– Мы уже дипломы об окончании Академии заработали, нам нужно только появиться на государственных экзаменах. Мы бы и так сдали их, но предложение профессоров надо принять. Поехали на трамвайный круг, снимем пробу, а потом в наши номера, предлагаю партию расписать в преферанс.

Лукин учился в Академии МВД без особого напряжения, но здесь оказалось еще лучше. Он давно задумался, особенно после «разборок» со «старшими братьями» из КГБ, о приобретении второй профессии или защите диссертации. Стать кандидатом юридических наук, но в гражданской жизни не очень ценилось образование в Академии МВД. Много специфики она давала именно для работы в органах МВД, а чтобы пойти в адвокаты или еще куда, то такое образование не ценилось на гражданке. О разрыве с Лаурой он не задумывался. Поэтому, узнав о возможности получить авиационное образование, а вернее, закончить то, что начал в МАИ, он попросил отправить его на учебу. Кадровики и руководство с радостью это сделали, думая, что он хочет ближе стать к их работе. А он думал и об этом, и о другом. В жизни бывают различные повороты, и неплохо бы уметь делать что-нибудь еще, а в авиации много должностей, где он мог бы применить вновь приобретенные знания. Так как вопрос о дипломе был прак-

тически решен, он согласился с Грищенко.

К вечеру пятницы 19 июня в Академию пришло сообщение о катастрофе самолета Як-49 под Бердянском. Борис позвонил коллегам в Госавианадзор и ему рассказали о Госкомиссии, направленной на расследование обстоятельств катастрофы. Экипажу предстояло выполнить рейс из Одессы в Бердянск, где по прогнозу погоды была кучевая облачность высотой 800 метров и с верхней границей 8 километров, дымка, ливневый дождь, гроза, ветер северо-северо-восточный умеренный, видимость 6 километров. Командир принял решение на вылет.

В 10:07 Як-40 взлетел из Одесского аэропорта и после набора высоты занял эшелон 6300 метров. На его борту находились 5 членов экипажа и 24 пассажира.

В 11:16 метеонаблюдатель получила предупреждение о шторме, но не смогла передать диспетчеру, который в 11:18 дал указание экипажу переходить на связь с диспетчером посадки, когда до аэропорта самолету оставалось 20 километров. В 15 километрах от аэропорта и на высоте 400 метров экипаж связался с диспетчером посадки, который сообщил, что их отнесло влево на 300 метров, а в шести километрах от ВПП и ближе радиолокационный контроль отсутствует.

Но экипаж не стал принимать решения об уходе на второй круг. Затем в 11:20 пилоты получили информацию, что они вошли в глиссаду в 8600 метрах от взлетной полосы на высоте 400 метров и точно на курсе, получив разрешение снижаться. Экипаж доложил о выпуске шасси и о готовности к посадке, на что получил разрешение. Диспетчер на «вышке» запросил у метеонаблюдателя данные о погоде. Она сообщила, что на 11:20 небо полностью затянуто дождевыми облаками высотой 210 метров, идет ли-

вень, гроза, ветер умеренный, попутный заходящему на посадку Як-40, видимость составляет 500 метров.

Диспетчер усомнился в видимости 500 метров и в 11:21 потребовал сделать контрольный замер, при этом ни диспетчер, ни метеонаблюдатель не сообщили диспетчеру посадки о сложных метеоусловиях, а потому тот не смог предупредить экипаж. Тем временем Як-40 заходил на посадку со скоростью 250 км/ч выше глиссады и уклонялся вправо. Отсутствие у экипажа данных о скорости ветра и глиссаде привели к ошибке командира и посадке с перелетом на 1500 метров.

В 11:22 из-за водного слоя на поверхности полосы самолет глиссировал и тормоза отказали. Экипаж потерял свое местоположение на полосе, и от угрозы выкатывания пилоты приняли решение взлетать, не зная, что до конца полосы осталось двести метров, которые самолет вмиг пробежал на взлетном режиме и выехал на рыхлый грунт. Самолет начал тормозить. Экипаж прекратил взлет. Но лайнер продолжал двигаться по инерции, и от удара о будку у него оторвало часть правого крыла. Потом он снес два дерева, переехав шоссе, выкатился на поле, где перевернулся на левое крыло, разрушился и загорелся. В катастрофе погибли 8 человек.

– Борис, и как это называется? – спросил Лукин.

– Бардак. Как будто диспетчеры, экипаж и метеонаблюдатель работали сами по себе. По такой погоде надо было закрывать аэродром и отправлять Як-40 на запасной. Русская авось не сработала.

После успешной сессии на «отлично» в ОЛАГА их перевели на выпускной курс. По возвращении в Москву Лукина откомандировали в составе комиссии в Якутск, где в аэропорту совершил вынужденную посадку Ил-62, летев-

ший с Камчатки. В полете загорелся один из двигателей самолета. Пожар был потушен и экипаж совершил вынужденную посадку. Никто не пострадал. Пассажиров отправили другим бортом в Москву.

Такое происшествие в управлении расследования именовалось аварией, и после замены двигателя самолет мог бы лететь дальше. Но то был Ил-62, а на таких самолетах летали члены Политбюро и другие партийные руководители. Свою роль сыграла и недавняя катастрофа с Ил-62 в Варшаве, и тоже с двигателями. Поэтому была назначена Государственная комиссия по расследованию инцидента. Председателем комиссии назначили Сергея Лещинского, с которым у Лукина сложились приятельские отношения. Он попросил руководство отправить его с ним. Разрешили, но с оговоркой, если случится что-то серьезное, то Лукина отзовут.

– Наше расследование будет несложным, я говорю о «полевом расследовании», так как самолет стоит в аэропорту Якутска. Осмотрим самолет, демонтируем двигатель и отправим его в ГосНИИ гражданской авиации в Шереметьево на исследование причин его загорания. Скорее всего, разрушились лопатки двигателя или подшипники вала, как в Варшаве. На месте сами мы не сможем определить. А после экспертизы будем решать остальные проблемы, связанные с происшествием. Ты в Якутии не был до этого? – спросил Сергей.

– Не приходилось.

– У нас будет свободное время, попросим местных коллег показать диковинные места Якутии.

– А разве возможно посмотреть за пару дней всю Европу? Ведь Якутия занимает по площади почти такую же территорию.

– Что сможем, то сможем. Мне приходилось здесь бывать ранее. Здесь расположен полюс холода, и нет на Земле более холодной местности. Толщина вечной мерзлоты достигает полутора километров, а разница между летними и зимними температурами – более 100 градусов. Зимой бывает минус 70, а летом плюс 40, но бывает и снег пойдет. Здесь на один квадратный километр приходится лишь один житель, видимо, поэтому именно здесь Бог, пролетая, обморозил пальцы и выронил все природные сокровища в землю.

На уникальной земле есть своя жемчужина – река Лена, сравниться с которой по красоте не может ни одна река России. Зарождаясь маленьким ручейком на западных склонах Байкальского хребта, через четыре тысячи километров Лена вливается в студеные воды моря Лаптевых, преодолевая горные хребты, дикую тайгу, лесостепь и тундру. Ширина русла в низовьях достигает 25 километров. Размеры Ленской дельты отмечены в книге рекордов Гиннесса.

– Сергей, мне с тобой и местного гида не надо. Дали бы нам вертолет на пару дней. Слетать на рыбалку или алмазы с золотом поискать.

– С вертолетом, конечно, интереснее, иначе ничего не увидишь. Рыбачить можно везде, а с благородным металлом лучше не связываться. Да что я тебе объясняю, ты лучше меня знаешь.

– Да я так, к слову.

– Рыбалка здесь интересная. По Якутии протекает 700 тысяч рек больших и малых, да столько же озер, в которых водятся осетра и сибирская нельма, омуль, муксун, таймень. А чего стоит ряпушка, особенно вяленная, светится она, как янтарь.

– Вот бы порыбачить.

– Должен тебя предупредить, природу Якутии охраняют насекомые, которых насчитывается тысячи видов, поэтому в июле мне не очень хочется на рыбалку.

– Да, я слышал, что сожрать могут на берегу водоема или в тайге.

– Запросто. Размеры местных комаров можно сравнивать с американскими «Старфайтерами». Пикируют и воют также. До настоящего времени река Лена не имеет плотин и гидроэлектростанций, протекая по дикому руслу, как и миллионы лет назад. Здесь все еще можно пить воду, зачерпнув из реки ладонью. А Ленские Щеки или уникальные Ленские Столбы, вытесанные водой из скал. Такое надо видеть. Река кормит и поит, а зимой и летом служит надежной дорогой. Неподалеку от Якутска идут раскопки на месте древнейшей мастерской каменного века, по возрасту приближающейся к периоду зарождения рода человеческого, а на скалистых берегах Лены можно увидеть древние наскальные росписи.

– Сергей, но до Столбов мы точно не сможем сплавиться по реке Лене, и времени не будет, и у насекомых самый жор сейчас.

– Жаль, что не получится. Хотелось бы тебе показать, как за миллионы лет вода, лед и ветер вырезали в известняковых породах береговых хребтов Лены удивительную колоннаду каменных столбов, которая тянется на десятки километров. Ленские столбы напоминают лесных великанов, которые будто вышли к воде, да так и остались стоять, окаменев, вдоль крутых берегов сибирской реки, прорезающей Якутию с юга на север. Мощные и замысловатые фигуры по выразительности не уступают творениям лучших архитекторов. Нагромождение скал кажется живым

существом. На закате стена каменных великанов окрашивается сначала желтым, потом оранжевым, а затем густым багровым цветом. Когда сумерки сгущаются, выточенные из камня монстры грозно склоняются над тобой, будто хотят поглотить. Снизу, от реки, столбы кажутся сплошной стеной, но с вершины берегового хребта видно, что на самом деле это частокол изваяний, напоминающий гигантский хвост дракона. Здесь царят тишина и покой, и редко услышишь даже птиц. Только личинки жуков-дровосеков скрипят внутри усыхающих стволов лиственницы, да изредка пролетит с дерева на дерево большой черный дятел с мощным клювом.

«Удивительно, что Сергей, инженер по образованию, так увлекательно рассказывает про природу. Хотя он настоящий интеллигент, в полном смысле слова и, наверное, не ограничился в жизни только авиационным образованием», – подумал Лукин.

– У меня в свое время был прекрасный экскурсовод по Якутии в лице местной красавицы. Она была влюблена в свой край, и это передалось, видимо, мне, – сообщил Сергей, как будто прочитал мысли Виктора.

– И где теперь эта красавица?

– Вышла замуж и уехала в Иркутск, – сказал Сергей с грустью и повернулся к окошку, разглядывая изрезанную реками тайгу.

Лукин не стал больше его расспрашивать, и так было видно, что эта красавица была влюблена не только в Якутию, а перепало и Сергею. Как ему знакома эта грусть с приятными воспоминаниями о былом, когда не хотелось об этом ни с кем делиться, а молча смотреть в окошко самолета.

Самолет Ил-62 стоял в углу аэродрома, поэтому они с Сергеем решили остановиться в местной гостинице аэро-

порта. Дело было к вечеру, но в Якутии стояли белые ночи, и солнце только касалось горизонта, но не падало за горушку. Осмотр самолета решили отложить до утра. Гостиницу аэропорта недавно построили, и им обещали два номера люкс, так как из города добираться ежедневно до самолета, было лишней потерей времени. Так было заведено, что все расходы на содержание и обслуживание комиссии брали на себя обычно владельца того авиапредприятия, чей самолет получил повреждения. В данном случае это должны были сделать «домодедовцы» или «камчадалы», откуда вылетал самолет, но никто из них еще не прилетел. А руководство Якутского авиаотряда, видимо, не совсем уяснило, что на расследование авиапроисшествия прилетела Государственная комиссия, которой даны права по запрещению полетов при обнаружении фактов, влияющих на безопасность полетов до их устранения. Этих товарищей поселили с Сергеем в номера «люкс», которые были все в коврах и в использованной бумаге после подтирания заднего места при освобождении кишечника. Было такое впечатление, что в номерах гостиницы жили гости отдаленных чумов Якутии до тех пор, пока было возможно дышать собственным дерьмом без противогазов. Они с Сергеем вызвали якутских «бабаев» к себе в номера, указав им, что они не владеют обстановкой в своем авиационном хозяйстве. Их предложение о переезде в гостиницу Якутска они отклонили, предложив руководству за три часа наладить нормальное функционирование аэрофлотовской гостиницы, а сами выехали к самолету на осмотр, не дожидаясь утра.

– Сергей, я теперь понимаю смысл анекдота про чукчей, когда они зимой вдвоем ходят в туалет на улице с ломом. Один гадит, а другой ломом откалывает. Как

можно так себя вести в гостинице?

Правильно Юрий Антонов поет в песне, что только в полете живут самолеты. ИЛ-62 стоял с обгоревшим двигателем в углу аэродрома, как сиротинушка. И они должны решить его дальнейшую судьбу по эксплуатации. Надо было дать заключение комиссии о причине пожара в двигателе. Утром прилетит конструктор двигателя и руководители Пермского завода, где их производили. Пока они осматривали двигатели самолета и фотографировали, «бабаи» постоянно докладывали о ходе уборки в гостинице. Только воду обещали дать к утру следующего дня. Как всегда не хватило две трубы, чтобы устранить протечку, которая образовалась еще зимой во время лютых морозов. Работы по устранению аварии были начаты, но украли трубы кому-то на дачу. Интересно, сколько бы еще мучились авиапассажиры аэропорта Якутска, если бы не их комиссия? Народ в Якутии тихий и не возмущается. К вечеру они вошли в свои номера и почувствовали, что местные явно перестарались. В номере все сверкало, и стоял запах французской парфюмерии.

– Виктор, это на них подействовала твоя яркая речь о том, как антисанитарное состояние гостиницы оказывает негативное влияние на безопасность полетов.

– Сергей, мы же государевы люди и должны так работать. Они что о себе возомнили? Я буду смотреть на их безобразия? Да, они эти трубы себе по дачным участкам растащили еще весной, а нам парят мозги, что не хватило труб для устранения последствий аварии. Утром, если не будет воды, то и милицию вызову местную для проверки их хозяйственной деятельности.

– Да. Якутам явно не повезло, что тебя включили в комиссию. Мне летчики местные рыбки подкинули. Давай с

пивком.

– Я узнал, что здесь есть пиво из Иркутска. Оно точно хорошее, так как сделано на байкальской воде. Прогуляться не хочешь перед сном?– предложил Виктор.

– Можно было бы, но я на летном поле уже накормил комаров.

– Надо завтра купить в аптеке мази, отпугивающей от насекомых. Комары здесь еще ничего, но страшнее энцефалитный клещ.

– Так это в тайге.

– В том то и дело, что эти паразиты летят ближе к жилью.

– Это опять вопросы к местной санэпидемстанции.

– Если ты и этот вопрос решишь, то местное население изберет тебя депутатом от Якутии в Верховный Совет, – пошутил Сергей.

– Это у меня была возможность быть им по молодости, но не по душе мне их скучная жизнь. Пошли спать. Я тоже что-то притомился за день.

– Какой день? Мы почти сутки на ногах.

Утром Лукин открыл кран с горячей водой, а там по-прежнему тихо. Кран с холодной водой тоже не зашипел воздухом, выталкивающим напором воды. Он зашел к Сергею, который тоже безнадежно крутил краны смесителя.

– Пошли в ресторан на первом этаже. Они работают на привозной воде.

Неумытые и небритые, но в костюмах с галстуками, они присели за столик ресторана.

– Девушка, а можно попросить у вас два стакана чая?

– Только чай? – удивилась официантка.

– Да, и если можно без сахара.

– И без заварки, – добавил Сергей с улыбкой, – нам по-

бриться надо, а воды в номере нет.

– Вы, наверное, из московской комиссии?

– Откуда знаете? – спросил Лукин.

– А кому еще в голову взбредет сделать такой заказ, только москвичам. Сейчас я вам чайник принесу с кипятком и две кружки.

– Мы будем Вам очень благодарны и вернемся на завтрак.

В номерах они привели себя в порядок.

– Сергей, у меня предложение. Пока ты будешь с бригадой демонстрировать двигатель с ИЛ-62, я займусь устройством быта в гостинице до конца и начну с пожарной команды. Они стоят напротив гостиницы и мне интересна их боеготовность.

– Хорошо. Только не сильно их гоняй.

Виктор подошел в пожарную часть напротив гостиницы, где сержант мыл пожарную машину.

– Где воду берете?

– Из реки закачиваем.

– А в кране нет воды?

– Еще по морозу трубу прорвало, а коммунальщики сделать не могут.

– А где дежурный? Где пожарный расчет? – спросил Лукин.

– Весь перед Вами. А зачем Вам? – поинтересовался сержант.

Лукин предъявил удостоверение МВД СССР, от которого сержант бросил тряпку и вытянулся.

– Я прилетел вчера с московской комиссией, сообщите вашим командирам, что я жду от них объяснений в гостинице напротив, почему пожарный расчет состоит из одного сержанта, а рядом важный пожароопасный участок.

Минут через двадцать в номер вошел капитан внутренней службы с восточными чертами лица.

– Товарищ полковник… – начал он рапортовать, повысив его в звании. Наверное, сержант пропустил приставку «под» как в царской армии, когда не было подполковников.

– Отставить! Лучше доложите мне, где находятся ваши пожарники и почему Вы не на рабочем месте? Почему в гостинице давно нет воды, а вы еще ни разу не наказали ее владельцев и коммунальщиков за нарушение противопожарной безопасности? Вся гостиница завалена использованной бумагой, и нет воды. Там хватит одного окурка, и нет гостиницы. А в этом сраче еще и люди живут. Да и Ваши машины стоят без воды, и это в летнюю жару, а Вы соизволите картошку сажать с пожарным расчетом на даче, – для пущего разноса предположил Лукин.

– Мы сейчас все исправим, – капитан не стал возражать по картошке.

– Я что-то сомневаюсь, поэтому слушай команду, капитан. Пожарные машины заправить и привезти сюда коммунальщиков-руководителей, отвечающих за водоснабжение, составить на них и руководителей гостиницы проколы о нарушении противопожарной безопасности в гостинице и аэропорту. В гостинице между прочим четыре этажа и все завалены бумагой в такую жару. Поставьте в известность милицию аэропорта, чтобы они пригласили посмотреть на безобразие санитарных врачей. Дайте им три часа на устранение последствий аварии и уборку остальных номеров гостиницы, иначе я сделаю фото и вместе с актом расследования доложу в Совете Министров, – Лукин для пущей убедительности показал капитану свое удостоверение.

– Да, я знаю, что вы из Государственной комиссии.

– А пока они будут устранять все последствия, пусть твои бойцы соорудят два уличных туалета с буквами «М» и «Ж» на пустыре между пожарниками и гостиницей, чтобы народ не бегал по кустам. Меня найдете около аварийного ИЛ-62 и доложите.

Виктор пошел к Лещинскому, а через час подъехала к ним пожарная машина с капитаном и черная «Волга».

– Товарищ полковник, это директор гостиницы.

– Извиняюсь, мне только сегодня утром сообщили, что вы у нас поселились. Уже проводят уборку в остальных номерах. Туалеты на улице строят солдаты, и авария в водопроводе будет ликвидирована к обеду. Дадут холодную воду, а к вечеру и горячую. Я вас приглашаю на обед, в городе есть хороший ресторан при гостинице «Лена».

– У нас нет времени, но если б вы организовали обед в ресторане своей гостинице, то мы бы не отказались. Ты не против, Сергей?

– Да, можно, а то со вчерашнего вечера на чае.

– Хорошо. Тогда я жду Вас на обед в нашем ресторане, – директор развернулся и поехал командовать кухней в своей гостинице.

– Тебя одного нельзя выпускать на арену. Что за пургу навел? Все прилетели и с докладом, – улыбнулся Сергей.

– Да, я так в легкую объяснил капитану пожарной команды, кто мы и откуда. А попутно, что такое противопожарная безопасность в гостинице, где нет воды. Ссылкой в Сибирь их не напугаешь, у них климат еще суровее, но наказать всех пообещал, иначе еще месяц ремонтировали бы водопровод, а то и в зиму бы так ушли. Не было у них никогда гостиницы в аэропорту, вот и не привыкли к цивилизации. Столько воды вокруг, а в кране ни капли.

Могли бы просто насос «Малыш» кинуть в реку, что рядом с гостиницей, и шлангом дали бы воду, а они сидят и думают, где достать трубы. Наверное, в своих домах не ждали бы столько аварийной бригады.

Перед обедом они зашли в номер гостиницы умыться перед обедом. Теперь и вся гостиница сверкала от чистоты и пахла французскими духами.

– Виктор, мне кажется, Францией пахнет.

– Видимо, ведро «Шанель №5» разлили по номерам гостиницы, но запах лучше, чем от использованной бумаги. Вот «бабаи». Умеют же быстро устранять недостатки, когда большой начальник попросит.

Холодная вода текла из крана. Жизнь наладилась, и обед был царский. В конце обеда официантка принесла пять бутылок шампанского и целую связку вяленой ряпушки. Виктор много слышал о якутской знаменитой рыбке, которая светится, как янтарь.

– Лукину просили передать коллеги из уголовного розыска города Нерюнгри. Они в Якутске делали пересадку, и времени не было для встречи. Увидели Вас перед посадкой и попросили меня отнести подарок. Они боялись, что не скоро попадут в Нерюнгри, если присядут с Вами за стол, – улыбнулась официантка.

– Где их самолет? – спросил Лукин.

– Уже выруливает на взлетную, – сказал Сергей. – Виктор, ты говорил, что не бывал в Якутии, а тебя и здесь знают.

– Только я не знаю, кого из моих коллег забросила судьба в Нерюнгри.

– Как это? Ты не знаешь, кто сделал тебе подарок?

– Прилетим в Москву, спрошу у коллег из МВД, кого Министр Федорчук отправил на золотые прииски, – сказал

Лукин.

– Нерюнгри в переводе с эвенкийского означает «богатая хариусом». Когда нашли золото на Алдане, началось строительство Амуро-Якутской магистрали, и тогда появились палатки, а потом и Нерюнгри. Еще до революции на юге Якутии насчитывалось до 80 золотых приисков.

– Вот куда слетать на экскурсию.

– Но только к твоим знакомым из МВД, иначе туда не попадешь, а если прилетишь, то обратно можешь не вернуться. Где много золота, там беда.

Лукин только мог предположить, что подарок был от его коллег из МВД СССР, которых судьба забросила по их доброй воле или по распоряжению Министра Федорчука, когда он волевым решением разбросал по всему Союзу двести полковников из Центрального аппарата МВД СССР. Лукину предложили УВД Самарканда, но он увернулся и попал в Госкомиссию. Вскоре и Федорчука освободили от должности Министра с формулировкой ЦК КПСС «… за неправильную кадровую политику в органах МВД». Это означало пенсию без предоставления другой государственной должности. Вместе с его отстранением затихало кураторство КГБ над МВД, потому и Лукину удалось уйти на повышение.

Вечером шампанское пошло неплохо под вяленую рябушку.

– Виктор, теперь я понимаю, почему наши коллеги хотят видеть тебя рядом на расследовании. А Председатель не всегда соглашается на твою командировку: «А, если случиться что-нибудь более серьезное, то с кем я полечу на расследование?» – объясняет он.

Виктору было приятно, что он своей работоспособностью и четким руководством всеми приданными силами

на расследовании получил лучший отзыв от первого лица Госкомиссии, что тоже хочет видеть его рядом. Он понял, что снискал покровительство руководителя не заискивающим поведением, что он не любил, а хорошей серьезной работой.

Сергей с Лукиным закончили «полевое расследование». Прибывшие специалисты демонтировали сгоревший двигатель и отправили его на ИЛ-76 в Москву. Комиссия улетела в Домодедово на рейсовом самолете, оставив в Якутске о себе приятные воспоминания у работников ресторана, которые получили горячую и холодную воду и им теперь не надо бегать к реке с ведрами за водой. И откуда было знать уставшим пассажирам, что с их подачи в гостинице аэропорта наведен порядок, и они могут отдохнуть, приняв душ, а про пожарников и говорить нечего, так как они получили совершенно бесплатно летний туалет с неизменной символикой «М» и «Ж», который соорудили собственными руками.

Все у Лукина вроде бы складывалось успешно. Осуществилась его детская мечта стать летчиком. Довольно-таки относительно, но летал он часто и на гражданских и военно-транспортных самолетах, расследовал происшествия, связанные с полетами. Да, и Постановлением Совмина их должности расследователей приравняли к летчикам-испытателям, но только в части экипировки для выездов на места происшествий. Их обычно одевали и обували в эту спецодежду на авиапредприятиях, где они проводили расследования. После одежду списывали, а теперь им выдали летные кожаные куртки, комбинезоны и куртки синего цвета на овчинном меху с эмблемами ВВС, такие же летные сапоги на молнии, унты и многую другую одежду и обувь. Но чаще эта удобная одежда была необхо-

дима для охоты и рыбалки, а на расследование летать в ней было неудобно, да и тащить с собой тяжело. Бежевые свитера были из верблюжьей шерсти, а кожаные комбинезоны с куртками на мягком мутоне, которому позавидовали бы московские модницы. Да еще унты с унтятами и можно на улице зимовать. В таком одеянии Лукин спокойно сидел часами в сугробе в двадцатиградусный мороз, ожидая зверя из загона, и не замерзал. Охотились они обычно за Истрой, недалеко от Глебовской птицефабрики. В их охотничью компанию входил заместитель директора той фабрики Александр Петрович, который компенсировал неудачи на охоте продажей продукции своего хозяйства. Яиц и цыплят можно было купить по довольно низкой цене в неограниченном количестве, так что охота всегда была удачной.

Хозяином охотничьего домика был генерал авиации Николай Сергеевич, а всю эту команду возглавлял их начальник кадров Владимир Николаевич. Охотники были с большим стажем и большими звездами на погонах, поэтому их компанию принимали везде с уважением. Если они собирались на охоту под Ступино, то там обычно резали домашнего кабанчика и делили его на равные части вместе с добытой дичью. В Заокском районе Тульской области директор племенного совхоза встречал их забитым бычком, а под Юхновым для них резали двух баранов. Да, и они никогда не промахивались при стрельбе по парнокопытным, а в стране ощущались перебои с продовольствием, вызванные «Перестройкой». Так что они стали настоящими добытчиками в семьях, как в первобытном строе. Мужчины ходят на охоту, чтобы добыть мяса.

Был такой анекдот. Приходит муж с охоты пьяный: «Все, жена? можешь мясо целый месяц не покупать». –

«Что кабанчика завалил?» – «Нет, зарплату пропил», – ответил муж и рухнул на диван.

Жизнь Лукина стала разнообразнее и интересней, но он часто вспоминал свою работу в уголовном розыске. Проезжая по Цветному бульвару свернул в свое бывшее управление милиции. Теперь он сидел в кабинете у своего бывшего начальника управления и гонял с ним чаи. А совсем недавно заходил сюда со стуком и, стоя, докладывал оперативную обстановку, но он еще до конца не осознал, когда было лучше.

– Как дела? Ты где все-таки работаешь? Переходил от нас в МВД СССР, а говорят, что в авиации оказался, – поинтересовался Виктор Григорьевич.

– Я остался в действующем резерве Министра. Он командировал меня в комиссию Совета Министров СССР.

– А чем занимаешься?

– Работа спокойная. Расследую авиационные катастрофы и принимаю участие в освоении программы выживаемости по линии авиакосмической медицины, – напустил «тумана» на новую работу Лукин.

– И он называет спокойной работой, когда самолет в лепешку. Командировок много?

– О них теперь в новостях сообщают, но между командировками отдых. Нет потока преступлений, как в угрозыске и есть окошки по времени, когда вообще заняться нечем.

– Не могу представить, чтобы ты бездельничал.

– Готовлю защиту кандидатской диссертации.

– А тема?

– Нетронутая тема, потому секрет.

– Как у тебя со «старшими братьями» из КГБ? Все на-

ладилось?

– Они ведут себя тихо, вроде бы смирились с моим назначением, там у нас появился в руководителях друг нашего Николая Антоновича. Он немного косился в мою сторону, но потом мы съездили большой компанией к нему на дачу. Мои руководители организовали ту поездку и встречу за рюмкой «чая». На даче мы с ним переговорили о жизни, и разговор коснулся той больной темы. Я ему выложил все о своей шутке, которая была нацелена только на пресечение потока дерьма, который выливали их "помощники" на меня, преследуя одну цель, занять мое место.

– И как он отреагировал?

– Как настоящий мужчина, который предпочитает женские ласки мужским. Это нашим районным чекистам не нравилось, что у меня любовница красивая француженка. Он посмеялся над той историей и сказал, что ему информацию донесли в искаженном виде, а теперь ему все понятно. После у нас отношения наладились, чаще стали общаться по работе, обмениваться мнениями по расследованиям. В общем, нормальная рабочая обстановка.

– Я рад, что у тебя все наладилось. А ты на кого намекаешь в отношении мужской ласки?

– А я и не намекаю. Всегда был убежден, что если мужику не нравится, что мужчина с женщиной занимаются любовью, значит он педераст. Все и было нормально, если бы не фантазеры среди добровольных помощников КГБ. Кстати, как они работают?

– Они перевелись от нас в другой район.

– И правильно, нельзя им было здесь оставаться. Я не держу на них зла. Видимо, их за что-то зацепили, если он были вынуждены выдумывать разную грязь про своих то-

варищей по работе, с кем они иногда кушали хлеб-соль. Да что говорить, бывали ситуации, когда и рисковали вместе своими жизнями. Ладно, у них есть судья на самом верху, он разберется. Между мужчинами и женщинами иногда случается любовь, которая не спрашивает национальности, а общение с прекрасным полом без любви я считаю аморальными, но мне хотели совсем не то «пришить».

– Но ты же женат, а роман был с иностранкой, потому и хотели тебе врезать за аморалку.

– Аморалку по указанию КГБ. Сильный ход.

– Ладно, я все понял. Ты опять на коне. Так что извини, если что не так.

– Да все нормально, Григорич. Это я так, к слову.

Меж тем борьба за власть и за чистоту рядов в МВД вошла в новую фазу, и Виктор был благодарен судьбе, что приготовила ему относительно «тихую гавань», хоть и суетную, а временами опасную работу, но «тихую» в смысле «под прикрытием Совета Министров СССР», что позволяло спокойно трудиться.

Лукин еще некоторое время получал приветы из Парижа от Лауры, которая интересовалась его жизнью через Надежду или Вику, а потом она пожелала ему по тем же каналам связи удачной карьеры и счастья. Писала, что все понимает и вряд ли они могут дождаться, когда их брак перестанет интересовать спецслужбы в СССР и во Франции. А ему было жаль тех пятнадцати лет, когда можно было бы быть вместе, но не получилось. Когда они были молоды, и все прошло бы не так болезненно, хотя кто знает, чем бы закончился их брак, если бы им позволили власти. Характерами они не были обижены, и сколько бы их совместная жизнь была бы безоблачной, неизвестно.

Лукин был включен в состав группы по написанию Но-

вого Воздушного кодекса. Для изучения истории авиации он отправился в государственный архив на Пироговке. Туда можно попасть только с запросом серьезной организации. Там он выяснил, что Госавианадзор был организован еще 18 августа 1923 года, а потом на праздновании его десятилетия провозглашен День Воздушного флота, так что ГАИ отдыхает по вопросу, что впереди яйца или курица. Интересные нарушения были в Воздушном кодексе того времени, как запрещающие пассажирам самолета в полете выбрасывать мусор за борт или стогование сена и выпас скота на летном поле.

Комиссия изначально создавалась с целью выхода из-под влияния любого министерства и ведомства, особенно из-под опеки Министерства гражданской авиации, которое возглавлял шеф-пилот Генсека. Хотя на его работу мог воздействовать более мощный орган, как ЦК КПСС и Совет Министров СССР, которым докладывались все результаты авиакатастроф. Кстати, по катастрофе в ЮАР с самолетом Президента Мозамбика вышло новое Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о продолжении работ по расследованию причин авиакатастрофы и проверке версии о диверсии, и руководителем новой комиссии назначили начальника летной службы Гражданской авиации. В результате удалось очистить магнитную запись бортового самописца, на которой штурман говорит о маяке. Это оказался ложный маяк, и штурман повел самолет по нему. А Иван Васильевич оказался прав, что это расследование не могло быть без политики.

Ранее, в 1969 году, в аэропорту Стамбула по вине экипажа самолет Ту-134 при посадке пробежал всю полосу и свалился в овраг. Никто не пострадал, но самолет восста-

новлению не подлежал. Самолет был технически исправен при посадке. Об этом подписал документ Главный конструктор, и владельцы самолета получили страховку пять миллионов долларов. Вот это цена причины катастрофы за рубежом. И здесь диверсии не было. Возможно, в ЮАР диверсия была, но экипаж был в состоянии разобраться в ложном маяке, посылающим сигнал за горой, в которую врезался самолет. Работу ложного маяка подтверждают переговоры экипажа с диспетчером, да и местные жители видели рядом с катастрофой военную палатку. В итоге обвинили расистский режим Претории. Это был, пожалуй, единственный случай письменного вмешательства ЦК КПСС в расследование авиакатастрофы.

Начиная с конца 1936 года под зорким оком Госавтонадзора СССР, многое сделано для безопасности полетов как гражданской, так и военной авиации. В результате Союз вышел на уровень США по аварийности, которые считались лидерами в этом деле.

В рамках международной деятельности проводились многочисленные встречи на высшем уровне, и в СССР прилетела делегация США во главе с Министром транспорта. В Москве в это время было туго со спиртным и борьба с «зеленым змеем» разразилась не на шутку. В магазинах выстраивались многочасовые очереди и давали не более литра водки в руки. В ресторанах тоже были ограничения по выдаче спиртного на праздничный стол, по двести грамм на гостя, а после 21 часа буфет ресторана опечатывался руководством совместно с сотрудниками ОБХСС, и никто не мог им пользоваться до следующего дня.

Во многих областях страны партийные руководители по привычке гнались за «перевыполнением плана». По инициативам местных властей число торговых точек, реа-

лизующих алкогольную продукцию, уменьшилось в Ставропольском крае – с 571 до 49, в Ульяновской области – со 176 до 26, в Белгородской – со 160 до 15, а в Астраханской – со 118 до 5. Пять магазинов на всю область с миллионным населением! Неудивительно, что самогонная мафия в таких условиях расцвела. Предоставили широкую свободу инициативе местных руководителей, а по сути – их самодурству и вредительству. Некоторые действовали по недомыслию, а другие по злому умыслу дискредитировали советскую власть и вырубали лозу элитных сортов винограда. Государство запрещало людям уходить от жизненных неустройств в пьяный угар, но и не помогало в налаживании трезвого образа жизни. Такое уже было после «сухого закона» Николая II в 1914 году. Но тогда запрет на продажу спиртного был тщательно подготовлен и прошел без катастрофических последствий для казны. Народ с пониманием отнесся к той мере в условиях войны. Однако вместо того, чтобы благодарить царя, протрезвевший народ стал задумываться о более справедливом общественном устройстве. Освободившаяся энергия народа нашла выход в революции. Теперь придумали «Перестройку», а с «сухим законом» получилась гремучая смесь. Не надо было водку трогать. Не к добру это. Историю надо знать.

– Виктор Павлович, не могли бы вы организовать небольшое застолье для американской делегации в ресторане, – попросил начальник управления расследований Алексей Алексеевич, зная о его общении с заокеанскими гостями в клубе США на фестивале молодежи.

– У меня много знакомых в ресторанах, но им лучше организовать в их гостинице «Союз», где они остановились, чтобы никуда не ездить после пьянки.

– Да, мы столько не будем пить, чтобы до спальни не добраться.

– Мы сейчас так думаем, сидя в кабинете, а там будет стол с русскими закусками, разговоры, тосты. Я думаю, официальный протокол закончится минут через десять после второй рюмки, а они пьют виски стаканами.

– Ну, это в кино.

– Нет-нет, я специально наблюдал на фестивале молодежи в клубе США, как ЦРУшники пили водку стаканами и без закуски под компот из сухофруктов. Я там был год назад начальником службы безопасности, поэтому давайте определимся сразу по количеству спиртного на каждое лицо.

– Я думаю, грамм по триста.

– Значит по поллитровке, иначе закроют буфет после заказа, и будете пить кока-колу.

– Нет, пол-литра водки будет много.

– Хорошо, мое дело предупредить.

– А остальное как?

– Не беспокойтесь. У меня в Ленинградском районе друг Борис Денисов работает начальником ОБХСС. Боря даст команду, и стол будет, как на приеме в Кремле. Что не хватит, то докупим на рынке. Сколько будет человек?

– С американской стороны будет восемь человек, и нас вместе с тобой десять.

– Я приеду пораньше, и буду встречать на месте.

Конечно же, надо было не слушать начальника, а сделать запас спиртного впрок, но Лукин понимал, что в таких вопросах неуместно проявлять самодеятельность, тем более что начальник был столь категоричен. Стол ломился от запеченных осетров и поросят, блинов с красной и черной икрой. Белые грибочки и многое другое, что созда-

вало питейное настроение. Виктор показал соседу по столу Биллу, как надо закусывать текилу «николашкой», как любил царь закусывать водку. На тонкую дольку лимона выложил черную икру и рядом красную. Биллу это очень понравилось, и он поделился этим «ноу хау» со своими земляками. Спиртное закончилось гораздо раньше, чем предполагалось.

– Виктор, сделай что-нибудь. Неудобно получилось. Все хотят еще выпить и под такую закуску не берет. Я понимаю, что сам настоял, но есть же выход? – умоляюще спросил Алексей Алексеевич.

– Почти никакого, если только купить у спекулянтов, сейчас поговорю с официантом.

– Любезнейший, можно Вас на минуту. У нас катастрофа. Кончилось спиртное, – сказал Лукин официанту.

– К сожалению, ничем помочь не могу. Сами знаете, Ваши коллеги завтра могут дело возбудить за самовольный срыв печатей буфета.

– А у спекулянтов, у таксистов?

– Насколько я знаю, вокруг нашего ресторана этот народ не ошивается. Мы стоим на отшибе, и такси приезжает только по вызову.

– Тогда собери мне все пустые бутылки из-под виски в сумки, штук десять. Мне привезли из США бочонок виски, но неудобно его ставить на стол, – улыбнулся Лукин.

– Это можно, я сейчас. Что не сделаешь для родной милиции.

Как удачно он взял с собой удостоверение МВД, да еще Борис, начальник ОБХСС Ленинградского РУВД заказал столик. Он подошел к начальнику.

– Алексей Алексеевич, давайте Вашу машину с мигалкой, сейчас организую партию виски.

– Ну ты волшебник. Денег хватит?

– Это подарок от ОБХСС. Я сейчас мигом.

Лукин другого выхода не видел. У него дома стоял самогон двойной перегонки, очищенный марганцовкой и углем для придания блеска напитку. После чего он месяцами настаивал его на полных кедровых орешках, от которого он получил коньячный цвет и привкус кедрача, а от зверобоя немного красноты. Кора дуба выдавала сочетание близкое по вкусу к виски, даже американский напиток больше по вкусу был похож на самогон, чем его. Некоторые руководители бывали у него дома и всегда на его предложение:

– Какую будем? Мою или казенную?

– Конечно же, твою, – отвечали хором.

Лукин не употреблял, а только экспериментировал и угощал друзей, поэтому этого добра у него хватало. Единственная была закавыка, что крепость этого напитка была под шестьдесят градусов, но пилась она легко. Она высасывала при настое из кедровых орехов весь «цимус», и они потом становились безвкусными. Правда, имел этот напиток без названия большую убойную силу. Он подлетел к дому, наполнил десять бутылок из-под виски своим напитком и закрутил пробки. Когда подъехали к ресторану «Союз» попросил водителя занести сумку с «виски» и передать официанту, который в момент открутил все пробки, так как они были уже использованные, и поставил несколько бутылок на стол, предложив налить всем желающим. Отказов не было. Произнеся очередной тост, руководитель транспорта США Джексон хватил самодельного виски и выдохнул от неожиданности, потом перевел дух и произнес.

– Во! Виски, – на глазах у него появилась слезинка, все-

таки шестьдесят градусов.

После уже выпитого трудно было различить разницу в сортах виски, разве что крепостью. Шеф, махнув рюмку, сразу догадался о его производителе и показал Лукину кулак с угла стола, на что тот развел руками, потому как другого он не мог ничего придумать. О том, что американскую делегацию угостили самогоном, но хорошим, очищенным, знали только они с шефом, да еще официант мог догадаться, потому что виски в бочонках не присылают, хотя откуда ему знать такие тонкости. Вечер продолжался в теплой дружеской обстановке, потому как на каждое лицо компании пришлось не по триста грамм алкоголя, а уже от семисот до литра, и это было правильно. Правда, Билл высказал некоторое предположение, что Лукин представляет спецслужбы КГБ.

«Ну почему многим мерещится, что Лукин из КГБ. Вот и Билл нажрался самогонки и тоже туда же», – уже чуть ли не обиделся Лукин.

– Нет, Билл, ты глубоко ошибаешься. Я мирный человек. А почему ты так подумал? Мне просто интересно.

– Ты много выпиваешь виски, и не пьянеешь, значит, держишься на самоконтроле или таблетки секретные выпил.

– Нет, Билл, просто я хочу, чтобы гостям было хорошо и удобно. Как же может быть, если я буду пьяный, то какой тогда я хозяин. Это русское гостеприимство, и я должен держать себя в рамках, а потом на меня ваши виски не действуют.

– Тогда ты просто хороший парень. А сколько ты получаешь, если не секрет.

– Ну, какой секрет. Девятьсот рублей, а в переводе на доллары, то, получается, по курсу около семисот долларов,

но их я никогда в руках не держал.

– Такую зарплату у нас получают уборщики в неделю, а на твоей должности начальника департамента получают от десяти до двенадцати тысяч долларов. Давай я тебе подарю несколько сотен долларов как сувенир. Ну чтобы были, если ты ни разу их не держал в руках.

– Нельзя, Билл. Спасибо. У нас за доллары тюрьма и Сибирь полагается, а на свою зарплату я могу купить товара раз в десять больше, чем на семьсот долларов в США, потому они мне ни к чему.

– Да я просто в подарок, как сувенир и никому не скажу.

– А говорить никому не надо. Мы сидим в ресторане гостиницы «Интурист», все видят, как мы с тобой, хорошо общаемся, и нам уже наделали пачку фотографий и, наверное, записали разговор. У них такая работа, а ты хорошо говоришь по-русски и это уже подозрительно.

Билл рассмеялся.

– Давай выпьем за дружбу. Теперь я вижу, что ты не из спецслужб. Они так открыто не разговаривают, когда их подслушивают или фотографируют.

Они чокнулись и выпили. У них был официальный банкет по работе во время «сухого закона», а Билл все-таки ошибся на его счет. Он был не из КГБ, а из МВД, что в принципе для американца почти одно и то же. На работе еще долго вспоминали в узком кругу, как Лукин напоил американцев самогоном.

От Амура до Камчатки

Лето пролетело для Лукина незаметно. То на учебе в Питере, то потом в Якутии, а в управлении расследований создали новый аналитический отдел, который возглавил генерал-лейтенант авиации в отставке, и одной из его подчиненной стала новая сотрудница Галина Войтюк. Ее муж работал инструктором ЦК КПСС и курировал расследования авиапроисшествий. Они прибыли из Казахстана после событий в декабре 1986 года, и Галина рассказывала страшные вещи, творимые азиатами в отношении русского населения.

В Казахстан была направлена группа бывших коллег Лукина из ГУУРа МВД. Сыщики открыли счет «горячим точкам», а по сути, на них возложили функции политической полиции. После «горячие точки» в СССР будут возникать часто, словно какой-то дирижер указывал своей палочкой,

в какой точке должны прогреметь очередные выстрелы и погромы на межнациональной почве. Между теми точками были тысячи километров, и скорее то был не дирижер, а факир из цирка, который зажигал огонь, где ему вздумается, показывая свое искусство дурачить народы. А происходило все под влиянием западных спецслужб и при наличии в СССР «железного занавеса». Видимо, для ЦРУ он не был железным. КГБ явно не дорабатывало. Теперь в обязанности Лукина, и опять же по воле КГБ, не входило выезжать в «горячие точки», если там не было авиационных катастроф. В глубине души он благодарил чекистов, которые вытолкнули его из района на большое повышение.

– Виктор Павлович, здравствуйте! Вас просил зайти Владимир Николаевич, – сообщила по телефону Татьяна из управления кадров.

– Спасибо, сейчас приду.

Начальник управления кадров Крахмалев встретил его с улыбкой:

– Тебя стало трудно застать в кабинете, даже не знаю, как назвать твою должность в переводе на язык летчиков. Может быть летающим Муссоршмиттом? А что? Звучит. Шутка, а если серьезно, то скоро грядут великие праздники – 70-летие Октябрьской революции и такой же юбилей у Советской милиции.

– А еще раньше, 5 октября, день уголовного розыска, 69-годовщина, – сказал Лукин.

– Не забываешь прежнюю службу, и правильно делаешь.

– Как можно, ведь более пятнадцати лет. Скажу не по-бабски, но всю молодость отдал любимому делу, хотя теперь в авиации нравится все больше.

– Я уж вижу, руководство о тебе хорошего мнения, как о профессионале, а наш «большой Иван» подписывает твои командировки с оговоркой, что может тебя вернуть, если ему придется вылетать на расследование.

– Спасибо, Владимир Николаевич, мне коллеги об этом говорили.

– Я ценю твою скромность, а после стычки с КГБ боюсь, ты сам не заикнешься о поощрении к милицейскому юбилею.

– Думал, что руководству виднее, – улыбнулся Лукин.

– Ну, казанская сиротинушка, ни дать ни взять. Откуда знать нашему руководству про милицейский юбилей и как у вас награждают? А твоим милицейским начальникам до тебя дела нет, потому что командирован к нам. Сколько тебе осталось до полковника?

– Около года.

– Вот решен вопрос о твоей награде. Я дружу с твоими начальниками, Алексеем Алексеевичем и Рудольфом Амбарцумовичем, и сегодня переговорю с ними о представлении в МВД.

– Спасибо, Владимир Николаевич.

В конце рабочего дня Владимир Николаевич сообщил, что согласовал с его руководством представление в МВД о присвоении ему звания полковника досрочно за успешное расследование авиационных катастроф. Председатель Иван Ефремович сказал, что ему приятней будет летать в командировки с полковником.

– Владимир Николаевич, не знаю, как в авиации, а ты бывший военный летчик, но у нас в МВД заведено обмывать прохождение представления к званию поэтапно. Подписал руководитель – накрывается стол.

– Очень правильное отношение к наградам, только у

тебя будет в один этап. Когда наш Министр пишет Вашему, то отказа не будет и можно обмывать полковника. Так какое будет предложение? – улыбнулся Владимир Николаевич.

– Сегодня пятница и я знаю, что никто из нас дачами не обзавелся, потому предлагаю ресторан «Будапешт». Там у меня все свои и примут, как родных.

– Не сомневаюсь, но давай ресторан оставим, когда звездочки получим, а сейчас можно и в кабинете.

– Но я за рулем. Тогда у меня другое предложение. Мы все живем в одной стороне, я у Белорусского, Алексей Алексеевич у Сокола, Рудольф на Войковской, а Вы в Строгино, поэтому у меня дома могли бы посидеть.

– А выпивать будем те виски, которыми американцев угощал?

– Дома есть любые напитки, мне теперь даже выпить нет времени. То руль, то полеты.

– Нет уж, ты нас угости тем же, что и американцев. А жена не будет ворчать, если мы завалимся компанией?

– Она каждый год отдыхает с тещей в Венгрии на озере Балатон. Меня за бугор не выпускают, а тесть на работе занят, вот они и отрываются одни.

– И не боятся такого орла оставлять без присмотра?

– Да я тихий в этом плане, – улыбнулся Лукин.

– Настолько тихий, что КГБ заинтересовалось твоей любовницей.

– Отголоски молодости.

– Ой-ой, старичок. Сейчас спрошу у коллектива и поехали.

Лукин выехал немного раньше, но что-то готовить времени не было, и он заехал к директору ресторана Узбекистан Константину Матвеевичу. Тот дал команду

администратору упаковать шашлыки в лепешки, плов и холодные закуски. В ресторанах центра столицы к Лукину всегда относились с уважением, хотя знали, что бывший начальник угрозыска перешел в МВД. На Центральном рынке его с улыбкой встретил подпольный директор Фазиль и отгрузил для стола зелень, овощи и фрукты. Цены на продукты Лукин знал, но Фазиль брал с него чисто символическую плату. Он обращался к подпольному директору рынка только при необходимости быстрого обслуживания, а заплатить при его высокой зарплате не было проблем.

Лукин накрыл стол в гостиной и вскоре пришли его руководители. Все только ахали, что он так быстро накрыл шикарный стол. Плов пришлось подогреть, а шашлыки остыть не успели, пропитав запахом жареного мяса лепешки. Его домашние виски были немного выше по градусам, чем казенные, но намного легче пились.

– Под столом тоже отголоски молодости? – Владимир Николаевич указал на Эйфелеву башню в половину пола из наборной паркетной доски под лаком.

– Знакомый художник исполнил.

– Спиши мне рецепт своего напитка. Я тоже делаю, но так хорошо не получается, – сказал Владимир Николаевич.

– Алексей, мы с тобой попали в компанию самогонщиков, – улыбнулся первый заместитель Министра Рудольф Амбарцумович, – но надо, Николаевич, признать, что в МВД получается гораздо качественнее, чем в авиации. Даже Президент американских расследователей признался, что виски хорошие, правда, прослезился от их крепости. Мне часто родня привозит спиртное с Кавказа.

– А рецепт очень простой. Надо иметь сырье из чего сделать и терпение. Из Тульской области я привез мешок

ячменя и немного овса для мягкости виски. Можно назвать самогоном, но технология у меня, как готовят виски в Шотландии, а терпение нужно для очистки и настаивания не меньше года. Тоже самое я делаю с коньячным спиртом, который готовлю из винограда.

– А виноград откуда? – спросил Николаевич. – Да и сахар теперь по талонам продают?

– Все очень просто. По антиалкогольному закону ЦК партии дало команду порубить все виноградники для вина и поставить на все столы в столовых вазы с виноградом, но забыли, что виноград через пару дней начинает бродить. В древние века изобрели вино именно для того, чтобы сохранить сок винограда, а в средние века стали перегонять забродившее зерно и так получили виски. Наши руководители пошли против природы, есть излишки зерна и сохранить его можно только в спирте, а виноград в вине, так как у сока тоже есть срок хранения. Что касается сахара, то мне привезли с завода мешок.

– Да коллеги, с МВД бороться невозможно. Куда мне тягаться с десятилитровой емкостью для браги. Из него получается три литра, а если его очистить, то останется два, – сказал Николаевич. – А сколько же ты ставишь?

– Сейчас сезон и я поставил две молочные фляги с виноградом и одну с ячменным солодом, – Лукин показал на застекленную лоджию, где стояло 120 литров виноградного вина и солодовой браги.

– Но восемьдесят килограмм винограда дорого, – сказал Николаевич.

– Моя хорошая знакомая работает директором овощного магазина, а виноград скоропортящийся продукт, потому отгружается мне бесплатно. Для брожения мятый виноград самое оно, – улыбнулся Лукин, – давайте попро-

буем виноградную, которая два года стояла в дубовой бочке.

Лукин наполнил рюмки самогоном с коньячным цветом.

– Да, Николаевич, ты нашел не только специалиста по расследованию, но и винодела со стажем. Я предлагаю выпить за хозяина дома, за его искусство в области спиртных напитков, – сказал Алексей Алексеевич.

Гости отказались от чая и кофе, выпив по рюмке на посошок.

На следующей неделе Владимир Николаевич сообщил, что его представление ушло в МВД фельдсвязью.

– Ты давно не был на охоте? – спросил Владимир Николаевич.

– Да лет семь, как начальником угрозыска поставили. Только за жульем и охотился.

– В эту пятницу приглашаю тебя на царскую охоту на рябчиков за Истрой. Одному моему сослуживцу, Иващенко, генерала присвоили. Он пригласил нас на дачу и охоту организовал. После работы заедем ко мне, я переоденусь и возьму ружье, а ты сразу в машину упакуй все необходимое.

– Спиртное взять?

– Коля Ивашка все купил, но пара бутылок лишними на охоте не бывают. Да, патроны возьми вплоть до картечи, с нами егерь будет и, возможно, на кабанчика выведет. Они до начала сезона могут провести контрольный отстрел.

– С егерем охота может состояться.

– Тогда едем на твоей машине, – улыбнулся Николаевич.

– Хорошо, – согласился Лукин.

В пятницу выехали с работы после обеда. Владимир Николаевич забежал домой, схватил приготовленные накануне вечером ружье с рюкзаком и они успели до пробок проехать Красногорск. Слева была станция Опалиха, а справа лес, в котором Лукин в начале 70-х охотился на кабанов и косулей. Теперь выросли вокруг леса дачные поселки, и вся живность ушла дальше от Москвы. За Истрой они свернули направо в сторону Глебовской птицефабрики.

– С нами на охоту пойдет друг хозяина дачи Николая, заместитель директора птицефабрики Петрович, который нам уже приготовил по три ячейки яиц и по лотку цыплят, так что охота уже состоялась, – улыбнулся Владимир Николаевич.

– А мы сами не закукарекаем от такого количества яиц и цыплят? – с улыбкой спросил Лукин.

– Как говорит наш Генсек Горбачев, мы выполняем продовольственную программу. Если у тебя есть знакомые директора магазинов, то у нас, летчиков, кроме Петровича с птицефабрики, никого нет, а семьи надо кормить.

После переезда через железную дорогу они свернули налево в поселок из пяти домов рядом со станцией Холщевики. Около одного из домов, стоящего на участке рядом с железной дорогой, они остановились у ворот и посигналили. Вышел худощавый лет пятидесяти мужчина в сапогах и летной кожаной куртке, в такой же униформе были и Лукин с Николаевичем.

– Николай, – он протянул руку, – ставь машину, где удобно. Остальные пешком придут, а егерь рано утром нас разбудит.

– Виктор, – поздоровался Лукин.

– Владимир Николаевич, вижу опытных охотников. Ре-

зиновые сапожки взяли? У нас в лесу обильная роса по утрам, да ручейки с болотцами встречаются.

Лукин с Николаевичем стали вынимать и рюкзаков различные копчености и колбасы, тушенку и рыбные консервы.

– Вы приехали ко мне зимовать с таким количеством продуктов? Я предлагаю ваши продукты убрать в холодильник, а я буду угощать вас сегодня диким мясо. Меня наш егерь Василий снабдил, когда узнал, что гости приедут, – сказал Николай.

Домик генерала был более чем скромный, но внутри похож на музей охотничьих трофеев. На коврах висели ружья и охотничьи ножи, лосиные рога и огромная голова кабана с клыками, рога косули и чучела тетеревов с рябчиками. Лукин с интересом разглядывал трофеи.

– Николай все трофеи добыл в здешнем лесу недалеко от дачи, – сказал Владимир Николаевич.

На столе была нарезка буженины из кабанины и котлеты из нее же пополам с лосятиной, морковью, луком и чесноком, а также сало с черной и жесткой, как броня, шкуркой и квашеная капуста, соленые опята. Николай достал из-под подушки кастрюлю с горячей картошкой, а из морозилки бутылку «запотевшей» водки. После нескольких рюмок боевые летчики вспоминали некоторые эпизоды своего героического прошлого.

– Владимир Николаевич, помнишь наши ПВО, когда мы перебросили в Египет зенитно-ракетные комплексы С-125. Они в марте 1970-го сбили первый самолет, а он оказался египетским Ил-28. Экипаж не успел катапультироваться, и все погибли.

– Да неуютно было нам летать, когда они еще пристреливались, но в основном по нашим самолетам, сбили Су-

7Б египтян, а потом пассажирские Ан-24 и Боинг. Тогда офицеров ПВО могли отдать под суд, но их защитило египетское руководство и те исправились, уничтожив половину израильских самолетов.

– Мы летали на МиГ-21, а потом поступили новые МиГ-25 с потолком полета свыше 20 километров, а скорость в три раза превышала скорость звука. Израильские истребители и ракеты нас не могли достать, и мы в небе чувствовали себя в полной безопасности.

– Да, командиры в 1970 году мы могли бы с вами встретиться в Египте в каком-нибудь баре, – улыбнулся Лукин.

– Нам особисты не разрешали посещать бары с танцами живота, но разве нас удержишь. А ты, как там оказался? – спросил Владимир Николаевич.

– Да я в том году окончил курсы снайперов спецназа под Солнечногорском, и мои однокашники попали в Египет, а меня райком партии захотел видеть в уголовном розыске, правда, по моей просьбе.

– Сколько еще секретов хранит твоя биография? Вот завтра в лесу посмотрим, какой ты снайпер, – сказал Николаевич.

– А где вы еще летали после Египта? – спросил Лукин.

– Да все в Африке? – сухо ответил Николай.

– Генерал еще служит и ему нельзя рассказывать даже в нашей компании, а воевали мы всю жизнь, как окончили Качинское училище. Еще с 1964 года наша страна оказывала помощь Сомали, поставляли оружия и готовили в племенах военные кадры. Однако территориальные споры между Сомали и Эфиопией переросли в 1977 году в крупномасштабную войну, а в Сомали находилась советская военно-морская база и они считались союзниками СССР в Африке. Все бы ничего, но в Эфиопии к тому вре-

мени к власти пришли лидеры с коммунистическими идеями и СССР совместно с Чехословакией, ГДР, Кубой и Ливией перебросил в Эфиопию оружие на сумму свыше миллиарда долларов, а Сомали обязало двухтысячную армию советских военспецов в трехдневный срок покинуть страну.

Владимир Николаевич сделал паузу, и они выпили по рюмке.

– До сих пор идет гражданская война в Мозамбике, где наш Иван Донцов расследует катастрофу с самолетом и гибель их Президента. После завершения войны за независимость Анголы, в стране началась гражданская война, которой не видно конца. И наши помогают этим странам, потому что их руководство говорит, что они выбрали коммунистический путь развития.

Все наши военные прибывали в те страны тайно под видом туристов. Нам приходилось носить чужую форму без погон. После выполнения задания мы думали, что на Родине нас будут встречать, как героев, но нас вывезли в закрытые военные городки и посадили «на карантин». Запрещено было звонить родным и близким, а почта проверялась цензурой. Потом с нас взяли подписки о неразглашении сведений о пребывании за границей. В результате таких мер, многие военные остались без «боевых» при начислении пенсий, так как райвоенкоматы не имели сведений, а некоторые умные говорят, что нас туда не посылали.

– Да, мы иногда только догадывались, куда нас везут на службу и узнавали только по пустыни, где оказались, – сказал Николай.

– Николай, твой инструмент? – Лукин указал на гитару, висящую на ковре.

– Да, иногда в компании поем для души, – сказал Николай.

– Разреши, – Лукин снял гитару и тронул струны. Гитара была настроена, и он лишь по привычке деловито потрогал колки для натяжки струн, а потом тихо запел:

С моим Серегой мы шагаем по Петровке,
По самой бровке, по самой бровке.
Жуем мороженое мы без остановки,
В тайге мороженого нам не подают.

Боевые летчики подхватили:

То взлет, то посадка,
То снег, то дожди.
Сырая палатка,
И почты не жди.
Идет молчаливо
В распадок рассвет.
Уходишь – «Счастливо!»,
Приходишь – «Привет!»
Идет на взлет по полосе мой друг Серега,
Мой друг Серега, Серега Санин.
Сереге Санину легко под небесами,
Другого парня в пекло не пошлют.
Два дня искали мы в тайге капот и крылья.
Два дня искали мы Серегу.
А он чуть-чуть не долетел, совсем немного
Не дотянул он до посадочных огней.

– Да, «То взлет, то… ». Ты помнишь, Николай, сколько наших ребят сбили в Анголе? – спросил Владимир Николаевич.

– Я всех помню. 25 ноября 1985 года при подлете к анголькому аэропорту Менонге был сбит зенитно-ракетным комплексом «Стрела» наш самолет Ан-12. Наш

экипаж выполнял транспортный полет по перевозке группы советских военных советников и ангольских военнослужащих, а был сбит диверсионной группой спецназа ЮАР, организовавшей засаду вблизи аэропорта с целью уничтожения воздушных судов правительственных сил. Ракета попала в двигатель, и оторвало крыло, после чего самолет упал в лес в 43 километрах от аэропорта. Через десять дней на вертолете Ми-17 наши вылетели на место падения самолета, но тоже были сбиты. В Анголе и сейчас гремят бои между странами НАТО и странами Варшавского договора, которые называют «Сталинградской битвой» с участием танков и самолетов. Выполняя «интернациональный долг» наши военные советники и специалисты защищают ценности социализма и помогают Анголе в создании вооруженных сил и отражении агрессии. На юге Африки нас интересует не только Ангола, но и Мозамбик, и Зимбабве, и от Намибии мы не отказались вместе с ЮАР. Однако только в Анголе уже сбито и пропало без вести около десятка самолетов и вертолетов с советскими экипажами, а сколько их еще будет? Мы помним всех ребят, а вспомнят ли их наши чиновники? Нет, Владимир Николаевич, генералы не молчат.

Лукин передал гитару Николаю и наполнил рюмки. Они выпили, молча не чокаясь.

– Виктор, ты правильно перевел наш разговор на лирический лад. Мы собрались отдохнуть на охоте, а как выпьем, так нас несет немыслимо куда-то, – сказал Николай и, взяв аккорды на гитаре, запел:

Кожаные куртки, брошенные в угол,
Тряпкой занавешенное низкое окно.
Бродит за ангарами северная вьюга,
В маленькой гостинице пусто и темно.

Командир со штурманом мотив припомнят старый,
Голову рукою подопрет второй пилот.
Подтянувши струны старенькой гитары,
Следом бортмеханик им тихо подпоет.
Эту песню грустную позабыть пора нам,
Наглухо моторы и сердца зачехлены.
Снова тянет с берега снегом и туманом,
Снова ночь нелетная, даже для Луны.
Лысые романтики, воздушные бродяги!
Наша жизнь – мальчишеские вечные года.
Вы летите по ветру посадочные флаги,
Ты, метеослужба, нам счастья нагадай.
Солнце незакатное и теплый ветер с Веста.
И штурвал послушный в стосковавшихся руках.
Ждите нас невстреченные школьницы – невесты
В маленьких асфальтовых южных городах…

– Во сколько встаем? – спросил Виктор.

– Обычно мы встаем затемно, и рассвет встречаем в лесу, но завтра нам особо спешить не надо. Рябчик любит поспать и к 9 часам начинает отряхивать крылья после сна. Другие пернатые уже на крыле, а рябчик только просыпается. Нахохлившись, сидит в гуще деревьев, озираясь по сторонам. Пока он не проснется, можешь сколько угодно его манить, рябчик не отзовется.

Утром их разбудил егерь Василий, который приехал с Петровичем, заместителем директора птицефабрики.

– Всем доброе утро! С вами новый боец приехал? Егерь Василий, – егерь протянул руку Лукину.

– Виктор, – пожал руку Лукин.

– Петрович, – поздоровался замдиректора.

– У нас Виктор бывший снайпер спецназа, – улыбнулся Владимир Николаевич.

– Хорошо, значит, голодными не останемся. Виктор уж точно кабанчика завалит или лося, – сказал егерь Василий.

– Василий, если ты намекаешь, что мы плохо стреляем, то скажи, когда мы промазали мимо кабана? – спросил Николаевич.

– Мужики, не спорьте! Я всю сознательную жизнь занимался пулевой стрельбой, и ни одного дня не стоял на стенде с тарелочками, – улыбнулся Лукин.

– Я предлагаю собрать завтрак и положить в мой «уазик», а на поляне перекусите, – сказал Василий. – Свои машины оставьте здесь и поедем на одной. Погода сегодня благоприятная для охоты на рябчика. Он любит солнечную и без ветра, а по его поведению можно погоду предсказывать. Если охота с манком не получается, потому что рябчик не поет и не отзывается на манок, то жди ненастья. Вроде бы солнце светит, а он знает, что скоро пойдет дождь.

Василий проехал деревню Глебово, потом речушку Маглуша и у деревни Филатово свернул на лесную дорогу и вскоре выехал на поляну, на которой был смастерен стол и две лавки. На поляне встретило их солнышко, и было довольно-таки тепло, возможно, началось «бабье лето», хотя в конце августа и календарное не закончилось. В лучах солнца сверкала еще не высохшая от росы трава.

– Я не буду вас долго инструктировать. Все охотники бывалые и местные леса знаете. Виктор заблудиться здесь невозможно, так как лес с юга на север километров восемь и в поперечине около шесть. Деревня Глебово находится на юге, а там, совсем рядом, дача Николая. Я предлагаю разделиться на две группы. Николай с Петровичем знают эти места лучше меня, а я пойду с Владимиром Николаевичем и Виктором. Через километр будут две лощины с

ручьями, вот мы эти склоны и обойдем с двух сторон. Самые места для рябчиков. Предупреждать не надо, чтобы стреляли, соблюдая безопасность, сейчас грибной сезон и в лесу любителей тихой охоты больше чем грибов. Если всем все понятно, то наливайте кому кофе из термоса, а кому водочки, – сказал Василий.

– Я думаю, что пятьдесят граммов никому не помешают, а кофе лучше в постель, – улыбнулся Владимир Николаевич.

– Всем успеха в охоте, – пожелал Василий, – Виктор, когда рябчик подлетает и садится на ветку, то нет времени на перезарядку патрона, птица снимется и улетит. Да, перезарядка в ружье ИЖ-27Е немного шумная. Надо приловчиться бить рябчика на любом расстоянии тем, что заряжено в стволе. Большей частью приходится бить сквозь ветки, потому лучше тройкой или двумя нулями. Рябчику и одной дробинки хватит, ведь в нем всего-то полкило.

Они углубились в лес и медленно продвигались в ста метрах друг от друга по направлению на Восток. Солнце светило им слева. Какая-то неизвестная птица раскатисто горланила на макушке высокой ели. Егерь с Николаевичем свистели манками рябчиков, и похожие звуки доносились из чащи леса, но рябчиков не было. У Виктора манка не было, и он прислушивался к звукам из леса. Отчетливый треск издавал дятел, долбя ствол старой ели, круша куски отставшей коры. А вот и пестрый рябчик сел на ветку ели метрах в двадцати от Лукина. Было настолько близко, что он не успел остановиться и вскинуть ружье, как рябчик вспорхнул с дерева и тут же исчез в ельнике. Лукин проводил его полет взглядом. Через несколько секунд справа от него грянули два выстрела дуплетом, там был Владимир

Николаевич. Виктор свернул в его сторону и увидел на кольце его ягдташа рябчика, возможно, того, что улетел от него. Подошел егерь Василий.

– Рябчики, как грибы и в одиночку не летают. Смотрите, должны быть где-то рядом, они выстрелов боятся, но далеко не улетают. Так и есть. Виктор, смотри на самой макушке высокой ели сидит. Видишь? – спросил егерь.

– Тихо, вижу, метров восемьдесят будет, – ответил Виктор.

– Подготовься, я его сейчас подманю, – тихо сказал егерь.

– И он сядет тебе на голову или совсем рядом и что я с ним буду делать? Я его там сниму, – сказал Виктор.

Егерь с Николаевичем посмотрели на него с удивлением, но спорить не стали, а Виктор тихо извлек патрон с третьим номером дроби и вложил картечь. Грянул выстрел, и рябчик вместе с макушкой ели упал к ногам егеря.

– Николаевич, он оставит нас в этом лесу без дичи. Ты чем его снял вместе с макушкой?

– Картечью.

– Николаевич, ты слышал, по рябчику картечью и шкуру не попортил. Он, наверное, от разрыва сердца свалился с елки, – засмеялся егерь, – с почином тебя.

Дальше они шли, не разбредаясь по лесу, охота уже состоялась, и дичь висела на боку.

– Николай с Петровичем настреляют рябчиков, а по мне лучше поджарить цыплят-табака с птицефабрики. Они вкуснее, – сказал Владимир Николаевич.

– Смотря, как приготовить рябчиков, – сказал Виктор.

– Мы тебя за язык не тянули, – улыбнулся Николаевич, – удиви нас своими кулинарными способностями.

– Да с удовольствием.

Виктор с удовольствием брел с ружьем по лесу. Лето шло к концу, и на лугах уже пожухла трава, а на лесных полянах стояла еще густая и зеленая, да изредка попадалась последняя красная и сладкая, как сахар, земляника. Однако в густой и по-летнему яркой зелени лесов появилось первое легкое дуновение приближающейся осени. Кружатся в воздухе одинокие пожелтевшие листья, оторванные от веток порывом ветра и, кружась, медленно падают на землю в зеленые травы. Виктор задержал взгляд на полете желтого листочка, который падал вниз, но порыв ветра вновь поднимал его вверх, но полет длился несколько секунд. Ему припомнилась осень, проведенная с Лаурой на берегу лесного озера.

– Виктор стой, – тихо сказал Николаевич, – смотри на ветке сидит парочка рябчиков. Можно снять одним выстрелом.

Самка ворковала с самцом на нижней еловой ветке, да и сама ель еще стояла внизу лощины, потому выстрел получался сверху вниз и хоть заряд был дробовой, но все ровно было опасно для грибников. Виктор взял ружье в правую руку, а левой вспугнул парочку, крикнув: «Кишь, кишь!». Он думал, что рябчики взмоют вверх, но они упали с ветки и с провалом улетели в ельник.

– Ну, что же ты. Надо было бить их на ветке, – сказал Николаевич.

И через пару минут из чащи ельника, как раз в том месте, где недавно сидели рябчики, вышли Николай и Петрович, обвешанные десятком рябчиков. Виктор обратил свой взор к небу с чувством благодарности. Николаевич перехватил его взгляд.

– Извини! Я был не прав, – сказал он тихо. – Николай, у тебя появился помощник по кухне. Виктор обещал при-

готовить рябчиков по своему рецепту.

– Так он говорил, что никогда не охотился на рябчиков.

– Николай, я работал на улице Сретенка – напротив магазина «Лесная быль», потому руку набил на приготовлении рябчиков, глухарей и тетеревов. Что не сделаешь на кухне, чтобы удивить любимую женщину, – сказал Виктор.

– Если никто не возражает, то можем завершить охоту и оставить рябчиков на следующий раз, – сказал, вышедший из леса Василий.

– Да и в магазин при фабрике надо успеть за цыплятами, – сказал Николаевич.

Они завалились в магазин шумной компанией с ружьями и обвешанные дичью.

– Что домашние цыплята больше нравятся? – спросила продавец охотников.

– Возни поменьше, – сказал Николаевич.

– Валентина, там отложено для моих друзей по лотку цыплят и по две ячейки яиц, – сказал Петрович.

– Тогда сзади подъезжайте, рабочие вам загрузят в машину, – сказала Валентина.

– Николай, у тебя на даче найдется немного коньяка и сухого красного вина, сливочное масло, сливки и специи какие-нибудь? – спросил Виктор.

– Все есть, кроме сливок. Надо в магазине купить, а специи и зелень есть и в огороде.

На даче Виктор перегрузил трофеи с птицефабрики в багажник Жигулей, хотя ему столько и не надо было. Ночи были холодными, и цыплята не испортятся без холодильника.

– Николай покажи, где у тебя кастрюли, сковорода. Мне кто-нибудь поможет ощипать и распотрошить ряб-

чиков.

– В этом мне всегда помогали Василий с Петровичем. Давайте пока немного перекусим и отметим удачную охоту.

– Я пока прогуляюсь по твоему саду-огороду, сорву зелени для рябчиков и несколько яблок, – сказал Виктор.

– Судя по его подходу к кухне, я спокоен за блюдо из рябчиков, – сказал Николай.

Виктор нашел на грядках укроп, петрушку, сельдерей и кресс-салат, потом сорвал десяток антоновских яблок и принес все на кухню. Николай накрывал на стол и поглядывал за профессиональными движениями Виктора на кухне. Василий с Петровичем уже ощипали и опалили рябчиков.

– Виктор, как разделать рябчиков? – спросил Василий.

– Разрежьте их на половинки, чтобы удобнее было обжаривать, – сказал Виктор.

А сам растопил сливочное масло и подрумянил половинки рябчиков, потом поставил большую кастрюлю с толстым дном на средний огонь, добавил немного свежего масла и уложил в нее рябчиков. Потом влил двести граммов коньяка и поджег, пламя взметнулось на метр от кастрюли.

– Ты мне дачу не спалишь? – засмеялся Николай.

– Все нормально, спирт сгорел, а вкус коньяка остался.

Потом залил рябчиков красным сухим вином «Мукузани» и добавил куриного бульона из кубиков, оставив их тушиться. В сковороде на сливочном масле пожарил половинки яблок без сердцевины, лук, сельдерей и петрушку с тимьяном до золотистого цвета. Выложил поджаренную смесь поверх рябчиков и вновь поставил тушить на час. Когда рябчики были готовы, взбил четыре яйца со слив-

ками, и постоянно помешивая до тех пор, пока соус не загустел до состояния густой сметаны. Затем соус посолил и поперчил, отставив в сторону, а на сковороде вновь растопил сливочное масло и уложил нарезанные кубиками яблоки, поджарив их до готовности, потом посыпал их сахаром и они облились сверкающей карамелью. Все было готово. Виктор уложил на тарелки рябчиков, полил их сливочным соусом, рядом положил яблоки в карамели и украсил петрушкой или кресс-салатом.

– Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй, – прочитал Николаевич строки Маяковского.

– Ты почти угадал, я приготовил рябчиков по-французски, – улыбнулся Виктор.

– Крепко она зацепила тебя. Хотелось хоть одним глазком взглянуть на ту даму, – покачал головой Николаевич.

– Только не поломайте зубы от дробинок. Я вытащил много, но мог и пропустить, – сказал Василий.

– Да таких рябчиков можно с языком проглотить, какие там дробинки, – сказал Петрович, цокая языком.

Василий с Петровичем после ужина поехали по домам, а Николай растопил камин. Его дача не отапливалась, и за неделю стены набирали ночной прохлады и осенней сырости. Приятно было посидеть после прогулки по лесу и застолья в креслах у камина. Дрова слегка потрескивали, отдавая жар и запах костра. Виктор перешел на чай, утром предстояло рулить. Хоть у него и было удостоверение МВД, но и принцип был, чтобы не садиться за руль даже с перегаром. Он взял кружку горячего чая, накинул на плечи летную куртку и вышел на крыльцо подышать свежим воздухом перед сном. Вслед за ним вышел с кружкой чая Владимир Николаевич.

– Горячий чай на краю темного леса, прекрасно, – сказал он.

– А у тебя дачи нет? – спросил Виктор.

– Не успел обзавестись, нам давали участки в Рязанской области и на болоте. Я отказался, а Николай нашел себе участок на земле, принадлежащей железной дороге, и построился, – сказал Николаевич.

– Умеют у нас ценить заслуги защитников Отечества, а вы с Николаем награждены орденами «Красной Звезды».

– Придется самим думать. Ты мне лучше скажи, чем у тебя закончился скандал с КГБ?

– Да с тех пор никто из них не проявлялся, да и я не давал повода, – сказал Лукин.

– Вот и правильно. Я почему спросил. Ты улетел в Ташкент с Алексеем Алексеевичем, а мне позвонили и представились из КГБ. Я уже не помню фамилии, да он мог представиться любой фамилией, но что он был оттуда, сомнений не было. Он поинтересовался, как ты попал в Госкомиссию и потребовал уволить тебя за антисоветскую деятельность. Я попросил его прислать письмо с обоснованием увольнения, а он сказал, что ничего писать не будет и ты бандит из милиции. Я обрезал его, что нам такие сотрудники и нужны. У нас в Госкомиссии работает заместителем Председателя Сафронов из КГБ и начальник секретной части оттуда же, но почему-то твой недруг не позвонил им о твоем увольнении, а начальнику управления кадров. Я понял, что у того чекиста что-то личное с тобой. Ведь недавно Сафронов визировал твое представление в МВД и не задал ни одного вопроса.

– Владимир Николаевич, мог позвонить только один чудак на букву «м», который спалился на работе по моей дезинформации.

– Это ты потом представил ее дезой, а на самом деле ты сообщил им саму достоверную информацию о француженке, – улыбнулся Николаевич.

– Так это кто на кого учился. Так все запутано в той истории, что и сам не помню, где правда, а где вымысел. Одно знаю точно, что Сафронов меня понял и вопросов не задавал, а он дружит с начальником того сотрудника, который тебе звонил.

– Да, запутано, не то слово. Только не оставит тот вражина тебя в покое.

– Свое пакостное дело он совершил в духе 37-го года, представив меня резидентом иностранной разведки и антисоветчиком, но он не ожидал, что я пойду к его руководителю и докажу, что это полный бред. Его сняли с оперативной работы, а теперь он может укусить свое левое яйцо, но у него ничего не получится.

– Про яйцо ты сказал убедительно, – засмеялся Николаевич.

В Москве опять не было бабьего лета, но и зима не торопилась, окутав Подмосковье густым туманом на две недели. По утрам даже на автомобиле было трудно пробираться по Москве. В понедельник 19 октября 1987 года на два часа раньше будильника засвистел мультитон Лукина, известив его шифром о необходимости прибыть через два часа на рабочее место и быть готовым к вылету, что могло означать очередную катастрофу.

По прибытии в Госавианадзор дежурный Бочаров известил Лукина, что на аэродроме авиационного завода в Комсомольске-на-Амуре, где производят самолеты СУ-27, при взлете разбился самолет Ан-12, принадлежавший Министерству авиационной промышленности. Самолет ночью выполнял грузовой рейс из заводского аэропорта

Дземги, при попутном ветре и по заснеженной полосе, в результате чего Ан-12 оторвался от земли, но врезался в гараж, где находились автомобили с топливозаправщиками, и взорвался. На его борту находились 5 членов экипажа и 4 пассажира. Все погибли.

Лукин получил у дежурного «тревожный» чемодан для осмотра места происшествия. Дежурный вручил приказ о назначении Госкомиссии, командировочное удостоверение и деньги. Возглавил комиссию опытнейший начальник летного управления Иван Васильевич Донцов. Председателем инженерно-технической подкомиссии назначили Сергея Лещинского, а летной – Василия Шалыгина – пилота-инструктора, Лукина – заместителем Донцова, но с вылетом на место происшествия были сложности. Над аэропортом Домодедово стоял сильный туман, и за две недели не было принято ни одного самолета, поэтому вылетать на Дальний Восток было не на чем.

Катастрофа произошла с самолетом МАП, и заместитель Председателя Совета Министров СССР Иван Степанович Силаев выделил свой персональный самолет Ту-134. Силаев год назад возглавлял это министерство. Но его самолет должен был пилотировать летчик-испытатель, который допущен к полетам в таких метеоусловиях. До города Жуковского ехали на дежурной машине, что называется «ползком». Туман в том районе стоял, как «молоко». Взлетали с аэродрома ЛИИ в Жуковском. В таком «молоке» взлететь было можно, но вот на посадку, наверное, ни один летчик не рискнул бы.

– Ровно год назад 19 октября 1986 года я вылетал в Мозамбик на расследование катастрофы с ТУ-134, – вспомнил Иван Васильевич Донцов.

В первом салоне самолета была оборудована прибор-

ная доска, как у пилотов, и можно было наблюдать по приборам о наборе высоты и скорость самолета, сидя на больших диванах. Здесь же стояли два кресла с большим столом, за которым можно было проводить служебное совещание или устроить небольшой банкет. Во втором салоне стояли большие, как в квартире, кресла, на которых можно было спать, что многие и сделали, так как их подняли по тревоге ночью. Лукин и Сергей разглядывали показания приборов. В коем-то веке им придется еще полетать на самолете Силаева. Полеты ТУ-134 рассчитаны на средние расстояния, потому в полете наметили две посадки для дозаправки в Свердловске и Иркутске.

В аэропорту Кольцово города Свердловска их самолет отправили на дальнюю стоянку и не подали трап, да и с заправкой никто не шевелился. Самолет был из правительственного авиаотряда и рейс вне расписания, а по радиосвязи им сообщили, чтобы ждали. Прошел час и никаких шевелений вокруг их самолета.

– Я понимаю, на Урале ночь. Но почему они не уважают Государственную комиссию и морочат нам голову более часа? Мы же не на пельмени к ним прилетели, – сказал Лукин Председателю комиссии.

– Они что-то не поняли по радиосвязи. Лещинский, спуститесь с Шалыгиным на землю по аварийному канату и наведите в аэропорту революционный порядок.

Они спустились на летное поле. На борту их самолета не было бортпроводниц, и не у кого было попросить даже воды. Самолет упаковывали, когда на нем летал Силаев. Из Москвы они вылетали не с пассажирского аэропорта, поэтому их некому было обеспечить самым необходимым. Чтобы подали трап и к нему подкатили руководители Уральского управления гражданской авиации, нужно было

времени ровно столько, сколько Лещинскому и Шалыгину дойти до диспетчерской аэропорта. Пока самолет заправлялся, их угощали уральскими пельменями в ресторане и загрузили на борт сухие пайки, сообщив, что они уже известили аэропорт Иркутска, чтобы их встретили и заправили.

В Иркутске только не было оркестра, а так прием был теплый, хотя в Сибирь уже пришла настоящая зима. Руководитель полетов зашел в ресторан, чтобы дополнительно проинструктировать летчиков, узнав, что они летчики-испытатели и ни разу не летали по этой трассе.

– Мы бы дали вам своего летчика, но нет, ни одного в резерве. Вся сложность этой трассы после Иркутска в том, что сначала надо лететь на Север и потом поворот на восток, огибая Китай.

– Да, мы знаем, – сказал летчик-испытатель.

– У нас недавно Ан-8, военно-транспортной авиации залетел в Китай и почти четыре часа блуждал по его территории, пока сами не очухались, – сказал руководитель полетами.

– Это как же?

– Экипаж, как обычно, пьянствовал на борту, но одного оставляли трезвым рулить. Так было и в тот раз. Выпили и отдыхать, а штурман тоже сорвался, дернул дозу, включил автопилот и спать, а когда командир проснулся и проверил местонахождение, то сразу протрезвел, оказывается, они были глубоко за «Великой стеной». Выбрались. Китайцы их не заметили, а наше ПВО засекло их уход через границу и возврат. Разборки полета были серьезными.

– Ну, такое нам не грозит, мы не пьем, и автопилотом не пользуемся.

– Тогда счастливого Вам полета, – пожелал руководи-

тель полетов.

В Комсмольске-на-Амуре они приземлились на заводском аэродроме Дземги и увидели дымящийся до сих пор хвост Ан-12, рухнувшего на гаражи и топливозаправщики с керосином. Вокруг лежали сугробы снега. Взлетно-посадочная полоса была высушена тепловыми «пушками» к прилету комиссии, хотя так же ее сушат перед испытательными полетами истребителей СУ-27. Транспортную авиацию держали на заводе для доставки электроники, которую монтировали в кресло пилотов истребителей. Электронику нельзя доставлять по железной дороге. Растрясет.

Комиссия установила, что в тот день шел мокрый снег, и взлетная полоса не чистилась, так как не проводились испытательные полеты СУ-27. Аэродром был совместного базирования с ВВС СССР, и чистили его насухо для полетов истребительной авиации, которую здесь выпускали и испытывали. Ан-12 был перегружен на пять тонн, да еще взлетал с попутным ветром и толщиной снежного покрова на взлетной полосе 110 мм. Усугубило его судьбу и налипание снега на крылья самолета, которые не обработали «Арктикой». Командир понимал, что взлететь будет тяжело, поэтому прорулил по полосе и сделал на полосе «дорожку» по снежному покрову для взлета. Развернулся в обратную сторону и побежал по своей «дорожке», но этого оказалось недостаточно. Отрыв от полосы произошел одновременно с трех точек в пятистах метрах от ее среза. Через двадцать метров произошло касание основными стойками шасси за антенны радиорелейной станции, стоящей в створе полосы, да еще рубанул винтами по кунгу ГАЗ-66 радиорелейщиков. В результате произошло падение на грунт и неуправляемое скольжение до столк-

новения со зданием гаража и автозаправщиками. Самолет был полностью заправлен, и после взрыва возник пожар, который не могли потушить три дня. Экипаж погиб. При осмотре места происшествия обнаружили «черный ящик». На этот раз он на самом деле был черным, так как находился в очаге пожара. На крыше кунга ГАЗ-66 были обнаружены следы, прорубленные винтом двигателя того самолета при взлете.

Вскрывал «черный ящик», который пишет параметры работы двигателей и управления самолетом, в Московской лаборатории Госкомиссии Виктор Трусов и обрадовался, что пленка осталось цела, но когда он к ней притронулся, то она начала распадаться. Ведь три дня контейнер с магнитной пленкой находился в очаге пожара. Сколько они не колдовали со всей наукой над пленкой, но восстановить и расшифровать записи не удалось. В Комсомольск пришло сообщение, что помочь ничем не могут.

Получается, взлетел самолет, и ничего от него не осталось, никакой информации о полете. Даже загрузка не была оформлена, как полагается. Везли все в виде подарков, рыбу, да икру черную с красной. Состояние взлетного поля тоже не зафиксировано, так как метеослужба работает, когда летают истребители. На месте происшествия остался догорающий хвост самолета и разрушенный гараж.

«К чему вспомнилось про закуску, – подумал Лукин.– А как в Комсомольске обстоит дело по борьбе с алкоголем? Надо бы проверить».

Он набрал телефон командира летного отряда.

– Владимир Яковлевич, добрый день. Это Лукин из Госкомиссии. Будет свободная минутка, загляни ко мне в кабинет.

– Уже иду.

В кабинет вошел командира летного отряда Попов. Среднего роста, светловолосый с чуть заметной рыжиной и курносый. Одет он был в кожаную летную куртку, как все летчики транспортной авиации. Такую же куртку получил Лукин и тем гордился. Не куртке, конечно. Таких курток у него было много, когда он рассекал на мотоцикле Ява с девчонками по Подмосковью. Но была большая разница в тех куртках. Те он покупал у знакомых летчиков, а эту он теперь носил на полном законном основании, так как получил ее на складе летного обмундирования по накладной. Тем она и была дорога.

– Владимир Яковлевич, у меня есть один житейский вопрос. Какую водку можно пить в городе, чтобы не отравиться?

– Не надо пить местную водку.

– Нет, ты меня не понял. Мы в комиссии не выпиваем обычно в Москве, а на расследовании после двенадцати часов пребывания на месте происшествия на свежем воздухе хочется после принятия горячего душа в номере гостиницы немного расслабиться.

– Я и говорю, что не надо водку местную пить. Я вам спирта пищевого подгоню. Он опробован и нам его официально выдают, так как мы летаем по всему Северу. А на закуску, что принести?

– Спасибо. С закуской мы сами разберемся. У нас еще домашние заготовки не кончались.

– Хорошо. Тогда с закуской немного позже, и если позволите, то на мое усмотрение.

Яковлевич удалился, а через час в кабинет постучались, и вошел с деревянным ящиком в руках авиационный техник Михайлов, который был прикомандирован к инже-

нерно-технической подкомиссии. Он поставил ящик на пол у двери и сообщил, что Попов велел передать. Лукин подошел и увидел в ячейках ящика двадцать бутылок минеральной воды «Боржоми», которую стюардессы предлагают пассажирам во время полета. Он пожал плечами, так как жажда его не мучила, и он был сторонником зеленого чая, который регулярно приносила ему в кабинет миловидная Вера, секретарь директора авиационного завода, у которой был взгляд, как говорят, с поволокой. Кокетливая девица.

Немного позже зашел председатель летной подкомиссии Василий Шалыгин и увидел «Боржоми»:

– Павлович, я возьму бутылочку, а то сушняк во рту.

– Наверное, местную пробовал?

– Ты же знаешь, что я только со своими из комиссии могу позволить. А кстати, не интересовался, как с этим делом в городе обстоит?

– Как не узнавать. Это товары первой необходимости в командировках, а в Комсомольске с этим гораздо хуже, чем в Москве. Мало того, что нет водки в магазинах, но и она не очень качественная.

– Так что не будет у нас ничего расщепляющего для улучшения пищеварения на ужин?

– Обижаешь летчик. Все будет.

Василий с улыбкой удалился, а через десять минут зашли коллеги сначала из его подкомиссии, а потом из инженерно-технической и все за «Боржоми». Лукину не жалко было минеральной воды, но когда забрали шесть бутылок, то он убрал остальные вместе с ящиком в шкаф. Пригодится еще. В конце рабочего дня Лукин набрал телефон командира летного отряда.

– Яковлевич, это Лукин. Как дела с тем вопросом? Пора

уже выдвигаться в гостиницу.

– А что уже кончился? Я же целый ящик пищевого прислал.

– Так это не «Боржоми»?

– Конечно, нет. Я минералку не пью.

– Ты бы хоть предупредил, а то я смотрю, кто мне коллеги зачастили и все хотят минералочки.

– Я надеюсь, ты не всю раздал? Сам понимаешь, борьба с пьянством обязывает маскироваться.

– Нет, всего шесть бутылок забрали.

Они посмеялись от души. Лукин переложил оставшиеся бутылки со спиртом в «тревожный» чемодан, с которым летал в командировки и с легким бряцанием стекла поехал в гостиницу. Не оставлять же спирт в кабинете. Можно было позволить членам комиссии расслабиться после работы. На очередной кочке в чемодане опять брякнула стеклотара.

– Одна звенеть не будет, а две звенят не так, – улыбнулся Василий Шалыгин, уже отведавший «Боржоми».

– Да и пустые бутылки звенят не так, – подхватил Иван Васильевич.

– С МВД нигде не пропадешь, даже во время борьбы с этим делом, – продолжил петь дифирамбы Лукину Василий.

– Придется тебе заначку с салом доставать, – предложил Лукин.

– Для такого дела все достанем, а что не хватит, то в магазине доберем.

Комиссию поселили в обкомовской гостинице, вернее, в бывшем детском садике, переоборудованном под гостевой дом. На первом этаже находилась большая кухня-столовая и банкетный зал, а на втором этаже три

номера-люкса и один полулюкс. И называлась та гостиница по-детски «Бурундучок». В магазин бегать не пришлось, у командировочных всего было в достатке из московских продуктов. После тяжелого трудового дня ужин с «Боржоми» удался на славу.

Разгадкой тайн трагических событий в Госкомиссии занимались люди редкой профессии. Председателем комиссии был Иван Васильевич, который работал в авиации не один десяток лет, в том числе и на расследованиях авиапроисшествий. Картина происшествия восстанавливалась по крупицам методом многочисленных опросов свидетелей и очевидцев. Здесь и опыт Лукина пригодился. Взяли сводку метеостанции из города со снежным покровом на момент взлета, со скоростью и направлением ветра в районе аэродрома. Вызвали специалистов-винтовиков со Ступинского авиационного завода, что в Московской области, которые произвели сложный расчет скорости самолета на взлете по расстоянию между зарубками на крыше кунга Газ-66, оставленных винтом самолета на взлете. Свидетели дополнили картину несостоявшегося взлета от налипшего снега на крыльях самолета, до его перегруза. При взлете многие видели, как самолет перешел на «глиссирование», то есть не бежал по ВПП, а шел, как торпедный катер по реке. Такую картину создавал мокрый снег, под которым была вода.

В итоге получилось заключение Госкомиссии, что самолет взлетел с налипшим снегом на крыльях и с перегрузом на борту. На взлетной полосе снежный покров из мокрого снега не обеспечил самолету достаточное сцепление с полосой, поэтому произошло «глиссирование». По расчетам ступинских винтовиков, получалось, что с такой скоростью самолет не мог взлететь, и, если бы он не

упал до гаража, то упал бы через сотни метров на город. Когда самолет сделал себе «дорожку» и взлетел обратным курсом, то еще усугубил свое трагическое положение, так как попал в условия попутного ветра 6 метров в секунду. В момент взлета сложились отрицательные факторы за отмену полета, потому что самолет не мог взлететь, но командир не имел о том информации, когда потянул штурвал на себя. Ему никто из наземных служб не мог подсказать, потому что их не было на месте. Командир экипажа был и диспетчером, и синоптиком. Сам себе разрешил полет. «Вперед и вверх», как говорят летчики. Так было заведено на этом аэродроме.

Вечером Иван Васильевич в гостинице огласил предварительные причины катастрофы членам комиссии. Председатель летной подкомиссии Шалыгин полностью согласился с выводами. В инженерно-технической подкомиссии у Сергея Лещинского работы было немного, так как от самолета почти ничего не осталось. Даже у заместителя Председателя комиссии Рябинина, одного из руководителей транспортной авиации, которой принадлежал этот самолет, не возникло вопросов, хотя на всем протяжении работы комиссии он выступал в роли оппонента Председателю.

Первые дни, как обычно, комиссия работала в авральном режиме, не упуская никаких мелочей и только сегодня можно было немного расслабиться. Работа комиссии еще продолжалась, но основная причина катастрофы установлена и теперь будут дорабатываться отдельные факты, и вырабатываться рекомендации комиссии в целях недопущения подобных трагедий.

Вечером к ним «на огонек» заглянул директор завода Артеменко и командир заводского авиаотряда Попов с

местными угощениями. Попов поставил на стол литровую банку черной икры и кусок замороженной осетрины килограмм на семь, которая была, как камень.

– И чего мы с ней будем делать? Ей растаивать надо три дня, – Виктор уже прикинул, что из нее получиться хорошее блюдо "осетрина по-монастырски".

– Я вам сейчас покажу, что с ней будем делать, – улыбнулся Попов.

Он поставил на стол пять бутылок «Боржоми», выложил в салатницу черную икру и насыпал в тарелку крупной соли и черного молотого перца, которые перемешал. Потом взял разделочную доску, большой острый нож и стал, ловко строгать осетрину, как деревяшку. Завитки осетрины в виде стружки ссыпались на большой поднос.

– Все, готово. Хлеб нарезали для бутербродов? Хорошо, – он взял бутылку «Боржоми» и налил по сто грамм.

– Кто хочет, может чистым или разбавить? Спирт пищевой и дают его нашей Северной авиации на случай обморожения при вынужденных посадках.

– Знаем, плавали, а вот что делать дальше с осетриной? – поинтересовался Иван Васильевич.

– Показываю. Делай, как я, – Владимир Яковлевич опрокинул дозу спирта и затем, обмакнув завиток осетрины в соль с перцем, опустил его в рот.

Все повторили за ним. После спирта положить в рот ледяной кусок осетрины с солью и перцем могли только экстремалы и летчики, но осетрина вмиг растаяла во рту, оставив приятное послевкусие.

– Вкусно, – оценил Виктор.

– А, теперь бутерброд с толстым слоем черной икры, и можно еще по сто грамм, кто хочет. Дозу сами регули-

руйте, а вот икру я рекомендую. Свежайшая. Сами поймали и посолили. Такой икры в Москве нет. Икринка к икринке, – Яковлевич нахваливал продукт, который не нуждался в рекламе.

– А чем ловите? – поинтересовался Лукин.

– Вертолетом.

– Это как?

– У нас в отряде есть вертолет Ми-14, который садится на воду. Вот мы иногда и хулиганим на Амуре. Пограничники и рыбнадзор давно пристают к нам, уступить им нашу «вертушку», но нельзя, это наша кормилица. Пока они отойдут от берега на катере в нашу сторону для проверки, мы подняли наши снасти с рыбкой и улетели. А рыбка здесь водится очень крупная под сотни килограммов, что на лодке не довезти. Потом морозим осетринку, и вот готовая «тала» на столе. Как закусочка?

– Просто сказочная, даже спирт «не берет», – сказал Шалыгин.

– В выходные дни могу организовать экскурсию по городу Комсомольску-на-Амуре или показать рыбалку с вертолета.

– Лучше «или», так как в городе, наверное, кроме памятника комсомольцам-добровольцам и посмотреть нечего, так как город был закрытым, и не на каждой карте его можно было увидеть, а вот природа здесь мало чем изменилась со времен Дерсу-Узала, – сказал Шалыгин.

– Да, памятник из камня поставили комсомольцам. Они построили город и оборонные заводы. Один судостроительный чего стоит. Они спустили на воду первый корабль через шесть лет после закладки фундамента завода. Вот это были темпы ударной стройки. Теперь подводные лодки отправляют в плавание по Тихому океану, – сказал дирек-

тор завода.

– Если бы не забайкальские комсомольцы, то вряд ли бы комсомол осилил бы ту задачу, – уточнил Лукин.

– А здесь были и забайкальские комсомольцы? – спросил Сергей.

– Да, в годы репрессий по «ДальГУЛАГу» прошли миллионы заключенных, и центром их пересылки было место, где сейчас стоит город. Через пересыльный пункт в Комсомольске прошло не менее 900 тысяч подневольных строителей. В послевоенные годы на территории города находилось четырнадцать лагерей японских военнопленных, где содержалось до 16 тысяч человек. Всех так и называли «ЗэК», забайкальские комсомольцы. Вот они-то и построили, в том числе и авиационный завод, поэтому и город был закрытым. Оборонка и заключенные. Честь и хвала нашим комсомольцам-добровольцам. Только не все они ехали сюда добровольно строить город на болоте. Сам работал в комсомоле и знаю, что такое разнарядка на определенное количество комсомольцев, которую по решению партии коммунистов надо отправить на стройку или еще куда. Выдают тебе путевку ЦК ВЛКСМ и одновременно подписку отбирают, чтобы в течение трех лет не смог сбежать с той стройки. Так что они не очень-то отличались от «зеков», разве, что конвоя за ними не было, но и бежать им было некуда.

– В НКВД все знают, – улыбнулся Сергей.

– Да, там многое знают, но вряд ли расскажут. Мне удалось побывать в Государственном архиве, когда работали над Воздушным кодексом СССР. Интересные там папки хранятся в кожаных переплетах. Я бы жертвам сталинского режима высек на самой большой скале высокого берега Амура памятник с надписью от благодарных

потомков, – сказал Лукин.

– Совсем недавно за такие разговоры могли отправить к забайкальским комсомольцам, – сказал Попов.

– Яковлевич, не знаю, как у Вас на Дальнем Востоке, а в Москве обычно поговорят, поговорят, да выпьют, – сказал Лукин.

– Давайте, наливайте по чуть-чуть, а то утром отправляю свой борт на Камчатку.

– А обратно с Камчатки?

– Через два дня. Они груз заводской доставят и обратно. Да, черную икру на камчатских крабов поменяют.

– Иван Васильевич, впереди выходные. Пока комиссия будет оформлять акты, согласовывать выводы, мне делать нечего, а на Камчатке у меня родня, и мой день рождения можем отметить с крабами и красной икрой, – попросил Лукин.

– Должен тебя предупредить, что полет на транспортном самолете Ан-12 через океан процедура не из приятных. На деревянных сиденьях, как в десантном варианте, если хочешь, то пожалуйста. Даже можешь обратно пассажирским рейсом до Хабаровска, а здесь недалеко, если не очень понравится полет в транспортной авиации, – сказал Донцов.

– Иван Васильевич, не пугайте Лукина. Он все-таки Ваш заместитель в комиссии, и мы его посадим в кабину на место пилота-инструктора, – сказал Попов.

– Да вижу, командир авиаотряда подбивает «клинья» к руководству комиссии.

– Ну что Вы, Иван Васильевич. Вашу принципиальность все авиаторы страны знают.

– Шучу. Конечно, слетай к родне.

– А кто у него там родственники?– услышал Лукин

голос Яковлевича.

– Тесть Лукина партийный босс на Камчатке, – тихо сказал Сергей.

– С вами не соскучишься. Давайте по три капли за завтрашний удачный полет, – предложил Яковлевич. – Виктор, с гостиницами не беспокойся, я дам команду, чтобы приготовили то же самое, что было сегодня на столе. Будет с чем прилететь в гости к родне на Камчатку.

– Владимир Яковлевич, наверное, с таким руководителем легко работается вашим подчиненным. Вам не успеваешь задать вопрос, вы уже сыплете предложения. Это приятно, и спасибо за сегодняшний стол. Пойду, позвоню на Камчатку, пока еще не уснули. Здесь разница небольшая, час или два? – сказал Лукин.

– Два часа. Пора звонить.

Николай Сергеевич снял трубку.

– Здравствуйте, не разбудил? – спросил Лукин.

– Нет, мы еще чаем за столом балуемся, а потом я поздно ложусь спать. Что-то случилось?

– Нет. Все хорошо. Я нахожусь недалеко в Комсомольске.

– Да, дочка звонила, что ты в наших краях. Если будет возможность, то прилетай, хоть на пару дней через Хабаровск. У тебя на днях день рождения. Все в семейном кругу веселей будет, чем в гостинице.

– Я могу утром вылететь, только не хотелось стеснять вас дома. Мне бы на рыбалку, а то я и вас, Николай Сергеевич, на уху вытащу из кабинета.

– Вполне возможно. Я вышлю за тобой собою машину. Завтра пятница, и водитель отвезет тебя на нашу дачу в Паратунке, а к вечеру вся компания будет в сборе. Думаю, что скучать тебе не дадут. Вот только, как у тебя с одеждой по

камчатским меркам? У нас в горах уже морозы.

– Меня здесь летчики из транспортной авиации одели и обули. Я могу спать даже в сугробе.

– Тогда вопрос решен. Во сколько прилетаешь?

– Где-то к обеду, но если будем задерживаться, то перезвоню утром на работу.

– Хорошо. Машина будет стоять у выхода из аэропорта, а если водитель выяснит место стоянки на поле, то подъедет к самолету.

– Не надо, Николай Сергеевич, меня ребята довезут до стоянки на площади аэропорта. Найду я Сашу.

Встретил Виктора в аэропорту водитель тестя Саша. Жучок еще тот.

– Мне велено отвезти Вас на дачу на реке Паратунка. Здесь недалеко от Елизово, а вечером Николай Сергеевич приедет. Поздравляю с днем рождения.

– Так у меня оно будет в понедельник, а за встречу спасибо.

– В вашей экипировке морозы не страшны и на Северном полюсе.

– Обычная рабочая спецодежда, меховая куртка с ползунками и унтами.

– В городе не очень холодно, а в районе Паратунки всегда снежнее и холодней. Вы уже бывали на даче у шефа.

– И даже окна заклеивал на зиму.

– Вот и хорошо. Пока погреетесь в бане, поплаваете в бассейне на гейзерах, а я мотнусь в город за шефом.

– Хорошо, хорошо, я сам разберусь, а гостинцы с берегов Амура положи в холодильник, – сказал Лукин.

Попов завернул ему в плотную бумагу замороженный кусок осетрины килограммов на десять. В другом свертке была литровая банка черной икры и, конечно же, пять бу-

тылок пищевого спирта. С такой упаковкой можно было приземляться за любым праздничным столом, если учесть, что в стране шла усиленная борьба с алкоголем. А чтобы не смущать партийных боссов спирт, как обычно, был упакован в бутылки «Боржоми». Попов называл его фирменным «Боржоми».

Как прекрасно путешествовать без гардероба, зубная щека, плавки для бассейна и вперед. Он успел сделать один заход в баню и окунуться в бассейн с довольно горячей водой под открытым небом, как приехали родители его жены. Как обычно в пятницу дом наполнился их друзьями. Все они жили в одном обкомовском доме, и дачи располагались в двухэтажном доме с большими квартирами. Во дворе были русские и финские бани с бассейном на гейзерах. К дому примыкали небольшими участками земли во дворе, для тех, кто не хотел отрываться от земли и имел большое желание вырастить редиску и зелень. Другое не успевало созреть, хотя коряки сажали и картошку, и огурцы с помидорами, но этим надо было заниматься всерьез. А условия для этого были предоставлены самой природой. Термальные воды выдавали круглый год халявное тепло, а земля была удобрена пеплом вулканов.

Застолье получилось веселым. Всем понравились его гостинцы с Амура, так как кроме красной рыбы, икры и крабов на Камчатке не было. Желающие спускались в баню и бассейн. Плавание в термальных водах с запахом сероводорода, похожего на протухшие яйца. Вода расслабляла и выматывала, но одновременно и отрезвляла. В бассейне Николай Сергеевич подошел с Виктором к Ивану Петровичу, одному из командиров Камчатской флотилии. Они уже давно были представлены друг другу, еще на параде в Авачинской бухте в день Военно-морского флота, когда

пили чай по-флотски на торпедном катере адмирала.

– Это, Иван Петрович, ученик нашего Ивана Матвеевича Капитанца, ну, вас не надо представлять друг другу.

– Надолго в наши края? – спросил Иван Петрович.

– На выходные. Я здесь недалеко в командировке в Комсомольск-на-Амуре.

– Да, по понятиям Дальнего Востока это совсем рядом. Часа три лететь на самолете, – улыбнулся Иван Петрович, – чем хотите заняться в выходные, наверное, бани и в Москве надоели.

– Конечно, хотелось бы съездить на рыбалку. Николай Сергеевич обещал организовать.

– Да что его мучить, он же не рыбак, поэтому ему надо напрягаться, чтобы организовать, а мои офицеры занимаются рыбалкой каждый выходной и ездить никуда не надо, все здесь рядом с дачей. Николай Петрович, можно тебя на минуту.

– Да, Иван Петрович, я весь во внимании, – подошел мужчина лет на двадцать старше Лукина.

– К нам гость прилетел из Москвы на выходные специально на рыбалку. Можете взять его в свою компанию?

– Богато живете, из Москвы на два дня порыбачить на Камчатку.

– Это Виктор Павлович зять Николая Сергеевича, он здесь недалеко находится в командировке, вот и залетел к нам на огонек.

– Мичман в отставке Максимов, – представился Николай Петрович, – для гостя Николая Сергеевича я все организую, как для Вас, Иван Петрович. Мы отойдем с Виктором, обсудим наши планы?

– Да, конечно. Спасибо, Петрович, – сказал адмирал.

– Виктор, мы собираемся завтра утром удить гольца.

Очень интересная рыбалка. Арктический голец зимует в реках Камчатки до весны, и ехать за ним никуда не надо. Он рядом, но мы поедем на машинах. Они уже упакованы всем необходимым для нашего отдыха на берегу. Вот только один вопрос, как вы одеты для рыбалки? – спросил Николай Петрович.

– Меня обули и одели военные летчики, которые доставили сюда, и, наверное, с ними я улечу обратно в Комсомольск.

– Тогда вопрос решен. Утром мы за вами заедем в восемь часов. Идет?

– Хорошо, спасибо, Николай Петрович. Может быть, по пять капель за знакомство?

– Нет, спасибо. Давайте завтра на рыбалке, а то будет тяжело вставать. Кстати, в вашей компании еще два рыбака, которые едут утром с нами, поэтому сильно не заводитесь. Пока, до утра.

Виктор проводил мичмана и вернулся за стол.

– Николай Сергеевич, спасибо. Мы договорились. Все выше крыши. Даже не ожидал, – сказал Лукин.

– Ну и хорошо. Я беспокоился, чтобы ты не пожалел, что прилетел к нам.

– Как можно, я же прилетел к Вам на Камчатку. Да если бы и остался в вашей квартире, то с удовольствием покопался бы в вашей библиотеке.

– Спасибо. Наверное, пора потихоньку переходить на чай.

– По-флотски?

– Это ты с Иваном Петровичем упражняйся, а я уже в отставке для чая по-флотски. Пойдем к морякам?

– Нет, пожалуй, я тоже просто чаю.

– Вот и правильно, тебе еще предстоит с ними завтра

потягаться на рыбалке. На Камчатке, вернее, в Петропавловске-2 после Ивана Матвеевича осталось сплоченное ядро морских офицеров с порядочными отношениями между собой. Они в свой круг особо никого не допускали, но ты уже летом с ними пообщался и кое-кто тебя знает, поэтому завтра, я думаю, в их компании будет комфортно.

– Спасибо, Николай Сергеевич.

В центре России хватает простора с ее обширными лесами, полями, болотами и реками, но Камчатка – это особенный край, где можно сойти с лесной тропы и спокойно представить, что здесь не ступала нога человека. Оттого дикая природа Камчатки с ее просторами становится еще прекрасней. Да, и народ здесь живет совсем с другим укладом. Особо не торопится в своих делах и поступках, нет такой суеты, как у москвичей и это, наверное, от природы и погодных условий, оттого, что полуостров оторван от материка и, как поют в песне: «А Камчатка от меня далековато… и только самолетом можно долететь».

Лукина пригласили на рыбалку командиры высокого ранга, но командовал рыбалкой мичман в отставке Максимов. Они с любовью иногда называли его «Максимкой», потому как он на флоте служил еще во время войны юнгой. Максимов свое дело знал четко. Раздал удочки для рыбалки всей команде. Это так, для баловства, чтобы не забывали, зачем собрались, а сам начал таскать гольцов для ухи. Через полчаса огромный котелок висел над костром и заполнялся очищенной рыбой. Камчадалы всегда ловят гольца недалеко от дома на реке Паратунке на обычную поплавочную удочку, пока лед на реках еще не стал. Наживку Петрович подготовил из «варенки» – это крупная вареная красная икра. Первые разделанные рыбины были под килограмм каждая с мясом красного цвета, отдающего

желтизной. Здесь другой рыбы не водится, только красная. Голец, видимо, «варенку» любит, потому как набрасывается на наживку, не дав устояться поплавку, и необходимо поймать момент и подсечь, а там как повезет. Но везло всем. Голец хватал один за другим.

– Виктор, ты домой будешь брать рыбу? – спросил Максимов.

– Нет, меня предупредили, чтобы домой ничего не приносил, а вот в Комсомольск-на-Амуре, я бы взял своим летчикам. Они меня отпустили на выходные.

– А ты там работаешь?

– Нет, я там в командировке. Мы с Государственной комиссией расследуем катастрофу Ан-12 на заводе Сухого, может, слышал.

– Конечно же, слышал, а ты вроде как служишь в МВД?

– Да, но год назад был я командирован в Госкомиссию для расследований авиакатастроф.

– Серьезная мужская работа. Мы приготовим камчатский подарок для летчиков, ты ничего не бери, мы все упакуем, как надо.

– Вот спасибо, мужики будут довольны. У Вас опять дергает.

– Да уже хватит на уху, и пожарить, а наши рыбаки для дома и семьи стараются. Пусть пока побалуются с гольцом, а то скоро реки замерзнут, и рыбалка будет другая, подледная, но на открытой воде мне больше нравится. Ты не пробовал ухи из гольца? – спросил Максимов.

– Пока не приходилось.

– У него мясо нежнее омуля байкальского, потому как питается в основном красной икрой. Нерест идет с весны до октября, и сейчас голец нагулялся, откормился, но все равно не прочь полакомиться икрой. К зиме готовится, а

весной ранней голец вместе со льдом сходит в море, а после опять возвращается на нерест. Вот такая рыбина.

У Максимова все горело в руках. Два раскладных стола накрыты белой скатертью. Этим и отличаются военные моряки, что любят они белые скатерти и чистоту даже на рыбалке. На стол посыпались различные закуски из крабов и лосося, даже пирог был с рыбой и лимонами. Конечно же, какая уха без водки, которую успели охладить. Пока варилась уха, Максимов посолил икру пятиминутку в солевом растворе. Не стол, а сказка. Да у военных моряков даже на берегу стол накрывают по-своему, как в ресторане.

Тосты сыпались один за другим.

– Давайте выпьем за королевский флот. За наш Балтийский флот. Мы почти все выходцы с того флота вместе с нашим командующим, – сказал Максимов.

Троекратное ура разорвало тишину.

– Виктор, а ты имеешь какое-то отношение к флоту? – спросил Максимов.

– Конечно, я четыре часа служил в морских пограничниках, получил все печати в военный билет, где прописано: «ВМФ – плавсостав», но до моря в Анапе так и не доехал.

– Это как же? – спросил один из офицеров.

– Меня в КГБ забрали.

– Вот это да! А за что?

– Я сын лейтенанта Шмидта, – пошутил Лукин.

– Нет, серьезно.

– Меня забрали как спортсмена. Я был в сборной «Динамо» по пулевой стрельбе, вот и взяли, чтобы я выступал на соревнованиях за Центральный аппарат КГБ.

– Так у них и остался?

– Нет, после демобилизации перешел в уголовный ро-

зыск, – сказал Лукин.

– Да, он от МВД расследует авиационные катастрофы в Государственной комиссии, – пояснил Максимов.

– Конечно же, у порядочного человека и зять должен быть такой же. Мы твоего тестя уважаем, одного из немногих руководителей обкома. А у нас есть свой последователь лейтенанта Шмидта – это наш Максимка, которого перевели вместе с кораблем с Балтики на Тихоокеанский флот. Если у него будет настроение, то он может поделиться воспоминаниями. Прошло уже двенадцать лет, а он нет-нет да вспомнит эпизод другой, но это бывает только индивидуально и тет-а-тет. Только сейчас о том стали вспоминать, но в узких кругах, примерно как сегодня собрался, – сказал тот же офицер, что сидел от него справа.

Виктор сразу догадался, о чем идет речь. Он, будучи в Риге, слышал в те дни, от своего друга Ткаченко, который работал в УВД Риги, о событиях в ноябрьские праздники 1975 года. Сколько он не пытался хоть что-то выяснить у моряков или чекистов, но никто толком ничего не знал.

После застолья Виктор подошел к Максимову и предложил свою помощь в приготовлении чая.

– Николай Петрович, у меня есть вопрос не из праздного любопытства. Просто я в то время был в Риге в командировке, и мне рассказал мой товарищ, что в Балтийском море наш корабль поднял мятеж, как на «Очакове», но потом я не нашел нигде подтверждения. Не могли бы вы мне рассказать то, что можно.

– Но я сам не участвовал в том мятеже, поэтому до сих пор жив, но свидетелем был, так как служил на «Сторожевом». Светлая ему память. Рассказать, конечно, можно, только закончим с чаепитием и пойдем, посидим на бережку вдвоем. У нас здесь речки шумные и на берегу

можно разговаривать на любые темы. Я уже на пенсии, а некоторым командирам рано такое слушать, им надо матросов воспитывать.

«Видимо мичману после тех событий не жилось спокойно», – подумал Лукин.

Через некоторое время Максимов взял бутылку водки, рюмки, чашку икры и ложку. Он заговорщицки подмигнул Лукину, указав взглядом на берег реки. Положив на большой камень водку с икрой и ложку, Петрович поставил два раскладных стула.

– Ну, давай по пять капель под икру, все разбрелись по своим интересам. Тебя интересуют те события не просто так? Ты что поддерживаешь оппозицию Ельцина?

– Есть немного. Хоть какая-то свежая струя в нашем болоте.

– Вот ты правильно выразился. Но пока одни разговоры, а сможет ли он воплотить свои мысли в жизнь – вот это вопрос.

– Да это будет тяжело, но уже видно, даже по партийным собраниям, и где? В нашем Министерстве уже нет единогласного «одобрям» на все решения собрания. А коммунисты пишут замечания и предложения. Нет, он что-то разбудил в мозгах народа, но что из этого получится?

– Да, вижу, что вопрос о «Сторожевом» для тебя не праздный. Ну, хорошо. Служба на корабле проходила тихо и мирно, как и у всех на Балтийском флоте. И как такое проморгали особисты, ума не приложу. Но, видимо, потому что руководил тем мятежом сам заместитель командира корабля по политчасти. Он и должен был снабжать сигналами о неблагонадежности офицеров и матросов на корабле особистов из КГБ. А здесь у них получился

облом.

Виктор умел слушать, не перебивая рассказчика, а здесь такое, что он на время замер.

– Я долго размышлял, ведь и революция в 1917 году начиналась с моряков, причем балтийских. Вот, видимо, наш замполит Саблин, светлая ему память, начитался правильных книг Маркса, Энгельса и Ленина. Иначе, как это можно объяснить, что его лозунги были против верхушки партийной элиты, создавшей себе блага, как при коммунизме. У него даже политзанятия проходили «на ура», не как у некоторых замполитов, когда половина спит, а другие «гоняют в балду» или играют в «морской бой».

Кстати сказать, мужик был грамотный, мы много нового узнали об Октябрьской революции и истинных ленинских идеях. Правда, с такими правильными мыслями, сам знаешь, всех отправляли в дурдом на лечение. А вот он избежал этого и, наверное, чувствовал, что этим может кончиться, и так никто не узнает о его мыслях. Вот сейчас бы он был востребован со своими мыслями и энергией или немного позже. А тогда он решил действовать в одиночку.

Бывший мичман «Сторожевого» плеснул по рюмкам водку, не прицеливаясь, и как отмерил по поясок узора – видимо, посуда была очень знакома и они молча махнули. Какие уж тут тосты.

– Но не совсем в одиночку, – продолжил свой рассказ мичман. – Замполит подобрал на своих лекциях о действительном равенстве и братстве сторонников из матросов. Мы на «Сторожевом» прибыли в Ригу в годовщину Октябрьской революции для участия в параде. Сначала у командира корабля произошла буза с пьяными матросами, и они заперли его в каюте. Саблин, видимо, понял, что пора. Собрал матросов и показал фильм «Броненосец По-

темкин», а после объяснил, что партийная бюрократия предала идеи Ленина и Октябрьской революции, и единственный выход – это новая революция. Надо идти в Ленинград, встать на рейд рядом с Авророй и призвать народ к свержению кремлевской верхушки. Надо выйти в эфир и призвать народ на решительные действия. После речи – а говорил он грамотно, доходчиво – команда корабля разделилась пополам вместе с офицерами. Я выдержал нейтралитет, целиком и полностью поддерживая мысленно замполита. Но у меня большая семья и я знал, что будет с ними, так как эта затея была обречена на провал, а потом допросы, очные ставки, аресты – ты лучше меня знаешь, как это бывает. В общем, не имел я права обречь семью на нищету. А замполит нашел нужные слова, ибо те, кто поддержал его мятеж, делали все с энтузиазмом и верой, что они смогут перевернуть все.

– В принципе, они сделали что-то похожее, что Борис Ельцин три дня назад на юбилейном Пленуме ЦК КПСС, посвященном семидесятой годовщине Октябрьской революции, где его пожурил лишь Егор Лигачев: «Борис, ты не прав». А потом турнули Бориса из первых секретарей Московского горкома партии.

– Вот именно. Саблин смог переубедить молодых матросов своими неоднократными речами, а как можно призвать народ, который в то время шесть десятилетий водили за нос, обещая светлое будущее. И в общей массе народ им в чем-то верил. А больше было напуганных прошлыми репрессиями, еще живо то поколение, которое прошло через эти ужасы. Но, тем не менее, некоторые офицеры тоже поверили в успех, что можно поменять руководство страной заходом «Сторожевого» в Неву. Несогласные с их действиями сошли на берег и подняли

тревогу. Я остался на корабле выполнять свои обязанности. Было небольшое замешательство, но потом принято окончательное решение идти в Ленинград, как в 1917 году. «Сторожевой» тихо вышел из рижского порта в открытое море, набирая ход. Рано утром мы подошли к эстонскому острову Сааремаа, от которого должны были повернуть к Ленинграду, хотя до Швеции было гораздо ближе, поэтому и были предложения отправиться сразу туда и тогда бы за ночь мы были бы недосягаемы. Но в это время нас нагнали около десятка военных кораблей, с которых поступила команда «Стоп машинам и сдаться». В противном случае грозили утопить всех вместе с кораблем. Самолеты сделали несколько заходов поперек палубы на низкой высоте и были видны их ракеты. Потом улетели и снова появились, начав бросать бомбы перед носом и за кормой корабля. Были повреждены рули. Все поняли, что это конец. Сопротивления никто не оказывал, решили сдаться. Арестовали всех, в том числе и тех, кто не участвовал в мятеже. Допрашивали нас следователи КГБ, их больше интересовал масштаб заговора, насколько он широк для страны, кто еще участвовал в нем. Нас отпустили раньше других через полгода под особое наблюдение, а Саблина и одного матроса расстреляли. Вот так я оказался вместе с кораблем, который переименовали, на Тихом океане. С нас со всех взяли подписки о неразглашении, но по Риге прокатились слухи о советском «Потемкине». Вот бы фильм снять, но восстание было всего сутки, и если бы офицеры, сошедшие на берег не подняли бы тревогу, то еще неизвестно, чем бы оно закончилось, когда «Сторожевой» встал бы рядом с «Авророй». Вот такие дела. Уж коли у нас произошел такой разговор, как говорится по рекомендации, то хотелось бы знать твое

мнение по этому поводу, как представителя органов.

– Николай Петрович, если откровенно, то я никогда никому свои мысли по подобным событиям не высказывал, но тебе в благодарность за рассказ могу сказать только одно. Я, к счастью, не из тех органов, которые военные не очень любят, а в данном случае был чистый их промах. 3–е управление КГБ прощелкало клювом и допустило те события. С одной стороны, хороший был у вас на корабле экипаж, сплоченный до того случая и не было на корабле «стукачей» от особого отдела. Я целиком поддерживаю твою позицию нейтралитета, хотя ты скорее склонялся к тому выступлению и трудно осуждать тех, кто остался на берегу и поднял шум. Ты правильно оценил дальнейшие разборки с тем делом и что станет с родными и близкими в итоге. Я это знаю не понаслышке. Мой дед был политзаключенным во время репрессий тридцатых годов, но ему выпал счастливый билет и он остался жив. Однако его детям и нам, внукам, досталось почти нищенское существование после тех репрессий, когда все отобрали, и десяток лет пришлось бесплатно работать в лагерях. А уж потом все начинать с нуля. Я в подробностях знаю о событиях в Новочеркасске в 1962 году, но как учил меня мой дед, пока помалкиваю, оттого и служу в МВД.

– Ну и правильно, а что там было в Новочеркасске?

– Видишь, как у нас в стране. Накрыли нас не «железным занавесом», а «медным тазом», а, вернее, стеклянной колбой, а внутри еще много колб с вакуумом, которым накрывают многие события. Борис Ельцин выступил с «большой» трибуны ЦК КПСС, и уже доклад его заперли под семь замков, а то и вообще засекретят, но сейчас время немного не то, что раньше. Его доклад уже на руках у народа. В Новочеркасске рабочие завода вышли на улицу с

такими же лозунгами и портретами Ленина, как в праздники Великого Октября, к зданию горкома партии с требованиями не повышать цены на продукты и не снижать зарплату, потому что жить было не на что. Они были за смену жуликов у власти в их городе. На ваш корабль бомбы бросили, а там в толпу народа направили танки и расстреляли около сотни человек из автоматов. А на площади были женщины и дети, да и, в общем-то, мирная была демонстрация. Потом осудили около сотни человек к длительным срокам, и человек двадцать приговорили к расстрелу. Жестко власти расправились за свои же ошибки в управлении государством, а те события сразу засекретили. Но меня жизнь случайно свела с пастухом, который стоял тогда на площади Новочеркасска с автоматом перед демонстрацией рабочих. Он тогда служил во внутренних войсках, но не стреляли его сослуживцы в народ. Витька Носов тогда побожился. Это сделала «дикая дивизия» из Средней Азии и Кавказа, но командовали ими русские.

Да, кстати, мы сегодня одного из них вспомнили, который сказал знаменитую фразу: «Борис ты не прав». Он тогда был заведующим сектором ЦК КПСС по идеологии, и Хрущев направил его в Новочеркасск на урегулирование конфликта местных властей с рабочими завода. Вот они и отрегулировали этот вопрос десятками погибших и сотнями раненых, не считая расстрелянных и осужденных. Потом этот партийный деятель сам перевелся в Сибирь. Наверное, чертики по ночам снились, а теперь усиленно борется в стране с алкоголем. Так вот почему я тебе рассказал об этих события. Рабочих в Новочеркасске поддерживаю целиком и полностью, потому что это был почти голодный бунт, до которого довело руководство страной. И рабочие вышли на площадь с транспарантами КПСС,

выпрашивая хлеба, а кто расстреливал их за это, те уголовные преступники. И совсем по-другому на этом фоне рассматриваются действия замполита Саблина. Мысли у него были правильными, а его действия я не одобряю.

– Мне почему-то сразу показалось, что ты правильный мужик, наш.

– Ну, может, не «герой нашего времени», но мне посчастливилось познакомиться с тобой, Николай Петрович, настоящим участником событий на «Потемкине-75».

– Как ты сказал – «Потемкин-75»? А в этом что-то есть. А под стеклянный колпак угодила вся наша команда, так и не дав никому проявить себя. Повсюду за нами наблюдало «всевидящее око» КГБ.

– Одно я тебе скажу, Петрович, все эти выступления неспроста. Помнишь, как перед революцией семнадцатого. Был «Потемкин», «Очаков» с лейтенантом Шмидтом, кровавое воскресенье с расстрелом демонстрантов на площади в 1905 году, а потом смели всех. Вот и сейчас что-то в воздухе вертится. И выступления «Сторожевого», и события в Новочеркасске неспроста, но меня интересует другое. Если что-нибудь свершится и поменяется власть, то, как они оценят этих героев, какую честь и славу им воздадут? Неужели такую же, как событиям 1905 года или матросам «Потемкина» и «Очакова»? Тогда осудили тех, кто расстреливал и сажал в царское время, а вернее расправились с ними без суда и следствия. Вот мы сразу и оценим, с кем придет к власти Борис Николаевич, и как они оценят память тех героев, кто «ковал» для них победу. Об этом сейчас никто не знает, но я не думаю, что эти события войдут в учебники, как лейтенант Шмидт и матросы «Потемкина». Ты вспомнишь, тогда наш разговор.

– Да, интересные у тебя предположения. Ты почаще прилетай к нам на рыбалку.

– Пока дорога бесплатная, это можно, а потом видно будет. У нас на реке Проне рыбы не так богато, но тоже места красивые. Я тебя официально приглашаю весной на ловлю щуки, она после нереста, голодная как крокодил, очень интересная рыбалка.

– Спасибо. Если все удачно срастется, то обязательно заеду, когда буду в Москве у родственников.

Они поднялись и присоединились к веселой компании офицеров.

– Ну как, Петрович, не утомил тебя расспросами московский гость?

– Надо сказать, «зубастый» мужик, и если он на работе такой, то не дай Бог попасть к нему в лапы.

– Да, наверное. Николай Сергеевич сказал, что он на днях полковника получит. Это у нас, моряков, звания быстро получают – одни боевые походы, а в МВД идет очень туго, – вот и судите о его лапах.

– Нет, мужики, у меня никакой «лапы», если имеете в виду тестя, то он никак не помогал мне.

– Да у него и с юмором все нормально. В общем, все рекомендации командующего совпадают, с ним можно идти в разведку.

– Рода войск у нас немного не совпадают. Мне больше партизанщина подходит, а вот от следующего похода на рыбалку я не откажусь.

– Будете извещены заранее вестовым.

У тестя освободился вечер, и они решили перед его вылетом гостей не собирать.

– Тебе, наверное, хватило на рыбалке крепких напитков, поэтому предлагаю, немного коньяка для восстанов-

ления сил и здоровья. Если пригласить кого-то, то отдыха не получится.

– Все правильно. Мне завтра надо быть в Комсомольске и в форме.

– Как прошла рыбалка? С кем общался?

– С одним мичманом по кличке «Максимка». Очень интересный мужчина.

– Я хорошо знаю Николая Петровича. Мы с ним воевали совсем молодыми.

Лукин рассказал о беседе с Николаем Петровичем, о замполите Саблине и крейсере «Сторожевом».

– Что это вдруг вас на эту тему занесло?

– После выступления Ельцина 21 октября на Пленуме ЦК навеяло.

– А что об этом известно в народе?

– С одной стороны, известно немного. Знаем, что Ельцин выступил на юбилейном Пленуме ЦК с критикой в адрес Егора Лигачева и результатов перестройки. Но потом сведения засекретили. Теперь они могут сказать, как в том анекдоте: « … А, нехай, клевещут гады».

А с другой стороны, Ваши коллеги из ЦК КПСС поступили, как всегда по шаблону и неправильно. Сейчас не то время, чтобы засекречивать такие документы. Сами же объявили о гласности, и вдруг секретной стала критика от Секретаря Московского горкома партии Ельцина. Теперь эти секреты обрастают слухами, и народ получает в уши ту информацию, которую хотел бы услышать. А это политически неправильно и недальновидно. ЦК делает из критика великого мученика, а на Руси всегда почитались святые мученики, которые были за народе. Вот и придают слухам соответствующий окрас. Сюда уже приплели жену Генсека Горбачева, а он руководитель государства, хотя

Ельцин говорил о других недостатках. Николай Сергеевич, скажите, кому в голову пришло делать из этого секрет? Сейчас надо, наоборот, выложить стенограмму выступления Ельцина хотя бы партийному народу на обсуждение, и если он прав, то исправить ошибки. Этим бы только подняли авторитет партии, а секретностью нанесли удар по ее имиджу. Вообще получилось, как всегда, и народу очень не нравится. Значит, прав Ельцин, что нет в стране никакой «Перестройки и Гласности»? Очередная фикция Политбюро?

Николай Сергеевич налил коньяк в маленькие серебряные с позолотой рюмочки.

– Да. После твоего пояснения, что творится в народе, надо не в рюмки наливать, а в алюминиевые кружки, как на фронте. Ты совершенно прав, и я вынужден с тобой во всем согласиться. Но почему ты раньше в наших разговорах ни разу не обмолвился, что тебя интересовали выступления народа в Новочеркасске и замполита Саблина?

– Николай Сергеевич, не было повода. И потом я знаю о Ваших спорах на острые темы с братом жены Валерьяном. Такие же споры по вопросам марксистко-ленинского учения я слушал между своим отцом и дедом. Вам хватало Валерьяна, поэтому я берег Ваши уши.

– Ну, спасибо и на этом зятек,– Николай Сергеевич пригубил коньяк, – а ты мне никогда не рассказывал о своем дедушке.

– Я из этого никогда не делал секрета. Но и для рассказа у нас с Вами не было повода и подходящей обстановки, как сейчас. Согласитесь, что я не мог рассказывать о своих репрессированных родственниках среди Ваших друзей из ЦК. Мой дед, Алексей Михайлович, был участником февральской революции в 1917 году. Он работал инженером

и возглавлял профсоюз на московском заводе Гужона, который сейчас «Серп и молот». Они брали Арсенал в Кремле, а через двенадцать лет его осудили за шпионаж в глухой Смоленской деревне. Сидел он на Соловках и работал в «шарашке». После отправили его на Северный Урал, на поселение к семье, которую сослали после его ареста. А перед войной, в 1939 году, назначили его руководителем Подольского оборонного завода. Его уже двадцать лет, как нет, а до настоящего времени еще не реабилитировали. Он писал в свое время письма Молотову, а потом Хрущеву, Косыгину и Брежневу, но получал ответы, что еще не время для реабилитации. Для незаконного ареста время нашлось и, когда руководил заводом, время у государства было, а для восстановления справедливости времени не нашлось. А я так Вам скажу, Николай Сергеевич, ссылались, что еще не наступило время для массовой реабилитации потомки тех, кто был причастен к беспределам в масштабе государства. Они сидят у руля и не хотят ворошить прошлое, когда могут сплыть фамилии уважаемых в обществе руководителей, потому никто никогда не будет проводить реальное расследование позорной страницы нашей истории. Мои коллеги из МВД работают в комиссии по реабилитации, которые пояснили мне, что им предстоит пересмотреть уголовные дела в отношении не одного миллиона граждан.

Николай Сергеевич удивленно посмотрел на Виктора и хотел возразить, но тот только улыбнулся и остановил его жестом руки.

– Николай Сергеевич, я приведу пару цифр из статистики Госархива, а потом можете возразить. После смерти Сталина реабилитировали 440 тысяч граждан. При Хрущеве – до 1961 года – еще 270 тысяч, а потом руководи-

тели нашего государства забыли, что незаконно было осуждено около 4 миллионов граждан. Но только сейчас через тридцать лет создали комиссии по рассмотрению тех дел. Знаете, что сказал деду «особист» на Подольском заводе по выпуску патронов после его очередного письменного прошения Брежневу о реабилитации: «Вы, Алексей Михайлович, прекратите писать руководству страны. Будьте довольны, что живы остались». Я уверен, что скоро реабилитация будет, но она пройдет тихо, никто не назовет публично тех лиц, кто выносил незаконные приговоры.

Лукин перевел дух и пригубил коньяку. Он всегда беседовал тихо и без волнений, потому что пользовался только фактами. Но беседы на такие темы могли расшатать и его крепкие нервы. Он взглянул на тестя, но тому не чем было возразить. Он молча выпил за память о своих предках.

– Теперь мне понятен твой интерес к годам репрессий и нападки на власть. Я тебя понимаю и рад, что это не праздное любопытство, – сказал Николай Сергеевич.

– Я не готовлю себя в бунтари или революционеры. Мне дедушка на своем примере показал, как бывает в жизни у революционеров. Знаменитый Бисмарк сказал, что революцию готовят гении, совершают ее фанатики, а результатами пользуются проходимцы. Николай Сергеевич, так что там было на Пленуме ЦК на самом деле, можете рассказать?

– Ну, какие от тебя секреты? Ты все правильно сказал. Но я сообщу тебе более точную информацию, чтобы ты не пользовался слухами. Я тебя понял, что на митинги ты не пойдешь с этой информацией. Уроки деда, светлая ему память, не прошли для тебя даром. Борис Ельцин выразил недовольство руководством Егора Лигачева в Секретариате ЦК, который замедляет темп перестройки. Партия

должна выбрать революционный путь. У народа упала вера в перестройку, так как они реально ничего за это время не получили. В последнее время обозначился рост славословия от некоторых членов Политбюро в адрес генерального секретаря, что может стать «нормой и культом личности». Закончил Ельцин свою бунтарскую речь прошением об отставке: «Видимо, у меня не получается работа в составе Политбюро. Видимо, опыт и отсутствие некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачева, я бы подчеркнул, привели меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности».

В итоге Пленум принял постановление, в котором выступление Ельцина признавалось «политически ошибочным» и Московскому горкому партии поручалось рассмотреть его заявление об отставке. Вот так было на самом деле. И ты совершенно прав, что не надо было делать из этого секрета. На этой волне гласности, наоборот, можно было настроить народ против Ельцина.

– Но Вы же сказали, что его практически спас Горбачев? Значит, он ему нужен в борьбе с другими членами Политбюро. У них, видимо, был какой-то совместный план, но Ельцин разыграл свою карту.

– Да, видимо, у них что-то было другое в планах, поэтому он Ельцина не отпустил на Пленуме. Время покажет. Давай по рюмке за тебя. Ты всегда отмалчивался в нашей компании, и теперь я понимаю почему. Но скажу честно, ты сегодня меня удивил. Рано ты все-таки ушел с комсомольской, а потом и с партийной работы. Из тебя бы не получилось бы партийного функционера, а вот хорошим партийным руководителем ты стал бы.

– Вряд ли, Николай Сергеевич. Был бы я среди Вашей

публики «белой вороной». А что касается моего молчания в компании партийных боссов, на то есть детский анекдот. В одной семье родился сын и до пяти лет не умел говорить. Все думали, что он глухонемой. Однажды вечером за столом он отложил ложку от чашки с кашей и произнес: «А каша-то не соленая». Все всплеснули руками. Чудо. Заговорил. Научился? «А я и раньше умел говорить».– «Чего ж тогда молчал?» – «А все нормально было».

– Ну ты и зануда. Переходим на чай? Летом прилечу в Москву, договорим. Теперь Пленумы ЦК, чувствую, часто будут.

В обкомовской квартире на Камчатке у Лукина была своя спальня с видом на Авачинскую бухту. Спать совсем не хотелось. И он, откинувшись в кресле, смотрел на «уснувшие» портовые краны и корабли в порту. Вспомнились события 1975 года и мятеж замполита Саблина под Ригой. Саблин был по возрасту схож с лейтенантом Шмидтом, у которого и требования к царю были примерно такие же – о немедленном созыве учредительного собрания. В первую очередь его подвиг был признан Временным правительством и Керенским, которые воздали его памяти все воинские почести и наградили Георгиевским крестом, а он также нарушил присягу, поднял мятеж на корабле, который в течение суток был подавлен.

Да, заслуженный герой, в его честь названы улицы в пятнадцати городах, а в Севастополе стоит памятник. Все правильно, и семьдесят лет им гордится страна. А что же будет когда-нибудь с памятью о Саблине и его соратниках? Как оценят его поступок потомки? Или скажут, что утопист, и забудут. Будет видно. Их поступки очень схожи, так же как и они сами.

«Но если быть объективным, – воспоминал Лукин, – то надо заметить, что Петр Шмидт трижды списывался с флота, причем один раз во время дальнего похода в Японии из-за обострения нервной болезни. О как! Немного был «не от мира сего»? Пойти на такое, заранее зная, чем это закончится, или на самом деле верили в успех своего дела. В обоих поступках никакой реальности, хотя какой-то смысл был. Это, наверное, вера, что за ними встанет народ. Перед восстанием 1905 года можно было в это верить, когда всю Россию будоражили революционные настроения. А в 1975 году вряд ли можно было кого-нибудь поднять с дивана, чтобы вышли на площадь митинговать. Это было дико».

На обратном полете через Тихий океан потряхивания самолета ощущались немного больше, чем над сушей. АН-12 приземлился на заводском аэродроме Комсомольска-на-Амуре. Лукину предстояло отметить свой день рождения, и на Камчатке его загрузили дарами моря. Оставалось только попросить у Яковлевича его фирменного «Боржоми».

Работа комиссии подошла к концу. Вечером они собрались за праздничным столом по поводу дня рождения Лукина. Стол в «Бурундуке» – так называли небольшой гостиный дом – был накрыт дарами Амура и Камчатки. Вряд ли где можно было бы увидеть в таком количестве красной и черной икры, осетрины и чавычи. Но самыми привлекательными на столе были отварные крабы. А Лукин еще блеснул камчатской кулинарией и подал чугунную сковороду с жареными крабами.

С мясом на Камчатке было туговато, но почти везде лежала сырокопченая колбаса, которую давали на материке в наборах к праздникам. Красная рыба вместе с жесткой

колбасой камчадалам уже приелась, но котлеты из только что пойманного лосося были очень вкусными. Виктор заглядывал на Камчатке в магазины только из любопытства, потому как в «обкомовском пайке», который получал еженедельно Николай Сергеевич, было все необходимое, чтобы прожить небедно семье из четырех человек в течение недели.

Из Комсомольска-на-Амуре они с комиссией вылетели на Ил-76. Их уговорил лететь тем бортом руководитель транспортной авиации Рябинин, который был заместителем Председателя Государственной комиссии по расследованию авиакатастрофы. Ему надо было набрать количество летных часов, так как он был еще пилотом-инструктором, и чтобы получать зарплату вдвое больше Министра, он должен был налетать тридцать часов в месяц. А здесь рейс с Дальнего Востока давал половину нормы. Лукин встал на его сторону, чтобы лететь на Ил-76, а не с пересадкой в Хабаровске. Ему предстояло еще тащить тома материалов расследования.

Ил-76 стоял на взлетной полосе завода, и Рябинин проводил его в кабину самолета. Десантный вариант самолета со стеклянным полом кабины и полным обзором местности сверху был просто сказочным. Виктор сначала занял кресло пилота-инструктора. Рябинин предупредил, чтобы в кабине пилота ни о чем не разговаривать. Он и сам знал, что в кабине пилота постоянно включен бортовой магнитофон, который пишет все, а потом авиационная инспекция проверяет эти записи, и если будет посторонний голос, то к экипажу могут быть вопросы.

После взлета и набора высоты Рябинин передал управление самолетом второму пилоту и кивнул Лукину, указав на выход.

– Хочешь посидеть за штурвалом и под моим контролем сделать доворот вправо или влево по курсу? – спросил он в коридоре за кабиной.

– Еще спрашиваешь. Конечно, хочу.

– Я буду стоять рядом, и страховать, а второй пилот будет пилотировать, только передаст управление на короткое время.

– Да, конечно, я понимаю.

В кабинете он сел в кресло командира, ему одели наушники. Ну, все по-взрослому. Рябинин на корточках сидел рядом и руководил только жестами.

Лукин немного взял штурвал на себя и почувствовал, как самолет стал набирать высоту. Рябинин при этом показал на высотомер и рукой загасил его движения, а после показал, в какую сторону чуть-чуть дать штурвалом, чтобы сделать доворот вправо по курсу. Лукин это сделал и опять почувствовал, как самолет немного накренился. Самолет, как машина на земле, слушался руля в воздухе. После Рябинин показал жестом, чтобы второй пилот взял управление самолетом на себя и сел в кресло инструктора, оставив Лукина в кресле командира. Включили автопилот и принесли обед, который был вкуснее, чем икра с крабами.

Погода была ясная, и было ощущение, что летишь сам, а не в самолете, во всяком случае, совсем другие ощущения, нежели у окошка пассажирского лайнера. Рябинин поменялся с ним местами, и они удачно приземлились в Раменском, откуда и вылетали две недели назад.

Владимир Яковлевич, командир авиаотряда постарался на славу, загрузив их гостинцами, выловленными в реке Амур. По большой рыбине осетрины или, как они называют ее, «Калуга», икры немерено по московским понятиям, да еще балыки с икрой с Камчатки. Будет чем

угостить друзей на день милиции.

Прилетели они около десяти утра. В тот же час они вылетели из Комсомольска-на-Амуре, обогнав время. Как там говорил великий Джордано Бруно: «А она все-таки вертится». Этот день увеличился для них на семь часов. При перелете с Востока на Запад организм не очень ощущает провалы во времени, нежели при перелете из Москвы на Камчатку, когда в течение нескольких дней тебя клонит ко сну. Спишь, как медведь в берлоге, можешь сутки проспать, перепутать день с ночью, а когда приходишь в норму, то пора уже улетать. Но сейчас он уже дома и никаких перепадов не предвидится.

В Москву комиссия вернулась с Дальнего Востока к семидесятилетию октябрьской революции. А через три дня будет семьдесят лет образования советской милиции. Первым поздравил Лукина с полковником начальник управления кадров Владимир Николаевич.

– Спасибо, – поблагодарил Лукин, – но теперь думаю, мы можем в ресторане бросить звездочки в стакан?

– Командуй. Все, кто имел отношение к процессу присвоения тебе полковника, сейчас в Москве.

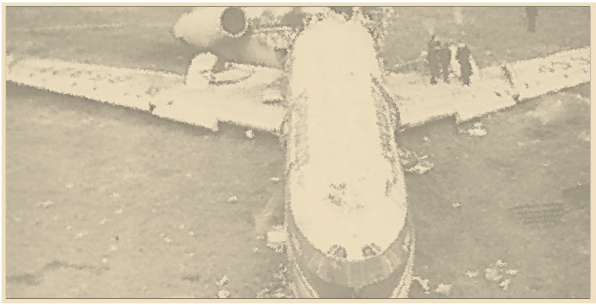
– Отдельный кабинет ресторана «Узбекистан» ждет нас в любое время.

– Тогда тем же коллективом, с Алексеем и Рудольфом. Можем и сегодня, – сказал Владимир Николаевич.

– Сейчас позвоню директору, чтобы оставил нам зал «Бухара», он на шесть персон.

Вечер удался на славу, а по-другому и быть не могло. В ресторане «Узбекистан» их обслужили под контролем директора Константина Матвеевича. Лукина здесь знали и уважали от официантов до администрации. Пять лет назад неизвестные преступники взломали ночью двери бара ре-

сторана и похитили видеомагнитофон с телевизором, которые стоили по тем временам, как автомобиль «Жигули». Не просто было вести поиски преступников в центре столицы. Но Лукина лично попросили директор ресторана Константин и начальник управления милиции Жеглов. Он приложил максимум усилий с коллегами, обнаружив через месяц похищенное и изобличив преступников. Ими оказались администратор ресторана Лаврухин и официант Павлушкин. Арест проводили в ресторане у всех на глазах. Эта парочка изрядно достала коллег своей наглостью, да еще кражу совершили у своих. Начальника уголовного розыска и его гостей всегда принимали в ресторане с уважением, а в тот вечер они мочили звезды в бокале шампанского. Лукин не носил форму, но в полковничьих погонах в его молодом возрасте можно было появиться среди друзей и отпраздновать это событие на широкую ногу.



С докладом в Кремль

После снятия в 1986 году секретности с информации об авиакатастрофах, в народе укрепилось представление, что их стало гораздо больше. Лукин помнит сводки за тот год. Сравнивать было не с чем. Снижение было вполне очевидным. Но Лукин вновь собирал свой «тревожный чемодан» в командировку, а из утренних новостей его друзья и знакомые узнают, где он находится. Его разбудил резкий писк мультитона, по шифрам которого надо явиться к дежурному по Госкомиссии и быть готовым к вылету в командировку. На сборы отводился всего час времени. Сигнал был продублирован звонком дежурного Бочарова:

– Дежурная машина вышла за начальником управления расследования Алексеем Алексеевичем. Он живет у метро «Сокол» и на обратном пути заберет Вас. Он позвонит.

Будьте готовы. Вылет из Домодедово. Рейс самолета задержан до прибытия комиссии.

– Что произошло?

– Катастрофа Ту-154 в аэропорту Красноводска. Самолет при посадке переломило на две части, – доложил дежурный, – есть жертвы.

Дежурный «рафик» был специально оборудован на заводе, где выпускали автомобили скорой помощи, под штабную машину со столом, радиотелефоном, оборудован фарами-искателями. Лукину позвонил Куцков и сообщил, что они подъезжают. Он вышел на улицу встречать «рафик».

– Доброе утро, Алексей Алексеевич! – Лукин сел в автомобиль.

– Скорее, ночь … – он протянул руку Лукину.

– Вас назначили Председателем комиссии?

– Нет, комиссии дан статус Правительственной, и ее возглавит Иван Ефремович, сам Председатель Госавианадзора. В Совете Министров СССР расследование катастрофы взято на контроль. Вот вам копия приказа с составом комиссии, и командировочные дежурный передал. Вы назначены начальником штаба комиссии, а я заместителем председателя. Так что приступай к руководству.

Обычно их забирала дежурная машина, как сегодня, но иногда они самостоятельно приезжали в аэропорт и получали все необходимое для вылета в «рафике», а «тревожные чемоданчики» с сухим пайком они брали с собой, но, как правило, на местах происшествиях комиссию обеспечивали всем необходимым.

Водитель имел пропуск для выезда на летное поле. Он уже знал номер стоянки самолета и подвез их к трапу. Работники аэропорта оперативно на месте оформили им би-

леты через депутатскую комнату. Пассажиры в салоне тихо возмущались за задержку рейса, а когда стюардессы попросили сойти нескольких пассажиров с борта, то притихли. На освободившихся местах устроилась комиссия. Лукин оказался рядом с любопытной девушкой лет двадцати пяти. Она была довольно-таки симпатичной со светлыми ниже плеч волосами и в темном облегающем свитере, подчеркивающим высокую грудь.

– Это из-за вас нас полночи держали в Домодедово? Кто же вы такие?

– Милая девушка, не знаю, как Вас зовут. Мы обычные пассажиры. Нам сказали, что билетов нет, а потом объявили задержку по метеоусловиям в Красноводске. В это время кто-то отказался лететь, и нам просто повезло, а мне вдвойне, потому что оказался рядом с такой симпатичной попутчицей.

– Меня зовут Татьяна. Вот чувствую, что обманываете меня, но складно получается. Что ж не хотите говорить кто Вы, ну и не надо, только пассажиры не отказывались лететь из-за плохой погоды, а им стюардесса предложила хорошие условия, но через сутки. Потом вы заняли их места, так что не заливайте, – улыбнулась Татьяна.

– Меня зовут Виктором. Должен признаться, Ваша правда, мы работаем в Министерстве Землетрясения.

– А разве такое есть?

– Если случаются землетрясения, то значит и Министерство такое есть, но только оно немного засекречено.

– Опять шутите со мной.

– А Вы, Татьяна, чем занимаетесь?

– Работаю юристом в одной компании.

– Так мы с Вами коллеги. Я тоже работаю юристом в том Министерстве. Вы в Красноводске живете?

– Нет, я лечу в командировку, а живу и работаю в Москве.

– Видите, как все удачно складывается. Запишите мой телефон, и если у Вас будут вопросы по землетрясениям, то могу в чем-то помочь, – Лукин не дал ей свою визитку.

Алексей Алексеевич сидел ближе к проходу и временами улыбался его «заходам» на пассажирку Татьяну. Но бессонная ночь взяла свое, и очаровательная спутница Виктора погрузилась в дремоту, так как полноценный сон в кресле самолета не возможен, да и вскоре пришлось пробуждаться на бортовое питание и кофе.

На подлете к Красноводску под крылом самолета раскинулась то ли пустыня, то ли степь с переплетением проселочных дорог, и разноцветный залив Кара-Бугаз. После посадки самолет долго добирался до стоянки мимо врытых в гору капониров с военными самолетами, которые, расправив крылья, покидают гору, а после взлета прижимают их к фюзеляжу и стремительно набирают скорость. В Красноводске было уже светло, и на краю летного поля все увидели сломанный пополам, как сигара, самолет Ту-154. Только несколько часов назад многотонная махина легко взмывала в воздух с полутора сотнями пассажиров, перенося их за тысячи километров. Пассажиры прилетели на таком же Ту-154 в Красноводск и увидели, что могло случиться с ними, если бы они вылетели предыдущим рейсом. Передняя половина самолета уткнулась носом в землю, а задняя часть опустилась после разлома на тяжелые двигатели самолета. Зрелище было жуткое. Из разлома свисали оторванные кресла пассажиров, жгуты проводов и разорванные ковры. По взлетной полосе были разбросаны обломки фюзеляжа и различные вещи. По салону тихо шептались пассажиры. Им стала понятна причина за-

держки рейса. Стюардесса попросила пассажиров пропустить комиссию к выходу. Лукин встал и застегнул куртку.

– Теперь ясно, какими землетрясениями Вы занимаетесь, – сказала Татьяна.

– Татьяна, Вы мне позвоните примерно через месяц. Раньше у меня не получится вернуться в Москву, – Лукин протянул ей визитку.

– Спасибо, позвоню обязательно.

В кабинете руководителя аэропорта провели первое заседание комиссии, назначили руководителей подкомиссий и группой аварийно-спасательных работ, которым предстояло решить проблемы по устранению последствий катастрофы и возмещению ущерба потерпевшим. Для работы в комиссии прилетел заместитель главного конструктора КБ им. Туполева Шингард, а министерство авиапрома представил начальник Главка Евгений Глубоков. Самолет Ту-154 принимает на борт основной поток от всех авиапассажиров, поэтому расследование было на особом контроле с первых минут у руководства государства. Работа комиссии в «полевых условиях» или, как они выражались, «на яме» проходит напряженно. Заседания комиссии проходят рано утром. Ежедневные итоги подводят ближе к полуночи.

На погодные условия во время расследования никто не обращает внимания. Одежда и обувь во время дождей не успевает за ночь просохнуть. Летчики исследуют сам полет и правильность действий экипажа. Здесь работали опытнейшие летчики-инструкторы в классе Ту-154. Владимир Терентьевич Герасимов недавно защитил кандидатскую диссертацию по расследованию авиапроисшествий, а с ним в паре другой пилот-инструктор из МГА – Александр Касаткин, душа компании.

Инженеры составили опись обломов самолета на месте катастрофы и вывезли затем их на площадку аэродрома, собирая разрушенный планер на земле. Потом направили на исследование пробы топлива и агрегаты самолета, вне зависимости даже от видимой причины катастрофы. Они должны были быть точно уверены, что самолет до столкновения с землей был исправен, и все работало, как часы. Их выводы должны были подтвердить расшифровки «черного ящика» и других средств объективного контроля, которые уже отправили в Москву на исследование. Они не повреждены и, наверное, во многом прояснят причину катастрофы. Сделаны снимки глиссады и последних минут полета, которые исследовала группа управления воздушным движением, которая будет расшифровывать переговоры экипажа с диспетчером.

Расследование велось, как всегда, по всем правилам. Причина катастрофы как будто бы лежала на поверхности. У диспетчеров на экране было видно, что летчик пытался поднырнуть под глиссаду при посадке. Ту-154 хороший планер, и если его не раскачивать при посадке вверх-вниз, то он сам сядет. Здесь же летчик забрал выше глиссады, и надо было бы принять решение по уходу на второй круг, а он решил выровнять полет по схеме захода и нырнул под глиссаду. Это такая невидимая нить в виде дуги, по которой снижается самолет на посадке. И тот «нырок» под невидимую дугу оказался для него роковым.

Расшифровка «черного ящика» подтвердила ошибку пилота при посадке, однако комиссия должна была исследовать все возможные факторы, которые могли иметь отношение к катастрофе, поэтому работы продолжались около двадцати дней на месте и потом еще в ГосНИИ ГА и конструкторском бюро им. Туполева. Причина ката-

строфы осталась прежней, но летчик-инструктор Герасимов утверждал, что на хвостовом стабилизаторе Ту-154 при таких «ныряниях» под глиссаду и «раскачке» планера появляются какие-то завихрения, которые могли способствовать грубой посадке. Опять повторили «продувку» модели планера ТУ-154 в Центральный аэрогидродинамический институт. Однако завихрения уловить не удалось. Версия Герасимова осталась на уровне гипотезы.

Многие вопросы по исследованию причин катастрофы заносились в протоколы заседаний комиссии, но впоследствии и многие из них отметались в ходе проверки, но некоторые зависали в воздухе и не находили ответа, так как не было технической возможности, чтобы доказать или опровергнуть некоторые явления. А они были очень интересны, тем более что касались человеческого фактора или, как они проще называли, ошибкой пилота. Но пилоты, которые сидели за штурвалами самолетов, потерпевших катастрофы, опытнейшие летчики, и они не самоубийцы, чтобы своей ошибкой ставить под вопрос жизнь пассажиров и свою. При заходе на посадку летчик бросает самолет о землю с большой перегрузкой или не обращает внимания на показания высотомера. Он думает, что еще снижается, а в результате получает столкновение с горой или, когда «черный ящик» показывает, что техника была в полной исправности, а самолет падает с высоты, как при отказе двигателей. Вот и появились у геофизиков вопросы о гравитационном происхождении вихря. Может, это имел в виду летчик-ас Владимир Герасимов, который говорил о завихрениях, возникающих на стабилизаторе Ту-154 при посадке, но точного научного обоснования этих явлений не было, и все осталось на

уровне обсуждения.

Лукин только из-за своей любознательности коснулся этой темы поближе. С согласия руководства вместе с летной подкомиссией пригласили геофизиков. Они и высказали предположения на основе исследований о влиянии вихревых поясов и зон в тропосфере, которые создают локальные вихри в атмосфере, и они могут быть опасными для самолетов. Особенно при заходе на посадку они могут сбить самолет с глиссады. Как мы говорим, попали в «воздушную яму», но она не опасна в полете, а при посадке может привести к катастрофе, тем более что приборы не фиксируют кратковременный провал по высоте полета.

Геофизики давно стучаться в двери авиационных боссов, предлагая свои услуги в создании карты аномальных зон, где летать опасно или не рекомендуется. Но исследования требовали вложения больших средств, ведь кроме исследований надо было кому-то еще замерять те или иные вихри. Но это, как прогноз погоды, а сама тема очень схожа с тайной Бермудского треугольника. Хотелось бы помочь летчикам и отмести от них какую-то часть вины при оценке человеческого фактора, но нечем.

Причины катастрофы в выводах комиссии основывались на реальных фактах, которые были зафиксированы в результате расследования. А они были таковы: « … За тридцать секунд до посадки самолет «нырнул» под глиссаду, а за десять секунд до касания с землей командир потерял ВПП и только за три секунды определил ее местоположение. Угловое движение летательного судна перед посадкой достигло величины шести градусов, то есть самолет совершал пикирование со скоростью девять метров в секунду, как при свободном падении. Самолет просто падал при посадке. В последний момент командир взял штурвал

на себя, чтобы уйти на второй круг, но было уже поздно. Самолет с перегрузкой пять «ж» (это как будто вес самолета был увеличен в пять раз) ударился о землю. При ударе многотонная махина, увеличенная, по весу в пять раз, разломилась от 24 до 26 ряда пассажирских кресел. Пассажиров, сидевших в этих креслах, выбросило в образовавшийся разлом на летное поле. Многие из них погибли».

На шестой день расследования Алексей Алексеевич сообщил:

– Мне сегодня позвонил дежурный Госавианадзора и сообщил, что в Нижневартовске произошла катастрофа с самолетом ЯК-40. По предварительным сведениям на взлете отказали двигатели. На место вылетела наша комиссия. По ходу расследования нас будут держать в курсе. С причиной катастрофы с Ту-154 мы определились, и Иван Ефремович улетает в Москву, а мы ждем от Кофмана расшифровки самописцев.

В конце лета 1986 года Лукин с друзьями был на рыбалке в низовье Волги, где они отдыхали почти каждый год, но в тот раз ему что-то навеяло съездить на своем автомобиле через Красноводск в Самарканд. Ребята знали, что его невозможно отговорить от необузданного желания. Он проехал по пустыням Туркмении и Узбекистана, пару дней пообщался с друзьями в Самарканде и на обратном пути вновь побывал в Красноводске, откуда на пароме пересек Каспийское море до Баку. Потом проехал по живописным местам Азербайджана, Грузии, Абхазии, по Черноморскому побережью и через Ростов вернулся в Москву. Прекрасное путешествие получилось и есть, что вспомнить, а в Москве потом была романтическая встреча

с любимой женщиной Лаурой, воспоминания о которой и позвали его в Самарканд – город, где они были счастливы. Правда, после той встречи судьба забросила его из уголовного розыска в авиацию, но у него не было причин для разочарования, что так произошло. Встреча с любимой покрывала все неприятности с лихвой, а работа в авиации ему нравилась все больше.

– Николай, я дважды бывал в Красноводске год назад и все проездом, а хотелось бы посмотреть город, побывать на рынке, купить что-нибудь для дома, – попросил Виктор председателя подкомиссии Медведева, который был одним из руководителей Красноводского авиаотряда.

– Не проблема, да и мне надо купить продукты для семьи, – сказал Николай. – Поедем на моей машине, я и город покажу, хотя здесь смотреть нечего. Вот по Каспию бы проехать.

– Если недалеко, то можно и по берегу моря, – сказал Лукин.

– Алексей Алексеевич, нас кормят неплохо в столовой аэропорта, а может быть нам побаловать наших коллег из комиссии шашлыками из осетрины? – спросил Лукин заместителя Председателя комиссии Куцкова.

– Я могу тебе помочь только финансово, а наши коллеги заняты до предела.

– Но у них с Вами найдется пару часов вечером на ужин, а мы с Медведевым все организуем. Побывать на берегу Каспийского моря и не отведать парной осетрины. Я сделаю необходимые покупки, а потом разберемся с финансами.

– Вечером согласен.

– Николай, где мы можем вечером пожарить шашлыки и накрыть стол для комиссии? – спросил Лукин.

– Извините, мне самому надо было давно предложить, но мы работали в авральном режиме. Можем организовать на берегу Каспия, у нас есть там заимка с баней и гостевым домиком.

– Только баню не топить, иначе можем завестись.

– Баня у нас всегда горячая, а почему бы не смыть с себя пыль пустыни, у кого будет желание, и потом присесть за стол?

– Да, ты прав, когда еще баня мешала работоспособности комиссии? Поехали на рынок, – сказал Лукин.

Виктору припомнилась его симпатичная спутница в самолете Татьяна, но он не спросил ее телефона, а дал ей визитку с московским телефоном и не потому, что она не зацепила его душу. Он знал, что при встрече с женщиной решающее слово остается за ней. Она, в конечном итоге, выбирает, нравится ли ей мужчина. А Татьяна была еще девчонкой лет на десять моложе его. Да и женатый он. Но ведь вспомнил же и хотел, чтобы она позвонила. Но когда он будет в Москве и надолго ли? К сожалению, его командировки были связаны с трагическими событиями, но он комфортнее чувствовал себя вдали от дома.

– Я предлагаю поехать к рыбакам на берег моря. Там на месте за пару бутылок спирта можно взять осетра или белугу килограмм на двадцать, да кефали с селедкой-залом дадут в придачу, – сказал Николай.

– Думаю, что это хороший обмен. А как у нас со спиртом?

– Когда в авиации со спиртом было плохо?

– Тогда едем.

От аэропорта они в очередной раз проехали через ущелье в сторону Красноводска. Лукин давно обратил внимание на рукотворное сооружение в горах, которые

окружали город.

– Николай, все хочу спросить об ущелье в горах. Когда его построили?

– Сразу после войны, когда задумали построить аэропорт, но дорога до города должна была пройти через горы. Вот и привлекли японских пленных на строительство. Они вручную рубили эти скалы, потом завершали строительство наши заключенные. Нам очевидцы рассказывали, какими интересными были японцы. До их островов десять тысяч километров, а они ходили на работы строем, в форме и с развернутым знаменем. Им НКВД разрешило. И если бы не наши автоматчики по бокам, то можно было поверить японцам, которые уверяли, что они не считают себя пленными, а помогают СССР строить объекты.

Японцы застроили практически весь центр города удивительными домами с потолками под четыре метра и широкими дверными проемами. Отличительной чертой японских домов были вытесанные вручную строительные камни из прочной пористой горной породы. Следы их ручной работы отчетливо видны на наружных стенах домов. Потом поставили в каменном карьере комбайны для нарезки блоков из этого камня. Они построили квартал жилых домов для заводчан и Дворец культуры.

Николай поставил машину на площадке, и они прошли к берегу, на котором стояли баркасы рыбаков. Трудно было разобраться, кто из них был рыбаком Госрыбтреста, а кто представлял местные рыболовные колхозы. Скорее, все были браконьерами, но в тот момент это не могло волновать ни Николая, ни Виктора. Они подошли к шаланде колхозников-туркменов, но те продавали осетров по два рубля за кило вместе с икрой. Цена была дармовая, но Николай прошел дальше.

– Пройдемся, посмотрим еще. С икрой возни много, а у нас нет времени. Некоторые браконьеры добывают только икру, рыбу бросают или отдают за копейки, – сказал Николай.

– Эй, летчики! Что ищем? – спросил их рыбак в одной из шаланд.

Они с Лукиным были одеты в летные куртки, а Николай еще был в фуражке гражданской авиации.

– Хотим рыбы на шашлык, – ответил Николай.

– На шашлык лучше осетра брать. А спирт найдется? – спросил рыбак, видимо привычный, что при «сухом» законе спиртным можно у летчиков разжиться.

– Для хороших людей найдется.

– Тогда подходи к борту, – рыбак приподнял за жабры распотрошенного осетра килограмм на двадцать пять.

– Свежий? – спросил Николай.

– Обижаешь, только два часа назад плавал, а погода прохладная, так что то, что вам нужно.

– А икры пару банок литровых найдем? Гостей угостить.

– Могу предложить малосольную белужью, попробуйте сами.

– И сколько за все?

– Четыре бутылки спирта.

– А не многовато будет? – спросил Николай.

– Так возьмите угостить гостей кефали и селедки Каспийской, для разнообразия или балыка копченого.

– Договорились. Ты все упакуй, чтобы машину не испачкать рыбой и отнеси на стоянку, спирт у меня в машине.

– Я сейчас мигом, – сказал рыбак и достал бумажные мешки на 50 кг.

– Николай, а как мы все съедим?

– Так мы поедем на нашу заимку, а там есть холодильник. Разделаем осетра и приготовим шашлыки, сколько нам надо, а остальное не пропадет. Можем еще собраться, если понравится.

– Николай, деньги ты с меня не возьмешь за рыбу, потому что халявным спиртом расплачивался, но водка или коньяк с меня, – предложил Лукин.

– Сложности могут возникнуть, если в Москве постоять несколько часов, то можно купить пару бутылок, то у нас в Туркмении и такого нет.

– Значит, шашлыки будут с чаем? – улыбнулся Лукин.

– Со спиртом у нас нет проблем, и на заимке есть запасы. Потом наши летчики летают в Армению, а там коньяк в свободной продаже, да и паром привозит нелегально из Баку коньяк «Апшерон».

– Неплохо устроились. А как я буду объяснять Куцкову, что у вас расплачиваются жидкой валютой?

– Нам надо заехать на рынок за зеленью и хлебом. Вот там можешь потратиться, – улыбнулся Николай.

На рынке присутствовал небольшой шарм восточного базара, но было бедновато, и никак не тянул на Самаркандский базар, хотя туркмены в папахах сидели среди дынь и арбузов, сохранившихся до конца января. На прилавках лежала ярко-желтая морковь, розовый картофель, много винограда, гранатов, яблок, груш, орехов, но они прошли к зелени и пряностям. Около мешка с табаком сидел пожилой туркмен в папахе и предложил им понюхать ядовито-зеленого нюхательного табаку для улучшения зрения. Они купили зелень, картошку и лепешки.

– Нам больше ничего не надо. Поедем, отвезем все на нашу дачу, там наша хозяйка все приготовит, а я пока по-

кажу наш птичий базар на берегу Каспия. Только осетрину я сам замариную, женщине доверять нельзя, – сказал Николай.

Их дача находилась в пятнадцати километрах от города на берегу моря. На большой террасе их встретила миловидная женщина лет тридцати пяти.

– Наташа, у нас сегодня гости из Москвы. Мы сейчас разделаем осетра на шашлыки, остальное на твое усмотрение. Приготовь солянку рыбную или плов каспийский. Виктор ты пробовал плов из осетрины? – спросил Николай.

– Да, я его сам готовил под Астраханью. Мы с друзьями каждых год в низовьях Волги рыбачим. Только плов там называют Волжским кавардаком, – сказал Лукин.

– Тогда тебя трудно чем-то удивить, – улыбнулся Николай. – Наташа сделай, пожалуйста, солянку нашу фирменную с раками и осетриной. У нас ведро раков еще осталось.

Он разделал осетра для шашлыков, порезав рыбу крупно, размером со среднюю луковицу, посолил, поперчил и порезал лук.

– Для свежей осетрины больше ничего не надо, чтобы вкус не перебить, – сказал Николай. – Пойдем, подышим морским воздухом, пока солнышко светит.

Они вышли за ворота со стороны моря. Пляж был ровным, как взлетная полоса, и уходил за горизонт по кромке зеленоватого и прозрачного моря. По выходным трудящиеся Красноводска рассыпались по берегу дикого пляжа, но сезон купанья был не таким долгим, как на Черном море. Еще в начале июня холодное течение не дает воде достаточно прогреться, а в середине лета температура достигает тридцати градусов, что тоже не очень комфортно,

да и к сентябрю быстро остывает. Правда сейчас под Астраханью море скованно льдом, а здесь градусов двенадцать и можно окунуться после бани.

– Поистине благодатное местечко с чистейшими песчаными пляжами на тридцать километров, щедрое солнце, целебный воздух и теплое море. Наша Аваза расположена чуть севернее, вне пределов городской бухты, на открытой морской береговой линии. Называют ее краем поющих волн. Здесь снимали «Белое солнце пустыни», – сказал Николай.

– А кому принадлежит эта заимка с десятью спальнями? И кто такая Наташа? – спросил Лукин.

– Понравилась? Шучу. Заимкой мы называем что-то вроде профилактория для руководства авиаотряда, а Наташа сегодня дежурный администратор. Если есть желание, то можешь остаться помочь ей на кухне. Я вижу, ты понимаешь в ней толк, а я привезу комиссию. Хотя Наташа сама справится к нашему приезду.

– Я бы остался, но наши без меня никуда не поедут, да и птичий базар хочется посмотреть.

– Тогда поехали. На самом деле зрелище достойное, – сказал Николай.

– А я останусь потом, посуду помыть, если Наташа согласиться на мою помощь, – улыбнулся Виктор.

– Значит, я не ошибся, увидев, как вы посмотрели друг на друга, – улыбнулся Николай.

Они выехали на высокий берег моря, с которого открылась необычно розовая картина. На скудных, просоленных почвах побережья росла лишь полынь да верблюжья колючка, но они скрашивались солнечной погодой с прекрасной видимостью на многие километры, а на просторах каспийского заповедника вышагивали строем непуганые

розовые фламинго и водоплавающие птицы.

– У нас зимуют с октября до апреля вместе с фламинго серые гуси, лебеди, а уток и не счесть – лысухи, кряквы, чирки, шилохвосты.

– На охоту ходите? – спросил Лукин.

– Заповедник здесь, и птицы чувствуют свою безопасность. Сама природа их охраняет. Не в каждом водоеме встретишь такой птичий базар. Фламинго выбирают для своих гнезд обмелевшие морские заливы с изобилием кормов, да и труднодоступны те места. Берега здесь илистые, потому очень топкие, и до гнезд не может добраться никакой зверь. Здесь можно видеть погибший в глубоких топях домашний скот, томимый в летнюю жару жаждой. Животные стремятся добраться до воды и гибнут. Потому здесь даже браконьеров не бывает. Подстрелить дичь здесь не проблема, но достать ее невозможно. Пешком хода нет. Ноги вязнут глубоко и можно не выбраться обратно. Даже на лодке по мелководью не пройти. Зато фламинго чувствуют себя превосходно, их лапы с перепонками, а вес мал, вот они и расхаживают, не проваливаясь, и в любой момент могут взлететь. Я люблю посидеть здесь в птичьем гомоне.

Николай подошел к машине и достал из багажника два складных стула для рыбака. На берегу присесть было невозможно, да и холодновато было. Лукин слышал о фламинго на Каспии, но видеть не приходилось. Фигура «розовой легенды» была до нелепости неуклюжа и голос у нее далеко не соловьиный, а скрипит, как старая телега. На высоких лапах, опустив в воду голову на длинной шее, они бродят по илу, доставая корм, но в том-то и была красота фламинго, особенно в их скоплении. На солнышке их бело-розовая окраска красиво смотрелась на бледно-зеле-

ном фоне морской воды. Фламинго всегда настороже и близко не подпустит, потому с ними и другие водоплавающие спокойны. Вот что-то побеспокоило некоторых птиц, и ярко-красное оперение расправленных крыльев окрашивают в красный цвет весь строй, словно по воде бежит огонь. Над морем стая поднимается вверх и уже на голубом фоне неба плывет розовое облако. Зрелище завораживает.

– Николай поедем в аэропорт, иначе наши слюной изойдут. Я не думаю, что ни обедали.

– Мы на одной машине уедем?

– Они сами решат, кто поедет, но думаю, человек шесть будет.

Ранний ужин или поздний обед удался на славу. Наташа подала рыбную солянку с осетриной и красными раками в каждой тарелке, а потом Николай подал шашлыки из осетрины. После борща, котлет с макаронами и компота в столовой аэропорта обед с блюдами из осетрины и черной икрой с коньяком был по истине царским.

– Виктор Павлович, у нас хватит командировочных, чтобы за такой обед расплатиться? – спросил Алексей Алексеевич.

– Я пытался потратиться, но смог только купить лепешки и зелень на рынке, осетрину, черную икру и балыки мы обменяли у браконьеров на берегу моря на спирт. Вот если Наташе подарок сделать за солянку и праздничный стол.

– А что мы можем подарить? – спросил Куцков.

– Может посуду помыть? – сказал Виктор.

– Ты на завтрашний отгул намекаешь? – улыбнулся Куцков.

– А почему я?

– Как самого молодого. Не оставлять же главного конструктора из туполевской фирмы.

– Хорошо, я все решу сам.

Лукин подошел к Николаю и спросил, нужна ли помощь. Но тот ответил, что Наташа справится. Ему же остаться, помогать по хозяйству у всех на глазах было слишком откровенно.

Утром комиссия получила из Москвы расшифровки самописцев, которые подтвердили их выводы. Теперь Лукину было не до шашлыков и мытья посуды. Он готовил документы для расследования уголовного дела и ознакомился с расшифровкой записи бортового самописца последних шести минут полета, на которой был разговор экипажа и диспетчера аэропорта с условными обозначениями командира воздушного судна – КВС, второго пилота – ВП, штурмана – ШТ, бортинженера – БИ и диспетчера – Д:

«04.13.29. КВС: Горизонт, эшелон перехода, давление 765 установить.

КВС: Закрылки 28.

ВП: На 28, режим 7-5.

ШТ: Закрылки выпускаются синхронно, стабилизатор перекладывается, табло мигает.

04.17.42. Д: 254, удаление 9, на курсе, подходите к глиссаде.

КВС: Закрылки 45 (одновременно с информацией диспетчера).

04.17.45. КВС: 254, понял (накладка на информацию штурмана о выпуске механизации).

04.17.45. ШТ: Стабилизатор перекладывается, предкрылки выпущены, подходим к глиссаде.

04.18.00. ШТ: Скорость 275, на курсе, на глиссаде.

04.18.19. ШТ: До торца 6, на курсе, на глиссаде, скорость 270.

04.18.30. Д: 254, удаление 5, на курсе, на глиссаде, готовность к посадке?

04.18.41. КВС: 254, в глиссаде, шасси выпустил, к посадке готов, стабилизатор.+

04.18.46. Д: 254 – дальний, на курсе, на глиссаде, посадку разрешаю.

04.18.52. ВП: загружатели?

04.18.53. ШТ: Закрылки 45 выпущены, 5.5, загружатели отключены. Табло «Взлет-посадка» горят.

04.19.01. Б: Фары впущены.

04.19.05. ШТ: Скорость 280 на курсе, на глиссаде.

04.19.13. ШТ: Скорость 270, глиссада немножко ниже.

04.19.20. ШТ: 110, оценка! Скорость 270.

04.19.23. ШТ: 100 метров, скорость 270.

ШТ: Предел!

КВС: 80 метров, решение? Полоса по курсу.

ВП: Садимся!

Д: 254 правее 20 (накладка информации диспетчера на внутреннюю связь).

04.19.32. КВС: Полоса где?

КВС: Полоса-то где?

04.19.39. ШТ: 50.

ШТ: 40.

ШТ: 30.

КВС: Держи.

04.19.41. ШТ: 20.

ВП: Что держать?

КВС: Где?

ШТ: 2.

04.19.43 момент касания». Конец записи.

В акте комиссии были изложены причина катастрофы и выводы: «Экипаж выполнял рейс по маршруту Домодедово – Красноводск – Ашхабад. На борту находилось 137 пассажиров. После взлета ночной полет проходил без отклонений. Во время пред посадочной подготовки второй пилот попросил КВС выполнить посадку: «Дай, попробую, сяду», на что КВС ответил: «Попробуй... Только уйди у меня на второй круг, я тебе попробую потом. Понял?». Этой фразой КВС лишил второго пилота возможности ухода на второй круг. По команде второго пилота экипаж приступил к снижению. На удалении 4,5 км от торца ВПП экипаж доложил о готовности к посадке, и диспетчер разрешил посадку. Пролет ДПРМ был осуществлен на скорости 275 км/ч и высоте 285 м над уровнем ВПП, что выше глиссады на 20 м. С удаления 4,2 км начался постепенный уход самолета с курса вправо. За 300-400 м до пролета БПРМ зарегистрировано срабатывание разовой команды «Предел курса» в течение 10 сек., максимальное боковое удаление при этом составило 25-30 м, что согласуется с информацией диспетчера – «правее 20».

После пролета БПРМ, когда самолет находился выше глиссады примерно на 7 м, зарегистрирована кратковременная разовая команда «Предел глиссады». В момент команды командира «Садимся», вертикальная скорость самолета составляла 4-5 м/с, превышение над глиссадой 6-8 м, боковое уклонение около 20 м. При дальнейшем снижении уход самолета от глиссады вверх увеличился и достиг своего максимального значения – приблизительно 10 м, на удалении 750 м от торца ВПП. В этот момент КВС обратился ко второму пилоту с фразами: «Полоса где?» и «Глиссада где?».

Второй пилот на высоте 50 м увеличил вертикальную скорость снижения до 5-5,5 м/с. Самолет перешел в более крутое снижение. На высоте 35 м вновь последовала энергичная отдача штурвальной колонки на пикирование, что привело к значительному увеличению вертикальной скорости снижения, и за 1,5 секунды до касания торца ВПП вертикальная скорость возросла до 8-10 метров в секунду. КВС только за 2,5 секунды до касания, на высоте 20-25 м, взял управление на себя и отклонил штурвал полностью на кабрирование, но в тот момент самолет снижался с вертикальной скоростью 8-10 м/с, со скоростью 275 км/ч и находился ниже глиссады. После отклонения штурвала на кабрирование вертикальная перегрузка возросла. Недостаток высоты не позволил уменьшить вертикальную скорость снижения к моменту приземления. Самолет приземлился на три точки с перегрузкой 4,8 ед. В результате превышения расчетных нагрузок фюзеляж самолета разрушился в хвостовой части по шпангоутам № 49-54 и в носовой части по шпангоутам № 12-14. В результате разрушения и последующего отделения хвостовой части самолета, при его движении по ВПП, 11 пассажиров, находящихся на пассажирских креслах (24-26 ряд) в районе 45-54 шпангоута, выпали из самолета и погибли».

Комиссия закончила «полевое расследование» и можно было лететь домой, но на Москву ближайший рейс был через сутки и все решили добраться паромом до Баку, а оттуда уже в Москву. Коллеги из Азербайджанского управления гражданской авиации встретили их с уважением и отправили домой ближайшим рейсом. В Москве акт расследования комиссии Куцков докладывал в Совете Министров СССР и пригласил с собой Лукина. Они приехали в Кремль, где над зданием развивался огромный

красный флаг Союза ССР. Лукин впервые шагал с Алексеем Алексеевичем по коридорам Совета Министров СССР в Кремле.

– Алексей Алексеевич, мы шагаем, как Штирлиц шел в фильме по коридору Главного управления имперской безопасности. На каждом повороте коридора по офицеру КГБ в форме, которые контролируют, чтобы посетители не заблудились и не зашли в другой кабинет, а в середине коридора их старший смены, так что дальше, чем положено, не пропустят. Здесь особо не разгуляешься, – тихо сказал Лукин.

– Тише. Ну и шуточки у тебя. Здесь у стен уши имеются.

Вокруг все сверкало полированным белым мрамором, а под ногами ковровые дорожки, потому ходят по тем коридорам неслышно и без всякой суеты. Никого в коридорах они не встретили, кроме чекистов в форме. Чиновники трудились в кабинетах, и не создавали лишними хождениями эффекта бурной деятельности.

«Вот откуда исходил застой в экономике государства», – уже про себя подумал Лукин.

Их попросили подождать в небольшом холле в середине коридора с большим эркером. На стеклянном столике стояла минеральная вода «Боржоми», «Джермук», «Нарзан» и хрустальные стаканы. Вероятно, для приглашенных хозяйственников «на ковер» в Правительство СССР, чтобы погасить жажду от волнения. Ведь после беседы их могли повысить или опустить ниже ватерлинии, но они с Куцковым пришли на доклад о результатах расследования авиакатастрофы, потому были спокойны.

– Давайте попробуем, какой водой поят в Кремле? Такой точно мы не купим в магазинах, – предложил Лукин.

– Ну, наливай.

Виктор открыл бутылку и плеснул по полстакана бурлящей от газов «Боржоми». Пузыри лопались во рту, так сильно была вода загазованная.

– А ничего, хорошая,– Виктор, открыв, дипломат вытащил из него папку с документами для доклада и уложил четыре бутылки минералки разного сорта. Сама вода не особо была ему нужна, так как у него были знакомые на продуктовой базе под ГУМом, которые снабжали «слуг народа». Его просто охватил кураж, именно из приемной главы Правительства.

– Ну ты даешь, – проговорил Алексей Алексеевич.

– Что им воды жалко? Она для нас и выставлена, а попробовать разную воду на месте не получится. У них все удобства в комнатах отдыха, – улыбнулся Лукин.

В Кремле их должен был встретить помощник председателя Правительства, но их неожиданно принял сам Рыжков Николай Иванович. Алексей Алексеевич четко доложил результаты расследования, без каких-либо волнений, как будто каждый день на совещаниях встречался со вторым лицом в государстве. Николай Иванович выслушал доклад, и у него не возникло дополнительных вопросов. Все было ясно. Ошибка пилота. Он пожелал им успехов в работе. После общения с Рыжковым в Кремле Лукин еще раз убедился, насколько серьезна их работа по расследованию авиакатастроф. Можно было теперь руки неделю не мыть после рукопожатия главы Правительства. Лукин передал материалы в Генеральную прокуратуру, которая примет решение по виновникам катастрофы. Комиссия выявила причины катастрофы и приняла все меры на их устранение, а вершить закон не их проблема.

В управлении расследования работал только аналити-

ческий отдел генерала Абрамова, остальные специалисты разлетелись на расследования катастроф. Еще комиссия не закончила расследование катастрофы самолета ЯК-40 в Нижневартовске, а следом пришлось собирать новую комиссию и направить опять к нефтяникам в Сургут.

Из сводки дежурного Госавианадзора СССР:

«27 февраля 1988 года самолет Ту-134 выполнял рейс №7867 по маршруту Минск – Куйбышев – Тюмень – Сургут. В 06:07:30 местного времени при заходе на посадку в аэропорт Сургута потерпел катастрофу, в результате чего погибли 20 человек».

В управлении было известно, что причины катастрофы с самолетом Ту-154 в Красноводске и с самолетом Ту-134 в Сургуте были схожими грубой посадкой и последствиями, но точнее должна была сказать комиссия по прилету. Лукин с коллегами расследовал катастрофы с гражданскими воздушными судами и его не касались даже попытки угона самолетов за границу, а такие тоже случались. Он поднялся в отдел военной авиации, давно не виделся с коллегами, но у них застал только Владимира Грищенко, с кем учился в Академии гражданской авиации.

– Нам скоро госэкзамены сдавать. Ты готовишься? – спросил Лукин.

– С одной стороны надо бы, но командировки на расследования замотали, – сказал Грищенко.

– А я думал, что только у нас с гражданскими бортами запарка.

– Мы знаем о катастрофах в Красноводске, Нижневартовске и Сургуте, а с другой стороны на профессора гарантировали нашу сдачу экзаменов на «отлично».

– Да как-то неудобно, хоть мы и законодатели в расследованиях катастроф и по нашим документам обучают аби-

туриентов Академии, – сказал Лукин.

– Вот именно. Чайник поставлю? Чай, кофе или по пять капель, – вспомним Питер.

– Нет, только чай. Я за рулем.

– Когда полковнику МВД мешали сто грамм за рулем?

– Только рот пачкать. А куда ваш отдел разогнали? К нам тоже поступают сводки о катастрофах военных бортов, когда мы в Москве.

– Да вот сам посмотри, что творится, пока я чай накрою. Бутерброды у меня с колбасой и сыром, а икра закончилась, – сказал Владимир.

Лукин открыл папку со сводками и удивился.

– Володя, не знаю, как выглядели сводки с фронтов во время войны, но теперь вижу, что вашему отделу скучать не дают.

– А ты говоришь о подготовке к экзаменам. В нашем отделе двадцать полковников и генералов, но далеко не все занимаются расследование катастроф и аварий. У меня уже семь командировок и у коллег не меньше. Новый год я встречал на Северном Кавказе, в полку в Моздоке. Еще вначале 60-х на аэродроме в северной части Моздока был сформирован гвардейский полк Дальней авиации с тридцатью самолетами «ТУ-95К» и впервые в полку приступили к дозаправке самолетов в воздухе. Экипажи выполняли полеты по разведке ударных авианосцев США в Северной Атлантике, по всей акватории Северного Ледовитого океана до берегов Канады по радиотехнической разведке. А вот два месяца назад экипаж самолета Ту-95К выполнял тренировочный полет по кругу на аэродроме Моздок при метеоминимуме погоды ночью. После набора высоты круга 400 метров сработала сигнализации обледенения самолета, и командир включил противообледени-

тельную систему двигателей и винтов. При этом за несколько секунд выключились три двигателя с автоматическим флюгированием их винтов. Командир доложил о случившемся руководителю полетов и приказал экипажу покинуть самолет. Пять членов экипажа покинули самолет и благополучно приземлились на парашютах, а командир с двумя членами экипажа попытались посадить самолет с одним работающим внешним двигателем. Выпустив шасси и включив посадочные фары, они пытались выполнить вынужденную посадку вне аэродрома. Приземление произошло на вспаханное поле с большой вертикальной скоростью на основные стойки шасси с последующим разрушением самолета. Только начальник связи остался жив с повреждением позвоночника.

– Да, трудно было подобрать место для посадки ночью на одном двигателе, когда у тебя под крылом всего 400 метров.

– Мне летчики в Моздоке рассказали, как пять лет назад экипаж бомбардировщика Ту-22К, который прозвали «шило», взлетал ночью с авиабазы Моздок на учения в Курск в режиме радиомолчания. Перед вылетом поменялось направление ветра и бомбардировщику поменяли направление взлета, но штурман не установил датчик курсовой системы «наоборот», потому самолет улетел в противоположную сторону от Курска. Штурман первым заметил восход солнца с левого борта – значит, они вместо севера летели на юг. Командир отшутился, что все нормально и солнце неправильно встает. В полете никто из экипажа не контролировал маршрут и на рассвете приняли ночной Тегеран за Курск. Включили сигнал «Бедствие». Их услышал руководитель полетов на авиабазе Мары и вывел по ее радиолокационному маяку на свой

аэродром. Командир удачно совершил посадку.

– Владимир, а как же твои коллеги из ПВО? – спросил Лукин.

– Прохлопали. «Шило» пересекло незаметно для себя и для приграничной ПВО границу туда и обратно. С авиабазы Моздок тяжелые бомбардировщики летали в Афганистан для выполнения боевых заданий, поэтому командир и штурман отделались увольнением, а вместе с ними и ПВОшники закончили службу.

– Да, «граница на замке». Как хорошо было в Питере на учебе, ни забот, ни хлопот. Когда теперь соберемся вместе?

– На экзаменах и соберемся в июне.

– «Белые ночи» в Питере. А где сейчас твой коллега Литвиненко?

– На твоей любимой Камчатке расследует катастрофу.

На следующий день в кабинет Лукина зашел начальник Алексей Алексеевич:

– Ты слышал, что вчера произошло в Сумгаите?

– Кошмар. Мы же две недели назад были в Баку, а Сумгаит в 25-ти километрах и никакой напряженности не чувствовалось, – сказал Лукин.

– Но не может же погром в таких масштабах возникнуть за один день?

– Я звонил своим коллегам в МВД. Резня в Сумгаите не обошлась без провокаций, и за день до того в соседних районах разместили азербайджанских беженцев из нагорного Карабаха, которые расписывали происходящие ужасы с азербайджанским населением в Армении и призывали к ответным мерам. Судя по всему, погромы и резня должны были произойти в Баку, но власти перекрыли все дороги в столицу Азербайджана, а на Апшеронском полу-

острове в Сумгаите проживало около десяти процентов армян.

– А куда власти и КГБ смотрели? – спросил Куцков.

– Не знаю, куда КГБ смотрит, но во время беспорядков партийно-советские органы и милиция бездействовали. На заседании Политбюро Министр обороны Язов предложил ввести в Сумгаите военное положение и навести порядок. Но Горбачев сказал, что введение войск озлобит азербайджанцев против армии, а на борьбу с хулиганьем надо подключить рабочий класс и дружинников. В Сумгаите десятки убитых и сотни раненых, а против них – дружинников. Нормально?

– Виктор Павлович, я слышал о твоих связях в партийных кругах и видел, как ты в Кремле чувствуешь себя раскованно, но Политбюро только вчера было.

– Так ведь гласность Алексей Алексеевич. Раньше было секретно, а теперь «сорока на хвосте» быстро разносит, – улыбнулся Лукин. – Еще недавно армяне как всегда шутили, обращаясь с вопросами к «Армянскому радио»: «Чем в СССР закончится Перестройка?» Радио ответило: «Перестрелкой». Только армяне не предвидели, что стрелять начнут в Армении и соседнем Азербайджане.

Не стал Лукин будоражить мозги главного расследователя своими мыслями, что гибли мирные люди и прав был Язов, а глава государства потворствует своими решениями погромщикам, которые уверовали в свою безнаказанность. Лукин не сомневался, что в провокациях и четком расписанном сценарии самих событиях просматривалась государственная машина, и еще не настало время для ее пресечения силами армии. Кощунственно было спланировать пролившуюся кровь невинных жертв, но спектаклю отведено определенное время, а сценарий есть

сценарий. Егор Лигачев на заседаниях ЦК КПСС делился опытом разгона демонстрантов в Новочеркасске в 1962 году, когда принимал решение в составе партийной комиссии ЦК о применении автоматов и танков по демонстрации рабочих завода. Теперь Сумгаит принес первую серьезную трещину между братскими народами Советского Союза, замешанную на крови.

В женский праздник 8 марта в квартире Лукина раздался телефонный звонок. Даша приняла поздравления от дежурного по Госавианадзору СССР и передала ему трубку.

«Снова тревожный чемодан?», – подумал Лукин.

– Это дежурный. Над Уралом преступники захватили рейсовый самолет ТУ-154 из Иркутска в Ленинград с пассажирами. Руководство приказало быть готовым к вылету. О дополнительных указаниях я пошлю сигналом по мультитону и продублирую звонком. От нас этим вопросом занимается заместитель Председателя Госавианадзора Сафронов.

– Хорошо, я буду дома на телефоне, – Лукин положил трубку.

– Что? Опять в командировку? – поинтересовалась Даша.

– Пока быть готовым к вылету, но до особого распоряжения.

Расследование фактов захвата воздушных судов не входило в компетенцию Лукина и его коллег, однако и не исключало их участие в работе комиссии или в качестве экспертов. Заместитель Председателя Сафронов Николай Иванович был прикомандирован из КГБ, а до этого работал начальником отдела КГБ в аэропорту Шереметьево,

где у Лукина было много знакомых коллег из линейного отдела милиции. Они и рассказывали Лукину о дружбе Николая Ивановича с начальником райотдела КГБ центра Москвы Вадимом, который предложил руководству уволить Лукина. Но могли ли они предположить, что через пару месяцев их кабинеты окажутся рядом в Госавианадзоре?

В октябре 1987 году гриф секретности с темы сняли. Но сколько произошло попыток захвата и угона самолетов в СССР за последние тридцать лет, никто точно сказать не мог. Однако во многих отчетах указывали, что в Советском Союзе в тот период было предпринято более ста попыток и реальных угонов самолетов. В годы «холодной войны» в СССР о проблеме воздушного терроризма предпочитали не говорить, хотя наши преступники регулярно захватывали самолеты с целью перебраться на Запад. Они не выдвигали политических требований, но не хотели жить за «железным занавесом», а другого способа не видели.

После смерти Сталина карательные функции НКВД заметно поубавились. В СССР впервые столкнулись с проблемой советского воздушного пиратства. Первый вооруженный захват пассажирского самолета произошел 8 января 1954 года с Ли-2, выполнявшим рейс по маршруту Таллин – Минск – Ленинград, на борту которого находились пять пассажиров и три члена экипажа. Мужчина и женщина, угрожая оружием, связали бортрадиста и потребовали лететь в Финляндию. Экипаж оказал сопротивление и с пассажирами нейтрализовал преступников.

Лукин включил телевизор и посмотрел новости по всем программам, но о захвате самолета Ту-154 ни слова. Его не отправили в командировку, и на следующий день он

зашел к начальнику секретного отдела Анатолию Карасеву, прикомандированному, как и Сафронов, из КГБ. Тот поведал жуткую историю гибели семьи музыкантов, половина из которых были подростами.

Из сообщения дежурному Госавианадзора СССР:

«8 марта 1988 года в 15.01 Главный центр управления воздушным движением Гражданской авиации СССР получил информацию о захвате на траверзе Вологды самолета Ту-154, следующего рейсом Иркутск – Курган – Ленинград. Высота полета 11 600 метров».

Вскоре после вылета из Кургана молодой парень в сером свитере и легкомысленном фетровом берете в хвостовой части лайнера передал стюардессе записку с требованием лететь в Лондон, иначе самолет будет взорван. В 15.15. бортрадист передал диспетчеру, что двое террористов вооружены обрезами охотничьих ружей, у третьего – взрывчатка, а всего их человек шесть. Топлива хватит на полтора часа полета до аэропорта Пулково.

Экстренно был создан оперативный штаб по руководству операцией. Заместитель Министра гражданской авиации по безопасности полетов Тимофеев из КГБ доложил, что захваченный террористами Ту-154 не оборудован специальными навигационными системами для полетов на международных трассах и экипаж лайнера не знает английского языка. Штабом принято решение не выпускать самолет за пределы СССР. При поступлении сообщения о захвате Ту-154 подняли по тревоге группу «А» 7-го управления КГБ СССР, которую в аэропорту ждал готовый к вылету самолет специального авиационного отряда пограничных войск. Летчики в зеленых фуражках всегда доставляли группу «А» в нужное время. Их самолет вылетел на военный аэродром, куда деятели из штаба решили

посадить угнанный Ту-154. К тому времени было установлено, что захват самолета совершила семья музыкантов Овечкиных. В штабе решили, что не составит труда обезвредить музыкальную группу. Это была роковая ошибка, но никто не мог предположить, что такое решение приведет к трагедии.

Лукин бывал на военных аэродромах, а устройство гражданских он просто изучил, так на них только похожие взлетно-посадочные полосы. В системе Аэрофлота существует продуманная до мелочей система обеспечения безопасности воздушных полетов, в том числе по противодействию попытки захвата воздушных судов. Пожарным, спасателям, сотрудникам милиции аэропорта Пулково вполне хватало времени организовать достойную встречу захваченного самолета, и группа «А» успела бы вовремя. На военном аэродроме под Выборгом угнанный Ту-154 так посадили, что группа «А» не смогла там приземлиться и ей пришлось садиться в Пулково и потерять время на пересадку в вертолеты. А в это время уже началась плохо продуманная операция. На военном аэродроме была только рота охраны, не готовая для разрешения кризисных ситуаций. В штабе не подумали о возможных последствиях в случае самого жесткого развития событий, а они и получили такое развитие.

Штаб проинструктировал экипаж, что террористов необходимо заверить, что самолет скоро приземлится на аэродроме в Финляндии. Когда же Ту-154 коснулся колесами бетонки военного аэродрома, стюардесса Тамара Жаркая принялась уверять террористов, что авиалайнер произвел посадку в Финляндии, но они увидели в иллюминаторы бегущих к самолету советских солдат в шинелях и шапках. Это была рота охраны аэродрома со знаменитыми

на весь мир «калашами». Они по команде окружали самолет, но в штабе не подумали, что охрана финского аэродрома выглядит не так, как в СССР. Музыканты в панике произвели несколько выстрелов по обшивке самолета. Им объясняют, что самолету нужна дозаправка, но они ломятся в дверь пилотской кабины. Стюардесса Тамара обещает им, что после заправки они полетят в Лондон. В кабине заправщика террорист видит, как водитель с короткой стрижкой сдирает с шапки кокарду и убивает Тамару.

Практика таких операций показала, что важно удерживать террористов от пролития первой крови, после которой их действия зачастую выходят из-под контроля. Профессионалы уверяют, что необходимо для сохранения диалога соблюдать корректность и придерживаться правды до удачного момента для завершения операции. Руководство штаба совместно с командованием военного аэродрома приняло решение начать штурм за несколько минут до посадки вертолетов с оснащенной группой «волкодавов» группы «А». В «штурмовики» самолета набрали военнослужащих внутренних войск, которые, прикрываясь щитами, ворвались в салон с двух сторон, заливая его беспорядочным шквальным огнем из автоматов. Как только сами себя не поубивали? На штурм самолета пошли мужественные люди, готовые рисковать своими жизнями, чтобы спасти пассажиров и экипаж, но слабо представляющие, как это сделать. Даже их экипировка не спасала от дробовиков террористов, а средства связи в такой операции были немаловажным фактором.

Бойцы приоткрыли дверь и начали беспорядочную стрельбу по салону, не думая, что, кроме преступников, здесь находятся пассажиры, которые выпрыгивали на бетонную полосу и получали удары солдатских сапог и при-

кладов, так как их перепутали с террористами. В коротком бою террористы не получили ни единой царапины, но они поняли, что улететь за границу им уже не удастся. И они решили уничтожить и себя, и самолет. Старший сын, Василий, по просьбе матери убил ее из обреза, а затем застрелился сам. Его примеру следуют еще двое братьев. Оставшиеся Овечкины, сбившись в кучу в хвосте самолета, взрывают самодельную бомбу. Салон заволокло дымом, затем показались языки пламени. Начинающийся пожар еще можно было потушить имеющимися на борту средствами, но желающих воспользоваться ими не нашлось. Побывав в роли заложников, пассажиры спешили как можно скорее покинуть проклятый самолет. Пламя все сильнее охватывало самолет, но подкатившие к авиалайнеру пожарные машины с военного аэродрома не были приспособлены для тушения подобных пожаров. Самолет сгорел полностью.

Известная поговорка гласит: «После драки кулаками не машут». Но в данном случае была не драка, а целая войсковая операция и махать кулаками здесь должна была Генеральная прокуратура при расследовании уголовного дела. Они должны дать правовую оценку не только действиям террористов, но и руководителям операции, которые даже не пытались договориться с террористами и недооценили их одержимости в желании покинуть СССР. Прохлопали ушами и сотрудники госбезопасности, которые не получили оперативной информации о намерении семьи из девяти человек угнать самолет. Досмотровая служба аэропорта Иркутска пропустила обрезы и взрывчатку на борт самолета.

Накануне семья побывала на гастролях в Японии и увидела, как живет народ за бугром, где к ним подкатывали

американцы, которые рассказали о сказочной жизни за океаном, где с их музыкальными способностями можно записывать диски и жить припеваючи. Остаться они не могли, так как выпустили на гастроли не всю семью. Вот они и решили убежать все вместе. А когда поняли, что их затея провалилась, то перестреляли друг друга. Такая вот тяга к свободе и красивой жизни у них была. А в СССР, скорее, уничтожат, чем выпустят за бугор. Еще одна бездарно проведенная операция по «освобождению», а вернее расстрелу, – совсем не красила власти в той трагедии.

В странах, которые не строили социализм и не дай Бог коммунизм, с не меньшей ответственностью охраняли границы, но там не угоняли самолетов, чтобы покинуть Родину. Граждане тех стран могли сесть в рейсовый самолет, поезд или пароход и по расписанию переехать в другую страну. А уж если есть проблема в СССР с угонами самолетов, то надо научиться разговаривать с террористами и при необходимости выпускать их за границу, а потом с дипломатами возвращать на Родину невредимых пассажиров, а преступников вместе с воздушным судном. Понятно, что появится много желающих покинуть СССР таким способом и не все пассажиры сразу долетят до пункта назначения, но хоть простые граждане краешком глаза на мир посмотрят. Во всяком случае, не проводить штурм, как общевойсковую операцию с беспорядочной стрельбой из автоматов, избиением заложников, которых ошибочно приняли за террористов.

Лукин припомнил события восемнадцатилетней давности. 15 октября 1970 года пассажирский самолет Ан-24, выполнявший рейс Сухуми – Батуми, захватили отец и сын Бразинскасы. Они без проблем пронесли с собой на борт самолета пистолет, обрез и несколько гранат. Когда

лайнер набрал высоту, Бразинскасы выхватили оружие и направились к кабине пилотов. Им преградила путь 19-летняя бортпроводница Надя Курченко и попыталась выбить обрез из рук отца, но тот дважды выстрелил ей в упор, от чего она скончалась на месте. В кабине пилотов, потрясая оружием и гранатами, они потребовали лететь по берегу моря в Турцию. Экипаж оказал террористам сопротивление, но все были ранены бандитскими пулями, после чего в целях обеспечения безопасности пассажиров летчикам разрешили лететь в Турцию. Это был первый в СССР удавшийся террористам угон самолета.

В том же 1970 году все самолеты в приграничные районы стали сопровождать вооруженные сотрудники уголовного розыска. В московских аэропортах сопровождали рейсы коллеги Лукина из спецслужбы ГУВД Москвы с удостоверениями МУРа. Самым дальним перелетом были рейсы на Камчатку и Анадырь, куда самолет летел шестнадцать часов. Кроме того, выдавали три пистолета Макарова на экипаж самолета. Аэрофлот стал единственной компанией, кто вооружил пилотов. Но кто-то не подумал, что стрельба в самолете на высоте нескольких тысяч метров – смертельно опасное занятие. Пули могли ранить пассажиров или повредить коммуникации жизнеобеспечения воздушного судна. Через полтора года 18 мая 1973 года диспетчеру аэропорта Читы поступил сигнал о захвате самолета Ту-104, выполнявшего рейс Москва – Челябинск – Новосибирск – Иркутск – Чита. Находившийся на борту самолета сотрудник МВД принял самостоятельное решение и выстрелил в террориста. Пуля угодила ему прямо в сердце, но тот успел нажать кнопку взрывного устройства. С момента доклада командира о требовании из салона изменить курс до взрыва бомбы прошло около

двух минут. В результате погибли все 9 членов экипажа и 72 пассажира. После той трагедии в аэропортах ввели досмотры пассажиров и багажа, но снова после невинных жертв. К сожалению, и правила по безопасности полетов написаны кровью.

Прилетел Борис из Нижневартовска, который расследовал катастрофу Як-40, а следом вернулся Валера с Александром Нерадько из Сургута с расследования Ту-134. Александр перешел в управление расследований из Внуково в конце прошлого года и пока не работал самостоятельно на «ямах» и в Сургут летал с Валерой. Он был лет на десять моложе всех. Коллеги давно не виделись и по случаю окончания расследований решили поделиться информацией о причинах катастроф за дружеским столом в управлении. Борис привез от сибирских нефтяников пищевого спирта, а Лукин съездил на Черемушкинский рынок за сыром и зеленью, а Сергей принес закуски из буфета. Борис налил по стаканам чистого спирта. Саша отказался, но ему была интересна всякая информация о расследованиях.

– Кто хочет, может разбавить. Вода в графине, – предложил Борис.

– Не будем портить продукт, – сказал Сергей.

– Я хочу всех поздравить с Новым годом, – улыбнулся Лукин, – некоторые из нас так и не виделись в этом году. Чтобы мы встречались, как можно чаще, и чтобы реже были инциденты, из-за которых мы вылетаем в командировки.

Сибирский спирт показался Виктору немного жестче, чем на Дальнем Востоке. Видимо, там другими были закуска и воздух. Да, черная икра отлично снимала жесткость спирта.

– Борис, а не расскажешь, что произошло с самолетом в Нижневартовске? Материалы я прочитал, но Председатель комиссии всегда знает больше, чем написано, – попросил Александр.

– Да мы старались в акте изложить все, как было. Во время взлета сразу после отрыва произошло уменьшение оборотов двух двигателей, а через секунду – упали обороты и третьего двигателя. В течение минуты выключились два двигателя, а третий вышел на взлетный режим. Самолет набрал высоту 35 метров, но полет продолжался на одном двигателе с потерей скорости. На удалении двух километров от конца взлетной полосы самолет через полторы минуты столкнулся с холмом, а затем с опорой ЛЭП и полностью разрушился. При столкновении с землей все двигатели находились в положении «взлет». Причину уменьшения оборотов двигателей и их последующего отключения точно установить не удалось. Предположительно образовалась воздушная пробка, которая повлекла самовыключение, либо экипаж ошибочно выключил двигатели, так как самописец зафиксировал срабатывание табло «воздушный стартер открыт». Ко всему прочему аварийно-спасательная команда сработала безобразно и обнаружила самолет только через пять часов, а мороз был минус 35 градусов. Многие замерзли, не дождавшись помощи. Выжили четыре пассажира из тридцати, – сказал Борис.

– Борис, пока мы трезвые и при памяти, у меня вопрос имеется, – улыбнулся Лукин.

Ему не хотелось за дружеским столом устраивать совещание по вопросам расследования, и опять же «отъехать» можно при напряженности.

– Хочу тебя спросить по катастрофам с самолетами ЯК-

40, которые произошли на взлете. У меня возник вопрос год назад в Ташкенте, когда ЯК-40 попал в спутный след на взлете и разбился. Никто тот спутный след не зафиксировал. Есть такое явление, и взлетал он через полторы минуты вслед за ИЛ-76. Только теперь после предположительных причин катастрофы в Нижневартовске у меня закралось подозрение, что в Ташкенте на ЯК-40 тоже могла появиться воздушная пробка в топливной системе двигателя самолета, поэтому ему не хватило тяги преодолеть спутный след.

– Коллеги, а Лукин совсем не похож на простого сыщика из уголовного розыска и профана в наших делах, – подколол Валера.

– Я извиняюсь, профессора расследований, если употреблю какой-нибудь авиационный термин неправильно, но аналитиком я всегда был неплохим, а между расследованиями я обучаюсь в Академии гражданской авиации и копаюсь в специальной литературе по тем вопросам, которые мне интересны. У вас нет свободного времени, потому что летаете с «ямы» на «яму».

– Виктор, а если серьезно, то мне, например, интересно, какие выводы ты сделал из своих анализов свежим взглядом, – спросил Борис.

– Ну, если вам на самом деле интересно, то извольте. Только еще раз предупреждаю, что мой анализ больше сыщика, нежели авиатора. Так вот некоторые специалисты предполагают, что топливная система самолета Як-40 имеет конструктивные недостатки, оказывающие влияние на частичное снижение работоспособности двигателей.

– И те специалисты, наверняка летчики, – Валера явно намекал на дружбу Лукина с коллегами из летного управления.

– Да, они рассказывали, что в трубках топлива на Як-40 иногда возникают воздушные пробки, которые могут реально уменьшить тягу двигателей и даже остановить их. В автомобилях можно дать газу, но он на земле и «прочихаться», а самолет на взлете упадет на землю. Или я не прав?

– Не совсем по-научному, но я с тобой согласен, – подтвердил Борис, – выводы нашей комиссии прописали, как возможную причину.

– Тогда почему не исследованы материалы одиннадцати авиационных инцидентов, произошедших в последние два года по самопроизвольным изменениям оборотов двигателей самолетов ЯК-40? Я уж не беру случаи в конце семидесятых, когда такое случалось не только на взлете. Чтобы быть точным, то с самолетами ЯК-40 за последние пятнадцать лет было сорок девять катастроф. Как по заказу, по три катастрофы в году, – сказал Лукин.

– Так коллеги. Это не Виктор Павлович, а Лаврентий Павлович Берия. Надо срочно выпить, а потом «по-трезвому» обсудить, – предложил Валера.

– Я только «за». Вы сами хотели узнать мое свежее мнение. Давайте за стол, – согласился Лукин.– Но, чтобы быть до конца объективным, то ты Валера полгода назад расследовал катастрофу с ЯК-40 в моем любимом городе Бердянске.

– Но там была катастрофа при посадке. Интересно в МВД все такие занудные? – пытался возразить Валера.

– Нет, такой в МВД был один и того вам отдали. Вам сказочно повезло, – улыбнулся Лукин и почувствовал, что «завелся». – При подлете к Бердянску борт оказался в эпицентре сильного ливня. Диспетчер дал «добро» на посадку, сообщив, что в зоне аэропорта видимость состав-

ляет четыре километра и то была одна из ошибок, которая привела к катастрофе. Я только к тому, что не бывает у катастроф одна причина. Когда лайнер уже начал заходить на полосу, «дворники» не успевали смахивать со стекол кабины воду, сквозь сплошную стену дождя невозможно было толком что-либо разглядеть. Шасси коснулись полосы. Экипаж включил реверс для торможения. На Як-40 им оснащен только один средний двигатель. Однако, не видя, куда мчится самолет, командир принял решение взлетать, чтобы зайти на посадку повторно. Двигатели были переведены во взлетное положение «полный газ», однако торможение не убрали. Видимо, в спешке пилоты не поняли друг друга. С увеличением оборотов двигателей возросла и работа реверса, из-за чего лайнер не смог набрать необходимую для взлета скорость. Взлетная полоса оборвалась и не оторвавшийся от земли ЯК-40 проскочил после ВПП по раскисшему чернозему, пересек дорогу и врезался в лесопосадку. Поэтому я не говорил бы только о посадке, потому что самолет взлетал.

Правое крыло от удара о дерево отвалилось. Самолет перевернулся и загорелся в молодом подсолнечнике. Виновны обе стороны – и диспетчер, и экипаж. Но я привел в пример эту катастрофу потому, что это была не совсем посадка, а скорее неудавшийся взлет. И вы скажите, что экипаж виноват, потому как не выключил тормоз двигателя. Нет, ребята, экипаж мог в такой суматохе упустить, но должна была сработать техника. Мы запускаем космические корабли со спутниками на другие планеты, а не можем поставить в самолет прибор, который отключал бы автоматически «тормоза двигателя» при взлетном режиме. Пионерам ясно, что такого не должно было быть.

– Точно Лаврентий Павлович. Всем раздал. И кон-

структорам досталось. Откуда такие познания про Бердянскую катастрофу?

– Я же сказал, что мой любимый город, где живут мои друзья. А конструкторам должны вы сделать рекомендации комиссии по результатам расследований, если наша контора независима, а не как в прошлые годы, когда об авиапроисшествиях народу вообще не сообщалось. Упал самолет и упал, мол, компетентные люди разберутся, что к чему, зачем народ зря нервировать. Вот и сложилось впечатление, что советские самолеты самые надежные. Помните, как Высоцкий пел про весь гражданский флот:

В который раз лечу Москва – Одесса,
Опять не выпускают самолет,
А вот прошла вся в синем
Стюардесса, как принцесса,
Надежная, как весь гражданский флот.

Лукин пропел хриплым голосом, подражая автору песни, а потом решил закончить серьезный разговор шутками, чтобы не сложилось у его друзей впечатления, что он занял позицию обвинителя. На самом деле ребята были грамотными расследователями и знали, что делать.

– Знаете, что летчики называют Як-40 «окурком» за короткий фюзеляж и дымный выхлоп двигателей, а по причине высокого расхода топлива самолет еще прозвали «истребителем керосина», – улыбнулся Лукин

– Так, с Лукиным все понятно. У него и шутки с уклоном на двигатели ЯК-40, – засмеялся Валера. – Мы будем сегодня выпивать или день потерян?

Они выпили по сто грамм и, как обычно, завелись. Но спирт заканчивался. Подошел Леонид Каширский, и все управление теперь было в сборе.

– Александр, мне неудобно посылать тебя за бутылкой,

потому что ты не выпиваешь, но мы пока по пять капель еще выпьем, – попросил Валера.

Александр ни слова не говоря взял со стола деньги, набросил куртку и вышел. Вернулся он минут через тридцать с двумя бутылками водки, которые не так легко было купить в магазине, но ему повезло. Вернее, им повезло, а могло бы и не быть.

– Валера, зря ты послал Александра за бутылкой. Вы еще находитесь под его руководством. Вот вспомните мои слова. Я у вас прикомандированный, а он будет у вас начальником. Валера, а что произошло в Сургуте? Саша был вместе с тобой и ему не интересно, – сказал Лукин.

– Мы просили руководство, чтобы включили тебя в комиссию, но сказали, что ты занят Красноводском, хотя то расследование практически закончилось, – сказал Валера с тенью обиды.

– Ты прав, осталась одна экспертиза, и я вполне мог уложиться по времени, но руководству виднее.

– Понятно, что они не хотят летать на расследования без тебя, а в Сибири мы попали на «яму» в жуткие морозы. 26 февраля самолет ТУ-134 выполнял пассажирский рейс Минск – Куйбышев – Тюмень – Сургут. Вылет из аэропорта Рощино города Тюмени был в 3 часа ночи по Москве.

В 03:35 через полчаса после вылета экипаж получил сведения о погоде. В Сургуте было тихо и видимость 8 километров. Экипаж решил сэкономить время и топливо, запросив разрешения совершить посадку не с Востока, а с Запада. Руководитель полетов разрешил, но не организовал метеонаблюдение и не включил курсоглиссадную систему с Запада.

В 04:02 самолет находился в 17 километрах от торца

взлетной полосы и в 3200 метрах правее линии курса. Экипаж перешел на связь с диспетчером посадки, который разрешил выполнять четвертый разворот. Далее экипаж вошел в глиссаду и доложил о готовности к посадке, на что получил от диспетчера разрешение. В 04:06 до торца ВПП оставалось 3 километра. Диспетчер предупредил экипаж, что они находятся в 20 метрах левее глиссады и в 10 метрах выше ее, но экипаж с этого момента проявил расслабленность. Командир молчал, а когда самолет подходил к высоте 130 метров, штурман, в нарушение правил, не дал команду «Оценка». На высоте 110 метров экипаж включил фары, но лучи попали в дымку, и возник световой экран. Фары пришлось выключить. Диспетчер передал экипажу, что их удаление 2 километра на курсе, выше 15 метров. Через несколько секунд Ту-134 прошел высоту принятия решения – 100 метров, но штурман вновь промолчал и командир на данной высоте не давал команд ни на посадку, ни на уход на второй круг. Второй пилот, не услышав решения командира, был обязан начать выполнять уход на второй круг. Однако он этого не сделал, и экипаж продолжал снижаться.

В 04:07:01 самолет прошел ближний радиомаяк на высоте 86 метров, вместо положенных 70 метров, и в 18 метрах правее линии посадки, о чем экипаж предупредил диспетчер, а через пять секунд сработал сигнал «Опасная высота». Командир на три секунды потянул штурвал на себя, чем снизил вертикальную скорость с 5,7 до 1 метра в секунду, но самолет снизился с 60 до 43 метров, после чего в 700 метрах от торца ВПП пересек линию посадки и стал уклоняться влево, но пилоты не заметили.

В 04:07:10 штурман доложил о полосе по курсу, а через секунду диспетчер передал экипажу, что удаление 500, по-

лоса перед нами. Самолет в тот момент был в 40 метрах над землей. Командир решил произвести посадку, и в 04:07:15 увеличил вертикальную скорость снижения с 1 до 5,5 м/с, хотя наземных ориентиров не было видно, и посадка проходила с выключенными фарами. Ту-134 на высоте 38 метров и при скорости 286 км/ч пролетел торец ВПП, находясь при этом в 50 метрах левее посадочного курса. Пытаясь определить, где они находятся, командир фактически потерял контроль за своими действиями, а второй пилот не предпринимал никаких активных действий по пилотированию. Командир начал двигать штурвал, создавая крен, но определить пространственное положение не смог. А самолет, уклонившись влево, летел над покрытой снегом землей и приближался к параллельной грунтовой полосе в сотне метров северней. Определение высоты также было затруднено, так как бортинженер докладывал только прохождение высот 40, 25 и 20 метров, после чего перестал передавать данные. Диспетчеры сургутского аэропорта из-за нестандартного расположения стартовых диспетчерских пунктов не видели со своих рабочих мест самолет, а потому не могли предупредить экипаж о его непосадочном положении.

В 04:07:29 командир экипажа принял решение уходить на второй круг и взял штурвал, увеличив режим двигателей, но ни времени, ни высоты не хватило предотвратить катастрофу. Всего через секунду Ту-134 с высокой вертикальной скоростью ударился стойками шасси о заснеженную грунтовую полосу в 113 метрах левее основной ВПП с пятикратной перегрузкой, в результате чего разрушилась и отделилась правая плоскость крыла, а фюзеляж перевернулся на спину, при этом оторвало правый двигатель. Самолет прошел по заснеженной грунтовке около трехсот

метров, но вытекшее топливо воспламенилось, и произошел пожар в салоне самолета с выделением токсичных газов. От отравления газами погибли две стюардессы и 17 пассажиров, а второй пилот погиб от травм.

– Валера, получается, что все в экипаже показали, как не надо летать, а руководитель полетов усугубил их положение при посадке? – спросил Лукин. – Опять сочетание нескольких человеческих факторов привели к катастрофе самолета. Одни не включили посадочные огни и приборы, а летчики при плохой видимости и заснеженности понадеялись все сами разглядеть, а когда увидели перед собой землю, то парировали удар, взятием руля на себя, но катастрофы не предотвратили. Вновь понадеялись на русскую «авось».

– Да, твоим коллегам из прокуратуры есть над чем работать, – сказал Валера.

Было неправильно после спирта пить водку или наоборот, но на следующий день была суббота и на работу никто из них не собирался.

– Виктор, а почему тебя наш начальник кадров в шутку называет «летающим Мусоршмиттом»? Похоже, как немецкий «Мессершмидт», но я думаю из-за «мусора», как милицию дразнят, – Леонид всегда подкалывал Лукина, но и получал от него тем же.

– Я понял твой намек на мое отношение к «мусорам», но, видишь ли, Леонид Алексеевич, то словечко совсем не обидное для работников милиции, кто знает историю сыска в России, – пояснил Лукин с улыбкой на лице.

Он знал хорошее отношение коллег к его персоне, а с Леонидом они были в дружеских отношениях, поэтому на взаимные подковырки не обижались.

– И что в истории прописано про «мусоров»? – не

унимался Леонид.

– Именно про них, почему их так называли жулики, а теперь невежды, не знающие историю, поэтому повторяют, как попугаи.

– Так расскажи! Ребятам будет интересно!

– Правда, Палыч, интересно же! – поддержал его Борис.

– А у вас, что с руками случилось? Болят что ли?

– Все нормально у нас с руками. Уже наливаем,– Борис знал шутку Лукина, когда долго не наливали в стаканы водку.

Они хватили по глотку водки и закусили домашними солениями с рынка. Сочетание было сказочным.

– Первые упоминания об уголовном сыске появились в Москве в середине семнадцатого века, вот и сократили название до «МУС», как московский уголовный сыск, а позже значки появились с такими буквами. Сначала перед сыщиками поставили задачу по поимке беглых крепостных крестьян и смутьянов. А когда отменили крепостное право, произошел всплеск преступности, и жулики стали называть их «МУСорами», потому что на их значках сверкали золотом буквы «МУС».

– Так получается, что это были твои коллеги их уголовного розыска?

– Да, Борис, они самые. Только «МУР» образовался 5 октября 1918 года. После Февральской, да и после Октябрьской революции Московский уголовный сыск продолжал функционировать почти год. Все полицейские и тюремных зданий тогда пожгли вместе с архивами. А «МУС» не тронули потому, что они ловили жуликов и бандитов, что нужно любой власти, да и размещались сыщики в отдельных зданиях царской полиции.

– Коллеги, мне кажется, что наш Лаврентий Палыч был грозой для уголовного мира, – улыбнулся Леонид.

– Леонид, спасибо, но то было тогда, а теперь давайте поднимем бокалы за всех нас. За нашу мужскую профессию. За нашу нужную профессию и романтичную, несмотря на трагедии, с которыми нам приходится сталкиваться, – сказал Лукин.

Лукин продолжал работу со следователем Прокуратуры СССР по расследованию катастрофы в Красноводске. В понедельник утром он довез в Генеральную прокуратуру экспертизу из ГосНИИ ГА, потом по пути заехал на Сретенку в свое бывшее районное управление милиции. Начальник райуправления Виктор Григорьевич накрыл чайный стол, и «на чай» зашли руководители отделов уголовного розыска и ОБХСС, Михалыч и Борис.

– Вот Лукин бросил нас, и смотрите, как шагает, уже полковник, – заметил начальник управления.

– Да, он такой. Наверняка, сам придумал Государственную комиссию. Мы о ней и не слышали, а он теперь с руководителями государства за руку здоровается. Я не удивлюсь, что скоро и генерала получит, – начальник ОБХСС Борис был в своем амплуа на подколках.

– Нет, мужики, генерала я не получу, должность не позволяет.

– Ну, у тебя не заржавеет, что-нибудь придумаешь, и должность себе генеральскую состряпаешь.

– А знаешь, Боря, ты где-то в своих шутках прав. Есть у меня мысль о создании таких Госкомиссий в союзных республиках. Вот тогда и должность у меня будет генеральская. Думаю, меня руководство наше поддержит, а почему не может быть, например, Госавианадзора Армении? Да армяне меня первые поддержат, и другие союзные республ-

лики.

– Что я говорил. Это вы, Виктор Григорьевич, не дали ему здесь «на земле» крылья расправить, а там он себя еще покажет. Я думаю, они там в авиации не скучают?

– Думаю, нет. Недавно мы пробили в Совете Министров вопрос о приравнивании нашей деятельности к работе летчиков-испытателей, правда, по экипировке. Нам выдали одежду и обувь из кожи с натуральным мехом для рыбалки и охоты.

– Вот-вот. Он раньше шутил над нашими сотрудниками с продажей списанных милицейских полушубков и автомобилей, а теперь его шутки на государственном уровне. Вот так генералы и получаются.

– Боря, сдался тебе генерал, мне и так неплохо, я же форму не ношу.

– Но нам-то приятно, что такого орла воспитали.

– И не забывайте, что потом вытолкнули того орла из родного гнезда.

– Но это не мы, ты же знаешь. После твоих шуток с КГБ мы даже не смогли заступиться за тебя, – сказал Виктор Григорьевич.

– Да ладно, я понимаю. Что так и будете чаем поить? – Лукин решил сгладить появившуюся напряженность. Хотя никто из них не пытался его защитить от «самодурства» некоторых сотрудников КГБ, так как боялись их гнева.

– Как-то неудобно Центральный аппарат МВД СССР спаивать.

– Это вы бросьте. Скажите, что зажали хороший коньяк?

На стол посыпались запасы начальника управления: коньяк, фрукты и конфеты. Раскатив бутылку коньяка, ре-

шили остановиться, дело шло к обеду. Лукин специально заглянул к руководству управления, чтобы видели его недруги, что не сломили его стукачи КГБ. Он стал гораздо выше их всех и, самое главное, совершенно свободным от недалеких «отцов-командиров», которых еще хватает в милиции. Но встречался он теперь в управлении только с теми, с кем всегда поддерживал дружеские отношения.

Вечером Виктор заглянул к другу детства Прохе на Сокол. Тот правильно воспринял «перестройку» и бросил работу в МИДе, по причине низкой зарплаты, организовав свой бизнес. Теперь он занимается установкой «продвинутой» пожарно-охранной сигнализации. А Виктору попала капля коньяка в рот, так надо было продолжить «банкет». Но сейчас его интересовал не коньяк, а послание из Парижа. Письмо было адресовано жене Прохи, и Надежда зачитала несколько строк, адресованные ему. Лаура писала, что не потеряла еще окончательную надежду на их встречу. Когда они будут вместе, не надо будет провожать ее обратно в Париж. Лукина все больше одолевали сомнения, что они когда-нибудь будут вместе. Прошло пятнадцать лет их пылкой любви, но не получилось жить вместе, по независящим от них причинам. Ему была «заказана» дорога в Париж, а теперь и она не может переехать жить в СССР, потому что французские власти не выпустят ее вместе с сыном. Жаль, конечно, но надо исходить из реальной жизни.

Таран над пропастью

Зима прошла, но еще цеплялась то ночными заморозками, то снежными зарядами и дождем. Она выдалась с декабрьским рекордным теплом и январскими морозами со снежными заносами, которые до сих пор не растаяли, хотя дороги в Москве были уже сухими, а на газонах местами появилась зеленая трава. В управлении расследования после зимнего кошмара с катастрофами самолетов воцарилась относительная тишина, и у Лукина появилось свободное время. Он поменял на автомобиле резину на летнюю. Его шестой модели «Жигулей» пошел восьмой год, но он следил за ее состоянием, и она не подводила его даже в лютые морозы. Купить новый автомобиль можно было только с переплатой, но у полковника милиции не было морального права кормить спекулянтов, а по записи в МВД до пенсии ждать. В конце октября

Лукин побывал на Камчатке и попросил тестя выписать в обкоме партии ордер на покупку автомобиля «Волга».

«Нужно хоть чем-то поживиться у партии», – подумал Лукин.

Николай Сергеевич с радостью откликнулся на его единственную просьбу, тем более что Лукин не просил добавить денег на покупку. Не было проблем продать его «шаху», да при его зарплате, Министра, о которой в семье никто не знал, он уже накопил на «Волгу». Жена Даша оставила комсомольскую работу и с подачи его друзей преподавала политэкономию в Московском техническом университете «Станкин». Ее зарплаты хватало на хозяйство, да еще с Камчатки Даше подбрасывали на карманные расходы. На двоих денег было слишком много, хотя говорят, что их много не бывает.

Вскоре позвонил Николай Сергеевич, сообщив, что получил разрешение на покупку «Волги», и ему надо найти время, чтобы получить ее на Горьковском заводе. Можно было бы дать Виктору доверенность, все ровно потом пришлось бы, но он решил приехать сам. Лукин тихо ожидал его прилета. Об автомобиле «Волга» можно было только мечтать. Она теперь стоила двенадцать тысяч рублей, а с рук ее продавали за тридцать пять. Три цены. За десять тысяч рублей можно было бы обставить квартиру мебелью или купить кооперативную квартиру, но опять же, как и автомобиль, чисто теоретически, да и была у него квартира с мебелью.

Однако не все так было погано в стране. Комиссия Политбюро приняла решение по изучению материалов, связанных с репрессиями в период 30-40-х и начала 50-х годов и появилась надежда, что деда Алексея Михайловича, наконец, реабилитируют официально с публикацией

в газете. Жаль, что он об этом уже не узнает. А еще вышел Указ о порядке оказания психиатрической помощи, что означало прекращение практики применения карательных мер и помещения в психушки неугодных граждан СССР на основании письма из КГБ, а большей частью по их устным рекомендациям. Можно было поздравить всех мнимых больных и посочувствовать властям, так как теперь трудно будет закрыть им рот. В прошедшие годы Лукину грозили психушкой за любовный роман с француженкой и желание быть вместе. Значит, в стране появились положительные перемены. Появился еще один продвинутый Указ, запрещающий рассматривать анонимки.

Вскоре прилетел Николай Сергеевич, но по партийным делам. Теперь в ЦК КПСС было много работы, а ордер на автомобиль «Волга» он отдал своему водителю. Лукин еще осенью обратил внимание на его лакейское отношение, с которым он мог без мыла, куда угодно влезть и прозвал его «Жучком».

– Извини, так получилось. Мой водитель накануне отъезда разбил свою личную машину и попросил меня помочь купить новый автомобиль, а у тебя есть, на чем ездить. На следующий год я могу выписать еще одну машину, как участник войны, – сказал Николай Сергеевич.

Что ему скажешь, ведь его «водила» знал об ордере на новую «Волгу» и сыграл на жалость. А Лукину показали конфетку, но не дали.

– Да ничего, Николай Сергеевич, решение уже принято, но Вы подарили чужому человеку двадцать пять тысяч рублей, а за них даже на Камчатке года три работать надо. Подарок на ровном месте, а они бы Вам пригодились при переезде с Камчатки в Москву.

У Лукина и мысли не возникло, что Николай Сергеевич «поимел» с водителя за тот подарок. Он был не коммунистом, а настоящим большевиком и такие сделки не для него.

– Так я и подумал, что ты мог бы ее перепродать и «сгореть» на работе.

«Вот это правда, что он подумал в первую очередь обо мне, чтобы я не «сгорел» на перепродаже, но такой аргумент мог ему подбросить только его водитель», – подумал Лукин.

– Николай Сергеевич, я же на оперативной работе почти двадцать лет, и если б у меня такие мысли были, то, наверное, я отдал бы «Волгу» по доверенности знакомому, который никогда и никому не сказал бы, что заплатил мне «сверху».

– Ну, извини. Он смог меня уговорить, да еще и свою машину разбил.

– Ладно, чего там. Только сдается мне, что ваш «Жучок» и свою машину специально разбил. Наверное, развалюха ничего не стоила, – улыбнулся Лукин. – Шучу. А если серьезно, то не надо на следующий год записываться на «Волгу». Неправильно могут истолковать в партийных кругах, да и вам надо готовиться к переезду в Москву. Я займусь этим вопросом сам. Мне одно интересно, где «Жучок» наворовал на «Волгу» при скромном окладе водителя. Все, я молчу. Давайте лучше отметим Ваш приезд и обсудим насущные проблемы по вашему переезду в Москву.

– Дом в городе Домодедово сдан, ордер мы получили и можем переезжать, но вот с мебелью пока не получается, – сказал Николай Сергеевич.

– Ну, это дело поправимое. Мои бывшие коллеги запи-

сали меня на мягкую мебель, спальню, стенку и гостиную. Скоро должны прийти открытки на получение, и если Вам подойдет, то считайте мебель в вашей трехкомнатной квартире.

– А как же вы с Дашей?

– У нас, в принципе, все есть необходимое, а в другой раз попробую и нам достать.

В Союзе вместо слова «купить» бытовало выражение «достать». Одни доставали при помощи своих связей среди торговых работников, как Лукин, другие – у спекулянтов с большой переплатой. На мебель, автомобили, ювелирные изделия наценка исчислялась не процентами, а разами. От двух и более раз. На улицах Петровка и Пушкинская располагались два мебельных магазина, около которых выстраивались очереди на право записи для покупки мебели. В очередях народ простаивал по несколько дней, рисуя номерки на ладонях для контроля. А около кабинета директора стояла другая очередь, которая образовалась по звонкам руководства столичного района. Лукин не попал ни в ту, ни в другую очередь. Он отдал свой паспорт и жены начальнику ОБХСС вместе с открытками и тот записал его. Что поделаешь, если тесть у него такой большевик, что не может позволить себе даже такой малости. Лукину нравилось его поведение, и он всегда ставил Николая Сергеевича в пример против других хапуг в партии.

Вскоре почтальон принес открытку на мебель. Было много граждан, которые не имели возможности приобрести мебель. Лукин записался на все, что можно было, но стенка, спальня и гостиная предназначалась его знакомым, но не по двойной цене, а они оплачивали его мягкую мебель, которая доставалась Лукину бесплатно. Такой ма-

ленький бизнес назывался спекуляцией, но в связи с тем, что сделка была среди его знакомых, то это выглядело, как оказанная им услуга. Так Лукин уговорил себя на ту сделку, но и она не состоялась. Вся мебель перешла родителям его жены, но его коллеги из ОБХСС были вправе проверить, купил ли он мебель для своей квартиры или кому-то продал. Однако его в районе знали, и никто проверять бы не стал. Лукин и не стал бы тратить свои сбережения на мебель, так как они нужны были на приобретение нового автомобиля, а Николаю Сергеевичу «упаковал» квартиру.

– Теперь пора думать о переезде в Москву. Вот только с работой ничего не получается, – сказал Николай Сергеевич.

– Ничего, все образуется. Сейчас оформите прописку в новой квартире. Сдадите на Камчатке дела, переедете, и тогда займетесь трудоустройствам, хотя это слово к Вам не подходит, так как Ваши коллеги должны Вам предложить должность соответствующую, – сказал Лукин.

– Да, я, как говорится, не претендую. Мне бы что-нибудь интересное, но поспокойней. Но не будем о грустном. Давай, взбрызнем по чуть-чуть нашу мебельную сделку. Я не очень порушил твои планы?

– Николай Сергеевич, все нормально. Я себе еще достану после покупки автомобиля.

– Ты меня еще раз извини, что так получилось с «Волгой».

– Мы же договорились. Я много езжу за рулем, и мне на самом деле больше нравятся «Жигули», – улыбнулся Виктор.

– Ну, ты прямо дипломат. Хорошо, забыли.

– Николай Сергеевич, что будем? Коньяк или водку? У

меня еще остались запасы из буфета гостиницы «Москва» с последней всероссийской партийной конференции, – похвастался Виктор и прикрыл ладонью рот после слова «последней».

Николай Сергеевич заметил это и улыбнулся, но не стал заострять внимание.

– Ну, ты везде успеваешь, где продают дефицит. Даже отоварился в буфете для делегатов партконференции. У меня и то не было времени. Давай по коньяку немного.

Они на самом деле уже давно уменьшили дозы, которые раньше принимали при встрече. Николай Сергеевич был намного старше Лукина, но его фронтовая закалка позволяла успешно соперничать и не пьянеть.

– Николай Сергеевич, не могли бы Вы рассказать об оценке партии событиям в Сумгаите и Нагорном Карабахе.

– Я уже чувствую, что ты не просто так спрашиваешь, и у тебя есть какая-то противоположная информация от той, что дала партия. Или я не прав?

– Возможно, но я не знаю точной позиции партии по этому вопросу.

– А у партии нет однозначной оценки этим трагическим событиям.

– Вот это я и хотел услышать, что в партии нет единого мнения по этому вопросу. Тогда что же мы хотим от Армении и Азербайджана? Они тем более понимают эту проблему, как им выгодно. Заострился я на этой проблеме по многим причинам. Вы лучше меня знаете о разноголосице в партии по этому вопросу, а порою откровенной провокации этих столкновений из-за непонимания проблемы или из-за незнания истории, а может быть по причине простого невежества, в связи с отсутствием культуры и до-

статочного образования у наших партийных деятелей. А мои коллеги после этих «ляпов» в политике, рискуя жизнью, наводят порядок в «горячих точках», поэтому мы интересуемся ходом развития этих событий.

– Крепко ты отбрил моих коллег, но и поделом. Это уже похоже на независимое расследование. Чем же я могу Вам помочь?

– Николай Сергеевич, если Вы заметили, что я никогда не трогаю роль КГБ в этих конфликтах, хотя это их работа, а вернее недоработки. Но КГБ является лишь инструментом в руках ЦК КПСС, поэтому надо знать о руководящих указаниях. Вы же знаете, что сказал Егор Лигачев на секретном заседании Политбюро в конце февраля по этому поводу?

– Вижу, что для тебя не существует секретов даже на таком уровне.

– Мы же с Вами говорили на эту тему еще на Камчатке, что в период гласности нельзя засекретить, а тем более такие острые вопросы. Они только обрастают ненужными слухами, а вот некоторым членам Политбюро точно надо рот закрыть на замок по обсуждению этих событий на Политбюро и не показывать свою некомпетентность, я бы мягко сказал. В свое время засекретили свои беспределы в отношении народа, а теперь делятся опытом по расстрелу мирной демонстрации. Что опять кровавые чертики им мерещатся? Поэтому секретными стали их высказывания.

– Я тебя вполне понимаю и, видимо, ты прав. Так тебя интересуют высказывания Лигачева? Егор Кузьмич ударился в воспоминания, что в далекие времена, когда были события в Новочеркасске, они ввели туда части внутренних войск. Он там был вместе со своим заведующим отде-

лом ЦК КПСС Степановым и секретарями ЦК. Микоян был с ними. Сам он тогда был заместителем у Степанова, – Николай Сергеевич сделал паузу, и они смочили горло хорошим армянским коньяком.

– Ох, лукавит Егор Кузьмич. Он прав, что в Новочеркасске ввод войск подействовал, и в миг все закончилось, но не от ввода войск, а от расстрела демонстрации рабочих завода, которые требовали хлеба и нормальной зарплаты. В Политбюро, конечно же, знали, что он был участником тех событий и знали его настроения по Сумгаиту. И все-таки направили его в Баку, хотя и Яковлев – посланец Политбюро в Ереване отработал не лучшим образом, как и его предшественники.

– Видишь, в кои-то веки ты решился бы так жестко критиковать второе лицо в партии и других членов Политбюро?

– Но я и сейчас их не критикую, а пересказываю их выражения по тем событиям и сопоставляю с тем, что они делали ранее. И потом я рассказываю Вам, а не на митинге диссидентов, потому что там стоит только открыть рот, и ты уже на койке в дурдоме. Хоть сейчас и отменили эту репрессивную форму наказания, но могут сделать исключение.

– Хорошо, что хоть это ты понимаешь, что даже дома говоришь в полголоса, и я заметил, что музыку включил рядом с телефонным аппаратом. Значит, бдительности не теряешь. После закрытого заседания Политбюро в Баку отправился Егор Лигачев, а в Ереван – Александр Яковлев. Но один вдруг заявил, что Карабах – это исторически исконная территория Армении. А другой сказал, что никаких пересмотров границ не будет и Карабах остается в составе Азербайджана. Этот коммунистический идеолог заявил в

Ереване, что кровавые события считает карабахским народно-освободительным движением. В этом ты был прав, что историю надо знать, чтобы не разжигать конфликты, – еще раз подтвердил Николай Сергеевич.

– Да, он явно симпатизировал Армении, дестабилизируя обстановку вокруг карабахской проблемы. Не это ли называется провокацией и за что страдают мои коллеги и простые солдатики? И если бы встал вопрос о моей командировке в «горячую точку», то я бы сказал в лицо своим командирам, что о них думаю, а там пусть решают, как им зачищать дерьмо после таких политиков. Незадолго до этих событий один Секретарь ЦК КПСС, присланный из Москвы в Ереван на месте разобраться в карабахском конфликте, и в одном из своих выступлений произнес: «Ну что вы не можете поделить с азербайджанцами – старые соседи, и те, и другие мусульмане», а другой в Баку был уверен, что Карабах передал Азербайджану Хрущев, когда он передал Крым Украине. Это невежество и порождает конфликты. Это говорили руководители страны, посланцы ЦК КПСС. После их выступлений нельзя догадаться, чего они хотели добиться этими словами? Мира или войны?

– Ты заметил, что мы с тобой и о выпивке позабыли. Увлекла нас с тобой эта беседа. И, что ты раньше отмалчивался?

– Я же сказал, что и сейчас молчу. Мы же вдвоем, а значит, я ничего такого не говорил.

– Ты и меня на измену ставишь? Ну-ка давай по рюмке, тоже мне конспиратор нашелся.

– Николай Сергеевич, я только объяснил доходчиво, почему я помалкивал.

– Ну, тогда – другое дело. Ты совершенно прав по поводу некоторых высказывания наших партийных лидеров.

Они что-то слышали на лекциях в Высшей партийной школе, но высказались перед народом, как двоечники. В истории Карабаха были и ранее допущены ошибки наших руководителей страны. По моему мнению, не надо было тот кусок земли присоединять ни к Армении, ни к Азербайджану. А их вопрос начали «шельмовать» еще до установления Советской власти в Закавказье. Я помню содержание письма Анастаса Микояна, который в 1919 году сообщал Ленину, что армянское крестьянство Карабаха на пятом съезде решило признать и примкнуть к Азербайджану, так как с Ереваном их ничего и никогда не связывало.

– Это что – все те же лживые формулировки партии: «По многочисленным просьбам трудящихся граждан… », которые она применяла неоднократно в истории для принятия какого-нибудь решения? Как это армяне отказались от своей Родины и захотели пойти под мусульман? – спросил Лукин.

– Похоже, что так. И чтобы быть совсем объективным, то надо вспомнить и высказывания Хрущева по поводу Карабаха. Конечно же, он не присоединял его ни к одной из республик. В начале 1964 года все тот же Микоян был назначен Председателем Президиума Верховного Совета СССР и сразу предложил Хрущеву присоединить Карабах к Армении. Это было через десять лет после передачи Крыма Украине. Хрущеву это не понравилось, и он пообещал Микояну за одну ночь переселить армян из Карабаха в Армению. А он это мог осуществить. Опыт был у наших руководителей по республикам Северного Кавказа. Напугал ли Хрущев своим предложением Микояна, который хотел протолкнуть этот вопрос в пользу своих земляков, но в Карабахе сохранялось относительное спокойствие.

– До провокационных заявлений, как Вы их назвали, «двоечников» из ЦК КПСС, которые прогуливали лекции в партийной Академии.

– Ну, о прогулах Вам видней. Николай Сергеевич, давайте по рюмке, чтобы не так горько было вспоминать наше светлое прошлое.

Они махнули по рюмке коньяку без закуски. Коньяк принял комнатную температуру и отдавал ароматом.

– А из тебя получился бы хороший историк. Не думал над этим?

– Кому нужна такая история, написанная под себя? А опер из меня получился неплохой. Разрешили бы написать историю, как было на самом деле, тогда бы и получился из меня историк.

– Я сказал тебе еще на Камчатке, что диссиденты против тебя отдыхают.

– Николай Сергеевич, я надеюсь, но я не в их рядах. Вы остановитесь у нас?

– Спасибо. Я поеду к себе в гостиницу «Москва». Там у меня люксовский номер, а то скоро уйду на пенсию, и больше туда не пустят. Надо пока пользоваться привилегиями.

– Ну если только из-за этого. А то Даша приготовила Вам отдельную комнату, но если у Вас апартаменты в «Москве», то нам нечем на это возразить.

На кухню, которая была и столовой, вошла Даша. Видимо, отдельные фразы их беседы долетали до нее, и она поняла, что они наговорились.

– Давайте я напою вас хорошим чаем с тортом, – предложила она.

– Сейчас скажешь, что муж достал хороший чай, – подколол Николай Сергеевич свою дочь.

– Да, папа. Знаешь, чай краснодарский, но не уступает цейлонскому.

Даша была полной непосредственностью и не умела хитрить, поэтому они и беседовали вдвоем. Ей надо было утром читать студентам лекции по политэкономии, а после рассказов мужа мозги могли встать набекрень.

– Как краснодарский чай может уступать цейлонскому, если его выращивали для делегатов партийной конференции ЦК КПСС, – пояснил Виктор.

– Ну и заноза, твой муженек. Отоваривается в нашем буфете и еще подшучивает.

– Николай Сергеевич, это я восхищаюсь хорошими продуктами, которых больше нигде не увидишь, а не то, чтобы купить. В партийном буфете я покупаю спиртное, сырокопченые колбасы и чай, хотя там все вкусно, но меня только это интересует.

– Вот я и говорю, что заноза. У тебя каждое слова с подковыркой. Вроде бы не обидно, но жестко.

Они с Дашей проводили Николая Сергеевича в номер «Люкс» ЦКовской гостиницы «Москва», а на следующий день он улетел на Камчатку готовиться к переезду в столицу.

После морозной и снежной зимы Лукина неумолимо тянуло в пробуждающийся после зимнего сна лес на весеннюю охоту. Полая вода еще не сошла в реках и в лесу стояли лужи от талого снега, а на полянах пробивалась зеленая трава сквозь густой слой прошлогодней. Он зашел к начальнику кадров Владимиру Николаевичу.

– Николаевич, скажи, скоро открывается весенняя охота на вальдшнепа на тяге? – спросил Лукин.

– Проснулся. Уже с пятницы из леса слышна канонада. Нас генерал Ивашка приглашал на открытие, но у меня не

было времени, а теперь в эти выходные он звал уже на закрытие. Ты, наверное, хочешь прокатить меня на новой «Волге» с Камчатки? – улыбнулся Крахмалев.

– Нет, на стареньких «Жигулях» поедем.

– А что так? Финансы не позволили? Ты же говорил, что скоро поедешь на Горьковский завод получать ГАЗ-24?

– Видишь ли, Владимир Николаевич, у «старой гвардии» свои понятия по данному вопросу. Водитель тестя разбил свою личную машину и тот отдал ему ордер на новую «Волгу». У меня же есть на чем ездить.

– А при чем здесь водитель?

– Понятия не имею, но факт есть факт. Я не в обиде, но чтобы тестю было стыдно, подарил ему три открытки на покупку мебели для новой квартиры, – улыбнулся Лукин.

– Ну и молодец, по-нашему.

– Тесть предложил записаться на «Волгу», как участнику войны, но я отказался. Ему переезжать в Москву и две машины подряд, это перебор.

– Можем поехать на охоту на моей «Волге» – только ты за рулем. Заедем на птицефабрику за цыплятами и яйцами к Пасхе.

– А какой смысл, поедем на моей, я уже и техосмотр прошел.

– Подожди, надо посмотреть, как у нас распределили автомобили, которые выделили нашей Госкомиссии из Совета министров СССР. Если все распределили, то можно запросить дополнительно для сотрудников управления расследований. Нам не откажут и выделят в течение месяца, – сказал Владимир Николаевич и набрал телефонный номер.

– Маргарита, как профсоюз распределил списки авто-

мобилей и есть ли свободные? – спросил Николаевич. – Все понятно, спасибо. Придержи этот автомобиль. Я тебе перезвоню.

– Значит, так. На «Волгу» и шестые модели «Жигулей» поступило по нескольку заявлений от наших сотрудников, и будут распределены «лучшим из лучших», – Николаевич сделал короткую паузу и улыбнулся.

– А вот к «восьмерке», которую недавно стали выпускать, еще существует подозрительное отношение автолюбителей, а учитывая хорошее отношение к Лукину со стороны руководства, то можно выдать ему. Ты, как к «восьмерке»? – спросил Николаевич.

– Хорошая машина, а главное новая. У нее две двери, но я в основном один езжу, – сказал Лукин.

– Тогда считай, что она твоя, – улыбнулся Николаевич.

– А удобно будет, я вроде бы не ваш.

– Ты вообще непонятно чей, – усмехнулся Николаевич, – зарплату, как у Министра получаешь у нас, мы пишем представления на полковника, а твоя трудовая книжка и личное дело в МВД СССР, потому я даже при желании не смогу написать в твою трудовую, что ты у нас работал. Тебе же в МВД автомобиль не предложат?

– Я выяснял про автомобили, но какой-то деятель прописал в Положении, что сотрудникам резерва Министра внутренних дел автомобили не выделять, – сказал Лукин.

– А ты говоришь неудобно. Посиди у меня, я сейчас забегу к заместителю министра Рудольфу. А твой начальник, Алексей Алексеевич, не будет против? И копи деньги, – улыбнулся Николаевич.

Минут через десять он вернулся в приподнятом настроении.

– Поздравляю, пиши заявление на «восьмерку» – во-

прос решен. Рудольф позвонил Маргарите и попросил вынести решение о выделении тебе автомобиля.

– Николаевич, спасибо. Ресторан «Узбечка» с меня.

Лукин написал заявление и заполнил «открытки» у Маргариты, выяснив, кому какие автомобили достались. В основном получили расследователи: Сергей записался на «шаху», Леонид – на «Москвича-2141», а Валера Литвиненко из отдела военной авиации – на ВАЗ-2109, которая отличалась от «восьмерки» количеством дверей. Он поднялся к Литвиненко, который только недавно вернулся с Камчатки после расследования.

– Валера, я записался на ВАЗ-2108. Других не осталось, а ты решил опробовать похожую модель. Что за машина? – спросил Лукин.

– Эти модели только вышли, но, говорят, хороший автомобиль. Электроникой уменьшили расход топлива, а передний привод обеспечивает большую проходимость. Для охоты и рыбалки самый раз, да и твоя модель дешевле моей на тысячу с лишним.

– Спасибо, уговорил, – улыбнулся Виктор. – Ты недавно прилетел с моей малой родины – Камчатки. Я там раз двенадцать бывал.

– И мне давно хотелось побывать на Камчатке, но не на расследовании.

– Тяжко пришлось?

– Ты сталкивался катастрофой в Комсомольске-на-Амуре, когда самолет сгорел полностью, а у нас он утонул в океане, но тяжело в том, что могли бы кроме командира и других членов экипажа спасти, они ведь сели на воду.

– Наши спасательные службы опять не сработали?

– И не только. У нас по Тихому океану морская граница составляет семнадцать тысяч километров, а по Северному

Ледовитому океану около двадцати тысяч. Всюду летает морская авиация. Мы хорошо экипированы теплой одеждой и мехами для суши, а в холодной воде наши люди совсем не защищены.

– Но давно уже существуют костюмы с подогревом, в которых можно долго продержаться в ледяной воде, – сказал Лукин.

– Такие костюмы есть, но в американской армии. Трагические события на Камчатке еще раз показали нашу беспомощность в суровых условиях.

– Да, я читал только сводку, что дальний бомбардировщик Ту-16 совершил вынужденную посадку в Авачинской бухте и больше ни слова.

Из сводки Госавианадзора СССР:

«26 февраля 1988 года при выполнении полета над Тихим океаном из-за остановки обоих двигателей разведывательный самолет Ту-16Р совершил вынужденную посадку на воду Авачинской бухты в 70 километрах от побережья Камчатки и затонул».

– А что еще можно было сказать, если утонул, – сказал Литвиненко. – Руководитель полетов после доклада командира самолета: «Я – четыреста шестой, прохожу контрольный...» разрешил снижение, задал курс, эшелон и дождался подтверждения. Светящаяся метка самолета вдруг пропала на обзорном экране локатора. РП вызвал 406-й самолет по основному радиоканалу и по запасному, но в ответ тишина. Запросил службу ПВО и другие пункты наведения, но ни на одном индикаторе самолет не проявился. В таких случаях у авиаторов механизм спасательных действий срабатывает незамедлительно. Через двадцать минут вылетел самолет Ан-12 отряда поисково-спасательной службы, а следом взлетел гидроплан. В Ава-

чинском заливе Тихий океан был на редкость спокойным. Погода ясная, что обнадеживало поиск. На закате солнца шуга на поверхности океана рябила, блестела и отсвечивала красным цветом. Самолеты шли на высоте 1 800 метров вдоль берега над морем. В 17 часов экипаж АН-12 услышал позывные передатчика и сработал автоматический пеленгатор. Они развернулись и определили: источник сигнала был где-то под ними, но передатчик работал всего 3 минуты и замолк. Они прошли над тем местом, но в эфире было тихо. Увидев какую-то красную точку, которая то появлялась, то исчезала, подтянули в район поиска гидроплан и два вертолета. Навели вертолетчиков прямо на место, где видели точку, но они ничего не нашли. Ночью мороз стоял около двадцати градусов, а на воде температура близкая к нулю с ледяной шугой на поверхности. Медики утверждают, что человек, оказавшийся в такой воде, может прожить не более получаса. Ночью поиски были прекращены до утра.

– Непонятно. Ведь погода была ясной и тихой, – сказал Лукин.

– Рядом в аэропорту Елизово отряд гражданских вертолетчиков был готов к вылету на поиски экипажа, но Ми-8-м так и не поступила команда на взлет. Пилоты только посетовали на ненужный покров тайны, которым прикрыли катастрофу военные. Командира ТУ-16 обнаружили моряки-подводники случайно утром через семнадцать часов. Атомный подводный крейсер миновал ворота Авачинской бухты и в заливе шел на перископной глубине. Вдали среди шуги подводники увидели что-то красное. Когда всплыли и подошли ближе, то обнаружили спасательную лодку с командиром ТУ-16, который один выжил в суровых условиях. Другая пятиместная спасатель-

ная лодка не была связана фалами с лодкой командира и дрейфовала отдельно с двумя замерзшими штурманами, которых вечером можно было бы спасти. Командира атомной подлодки представили к награде медалью за спасение утопающего. Самолет и других членов экипажа не обнаружили и причины катастрофы были неясны. Глубина в заливе около 150 метров и поиски самолета невозможны. Помимо нашей военной комиссии выяснением причин катастрофы занималась военная прокуратура, но пролить свет мог лишь обмороженный в бинтах командир, который лечился в госпитале. Как всегда появились желающие возложить всю вину на командира экипажа, что он сам ошибочно выключил двигатели и затем не справился с управлением, – сказал Литвиненко.

– Все верно. Самолет лежит на глубине и до него добраться невозможно, а командир выжил. Значит, есть, кого обвинить.

– Командир сначала в бреду говорил, что заходил на посадку от мыса Шипунского, и не было какой-то перемычки, предохраняющей случайное выключение двигателей в воздухе, за что и зацепилась прокуратура.

– Но человек в бреду может говорить, что угодно. Как можно обвинять человека за его же галлюцинации? – спросил Лукин.

– Ты прав, но командир сам потом подтвердил случайное выключение обоих двигателей самолета в воздухе. Когда он смог отвечать на вопросы я поехал к нему в госпиталь, и мы долго беседовали. И мне, и ему хотелось найти ответы на многие вопросы, но кроме его показаний у нас ничего не было. Самолет возвращался из полета на Елизовский аэродром. Командир экипажа доложил руководителю полетов о прохождении контрольного и полу-

чил разрешение на снижение, но на эшелоне 9600 метров командир ошибочно установил рычаги обоих двигателей ниже проходной защелки «малый газ», вследствие чего двигатели остановились. Защелку устанавливают вручную после взлета, чтобы такого не произошло. В кабине ТУ-16 очень шумно от работающих приборов и экипаж не сразу заметили, что они уже не летят, а падают к тому же бортовая аппаратура и локатор подсадили аккумуляторы.

В самолете после остановки двигателей воцарилась угрожающая тишина. Вышли из строя приборы, прервалась связь внутри самолета и с аэродромом. Все попытки запуска двигателей не увенчались успехом. Авторотация тоже не помогла из-за потери скорости, и было принято решение посадить самолет на воду Авачинского залива у побережья Камчатки. Бомбардировщик, весивший около пятидесяти тонн, словно подстреленная огромная серебристая птица со скошенными крыльями, падал в океан. Впереди по курсу экипаж уже видел знакомый берег Камчатки с очертаниями вулкана. Они понимали, что теперь все зависело только от техники пилотирования, но никому ни разу не приходилось сажать многотонный самолет на воду, да еще с выключенными двигателями. Отказ энергетики исключал возможность маневрирования скоростью и закрылками. Они знали, что самолет должен сесть на воду исключительно ровно, иначе на огромной скорости крен на одно крыло может перевернуть и разрушить самолет. Темная поверхность океана быстро приближалась, и второй пилот открыл верхний люк. Самолет в такой ситуации удачно приводнился, коснувшись сначала хвостом, а потом всей плоскостью фюзеляжа и крыльев. Он недолго покачивался на легкой зыби с шугой и стал медленно проваливаться кормой в темную пучину. Из люка оператор-

ской кабины в центре фюзеляжа показался второй штурман с окровавленным лицом. Ему помог выбраться командир, отстегнул парашют и усадил в одноместную резиновую лодку. Они успели лишь посмотреть в сторону кормы самолета, которая уже погрузилась в воду. В кормовой кабине оставались воздушный стрелок-радист и командир огневых установок, но командиру экипажа показалось, что оба прапорщика из кормы могли катапультироваться до приводнения самолета. Они же успели отстрелить пятиместную спасательную лодку, которая покачивалась в четырехстах метрах от них, но, скорее всего, погибли, так как самолет кормой вниз затонул вертикально, и спастись было невозможно.

Добирались до большой лодки на одноместных надувных лодках, но она оказалась перевернутой. Второй пилот влез на ее дно и за бортовые шнуры опрокинул лодку на себя. Двое с командиром разместились в большой лодке, а одноместную привязали к ним, где остался второй штурман. Промокли насквозь и руки онемели, поэтому они не сумели завернуть тугую резиновую манжету и поставить батарею питания на портативную радиостанцию.

Так совпало, что командир соединил рацию с питанием, когда на горизонте появился поисковый самолет Ан-12. Самолет повернул в их сторону и пошел по кругу. Командир передал радиостанцию штурману, а сам схватил маленькую лодку и ее блестящим дном отражал лучи закатного солнца в сторону самолета. Они напряженно следили за кругами Ан-12, но после двух виражей самолет скрылся с глаз. Осталась надежда, что их обнаружил.

Командир спорил со вторым пилотом, кто убрал газ и отключил двигатели. Он уверял, что это сделал второй пилот, а к ночи тот замерз и уже не дышал. Один штурман

замерз, а другой застрелился. Командир, оставшись один, всю ночь боролся с холодом и шевелил бесчувственными ногами, а потом напрягался, когда не мог уже двигаться. Утром, услышав сквозь бредовое состояние, голоса откинул парус, которым укрывался и увидел моряков.

– А почему они не катапультировались?

– Они начали снижение над океаном. Двигатели отключились. Поэтому катапультирование. И без купания в ледяной воде не обошлось бы, а до суши они не дотянули бы. Не смогли они повернуть самолет из-за отказа техники. Шли курсом вдоль берега, надеясь приблизиться к нему. Но многие действия экипажа непонятны в воздухе, да и после приводнения. Я уж не говорю о спасательных службах, которые реально могли найти их еще вечером. Если бы военные подключили гражданские вертолеты в Елизово и с Халактырского аэродрома, который рядом с океаном. Летчики находились в океане в семидесяти километрах от берега, а это почти дома.

– К сожалению, ничего у нас не меняется, чтобы уберечь личный состав, – сказал Лукин.

Они встретились с Литвиненко через две недели и уже по приятному поводу. Очередь на получение автомобилей по распределению Совмина СССР двигалась неожиданно быстро. Лукин с коллегами получили ордера на покупку автомобилей. На тестя он уже не рассчитывал. Слишком правильным он был большевиком. Виктор его не осуждал, а наоборот, поддерживал и гордился, поэтому своими просьбами ему не досаждал. Да и факт передачи новой «Волги» водителю он воспринял, как должное. По-другому и не могло быть у этого человека. Он же заботился и о нем, чтобы Виктор не «сгорел» при перепродаже автомобиля. А он именно так бы и поступил. Зачем ездить на

такой дорогой машине «Волга», если на эти деньги у него была возможность купить четыре автомобиля «Жигули», которые ему больше нравились? Вот если бы он купил старую иномарку, то на работе могли быть «разборки», где взял деньги. А «Жигули» по такой же цене можно было менять каждый год и без вопросов. И хорошо, что он отказался от обкомовской «Волги». Ничем ему не помогали родители его жены, и он ничего от них не хотел. «Сохранил независимость», – шутливо подумал Лукин.

Он впервые держал в руках открытку на получение «Жигулей». Не покупки, а именно получение, потому что денег хватало у многих, чтобы купить автомобиль, но их распределяли среди передовиков производства и партийных работников. Чтобы выбрать цвет автомобиля и его комплектацию, надо было дать взятку в магазине продавцам, которые зарабатывали на этом больше летчиков-испытателей. Но Лукин не умел и не хотел учиться давать и брать взятки. Он решил действовать более проверенным способом: набрал телефон прокурора Советского района Москвы, на земле которого был автоцентр на Варшавке. Они были с ним в приятельских отношениях и такая просьба для прокурора ничего не стоила. Тем более что он не стал бы сам звонить в автоцентр, а попросил бы помочь Лукину их знакомого – знатного грузина Виталия Калистратовича.

Знатный грузин был родом из Кутаиси. Проживал он в одной из башен на Калининском проспекте столицы, да и других грузин не бывает. Если армяне, то они должны быть обязательно богатыми, а грузины только знатными. Виталий был каким-то родственником Эдуарда Шеварднадзе, так как его жена была ему крестной матерью. Ничем он особенно не занимался, как говорят: «без определенного рода занятий». Но его знакомые работали прокурорами

в Москве или в Прокуратуре СССР, а жулики, которые общались с ним, были в основном «законниками». Он нужен был и тем, и другим. Недавно в Москву подтянулся Сергей Васильевич, которого в их компании в шутку называли «СВ». Он отбывал срок в городе Шахты Ростовской области на свободном поселении за мошенничество. Виталий и «СВ» иногда оказывали «юридические» услуги жуликам, выискивая с работниками правоохранительной системы «пробелы» в советском законодательстве, и освобождая их от ответственности, а заодно от излишков наворованных ими денежных средств. Эти маленькие победы над правосудием широко отмечались в банях и ресторанах. Виктор участвовал в финальных мероприятиях, что его вполне устраивало. Виталий позвонил своему земляку директору автоцентра на Варшавском шоссе Нодару, и тот выкатил Лукину белую «восьмерку» из салона-магазина «Березка» с пятого этажа автоцентра.

Виктор оплатил покупку и выехал за ворота. В магазине так быстро все оформили, что не было времени даже осмотреть автомобиль. Продавцы выполняли указание своего директора Нодара, и Лукин не сомневался в качестве автомобиля. Однако надо было потрогать все кнопочки и рычаги, чтобы не заниматься этим при езде. Он припарковался рядом с воротами. Солнышко припекало, и он открыл окошко.

– Скажите, пожалуйста, а чем отличается «Самара» от «Лады»? – спросил парень с девушкой.

– Понятия не имею, – ответил Лукин.

– Но Вы же купили «Самару», – не унимался парень.

– Разве?

– Вы не знали, что у Вас «Самара»? Надо же, как повезло.

А Лукин и сам не успел обратить внимания, что у него «Самара». Он попросил Нодара, чтобы ему дали автомобиль с дворником на заднем стекле, чтобы не бегать вокруг машины с тряпкой и ведром. Тот сказал, что такие автомобили только в «Березке» на чеки. Кто же мог знать, что «Лады» выпускались без задних дворников. И конечно, как можно было выехать из автоцентра, не пообщавшись с представителями солнечного Азербайджана, которые не пропускали ни одного автомобиля, чтобы не предложить выгодную сделку в покупке. На белый цвет автомобиля, который был оклеен липкой лентой с надписью магазина Внешторга «Березка» они слетелись, как мухи на мед.

– Машину белий хотим. Хозяин, может, продашь свой авто? Восемнадцать дадим, – сказал один из них.

– Не могу, сам хочу на новом покататься, – сказал Лукин.

– Девятнадцать тысяч, больше нас тебе никто не даст, – не унимался тот.

Лукин поманил его пальцем к окошку и тот подошел улыбаясь уже состоявшейся сделке, но он сунул ему под нос удостоверение полковника МВД СССР и у того улыбка пропала.

– Ты мне сейчас двадцать отдашь и машины не получишь, ведь вы так же поступаете с теми, кто клюет на ваши дешевые предложения. Передай своим землякам, что через десять минут проведу операцию на Варшавке и посмотрю, есть ли у вас деньги на покупку. Чеши отсюда, пока не поздно.

– Вай, начальник, извини.

Две цены за машину, а кооперативная трехкомнатная квартира стоила около десяти тысяч. Но встать на очередь было еще труднее, чем на автомобиль, да и была у Лукина своя квартира.

Он проехал несколько метров и вернулся к воротам магазина. Охрана видела его беседу с азербайджанцами и, наверное, узнали, кто он и откуда.

– Что-нибудь не так? – спросил подошедший продавец.

– Все не так. Машина гремит как консервная банка и это на асфальте. Что же будет на проселке? Она не рассыплется? – спросил Лукин.

– Да, у нее против шестой модели Жигулей, шумы повышены в салоне.

– А, я думал, что у нее пластмасса не приклеена.

Подошел продавец салона «Березка» и они простучали весь салон.

– Все в порядке. Просто это такая модель. Если хотите, то у нас могут улучшать комфорт этой модели. Снимаем облицовку салона, крепим титановый каркас для жесткости кузова, прокладываем тонкий войлок и вновь клеим облицовку. Из «восьмерки» получается «Мерседес», конечно, по шумоподавлению. А так, конечно, пластик приклеен к металлическому кузову, поэтому и гремит.

– А сколько стоит такой «Мерседес»?

– Тысячу рублей.

– Но это пятнадцать процентов стоимости машины! Нет, спасибо. Не нужен мне такой Мерседес под номером 2108.

Виктор выехал вновь за ворота, где до того толпились «купцы». Он осмотрелся, но те предусмотрительно скрылись. С постановкой на учет тоже не было проблем, так как он проживал в том же районе, где был начальником угрозыска. Пока он пил чай с коллегами в ГАИ, они выдали ему номера с двумя нулями, что для «восьмерки» было сверх крутизны. Все произошло так быстро, что он не успел продать свою старенькую «шаху».

В субботу рано утром Лукин налил в термос горячий кофе и нарезал бутербродов на двоих. Анатолий Прохоров, с которым они дружили еще с завода, уже неделю ездил, как на работу в Южный порт на автомобильный рынок с целью продажи своей «шахи», которую купил после работы в посольстве Китая. Площадка с автомобилями была отгорожена забором из сетки, и Виктор без труда нашел Анатолия и припарковался рядом.

– Привет, как торговля? – спросил Виктор.

– Подходят, спрашивают, осматривают и уходят думать.

– Давай перекусим, у меня кофе и бутерброды с сыром и буженниной.

– С удовольствием. Поздравляю тебя с покупкой. Сейчас бы не кофе, – сказал Анатолий.

– Так нет проблем. После обеда поедем в гараж, ко мне приедут мои бывшие коллеги из угрозыска обмыть машину. Да ты их всех знаешь.

Около «шахи» Лукина остановились двое парней, посмотрели вокруг и подошли к ним.

– Не подскажите, кто хозяин автомобиля? – спросил один из них.

– Моя. А что? – спросил Виктор.

– Продаете? Сколько хотите? – спросил он же.

– Да пока не думал. Приехал товарища подкормить, – слукавил Виктор.

– А если мы три тысячи предложим после осмотра, не надумаете продавать?

– Да можно подумать.

– Тогда откройте капот и заведите машину, – сказал парень.

Виктор открыл капот и запустил двигатель. Они при-

слушались к работе двигателя и попросили дать газу.

– Точно приехал не на продажу. Движок весь в пыли, а работает хорошо, – сказал первый парень.

– Да и машину не помыл, – сказал второй парень.

– Я думаю, надо брать, – сказал первый и обратился к Виктору, – мы готовы прямо сейчас переоформить за три тысячи.

Лукин уже и не помнил, когда покупал подержанную «шаху» за ту же цену, потому не было смысла торговаться, да и новый автомобиль уже стоял в гараже.

– Поехали в ГАИ снимем с учета, – предложил Виктор.

– Натан, – представился первый парень.

– Виктор, – протянул руку Лукин.

В том же ГАИ на Вятской улице их встретил инспектор Николай Степанов, который проводил технический осмотр автомобилей.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – подошел он к Лукину. – Какие-то проблемы?

– Мою машину снять с учета. Ну и обмыть это дело, – улыбнулся Лукин.

– Всего делов-то. Давайте документы, ставьте машину на площадку. Сейчас мы ее осмотрим и номера снимем. На кого оформить транзитные номера и техпаспорт?

– Натан давай паспорт, сейчас оформим, – Лукин передал его паспорт со своими документами инспектору Степанову.

– Никогда бы не подумал, что Вы полковник милиции, – сказал Натан. – А с постановкой на учет не поможете?

– В каком районе?

– В Советском районе, я в Чертаново живу.

– Да нет проблем, только машину помой. В моем районе меня все знают, потому принимают в таком виде, –

улыбнулся Лукин.

Вечером собрались с друзьями в гараже. Анатолий пожаловался в шутку на Виктора, который смог за один день продать свой грязный автомобиль, и он тоже погоняет на своем по пыльным проселочным дорогам, а потом на рынок.

У него опять было неплохо с финансами и было на что отметить получение диплома Ленинградской Академии гражданской авиации. Они вместе с Борисом и Владимиром получили вызов из Академии на госэкзамены и рассматривали учебный отпуск выше очередного. Оплачиваемый отпуск на Белые ночи в Ленинград, о чем еще можно мечтать? Получение дипломов для этих слушателей было простой формальностью, и они предались прогулкам по Ленинграду, Петродворцу и посетили Павловск. По вечерам расписывали пулю и обмывали сыгранные мизера.

– Коллеги, а вам не надоело закусывать в номере сосисками, пельменями и салом? Я понимаю, что в Питере эти продукты вкуснее, чем в Москве, но уже приелись, – сказал Лукин.

– А у тебя какое предложение? – спросил Борис.

– Отметить получение дипломов в ресторане. Я понимаю, что они у нас не первые, но все ровно событие в жизни, а у меня теперь диплом по профилю работы.

– Поедем до Невского проспекта на метро, а там зайдем в какой-нибудь ресторан, – сказал Владимир.

– Какой-нибудь я не хочу. Дипломы будем обмывать в ресторане «Астория», – сказал Лукин.

– Так туда точно не попадешь в белые ночи, – сказал Борис.

– Сейчас что-нибудь придумаем, – Лукин снял трубку

телефона.

Он позвонил знакомому Николаю Седову на Литейный проспект и тот заказал им столик в ресторане. Они доехали на метро до станции Адмиралтейская и, прогулявшись по Александровскому саду до Исаакиевского собора, вышли к ресторану «Астория». Метрдотелю Лукин назвал свою фамилию и тот, расшаркиваясь, проводил их за столик.

– Питерскую ЧК здесь уважают со времен Феликса, – улыбнулся Лукин. – Что будем заказывать? Может быть, сосиски по рублю двадцать и бутылку водки?

– А почем у них огурцы соленые? – спросил с улыбкой Борис.

– Я думаю, на два огурца у нас хватит зарплаты, – засмеялся Лукин.

– Но вы же сказали, что сосиски надоели, а сами собираетесь огурцами солеными закусывать, – недоумевал Владимир.

– Надо классику знать. Так закусывал Киса Воробьянинов, а я предлагаю водку под рыбную солянку, здесь ее готовят классно, да с расстегайчиками, семгой малосольной, икорки пару порций осетровой. Горячее сами посмотрите, что вам нравится, – сказал Лукин.

– А ты что бывал уже здесь? – спросил Владимир.

– С друзьями раньше ездили в Питер на выходные. В пятницу после работы на поезде, а утром в понедельник на работу с пустыми карманами после ужина в «Астории». Зато есть, что вспомнить.

– Что будешь на горячее? – спросил Борис.

– Я бы взял осетрину по-монастырски. Сегодня у нас четверг, а в СССР рыбный день. Не будем его нарушать, – улыбнулся Лукин.

– Однако, – сказал Борис, как Киса, заглянув в меню, – ну и цены у них. Если такой рыбный день был бы у всего населения, то они бы не были против.

– Так это цена за блюдо, а его хватит на компанию из четырех человек, – сказал Лукин.

– Тогда заказывай и пока 500 грамм водки.

– Вот правильное слово пока, – улыбнулся Владимир.

Посидели они хорошо, что не решились ехать на метро, а долго выгуливались по Питеру, когда еще увидишь чудесные белые ночи. На следующий день они могли возвращаться или отдохнуть на берегу Балтийского моря. Обратные билеты были уже заказаны, и они решили ничего не менять, да и отдохнули уже хорошо.

В понедельник они вышли на работу, и Виктор зашел к начальнику кадров, похвалившись дипломом.

– Поздравляю. Ты до этого был единственным специалистом в СССР, который в милицейских погонах расследовал авиационные катастрофы, а теперь стал дипломированным и если захочешь закончить службу в МВД, то можешь работать у нас, – сказал Владимир Николаевич.

– Но сейчас я получаю за милицейское звание и выслугу, а при увольнении буду получать только оклад, поэтому я не тороплюсь расстаться с погонами, – улыбнулся Лукин.

– Я так, для примера, что без работы ты не останешься. Когда отметим получение диплома?

– В любое время, хоть сегодня.

– Нет, пока не получится. Один твой руководитель в командировке, а другой в отпуске, да и тебе по графику пора отдыхать. Давай после отпуска.

– Хорошо, как скажите. После отпуска сезон охоты от-

кроется, – сказал Лукин.

Он договорился как всегда с Борисом, шеф-поваром ресторана «Узбекистан» и пенсионером Анатолием Михайловичем на двух машинах сначала поехать в Крым под Феодосию, где Черное и Азовское море рядом, а позже в низовья Волги под Астрахань в хутор Глухое, в котором сейчас комары лютуют. Они уже не один год отдыхали такой компанией, но на этот раз его жена Даша вдруг решилась отдохнуть в частном секторе Крыма. Конечно, ее надоумила мама, посоветовав Даше не отпускать далеко от себя молодого полковника, да еще на новой машине и на море. Последние годы они отдыхали с мамой в Венгрии на озере Балатон, куда не пускали Виктора в связи с его службой, а теперь они вышли на пенсию, переехали в Домодедово и с путевками ЦК КПСС стало трудно.

Михалыч с Борисом были не против участия в их отдыхе Даши, тем более что в Крыму они жили у хозяйки, и у каждого была своя комната. А вот новая «восьмерка» отреагировала на такое решение своеобразно. Под городом Орлом Виктор заправил автомобиль на бензоколонке, и машина начала чихать. Двигатель дергался и выключался. В автосервисах эту модель не знали, и запчастей никаких не было. Первое, что они могли сделать, это поменять бензонасос, но от другой модели Жигулей. Вроде бы машина поехала, но не более десяти километров, и опять тот же результат. Под капот этой машины впервые поставили электронику в виде коммутатора и электромагнитного клапана на карбюратор, но на станциях не знали, как они работают. Было понятно, что подача топлива засорена. Поэтому ремонт происходил стандартно: продуть карбюратор, заменить фильтр очистки топлива, и так до следующей станции по пути в Крым. В Курске сняли бензобак и промыли. В

нем только глины не было, а другой грязи, сколько хочешь, но машина вела себя безукоризненно недолго. В Харькове заменили еще раз топливный фильтр и машина, как будто ей пинка под зад дали, рванула вперед. Она устала вместе с хозяином от многочисленных ремонтов и соскучилась по свободной скорости. Никакие неполадки ее уже не сдерживали. Чтобы как-то разнообразить отдых в Крыму, Виктор решил проехать с Дашей по черноморскому побережью, по любимым местам.

Рано утром Михалыч с Борисом отправились удить карасей, а он с Дашей поехал в Новый Свет за шампанским на Голицынский завод. Серпантин дороги от Судака до Нового Света кружил по горам, то уходя языками в ущелья, то приближаясь к обрывам, открывая морские дали Черного моря. Прямые участки дороги были не более двух-трех сотен метров, а потом спускались или поднимались к следующему крутому повороту, за которым видимости никакой. Лукин неоднократно ездил по этому серпантину и знал каждый метр, поэтому был всегда предельно внимательным на опасной дороге. В заводском пансионате Нового Света их встретил заместитель директора Саша Егоров, который предложил им пообедать. После обеда они прогулялись по набережной, но от отдыха в пансионате отказались. Они хотели поездить по Крыму на новом автомобиле, а в пансионате пляж да прогулки по набережной, потому их устраивал отдых в частном секторе, когда нет зависимости от расписания отдыха. Да и Виктору не хотелось оставаться в пансионате, где еще все напоминало о женщине, с которой он был здесь счастлив. А какой был вальс под песню «Эти глаза напротив» …

Саша загрузил им багажник три коробки шампанского,

чтобы и на Новый год осталось, и они тронулись по серпантину в сторону Судака. Даша любовалась пейзажами живописного берега, вдоль которого они ехали, а Виктор не отвлекался от шоссе ни на мгновение, так как в некоторых местах на обочине дороги рухнули в пропасть бортики безопасности. И его опасения были не напрасны. Ядовито зеленый "Москвич-412" выскочил из-за очередного поворота сверху, как «Мессершмидт», а Виктор только начал подъем навстречу. Вдруг «зелененький» нырнул на его встречную полосу движения, и он отчетливо увидел лицо носатого хохла, который размахивал руками и что-то показывал в сторону моря своим спутницам. Он, возможно, рассказывал о заповедных местах этого края и о бухте, где снимали комедию «Три плюс два».

Зеленый «Москвич» продолжал движение по встречной полосе «в лобовую» с «восьмеркой» Лукина. Видимо, на их полосе около скал спутницам хохла плохо был виден живописный берег моря. В следующее мгновение Виктор включил дальний свет и нажал на звуковой сигнал, резко нажав на тормоза и приняв вправо, насколько позволяла обочина дороги. Его «восьмерка» просвистела резиной по асфальту и остановилась, а «Москвич» даже не притормозил, и если бы не лобовой удар в автомобиль Лукина, неизвестно смог бы он увернуться от падения в пропасть. "Зелененький" врезался в левую фару «восьмерки», и машину отбросило на полметра к обрыву. Педаль тормоза Виктор нажал до пола и не отпускал, больше он ничего не мог сделать, чтобы избежать удара. За окном его автомобиля резко вниз уходили отвесные скалы горы Орел, и народ на пляже был размером с муравьев. Он прикинул, что высота была около пятисот метров. Вполне достаточно, чтобы никогда не вспоминать о том эпизоде

жизни, да и о других тоже. Даша открыла свою правую дверь и вышла из машины, через ту же дверь пролез Виктор. Его левую дверь заклинило от удара. Он увидел, что правое заднее колесо автомобиля было в двадцати сантиметрах от обрыва и только чудом они не улетели в пропасть. Виктор вновь глянул вниз в сторону моря, и ему стало жутковато.

– Ты как себя чувствуешь? – поинтересовался он у жены.

– Вроде ничего. Немного головой ударилась о стойку машины. Может быть, шишка. А ты как?

– Да ничего. Тоже небольшой удар головой. Со здоровьем, слава Богу, все нормально. Пойду, разберусь с придурком.

Виктор сначала осмотрел повреждения машины. Удар зеленого «Москвича» пришелся в левую фару и бампер под ней. Задняя часть крыла наехала на левую дверь внахлест миллиметров на пять, поэтому дверь не открывалась, а передняя часть крыла смята до колеса. Капот немного деформировался и тоже не открывался. Левая фара была изуродована, и разбито стекло фары, пластиковый бампер незначительно сместился от удара в сторону колеса. Виктор запустил двигатель. Он работал ровно, радиатор цел и не было никаких протечек, значит, автомобиль был на ходу.

«Необходимо оттянуть на пять сантиметров крыло от левого колеса и можно ехать»,– прикинул Лукин.

Убедившись, что может двигаться самостоятельно, он поинтересовался мнением своего обидчика:

– Ну и что думаете делать?

– Извините, я виноват. Можем, поедем в мой автосервис в Новом свете, я там все отремонтирую, ничего не

будет заметно. Будет, как новая. И страховку мы здесь оформим. Я в Судаке работаю председателем клуба автолюбителей, поэтому сделаю все быстро. Меня зовут Федором Пантелеевичем, – представился он.

Виктор прикинул моментально, чего хочет Федор Пантелеевич, владелец зеленого «Москвича». Выправить на его машине покореженную «железку», зашпаклевать и покрасить, но она уже не будет, как новая. Да потом еще и «обуть» его в «своем» Госстрахе. А что у него там все свои, в том у Лукина не было сомнений.

– Ремонт возможен своими силами, если у Вас есть новое крыло, капот, бампер, верхняя облицовка и фара, они взаимозаменяемы и с хорошей покраской можно выйти из положения. Останется потом заплатить только за потерю товарного вида.

– Нет, у нас на эту машину ничего нет. Даже в Москве на «восьмерку» трудно что-то достать. Причем потеря товарного вида, если все взаимозаменяемо? – спросил Федор.

– Вот я и говорю. Никаких деталей нет, а машине всего месяц. Она новая, а вы сейчас налепите и машину с гарантии снимут. Ведь по пластиковому бамперу и облицовке будет видно, что была авария, так как пластик не правится. Вот и осколки стекол фары Вашего автомобиля прошили бампер насквозь.

– Мы все сделаем, что ничего не заметят.

– Сомнения у меня большие на этот счет. А как же потеря товарного вида, ведь машина новая? – спросил Лукин.

– Ну пока машину будут ремонтировать, поживете с женой у меня в Новом Свете.

– И все.

– А что еще?

– Нет, Порфирьевич, спасибо. За тарелку борща я не согласен. Вызываем ГАИ и оформляем аварию, – Виктор специально спутал его отчество.

– Почему за борщ? И зовут меня Пантелеич.

– Да потому, что потеря товарного вида стоит столько же, сколько ремонт. Вызывай сотрудников ГАИ.

Около них остановились несколько местных машин, и Виктор попросил их вызвать милицию, но Пантелеич отводил их в сторону, и они уезжали. Виктор понял, что так ему ГАИ не дождаться. И тут подъехала черная «Волга» с московскими номерами.

– Помощь нужна? – спросил водитель «Волги» земляка Лукина.

– Да, ребята, вызовите ГАИ, а то местные не хотят оформлять.

– А сами как?

– Все нормально. Царапина на ноге и шишка на голове.

– Хорошо. Мы сейчас в Судак заедем в ГАИ и пришлем сотрудников, – сказал водитель «Волги» и тронулся в сторону Судака.

– Ну, хорошо, поехали в Госстрах Судака, там у меня свои люди. Они все оформят, как надо, – Пантелеич продолжал канючить.

– Как раз в этом у меня нет никаких сомнений. Они оформят, как надо Вам. А у меня знакомые в Госстрахе Москвы, и они оформят правильно, как есть на самом деле, – возразил Лукин, хотя знал, что в Московском Госстрахе этот ремонт встанет Пантелеичу в копеечку.

– Но я же сделаю ремонт.

– Деталей нет новых, и разговор окончен. Вы же не собираетесь мне компенсировать сумму запчастей, покраску и потерю товарного вида?

– Я отремонтирую бесплатно.

– Прокофьевич, все. Мы уже договорились, ждем ГАИ.

Виктор, может быть, и сдался Пантелеевичу, но тот не хотел даже торговаться о возмещении ущерба.

– Я бы согласился даже без потери товарного вида, но все детали мне придется покупать за свой счет и без получения страховки, – Лукин сделал последний намек на мирное урегулирование их взаимоотношений.

Он уже прикинул, чтобы время не тратить, заплатил бы ему Пантелеевич за детали и покраску, на том они бы и разъехались, а уж потом Лукин в своем Госстрахе оформил бы повреждения от неустановленной машины и получил бы страховку без этого чудака на букву «м». От тугодумства Пантелеевича ему не хотелось с ним уже общаться на разборах в ГАИ и Госстрахе.

– У меня времени нет, чтобы заниматься с тобой, Пантелеймонович, оформлением протоколов, но у тебя, кроме дешевого ремонта без новых деталей и борща, нет других предложений.

– Да, ничего другого я не могу предложить. Все равно нашу аварию местное ГАИ будет оформлять и в Госстрах тебе придется обращаться здесь, в Судаке, по месту аварии, так что вряд ли ты получишь больше, чем я предлагаю. Сам будешь ремонтировать за свой счет, а может быть и мою машину, потому что ты и будешь виновником аварии, – не удержался Пантелеевич и показал себя во всей красе, как начальник местного клуба автолюбителей.

После таких слов Лукин мог бы забыть на время о своем интеллигентном воспитании и полковнике да врезать Пантелеевичу промеж глаз своим коронным ударом, а потом списать все на последствия аварии, но рядом стояли две его пассажирки и он решил наказать его рублем. Лукин

после разговора с ним понял, насколько тот жаден. Удар рублем был бы для него, как высшая мера наказания.

– Все, ждем ГАИ. Ты меня, Порфирьевич, достал. Зря ты меня раздразнил. Я думал, ты мужичок-простачок, а ты просто охамел от важности своего положения в Судаке. Председатель ВДОАМ. Да к тебе, похоже, и начальник ГАИ с поклоном обращается. Все уже прикинул и решил за меня. Даже калькуляцию, наверное, составил по ремонту своей машины за мой счет. Так что иди пока обсчитывай ремонт своей машины, а я погляжу, как ГАИ разберется.

– Здесь и смотреть нечего. Будет вина обоюдная или ты виноват.

– Ах, ты хохол недодолбанный. Ты меня стоячего чуть ли не скинул с моей полосы движения в пропасть, и я еще виноват?

Виктор только сейчас обратил внимание на «Зелененького», и от первого взгляда у него появилась улыбка на лице. Правильно «восьмерку» назвали в народе «зубилом» по форме машины. Она на самом деле вырубила «Москвича» по диагонали всего передка машины, а переднее левое колесо вывалилось из всех креплений в шаровых опорах или, что там его держало. Радиатору тоже был конец, так как жидкость из него вытекла. А улыбка у него была на лице, потому что Пантелеевич, видимо, в обед пережрал сала и решил его ободрать, как «Москаля» и гостя Крыма.

«Эко важно вышагивает, как гусак животом вперед и вразвалочку. Его аж распирает в этой части тела, то ли от сала, то ли от важности своего положения перед «Москалем», – Лукин не без удовольствия посматривал на Пантелеевича, предчувствуя, что скоро разочарует его

ожидания до глубины души.

В это время подъехала милицейская «буханка», так называли «уазик», с надписью «милиция» на кабине. Вышедшие капитан и лейтенант милиции прямым ходом подошли к Пантелеевичу, поздоровались и посочувствовали. Виновник данного «торжества» отошел с работниками ГАИ в сторону и они о чем-то переговорили.

«Ну и наглецы. Без всякого стеснения показывают свой сговор. Ну-ну», – прикинул про себя Лукин.

– Ничего, Федор Пантелеевич, мы отбуксируем Вашу машину после осмотра домой, – подчеркнуто громко сообщил капитан.

Виктор сразу по их поведению почувствовал недоброе к себе отношение и решил пока «не качать права». Они опять уединились с Пантелеечем и о чем-то шушукались. Капитан милиции, кивая головой, обошел со всех сторон место столкновения и после попросил у Лукина водительские права и документы на автомобиль.

– Так, товарищ Лукин, Вы сегодня выпивали спиртное? – спросил капитан.

– Ни сегодня, ни неделю назад в рот не брал. На отдыхе я кушаю фрукты и отдыхаю, – улыбнулся Лукин, поняв, куда клонит капитан милиции.

– Как же Вы так ездите неаккуратно. Похоже, здесь будет «обоюдка», – сообщил капитан и пошел к милицейской машине опрашивать Пантелеевича.

«Да, видимо, Пантелеевич был уверен, что не заплатит ни копейки за его поврежденный автомобиль, поэтому не хотел двигаться в сторону компенсации ущерба, – подумал Лукин, – и правильно, что вызвал ГАИ, иначе и ремонт был бы обманом. Как только он тронулся бы с места, Пантелеевич послал бы его «подальше» вместе с ремонтом. Но и

при ГАИ тот был уверен в положительном исходе разборок для себя. А, что капитан усмотрел здесь «обоюдку», так это легко поправить. Не хотелось «качать права» своими удостоверениями, но местные «менты» совсем охамели. У них, наверное, свои понятия о законе».

В таких случаях Лукин называл своих «цветных» коллег, которые носили форму, «ментами» и то про себя.

Лейтенант приступил к описанию места происшествия. Лукин, все также молча, подошел к пассажиркам «зеленького». Они смазывали царапины на ногах и руках йодом. По цвету их слегка пышных тел, нетронутого Крымским солнышком, можно было догадаться, что отдыхать они только начинают и весьма неудачно.

– Я извиняюсь, красавицы за доставленные вам неудобства, и заметьте не мной. Вы откуда будете?

– Из Москвы, – сказала блондинка.

– И если сейчас скажите, что едете отдыхать в пансионат завода «Знамя Революции», то я достану из багажника бутылку шампанского, – Виктор мог ошибиться в том предположении, но не намного, потому что почти все отдыхающие Нового Света были с путевками завода, на котором он работал до службы в армии.

– Да с вас шампанское. Мы едем именно туда, – игриво заморгала глазками блондинка.

Виктор открыл багажник и обнаружил, что все бутылки шампанского были целехонькими. Саша знал, что ему везти до Москвы и переложил ячейки дополнительно бумагой.

– Нет вопросов. К сожалению, не могу составить вам компанию. Сами понимаете за рулем. А что хотел показать вам Федор, когда свернул на встречную полосу?

– Ненормальный какой-то этот Пантелеевич. Мы и так

боимся ездить по серпантину в горах, а он еще принялся рассказывать о бухте, где снимали фильм «Три плюс два», и вылетел на вашу полосу, чтобы бухту было видно.

– Я так и подумал, когда увидел его, извините, рожу за рулем. Вы должны мне быть благодарны, что я принял удар на себя, иначе улетели бы с обрыва вместе с Пантелеевичем. Посмотрите, в том месте нет ограждения. Могли бы сразу на пляж угодить, но вряд ли бы получили удовольствие от купания, – Виктор специально «разогревал» свидетелей аварии.

– Мы с середины дороги увидели весь этот ужас внизу, а вам большое спасибо. Мы не слушали Пантелеевича, который повернулся к нам во время столкновения, и видели, как вы пытались предотвратить столкновение. Так, что шампанское с нас, – сказала блондинка.

– Нет уж дамы, извините, слово офицера, – Лукин предал ей бутылку и достал блокнот с ручкой.

– Вы не против, если я запишу ваши телефоны в Москве и, думаю, что они мне понадобятся только для того, чтобы рядом с заводом в ресторане «Советский» выпить с вами еще одну бутылку шампанского, а с этим делом я сам справлюсь.

– Конечно, запишите. А вы хорошо знаете наш завод? Вы там работаете?

– Работал, но это было давно. В пансионате скажите заместителю директора Саше Егорову, что шампанское не разбилось, а остальное мелочи.

Лукин на глазах у изумленных сотрудников ГАИ записал их телефоны и передал им бутылку шампанского. У них не возникло сомнений, что пассажирки Пантелеевича будут свидетельствовать не в его пользу. Да еще председатель клуба занимался частным извозом от Симферополь-

ского аэропорта до Нового Света, а Лукин знал, какие цены объявляли те хапуги.

Тем временем капитан милиции приступил к опросу Даши и готовил почву для получения объяснения Лукина. И первый вопрос к Даше был о выпивке, и когда Лукин принимал спиртное. Виктор достал из багажника машины фотоаппарат «Зенит» последней модели, а всего у него было их семь штук, которые он получил, как ценные подарки за раскрытие особо опасных преступлений и поимку жуликов. Виктор со знанием дела сделал несколько снимков места происшествия. Количество осмотров, которые он провел за время службы, исчислялись сотнями. Вид спереди и сзади, потом он поднялся на гору и сделал вид сверху, который отражал схему места происшествия в точности, а не то, что собирались нарисовать гаишники. Капитан с лейтенантом только ухмылялись его мероприятиям, а Лукин подошел к своей машине, положил рядом с правым задним колесом коробок спичек и сделал несколько снимков, показывающих, что его колесо находится за обочиной и до обрыва 20 сантиметров. Этот прием съемки навел лейтенанта на трезвые мысли.

– А вы, товарищ Лукин, что знакомы с криминалистикой?

– И не только, лейтенант. После осмотра поеду в Симферополь к начальнику УВД Крыма Николаю Петровичу. Он даст команду распечатать эти фото, вызовет начальника милиции Судака с вашей фальсификацией места происшествия, а утром вы с капитаном будете уже на «гражданке» заниматься подвозом пассажиров от вокзалов на отдых.

– А вы что нашего генерала знаете?

– Это он меня знает. Лейтенант, не хотел я козырять

удостоверениями, но, видимо, ваш капитан не разбирается в авариях, и его надо перевести в участковые. Моя машина стоит на краю пропасти. «Москвич», ударивший меня, полностью находится на моей, на встречной для него полосе. На место удара показывают многочисленные стекла и осыпавшаяся грязь, то есть на полосе встречного движения, и капитан говорит, что здесь «похоже обоюдка». – Лукин развернул удостоверение МВД СССР, разрисованное вензелями, как бубновый туз, и для пущей важности удостоверение Совета Министров.

Лейтенант пробежал глазами по надписям в удостоверениях, и сквозь южный загар было видно, что на его лице появилась местами краснота.

– Прежде, чем меня опрашивать, лейтенант, произведите осмотр места аварии, сделайте фотографии и осмотр машин, а потом уже поговорим о моих показаниях. Если нет фотоаппарата, то попросите меня сделать это. Идите, доложите капитану и выполняйте свои обязанности, как положено, а я пока сделаю еще фотоснимки аварии для доклада Министру.

Виктор слышал, как лейтенант, запинаясь, видимо, от избытка чувств и эмоций, доложил капитану:

– Лукин, полковник милиции МВД СССР, работает в Совете Министров. Он все отснял для доклада нашему генералу.

А Виктор отщелкал и личности сотрудников ГАИ вместе с Пантелеевичем, который тут же закрутился вокруг них, чувствуя, что от их договоренности не осталось и следа.

– Товарищ полковник, разрешите, мы сделаем замеры аварий и составим схему? – спросил капитан.

– Вы лучше меня знаете, что надо делать. Я не вмеши-

ваюсь в вашу работу.

Виктор был уверен, что после таких удостоверений капитан был готов обвинить в аварии родную мать, не то чтобы Пантелеевича, руководителя автоклуба, с которым они вместе с ГАИ выдают водительские удостоверения. Лукину было их не жалко, они долго выпрашивали своим поведением и охамели до предела. А был бы он простым гражданином? Капитан приступил к описанию повреждений автомобиля.

– Товарищ полковник, можно открыть капот? – попросил он.

– Нельзя. Его заклинило от удара, он не открывается, и левую дверь тоже перекосило, наверное, стойка пошла, поэтому не надо доламывать. Все откроют на автосервисе. От этого может и лобовое стекло вот-вот треснет.

– Я сейчас открою, там всего-то пять миллиметров перекосило крыло, и оно мешает двери, и капот открою, – подсуетился Пантелеевич.

– Не надо, Порфирьевич, не трогай машину. Вы свое поганое дело уже сделали. Капитан, так и запишите, как есть, что дверь левая и капот не открываются из-за повреждений от удара и стойка «пошла», а на сервисе, наверное, обнаружат, что и лонжероны «пошли». Удар-то лобовым был.

– Хорошо, так и укажу.

– Ага, а потом при осмотре в Госстрахе появится целый список скрытых дефектов от удара, – Пантелеевич начал догадываться, что может сделать с ним Лукин. От его хамства и надменности не осталось и следа.

– А я сейчас не знаю, что там под капотом. В этом углу стоит аккумулятор, здесь же радиатор и многое другое.

– Но машина ведь заводится.

– Парамонович, мы с Вами уже все обсудили и пришли к выводу, что будем оформлять по правилам, а машина завелась и заглохла. Я не могу рисковать новым автомобилем и потащу ее на веревке до Феодосии. Там, в автосервисе, посмотрят, что к чему.

– Почему Вы меня называете по-разному?

– Да отчество у Вас заковыристое, никак не могу запомнить, – улыбнулся Лукин.

Сотрудники ГАИ усмехнулись в кулачок, понимая, что Пантелеевич «попал».

– Тогда зовите меня просто Федором, в автосервис будет проще заехать в Судаке.

– Где у вас все знакомые. На этом, Федя, давайте закончим наше общение. Пусть за нас скажут сотрудники ГАИ и Госстраха.

– Конечно, они скажут в Вашу пользу.

– Вы же обещали сделать меня виновным и отремонтировать свою машину за мой счет или свести на «обоюдку», а первоначально сами признались, что виноваты. Так бы оно и было, если на моем месте был простой гражданин или, как ты называешь «Москаль», но он оказался полковником из МВД. Все, я от Вас устал.

Капитан окончил осмотр. Они все подписали протокол.

– Товарищ полковник. Вы меня извините, не разобрался.

– Я все понимаю – друзья-товарищи, но от этого не должны страдать честные граждане, капитан. Кстати, опросите пассажирок «Зелененького» и направьте материалы в ОБХСС за частный извоз на вашего Председателя автоклуба и за нарушение правил движения накажите. Я проверю.

– Хорошо все сделаем. Вам нужна наша помощь в буксировке? – спросил капитан.

– У вас найдется в машине тяжелый молоток и деревянный брусок? Бампер и крыло надо оттянуть от колеса и можно ехать.

– Это мы сейчас сделаем в миг.

Лейтенант попросил своего водителя помочь и тот достал молоток, брусок и монтажки.

– Если хотите, товарищ полковник, то у него есть хороший автосервис.

– Спасибо, мне бы поправить крыло и капот, чтобы до Москвы доехать. Мне надо позвонить и зарегистрировать факт аварии в Госстрахе в Москве. Да и справку об аварии получить бы сразу, а то потом письменные запросы не дождешься.

– Поедем сейчас с нами в отдел ГАИ, и все сделаем. Вам все ровно по пути.

Водитель милицейского УАЗика и лейтенант ловкими ударами молотка по бруску поставили крыло и бампер на место, а искореженную фару обтянули целлофановой пленкой. Пантелеевич явно ревностно наблюдал за процессом.

– Капитан, вы же обещали меня отбуксировать домой? – спросил он.

– Вы что? Мы этим не занимаемся. У нас еще вызовы есть. Поедемте, товарищ полковник, – капитана словно подменили, и их дружба с Пантелеевичем дала трещину.

Лукин включил фары, и галогеновая лампа разбитой фара залилась ярким светом. Правда, светила она не в ту сторону, но от увиденного Пантелеевич был готов укусить себя за яйцо. Машина была на ходу, но самое главное, что они живы и здоровы. Да, крепкую машину сделал Авто-

ВАЗ. «Зубило», одним словом.

В Судаке капитан зашел к директору автосервиса, и его машину загнали в бокс.

– Что надо сделать? – спросил директор.

– Немного поправить крыло, можно молотком и закрасить места правки кистью без шпаклевки. Сделать, чтобы особо не бросались в глаза следы аварии, – сказал Лукин.

– Оставите машину на сутки? Мы все сделаем аккуратно.

– Нет, ребята, мне деваться некуда, да и мои друзья будут волноваться. И ремонт пока не нужен, мне еще показать в Госстрахе, – Виктор знал, что для милых девчонок из Госстраха достаточно будет фотографий и справки ГАИ, да еще его улыбающегося личика, а остальное Катюша с Надеждой сделают, как надо.

Лукин предупредил Михалыча, что может заночевать в Новом Свете в заводском пансионате, который начинал строить в юности, где его с радостью приютили бы, потому как помнят «солдата Шадрина». Так заводские его окрестили, когда он работал на заводе во время службы в армии рядовым срочной службы. Но ему хотелось побыстрей уехать отсюда.

– Ну хорошо, пару часов нам дадите? – спросил директор.

– Вот это другой разговор, а я пока с капитаном оформлю справки об аварии. Блеск не наводите.

– Мы все поняли.

После оформления справки и легкого ужина в кафе их с женой привезли в автосервис. Мастера уже ставили обратно бампер и капот. Они поправили крепления бампера, и он встал на место, крыло вытянули с нагревом, кроме ребер жесткости и покрасили белой эмалью вместе с ка-

потом и верхней облицовкой. Краска немного отличалась оттенком белого, но сделано было аккуратно за два часа. В фару вставили пятимиллиметровое оргстекло и отрегулировали свет, чтобы дорогу освещала, а не небо, как ранее.

– Вот все, что смогли за два часа, – сказал директор.

– Я даже такого не ожидал. Если вблизи, то видны следы аварии, а подальше отойти, совсем новая машина. Сколько я вам должен? – спросил Лукин.

– Такая работа у нас не оценивается. Мы понимаем, что эти детали будут заменены и выброшены, потому все вопросы к капитану.

– Ничего не надо, товарищ полковник, это компенсация за мою недальновидность при осмотре аварии, хорошо? Вы не в обиде на меня?

– Ну, Вы тоже меня извините. Может, был излишне жестким.

– Все нормально. Я бы на Вашем месте не такое устроил бы.

– Вот в этом я не сомневаюсь, поэтому останемся на своих местах, – улыбнулся Лукин.

– Вы в «семисотке» отдыхаете. Если будет скучно, то милости просим к нам, в Судак, или в Новый Свет.

– Спасибо, капитан, у меня здесь много друзей и знакомых в Новом Свете, поэтому не остался там ночевать, иначе бы это закончилось бы стрельбой шампанского на царском пляже или в гроте Шаляпина не на один день, а я хочу отдохнуть без алкоголя.

– Я понимаю. Еще раз извините.

– Да, все в порядке. Бывает. Может, все-таки заплатить ребятам за работу, я не обедняю, пусть скажут сколько. Они же работали.

– Товарищ полковник, все нормально. Я сам разберусь. Они ко мне чаще обращаются, и я тоже с них не беру.

– Ну, спасибо, тебе видней.

– Счастливого пути.

В «семисотку» Виктор приехал, когда уже стемнело. Фара светила идеально и через оргстекло выдавало пучок света без рассеивания, как прожектор.

– Вы чего по ночам раскатываете. Могли бы и там заночевать? – поинтересовался Михалыч.

– Да в небольшую аварию попали на том серпантине, где ты меня обучал езде по горным дорогам.

– Вижу, что сами целы, а машина как?

– Пошли, покажу.

Михалыч обошел вокруг машины, но ночью следов аварии совсем не было видно.

– Ну и где авария? Опять шуточки.

– Посмотри левую фару.

Михалыч потрогал фару, капот, крыло. В полутьме места правки железа были незаметными, но под рукой ощущались.

– И отремонтировать успел. Ну, мастер.

– Это не я, а гаишники. Налейте мне сто грамм, немного переволновался.

За столом с жареными карасями Виктор в двух словах поведало случившимся.

– Да, сволочь большая этот Федор, и правильно сделал, что поставил их на место. А попал бы, не дай Бог, я в такую ситуацию, то «обули» бы по полной программе. Молодец, а в Москве тебе все сделают, эти детали меняются, и не будет видно, что отремонтирована. Можем ехать на Волгу, в хутор Глухое. Даша, ты с нами? – спросил Михалыч.

– Пожалуй, я уже вкусила все прелести дикого отдыха и в Москву поехала бы поездом из Феодосии. А вы можете продолжать рыбачить.

– Мне все равно надо в Москву, оформить в Госстрахе аварию, так что смотри, можем еще пару дней отдохнуть здесь, а потом вместе в Москву, – сказал Виктор.

– Нет, я, пожалуй, поездом, – настояла Даша.

– Хорошо, я не против. Видимо, тебя напугала авария? Тогда зачем себя нервировать дальней дорогой на машине. Когда ты хочешь поехать поездом в Москву?

– Одновременно с тобой. Ты на машине, а я на поезде.

– Хорошо, договоритесь. Вещи и фрукты я привезу, возьми с собой, что необходимо в поезде.

Утром они поехали на дикий пляж Азовского моря с пакетом жареных карасей и фотоаппаратом. Природа Керченского полуострова и берега Азовского моря совсем не такие, как на Черном море. Природа здесь особая и неповторимая. Дорога тянется по степи с холма на холм, но стоит свернуть влево в сторону моря, и ты оказываешься на диком пляже Татарской бухты Казантипского залива. И ни одного человека, словно рай земной стал лично твоим. Высокие берега из ракушечника розового и желтого цвета оберегают твое тело на пляже от ветров. Под ногами мелкий песок с ракушками и абсолютно прозрачная вода среди небольших рифов, обросших ракушечником. И много различных рыбок, как в аквариуме.

Дождей в Крыму бывает мало, поэтому грунтовые дороги по глине, ведущие к заповедным местам, накатаны, как асфальт. Народ здесь отдыхает в основном в выходные дни на автомобилях, иначе сюда не доберешься. И кто еще поедет из Москвы в такую глушь, а эти места надо еще знать. Тонкое сочетание запахов степных трав и морского

воздуха в другом месте не почувствуешь. Знали бы об этом нудисты. А то выйдут на людской пляж Черного моря, где присесть негде, и трясут своими безобразиями в открытую. Да, было бы еще на что посмотреть, а то один срам. В Арабатском заливе тоже очень красиво, и он рядом с их домом в «семисотке». И, конечно же, Сиваш.

– Даша, поехали, посмотрим закаты на Сиваше? – предложил Виктор.

– А это далеко?

– Пешком можно пройти. Хозяйка обещала приготовить сегодня настоящий украинский борщ и вареники с вишней и картошкой, так что надо аппетит нагуливать.

– Да, на счет вкусно покушать у Галины получается идеально. Она, кажется, тебе симпатизирует.

– Это ты брось, у нее муж и она не в моем вкусе.

– Муж-то в больнице, в Керчи, работает, и по три дня не бывает дома.

– Я когда здесь отдыхал без тебя, и то на Галину не поглядывал. А уж теперь тем более. Так что прекрати прикалывать. Сейчас Михалыч с Борисом, наверняка, промышляют карасями. Они тебе еще не надоели?

– Нет, они вкусные.

Михалыч облюбовал с Борисом пруды, заросшие камышом и соединенные оросительными каналами, где караси заглатывали червей вместе с крючком. Очень они их любили, а в местной глине они не водились. Они с Дашей спустились по проселку с очередного холма, и спереди на горизонте появилось далекое марево залива Сиваш. Машина катила по высокой влажной траве.

– Ты уверен, что дальше можно ехать, и мы не утонем в жидком грунте? – спросила Даша.

– Пожалуй, да, надо держаться поближе к холму.

Окошки машины были открыты, и им по носу удрал запах сероводорода, похожий на протухшие яйца.

– Сейчас поднимемся на холм, оттуда вид лучше и таких запахов нет.

Виктору припомнилась красивая казачка Ольга из Липецка, с которой он два года назад познакомимся на местном пляже в Каменском. Потом они объехали все Черноморское побережье. Как же с ней ему было уютно отдыхать. В их отношениях не было тени напряжения, а может быть, море и солнце все сглаживали? Хотя нет, они явно были влюблены. Сейчас тот же воздух и море, все отлично и отношения у него с женой хорошие, и все-таки что-то не так, как он представлял семейную жизнь. И совсем не факт, что у них нет пока детей, это вполне еще поправимо. Но, скорее всего, Даша отравила в нем те первые нежные чувства к ней своим неправильным поведением в начале семейной жизни, и теперь он никак не может настроиться на семейный лад. Поэтому ему вспоминается красавица казачка.

Значит, что-то не так получилось в его личной жизни. Вспомнилось, как они с Ольгой встречали закаты на Арабатской стрелке, когда малиновое солнце медленно опускалось в Сиваш, и все вокруг становилось малиновым, как художники-фантасты изображали Марсианские картины. Потом они гуляли до утра по берегу Черного моря. В районе залива Сиваш ночью комары могут испортить все впечатления от красоты, а на Черном море воздух свежее, и всегда небольшой ветерок. Потом он провожал ее в Феодосию, где она остановилась, и возвращался утром отсыпаться в «семисотку» под шуточки Михалыча и косые взгляды хозяйки Галины. А Даша говорит, что хозяйка к нему неравнодушна. Да, Галина видела Ольгу и могла быть

неравнодушна, только видя его неустроенность в жизни.

Обратно через Каменку они с Дашей вернулись в Семисотку. За ними осталась Арабатская стрелка – длинная песчаная коса, отделяющая Сиваш от Азовского моря. Очень интересное историческое место. Они с Ольгой облазили и Арабатскую крепость, повидавшую многое на своем веку, а теперь заросшую кустарником. Здесь проходила граница Босфорского царства. Но его приятные воспоминания оборвал Михалыч, который встретил их у калитки. И надо сказать вовремя. Как можно прогуливаться с женой, а вспоминать другую женщину, с которой любовался теми же красотами.

– Виктор, к тебе гости из Судака приехали, – сказал Михалыч.

– Откуда они взялись? Я никому, кроме капитана из ГАИ, не говорил, что отдыхаю в «семисотке», но и он не знал, в каком доме.

– Эх, ты, сыщик. Село-то всего с десяток домов, так что все приезжие на виду. Это не курорт на Черном море, – улыбнулся Михалыч.

В это время у калитки нарисовался Федор Пантелеевич со своим другом.

– Ну, и что ты ходишь, тревожишь отдыхающих. Кто тебе дал мой адрес, капитан? – спросил Лукин.

– В автосервисе, где ремонтировали вашу машину.

Виктор вспомнил, что говорил директору, что отдыхает в «семисотке», а остальное труда не составляло выяснить, к кому приехала белая «восьмерка» из Москвы.

– Ну и что ты хочешь, Федя? – поинтересовался Виктор.

– Хочу договориться.

– Мы уже все обговорили и протокол в ГАИ составили.

– Я договорился с начальником милиции, и протокол могут убрать, если вы согласны.

– А мне это надо? Как я буду выглядеть в лице сотрудников ГАИ? Ты об этом подумал, Федор?

– Они поймут.

– Что именно?

– Ну, давайте я сделаю Вашу машину.

– Мы об этом тоже уже говорили. Или нашли детали, которые надо заменить?

– Нет, деталей в Крыму нет.

– Говорить больше не о чем. Если бы даже я согласился переписать протокол в милиции, что будто бы повреждения получил от столкновения со столбом, то мне бы не оплатили потерю товарного вида машины. Вы готовы это сделать?

– А сколько это?

– Примерно сумма равная ремонту машины. Может быть, рублей двести. Более точно скажут в вашем Госстрахе. Я не думаю, что они сильно занизят сумму даже для Вас.

– Нет, я не согласен. Вместе с ремонтом и стоимостью деталей получится восемьсот рублей, – замотал головой Федор, который уже заранее все просчитал. – А потом Вы уже отремонтировали машину, и какой Госстрах оформит Вам страховку? Я буду писать об этом жалобу.

– Знаешь что, Федя. У тебя с головой не все в порядке. Или ты здесь возомнил из себя большого начальника? Мало того, что ты обещал свалить свою вину в аварии на меня, чтобы я сам ремонтировал за свой счет обе машины, и теперь продолжаешь шантажировать. Объясняю для таких непонятливых, как ты. Место аварии вместе с твоей машиной и сотрудниками ГАИ я сфотографировал, а

места повреждений машины отснял детально. Случай зарегистрирован в Москве по телефону. Этого достаточно для Госстраха в Москве и еще подтверждено справкой из ГАИ.

– Капитана накажут за эту справку.

– Ну, ты совсем, Федор, оборзел, и если сейчас не уберешься, то я вызову милицию, местную, а не из Судака. А ты хотел, чтобы я ехал в Москву на буксире или чтобы меня «обули» в Госстрахе вашего Судака?

– У Вас все равно не получится со скрытыми дефектами. Машина на ходу и у меня есть свидетели.

– Да, машина на ходу, но внутри под капотом многое чего треснуло, и эти детали могут выйти из строя по дороге в Москву. Вы будете вызваны на осмотр машины телеграммой московского Госстраха. Я не хотел этой волокиты, мне было бы проще оформить повреждения без Вас, как будто мы с Вами никогда не встречались, потому что не испытываю большого удовольствия видеть Ваше личико. Но Вы отнимаете у меня драгоценное время, и сейчас мешаете отдыхать. Твой наглый напор вполне объясним. Ты, наконец, понял, что может сделать с тобой полковник в Москве. Но еще раз увижу тебя рядом со мной, то напишу заявление, что Вы мне угрожаете и матом ругаетесь. Получишь ты в местном суде арест на две недели и один день,– так Лукин называл административный арест на пятнадцать суток.

Виктор развернулся и пошел в дом.

– А он ничего нам не сделает? – спросила Даша.

– Он все уже сделал. Ты когда хочешь уехать?

– Завтра поезд около 19 часов из Феодосии.

– Хорошо, я тоже поеду, но рано утром послезавтра.

Виктор проводил Дашу на поезд и договорился с му-

жиками о встрече на хуторе Глухое на берегу Волги. Рано утром, как только забрезжил рассвет, Виктор рванул по пустому шоссе домой. Справа мелькнул вид на Азовское море, а слева уже вскоре показалось Приморское с берегом Черного моря, на который накатывали белые гребешки небольших волн. Дальше дорога на Симферополь шла через Крымские горы по холмам и степям.

Перед указателем на Севастополь он, как на автомате, нажал на тормоза и остановился. Лет двадцать назад и потом позже он рвался в этот город. Там жила Наташа, которая в далекой юности «присушила» его так, что он до сих пор тормозит у знакомого названия ее города в надежде увидаться с ней. Казалось бы, все прошло. И любовь была после разлуки с ней и теперь вот женитьба, а нога все ровно надавила на тормоз. А все ли прошло? Если бы не было той разлуки, то не было бы его скитаний в поисках той, которая была способна перебить те чувства. Как говорят, клин клином вышибают. Тогда не было бы Парижа и Камчатки, да многого чего не было бы. А может он придумал такую Наташу, чтобы пуститься на поиски своего счастья, как Иванушка-дурачок из сказки? Или Иван-царевич все-таки на сером волке? Он понимал, что в Севастополь не поедет. С Наташей проще было встретиться в Москве, но этого делать не надо было, а очень хотелось.

«А если нельзя и очень хочется, то можно», – заключил Лукин, но повернул на Симферополь.

Отдых на море был скоротечным, и дорога домой было быстрой. В Москву въехал до полуночи. Усталость почувствовал после душа, да красные глаза выдавали напряжение от дороги в полторы тысячи километров, что он покрыл за двадцать часов. Вскоре позвонила Даша с вокзала.

– Здравствуй, я позвонила и не надеялась услышать тебя. Ты, что на самолете прилетел?

– Привет, я подъеду на Курский вокзал?

– Вещей у меня нет, и метро еще работает, подъезжай к метро Новослободская.

– Хорошо, до встречи.

Утром в Госстрахе его встретила всегда улыбающаяся белокурая красавица Катерина. Между ними давно установилась взаимная симпатия, которая никогда не выходила дальше улыбок и комплементов. Иногда они с другом Прохой заезжали к девчонкам раскатить пару бутылок шампанского под фрукты и конфеты. Так они отмечали полученные суммы за повреждения своих автомобилей. Один раз ребята «схулиганили» и обратились повторно в Госстрах с разбитым лобовым стеклом, не производя его замену после получения первого "жука" на стекле, но в эту маленькую мошенническую хитрость они не посвящали девчонок, а они им доверяли, глядя в их честные глаза и обезоруживающие улыбки. После бокалов шампанского Лукину даже казалось, что он влюблен в Катерину, но он знал, что у нее есть друг, его коллега с Петровки, 38 и тоже женатый, поэтому и Катерина незамужней ходит. И это удивительно, что она такая красивая и характер золотой, а вот неустроенная в личной жизни. Но Лукин ничего не мог ей предложить по кардинальному изменению ее, и его семейного положения. А потом он уже знал, что после шампанского чувства обостряются, а семья у него уже есть.

– Алексей, можешь осмотреть машину нашего товарища Лукина? – спросила Катерина своего коллегу.

– Конечно. Давно уже ждем. Я могу и так все описать, но лучше поедем в автосервис на подъемник.

В автосервисе машину подняли, осмотрели. Сделали замеры по кузову и лонжеронам.

– Ну что я могу вам сказать, – начал независимый эксперт или, как они называли его, инженером, – вам крупно повезло. Кроме тех деталей, крыло, капот, бампер, остальное не повреждено. Ответчик у нас в Крыму, правильно?

– Да, и паразит попался редкостный, – Виктор в двух словах объяснил Алексею, с кем пришлось столкнуться на «самостийной Украине».

– Есть возможность поставить его на место ударом по карману. Как он потянет?

– Думаю, что да. Кроме сдачи двух домов отдыхающим с большим хозяйством, он еще председатель клуба автолюбителей, а это водительские права, стоянки, гаражи и все это в Крыму на берегу моря, – сказал Лукин.

– Намек понял. Что здесь могло быть повреждено при таком ударе, и что нельзя увидеть визуально. Это поврежден лонжерон, левая полуось колеса, вся железка левой стороны с креплениями бампера, фары и облицовки. Пошла левая стойка, ну и все, что описано в ГАИ, не считая трещин в аккумуляторе, радиаторе, распределителя зажигания. Вот это на первый взгляд. Я готов сегодня дать телеграмму о вызове товарища из Крыма через три дня. Он вряд ли поедет в Москву, а сколько Вам еще отдыхать в отпуске?

– Да, я рассчитываю побыть несколько дней в Москве.

– Тогда я продублирую еще одной телеграммой его вызов через пять дней, чтобы соблюсти все формальности, и прошу Вас на осмотр прибыть с машиной еще раз. Я все уже описал, поэтому сделаю остальное быстро. Все детали, которые съемные для потери товарного вида погоды не делают, а вот стойка и лонжерон могут потянуть на опреде-

ленную сумму. Резину не жуем?

– Вроде бы нет, – улыбнулся Лукин, а потом понял, к чему клонит Алексей и добавил, – хотя нет, жует и переднее левое колесо придется менять.

– Ну и хорошо. Так и запишем. До встречи.

Виктор поехал к Нодару в Варшавский автоцентр. Но и там не было железа на "восьмерку". Они оформили заказ на ремонт через месяц, и к этому времени должны подвести все необходимое. Единственное, что ему повезло купить левую блокфару, которую он решил поменять после осмотра в Госстрахе, а остальное еще терпит. Вот так машину выпустили, а запасные части еще не успели. И это при его знакомствах, и только через оформление наряда на ремонт, который возможно придется делать в другом месте, так как на Варшавке запись на год вперед.

На третий день Виктор явился в назначенный час в Госстрах, думая, что осмотр не состоится, и будут ждать еще два дня из Крыма его обидчика. И каково было удивление Виктора, когда он увидел Федора Пантелеевича при входе в Госстрах. Он зашел к инженеру Алексею.

– Приехал твой. Видно, не жалко ему ни времени, ни денег на поездку. Похоже, на самом деле жаден куркуль, но его приезд ничего не меняет. Я все повреждения опишу, как положено.

После общеизвестных повреждений пошло описание стойки, лонжерона, полуоси и другого.

– Но позвольте, где это видно, что они повреждены? – спросил Федор.

– Это установлено моими замерами в автосервисе, и визуально это определить невозможно.

– Я понял, это скрытые дефекты.

– Да, да, именно они. Распишитесь об участии в

осмотре.

– Я ничего подписывать не буду.

–Тогда зачем вообще приезжали? Свидетели осмотра, попрошу расписаться и зафиксировать присутствие обоих сторон на осмотре, – сказал Алексей.

– Я хочу заявить, чтобы мне выдали все детали, которые будут заменены за мой счет – сказал Федор.

– Но они же поврежденные.

– Ничего, бампер почти цел, да и капот с дверью можно отремонтировать, а таких деталей в Крыму нет.

– У Вас машина «восьмерка»? – спросил Алексей.

– Нет, я их продам.

– Это Вы решайте с владельцем автомобиля, но я думаю, что после ремонта, не раньше.

– Нет, я хочу получить сразу, как с меня высчитают деньги за ремонт.

– Но его надо еще произвести.

– Не обязательно. Я не могу годами ждать.

– Я все понял. До свидания.

– Лукин, так, когда я могу получить свои детали?

– Федя по данному вопросу лучше обратиться в сервис, где я буду проводить ремонт через год, а уж если решил сделать бизнес на утиле, то лучше подъехать на помойку рядом с автосервисом. Там столько всего от ремонта автомобилей, – сказал Лукин.

Когда они остались одни с Виктором, Алексей ему посочувствовал.

– Да, тугой мужик на всю голову. Из Крыма приехал на осмотр, чтобы покореженные детали с машины поснимать. Я все понял.

Понятие Алексея выразилось в ремонте машины на сумму тысяча семьсот рублей, и потеря товарного вида на

восемьсот рублей, а это почти треть стоимости машины.

Настроение у Лукина явно поднялось. Федор Пантелеевич выпросил, что хотел, и даже при осмотре проявил свою гнилую сущность. Лукин считал, что совесть его чиста. Это была плата Федора Пантелеевича за причиненные ему неудобства во время отпуска и, главное, за попытку "обуть" его по полной программе. Как говорят, "подкоп нарвался на подкоп", но ему хотелось уже думать о хорошем. Пора ехать в низовья Волги к друзьям. Он заменил блокфару и отправился в путь.

Ребята встретили его ухой из стерляди на берегу Волги, ведром вареных раков с различной зеленью и пивом. Да, конечно, была «черняшка» на белом хлебе с маслом под запотевшую рюмку водки. Борис с Михалычем уже устали отдыхать на Волге, пока он мотался в Москву, да и Виктору было уже скучно от рыбалки в мужской компании. Дневная жара астраханских степей выматывала, а вечером доставали комары. Просто он посмотрел на всю красивую экзотику. Но, с другой стороны, надоело «цыганить», живя в палатке и готовя еду на костре. Хотя был еще положительный момент в таком отдыхе. На берегу Волги тратить деньги было не на что. Рыбу они ловили в реке, а помидоры на рынке стоили 10 копеек ведро. Все другие овощи с фруктами стоили примерно так же.

Возвращались домой груженые Быковскими арбузами, которые расходятся на местных базарах. До Москвы они не доезжают, потому что их не так много выращивают. Вкус этих арбузов заметно отличатся от других, накаченных селитрой. А еще они прихватили с собой помидоры «Бычье сердце», дыни и, конечно, дары Волги, соленую осетрину и черную икру.

Отпуск у Лукина был большим и оставалось еще пол-

тора месяца. В сосновом бору Тамбовской области справа и слева стояли небольшие домашние кафе. Меню у всех было примерно одинаковое, но качество приготовленных ими блюд уже давно оценили водители-дальнобойщики, которые постоянно крутят баранку своих грузовиков по этой трассе. Их желудки трудно заманить рекламой, поэтому они остановились около кафе, где стояло несколько грузовиков. Это была гарантия, чтобы вкусно покушать. За последнее время их компания кушала только рыбу, поэтому они стали не только умнее, но и, наверное, ночью светились от избытка фосфора.

– Мужики, я понял, почему в последнее время у меня было немного унылое настроение. Мясо хочу. А в Астраханскую область его не завозят. Что будем заказывать?

– Здесь выбор небольшой. Из баранины шашлыки, люляшки и харчо, а из свинины шашлыки и по-домашнему, но все из парного мяса из подсобного хозяйства. Мне, кажется, это то, что нужно, – зачитал меню Борис.

– Я буду харчо и шашлык из свинины, – заказал Виктор.

– Может быть, закажем всем харчо, а шашлыки и люля-кебаб на большое блюдо? – предложил Борис.

– Согласен, – одобрил Михалыч.

Борис сделал заказ и попросил официанта сделать салат из их помидоров, которые достал из багажника машины. После изнурительной жары в низовьях Волги обед в сосновом бору оказался настолько комфортным, что никуда больше не хотелось ехать. От хвойного запаха сосен дышалось полной грудью. После утренней росы солнышко успело пропарить сосновый бор, и запах был на столько насыщенным, что напоминал запах русской бани, когда на раскаленные камни поддавали экстрактом хвои.

– Михалыч, через двести километров будет маленький

городок Михайлов, и если свернуть влево, то через двадцать минут будем в селе Бутырки.

– Как-как? Бутырка? Ты шутишь?– переспросил Борис.

– Не Бутырка, а Бутырки – так называют это село, хотя официально его наименование Беломестное на реке Проня. Сейчас там мама отдыхает. Хочу поделиться с ней волжскими гостиницами. Это по пути.

– Нет, Палыч. Вечером мы будем дома, где уже забыли, как мы выглядим, а ты обязательно съезди к матери.

Перед поворотом на Михайлов они остановились и пожелали друг другу счастливого пути, а через двадцать минут Виктор свернул на булыжную мостовую и спустился к реке, от которой повеяло свежестью. Деревня, как всегда, пахла своими неповторимыми запахами. Здесь запах реки был смешан с запахом сена, даже запах парного молока стоял в воздухе, правда вперемешку с запахами деревенского стада и коровьего дерьма, и с годами ничего в деревне не поменялось.

Мама копалась на небольшом огороде перед домом, поэтому не была похожа на старушек, которые сидели на лавочках у подъездов своих домов в Москве и обсуждали своих соседей. Как только появлялась травка после зимы, она вырывалась из столицы в деревню, в которой родилась почти семьдесят лет назад, но никогда не жила постоянно. От того она была седой, но шустрой и красивой, хотя и пожилой женщиной. Она обернулась на шум автомобиля, который был ей незнаком, а потом всплеснула руками, увидев Виктора.

– А я думала, что совсем забыл про деревню. Спасибо, что приехал сынок. Сейчас я на стол соберу.

– Мама, подожди, не беспокойся, я сыт, – остановил ее Виктор.

– Тогда, может быть, молочка парного или чай поставить в самоваре?

– Давай, я сам самовар разожгу. Чашка чая с чабрецом и мятой, да медком мне после дороги не помешает.

– Ты из дома? А почему Дашу не взял с собой?

– Нет, мама. Я из-под Астрахани заехал с подарками, а с Дашей мы отдыхали недавно в Крыму. Ей не очень нравится ездить на машине.

Виктор разделил дары Волги поровну, и не было у него мыслей рассказывать маме об истинной причине, почему Даше не нравится путешествовать на автомобиле. Она только недавно успокоилась, когда он оставил занятия мотокроссом. От сухих лучинок самовар быстро запыхтел парами, извещая о своей готовности к заварке чая крутым кипятком. Виктор получал удовольствие от обжигающего ароматного чая с душистым медом.

– Мама, а кто из моих друзей отдыхает в деревне?

– Отдыхали в этом году и Ленька «Бобок», и Мишка Капустин, но давно уехали. А вот твои севастопольские друзья и подруги до сих пор отдыхают в Иваньково с семьями. Что приготовить тебе на ужин?

– Что обычно готовишь себе, то и мне.

– Ну и сказанул. Ты же с детства не любил овсянку и тыкву, а я из этого кашу варю.

– Да, это я точно не буду. Я хочу съездить в соседнюю деревню Иваньково, а когда вернусь, что-нибудь придумаем с ужином.

Виктор спустился пешком к реке с куском мыла и полотенцем. Река была для него большой ванной и душем, правда температура была более чем освежающая, так как в реку впадали через каждые сто метров родники с ледяной водой, а в самой реке били несосчитанные ключи. И

один из них совсем рядом с пляжем. Виктор нырнул и увидел под водой маленький гейзер, как на Камчатке, который колпаком выбрасывал ледяную воду вместе с песком на дне реки. Эти места считали опасными для купания, из-за круговоротов и ледяной воды, которая сводит мышцы ног. Виктор нарвал травы вместо мочалки, намылился и опять нырнул, прополоскав голову руками под водой от мыла. Вышел на солнышко, которое уже уходило за гору. Сразу почувствовал облегчение, как будто бы не было с утра пробега в тысячу километров.

Нет, не просто так он десять дней назад остановился в Крыму перед указателем на Севастополь и вспомнил Наташу из того города. А она оказывается, в это время отдыхала в соседней деревне, рядом с его мамой. Наташа была рядом, и это обстоятельство изменило его маршрут домой. Он долгие годы за ней ухаживал, а потом ездил неоднократно в Севастополь, чтобы увести от мужа. Но не сложилось. Теперь она мать троих детей. Все уже быльем поросло, но почему-то все также хотелось увидеть ее.

Как только он переступил через калитку, вышла Наташа, все такая же статная и красивая, обняла его и поцеловала.

– Я так давно тебя не видела. Где ты пропадал? Как у тебя дела? – засыпала она его вопросами.

Ему казалось, что ничего другого ему в жизни не надо. Была бы возможность видеть ее, хотя бы временами. Да, видимо, не все еще поросло быльем. Их отношения остались почти, как раньше. Во всяком случае, ему так показалось. Хотя нет, зачем себя обманывать. Да, они давно не виделись, поэтому Наташа в порыве обняла и поцеловала, но в щеку, как у старых друзей, которые давно не виделись, а он уже «губу раскатал». Все остались на прежних полю-

сах.

Лукин достал из багажника дыни и арбузы, шампанское из Нового Света и, конечно, основные продукты Волги. Компания их детства собралась стихийно. Все семейные, кто с женой, а кто с мужем, кружком присели на сене вокруг костра напротив дома Наташи. Гришка принес гитару. Прошло двадцати лет после их первой разлуки, а потом были еще встречи и вновь разлуки, но ничего они тогда так и не решили. Вот так двадцать лет посматривают они украдкой от друзей друг на друга неравнодушными взглядами и целуются в щеку. Все у них хорошо в жизни, а могло бы быть еще лучше, если бы не расставались. Компания наговорилась, и тихо посматривали на всполохи костра. Лукин взял гитару и во влажном воздухе над рекой зазвучали струны гитары и запел спокойным голосом:

Словно сумерек наплыла тень
То ли ночь, то ли день.
Так сегодня и для нас с тобой
Гаснет свет дневной.
Этот сумрачный белесый свет
То ли есть, то ли нет.
И стоим с тобою рядом мы,
На пороге тьмы.
Только в глазах пустота и печаль.
А на губах привычки печать
Так скажи, зачем ты скажи, зачем
Ты скажи, зачем мы с тобою рядом?
Первых писем и объятий пыл
То ли есть, то ли был.
Только кажется, что встреч тепло
Навсегда ушло.
И никто из нас не даст ответ

То ли жаль, то ли нет.
Что разлука наша так близка,
Как твоя рука.
Кто из нас не уберег мечты,
То ли я, то ли ты.
Нам ненужные слова опять
Ни к чему бросать.
Вот и стоим притворившись вдвоем
Что есть любовь, что ею живем.
Но, скажи, зачем, ты скажи, зачем
Ты скажи, зачем мы с тобою рядом?
Словно сумерек наплыла тень
То ли ночь, то ли день.
Так сегодня и для нас с тобой
Гаснет свет дневной, гаснет свет дневной,
Гаснет свет дневной…

В тишине слышались только потрескивание поленьев в костре. Прошло ровно двадцать лет, когда «Поющие гитары» записали эту песню, и они с Наташей танцевали на свадьбе ее сестры Тамары. Эту песню несколько раз крутили, и каждых раз он был с ней. Виктор выпросил у своих командиров увольнение до отхода поезда для встречи с Наташей. Потом была секретная служба и разлука. И сейчас, пожалуй, только Наташа, да, возможно, Тамара догадывались о его настроении.

– Виктор, а давай споем нашу, про Серегу, – предложила Тамара.

Тамара вместе с ними занималась в аэроклубе и дружила с Сергеем Павловым, который один из них стал летчиком-истребителем, да вот Виктор теперь работает в авиации. А Сергея тогда отправили служить на Дальний Восток. Может потому они с Тамарой расстались, и она

вышла замуж за Сашу, но он недавно нашел другую и ушел из семьи. А Тамара до сих пор любит эту песню, и Виктор тронул струны гитары:

С моим Серегой мы шагаем по Петровке,
По самой бровке, по самой бровке.
Жуем мороженное мы без остановки-
В тайге мороженного нам не подадут.
То взлет, то посадка, то снег, то дожди
сырая палатка и почте не жди….

Посудачили они вокруг костра до «петухов», и для Виктора эта встреча было пределом всех мечтаний. Двадцать лет назад Наташа решила оставить все как есть, а Виктор устал переубеждать ее и сдался. Потом он встретил клин, которым вышибают из мозгов прежнюю любовь, как говорят в народе, но на самом деле покоя не обретаешь, а в жизни только больше запутываешься. Ушел «глубоко в Париж». И вот на тебе. Встреча с Наташей все так же волнует, а когда она поцеловала, правда, не тем поцелуем, а товарищеским, ком к горлу подкатил. Видно, не остыла за эти двадцать лет. А может шампанское и романтика у костра с воспоминаниями юности, но ему не в чем было упрекнуть себя за разлуку с Наташей, а ее тем более. Он долго пытался убедить Наташу, что им надо быть вместе. Но у нее были сомнения, видимо, серьезные по ее понятиям, и она отказалась бросать семью и уходить к нему, сказав, что так случилось, и так тому и быть. Может быть, не оттолкни она его тогда, как им казалось окончательно, и не встретил бы он взбалмошную парижанку, то увез бы он Наташу из Севастополя и закончились бы его мотания по устройству личной жизни. Лопнуло у него терпение, и закружил его другой водоворот любови. А встречи с Наташей всегда волнительны и приятны, но он не хотел выглядеть в ее гла-

зах неудачником в семейной жизни, чтобы она не винила себя.

Наташа стала совсем взрослой женщиной, степенной, рассудительной, в общем семейной, хотя другой она никогда и не была. Может, еще от этого его тянет к этой женщине, что она, несмотря на их отношения, никогда не позволяла ничего лишнего, выходящего за рамки приличия. Правда, каждый понимает их отношения по-своему, но, тем не менее, так получилось, что они пронесли эти чувства через десятки лет и могут спокойно смотреть в глаза своим друзьям и близким. Они просто берегли свой покой. Он был уверен, что достаточно чиркнуть спичкой, и от их рамок приличия ничего бы не осталось, и закончились бы их встречи раз в году или раз в три года. Они могли быть реально вместе, но что-то помешало их возможному счастью. Все это от не устроенной семейной жизни Лукина. Было бы у него дома в полном порядке, а он себя знает, не встречался бы он с черноволосой красавицей из Липецка, да и с Наташей, возможно, вел бы себя спокойней, хотя вряд ли. Здесь совсем другое. Это история любви, если разобраться. А что же тогда с Лаурой из Парижа? Трагедия? Надо меньше пить шампанского, иначе мысли могут далеко убежать.

Он возвращался домой в Москву с приподнятым настроением, где к нему последнее время воспылали любовью не только со стороны Даши, но и ее родителей. Видимо, поняли, что он пробивается в жизни сам, без какой-либо помощи. Да, теперь и обкомы партии как-то не в моде, в плане решения жизненных проблем. Раньше не помогали. А теперь уже все. Сдулись. Он и раньше ничего не хотел в смысле помощи, чтобы не упрекали, что обкомовский зять. Хороший отпуск получился, насыщен-

ный многими событиями, и даже из аварии он вытянул положительные эмоции для себя. Поправил свое финансовое положение. Даже при его повышенной зарплате деньги никогда не были лишними.

Но вскоре его развеселил новый приезд гостя из Крыма, Федора Пантелеевича. Рано утром звонок в дверь его квартиры. Виктор открывает, а перед ним во всей красе «отец Федор», как в «Двенадцати стульях».

– Я приехал забрать бамфер.

– Что-что?

– Бамфер заменен за мои деньги, и я его заберу.

– Но я еще ремонта не сделал, только деньги получил из Госстраха, а деталей в продаже нет. Так что ждите, я извещу, куда подъехать за бампером, а не бамфером. Ты даже не знаешь толком, как он называется, а хочешь забрать.

– Нет, Вы обязаны отдать его мне сейчас.

– Вот, Федор, бери гаечные ключи. Машина стоит во дворе. Иди, снимай свой бампер, если он так тебе нужен, – сказал Виктор.

– А еще капот, крыло и все другое.

– Да, конечно, снимай, что тебе понравится.

– А Вы со мной пойдете. Побудите, пока я буду снимать детали.

– Нет, зачем. Я не идиот. Снимай один, а я пока милицию вызову. У меня здесь в Москве тоже все знакомые, как у тебя в Судаке. Здесь тебя быстро в чувства приведут и года на три за кражу упакуют. Кто тебе мой адрес дал?

– Хорошо, я в суд подам на тебя. Думаю, там знакомых нет.

Когда он ушел, Лукин подумал, что и здесь Федор глубоко ошибся. В суде у Виктора было знакомых еще больше. Суд находился в районе, где он проработал на-

чальником уголовного розыска около десяти лет. Тем не менее, вскоре пришла повестка из народного суда на рассмотрение иска. Судья Елена Цветкова на самом деле оказалась давнишней знакомой Лукина. Он явился на заседание, где выслушал претензии Федора Пантелеевича. Тот, наверное, уже прописался в Москве и потратил на дорогу круглую сумму. Видимо, деньги у него были, что четвертый раз приезжал в Москву, чтобы удовлетворить свою жадность. Все это рассказал Лукин судье, сравнив его с «отцом Федором».

– Но он прав, я должна принять решение в его пользу, – сказала судья Цветкова.

– А я согласен, тем более, мне не нужно покореженное железо.

– Когда будет ремонт?

– Пока не получили нужные детали.

– Может взять в автосервисе справку, что все заменено, и эти детали утилизированы, чтобы наш Федор Пантелеевич мог их забрать, – спросила Цветкова.

– Хорошо. Такую справку я через пару часов привезу, а искореженного железа на свалке автосервиса целая гора. Я договорюсь, пусть вывозит, если ему так оно нужно.

Виктор подъехал на Варшавку в автоцентр. Директор ему объяснил, что запчасти все пришли, но ремонт сделают не скоро.

– Тогда выпишите калькуляцию на установку этих деталей без покраски на мою машину. Я их заберу, а ремонт сделаю сам. Ведь без ремонта, как я понял, Вы детали не можете продать мне, поэтому напишите минимальные работы, снять и поставить.

– Это мы мигом.

– И для суда дайте справку, что старые детали утилизи-

рованы и в каком месте.

– Хорошо, и такую справку дадим, хотя ни разу не писали такого.

– Да, мой обидчик, кто аварию совершил, требует эти детали вернуть ему, и подал в суд.

– Впервые такое встречаю.

– Я тоже, но судья просила.

– Присылай его ко мне, а то я плачу за вывоз на свалку поврежденного металла. Пускай приходит и забирает, я ему все отдам бесплатно.

Виктор отвез справку в суд, и дело на этом закончилось бы, но «отец Федор» не унимался и через день вернулся.

– Я видел, что на Вашей машине ничего не менялось, а справку с печатью дали, и дело в суде закрыли. Я ездил в автосервис, а они отвели меня на какую-то помойку с битым железом и предложили выбрать, что мне нужно.

– А ты что же хотел Федор, чтобы я привез тебе в Крым эти детали и еще красным бантом повязал?

– Теперь я все понял. У тебя здесь в Москве кругом связи, и что хотите, можете сделать. Даже судью обманули справками.

– Если бы ты еще раньше это понял, то ремонт обошелся бы тебе раз в пять дешевле, и никуда из Крыма не надо было выезжать. А детали на эту модель можно купить только с ремонтом, поэтому и справка такая. Так что никто никого не обманывал. Ты сам себя в жизни обманул и не хочешь в этом признаться. Только опять на дорогу потратился.

– Ладно, я все понял. Приезжайте ко мне отдыхать. С тобой лучше дружить, чем воевать.

– Спасибо за приглашение, но у меня есть определенные места для отдыха, которые я не меняю.

Лукин понял, что до Федора Пантелеевича, наконец, дошло, что дальнейшее общение с ним приведет к окончательному разорению.

Утром на работе зашел в отдел ВВС, где летчики-истребители обсуждали своего коллегу летчика Руцкого. Бывший сокурсник Лукина по Ленинградской Академии гражданской авиации Владимир Геращенко сокрушался:

– Не понимаю, как можно дважды попасть в плен? Впервые Руцкого сбили 6 апреля 1986 года на самолете Су-25 с земли ракетой ЗРК на границе с Пакистаном. Он катапультировался, но при ударе о землю Руцкой серьезно повредил позвоночник и получил ранение в руку. По словам врачей, Руцкой выжил чудом и после лечения был отстранен от полетов, получив назначение в Липецкий Центр боевой подготовки Военно-воздушных сил СССР. Ясно, что летчик геройский, постоянно лезет "на рожон". Говорят, что сажал самолет без двигателей, весь в пробоинах. Другой раз горел самолет, а он катапультировался и сам вернулся на базу. Его личность обросла слухами, и теперь неизвестно, где правда, а где вымысел. Неделю назад его сбил пакистанский летчик на F-16. Он катапультировался, и его снесло ветром в Пакистан, а он был уже командующим ВВС в армии Громова. Понятна его горячность, но на такой должности ему нечего было делать над Пакистаном. У него более четырехсот боевых вылетов. Летчики уже шутят, что руководство договорилось выкупить Руцкого из плена за автомобиль «Волга» и какие-то побрякушки либо обменяют на кого-нибудь. Если бы пятьдесят лет назад летчик попал в плен, то потом служил бы в лучшем случае в пехоте. А его поставили командующим, но он опять в плен. Много здесь непонятного. Рассказать о его поведении в плену могут только пакистанские спец-

службы, напичканные сотрудниками ЦРУ. Сам он тоже расскажет…

Владимир был летчиком-испытателем и много раз катапультировался при испытаниях истребителей. В последний раз приземление было не совсем удачным. Он получил серьезные травмы, поэтому теперь командирован на расследование авиакатастроф с военными бортами.

– Говорят, у него необузданная энергия. После повреждения позвоночника и ранения он добился назначения в Афганистан. Может, обиделся, что его сбили моджахеды? – предположил генерал-майор морской авиации Иван Прокопьевич.

– Не знаю. Меня после катастрофы истребителя списали на землю, и теперь я расследую. А Руцкой с таким напором рвется в драку. Вот и результат. Он второй раз в плену потому, что за ним охотились в воздухе. Но непонятно зачем? Он им был известен? – недоумевал «Истребитель».

– Командиры разберутся. Как Виктор, отремонтировал машину? – поинтересовался Иван.

– Нет пока, – посетовал Лукин.

– На твою машину охотятся, как на самолет Руцкого. Пора продавать, – посмеялся «Истребитель».

– Зачем? Она меня кормит. Я уже компенсировал затраты на страховку и третью часть стоимости машины получил. Теперь можно и ремонтировать. Да и ремонт – это громко сказано. Я отдал в покраску крыло и капот. Надо заехать в сервис поменять за час, да левую фару отрегулировать, и машина, как новая.

– Хорошо у тебя получается, поделись опытом, – попросил Литвиненко.

– Через магазин, – пошутил Лукин.

– Зачем магазин? У летчиков все в холодильнике. Будешь? – «Истребитель» открыл холодильник, где стояли три бутылки водки «Столичная».

– Нет, ребята, спасибо, надо машину вести в ремонт. А как твоя «девятка»? – поинтересовался Лукин у Литвиненко.

– Нормально, только дребезжит больше твоей.

– У моей «восьмерки» кузов жестче, а Руцкого рано списали. Он еще вами покомандует.

– Судя по его напору, похоже. Он лезет напролом. Наши командиры с ним доиграются, – предположил генерал.

– Сбываются предсказания некоторых афганцев, что будет после ухода «шурави», – переключился с Руцкого на обстановку в стране Литвиненко. – Наши уже закончили первый вывод войск, причем из районов Кандагара и Джелалабада, поэтому грызня между бандами в борьбе за власть обострилась. Наджибулла недолго продержался даже с нашей поддержкой. Так что непонятно, с кем воевали и за что положили наших ребят. Только разворошили осиные гнезда, да вооружились они «до зубов» американским оружием и техникой. Вот теперь они будут друг другу носы сворачивать. Только за это лето было сбито пятнадцать самолетов и тридцать вертолетов ВВС Афганистана.

– Да, ребят жалко, какие там ВВС Афганистана. Они только на ишаках могут верхом. Поздно приняли решение, что надо из Афгана уходить. Побеждать там некого. Они все воюют и, наверное, сами не знают, за кого, – поддержал его Владимир.

– Коллеги, я сам не люблю тех, кто рассуждает, сидя в уютном кабинете за чашкой чая о войне. А многие коман-

дуют из своих кабинетов. Вы летчик, и если видели Афганистан, то с высоты в тысячи метров. А я встречался с простыми афганцами до начала боевых действий, как вот сейчас с вами. Мы пили чай или араку, и я точно знаю, что большинство населения относилась к нам вполне дружелюбно. Так что же случилось через восемь лет, если сейчас даже подростки в Афганистане смотрят на нас через прицел винтовки? Если была необходимость взять дворец Амина, то надо было уходить после штурма и смены власти. А уж если завязли там и проигрываем в небе, то не надо было гоняться по горам за бандами, а построить укрепрайоны в городах с пулеметными гнездами и танки закрыть на блокпостах, чтобы только пушки торчали. А в горах пускай они между собой долбятся за власть. За что погибли наши ребята? Почему мы предаем их память и уходим? Что будет с нашими пленными? Одни вопросы, и я не могу найти на них ответов, – Лукин никогда не испытывал восторга от этой войны.

– Прав наш НКВД, – сказал Литвиненко. – Столько наших положили и никто не скажет за что. А теперь уходим, как побитые.

– Да, не для трезвых голов такой разговор, – сказал Владимир.

– Ты прав, Владимир, но тебе утром вылетать в Ейск, – сказал генерал.

– А что там случилось? Я не видел сводок о происшествиях в тех краях, – сказал Лукин.

– Руководство ВВС решило засекретить катастрофу с АН-12 в Ейске. Она произошла среди бела дня. Спасали летчиков рыбаки всего побережья Азовского моря, поэтому скрыть не удастся. После моего возвращения пообщаемся, – сказал Владимир.

Прошло несколько дней со дня катастрофы. Многие летчики Госкомиссии учились, а потом служили в тех краях. Как можно было сохранить в тайне трагическое событие, о котором говорили многи? С кого-то взяли подписки о неразглашении, но уже было поздно. Секретность с подписками о неразглашении военной тайны, которую давал каждый военнослужащий, только подогревали интерес у летчиков вокруг этого полета. Многие знали, что за секретностью руководство ВВС хранит свою халатность, а за ней и уголовную ответственность за гибель летчиков. Было понятно, что официальные результаты расследования останутся секретными. Значит, в них будут содержаться данные, позволяющие освободить от уголовной ответственности виновных в гибели 24-х летчиков.

От Батайска до Ейска 150 километров. Самолету АН-12 на таком расстоянии даже не надо набирать обычную высоту полета. Непонятно почему командиры ВВС отправили летчиков на АН-12, не приспособленном для перевозки пассажиров. В самолете было девять служебных мест, а в остальном пространстве было размещено исследовательское оборудование. И как можно было разместить в нем пятьдесят летчиков? В тот день в Батайске проходила партийная конференция авиационных подразделений и многие обратили внимание, что день будет дурной. После окончания конференции руководство приказало перевезти летчиков авиаэскадрильи с аэродрома Батайск на аэродром Ейск на том злополучном АН-12.

На косе правого берега Ейского лимана показалось село Глафировка, а на другом берегу аэродром Ейска. Экипаж самолета АН-12 выпустил шасси. В самолете было жарко. Летчики с завистью смотрели на лазурную поверхность моря и песчаные пляжи Азовского моря, мечтая по-

плавать или порыбачить. Сверкало солнце на ровной глади Ейского лимана, в котором расположились многочисленные лодки рыбаков. У летчиков такая погода называется «миллион на миллион». До посадочной полосы оставалось несколько километров. Летчики не могли предвидеть, что в следующее мгновение в кабине воцарится непривычная тишина, и они увидят в окошках, как винты мощных двигателей вдруг замедлят вращение и остановятся. Один или два – это еще куда ни шло, а тут встали разом все четыре. Если бы немного раньше остановились, экипаж не выпускал бы шасси, а приводнился на брюхо фюзеляжа, и последствия не были бы такими тяжелыми. Но самолет уже падал. Поверхность воды быстро приближалась. Передняя стойка разорвала водную гладь. Самолет, резко опустив нос, нырнул под воду. Глубина была небольшой, и он ударился о дно лимана. От удара корпус самолета разломился, в салон хлынула морская вода вместе с топливом из поврежденных авиационных баков. И опять по трагической случайности на месте катастрофы глубина не позволила сохранить хотя бы полметра воздуха под крышей салона, чтобы можно было дышать. Самолет затонул не полностью. На поверхности торчали плоскости крыльев и обшивка крыши фюзеляжа. Несколько летчиков выбрались через верхний аварийный люк кабины экипажа и стояли на крыльях.

Первую помощь оказали подоспевшие рыбацкие лодки. Рыбаки забирали в первую очередь раненых и отправляли на берег, где их уже ожидали машины «скорой помощи». На спасательной станции тоже видели падающий самолет и выслали катер к месту падения, но проникнуть внутрь самолета аварийно-спасательной группе не удалось, так как через люк они увидели, что салон самолета заполнен

морской водой, перемешанной с керосином. Многие летчики не смогли выбраться из грузового отсека и погибли. Вслед за спасателями прибыли военные и отправили всех на берег, закрыв место падения самолета для плавания, а заодно и от разговоров…

Лето в Москве подходило к концу, но погода стояла теплая и солнечная.

Владимир вернулся с расследования через неделю. Лукин поднялся в отдел военной авиации. Время было обеденное. В кабинете находился один летчик-истребитель.

– А ты что не обедаешь? – спросил Лукин.

– В Ейске летчики перекормили, – сказал Владимир.

– Может быть, в ресторан «Пицунда» сходим на харчо и салатик?

Ресторан «Пицунда» с грузинской кухней находился в двух шагах от их работы. Готовили там неплохо.

– Нет, правда, что-то не хочется.

– Тогда пойдем, прогуляемся по скверу на Профсоюзной, аппетит нагуляем и купим что-нибудь к чаю, – предложил Лукин.

– Ты думаешь, наш кабинет могут прослушивать? – спросил Владимир на улице.

– А чем заниматься сотрудникам КГБ в нашей Госкомиссии? Хотя нам с тобой не привыкать. Всю жизнь в армии существуют особисты из КГБ, а пять лет назад оперативные работники МВД попали под их всевидящее око. Ну как слетал в Ейск?

– Впервые со времен создания нашей Госкомиссии попал на такое расследование. Цирковое представление, а не расследование, – сокрушался Владимир.

– Я слышал о попытках скрыть истинную причину ка-

тастрофы.

– Вот видишь, до Москвы докатились разговоры, а расследование засекретили. Я доложил нашему руководству, что выводы военной комиссии будут, мягко говоря, не совпадать с причинами катастрофы и попросил отозвать меня в Москву, чтобы не подписывать акт расследования с выдуманными причинами.

– Неужели так все плохо? А какой смысл было перевозить летчиков на грузовом самолете за 150 километров, ведь он даже высоту не успел бы набрать. Могли бы автобусом, вышло бы дешевле. – сказал Лукин.

– В авиационных эскадрильях всегда летали и на короткие расстояния. Летчики не ездили на автобусах. Если самолетов не было, летали они на АН-12 десантного варианта с герметичным салоном, приспособленным к перевозке людей.

– Да я сам летал на АН-12 на Дальнем Востоке. Немного неуютно на деревянных сиденьях. Душновато и шумно в таком салоне, не так, как в пассажирском. Но летать можно.

– Да, немного неуютно. Такой самолет стоял рядом с АН-12 с девятью служебными местами в отдельном отсеке. А в грузовом негерметичном отсеке в нем было размещено оборудование. Один из руководителей ВВС допустил роковую ошибку, указав пальцем на этот самолет, который должен был перевезти пятьдесят летчиков после партийной конференции из Батайска в Ейск. Самолет давно стоял на аэродроме в Батайске, не совершал полетов, а два месяца назад его заправили. Но полет отменили, оставив керосин в баках. На том самолете был установлен дополнительный топливный бак под полом, который техники не осмотрели, а там собралась вода от

конденсата. Бортмеханик не проверил состояние топлива в отстойниках, а бортинженер в полете переключил двигатели на напольные баки. В результате одним разом встали все четыре двигателя. Генералам хотелось свалить вину за отказ двигателей на промышленность или на качество топлива. В курилке я слышал разговор, что кран на напольных баках был с заводской пломбой, а значит, никогда топливный бак под полом не проверялся. Потом этот кран исчез, иначе борттехник попал бы в тюрьму.

– Опять одна ошибка легла на другую. И катастрофа. Генерал указал пальцем на самолет, не пригодный к перевозке пассажиров, бортмеханик не проверил топливные баки, и никто не доложил: «Самолет к полету готов», а бортинженер принял роковое решение переключиться на топливные баки под полом, чтобы выработать его в полете, вместо того, чтобы слить на аэродроме, – сказал Лукин.

– Все верно: летчики ничего не могли сделать, чтобы спасти людей. Конструкторское бюро Антонова возмутилось решением генералов свалить вину на промышленность и провело свое исследование работы двигателей.

– Генералы сделали серьезное заявление в рамках секретного расследования и не подумали, что на двигателях АИ-20 летают не только военно-транспортные самолеты АН-12. А запорожский «Прогресс» изготовил свыше двенадцати тысяч таких двигателей. На них успешно летают пассажирские самолеты ИЛ-18, АН-24 и транспортные АН-10, АН-12, АН-32. По конструкции двигатель простой, недорогой в производстве, с большим ресурсом и высокой надежностью эксплуатации. Я понимаю возмущение конструкторов.

– Вот именно. На запорожском «Прогрессе» поста-

вили двигатель АИ-20 на стенд и гоняли на всякой смеси топлива, добавляя в нее воду до полного вывода из строя. Они доказали, что в летний период времени двигатель может работать с большой дозой до 200 литров воды в топливной системе самолета, после чего глохнет. Сколько было воды в баке под полом самолета, теперь установить невозможно. Однако запорожцы еще раз доказали надежность своих двигателей, – сказал Владимир.

– И все-таки есть один положительный момент в том расследовании, что ты, действующий полковник авиации, выразил генералам свой молчаливый протест и не стал подписывать акт расследования, – сказал Лукин.

– Не надо тешить себя иллюзиями о независимости нашей Госкомиссии. Меня прикрыло наше руководство. Всем было ясно, чем руководствовались генералы, засекретив материалы расследования, и я не подчиняюсь ростовским генералам. Они не могли мне ни приказать, ни уволить на гражданку. Но нас с тобой, прикомандированных к Госкомиссии в погонах, могут отозвать в свои министерства и решить вопрос о дальнейшей службе.

После секретных выводов комиссии заместителя командующего ВВС округа, указавшего пальцем на тот самолет для доставки офицеров, отправили в отставку. Неполное служебное соответствие было объявлено командиру полка, которому принадлежал тот самолет, а через некоторое время он получил повышение. То была цена секретности.

В конце рабочей недели под Иркутском произошла катастрофа с самолетом Л-410, и Валера улетел председателем комиссии. Он попросил руководство включить в комиссию Лукина, но его опять не отпустили с той же мотивировкой: «На всякий случай должен быть рядом с ру-

ководством». А Виктору самому хотелось вновь побывать на Байкале. Расследование катастрофы было не сложным. На Байкале осень сказочно красива и комары не достают. Но не только красоты манили его в те места. В тот год, в июле, у него образовался первый очередной отпуск. Молодой лейтенант из Московского уголовного розыска по причине душевных переживаний решил удалиться из столицы, как можно дальше. Месяц отпуска, а с дорогой и отгулами получалось полтора. Кати куда хочешь в пределах границ СССР. Он хотел провести тот отпуск в Севастополе с Наташей, и если бы она согласилась, то месяц был бы у них медовым. Однако ранней весной ее сестра сообщила, что она вышла замуж. Поэтому у него было настроение, как писал классик:

… В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов,
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать… .

А он и в деревне не мог обрести покой потому, что они с Наташей проводили все школьные каникулы в той деревне на берегу реки. Друзья Виктора поехали отдыхать в Крым, а там Севастополь рядом. Поэтому он уехал в другую сторону. Совершенно случайно он оказался на турбазе ЦК профсоюзов в бухте Песчаная на Байкале, где его сразили не только красоты озера. Его настроение убежать от городской суеты и найти спокойный приют в тайге на берегу озера развеялось, когда он в первый вечер увидел на танцевальной площадке турбазы ангарскую красавицу Ольгу. Так часто бывает в жизни: «А я в ответ на твой обман найду еще кудрявее!».

Многие профсоюзники положили глаз на Ольгу, как только она пришла на танцы, но с «муровцем» им тягаться было бесполезно. Он закружил ее и от себя не от-

пускал. Тут же на танцплощадке Виктор уговорил директора турбазы, Анатолия Ивановича, включить его в группу туристов, в которой была Ольга. Анатолий посмеялся над его походным видом: Виктор приехал на турбазу в костюме и галстуке, потому что толком не знал, куда ехал, потом обозвал его истребителем-перехватчиком по его поведению с Ольгой и включил в ее группу. Они с Ольгой в составе туристической группы прошли по берегу Байкала с рюкзаками сто двадцать километров. Две недели спали в палатках, как в пионерском лагере, ловили рыбу и готовили уху и другие блюда на костре. В тайге им казалось, что они и дня не смогут прожить друг без друга. После турбазы он заехал к ней в Ангарск, познакомился с родителями. Потом все пошло к тому, чтобы она вышла за него замуж. Но рассудительная красавица предложила подождать несколько месяцев и проверить свои чувства.

Байкал и тайга завораживают и обостряют чувства гораздо сильнее, чем на берегу моря. Виктору не пришлось долго проверять свои чувства, его в Москве ждала встреча с Наташей, и все снова закружилось. Ничего не поделаешь, мужики слабый пол, но воспоминания об Ольге тянули его на берега Байкала…

Девятнадцати местный двухмоторный самолет Л-410 для местных воздушных авиалиний был разработан в конструкторском бюро Бериева, но доработку и производство поручили чехам, которые были более опытными в развитии малой авиации. Л-410 может взлетать и садиться на грунтовые, травяные и снежные площадки, он пришел на смену «кукурузнику» АН-2 и в народе его прозвали «чебурашкой». На Л-410 не было ни качки, ни воздушных «ям». Вместо деревянных лавок появились мягкие кресла. Скорость увеличилась в два раза. Самолет считали очень

надежным в плане безопасности полетов, но вот катастрофа.

Из материалов расследования установлено, что катастрофа произошла не из-за отказа техники, а были нарушения со стороны летчиков и диспетчеров: «Экипаж Л-410 выполнял заказной рейс по маршруту Батагай – Маган – Ленск – Киренск – Иркутск. На борту было два члена экипажа и два пассажира от заказчика с багажом весом четыреста килограмм. В аэропорту Киренска экипаж получил информацию о ремонте взлетной полосы аэропорта Иркутск. Вылет был отложен и диспетчер направил экипаж на отдых в профилакторий, но в профилактории они не появились. Дождавшись в самолете открытия аэропорта Иркутск, в 15:06 экипаж вылетел из Киренска в конечный пункт назначения, имея за плечами четырнадцать с половиной часов рабочего времени. Усталость экипажа могла оказать влияние на дальнейший ход трагических ошибок. При установлении связи с диспетчером аэропорта Иркутск экипаж не произвел установку давления на высотомерах на давление аэродрома в 710 мм ртутного столба и не доложил об этом диспетчеру круга, а тот, не получив доклада, не потребовал от экипажа подтвердить установку давления. В результате на высотомерах остались показания стандартного давления в 760 мм ртутного столба, которые отличались от истинной высоты аэродрома над уровнем моря в 510 метров. По команде диспетчера круга экипаж продолжил снижение и выполнил третий разворот, заняв эшелон 700 метров. А на самом деле самолет был на высоте 190 метров. Диспетчер дал указание переходить на связь с диспетчером посадки, но подтвердить команду экипаж не успел, так как через 2 секунды, в 17:18:10, самолет задел верхушки деревьев высо-

той 25-35 м, находящихся на возвышенности в 163 метра. На высоте 190 метров были верхушки деревьев. Экипаж дал взлетный режим, но произошло лобовое столкновение с деревьями, стволы которых достигали метрового диаметра, от чего самолет разрушился и частично сгорел. Все погибли.

Точную причину, почему это произошло, установить не удалось. Не понятной осталась причина отсутствия реакции командира на звуковую сигнализацию опасной высоты. И сработала ли она? Причины катастрофы были вполне очевидны, но комиссия не смогла документально подтвердить свои выводы.

«Бабье лето» баловало москвичей теплой и солнечной погодой. В отделе расследований сотрудники трудились в том же режиме. Одни улетали на расследование катастроф, а другие возвращались в дом №7 по улице Кржижановского после «полевого» расследования. А их коллеги снова собирали чемоданы на другую «яму», где рухнул самолет.

В отделе военной авиации обстановка с катастрофами была не лучше. Недавно вернулся из-под Астрахани Владимир. Он расследовал катастрофу с военным самолетом Ан-12ППС, которая произошла при заходе на посадку на аэродроме "Приволжский". Хоть и сняли с авиационных катастроф гриф секретности, но у военных в сводках можно было прочитать, что она произошла 1 сентября и все. Они с Лукиным встречались в свободную минуту и пили чай в кабинете, а более мужские напитки они употребляли во время «полевых» расследований, когда насмотришься на ужасные последствия катастрофы.

– Владимир, я слышал, что при посадке летчик совершил ошибку и самолет садился с большой вертикальной

скоростью, – сказал Лукин.

– В гражданской авиации, да и у военных летчиков в мирное время такая посадка называется «ошибкой пилота». Здесь тоже командир не имел права рисковать, применяя на посадке «афганский заход» с большой вертикальной скоростью.

– Я был в Афганистане весной перед московской олимпиадой, но не слышал от летчиков об «афганском заходе».

– Восемь лет назад война была только на земле, а небо было все наше. Потом население Афганистана все больше втягивалось в стихию вооруженной борьбы. Ты сам говорил, что нам нужно было вовремя уходить оттуда. Моджахедов готовили для борьбы с авиацией иностранные инструкторы. К особо важным целям они относили военно-транспортные самолеты. Для их поражения моджахедов вооружили переносными зенитно-ракетными комплексами, и они засели на горных перевалах вокруг аэродромов, откуда вели «охоту» за нашими самолетами. Ведь самолет при заходе на посадку наиболее уязвим для ракет. За последние годы мы потеряли десятки военно-транспортных бортов, в основном АН-12. Есть сбитые ИЛ-76, но их в Афганистане не так много. И для противодействия поражению на посадке был выработан уникальный прием, который ранее в тяжелой авиации никогда не применялся. Можешь себе представить виртуозные маневры транспортного самолета с посадочным весом под 150 тонн? Кто еще в мире способен выполнить подобные заходы на посадку, на грузовом самолете? Летчики военно-транспортной авиации специально отрабатывают заход на посадку с максимальной скоростью снижения и к полетам в Афганистане допускаются после тренировок на «домашних аэродромах».

– Представить такой цирк после расследования катастроф с гражданскими бортами. Я понимаю, что военные летчики в борьбе за свою жизнь идут на такой риск, но при такой посадке тоже борьба за жизнь идет на секунды, когда ошибку невозможно исправить, – сказал Лукин.

– Да, и уйти на второй круг невозможно. Обычно «афганский заход» проводится перпендикулярно посадочному курсу, откуда моджахеды не ждут самолеты, вылетая из-за горных вершин со стороны солнца, чтобы затруднить их прицеливание. На высоте 7000 метров летчики уменьшают скорость, выпускают шасси и механизацию. Самолет устремляется к земле с креном в разворотах по спирали и вертикальной скоростью до 25 метров в секунду. Крутое пикирование сопровождается отстрелом инфракрасных ловушек для тепловых ракет. После третьего разворота самолет выходит на посадочную прямую в километре от полосы и летчику отводится несколько секунд на выравнивание самолета и посадку. При большой вертикальной скорости нос самолета опущен к земле, и первое касание полосы может принять передняя стойка шасси. И никакого цирка.

– Так почему же под Астраханью «афганский заход» на посадку закончился катастрофой?

– Такие заходы на посадку могут выполнять летчики со стальными яйцами. В тот день экипаж самолета Ан-12ППС не учел для такой посадки сильный боковой ветер и большой посадочный вес самолета из-за оборудования. Они шли на посадку после выполнения задания по обеспечению учений ПВО со странами Варшавского Договора. При заходе на посадку рычаги управления двигателями были установлены ниже положения «малый газ», а недостаток высоты командир решил компенсиро-

вать выводом самолет на закритические углы атаки. Но самолет полностью потерял скорость и рухнул вниз, столкнувшись с землей перед взлетной полосой.

– Да, Ан-12 даже при небольших скоростях сложно уронить на землю, – сказал Лукин. – А что за модель ППС?

– Поставщик помех, а буква «С» говорит о наличии помехового оборудования станций типа «Сирень». Летчики прозвали этот самолет Папуасом. «Сирень» противодействует станциям наведения зенитно-ракетных комплексов, ракетам «воздух-воздух» с головками самонаведения.

– Серьезная техника. А не могли летчики показать «афганский заход» на посадку своим коллегам из стран Варшавского Договора?

– Теперь об этом никто не расскажет, – сказал со вздохом Владимир.

Утром 25 сентября 1988 года Лукин прочитал в дежурной части Госкомиссии, что накануне из Ереванского аэропорта Звартноц вылетел самолет Ту-154 в Сирию. Заход на посадку в аэропорту Алеппо экипаж выполнял в условиях порывистого ветра или, как говорят летчики, в условиях турбулентности. Экипаж допустил грубую посадку, в результате передняя опора шасси подломилась, и самолет выкатился за пределы взлетной полосы. Самолет принадлежал Армянскому управлению гражданской авиации.

– Виктор Павлович, если бы у тебя был заграничный паспорт, то мог бы отправить тебя на расследование с моим заместителем за «бугор», – сказал начальник управления Алексей Алексеевич. – Хотя нам для участия в расследовании за рубежом в МИДе оформляют синие паспорта за сутки.

– Это гражданским лицам. А мне будут оформлять долго. Вы уже вернетесь на родину с расследования. И потом говорят: «Курица не птица, а Сирия не заграница», – улыбнулся Лукин.

– Хорошо, что в Сирии все живы остались. Самолет пропахал без передней стойки шасси по взлетной полосе, а потом на грунте оставил половину фюзеляжа и чудом не загорелся.

– Можно сказать, удачно при таком приземлении.

Немного позже расшифровали параметрические записи «черного ящика». Комиссия установила, что ошибки экипажа при катастрофе в Красноводске повторились в Алеппо. При заходе на посадку по глиссаде приборная скорость самолета увеличилась с 265 до 290 км/ч, что выше предписанной на двадцать километров в час. На высоте 35 метров экипаж отдал штурвал от себя, что привело к увеличению скорости снижения от 3,5 до 5,9 метров в секунду за 2 секунды до касания, а за полторы секунды экипаж полностью взял штурвала на себя, но было уже поздно. Перегрузка при приземлении составила более четырех единиц, что привело к разлому фюзеляжа между 51-53 шпангоутами и подлому передней опоры шасси. Была нарушена центровка самолета, которая усложнила экипажу управлением. Однако, как показали расчеты, это не оказало решающего влияния на исход полета. Самолет не подлежал восстановлению, и больше никогда не будет вылетать из аэропорта Звартноц.

Вечером 27 сентября Лукин приехал домой. После ужина расположился в кресле перед телевизором посмотреть программу «Время», которая известила об авиакатастрофе под Козельском. Минут через тридцать зазвонил телефон, и у него не было сомнений, что звонок был с ра-

боты.

– Меня назначили председателем комиссии по катастрофе с АН-8, – сказал по телефону Борис Горюнов. – Я хочу попросить руководство, чтобы оно назначило тебя моим заместителем. Ты как?

– Борис, буду рад поработать вместе, тем более в трех часах езды от дома, – сказал Виктор.

Прошло несколько томительных минут, и Виктор уже осмотрел свой «тревожный» чемодан, но он не понадобился.

– Руководство и слушать не захотело мои доводы, что ты можешь вернуться на работу через три часа, – сказал Борис.

– Борис, мне жаль. Сам засиделся в кабинете. В Калуге начальником уголовного розыска области работает мой хороший знакомый Владимир Семенович. Если будут проблемы, передай от меня привет, он поможет.

– Спасибо. До встречи.

Утром Лукин прочитал в сводке, что накануне в 18:38 Ан-8 вылетел из московского аэропорта Домодедово, выполняя грузовой рейс по маршруту Москва–Львов–Баку. В 19:14 экипаж доложил диспетчеру о выключении левого двигателя и запросил разрешения вернуться в аэропорт Домодедово. Самолет находился на высоте 7200 метров. Диспетчер дал разрешение, а в 19:16 экипаж доложил о пожаре в левом двигателе и неудачной попытке ликвидировать пожар, запросив информацию о возможности посадки на ближайшем аэродроме. Экипажу была передана информация о тульском аэродроме Клоково, до которого было 140 километров. До аэродрома самолет не дотянул: в 19:20 он врезался в леси взорвался, в результате чего погиб весь экипаж. Катастрофа произошла в трех километ-

рах от поселка Сосенский Козельского района Калужской области.

МВД СССР готовилось к празднованию семидесятилетия уголовного розыска. Полковника милиции Лукина пригласили бывшие коллеги на Петровку. К празднику заготовили медали, грамоты, памятные знаки и попросили его прийти в форме. Бывшие сыщики района ждали за столом ресторана «Будапешт». Более шестнадцати лет он отдал службе в уголовном розыске. Лукин с грустью достал из шкафа парадный мундир с медалями. То ли слишком тяжелым показался ему мундир, то ли он не захотел сверкать излишним металлом медалей. Он перевесил медали на повседневный мундир, а с него взял орденскую планку. Оставил на мундире золотой знак отличника милиции и отличника МВД. Все награды были ему дороги, так как они были за обезвреживание вооруженных преступников.

Форма Лукину нравилась. Он подогнал ее по фигуре в ателье. С полковничьими погонами можно было прогуляться по улице, но он чувствовал себя, как на площади в одних трусах и штиблетах на босу ногу. Утром он поехал на работу на машине, решив на Петровке не выпивать, а вечером поставить машину. Как обычно, на работе он заглянул первым делом к дежурному по Госавианадзору, чтобы узнать обстановку.

– Лукин, ты решил в форме лететь в Якутию? – спросил дежурный Бочаров.

– А что случилось? Почему раньше не сообщили мне по телефону?

– Ночью произошла катастрофа с Ан-12 Якутии под Батагаем. Руководство решает, в каком составе полетит комиссия. Я подумал, что тебе уже объявили, и ты приехал

в форме, – сказал дежурный.

В отделе расследований происшествий с самолетами были только начальник отдела Петр Семенович Сидоров и молодой специалист Александр Нерадко. Начальника отдела и назначили председателем комиссии, а в инженерно-техническую подкомиссию Александра. Другие сотрудники были в командировках.

– Хотел слетать на расследование вместе с полковником милиции, но куда там. Лукин у нас «особо важная персона». Руководство не отпускает от себя, – сокрушался Сидоров.

– Петр Семенович, поверьте, что я тоже хотел бы с Вами в Якутию.

Он давно не был в тех краях, где река Лена заканчивает свой бег к Северному Ледовитому океану. Здесь полвека назад построили арктический порт Тикси. Сюда доставляют продукты и промышленные товары для Якутии и районов крайнего Севера, а потом тянут баржами по Лене или перевозят транспортными самолетами. 4 октября 1988 года взлет самолета Ан-12 был произведен в 14:50 по московскому времени с аэродрома Тикси. До аэродрома Батагай было около 800 километров, и там ожидали 15 тонн яблок. Экипаж с разрешения руководителя полетов выполнял заход на посадку ночью на полосу, для которой был предусмотрен только визуальный заход, так как приземлиться с другим курсом не позволял ветер, выходящий за пределы ограничений самолета. Командир принял решение, но выполнил снижение с нарушением схемы захода на посадку с большой вертикальной скоростью. Сигнализация об опасном сближении с землей была отключена. В 15:58 по Москве или в 21:58 местного времени самолет в горизонтальном полете на высоте 530 м на удалении 25 км

от аэродрома Батагай столкнулся с горой, полностью разрушился и сгорел. От самолета остался один хвост. Погибли все 6 членов экипажа. В Москве продолжалось «бабье лето», а в Батагае морозы под двадцать градусов. От взрыва самолета яблоки разбросало по снегу на склоне горы.

Лукин заехал к директору магазина Николаю Ивановичу на Башиловской улице отовариться, чтобы накрыть праздничный стол. Николай Иванович сначала бросил взгляд на погоны, а уже потом на веселые глаза Лукина, прикрытые наполовину козырьком фуражки.

– Тебя и не узнать, – улыбнулся он. – А я подумал, что пришли брать.

– А ты так набедокурил, что за тобой должны прислать не ниже полковника, хотя с твоими связями можно и генералов посылать на три буквы, – засмеялся Лукин.

– Хорошо, что я по линии уголовного розыска чистый. Не хотелось бы общаться с такими шутниками, как ты. А что сегодня в форме? Стали забывать на земле? И больше по имени отчеству не величают? Да и к столу не зовут? – улыбнулся Николай Иванович.

– У нас сегодня 70 лет уголовному розыску. Николай Иванович сообрази что-нибудь для дома вкусненького на твое усмотрение.

– Скидку сделаю в честь юбилея. Хотя ты, теперь говорят, в авиации работаешь.

– От скидки кто же отказывался. А я теперь получаю в три раза больше начальника районного управления милиции.

– Серьезная зарплата, поздравляю, – сказал Николай Иванович. – Тогда смело могу предложить для дома осетринки горячего копчения, буженины, пару батанов сыро-

копченой. Икра только красная. Коньяк получил армянский, но ты его не очень любишь.

– Я не люблю паленый коньяк, а от армянского не откажусь. Можно бутылок пять? Тесть в выходные подъедет, угощу. У него закончились партийные пайки.

– Да, сложно людям, которые десятилетиями пользуются многими благами, а потом выходят к людям в обычные магазины.

– Вот поэтому я в форме и пришел, чтобы не обижали в магазине.

– Ко мне ты можешь заваливаться хоть в трусах. Я тебя обслужу в лучшем виде. А если ты в трусах придешь к Валентине в соседний магазин, то она все отдаст.

– Тебе все шуточки.

– Про трусы да, но к Валентине загляни в форме, она будет очень рада.

– Иванович, ты же знаешь, у нас с ней дружба.

– У тебя может быть.

– А ты сегодня за сваху?

– Все молчу. Твой заказ готов. Дай ключи от машины: мой администратор положит все в багажник. Неудобно полковнику выходить из кабинета с сумками.

Администратор Анатолий вернулся и с растерянным видом сообщил:

– Товарищ полковник, я все положил в багажник. Но там самосвал ЗИЛ-130 парковался. Задним колесом снес Вам переднее крыло и бампер.

– И скрылся? Номер запомнил? – спросил Лукин.

– Да нет, он сидит в кабине и, похоже, не заметил, что повредил Вашу машину.

Самосвал голубого цвета стоял впереди его "восьмерки". Лукин посмотрел повреждения и улыбнулся. Тот

зацепил задним правым колесом его левую, уже битую сторону. Опять тоже крыло, бампер и облицовку, которые были повреждены до того в аварии Федором Пантелеевичем. Крыло он поправил и покрасил губкой с заметными буграми. Пластиковые бампер и облицовка снова от удара слетели с креплений. Водитель грузовика не обратил внимания на свои чудачества и никуда не торопился. Виктор надел фуражку и постучал в стекло кабины самосвала, на двери которого была надпись Первого автокомбината с Хорошовского шоссе. При виде полковника милиции водила ничуть не стушевался.

– Что случилось, командир? – поинтересовался он.

– Вы при парковке зацепили мою машину, что стоит сзади вашей.

– Не может быть!

– Пройдите, посмотрите.

– Не может быть, чтобы это я. Я парковался аккуратно. Вы на меня наговариваете.

– Еще один Федор Пантелеевич. Да, конечно, а Ваше правое заднее колесо я намазал белой краской своего автомобиля, – Лукин сохранял спокойствие на его хамство.

Тот посмотрел на свое заднее колесо, потом на черные следы резины на «восьмерке» и согласился.

– Да, похоже, что зацепил. Но у Вас крыло-то уже битое было, так что Вы за него ничего не получите.

– Да, крыло битое, но это не значит, что можно безнаказанно сносить полморды стоячей автомашины.

– Я сейчас поставлю бампер на место, и все будет в порядке. А крыло все равно надо ремонтировать. Если вызывать ГАИ, то я найду, где у Вас была авария и докажу, что все это уже было повреждено до меня, – уперся водила.

Но почему ему попадаются одни хамы на дороге, кото-

рые отнимают у него время для разборок с ними. А этот виноват в полный рост, и тоже права качает, да и плевать ему на форму полковника милиции.

– Записывайте, – резко сменил тон Лукин.

– Что записывать?

– Авария с моей машиной была совершена в городе Судаке. Номер протокола дать?

– А, зачем?

– Чтобы ты не искал, где была авария, и когда были эти повреждениями.

– Во дает полковник!

– А когда ты получишь оттуда ответ, то я тебе покажу другую бумагу. Она у меня в бардачке машины лежит, что ремонт произведен, и детали поставлены все новые.

– Но я же вижу, что все битое. И зачем Вам такой фортель?

– Да до хрена еще по Москве ездит таких чудаков на букву «М», как ты.

– Ну, ты, полковник, даешь, – на этом у него закончились возражения.

«Водила, одним словом», – подумал про себя Лукин.

В это время показалась машина ГАИ и Виктор помахал ему рукой. Майор милиции вышел из машины.

– Командир, выручай. Сегодня праздник уголовного розыска, а этот чудик снес мне левую сторону.

– И что денег не дает? – спросил майор.

– Да, еще хамит.

– Правда, участок не мой, но придется помочь, а протокол я передам в местное ГАИ на Вятской улице. Справку у них получишь. Машина застрахована?

– Да, конечно, на полную катушку.

– Тогда пусть хамит дальше.

– Ну, за потерю товарного вида с меня не получите, буду жаловаться, – не унимался водитель грузовика.

– А я не претендую на потерю товарного вида. Мне и этого хватит.

– Вижу, вы грамотный в вопросах аварий, – майор милиции из ГАИ обратился к водителю грузовика.

– А вы как думали! Все ровно за аварию будет платить 1-й автокомбинат, а он богатый.

– Тогда попрошу Ваши водительские права для протокола за наезд на препятствие, – улыбнулся майор.

В Госстрахе встретили Лукина с улыбкой.

– Нет, Виктор, ты эту машину продавай. Я на осмотр вызову, но, как правило, с первого автокомбината никто не приезжает. Наверное, богатые, – предположил инженер Госстраха Алексей.

Виктор оперативно оформил аварию в ГАИ и Госстраха. Теперь осталось привести справку из ГАИ и ожидать причитающуюся ему сумму на повторный ремонт.

На Петровке 38 ощущался праздник уголовного розыска. Пообщавшись с коллегами, он ушел с торжественного заседания в ресторан «Будапешт», где ждали его бывшие подчиненные. Машину оставил около отделения милиции на Пушкинской улице. Встретили его в ресторане очень радушно. Руководство ресторана никогда не видели его в форме, и не только они, но и некоторые дамы, чье поведение сыщики называли легким. Да и не принято было ходить в милицейской форме в ресторан. Комплементы сыпались в оба уха, намекая, что вечер может окончиться в бане «полной расслабухой». Их фантазиям не было предела. Виктор знал, что стоит только «повестись» и тебя тут же сгребет какая-нибудь красавица и оприходует в номере гостиницы на первом этаже. Сыщики выпили, заку-

сили и начали шарить опытным «всевидящим оком», выискивая объект для танцев. Через полчаса многие в ресторане знали, что они празднуют. К Виктору подошла Лера с длинными светлыми волосами, пригласила на танец.

– А ничего, что в форме? – спросил он.

– Она Вам очень идет, да еще столько медалей, как с войны.

– Лера, ты же знаешь, что у нас своя война, – Виктор давно знал Леру и ее компанию продавцов из «Детского мира». Они еще операми во время обеденной прогулки заглядывали в «Детский мир» и пугали продавцов новым строящимся серым зданием КГБ, который с торца окнами выходил на «Детский мир»: «Вот скоро чекисты достроят свое здание и поменяют всех продавцов вашего магазина на своих сотрудников, чтобы не заглядывали к ним в окна».

Шутка не очень удачная, но повод для знакомства был. Их компания обычно мальчишником отмечали разные события в «Будапеште», а девчата из «Детского мира» или ЦУМа праздновали свое, а потом потихоньку столы их объединялись в общий. А дальше все по индивидуальному плану.

Виктор как-то неуютно чувствовал себя в форме, как голый среди толпы, постоянно ловил чей-то взгляд на себе. Он потихоньку ретировался в сторону дома. Да и пора уже, так как день получился насыщенным событиями, а утром на работу.

Борис вернулся с расследования катастрофы под Козельском. Лукин не задавал вопросов Борису, как председателю комиссии, зная, что тот не сможет на них ответить. Диспетчер развернул самолет с горящим двигателем и отправил на аэродром Клоково, который находился в 150 ки-

лометрах под Тулой. А в 50-ти километрах прямо по их курсу на границе Смоленской области был военный аэродром дальней авиации Шайковка, на котором принимали тяжелые бомбардировщики ТУ-16 и ТУ-22, и взлетно-посадочная полоса могла спасти самолет от катастрофы. Через девять минут полета, когда самолет набрал высоту 3600 метров, экипаж обнаружил потерю низкого давления в магистрали топлива левого двигателя. Бортмеханик предложил бортрадисту осмотреть самолет с целью обнаружения утечки топлива. Откуда было знать радисту, в каких местах искать ту утечку и доложил, что ничего не обнаружил. Давление продолжало падать. Топливо выливалось из системы наружу. Командиру экипажа сразу бы запросить у диспетчера разрешения на возвращение для проверки топливной системы и устранения течи, а он продолжил полет. Но через двадцать минут при наборе высоты в 7200 метров он увидел повышенный расход топлива. Командир дал команду бортмеханику самому осмотреть самолет, но было уже поздно. Начался пожар. Однако пожарных датчиков не было в очаге возгорания, и аварийный сигнал на пульте бортмеханика не загорелся. Вытекшее топливо воспламенилось. Левый двигатель стал работать неустойчиво. Экипаж уменьшил режим работы двигателя, но пламя уже вырывалось из двигателя. Сработала сигнализация, введя в действие систему пожаротушения. Бортмеханик увидел через боковой иллюминатор, выбивающееся наружу пламя. Система пожаротушения сработала, но пожара не потушила. Командир связался с диспетчером и тот направил его на аэродром под Тулой.

Попытка экипажа сбить пламя скольжением привела к повышению температуры в очаге. Начался титановый пожар, от которого не было спасения в воздухе. Коман-

дир, запросив диспетчера о своем местонахождении, понял, что спасение может быть только на земле. До аэродрома под Тулой было 114 километров, и командир решил совершить вынужденную посадку на местности. С высоты 3000 метров самолет прошил сплошную облачность с вертикальной скоростью 100 метров в секунду и вышел из нее на высоте 300 метров с большим креном. Плоскость крыла в районе установки левого двигателя от титанового пожара прогорела насквозь, и двигатель упал на шахтерский поселок Сосновский. Самолет на большой скорости и с большим креном врезался в лесной массив в трех километрах восточнее поселка. Все пять членов экипажа погибли.

В 19:25 теплым осенним вечером жители шахтерского поселка Сосновский вздрогнули от оглушительного взрыва. На месте падения самолета образовалась воронка в три метра глубиной и размером 30 на 8 метров. Начался лесной пожар. Жители поселка были уверены, что самолет должен был упасть в центре Сосенского, но командир экипажа в последние минуты жизни вывел падающий самолет за пределы поселка и предотвратил страшную трагедию.

В комнате дежурного Лукин встретил полковника Литвиненко с «тревожным» чемоданом в руках.

– Валерий, ты опять в полет? В какую сторону на сей раз? – Лукин протянул руку и поздоровался.

– В Тбилиси. Там на военном аэродроме ПВО около Марнеули угробили экипаж самолета АН-12, – сказал Литвиненко.

– Я знаю Марнеули. На юге от аэропорта Тбилиси в тридцати километрах. Там военный аэродром в 12-ти километрах, окруженный горами Малого Кавказа. Тебя встретят?

– В Грузии умеют встречать и застолье устраивать, но

не тот случай.

– Ты сказал, что экипаж угробили, значит, наземные службы?

– Дежурным по приему и выпуску самолетов на военном аэродроме Сандар посадили молодого лейтенанта-вертолетчика, а тот проглядел уклонение самолета от линии заданного пути вправо на удалении 41 километра от аэродрома и разрешил снижение в горах до высоты 600 метров. Через несколько минут отметка на локаторе пропала, а экипаж на связь не выходил. Высланный вертолет обнаружил место столкновение самолета с горой высотой свыше тысячи метров.

– Да, там и без расследования все ясно, – сказал Лукин.

– Надо все задокументировать для расследования и приказ подготовить о наказании. Экипаж жаль. Они не могли ничего предпринять, чтобы избежать гибели.

– Счастливого тебе полета, – пожелал Лукин.

Многие катастрофы можно было бы избежать, будь чуть внимательнее в те моменты диспетчеры на земле и экипажи в воздухе. Военные летчики выполняли «афганский заход» на посадку с оправданным риском для жизни, потому что моджахеды целились в них ракетами. А что же мешало летать без нарушений правил полетов и без риска для жизни летчикам в мирном небе?

Вернулась бригада из Якутии во главе с Петром Сидоровым.

– Виктор Павлович, помогите специалисту нашей комиссии передать материалы в прокуратуру, – попросил Сидоров. – Причина катастрофы ясна, но прокуратура должна сказать свое слово.

– Хорошо, Петр Семенович.

Лукин открыл материалы и опять схожие ошибки. Дис-

петчер не доглядел и экипаж не принял мер, чтобы предотвратить катастрофу. При заходе на посадку ночью на горный аэродром Батагай экипаж Ан-12 с разрешения руководителя полетов выбрал курс, предназначенный только для визуального захода, так как приземлиться с другим стартом не позволял ветер, выходящий за пределы ограничений самолета. Данное решение было принято с нарушением правил полетов командиром-инструктором, но на всех этапах полета пилотирование осуществлял командир-стажер. И прогноз погоды аэропорта был неутешительным со штормовым ветром у земли до 12 метров в секунду, с видимостью более 10 км, облачностью слоисто-кучевой, частично закрывающей горы.

С прогнозом по ветру было ясно еще при вылете из Тикси, что заход на посадку в Батагае возможен только визуальный. В 21:31 местного времени экипаж доложил о входе в район управления воздушным движением Батагая на эшелоне 6300 м. В 21:40 экипаж по команде диспетчера без информации о направлении и скорости ветра приступил к визуальному заходу. По команде командира-инструктора был заранее определен порядок захода на посадку по несуществующей схеме, о чем экипаж не информировал службу УВД. На высоте 3000 метров в 21:55:03 на удалении 6 километров и скорости 360 километров в час экипаж дезинформировал диспетчера докладом о пролете дальнего радиомаяка. Диспетчер не определил фактическое местоположение самолета и в 21:55:07 разрешил экипажу дальнейшее снижение до эшелона 1200 м и заход на посадку левым разворотом по схеме, хотя заход на посадку в горах возможен только при наличии непрерывного радиолокационного контроля. Через две минуты у диспетчеров произошла смена. Эки-

паж доложил новому диспетчеру о занятии высоты 1200 метров. Диспетчер сообщил экипажу давление аэродрома и разрешил снижение до 500 м. Экипаж подтвердил установку давления и продолжил снижение. Новый диспетчер не контролировал полет самолета по радиопеленгатору и разрешил заход на посадку. Экипаж продолжал снижение на повышенных скоростях без выпуска шасси и закрылков.

В 21:58:13 диспетчер определил по пеленгу самолета нарушение экипажем схемы захода на посадку, но экипажу не сообщил и мер по предотвращению нарушения не принял. На высоте 530 метров самолет с креном вышел на горизонтальный полет. В 21:58:49 сработал сигнал радиовысотомера об опасном сближении с землей, но экипаж не перевел самолет в набор высоты и по команде командира-инструктора радиовысотомер был выключен. В 21:58:56 самолет в горизонтальном полете на высоте 530 метров с приборной скоростью 355 километров в час на удалении 25 километров столкнулся с горой, полностью разрушился и сгорел. От самолета остался один хост…

Армения

В СССР руководство страной старалось не тревожить народ сообщениями о крупных катастрофах. Подробно сообщали о наводнениях в Европе и цунами в Японии, о землетрясении в Мексике и извержениях вулканов, но на нашей земле все было «прекрасно». 7 декабря 1988 года в Армении произошло страшное землетрясение и слухи разлетались быстро. Это и неудивительно, ведь в один миг была разрушена половина республики. Серия подземных толчков за 30 секунд практически уничтожила город Спитак и нанесла сильнейшие разрушения городам Ленинакан, Кировокан и Степанаван. Вся страна погрузилась в траур, и каждый час сообщали в новостях о последствиях катастрофы. По подсчетам специалистов, во время Спитакского землетрясения в зоне разрыва земной коры была высвобождена энергия, равная

взрыву десяти атомных бомб, сброшенных американцами в 1945 году на Хиросиму.

Трагедия Армении потрясла весь мир. В пострадавшую республику прибыли врачи и спасатели из Франции, Швейцарии, Великобритании, ФРГ, США. В аэропортах Еревана и Ленинакана приземлялись сотни самолетов со спасателями, с грузом гуманитарной помощи из 111 государств. Вся страна и мир были потрясены масштабами природного катаклизма. Столь жестокого разгула стихии Армения не знала с XI века, когда погибла древняя армянская столица Ани. Со всех уголков СССР поспешили добровольцы-спасатели, врачи, военнослужащие. На восстановительные работы приехали 45 тысяч строителей из всех союзных республик.

Днем 11 декабря 1988 года у дежурного Госавианадзора СССР началась суматоха. Пришло сообщение о катастрофе самолета Ил-76 военно-транспортной авиации в районе Ленинакана. Экипаж и военнослужащие, летевшие на помощь Армении, погибли. Обычно катастрофы с самолетами ВВС расследовали военные летчики. Так было и на этот раз, но в комиссию военно-воздушных сил Председатель включил Лукина.

– Лукин, получите приказ о назначении Вас в комиссию по расследованию катастрофы совместно с нашим отделом ВВС. Председателем будет их командующий. Получите тревожный чемодан, а мы сейчас решаем, каким бортом полетите военным или гражданским. Все расписание поломано, и мы уточняем, в каком состоянии полоса в Ленинакане, – сообщил дежурный.

Лукин был готов к вылету в любое время, но обстановка в дежурной части еще более накалилась, когда пришло сообщение о разбившемся вертолете Ми-8 в районе земле-

трясения. Оказалось, что военные летчики после получения сообщения о катастрофе ИЛ-76 уже вылетели своим бортом с военного аэродрома. Вместе с ними вылетел Владимир Грищенко из отдела военной авиации. Руководство Госавианадзора распределяло своих специалистов по комиссиям, а дежурный продолжал выяснять в московских аэропортах, каким рейсом они могут вылететь в аэропорт Армении.

Через час пришлось переделывать все приказы о назначении специалистов Госавианадзора в Правительственные комиссии по расследованию катастроф, так как пришло еще одно сообщение о катастрофе самолета Ан-12, принадлежащего военно-воздушным силам Югославии. Самолет разбился в 12 километрах от аэропорта Звартноц под Ереваном. Создали Правительственную комиссию и Председателем назначили Первого заместителя Рудольфа Амбарцумовича Теймуразова. Одновременно руководству комиссии поручалось контролировать работу по расследованию катастроф с военным самолетом ИЛ-76 в Ленинакане и с вертолетом МИ-8. Лукин был назначен в Правительственную комиссию.

Глубокой ночью дежурный «рафик» с комиссией подъехал к служебным воротам аэродрома. Сквозь метель светилась надпись аэропорта Домодедово. Накануне в Москве навалило снегу, и ударил мороз около пятнадцати градусов. Однако хоть и мело уже третий день, но аэропорт функционировал без задержек рейсов. Лукин увидел в стеклянной башне диспетчеров и руководство полетами. Они управляли взлетами и посадками, снежной командой, без которой полетов не будет. Руководитель выискивал в темноте на взлетно-посадочной полосе и рулежных дорожках желтые проблески маяков уборочной техники,

чтобы они не заехали, куда не надо.

Около входа в комнату для депутатов комиссию встретила бортпроводница и села к ним в дежурный «рафик». Она проводила их до трапа самолета и в салоне самолета оформила места по проездным билетам. Самолет был уже готов к вылету с пассажирами в Ереван. Рудольф сидел впереди, а Лукина с Леонидом Каширским и летчиком-инструктором Маратом Халиловым – сзади. Она улыбнулась им и пожелала приятного полета. Они, не сговариваясь, обернулись ей вслед и улыбнулись своим красивой девушки со стройной фигурой, хотя в их первом салоне бортпроводница была не менее красивой в сапожках на шпильках.

– Леонид, с такими девчонками приятно летать даже на катастрофы, – улыбнулся Лукин.

– Да, их не только мы провожаем завистливыми взглядами. Им даже некоторые женщины с тяжелыми чемоданами смотрят в след, когда они проходят мимо. Все ими любуются и, наверное, завидуют, даже молодые девчонки, мечтающие о романтической профессии, о полетах в дальние страны.

– Леонид, а ты о чем мечтаешь, провожая их взглядом? – засмеялся Лукин.

– Просто любуюсь.

– Ну, я так и подумал, – сказал Лукин.

Уставшие за целый день от нервотрепки на работе и бессонной ночи, они откинулись в пассажирских креслах, чтобы передохнуть во время полета. Долго решался вопрос, в какой комиссии им работать, но потом их обрадовали, что спросят с них по результатам расследования по всем трем катастрофам, так что отдыха на месте не предвидится. Но заснуть Лукин так и не смог. В полудреме ему

припомнилось, что на протяжении всей истории авиации известно, что если происходит какое-то авиационное происшествие, то вскоре на земле случается другое с очень схожими обстоятельствами. На этот раз в течение суток произошли три авиационных катастрофы. Они явно выходили за рамки той теории парности. Возможно, они были связаны с разломами в земной коре во время землетрясения и мощными выбросами инертных газов, но то была другая ситуация. Лукин сомневался в научных истинах, которые основаны лишь на косвенных измерениях. Но у Жюль Верна очень многое сбылось, а когда-то было фантастикой. Никто никогда в глаза не видел ту энергию. Всего лишь гипотеза, как и теория внутреннего строения Земли. Судя по сегодняшним событиям, больше всего от нового «чуда природы» страдает авиация. Рассуждения Лукина на фантастические темы прервал голос бортпроводницы, известивший о снижении самолета и необходимости пристегнуть ремни. Температура в ереванском аэропорту Звартноц была плюс десять. Самолет медленно пробирался сквозь толщу серовато-сизых облаков, а потом начал резкое снижение.

«Афганский заход» на посадку», – подумал Лукин.

– Это особенность горного аэродрома, – пояснил Леонид Алексеевич, председатель инженерно-технической подкомиссии. – Аэродром находится на высоте тысяча метров над уровнем моря в горах.

Ощущение было не из приятных, так как Лукин увидел едва заметные огни взлетно-посадочной полосы, и тут же произошло касание шасси бетона. Командир посадил самолет в предрассветную дымку серого цвета при видимости не более ста метров, как показалось Лукину.

Траур и скорбь ощущалась уже в аэропорту. Преобла-

дали черные краски, и сумрачная погода подчеркивала, что природа сотворила что-то страшное. Седой туман окутал мрачные окраины. Беда требовала не простого осмысления ситуации, а нужно было срочно оказывать помощь раненым, разбирать завалы и освобождать погребенных под ними людей. Полмиллиона человек остались без крова, воды и пиши, а на улице была зима.

Два дня назад прилетел в Армению Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев, а вслед за ним Председатель Совета Министров СССР Рыжков. Они из Еревана отправились в разрушенные землетрясением города. Рыжков руководил ликвидацией последствий и восстановительными работами. Как и все, Николай Иванович работал на «износ». Он встретился в аэропорту с руководителем Правительственной комиссией по расследованию Теймуразовым, и на нем лица не было.

Уже светало. В аэропорту творилось что-то невообразимое. Вокруг чувствовалась беда. Комиссию встретили руководители Управления гражданской авиации Армении, которые предложили сделать доклад по обстоятельствам катастрофы на месте происшествия. Катастрофа произошла на автотрассе в Эчмиадзин. Аэропорт Звартноц находится между Ереваном и Эчмиадзином в Араратской долине, в десяти километрах от столицы. Они выехали из аэропорта и на шоссе свернули налево в сторону Эчмиадзина и через десять минут были на месте.

Комиссия в полном составе прошла от места столкновения самолета с опорой моста до передней части фюзеляжа на шоссе. После столкновения с мостом через небольшую речку самолет Ан-12 разрушился. Передняя часть фюзеляжа с кабиной проскользила нижней плоскостью по шоссе в сторону Эчмиадзина и еще дымилась в

сером тумане на асфальте в сотне метров от моста. Хвост самолета от взрыва улетел метров за пятьсот и лежал на склоне горы с посадками винограда, а крыло правее от хвоста воткнулось в землю другого склона с виноградником.

Теймуразов попросил доложить первые результаты работы руководителя аварийно-спасательных работ Арутюняна.

– Полет проходил ночью. Свидетели катастрофы пока не установлены. Судя по разбросу частей самолета, скорость при ударе была свыше трехсот километров в час, то есть не посадочная. Он летел по руслу небольшой горной реки и на скорости врезался в правую опору моста через реку. Удар пришелся в верхнюю часть опоры, которая частично разрушилась, осыпалась часть полотна дороги. Предположительно, летчики ошиблись при установке давления на высотомере и думали, что до земли у них еще тысяча метров, – доложил Арутюнян.

Вокруг места происшествия суетилась толпа народа. Кто-то рассматривал разрушенный мост и самолет, а кто-то вытаскивал теплые вещи из обломков самолета, которые везли югославы, как гуманитарную помощь. Здесь были инструменты по резке бетона и арматуры для разбора завалов, теплые куртки и одеяла. Погода в горах быстро менялась. Оттепель вот-вот сменится морозами. Югославы знали на своем горьком опыте, что необходимо во время такого бедствия. В югославском городе Сопле было землетрясение, и советский народ первым откликнулся на ту беду. Поэтому экипаж ВВС Югославии, вылетавший из Сопле, толком не отдохнул. В тот же день они прилетели из Лондона, загрузились и поспешили в Армению помочь пострадавшим.

На месте происшествия работать было невозможно.

Леонид Алексеевич, которому, как председателю инженерно-технической подкомиссии, необходимо было провести осмотр места происшествия, разыскать «черный ящик» и другие вещественные доказательства, проявил справедливое недовольство:

– Надо место происшествия очистить от зевак и разных чиновников. Лукин, ты можешь попросить своих коллег из МВД? – спросил он.

– Попробую, Леонид, но это Армения, а в местной бузе, я сомневаюсь, что работники милиции смогут нам помочь. Ладно, что-нибудь придумаю.

Они с Леонидом были в дружеских отношениях, иногда подкалывали друг друга, но здесь вопрос был серьезным. Разогнать толпу не под силу было четырем милиционерам, выделенным из местного отделения.

– Кто у вас старший? – Лукин подозвал одного из них.

– А что вы хотели? – с кавказским выговором ответил тот на вопрос вопросом.

Здесь, в Армении, его бывшие коллеги вряд ли сразу поймут, что он от них хочет, если не представиться во всей красе, потому что каждый рядовой милиционер чувствует себя министром перед гражданами.

– Я начальник штаба Правительственной комиссии по расследованию авиационной катастрофы, – Лукин указал рукой в сторону обломков самолета и тут же достал удостоверения полковника МВД СССР и Совета Министров СССР, от которых сержант милиции вытянулся в струну, хотя сержант милиции в Армении «большой начальник». – Вижу, Вы не в состоянии обеспечить охрану места происшествия и перекрыть движение по дороге, чтобы комиссия могла осмотреть место происшествия. После осмотра надо организовать эвакуацию обломков самолета. А пока

надо обеспечить охрану места и прекратить мародерство. Надо объяснить народу, что комиссия ничего из груза изымать не будет и все отдадут им, но после осмотра. Прошу срочно связаться с начальником милиции, чтобы он приехал сюда для наведения порядка.

Видимо, информация быстро дошла до местного руководства милиции, что на месте происшествия представитель МВД СССР, поэтому начальник ОВД майор милиции прибыл через минут двадцать, а вслед за ним приехали сотрудники из МВД Армении.

Лукин попросил их организовать охрану места происшествия, чтобы не мешали работе комиссии.

– Но на месте происшествия находятся наши партийные руководители, – возразил начальник милиции.

– Отведите им место с обзором, скажем на том винограднике, можете даже с трибуной, – улыбнулся Лукин и показал на гору.– А на месте происшествия будут работать только специалисты. Театр отменяется. У кого будут вопросы, то направляйте ко мне. Я их запишу в справку для доклада Рыжкову и представителям прессы. Докладывать пока не о чем. Пока мы работаем «в поле», вызовите участковых для выявления и опроса свидетелей происшествия. Хоть и ночью случилось, но отработать надо. Совещание комиссии будет вечером в кабинете начальника аэропорта Звартноц, где партийные руководители могут присутствовать, если им так интересно и других нет дел по ликвидации последствий землетрясения. Попрошу к тому времени доложить о результатах.

– Хорошо, все сделаем. Вот только народ у нас непонятливый. Мы уже им объясняли, что с места происшествия нельзя ничего брать, но все равно прут. И сил у нас маловато. В республике, кроме землетрясения еще волне-

ния происходят, все сотрудники задействованы, – объяснил начальник милиции.

– Да, я понимаю. А есть ли поблизости воинская часть? – спросил Лукин.

– Здесь недалеко танкисты стоят. Я знаю командира полка. Вот если бы Вы со мной проехали к нему из Правительственной комиссии, я думаю, он бы нам помог в охране места происшествия.

Танковый полк оказался совсем недалеко. Объяснив командиру полка ситуацию, Лукин попросил у него десять солдат в помощь милиции по охране места происшествия на два дня, пока будет проходить осмотр и эвакуация обломков.

– Ну что ж, это можно. Только у меня не солдаты, а экипажи танков, и я не могу их выставить пешком. Вдруг тревога. Потом буду их по виноградникам искать, а так они будут на танках с рациями, и я смогу передать им любую команду. С ними будут офицеры. Сухой паек им выдадим на трое суток. Сейчас организовать питание сложнее, чем охрану места, – согласился командир танкового полка.

– Может и лучше, что на танках. – Лукин был доволен этим решением. – А экипажам мы летные сухие пайки подбросим для разнообразия питания.

– Конечно, лучше на танках. Мы уже охраняем в Ереване коньячный завод. Иначе растащили бы все коньяки на митинги. Здесь народ горячий, но силу воспринимает правильно, и ведут себя тихо. Через два часа встречайте два экипажа. Я думаю, их надо поставить по обе стороны на шоссе, чтобы отсечь место происшествия. А в виноградниках милиция справится, – сказал полковник.

– Спасибо, выручили. Вы мне напишите номер Вашего танкового полка и Ваши данные, мы Министру обороны

письмо направим благодарное от Совета Министров СССР.

– Вот этого не надо. Я по-дружески хочу помочь начальнику милиции. Мы с ним вечером разберемся, правильно Самвел? Так что заходите в гости.

– Спасибо, но не смогу. Мы будем работать в авральном режиме. Так что за посиделки спасибо.

Через час по горной дороге с грохотом подкатили два танка. Из люков вылезли два молодых лейтенанта и доложили начальнику милиции, что прибыли в его распоряжение. На месте происшествия воцарился порядок. Специалисты спокойно работали. Оба танка поставили поперек шоссе перед мостом и за обломками самолета в пятидесяти метрах. Рядом с танками по два сотрудника милиции в форме и машина ГАИ в трехстах метрах, не доезжая места происшествия, откуда сотрудники отправляли автомобили в объезд.

Леонид подошел к Лукину, стоящему около танка с лейтенантом:

– Вот это, я понимаю, охрана места. Лейтенант, а что башней крутите? Может, жахнете разок для порядка из пушки холостым?

– Можно будет, если команду дадут, только у меня холостых нет. Все боевые. Нам из части без полного боекомплекта выходить запрещается, – пояснил лейтенант.

– Вот это порядочек в танковых войсках Советской армии. И народ, видимо, это знает. Смотрите, сразу все рассосались и ни одной машины посторонней не видно. – Леонид был удовлетворен воцарившимся порядком на месте происшествия.

Уже смеркалось. Члены комиссии решили вернуться в аэропорт, провести первое заседание и обменяться мне-

ниями.

– Лукин, пока будут все собираться, пойдем, покажу первое касание самолета о землю, – предложил Леонид.

Они с Леонидом спустились у моста к реке и прошуршали по гальке горной речушки.

– Вот здесь он коснулся правой стойкой шасси о камни, и стойку оторвало. Видимо, командир в последний момент высветил прожекторами самолета мост и рванул штурвал на себя. Самолет немного приподнял нос в воздухе, но ему не хватило несколько секунд, чтобы избежать столкновения с опорой моста. Удар пришелся в ее верхнюю часть. Ну ладно. Это пока наблюдения. Расшифровка покажет, как все было на самом деле, – сказал Каширский.

– Леонид, ты как индеец-следопыт должен в конце доклада сказать: «Хау, я все сказал», – улыбнулся Лукин.

– Будешь подкалывать, больше ничего не покажу. Будешь командовать в своем кабинете без свежего воздуха.

Комиссию сопроводили в кабинет начальника аэропорта Звартноц. В большой приемной их встретила улыбчивая секретарь Надя. Если уж в стюардессы девчонок отбирают красивых, то Надя, наверное, победила среди них на конкурсе красоты. Рядом с ней стоял Николай Васильевич, генерал из Министерства гражданской авиации, начальник инспекции по безопасности полетов. Он сюда откомандирован в день землетрясения, так как аэропорт Звартноц в одночасье превратился в международный с большой интенсивностью полетов. Николай Васильевич что-то диктовал Наде, которая печатала на машинке. Он всегда был подчеркнуто аккуратен. При всей царившей вокруг суматохе рядом с этой красавицей он выглядел очень элегантно, в хорошо пошитой и отутюженной летной форме.

Николая Васильевича назначили заместителем Председателя комиссии. На первом заседании комиссии определили направление расследования для руководителей подкомиссий, которые уже давно приступили к работе и доложили результаты.

По предварительным сведениям летчиков и диспетчеров из комиссии, югославский экипаж самолета Ан-12 допустил ошибку при выставлении высотомера: на сто миллиметров ртутного столба выставили 734 мм вместо 634. При снижении в районе аэропорта они предполагали, что у них запас высоты до земли более двух тысяч метров, но они ошиблись на тысячу метров. Поэтому у них при столкновении с землей была полетная скорость. Они думали, что имеют еще достаточный запас высоты. Каширский доложил об обнаружении «черного ящика» и бортового самописца.

– Хорошо. Сегодня ночью отправим в Москву черный ящик, а магнитные записи переговоров с диспетчером и в кабине самолета постараемся здесь расшифровать. Завтра прилетают для работы в комиссии представители Югославии. Они помогут нам расшифровать переговоры экипажа, а потом отправим записи в лабораторию в Москву. Теперь поехали отдыхать. Утром работы будет много, – подвел итоги первого дня Председатель комиссии Теймуразов.

Они вышли на территорию аэродрома. От иностранных самолетов не было свободных мест. «Дугласы», «Локхиды», «Геркулесы». Такого даже в аэропорту Шереметьево не увидишь, потому что большинство из них были военными. Какие только флаги не развивались рядом с ними. Только что на стоянку прибыли французы. По углам стоянки тут же были выставлены символические

ограждения с тонкими тросами, натянут флагшток и поднят французский флаг. Рядом был выставлен портативный прожектор. Луч осветил их флаг, у которого был выставлен часовой с карабином. Все было сделано в считанные секунды. Оставалось только восхищаться, как в Европе относятся с уважением к своей стране и флагу. Такая картина была на фоне неразберихи в Армении, где уже флаг СССР был не в почете, а свой еще не получил уважения.

По Еревану они ехали уже поздно вечером. На центральной площади стояло несколько бронетранспортеров с пулеметами, а около коньячного завода «дежурили» танки. Виктор не понимал, что хотят армяне. Они, как и в других союзных республиках всегда жили в несколько раз лучше, чем русские в России. Им больше, чем русским, доставалось из копилки СССР. У них многие жили в добротных двухэтажных индивидуальных домах. Автомобили они скупали в России, переплачивая по две цены от их стоимости. Скорее всего, опять все та же борьба за власть какого-то клана, который хочет украсть у народа, а вернее, из казны государства больше, чем другие. Но это их трудности, которые они сами себе создают.

Их привезли в гостиницу «Эребуни» в центре города. В вестибюле гостиницы на мраморном полу в спальных мешках лежали спасатели со всего мира, прилетевшие вместе со своими помощниками, умнейшими собаками, которые лежали рядом со своими хозяевами. И Лукина опять поразила их выучка. Десятки собак различных пород лежали нос к носу, и хоть бы одна из них пикнула. В вестибюле стояла полная тишина. Спасатели и собаки знали, что утром их ждет серьезная работа, поэтому тихо отдыхали.

Комиссию поселили на восьмом этаже гостиницы и

предупредили, что сегодня еще ощущались затухающие толчки землетрясения, от которых шатались люстры и шкафы, что означало балла три-четыре, но это не опасно. Они порядком устали после перелета и работы в «поле», поэтому им уже было не до затухающих толчков, но не всем.

– Неуютно будет спать при затухающих толчках, – сказал летчик-инструктор Халилов. – В самолете я спокоен, а здесь лететь без крыльев с восьмого этажа не хотелось бы.

– Вам же сказал администратор гостиницы, что ничего страшного, – сказал Лукин.

– Оно, конечно, не страшно, но откуда знать администратору гостиницы, что творится под землей? – спросил Леонид.

– Да, и почему-то спасатели ночуют на полу вестибюля в спальных мешках? – спросил Халилов. – Уж для иностранцев наверняка есть места в гостинице.

– Вы предлагаете повеселить народ и лечь спать в вестибюле? – спросил Лукин. – У меня есть другое предложение.

– Какое? – спросил Леонид.

– В буфете есть армянское лекарство против страха. По триста грамм на нос специальной микстуры с тремя звездами и сон будет спокойным.

Они с Лукиным заглянули в местный буфет и обнаружили там армянский коньяк различных марок, но с тремя звездами был предпочтительней, а еще шоколад. Больше ничего в буфете не было. Да и не нужно было. Они только прилетели, поэтому домашние «сухие пайки» еще не успели уничтожить. От приема местной микстуры в виде коньяка для снятия стресса никто не отказался.

Лукин пригласил к себе в номер своих коллег. Армян-

ский коньяк, не разбавленный на московских винзаводах, был выше всех похвал. Причем самый дешевый в три звездочки был приятнее на вкус, чем марочный «Юбилейный» и «Ани». Лукин взял на пробу разные сорта. Он знал, что в Москве дорогие спиртные напитки подделывают чаще, чем дешевые. Разбавил дорогостоящий коньяк и сразу ощущается прибыль, не то, что с дешевого, который не было смысла подделывать или переклеивать этикетки. Наоборот, на него клеят дорогие этикетки. После коньяка, как обычно, надо было поговорить, пока сон еще не начал клонить голову к подушке.

– Сколько провел расследований катастроф, но впервые приходится видеть танки в охране места происшествия, – Леонид еще раз при всех оценил находку Лукина.

– Зато эффективно. Сразу все рассосались вместе с папарацци. Еще бы пару часов мародерства на месте происшествия и потом с милицией искали бы «черный ящик» и бортовой магнитофон у населения. Или какой-нибудь умелец переделывал бы эти наши самописцы под магнитофоны в свою машину, – предположил Лукин.

– Я и говорю, что вовремя. Жестко, но мне нравится, – сказал Леонид.

– Это, конечно, хорошо, но вот закончим это дело, буду поднимать вопрос о расширении штата милиции на воздушном транспорте, чтобы были конкретные сотрудники в аэропортах, которые должны включаться в работу при катастрофах до приезда нашей комиссии. Ведь были случаи нелетной погоды, и комиссия не могла вовремя прилететь на место. А они должны работать, охранять место происшествия, выявлять очевидцев, сохранять вещественные доказательства. Иначе прилетаем на место и начинаем водить носом, где это, а где то. В приказах все вроде про-

писано правильно, что мы можем привлекать любые организации в расследовании, но это потом, после прилета и, исходя из обстоятельств, а первоначальные действия на месте происшествия всегда неизменны. А пока спросить за это не с кого. Вроде должна милиция на воздушном транспорте, а случай произошел вне зоны аэродрома, и у них с местной милицией получается несогласованность. Вот и приходится брать коньяк и идти с поклоном к командиру танкового полка. Хорошо, он понял, что очень нужно, а другой бы послал нас к своим командирам, которые бюрократическими письмами закатали бы наш вопрос. Командир танкистов даже от нашего благодарного письма отказался, потому что знает, что вместо поощрения ему вставят по первое число за его помощь.

– Это Лукин замахнулся уже на генеральскую должность. А он ее пробьет, – Леонид не удержался и подколол.

– А почему бы и нет. Я, правда, об этом пока не думал, но с другой стороны, у нас в комиссии работают генералы авиации и КГБ, так почему бы представителя от МВД не уровнять. В ЦК КПСС сидит генерал милиции, значит, можно сделать и в Совете Министров СССР, но я не из-за этого поднимаю вопрос, а чтобы дело не страдало.

– Вот это правильно, – подвел итог Председатель комиссии, – и потом нам нравится работать с полковником Лукиным. А если эта должность будет генеральская, то могут прислать на его место другого. Чей-нибудь родственник сверху займет место Лукина и опять борьба.

– Конечно, знаю, что генерал это не звание, а счастье.

– Мысли твои правильные. Надо организовывать первоначальные действия на месте происшествия до прихода комиссии или хотя бы по его охране, – продолжил Пред-

седатель. – Утром проведем короткое заседание комиссии с югославами. В диспетчерской работает группа по управлению воздушным движением, которая заодно связывается с ПВО и проверяет проводку югославского самолета, имели ли они посадку в Турции, чтобы отмести версию с закладкой бомбы на югославском борту. Инженеры знают, чем заниматься. Обратите внимание на высотомеры, когда обнаружите. А сейчас всем отдыхать.

Лукин открыл доступ свежего воздуха через окно в номер и лег в свежую постель. Ему самому не верилось, что его авантюра о создании подразделений в милиции для работы на местах происшествий понравилась руководству. Они в приказах уже прописаны и ничего нового здесь нет. Осталось только документально подчинить этих сотрудников милиции Лукину на время проведения первоначальных действий на месте происшествия. Надо подготовить письмо по данному вопросу на имя Министра внутренних дел от председателя Госкомиссии или из Совета Министров.

«А ведь Борис из ОБХСС был прав, что можно пробить генеральскую должность. Нужна только поддержка руководства, а понимание вопроса уже есть», – подумал Лукин.

Он уснул, радуясь, что нашел себе достойное занятие, ведь к каждому письму надо еще и «ноги приделать».

Утром в кабинете начальника аэропорта членов комиссии уже ожидали представители югославской стороны. Все они хорошо говорили по-русски, и переводчик им был не нужен. Югославы были в форме военных летчиков темно-синего цвета, а один из них был пехотинцем в кителе серо-зеленого цвета с красными петлицами.

Они построились в ряд и по очереди представились:

– Командующий ВВС Югославии, генерал Ангел Анчевски, командир дальней авиацией, полковник Шорок, летчик-инженер майор Милович.

Пехотинец слегка щелкнул каблуками:

– Военный атташе посольства Югославии, полковник Зоран Лоренцини.

«Разведчик, – мелькнуло в голове у Лукина, – да еще итальянец. Надо его проверить армянским коньячком».

Конечно, ничего от него Лукин не хотел выведать секретного, просто хотел посмотреть, как держат алкогольный удар сотрудники их спецслужб, но это вряд ли получится, пока не до шуток.

Рудольф Амбарцумович извинился перед югославской делегацией, что приходится их встречать в таких условиях, так как Армению потрясло страшное бедствие, да еще в республике не все спокойно.

– Ничего, нам это знакомо. В Югославии шахтеры митингуют в Черногорье, албанцы требуют свободы и отделения, поэтому мы понимаем, – пояснил генерал Анчевски.

Полковник Шорок достал из портфеля сувениры военно-воздушных сил Югославии, запонки для рубашек и заколки для галстуков с золотыми летными птичками на голубой эмали. К ним прилагалось несколько бутылок югославского виньяка литровой емкости.

«Видимо, все-таки придется вечером выпивать за встречу с коллегами по расследованию», – подумал Лукин.

Югославы проводили свое расследование, но оно было основано на работе их комиссии. В Ереване они остановились в своем представительстве. Обсудив некоторые обстоятельства происшествия, Председатель комиссии предложил югославам работать в комиссии по своим на-

правлениям. Военный атташе попал под опеку Лукина. После чего было решено проехать всем к месту катастрофы. На подъезде к танку их встретил сотрудник ГАИ капитан милиции, который доложил Лукину:

– За время моего дежурства было небольшое происшествие. Около двух часов ночи я пытался остановить автомобиль «Волга», которая проехала под «кирпич» и знак объезда. Водитель игнорировал мои требования остановиться и попытался скрыться. Я преследовал его, но вскоре врезался в гусеницы танка. Водитель был пьян и хотел скрыться, но танк его остановил.

– Повреждения есть? У танка, – с улыбкой спросил Лукин.

– Только царапина.

– Тогда это не происшествие, а с водителем «Волги» сами разберетесь.

– Конечно, разберемся.

После осмотра места майор Милович остался работать с Каширским в инженерно-технической подкомиссии. Председатель комиссии забрал с собой генерала и военного атташе. Полковник Шорок поехал расшифровывать с летчиками магнитные записи с голосами экипажа, а Лукин в отдел милиции, где его ждал очевидец происшествия.

– Расскажи еще раз товарищу полковнику, как летел самолет? – сказал Самвел.

– Да я толком ничего сказать не могу. Ночью после ресторана я возвращался из Еревана в Эчмиадзин, где живу. Перед мостом метров за сто я остановился, захотелось «по маленькому». Стоял туман, а над рекой он был густым. Вдруг послышался сильный гул двигателей самолета. В тумане звук еще сильней, и тут же меня ослепили про-

жектора самолета. Он был огромен и рядом со мной. Почти сразу же произошло столкновение самолета с мостом и взрыв. Я упал на землю, чтобы меня после взрыва обломками не зацепило. Когда встал, то на шоссе лежал самолет. В районе моста был пожар. Я испугался повторного взрыва и поехал обратно в Ереван. На шоссе я встретил сотрудников ГАИ и сообщил им о происшествии. Кого-либо спасти я не мог, пожар был сильным, – рассказал свидетель.

– Хорошо. Спасибо. Самвел, запишите его показания, – сказал Лукин.

Первое сообщение о катастрофе югославского самолета прозвучало в специальном выпуске «Новостей» из зоны землетрясения. Диктор зачитал, что самолет летел в зону бедствия из Турции. Потом в вечернем выпуске информационной программы «Время» телеведущий сообщил о катастрофе самолета, который летел по маршруту Югославия – Армения. И пошли разговоры по Армении, что югославский самолет совершал посадку в турецком городе Эрзеруме, где заложили бомбу. Председатель комиссии Теймуразов попросил полковника Грищенко из комиссии по расследованию катастрофы с самолетом ИЛ-76 сделать кальку по проводке ПВО полета югославского самолета. Вскоре Грищенко прислал проводку ПВО и стало ясно, что югославский самолет летел в Ереван без промежуточных посадок. Теймуразов дал интервью газете «Известия», что югославский самолет АН-12 следовал из македонского города Скопле в Югославии по воздушной трассе через Болгарию и Турцию, но посадка в промежуточных аэропортах до Еревана не производилась.

Дальнейшее расследование шло своим чередом. Через два дня прилетели их коллеги, расследующие катастрофу

с военным Ил-76 в Ленинакане. Грищенко из отдела ВВС сообщил на совещании, что Ил-76 Минобороны СССР столкнулся со склоном горы в пятнадцати километрах от Ленинакана при снижении до высоты круга 1100 метров ночью с видимостью пять километров. На 56-й минуте полета, в 06:10 по московскому времени, на высоте 5400 метров и скорости 400 км/ч самолет вошел в воздушное пространство аэропорта Ленинакан и по указанию диспетчера подхода экипаж приступил к снижению. При пересечении высоты 3300 м экипаж доложил диспетчеру подхода и по его указанию перешел на связь с диспетчером круга. Диспетчер круга подтвердил место самолета и разрешил дальнейшее снижение по давлению 634 мм ртутного столба до высоты 1100 метров. Штурман вел внешнюю связь и подтвердил принятое давление 634 мм, но экипажу это давление не доложил, а эта ошибка в 1100 метров. Экипаж думал, что снижается, а на самом деле…

В 06:13:57 командир корабля дал команду: «Давление 734, отсчет 2700 м» и продолжил снижение до высоты 1100 м. Датчик опасной высоты экипаж не включил и не провел сверку показаний высотомеров. В 06:22 при снижении до 1100 м и показании высотомера 1425 м произошло столкновение самолета со склоном горы. В тот день экипаж совершил несколько рейсов и достаточно не отдохнул, а этот рейс был еще и ночным. Они спешили на помощь армянскому народу. Шестьдесят восемь военнослужащих, уволенных в запас и девять членов экипажа. Вылетали они из Баку с Насосной. И это обстоятельство стало, вероятно, причиной чудовищных слухов о том, что диспетчер знал о вылете азербайджанцев им на помощь и целенаправленно сообщил экипажу неверные сведения о давлении аэродрома. И это так же невероятно, как и слухи

о руке Москвы, которая ядерными испытаниями спровоцировала землетрясение в Армении, и что югославский Ан-12 совершал посадку в Турции в городе Эрзруме, где им подложили бомбу. Никто на армян не обижался за эти слухи. Горе помутило разум некоторым.

Самолет вылетал из Баку с азербайджанскими военнослужащими запаса. И это после их вооруженных конфликтов в Сумгаите и Нагорном Карабахе. Экипаж был русским из литовского Паневежиса. В ту же ночь при таких же ошибках экипажа в другом аэропорту Армении разбивается самолет югославских ВВС. И здесь тоже услышали в комиссии на магнитной ленте голос диспетчера о высоте аэродрома 634 мм, и экипаж подтвердил, что понял высоту, однако после катастрофы был обнаружен разбитый высотомер, и на нем стрелка отпечаталась при ударе на цифре 734 мм.

Грищенко из отдела ВВС рассказал совершенно невероятную историю:

– Один из воинов запаса, Балаев, остался жив после катастрофы Ил-76. Он в момент удара самолета о гору спал в кабине автомобиля и остался жив, хотя повредил позвоночник и получил ранения, но смог самостоятельно добраться до больницы, где ему оказали помощь. Теперь подтвердили, что он на самом деле был в том самолете. Мы сначала не поверили, но факт. Остальные слухи просто бред! Мы расшифровали переговоры диспетчера с экипажем и слышали, как штурман подтвердил диспетчеру полученную информацию о давлении аэродрома 634 миллиметра, но командиру не доложил. Поэтому он дал команду снижаться по давлению 734 миллиметра до высоты тысяча ста метров. Столкновение было неминуемым. Это произошло около шести утра, и еще было темно, по-

этому они не могли определить визуально.

– Обе катастрофы произошли в один день с одинаковой ошибкой экипажа в ночное время, и оба экипажа не имели достаточного отдыха перед вылетом. Возможно, на их действия оказало влияние мощного выброса отрицательной энергии во время землетрясения, – предположил специалист из авиакосмической медицины.

– И как вы предлагаете определить это воздействие? – поинтересовался Председатель.

– Чисто теоретически, но эта проблема еще не изучена, и можно только сделать предположение, – сказал медик.

– Да, человеческий фактор в последние годы становится определяющим при возникновении авиакатастроф. По данным международной организации ИКАО около восьмидесяти процентов авиакатастроф было связано с ошибочными действиями экипажей самолетов. Я не исключаю, что эти экипажи самолетов в Ереване и Ленинакане вполне могли попасть в зону выброса отрицательной энергии, вызванной гравитационными возмущениями. Это могло воздействовать на экипаж, на его психику и даже на приборы, но механизм возможных воздействий не изучен, и ничем не измерен и даже не зафиксирован, поэтому не может быть даже косвенной причиной расследуемых авиакатастроф. Такое явление можно сравнить только с тайнами Бермудского треугольника и ограничиться обсуждением этой темы. А причина авиакатастрофы должна быть материальна. Есть факт ошибки экипажа, основанный на реальных доказательствах. Какие еще вопросы у членов комиссии? – Председатель комиссии вернул «на землю» членов комиссии, ударившихся в мир фантастики.

– Рудольф Амбарцумович, я общался с геофизиками, которые исследуют здесь, в Армении, причины землетря-

сения, и хотел довести до всех информацию о землетрясении, – Лукин решил пригасить возникшие разногласия. Не хватало еще записать эти возможные воздействия отрицательных выбросов, и можно будет до ни скончания веков расследовать причины этих катастроф.

– Да, пожалуйста, это интересно.

– Города Спитак, Ленинакан и Кировокан были уничтожены за тридцать секунд подземными толчками от семи до одиннадцати баллов. Очаг землетрясения располагался в двадцати километрах от поверхности земли, а это очень близко, поэтому произошли такие страшные разрушения. Армения находится на границе двух тектонических плит – Анатолийской и Евроазиатской, которые и столкнулись на той глубине. В разломы земной коры устремились мощные выбросы подземной энергии в виде газов, в том числе гелия, которые могли повлиять на физическое состояние людей в том районе, вызвать психологический дискомфорт, такие как слабость, подавленность, излишнюю сонливость. Когда-нибудь ученые научатся измерять эти явления. Одно можно сказать определенно, что эти выбросы тесно связаны с метеорологической службой и оказывают влияние на погоду. Эти выбросы можно сравнить с прогнозом погоды, в котором синоптики часто ошибаются, поэтому привязать их к нашему расследованию нет оснований.

– Спасибо за информацию. Если ни у кого вопросов нет, продолжаем работу.

На рассвете югославская делегация улетала в Москву, где их ожидал в Шереметьево свой самолет. Они сопровождали тела погибших товарищей. Но на летном поле стоял туман, как молоко, не позволяющий даже взлетать самолетам, а при большой интенсивности полетов в аэро-

порту скопилось их большое количество. Однако транспортный Ил-76 необходимо было выпустить с югославами, так как их ждал другой рейсовый борт в Шереметьево. Председатель комиссии Теймуразов прошел в диспетчерскую и в течение тридцати минут «рассеял» туман до разрешенной для взлета видимости. Он через каждые десять минут наговаривал на магнитофон о якобы улучшении видимости. Эти сообщения записывались на магнитофон диспетчера, а когда прозвучала видимость тысяча метров, он по радиосвязи разрешил экипажу Ил-76 взлет. Самолет начал руление к взлетной полосе, а за ним зашевелились, запустив двигатели, и другие борты, начав руление по дорожкам. Но после взлета Ил-76 с югославами Рудольф Амбарцумович объявил по радиосвязи об ухудшении видимости и закрытии полетов. На летном поле вновь воцарилась тишина. Произошло, вызванное необходимостью, нарушение, которое мог взять на себя только большой руководитель. И он это сделал элегантно, не подставляя подчиненных.

Полевое расследование подходило к концу. Комиссия собралась на очередное заседание. Николай Васильевич вошел в приемную, как всегда в отутюженной генеральской форме и увидел, что Лукин и секретарь начальника аэропорта Надя, красивейшая женщина, о чем-то мило беседуют. Лукин уже давно обратил внимание, что летчик с лампасами сделал не один заход над секретаршей, но успеха не имел.

– Лукин, вокруг Вас столько красивых женщин, а у Вас даже брюки не глаженные, – сделал он ,по его мнению, шутливое замечание.

– Николай Васильевич, мы уже две недели работаем в полевых условиях, и у меня еще кое-что не глаженное в

брюках.

Надя и присутствующие в приемной засмеялись.

– Ну ты и сказанул, – растерянно сказал генерал гражданской авиации.

– А ты не лучше заметил, – в тон генералу ответил Лукин.

– Ну что ему скажешь, НКВД и есть НКВД.

Генерал иногда слышал, что Лукина в шутку называли Лаврентием Павловичем, наверное, в полную противоположность тому темному человеку. Никто не верил в его принадлежность к МВД, хотя военный атташе Югославии Зоран неоднократно, как бы вскользь, намекал о принадлежности Лукина к КГБ. После очередной выпивки они отошли с Зораном в сторонку.

– Зоран, почему ты думаешь, что я из КГБ? Просто интересно? Какие, по вашим понятиям, сотрудники КГБ? – спросил Лукин.

– Ну такие, как Вы. Сколько раз мы выпивали коньяка и много, но я никогда не видел Вас захмелевшим, хотя нам в это время было уже плоховато. Вы пьете коньяк, как чай. В комиссии, которая будет общаться с командующим ВВС и военным атташе Югославии должен быть сотрудник КГБ высокого ранга. Я всех перебрал, но кроме тебя никого похожего не было.

– Хороший критерий по коньку, но я не из КГБ. Я окончил Академию гражданской авиации и работаю по профессии. КГБ просто ушами прохлопало, и никого не включили в комиссию. Откуда было им знать, что из Югославии прилетит генерал А, ты думал, что я твой коллега?

– В каком смысле?

– Ведь ты же разведчик? Только как это итальянца поставили на такую должность в посольстве? – улыбнулся

Лукин.

– Я не итальянец. Наша фамилия распространена на границе с Италией, но мы югославы. А что?

– Да нет, ничего. Я просто к слову о разведчиках.

– И я тоже из любопытства. Ведь должен был быть к нашей комиссии приставлен представитель КГБ.

– Будем считать, это их упущение, или ваш югославский народ обладает большим доверием перед их службой.

– Хорошо сказал. За это надо выпить, – улыбнулся Зоран Лоренцини.

Они с Зораном соревновались в количестве выпитого спиртного. Зоран был крепким мужиком, южанином, и считал себя закаленным в этом виде спорта. Но Лукин не оставлял ему никаких шансов, и тот всегда первый сдавался. Зоран вручил ему визитку и ручкой подписал: «С уважением».

– Если соберешься в Югославию, то позвони. Я сделаю все, чтобы твой отдых не был бы скучным.

– Спасибо за приглашение, но мы еще пока не расстаемся. У нас впереди банкет по поводу окончания расследования и подписания актов и протоколов.

В Москве по окончании расследования прилетели югославы для подписания акта. Лукин организовал вечеринку в своем любимом банкетном зале «Самарканд» ресторана «Узбекистан», где его принимали, как родного. Администрация ресторана не позволила ему «ударить в грязь лицом». Какой только национальной кухни не было на столе: узбекский плов, кавказские шашлыки, армянская долма, запеченный осетр и икра. Про другие закуски и говорить было нечего. А под конец вечеринки на стол поставили дымящийся самовар, обвязанный баранками и сушками с плошками меда, варенья и блины, так как мас-

ленница была в полном разгаре. С блинами вновь пошла в ход черная и красная икра, которая приобрела более нежный вкус в горячих блинах под запотевшую холодную водку. Ее уже пили на «посошок», а их было много, как у казаков «забугорная», «подуздечная», «стремянная», а еще была «лошадиная морда».

– А это что? Как надо пить? – поинтересовался Зоран.

– Это когда рюмки с водкой ставят между ушей лошади и выпивают.

Югославы были во главе с генералом Анчевски, который выпивал немного. Они были в восторге от простоты общения. На самом деле, было впечатление, что они давно работали одной командой. Одним словом, летчики и к ним примкнувшие военный атташе посольства Зоран Лоренцини и Лукин, которые, изрядно выпив, уже приступили к шуткам и анекдотам.

– Вот еще один анекдот про посошок, – предложил Лукин. – В девятнадцатом веке отправил француз свою жену в Россию поработать гувернанткой, которая вернулась через год во Францию беременной. Муж спрашивает ее, как же так получилось, что она ждет ребенка? «Не знаю, – ответила жена, – мы только с хозяином пили на посошок. Вот и получилось». Когда легли спать, француз достал словарь русского языка и читает: «Посох – это палка в дорогу».

Наши коллеги засмеялись, а Зоран недоумевающе посмотрел на них и к Виктору:

– Что такое палка и посох, какая связь?

– Ну, палка – это так называют у нас интимные отношения с женщиной.

Теперь пришла пора смеяться югославам. Они с Рудольфом сделали югославам хорошие подарки на память,

а те пригласили их в гости на море.

После банкета Лукин отказался от автомобиля и решил прогуляться до дома пешком. Он с ностальгией прошел по бульвару до Пушкинской площади, а там и до дома два шага. Было что вспомнить на той земле, где он руководил уголовным розыском. Именно здесь, на его земле, зарождалась чеченская банда, наводившая ужас не только на москвичей, но и на другие бандитские группировки. Первые чеченцы появились в столице в 1983 году и с ведома представителей солнечного Азербайджана обосновались в ресторане «Узбекистан». Долгие годы преступная группировка Насреддина из Баку занималась спекуляцией ковров, платков из панбархата в малом мусульманском мире, который они устроили себе от ресторана «Нарва» и кафе на Самотеке перед Цветным бульваром до ресторана «Узбекистан». Туда же входило кафе «Вареники» и Центральный рынок напротив него. Гости из Средней Азии знали о том мире и ехали сюда в надежде приобрести ковры и платки, которые ценились на их родине. Однако многие из них уезжали домой без товара и денег, так как братья-мусульмане из Азербайджана «кидали» и грабили их. Малограмотные дехкане из отдаленных аулов даже боялись обратиться в милицию, потому что они хотели приобрести не один платок для жены, а целую партию для перепродажи на родине. Но в том году двое все-таки набрались смелости и заявили. В результате была арестована большая часть азербайджанской группировки. Так на место пришли чеченцы, которые теперь составили костяк центральной группировки. Что-то пять лет назад было упущено в работе, что позволило чеченцам обосноваться в Москве. Теперь на Черном море в лучшем курортном отеле «Дагомыс» московская братва на сходке решает вы-

теснить их из столицы. Но те заявили, что заберут всю Москву, а это война между ними, которая теперь мало волнует полковника милиции Лукина.

Первые сражения состоялись осенью 1988 года, когда люберецкие попытались отобрать у чеченцев ресторан «Узбекистан», но те его отстояли. А в декабре чеченцы сами пошли в атаку на Бауманскую группировку в ресторане «Лабиринт» на Арбате и ранили несколько человек. Бауманцы обратились за помощью к ворам в законе, но те не смогли урезонить чеченцев. В столице война продолжилась. Не так уж и спокойно в центре столицы.

Через пару дней в Госкомиссию принесли приглашения на торжественное заседание в театр Советской Армии по поводу праздника 23 февраля и попросили всех прибыть в парадной форме. Лукин пошил себе новый парадный мундир в ателье МВД из светло-серого габардина с вышитыми звездами на золотых погонах. Хотя праздник был не его и можно было бы в штатском, но когда еще представится возможность примерить парадный мундир. Виктор нацепил на мундир, кроме имеющихся наград, еще две медали – «Гагарина» и «Пилюгина». Проезжая на своей белой «восьмерке» по Смоленской площади Лукин увидел знакомый «Опель», за рулем которого сидел Зоран Лоренцини в форме полковника югославской армии. Виктор открыл окно и, посигналив, показал рукой Зорану на обочину, чтобы тот принял вправо, но тот замотал головой. Он пошел в отказ, наверное, вспомнив о своей дипломатической неприкосновенности. Но Лукин был настойчив и еще раз повторил свои жесты и сигнал, сняв фуражку. Только тут Зоран его узнал, и на лице его удивление сменила улыбка. Они вышли из машин, обнялись, как старые друзья.

– Обман? – Зоран показал на форму Лукина.

– Никакого обмана. Ты же спрашивал о КГБ, а я не КГБ, а МВД, причем из уголовного розыска.

– А это не одно и то же?

– Конечно, нет. У Вас же есть криминальная полиция?

– Но они не расследуют авиационные катастрофы.

– А у нас, видишь, бывает и такое.

– Я был уверен, что ты в погонах, только ошибся в каких. В общем, я рад тебя видеть. Заезжай в гости в Посольство или позвони, и можем в городе где-нибудь посидеть.

– Да, спасибо, с удовольствием.

Зоран несколько раз бросил взгляд на многие награды Лукина с явным удивлением, но ничего не сказал, только слегка покачал головой.

– Никогда бы не подумал, что ты из криминальной полиции, – Зоран протянул ему руку, и они попрощались.

Через две недели позвонил Зоран Лоренцини и сообщил, что его отзывают на родину, и снова пригласил к себе в гости. Но Лукин знал, что это неосуществимо по двум серьезным причинам. Его никуда не выпустят из СССР, да и в Югославии начались события, не позволяющие ездить в гости. Недавно сменилось руководство и, видимо, волна замены дошла до посольства или только коснулась Зорана. Жаль хорошего мужика, и чтобы ему на родине было повышение по службе. Национальные вопросы в Югославии, как и в СССР, считались пережитком прошлого. Однако росла напряженность в отношениях между славянами и мусульманами. Словения и Хорватия на Северо-западе республики, по их мнению, процветали, тогда как уровень жизни на юго-востоке республики оставлял желать лучшего. Еще в 1981 году косовские ал-

банцы требовали предоставления краю статуса республики. В Белграде их демонстрации восприняли, как попытку оторвать край от Сербии и присоединить к Албании. Демонстрации албанцев были разогнаны армейскими частями, но с того времени край стал постоянным источником напряжения.

Эти события напоминали Лукину Нагорный Карабах с армянами и азербайджанцами. Да что там Карабах, антикоммунистические настроения прокатились по всей Восточной Европе, которая уже повернулась строго на Запад и поставила под вопрос существование Варшавского договора. Отношения с СССР, а вернее с Москвой, портились повсеместно, причем в союзных республиках и братских странах в первую очередь. Лукин увидел сам в Армении, несмотря на большую беду, местные совсем подругому смотрели на русских, а иногда даже цинично, свободно говоря, что русские им все построят и уйдут, а они будут пользоваться. Армяне не хотели участвовать в восстановлении разрушенного хозяйства республики, стараясь упереть стройматериалы, доставленные из России, на свое индивидуальное строительство. Возводили они красивые двухэтажные дома из кирпича, а рядом была разруха и даже по дорогам, для доставки этих стройматериалов проехать было невозможно из-за огромных ям, оставленных землетрясением. Но никому до этого не было дела.

Строительные бригады в Армению прибыли со всех городов России, так же, как в шестидесятые годы восстанавливали разрушенный землетрясением Ташкент, который тоже поворачивался теперь спиной к русским. Может быть, Лукину не попадались на глаза армянские строители, но они, видимо, занимались совсем другими делами, а на стройплощадках работали русские.

В России были заморожены или приостановлены многие стройки, а рабочие со стройматериалами были переброшены в Армению, потому как беда была всеобщая в СССР. В МВД Армении ввели должность заместителя Министра по строительству и назначили генерала милиции Виктора Лозбикова. Его штаб располагался в Ленинакане, где чудом остались нетронутыми землетрясением несколько домов. Там же, в Ленинакане, местные жители показали красивый коттедж из красного кирпича, возведенный местным начальником уголовного розыска Спартаком. Имя, конечно, у него героическое, но не поступки, если на фоне разрухи бросил все ресурсы на свое строительство. Впоследствии его задержали при прохождении таможенного контроля в Шереметьево за контрабанду бриллиантов, когда он собирался вылететь в Америку. Наверное, тот дом он продал к тому времени. Армения со своими устоями и своими законами...

Складывалось впечатление, что землетрясение повлекло за собой не только разрушения и гибель людей, оно ударило по сознанию людей. Руководители республики неразумно вели их от социализма к капитализму. Народ так и не понял, что такое социализм, и когда он победил, а его круто разворачивают на капиталистические отношения, которые сами же выжигали из его сознания каленым железом в течение семидесяти лет.

В кабинете Лукина зазвонил телефон внутренней связи, которым обычно пользуется руководство. Он снял трубку.

– Виктор Павлович, добрый день! Зайдите ко мне, – сказал Первый заместитель Госавианадзора СССР Рудольф Теймуразов.

– Здравствуйте, Рудольф Амбарцумович. Сейчас буду.

В приемной он поздоровался с симпатичной помощни-

цей Татьяной, и она пригласила его в кабинет руководителя. Рудольф вышел из-за стола и протянул руку.

– По нашему расследованию югославского самолета акт подписан генералом Анчевски и его летчиками. Они согласились с выводами нашей комиссии, но осталось подписать Протокол с послом Югославии. Простая дипломатическая формальность, но сделать надо. С нашей стороны Протокол подписывает Председатель правительственной комиссии, то есть я, а за Югославию советник посланника. По-нашему заместитель посла. Я договорился, что в посольство подъедет мой заместитель Председателя комиссии, то есть ты. Вот телефон первого секретаря посольства, позвони и согласуй по времени. Они тебя встретят.

– А ничего, что без нашего МИДа? Они не обидятся вместе с КГБ? – спросил Лукин.

– Я спросил первого секретаря посольства, но он сам сказал, что можно тебя прислать с Протоколом. Может, твой друг военный атташе ему отрекомендовал? И потом мне Алексей рассказал, какой ты пугливый был в Кремле, когда минералку в портфель запихивал, – улыбнулся Рудольф.

– Но Зорана Лоренцини отозвали на родину две недели назад.

– Жаль, хотя в посольстве Югославии без выпивки не обойдется. Вот два экземпляра Протокола и один из них подписанный надо привезти в наш секретный отдел, – сказал Рудольф.

– Все будет в порядке. Я поеду на своей машине, будет отмазка, чтобы без банкета.

– Это смотри сам, как тебе удобней, я не запрещаю, – улыбнулся Рудольф.

– Нет, одно дело выпить с военным атташе Югославии в Армении или в отдельном кабинете ресторана «Узбекистан» и совсем другое у них в посольстве.

– Ты думаешь, нам КГБ не нащелкал в тех местах фотографий, да в посольстве в сто раз безопаснее выпить.

– У меня и не было никогда сомнений по фотографиям. Можно подумать, что разведчика посольства КГБ отпустит без «хвоста», а Югославия всегда была нейтральной и потому не братской дружественной страной.

– В политике ты разбираешься не хуже меня, поэтому действуй по обстановке, – сказал Рудольф.

Лукин созвонился с первым секретарем посольства, сообщив номер своей белой «восьмерки». От улицы Кржижановского до посольства Югославии на Мосфильмовской минут пятнадцать езды не торопясь. Зоран уехал на родину. Его же, Лукина, в посольстве знают и, наверное, знают, как полковника милиции. А возможно, у военного атташе не изменилось подозрение о его принадлежности к органам КГБ. Но Лукина их домыслы не волновали. Он знал, что «юги» смотрят на Запад и ему с ними не по пути.

Ему было известно из истории, что Югославия десятки лет держалась на культе личности Иосипа Броз Тито, которого звали созвучно с именем Сталина, и он также отличался репрессиями против своего народа, которые не уступали кровавым злодеяниям тридцатых годов в СССР. Конфликт двух правителей возник после Второй мировой войны в 1948–1953 годах в ходе формирования в южной части Центральной Европы на Балканах новых границ. Иосип Броз Тито понимал, что в этих границах заложена бомба замедленного действия и со временем взорвется, а пока все держалось на его железном режиме, как и в

СССР. Тридцать лет прошло, когда во времена «хрущевской оттепели» СССР подписал с Югославией декларацию, которая якобы «закрывала период враждебности и распада». Но Югославия не хотела быть «одной из социалистических стран» и после Тито отношения остались на прежнем уровне.

Советское руководство убедилось в тщетности попыток оторвать Югославию от Запада и вернуть в советский блок. И вот весной 1987 года посол Югославии в Москве передал Генсеку Горбачеву послание югославского руководства с предложением нанести визит в Югославию. Осуществить тот визит удалось лишь через год. Кто-то посчитал, что визит закончился полным примирением двух сторон. А вот радиостанция Би-би-си прокомментировала: «Советская сторона подчеркивает, что отношения между обеими коммунистическими партиями строятся на равноправии, взаимном уважении и на принципах белградско-московской декларации 30-летней давности. Правда, такая же декларация не помешала Хрущеву разгромить венгерское восстание в 1956 году, а Брежневу – «пражскую весну» в 1968 году. Самой Югославии пока не пришлось испытать советского вторжения».

«Как все запутано в этой дипломатии. Целый год чиновники переписывались через посольства стран, чтобы встретиться, а я сел на свою «восьмерку» и к послу Югославии», – с улыбкой подумал Лукин.

Лукин подъехал к дому 46 по Мосфильмовской улице и прямо в ворота посольства. Капитан в милицейской форме глянул на номер его автомобиля и пропустил во двор на стоянку. От милиции у него была только форма, а служил он в КГБ на Новослободской, причем контора отобрала у Лукина школу № 203, в которой он учился. По-

нравилось им старинное здание с полутораметровыми кирпичными стенами и обжитым подвалом под всем зданием. Вон как он удивился, когда увидел известные ему номера автомобиля на Жигулях. Лукин знал, что после звонка первому секретарю посольства и сообщения о номере автомобиля, его уже пробили до седьмого колена. Куда было бы проще спросить у Лукина, откуда он и зачем ему в посольство. Но служба у контрразведки секретная, и теперь они несколько дней будут вышивать кружева вокруг него, чтобы все выяснить. Иначе у них нельзя, не будет всеобщей занятости.

– Господин Лукин, Вас ждет советник посланника. Я Вас провожу, – сказал чиновник на чистом русском языке.

Они прошли в небольшой зал с красивой белой мебелью отделанной золотом. На одном столе стояли письменные приборы, а на другом различные спиртные напитки, закуски и ваза с фруктами. Ему предложили присесть на легкий диванчик, а чиновники рядом в кресла. Вошел мужчина высокого роста, лет сорока пяти с темно-русыми волосами с проседью. На нем был дорогой костюм темно-серого цвета, голубая рубашка и галстук в полоску с синими и бордовыми цветами. Прикид Лукина не уступал советнику посланника, который представился Александром.

– Виктор Павлович – водка, коньяк? – спросил один из чиновников.

– Если можно, чашечку кофе. Знаете, соскучился по хорошему кофе, – сказал Лукин.

Он иногда пользовался услугами бортпроводников из аэропорта Шереметьево, которые привозили из-за бугра для любителей кофе и спиртного настоящие напитки, потому что в магазинах торговали суррогатами, которые и

отдаленно не напоминали настоящий кофе или коньяк.

– А к кофе рюмку хорошего французского коньяка? – спросил Александр.

– Нет, большое спасибо, я за рулем.

– Мы знаем о Вашей неприкосновенности перед милицией, которая выше дипломатической, – улыбнулся Александр, – и Вы умеете хорошо выпивать.

Лукин понял, что они знают про него все, что было известно Зорану, поэтому решил закончить дипломатический диалог. Ему принесли кофе в красивой чашке.

– Вы правы, выпивать я умею хорошо, поэтому сейчас не хочу пачкать рот. Так у нас называют, когда выпивают одну рюмку, а запах такой же, как после литра водки. Мне сегодня предстоит много ездить за рулем, поэтому только кофе и могу чашки три, если Вы не торопитесь, – улыбнулся Лукин.

– О нет, нам приятно с Вами общаться, – сказал с улыбкой Александр.

Он присел за письменный стол и принялся читать Протокол, который в течение двух недель уже читали и правили в их организациях. Он подписал Протокол, и чиновник пригласил Лукина к столу. Все-таки дипломаты есть дипломаты, и все официальные мероприятия они проводят согласно их этикета. Чиновник поместил второй экземпляр Протокола в фирменную папку посольства Югославии и Александр вручил его Лукину.

«А манеры никуда не денешь. Вручает, как верительную грамоту» – подумал Лукин.

– А теперь приглашаю Вас на чашку кофе, если коньяк нельзя, – улыбнулся он.

Коньяки все были французские и виски настоящие, да закуска изысканная, поэтому Лукин пожалел, что приехал

на своих Жигулях, а не на служебной машине. Если бы был Зоран, то он не посмел бы приехать за рулем. Нравился ему тот простой мужик, с которым приятно было поговорить о Югославии. Только сейчас Лукин вспомнил, что Зоран не задал ему ни одного вопроса, который мог заинтересовать разведчика, а он был таковым без всяких сомнений. Лукин знал, что в Югославии был свой Феликс Дзержинский – Александр Ранкович, который создал УДБА – Управление госбезопасности и руководил им более двадцати лет, пока не погорел на прослушивании телефонов самого Тито. Тот пришел в ярость и разогнал УДБА. Теперь создана служба госбезопасности – СДБ. Достали абвгдейки – СДБ, КГБ.

И нет сомнений…

Не в таком уж далеком прошлом первыми русскими, увидевшими Америку, стали члены экспедиции Семена Дежнева, прошедшие в 1648 году по Берингову проливу. После появились на Аляске первые русские поселения, и пошло освоение прибрежных земель к югу до Калифорнии и далее. Земли принадлежали России или контролировались ею. От Аляски и Калифорнии до Новой Гвинеи и Гавайских островов. Так что Тихий океан мог стать «внутреннем морем» России, причем по договоренности с местным населением. И что было бы с Японией в 1905 году? Одержала бы она победу над Россией? Но, как говорят в народе, «съесть-то он съесть, но кто ему дасть?». История распорядилась иначе.

Не в таком уж далеком прошлом первыми русскими, увидевшими Америку, стали члены экспедиции Семена

Дежнева, прошедшие в 1648 году по Берингову проливу. После появились на Аляске первые русские поселения, и пошло освоение прибрежных земель к югу до Калифорнии и далее. Земли принадлежали России или контролировались ею. От Аляски и Калифорнии до Новой Гвинеи и Гавайских островов. Так что Тихий океан мог стать «внутреннем морем» России, причем по договоренности с местным населением. И что было бы с Японией в 1905 году? Одержала бы она победу над Россией? Но, как говорят в народе, «съесть-то он съесть, но кто ему дасть?». История распорядилась иначе.

В 1841 году Калифорнию продали американцу Джону Саттеру за 42 857 рублей. Однако реально получили за нее 5 тысяч рублей: в те годы уже существовали «кидалы». В 1848 году в Калифорнии было найдено золото, которого в рекордные сроки намыли на 50 миллиардов долларов…

30 марта 1867 год император и самодержец российский Александр II оставил след в истории, продав Аляску и Алеутские острова все той же Америке за 7 миллионов долларов, посчитав, что дружба дороже тех диких мест. На сегодняшний день с Аляски вывезено сотни тонн золота и добывается около 20% американской нефти, а серебра и не сосчитать... Понятно, что многие разинули рот на такой пирог. Было за что подраться.

В прошлом столетии все стало гораздо проще. Армяне стали кровными врагами с азербайджанцами. Сталин переселял целые народы Северного Кавказа в Сибирь и Среднюю Азию, а своих земляков из Грузии переселил в Абхазию и теперь благодатный край на берегу Черного моря бузит, народные волнения перекинулись в столицу Грузии Тбилиси. После Сталина чудил на посту руководителя страной Никита Хрущев, передавая целыми рай-

онами из одной области России в другую область, а Крым и вовсе подарил своим землякам-хохлам, как на день рождения.

Еще не утихли побоища между армянами и азербайджанцами, а 9 апреля произошла трагедия в Тбилиси. Во время расследования Лукин общался со многими армянами, которые рассказывали ему, что волнения происходят не только у них в Армении, но и в Абхазии местное население недовольно засильем грузин, которые живут на их земле и как сыр в масле катаются. А бедные абхазы с хлеба на воду перебиваются. Волнения охватили всю Абхазию, которые хотят отделиться от Грузии и создать отдельную республику в составе СССР. Сходы абхазцев прошли в Сухуми и Гали, в селах Лыхны и Леселидзе.

В Тбилиси собрался митинг против требований народов Абхазии и Южной Осетией об отделении от Грузии. Народ на митинге требовал, наоборот, лишить эти республики автономии, присоединить к Грузии и «закрутить гайки». При таких позициях сторон о примирении не могло быть и речи. Прозвучали призывы выгонять русских из Грузии, вплоть до физической расправы с теми, кто не грузин. Возможно, весна сорвала мозги с тормозов у грузин и силовиков, но не у всех. Народ на Кавказе горячий и нужен был диалог, чтобы страсти не довели до крови. Начальник УВД столицы Грузии Роман Гвенцадзе ночью обратился к митингующим, пытаясь склонить их к прекращению незаконной акции, но никто не шевельнулся. Не послушали митингующие и Католикоса Грузии Илью II. Лукин знал Романа, как бесстрашного человека, умеющего разговаривать не только с позиции силы. Десять лет назад Лукин расследовал разбойные нападений на квартиры знаменитых грузин в Москве, а та банда совер-

шила ряд убийств княжеских семей в Тбилиси. Роман в то время работал начальником отделения уголовного розыска УВД Тбилиси и помогал московскому уголовному розыску в задержании вооруженных бандитов. Лукин участвовал вместе с ним при задержании в Западной Грузии и в Тбилиси. Роман Гвенцадзе был до дерзости смел при задержании вооруженных бандитов. Его не остановили даже разрывы гранат, которые были брошены в его сторону при задержании банды под Очамчирой. На Лукина он цыкнул, что это не его война и показал на большой камень, за которым следовало укрыться. Бандиты отстреливалась из дома на горе. Роман с сотрудниками милиции короткими перебежками, прячась от пуль и разрывов гранат, подобрались к дому и обезвредили банду. Остальных вооруженных до зубов бандитов арестовали позже в Тбилиси. Их водили «наружкой» две недели, пока те не расслабились в бане с девочками, где и были взяты «тепленькими» без стрельбы, но арсенал у них изъяли внушительный. Лукин получил профессиональное удовлетворение от этого задержания, так как долго мотался за бандой, которая знала его в лицо, а тут он в тбилисской бане с местными коллегами из угрозыска Грузии. Роман за свои подвиги получил орден Красной Звезды, а Лукин досрочно звание капитана. Теперь Лукин сменил профессию сыщика на расследователя авиакатастроф, да и Роман уже не в угрозыске, а скорее политик.

На следующий день на площади Тбилиси появились лозунги: «Долой Советскую власть!», «СССР – тюрьма народов!». В ЦК КПСС руководил «полетами» Егор Лигачев. Лукин догадывался, что из этого ничего хорошего не получиться, так как помнил, что тот еще в 1962 году давал указания расстрелять мирную демонстрацию в

Новочеркасске. В ночь с 8 на 9 апреля митинг был оцеплен войсками и милицией, а на митинге собралось более 10 тысяч человек. В 4 часа утра началось вытеснение митингующих с применением резиновых дубинок, слезоточивого газа и саперных лопаток. Митингующие в панике покидали площадь, но выходы были перекрыты автотранспортом, и в результате возникла давка. По данным следственной комиссии погибло 19 человек, а за медицинской помощью обратились 4035 человек, почти каждый второй. Грузия онемела в трауре, а площади в Тбилиси перекрыли танками, БТР и войсками…

В Москве потихоньку исчезли с прилавков магазинов сахар, потом чай. С другими продуктами тоже перебои были. Сначала водку ликвидировали, а теперь и чая не попьешь. Когда все-таки людям удавалось достать бутылку водки, то вспоминали Егора Лигачева, который якобы злорадствовал по этому поводу: "Ничего, посмотрим! Чем они теперь ее закусывать будут?" Шутке было года три, и вот пришло время, когда закусить нечем. Да, магазины были пусты, а в домашних холодильниках, как всегда было все в достатке. Опять же торгаши в большом уважении и полном финансовом порядке.

В расследовании авиакатастроф опять воцарилось затишье, но не в Москве. Видимо, весна действует не только на мозги кавказских народов. В Москве проходили массовые митинги, появился Московский народный фронт. А где фронт, там жди боевых действий. Иначе, зачем так называть народные объединения? В Москве народными волнениями верховодили мариупольский Гавриил Попов и следователь Генеральной прокуратуры СССР Тельман Гдлян, который будоражил народные мозги жареными фактами о коррупции кремлевских чиновников. Ему не

дали развернуться и перекинуть "узбекское дело" о приписках хлопка и многих других нарушениях закона на обитателей Кремля. Вот теперь он и оттягивался на митингах вместе с опальным Борисом Николаевичем. А поговорить на митингах было о чем. Тема коррупции всегда плотно укладывалась в голове народа.

Другой темой для народа был глубокий социальный кризис. В 1989 году свыше пятидесяти миллионов граждан СССР имели доход ниже прожиточного минимума, который был установлен в 78 рублей. Лукин с женой имели доход почти в двадцать раз выше минимума, но не считали себя богатыми. Так что же говорить о массе народа, который получал в двадцать раз меньше? Конечно же, они пойдут на митинг и, если надо будет, то могут взять что-нибудь в руки, будет ли это плакат или винтовка. Им все равно. Новшества партии «О кооперации», об аренде земли на пятьдесят лет их не задобришь, когда им нечем кормить семьи. До их мозгов проще достучаться тем, кто пообещает им улучшение жизни сразу после свержения власти. Пообещать можно, что угодно, но не обязательно, ораторы все дела бросят, и будут заниматься нуждами народа.

В стране происходил переход власти от партии к Советам, и борьба за власть опять сотрясала стены Кремля, что неминуемо сказалось на экономике. В одночасье все стало дефицитом. Лукин предполагал еще год назад, когда Николай Сергеевич предложил ему подождать еще год очереди на автомобиль «Волга», отдав машину своему водителю. К этому уже были предпосылки, и через год могло уже не быть всесильных партийных обкомов, в которых все распределялось без очереди.

За неделю до событий в Тбилиси был конфликт узбеков с турками в Фергане. Этот кровавый конфликт дал два-

дцать тысяч беженцев из Ферганы в центральные области России, и это не считая трехсот тысяч беженцев из Закавказья после конфликта Армении с Азербайджаном. Эти конфликты вспыхивали поочередно, как будто какой-то дирижер, можно сказать, из ЦРУ, взмахивал своей палочкой. А эти межнациональные конфликты грозили большой бедой. В союзных республиках повсеместно проживали русские, и всюду начиналось с конфликтов между узбеками и турками, грузинами и абхазами, армянами и азербайджанцами, а потом они все вместе обрушивались на русских, которых проживало в союзных республиках более двадцати пяти миллионов человек. Казахи, в отличие от других народов, сразу напали на русских и первые открыли счет беженцам в Россию. Пролилась кровь. Тогда во время разгона митингующих студентов появились пострадавшие от жестких мер со стороны внутренних войск. То был ответ на совершенные бесчинства в отношении русского населения. Незаконные, конечно. Поэтому опять все засекретили и хранят за семью печатями. Но Лукин разговаривал с беженцами из Казахстана. Картина насилия была жуткой, но он не хотел ни осуждать действия внутренних войск, ни оправдывать. Надо было все обнародовать, как было на самом деле и в Алма-Ате, и в Тбилиси. Иначе слухи и фантазии народа, распространяющих их, будут просто безграничны.

Митинг в Лужниках 21 мая вернул Лукина к московской жизни. Такого количества собравшегося в одном месте народа он никогда раньше не видел. Транспаранты особо не отличались от тех, которые были на демонстрациях трудящихся все семьдесят лет: «Завоевания Октября защитим» или «Вся власть Советам». Конечно же, эти лозунги носили совсем другой

смысл. Митингующие были нацелены на свержение теперешней советской власти. И такой эйфории Лукин давно не видел у народа, который устраивал истерические овации Гдляну и клятвы верности.

«Начался новый виток революционных ситуаций, – подумал Лукин.– Верхи не могут, а низы не хотят, или что-то в этом роде, но опять с обманом народа с двусмысленными лозунгами. Нет, ребята-демократы – только чай».

С этими ребятами не пошел бы он в разведку. Еще полгода назад Станкевич опубликовал в многотиражке инструкцию по внедрению коммунистов в их общественное движение с целью изменения его направленности. Вот и получается, что они уже не коммунисты, но еще не демократы, а двуликие Янусы с непонятными целями. Хотя цели у всех бузующих одни – борьба за власть.

Через пару дней открыли первый съезд народных депутатов СССР. По выступлениям можно было бы определить, за что их избрали в депутаты. Они поливали помоями КПСС и Советскую власть. Кто хотел гласности? Но были среди них и юмористы. Ему запомнилось выступление великого доктора-костолома Николая Касьяна с Полтавщины, а вернее, из местечка Кобеляки. Он поправил бывшего великого штангиста Власова за «понос» на КПСС и сообщил съезду, что он сам беспартийный, а жена его член КПСС. Но живут они дружно вот и не ссорятся, потому что «народ и партия едины». В КПСС люди всякие есть, как в любой другой партии, хорошие и плохие. У доктора с юмором было все в порядке. На сцене он, наверное, ни одного бы юмориста заткнул за пояс. В другом выступлении он был краток, когда стали искать виновных, почему в СССР плохо живется народу.

– Во всем виноват Петр Первый,– заявил Касьян с три-

буны и зал затих. – Если бы Петр Первый не разбил у нас под Полтавой шведов, то жили бы мы сейчас, как в Швеции.

Первый съезд народных депутатов СССР можно было сравнить с антисоветским митингом, когда участники, сидя в Кремле, поливали грязью коммунистов. Это был первый шаг в демократию…

В Госавианадзоре СССР все шло своим чередом. Обсуждения съезда проходило в курилках и кабинетах. Специалисты были заняты своим делом, а у Лукина опять образовалось «окошко» между расследованиями. Он решил съездить на авторынок в Лианозово и купить чехлы на «восьмерку». Дмитровское шоссе было забито, и он объехал пробку по Дубнинской улице. Но в конце улицы он вдруг забыл, зачем сюда заехал. На противоположной стороне дороги стояла девушка, высокая, стройная и очень красивая. Его как будто током ударило, и последующим действиям он уже не отдавал отчета. Как в замедленной съемке он увидел, что девушка нетерпеливо помахала рукой, останавливая попутную машину, она явно куда-то спешила. Не размышляя, Лукин на автопилоте со свистом шин по асфальту развернулся через две сплошные полосы и увидел, как у него перед носом к девушке подкатил бомбила на автомобиле «Москвич»-412 зеленого цвета.

«Все рухнуло, опоздал. Одни только неприятности от этих зелененьких "Москвичей"», – Лукин вдруг вспомнил, как год назад в Крыму под Судаком такой же зеленый «Москвич» вылетел на встречную полосу и они сошлись с местным хохлом лоб в лоб.

Лукин с присущей ему долей авантюризма решил пристроиться в хвост «зелененькому», а там видно будет, как поступить дальше.Что-нибудь по ходу придумает, чтобы

познакомиться с девушкой. Мало ли ходит красавиц по улицам Москвы, но он ранее не замечал за собой такой решительности. И вот удача! «Зелененькому» оказалось то ли не по пути, а может плата за проезд не устроила, но он отъехал от девушки.

«Бомбила хренов, но спасибо и на этом», – подумал Лукин.

Он тихо подкатил к девушке и, наклонившись, открыл ей правую дверь. Она что-то объясняла, куда ее подвезти, предлагала деньги, но он уже не слышал и лишь обронил: «Садитесь». Она подозрительно взглянула на него через открытую дверь, оценивая, можно ли ему довериться, не маньяк ли он. Да она была довольно высокого роста. У нее была чудесная загорелая кожа и темные волосы с короткой стрижкой под «Гавроша», от чего она выглядела моложе своих лет, которых у нее и так было не так много, по его прикидкам около двадцати пяти. Темные брюки с туфлями на каблуках и черный облегающий свитер подчеркивали стройность ее фигуры. Ох уж эти черные свитера! Ее красота и женственность захватили его врасплох, пробили возведенную им стену настроения больше ни с кем не знакомиться и ни в кого не влюбляться. Сам того не желая, не сознаваясь самому себе, он уже думал о ней, как о женщине, которую хотел видеть рядом с собой. Лукин сгладил ее заминку обезоруживающей улыбкой, и она села в машину. Он тронулся с места, но не знал, в какую сторону, так как увлеченно разглядывал ее. Он спросил адрес, и она повторила его вместе с ценой. Лукин не удивился, почему «зелененький» отказался от халтуры. До центра столицы у таксистов стоило в три раза дороже, но он был готов катить на машине куда угодно, лишь бы она была рядом, а финансов у него хватит на любое путешествие. Лукин знал,

что не должен вспугнуть девушку какой-нибудь глупостью типа «девушка оставьте свой телефончик», поэтому и вел себя свободно, раскованно, болтал, не закрывая рта, подхватывая любую начатую ею тему. Раньше он такого за собой не замечал. За короткую поездку с ней он испытал давно забытые и такие знакомые чувства. Она ему нравилась. В разговоре, как бы невзначай он поинтересовался домом, где она ловила машину. Оказывается, она там прописана с родителями, а живет у мужа. Но его, как опера, интересовал только адрес прописки, чтобы не потерять ее. А живет она с мужем или с бабушкой – второстепенный вопрос.

Она увлекалась лошадьми и давно мечтала вдоволь поездить верхом. И он уже рассказывал Олесе, так она представилась, о тонконогих красавцах – ахалтекинских скакунах, которых держат его знакомые в конноспортивных клубах Битцы и Сокольников, да и на конюшне Моисеева на городском ипподроме можно было ездить верхом на лошадях сколько угодно. Лукин заметил, что Олеся преобразилась, лицо ее засияло от радости. Он почувствовал, что лошадиная тема прошла «на ура». Лукин улыбнулся от своих заливаний. У него была возможность совершить с Олесей конную прогулку. Но реальнее вместо конноспортивного клуба они с Олесей могли вдоволь накататься на Орлике, лохматом коне, у его знакомых пастухов по берегу реки Проня, где те пасли телят верхом на лошадях.

– Конную прогулку легко организовать. У меня знакомые в Битце и Сокольниках держат ахалтекинских скакунов.

– Ахалтекинцы? Тонконогие красавцы? Я мечтаю проскакать на таком.

– Можно и на ипподроме в конюшне Моисеева пока-

таться. Там есть школа наездников, и они ухаживают за лошадьми между скачками. Выгуливают их. Я могу его попросить, он не откажет.

Виктор видел, как Олеся вся преобразилась, лицо ее засияло.

– А, когда это можно сделать? – спросила она.

– Да в любое время. Вы мне позвоните по телефону.

– Есть чем записать?

– Нет, ничего, и визитки оставил в кабинете, – сказал он.

– И у меня ничего нет.

На улице ее встречала компания, и они уже подходили к машине.

– Запомните телефон, он очень легкий: 123-123-1. Все цифры от единицы до тройки повторяются.

– У меня плохая память на цифры, но Ваш телефон я запомню.

Может быть, он раньше и был в общении с девчонками гордым орлом, но при встрече с Олесей стал чижиком. И ему вдруг показалось, что и чижик уже отпел свое. Лукин вел себя тихо и скромно, только без остановки рассказывал забавные истории про лошадей и так увлекся, что не заметил, как они доехали. Он протянул ей руку и представился, глядя ей в глаза. Она произнесла «Олеся», но он чуть дольше положенного удержал ее руку, и она сунула в нее зеленую купюру в три рубля. Виктор не сразу сообразил, что трешка была платой за проезд, но возвращать было неудобно, раз уж взял в руки.

Лукин еще долго сидел в машине, держа в руках ее трешку, которую сложил несколько раз, наподобие фантика от конфет и убрал на память в портмоне, как талисман. При его месячной зарплате в 890 рублей, равной

жалованию министра ее зеленая трешка на самом деле была для него талисманом. Ему стало вдруг страшно от мысли, что он мог проехать по Дмитровскому шоссе мимо ее дома. В течение двух дней он сидел в кабинете допоздна, не отходя от телефона. Он, наверное, охамел в своих мечтаниях, но очень уж хотелось, чтобы она позвонила.

«Подвез девушку на машине, взял с нее трешку. Вернее взял скорее демонстративно перед ее компанией, чтобы видели, как она расплачивается с «халтурщиком» на частной машине. Потом, второпях, он прошептал ее свой телефон и попросил позвонить. А теперь ждет звонка. Точно охамел», – дал себе оценку Лукин.

Виктор не видел никаких проблем, чтобы разыскать телефон Олеси и позвонить. Надо доехать до жилищной конторы, где она живет, и в паспортном столе сделать выборку, подходящих по возрасту и проживающих в том доме девушек, а потом со списком в паспортном столе отделения милиции посмотреть их фото по форме № 1, заполненной при получении паспорта. Два часа работы и у тебя ее полные данные вместе телефоном квартиры. Но он не терял надежду, что она позвонит.

После работы его терпению пришел конец, и он подъехал к ее дому, просто так, «на ура». Прогулялся по двору и надо же, бывает ведь такое! Навстречу ему шла его одноклассница Наташа Ткаченко. За ней в школе ухлестывал Сергей Ковалев, потом они поженились. Несколько лет назад Виктор так же случайно встретил их свадебный кортеж на дороге. Тогда он гонял по улицам Москвы на мотоцикле «Ява» и сопроводил их кортеж до дворца бракосочетания. Там и поздравил. И вот снова случайность!

Симпатичная хохлушка немного сдала. Да и кого время

красит? Он не стал ее расспрашивать об Олесе, тем более что живут они в одном доме. Так перекинулись несколькими фразами, как друзья, но его поездка не прошла даром. Видимо, существуют какие-то биотоки или что-то еще, которые уловила Олеся, когда он бродил по ее двору.

– Можно Виктора попросить?– позвучал голос в телефонной трубке на следующий день.

– Олеся, я слушаю.

– Как Вы меня узнали?

– Я ждал Вашего звонка, а мой телефон не многие знают. Какие планы на вечер?

Виктору уже не хотелось бегать по паспортным столам в поисках ее телефона, поэтому решил не тянуть со встречей.

– Да, вроде бы ничем не занята.

– Вот и хорошо. Хочу пригласить Вас на ужин в ресторан, что-то я проголодался.

– Да, в принципе можно, если ненадолго.

– Время встречи и ее продолжительность Вы сами устанавливаете, и будете доставлены вовремя в любую точку. Идет?

– Тогда согласна. Во сколько? И где?

– Скажем, в шесть вечера у ресторана «Будапешт». Знаете где?

– Еще бы! Я там жила на Петровке, и каждый день ходила в школу мимо ресторана.

Виктор специально не спрашивал у нее номер телефона. Она была замужем, и он не хотел создавать ей неудобства. Время покажет. Олеся вышла к его автомобилю в облегающих черных брюках, приталенном белом пиджаке, рукава которого туго охватывали запястья, и шелковой кофте бледно-кремового цвета с кружевным

гофрированным воротником, которые подчеркивали ее стройность и изящество форм. Олеся была прелестна – прелестнее, чем он мог предположить. Карие глаза и носик изящный, прямой. Она была немного смущена.

– Добрый вечер! – протянула она свою руку.

– И Вам вечер добрый!

Виктор хотел слегка пожать ее руку, но в его большой ладони ее рука утонула, и получилось у него чуть с восторгом, который он не в силах был обуздать. Он почувствовал себя неловко, потому что пальчики девушки в его ладони остались расслабленными и не ответили на его пожатие и неуместный пыл. В ресторане «Будапешт» Лукина знали почти все официанты и администраторы вместе с директором. Еще бы, десять лет назад ему коллеги вручили в этом ресторане медаль во всю грудь «За взятие Будапешта». Специально отлили на заводе «Цветное литье». Виктор сделал стандартный заказ для романтического ужина – осетрина по-монастырски и плошка черной икры с шампанским. За столиком у зеркальной стены Лукин только успевал кивать головой направо и налево, здороваясь с обслугой и посетителями. Он хотел не только порисоваться перед Олесей, но зная, что творится на кухне ресторанов, ходил только в те рестораны, где его знали от швейцара до шеф-повара. Метрдотель Михалыч встретил его расшаркивающе. Он и раньше встречал его с уважением. Но сегодня Лукин был с прекрасной дамой.

– А вы здесь популярны. А говорили, что в авиации работаете. Не может быть у летчика столько знакомых в ресторане, если только он отсюда не вылезает. А на гуляку вы не похожи.

– Олеся, вы наблюдательны, но я сказал правду. До лет-

чика-налетчика я работал в центре Москвы начальником уголовного розыска. Поэтому меня многие знают, – улыбнулся Лукин.

– Интересно. А так бывает? – она изобразила еще большее удивление.

– У меня так получилось. Но если все рассказать по порядку, то удивлений у Вас будет еще больше. А мне не хотелось бы вас пугать с первого вечера. Еще подумаете, что заливаю.

– Уже подумала.

– Я поднимаю этот бокал за то, что мы повстречались в суете огромного города и за Ваш звонок, который вселяет мне надежду, что мы уже не потеряемся, – улыбнулся Виктор.

Она выпила шампанского, а Лукин только пригубил и на ее взгляд пояснил:

– Мне еще надо Вас доставить в целости и сохранности.

– Но я могу и на метро.

– Что-то верится с трудом. Вы и на метро? Давайте выпьем за наше знакомство. Предлагаю на брудершафт. Пора нам перейти на ты, – он с тревогой взглянул на нее. И с удивлением обнаружил, что глаза у девушки озорные.

– С удовольствием, – сказала она.

Ему было легко и весело с Олесей. Он был самим собой. Ему не надо было притворяться, лезть из кожи вон, чтобы понравиться. Девушка сидела перед ним без всякого напряжения. Ее взгляд был открытым с милой, очаровательной улыбкой. Казалось, будто они давно знакомы, просто долго не виделись.

– Олеся, пока я трезвый и при памяти, можешь мне дать свой рабочий телефон, чтобы мы не потерялись.

– Ну, потеряться мы не сможем, хотя бы пока ты не покатаешь меня на ахалтекинских скакунах. А потом ты меня опять заинтриговал. Как можно из уголовного розыска попасть в летчики?

– Я не совсем летчик. У меня второе образование авиационное, но не летаю, а наоборот, расследую полеты самолетов, которые больше летать не будут, то есть авиационные катастрофы.

– Да, ты был прав. Чем дальше рассказываешь о себе, тем неправдоподобно звучит. Запиши мой рабочий телефон, но там я бываю редко, работаю администратором Москонцерта и постоянно в разъездах. Запиши и домашний телефон. Муж постоянно в командировках, но все равно звони лучше днем.

– Давай сразу договоримся на выходные и обойдемся без звонков.

– А, если что изменится у тебя?

– У меня ничего измениться не может, разве что свалится срочная командировка и тогда я не смогу позвонить.

– И часто такое случается?

Лукин достал из бокового кармана мультитон:

– Вот главный распорядитель моего времени.

– Похожий прибор я видела только у врачей скорой помощи.

– Так оно и есть. Но у нас другая «скорая помощь». Мультитон подает сигнал от дежурного. По шифру я должен выполнить команду. Чаще всего в течение двух часов я должен быть готов прибыть в аэропорт и вылететь на место катастрофы, – пояснил Лукин не без гордости за свою мужественную профессию.

– Неужели так на самом деле?

– Да, я вообще уже двадцать шесть лет не вру, – Лукин

с улыбкой стукнул себя в грудь кулаком.

– А, сколько же тебе, если двадцать шесть лет не врешь?

– Немногим больше. Мой бывший начальник после шутки всегда повторял: «Не врешь, но и правду не говоришь». Оперативникам не всегда можно рассказывать всю правду. Так что у нас на выходные?

– Я хотела бы поехать за город, поискать дачу в аренду на лето для мамы, а то она отдыхает далеко у сестры на Селигере, и на выходные к ним не съездишь.

– Тогда я в полном твоем распоряжении. Во сколько встречаемся и где? Какое направление тебя интересует?

– Пока не знаю, лишь бы не далеко.

– Предлагаю сначала поехать к моим друзьям на Клязьминское водохранилище. Мой бывший коллега Валера там какой-то начальник в их поселке старых большевиков и, наверное, нам поможет подобрать дачу на лето.

– Как с тобой легко, Виктор. У тебя вообще нет проблем?

– Может быть, и есть, но я пока о них ничего не знаю. Это плохо? – спросил он с нарочитой грустью.

– Нет, наоборот, очень хорошо.

– Так куда за тобой заехать в субботу?

– Если мы поедем по Дмитровскому шоссе, то я останусь у родителей в Бескудниково.

– В десять утра, не рано?

– Хорошо. Я выйду на улицу, где мы встретились.

– Только смотри, чтобы тебя не украл какой-нибудь на зелененьком «Москвиче».

– А ты не опаздывай.

– Тогда я лучше на углу дома в машине заночую, – улыбнулся Виктор.

После ресторана Олеся попросила отвезти ее в Бескуд-

никово к родителям. Лукин не стал интересоваться, почему она не поехала домой, но было приятно, что не к мужу. Воспоминания от этого чудесного вечера не были омрачены. Ему уже не хотелось расставаться с ней и делить ее с кем бы то ни было, тем более с мужем. Он разменял четыре десятилетия и обнаружил, что все еще не способен посмотреть в глаза красивой девушке, не покраснев. Надо же иметь такую впечатлительную натуру. Ему казалось, что не сможет уже влюбиться по-настоящему. Он слишком пресыщен любовными романами, которые сожгли его дотла. Но Олеся явно зацепила и повела за собой. Его не смущало, что она замужем и он женат. Не видел он в их встрече аморального поведения. Виктор боялся вспугнуть Олесю бракоразводным вопросом, хотя сам был готов заняться им, чтобы, наконец, жениться нормально. У него и так слишком долго затянулся данный процесс. А он не считал себя слабохарактерным.

В пятницу заехал к заведующему производством ресторана «Узбекистан» Шамилю, с которым был в приятельских отношениях.

– Шама, – так его звали близкие друзья, – у меня в субботу серьезная встреча, и нужен шашлык на уровне и пару бутылок вина. У тебя «Хванчкара» еще осталась?

– Сейчас сообразим. Пошли в цех.

Директора ресторана Константина Матвеевича Лукин тоже знал, но по части снабжения лучше Шамиля никого не было. В ресторане «Узбекистан» чего только не было. Директор дружил с Председателем Моссовета Промысловым, а тот частенько бывал в его кабинете, где директор принимал его, как бухарского эмира.

В лотках холодного помещения лежали большие куски маринованной баранины в зелени, купаты и

люля-кебаб.

– Виктор, тебе каких шашлыков – для райисполкома или Моссовета?

– Давай моссоветовских килограмма четыре.

Шамиль не шутил. Он к выходным готовил для партийно-советской элиты шашлыки из баранины. Из спинки курдючного барана получались длинные куски на ребрышках по-карски на два шампура. Они так целиком и жарились на углях, отчего были сочными и нежными. Ребята шутили, что моссоветовские можно было кушать, как докторскую колбасу. Мясо молодого барашка было без жира и жил. Шамиль упаковал все и уложил в пакеты вместе с вином и лепешками. В самом ресторане таких шашлыков не подадут. Там поставят на стол хорошие шашлыки, которые будут шкварчать на углях небольшого мангала, но то будут не моссоветовские из корейки. Да, крепка еще советская власть в Москве. И пока есть возможность, надо пользоваться ее благами.

Утром он с нетерпением посматривал на часы, дожидаясь десяти, когда договорились встретиться с Олесей. Раньше нельзя было назначать свидание, так как нет в жизни более непредсказуемого, чем не выспавшаяся женщина. Он определился для себя, что сможет с Олесей посещать своих близких друзей, которые не сдадут его жене, которой Виктор не давал повода для скандала. Он уже определился с Олесей и был бы рад, если б у них что-то срослось. Но он пока не знал, что думает по этому поводу она….

– А удобно будет приехать со мной к твоему товарищу на Клязьму? У него жена. Ничего не скажут про тебя? – спросила Олеся.

– Кому скажут? – спросил Виктор. – Жене что ли? Так

она почти ни с кем из моих друзей не общается, а тем более из милицейских коллег.

– Вопросов больше нет, – обронила Олеся.

Валера с женой встретили их приветливо с улыбкой, да и другого не могло быть в их семье, где каждый выходной день бывали друзья, а коллеги норовили летом и в будни оторваться с работы после обеда на водохранилище.

– Виктор, мне говорили, что у тебя молодая жена, да еще и красавица! Проходите в дом, – улыбнулся Валера.

Он не был знаком с его женой Дашей и Олесю принял за нее. Олеся только улыбнулась и, взглянув вопросительно на Виктора, не стала возражать.

– Валера, мы лучше в беседке, – Виктор слегка обнял Олесю за талию и пресек ее попытку что-то пояснить. – Все нормально, – прошептал он ей на ухо, – необязательно знать, с кем я приехал.

– Молчу. Тебе видней, – улыбнулась Олеся.

– Да, ты прав, Виктор, в беседке будет удобнее. Сейчас Людмила накроет стол.

– Я кое-что привез к столу. Давай разожжем мангал, – сказал Виктор.

Лукин достал из пакета баранину и вино с лепешками.

– О, узнаю изделия Шамиля. Моссоветовские? – улыбнулся Валера.

– Какие, моссоветовские? – спросила Олеся.

– Мы так шашлыки называем, которыми кормят слуг народа, – хихикнул Виктор.

Валера до Лукина был в том районе начальником уголовного розыска и знал все хлебосольные места. Теперь он работал в убойном отделе МУРа. Дача ему досталась от родителей в сосновом бору на берегу Клязьминского водохранилища, где он отдыхает с женой Людмилой и

детьми, которые привыкли к шумным компаниям.

– Кому доверим жарить шашлыки? – спросила Людмила.

– Могу и я. Но Виктор делает лучше всех. Правда, Олеся? – Валера, кажется, догадался об их отношениях. Старого сыщика не проведешь. Но все равно Лукин был доволен, что тот добавил еще одно положительное очко в его копилку и позволил показать Олесе свое мастерство.

На хорошо подготовленных углях готовилась баранина, а рядом уже шипели на отдельных шампурах баклажаны, помидоры с болгарским перцем.

– Людмила, у меня овощи готовы. Поможешь? – спросил Виктор.

Людмила с Олесей быстро соскребли подгорелые участки с овощей и, нарезав, сделали салат, посолив крупной солью. Овощи после обработки на углях принимали совершенно другой вкус, нежный и ароматный, отдающий дымком. Тут же потекла по бокалам «Хванчкара», и к столу подали большие куски еще шипящей от углей баранины.

– Кто хочет, может нарезать кусками эту прелесть. Но я предлагаю попробовать справиться целиком, так будет вкуснее. У наших предков в пещерах ножей и вилок не было, – предложил Виктор.

– Я боюсь, не справлюсь с большим куском, – сказала Олеся, глядя на золотистую корочку аппетитной баранины.

– А ты попробуй только откуси с края, и видно будет, – сказал Виктор.

Олеся пригубила вино и надкусила баранину. Она на самом деле была мягкой, как вареная колбаса, ни жилки, ни жиринки.

– Я такого раньше не пробовала, и овощи необычного

вкуса.

– Олеся, что он тебя держит в черном теле? Ты приезжай к нам в гости без него. Мы здесь каждый выходной так мучаемся, – засмеялась Людмила.

– Олеся хотела сказать, что сегодня я приготовил вкуснее, чем обычно. Давайте выпьем вина за хорошую погоду и прекрасное настроение, – предложил Лукин.

– И то правда, а то навалились на закуску, – сказал Валера.

– Валера, я тебе звонил по поводу дачи. Есть возможность снять здесь что-то приличное на лето? – спросил Виктор.

– Я уже переговорил со многими соседями, кто раньше сдавал, но почти у всех уже постоянные жильцы, которые снимают не один год. Да и сезон уже начался. Все, кто хотел снять, уже заехали. Я еще переговорю на другой стороне водохранилища, у меня там знакомые.

У Лукина тоже на другой стороне было полдеревни Новосельцево знакомых, где у Анатолия Прохорова с женой был свой дом. Но у них бывала его жена, и не только она. С Прохой он сам решил переговорить, не высвечивая пока Олесю. Было видно, что он ей тоже нравится. Лукин действовал настойчиво, уплотняя по возможности все дни их встречами, и в то же время вел себя расслабленно, ненавязчиво, как «паучок нашу муху уволок в уголок», опутывая тончайшей паутиной, не ограничивая ни в чем ее свободу.

Но в их встречах наметился небольшой перерыв. Пронизывающий среди ночи свист мультитона сообщил Лукину шифром о готовности к вылету на место авиационного происшествия. Следом позвонил дежурный Госавианадзора СССР.

– Виктор Павлович, Вам надлежит прибыть в аэропорт

Внуково и вылететь в Тбилиси первым рейсом в шесть утра. Машина за Вами вышла, – сказал дежурный Востриков.

– Что случилось? – спросил Лукин.

– Пока, слава Богу, ничего, но самолет Ту-154УГА Грузинской ССР, у которого не вышла передняя стойка шасси, запросил аварийную посадку. Он кружит над аэропортом, вырабатывая топливо, чтобы совершить посадку на "брюхо". Председателем комиссии назначили Бориса Горюнова, который попросил включить Вас в комиссию его заместителем. Сами знаете, какая обстановка в Тбилиси.

– Хорошо, я жду машину.

Борис встретил его в комнате депутатов. Лукин отметил его серьезный и чуть важный вид, хотя у него было не первое расследование в ранге Председателя. В помощь он попросил Лукина и опытных специалистов из ГосНИИ ГА. Уже все знали о недавних событиях в Тбилиси на проспекте Руставели, где «отличились» воины Советской Армии и спецназ МВД, пресекая действия демонстрантов. Впервые прозвучало о применении солдатами саперных лопаток при разгоне демонстрантов. Конечно же, проводить после тех событий расследование авиационного происшествия в Тбилиси было немного неуютно, где совсем недавно пролилась кровь на фоне лозунгов «Грузия – для грузин», «Долой русских».

Госкомиссия прилетела в Тбилиси. По краям взлетно-посадочной полосы еще белела противопожарная пена, которой была заполнена вся взлетная полоса, и в нее буквально плюхнулся на брюхо без шасси Ту-154 с пассажирами на борту. Пена предохранила его от пожара, который мог бы возникнуть от трения фюзеляжа по бе-

тону. Самолет стоял в стороне со стесанной наполовину о бетонное покрытие полосы кабиной и части фюзеляжа. Посадка была совершена, можно сказать, удачно. Все были живы, только перенесли сильный психологический стресс, и кто-то из летчиков и пассажиров получили незначительные травмы.

Госкомиссия приступила к расследованию в обычном режиме. Лукин, переговорив с руководством управления гражданской авиации Грузии, принял решение разместить членов комиссии в гостинице управления погранвойск Закавказского округа, которая находилась в военном городке пограничников, в центральной части Тбилиси. Местные руководители посоветовали им особо не разгуливать по ночному Тбилиси, где недавно отменили комендантский час.

Лукин знал город, как свой родной. Здесь у него было много знакомых и друзей, которых он не видел несколько лет. А свободное время можно было выбрать как раз только вечером и ночью. И как встречаться с друзьями без вина и тостов? Большого объема работы для себя и комиссии в целом Лукин не увидел. Обследовать стойку шасси и установить причину не выпуска было не так сложно. К тому же стойку решили отправить в Москву в ГосНИИ гражданской авиации для исследования. Действия экипажа по аварийной посадке и эвакуации пассажиров сразу оценили на «пять» баллов. У них был уже печальный опыт по аварийной посадке и эвакуации пассажиров, когда несколько месяцев назад произошла на высоте полета разгерметизации кабины пилотов из-за попадания в стекло птицы. Поэтому Лукин попросил у Бориса свободный график работы для себя, чтобы сходить в гости к друзьям.

– А не опасно ли гулять по Тбилиси? – спросил Борис.

– Я же в сопровождении руководителей местной милиции и недолго. Разведаю на месте обстановку, а потом и комиссию выведу за забор погрангородка.

– Наши что-то особо не рвутся за забор. Им бы купить грузинского вина на вечерок.

– Борис, когда это было, чтобы члены комиссии, да еще в Грузии, покупали вино за свои деньги? Видимо, правда, здесь что-то произошло между грузинами и русскими.

– Ну что произошло, мы знаем. Летные руководители молчат по поводу застолья, а я не намекаю.

– И правильно. Иначе работать будет некогда. А так выпил бокал вина вечерком и утром на работу.

– Я так и подумал. Ты же в вине разбираешься? – спросил Борис.

– Скажи желающим, здесь недалеко есть винный магазин в полуподвале. Там всегда был хороший выбор вин. Можно пешком дойти. Я могу показать, – предложил Лукин.

Собралось пятеро желающих специалистов по вину во главе с Борисом. Лукин вел их по знакомым маленьким улочкам старого Тбилиси к винной лавке, в которой всегда покупал вино, когда бывал в столице Грузии. Ничего не изменилось в ассортименте магазина. Все тот же плотного телосложения с большими усами грузин за прилавком, который встретил их приветливо, как будто и не было митинга с провокационными лозунгами в отношении русских.

– Гамарджоба, генацвале! – поздоровался Лукин.

– Гамарджобат, – ответил грузин

– Какое вино хотите, красное или белое? – спросил коллег Виктор.

– Хотим хорошего, – сказал Гордеев из ГосНИИ ГА.

– Чтобы выпить много, то лучше взять белого вина, недорогое столовое «Эрети», но лучше «Ркацетели» или «Цинандали». А если хотите попробовать вкусного с обалденным букетом грузинского вина, то из белых сортов «Твиши», а из красных, конечно же, «Хванчкару» или «Киндзмараули», можно и «Ахашени». Кому нравиться красное сухое, то «Мукузани». И имейте в виду, что в этот магазин поставки вина идут с первого ликероводочного завода Тбилиси, где разливают, не балуя. Поэтому такого вкусного больше нигде не попробуете, – пояснил Лукин коллегам и повернулся к продавцу. – Нам бы по две бутылки хорошего вина каждому, итого – по десять штук. Мои коллеги хотят попробовать в гостинице и выбрать, какое вино взять с собой в Москву.

– Вы из милиции? – спросил усатый грузин.

– Нет, мы авиаторы. Может, слышали, в аэропорту самолет посадили без шасси?

– Да, конечно. Вчера два раза показали по телевизору. А сегодня во многих газетах пишут о подвиге летчиков, спасших пассажиров и о комиссии тоже. Значит, про вас.

– Вот мы из государственной комиссии. А это Борис – наш председатель комиссии, – представил Лукин.

– А что Вы сами ходите в магазин? Что не могли Вам вина привезти? Не узнаю Грузию, где хлеб-соль гостям? – пробурчал в усы грузин.

– А мы не просили. Да и времена, наверное, изменились, – сказал Лукин.

– Да, в Грузии творится непонятное. Какой-то свободы хотят. Кому ее не хватает? – развел руками грузин.

– Не знаю. Не наши вопросы, – Лукин не хотел разговаривать на такую тему.

– Вот и правильно. А кто вам подсказал про мой мага-

зин или вы наш тбилисский? – спросил грузин Лукина, покручивая усы.

– Нет, я из Москвы.

– Откуда же такие познания о нашем вине и о моем магазине?

– Я раньше покупал у Вас вино со своими коллегами Романом Гвенцадзе и Георгием Гулуа.

– Из МВД?

– Да-да.

– Тогда все понятно. Они мои постоянные покупатели. А что сейчас один?

– Для встречи надо время, а его пока нет. У них сейчас забот гораздо больше стало, нежели когда мы вместе приходили к Вам в магазин. Но вечером обязательно позвоню, – сказал Лукин.

– Да, Роман теперь начальник УВД столицы, а Гия начальник района в Тбилиси. Можем зайти в мой кабинет, и попробуете вина, а что понравится, то и купите. Как? – спросил продавец.

– От такого предложения трудно отказаться. Если мы Вас не стесним?

– О чем разговор! Народу никого нет. Меня зовут Гиви. Проходите.

Ребята так и обомлели от такого поворота, а Лукин сразу узнал Грузию семидесятых годов, когда их именно так и встречали в этом магазине и в закусочных, ресторанах или просто в кабинетах.

– Я бы предложил «Ркацители-Кахури», цвет у него темно-желтый и небольшой привкус терпкости, – Гиви выставил на стол вино, сыр и зелень с лавашем.

Евгений Гордеев пригубил вино и спросил у Лукина о его названии, так как прослушал, что предлагал Гиви.

– «Хванчкара» номер двадцать. Только его Сталин пил, – на ухо пошутил Лукин.

– Оно мне не нравится. «Хванчкару» я не беру.

Конечно же, «Хванчкару» они не пробовали. Такое вино, так же, как и «Киндзмараули», можно было брать, не пробуя. Гордеев, запомнив название, отказался покупать «Хванчкару».

– Мне пять бутылок «Хванчкары» двадцатый номер, которое Сталин пил, – сказал Борис.

– Другого не держим, – улыбнулся грузин. – От меня в подарок пару бутылок Оджалеши, его тоже в Западной Грузии делают, но если поедете в село Твиши или деревушку Хванчкара, то не значит, что там сможете купить вина в бутылках. У них много отличного домашнего вина, которое они делают для себя и вас могут угостить. А если в бутылках, то лучше купить у меня. Вы правильно сказали, что первый завод не балует вино.

– Спасибо. Вы мне упакуйте вино в коробки, чтобы до Москвы дорогой не разбить.

– Все сделаю, дорогой, и привезу к вам в гостиницу.

– Да, мы рядом у пограничников живем, – сказал Лукин.

– Вах, о чем говоришь. Пока дойдете, я уже привезу, – сказал Гиви.

Комиссия отоварилась вином по полной программе. Гиви не стал брать с них за вино, которое они попробовали, а «пригубили» они пять бутылок. Виктор не стал настаивать, зная, что денег он не возьмет.

– Да, Лукин, с тобой не пропадешь. Недаром верхние руководители тебя от себя не отпускают. Пришлось сослаться на сложную обстановку, чтобы ты полетел с нами в Тбилиси, – подвел итог их похода Борис.

У пограничников в гостинице холодильники не рабо-

тали из-за перебоев с электричеством. Тоже самое происходило и с холодной водой, а про горячую воду говорить не приходилось. Однако белое вино лучше пить охлажденным.

– Надо налить полную ванну холодной воды и опустить в нее все бутылки с вином – все ровно надо иметь запас воды.

Пока готовили стол, где было много зелени, перца, сыра и лаваша, этикетки у бутылок отклеились и плавали в ванной отдельно.

– И как мы теперь различим, какое вино, в какой бутылке? – Гордеев был явно разочарован такой картиной.

– А для чего же вы дегустировали в магазине? Теперь вы должны по вкусу различить все марки грузинских вин.

– Мне бы сейчас красное от белого отличить, а ты говоришь по вкусу, – заметил Гордеев.

– А давайте все-таки попробуем,– Виктор откупорил «Ркацетели-Кахури» и разлил по стаканам. Гордееву он по-дружески подсказал:

– «Хванчкару», ты уже пробовал.

Тот отпил полстакана, пошевелил губами от терпкости и произнес:

– Я же говорил, что «Хванчкара» – дерьмо, так оно и есть.

Борис хотел что-то ему возразить, но Виктор его заговорщицки остановил и откупорил бутылку с «Хванчкарой». Ему не нужны были этикетки на бутылках. Он столько в свое время выпил различных грузинских вин, что безошибочно может определить их по цвету, уже не говоря об их вкусе. Он мог их взять на нюх, не пробуя. Только во время командировки он с главным инженером Борисом, приехавшим на реконструкцию ликеро-

водочных заводов в Тбилиси, выпил море разного вина, не прошедшего линию розлива на заводе, а значит, не тронутого и никем не разбавленного. Полтора месяца в гостинице «Иверия» им подавали в номер горячие шашлыки из ресторана с шестнадцатого этажа, а вином и коньяком они могли напоить не одну грузинскую свадьбу. Бориса снабжало руководство завода, чтобы он не торопился закрыть завод на реконструкцию. Это были золотые времена. А теперь вино плавает в ванной с холодной водой, потому что перебои с электричеством.

Бутылка с «Хванчкарой» растекалась по стаканам, наполняя воздух своим ароматом настоящего вина. Его можно не пить, а только нюхать и балдеть от запаха, смачивая иногда губы небольшими глотками.

– А это что за вино? – даже Евгений оценил этот напиток.

– Это и есть дерьмо – «Хванчкара», – Борис поддержал тему розыгрыша, чтобы было немного повеселей.

Евгений глянул на Лукина недоумевающее, но тот уже смеялся, и он все понял, что не получится из него знатока грузинских вин. Его русский организм привык к водке, которая бывает хорошей и очень хорошей. А большей частью в ГосНИИ больше спиртом баловались.

Вечером всей комиссией они решили прогуляться по центральному «Бродвею», проспекту Руставели. Напряженность в Тбилиси чувствовалась только около дома Правительства. Другая часть столицы жила в обычном ритме, который Лукин привык здесь видеть. В магазине «Воды Логидзе» все также разливали по бокалам вкуснейший лимонад, шоколадные, ванильные и другие газированные напитки. Здесь же готовились хачапури аджарские и

мингрельские, которые они откушали. В тихом переулочке, рядом с площадью, все так же стояла закусочная Георгия, где подавали самые вкусные шашлыки и охлажденное вино.

Грузинские виноградники попали под топор антиалкогольной политики Егора Лигачева, что сыграло роль в антироссийских настроениях. Хотя надо признать, что в Грузии они не встретили ни одного грузина, который был бы настроен против русских, а они общались со многими людьми и иногда, этот вопрос обсуждали за бокалом вина. Видимо, они общались с трудовой частью населения Грузии, а на площади 8 апреля митинговали совсем другие слои населения, которые рвались к захвату власти. Опять борьба за власть.

Лукин отлично понимал, чем закончится их «мальчишник» с грузинским вином. Поэтому не стал планировать встречу с Романом Гвенцадзе. И потом надо понимать его занятость сейчас на той должности. Они уже не сыщики, как раньше. Он решил позвонить Георгию Гулуа. С ним он учился в Академии МВД, и они были в дружеских отношениях. Он теперь начальник милиции в Дегомском районе Тбилиси.

– Я тебя жду к обеду. За тобой машину прислать? – пригласил Георгий.

– Нет, не надо. Меня довезут, а потом меня проводишь. Я остановился в гостинице погранвойск.

– Вот это правильно. Мне охрану не надо тебе организовывать. Шучу. В городе все успокоилось. Но все равно у пограничников спокойней. К обеду жду.

Они присели в отдельном кабинете ресторана. Георгий был в форме полковника милиции.

– Георгий, поздравляю с полковником.

– Спасибо. А ты как?

– Да уже два года как.

– Ну молодчик. Ты у нас на курсе всегда от всех отличался.

– Так же, как и ты. Это пропусками лекций, а потом сдачей экзаменов в один день. Если бы не учебно-методическая часть, которая запрещала сдавать в день несколько экзаменов, то мы бы их сдали вместе с государственными в один день.

– Это верно. Ко мне многие набивались в друзья на курсе, но я как-то тянулся к общению с тобой. Ты всегда тихо приходил, сдавал все без суеты и также растворялся на месяцы до следующей сессии. Все знали, что ты руководитель уголовного розыска, да еще «блатной» в центре Москвы.

– Да ладно, у тебя знакомых на кафедрах не меньше было, – попытался парировать Лукин.

– Говорили, что ты первый вступительный экзамен отмечал с преподавателями на берегу Москвы-реки с цыганским ансамблем. Правда, что ли?

– Было дело. Что-то захотелось похулиганить, вот и оторвался. Пустячок, а многим запомнился своей неповторимостью.

– Вот-вот. Что будем пить? Я предлагаю коньяк грузинский, двадцать пять лет выдержки «Тбилиси», очень хороший.

– Георгий, ты сказал, будем пить или выпивать.

– А в чем разница?

– По моим понятиям пить – это когда воду. У меня появляется сравнение только в количестве выпитого.

– Ну это мы отрегулируем по ходу. Я позвонил Роману и сообщил, что у меня в гостях из Совета Минист-

ров СССР Лукин. Он почему-то догадался, что это ты, и обещал к нам подъехать ненадолго, если обстоятельства позволят.

Коньяк, конечно же, был высшим напитком, каких он давно уже не пробовал. Запах коньяка в момент наполнил кабинет ресторана. После нескольких рюмок Георгий в полголоса поведал о событиях в Грузии.

Оппозиция хочет взять власть под видом национального фронта, как сейчас модно стало. Они собрали народ на площади и спровоцировали власти на силовые действия. Но и власти не соразмерно применили против безоружных людей силу. За три часа до разгона митинга в Тбилиси прилетел Шеварднадзе. Только он мог дать согласие на эти действия властей. Шеварднадзе раньше был Министром внутренних дел Грузии и всегда отличался жесткостью в своем руководстве республикой. Поэтому ничего удивительного здесь нет, но комиссия, расследующая эти события, совсем по-другому расценила его действия. Да, это их внутренние дела. Им виднее, как и с кем жить.

Время не позволяло им расслабиться. Лукин к вечеру вернулся в гостиницу.

Утром Борис провел заседание комиссии и выслушал руководителей подкомиссий о проделанной работе. Вино пили не все и то в выходной день.

– Виктор, нам надо опросить экипаж самолета. Они сейчас лежат в госпитале на обследовании, решили уйти на пенсию, а руководство против их решения и просили нас помочь, – сказал Борис.

– Они же еще молоды для пенсии. Как мы можем отговорить их от увольнения? У экипажа вторая аварийная посадка.

– Поехали в больницу и на месте решим.

В больнице они с Борисом не стали беседовать с каждым членом экипажа в отдельности. У них были незначительные ушибы после аварийной посадки. В больницу они легли для обследования и медицинского заключения с целью получения пенсии, поэтому их собрали вместе. Второй пилот рассказал обстоятельства аварийной посадки. Лукин понял, что он является заводилой в решении экипажа о выходе на пенсию. Мотивировка у них была проста: они после двух аварий боятся летать, причем сразу всем экипажем. Романтика у них закончилась. Они решили получать пенсию равной средней зарплате за полеты. Профсоюз их решение поддерживает. Так зачем рисковать? Лукин не нашел ни одного аргумента, чтобы отговорить их от пенсии в тридцать лет с небольшим.

После больницы Борис пошел с комиссией на обед, а Лукин рассказал заместителю командира отряда по летной работе Морозову о результатах беседы с экипажем. В столовой он ,как всегда, прошел зал для летного состава, где обслуживали комиссию, но он не застал их и заказал себе обед. За противоположным столом обедал замполит авиаотряда, который жестами пальцев показывал Лукину, что здесь не надо ему кушать и показал на дверь другого зала. Лукин был в штатском, но возмутился, как летный ас, тоже показав пальцами себе в грудь, и что он будет обедать здесь. Замполит, причем Лукин знал, что он не летающий, продолжал жестикулировать. Виктор же, отмахнувшись от него, закончил обед раньше замполита. Он и так недолюбливал политических деятелей во всех сферах, а этот еще в зал для летного состава «приземлился».

Лукин подошел к его столику и, не дав ему открыть рта, предложил:

– Я не понял смысла Вашей жестикуляции. Поэтому засуньте свои пальчики себе в задницу. Я буду обедать здесь, где мне указало Ваше руководство.

– Так я это и хотел сказать, что для членов комиссии накрыли стол в зале для руководителей. Там обслуживают официанты. Я и показывал, что надо пойти туда, – растерянно сказал замполит.

– Для того чтобы сказать, имеется язык. Об этом товарищи вашей профессии – замполиты знают лучше всех. А Ваши жесты я воспринял для себя оскорбительными, что в летном зале мне не место.

– Вы правы, я извиняюсь.

– А я не извиняюсь, – Лукин «закусился».

До конца командировки он обедал в летном зале за свои деньги, так как в зале для руководства обеды членам комиссии предоставили бесплатно. Их пытался помирить заместитель по летной работе Марат Владимирович, у которого они были на даче вместе. Лукин оттаял, но осадок все равно остался, и у замполита, наверное, тоже, после его предложения в отношении пальцев.

Расследование оказалось несложным. Причина аварий была на поверхности, чисто техническая. От вибрации открутилась одна из гаек крепления шасси и стойка перекосилась, поэтому и не вышла. Были выданы рекомендации комиссии по конструктивной доработке одного узла шасси, а проще говоря, поставить шплинты на все гайки. Доработка несложная, но для такой операции предлагалось остановить полеты всего парка Ту-154.

Из общения со своими товарищами из МВД Грузии Лукин многое узнал, о чем не говорили в России. Ока-

зывается, событиям на площади 8 апреля предшествовали многочисленные митинги, забастовки и голодовки студентов за демократические преобразования еще осенью прошлого года. Потом полгода было затишье. И вдруг сепаратисты Абхазии заявили о выходе из состава Грузии и присоединении к России. С этого и начались митинги в Тбилиси против Абхазии, а так как они захотели в Россию, значит русские и виноваты. Значит, они подстрекают к выходу из Грузии. А если собрался народ, то будут и лидеры, которые подогрели антирусские настроения. А их целью был захват власти. Лукин еще раз убедился, что психиатры правы: у больного шизофренией всегда бывают обострения весной и осенью, поэтому вся «буза» возникает в это время. Стремление к захвату власти и мнимой свободе – это лишь форма данной болезни. Вот только народ Грузии и Абхазии жалко.

С чувством тревоги Лукин вылетал в Москву. Оба народа горячие по характеру, а их уже накалили до предела. Один неверный шаг политиков и Закавказье взорвется. В Москве совсем по-другому освещали эти события. Грузины думали, что советская система впервые показала свой звериный оскал на площади Тбилиси. Но они не знали, как и все граждане СССР, о расстреле митинга в Новочеркасске и бомбовом ударе по мятежному крейсеру «Сторожевому» под руководством Саблина. Многие в стране не узнали бы об истинной трагедии в Тбилиси, если бы не объективное расследование этих событий комиссией под руководством Собчака

Наконец-то Лукин снова прилетел в Москву. Сначала заехали на работу, где он выложил документы по расследованию, которое было и не сложным, но материалов было на два тома. Перед вылетом в командировку Лукин

успел запустить на проработку письмо с предложением о создании подразделений в ОВД на воздушном транспорте и подчинении их самостоятельному отделу МВД при Госавианадзоре СССР на время проведения расследования на местах. Дело оставалось за малым. В определенный срок или по какому-то случаю получить генерала, но это вопрос не только времени. Лукин своими письмами разворошил улей. Про него, а вернее, про его должность в Госавианадзоре СССР при Совмине как-то забыли. Но теперь, когда появилась перспектива получить здесь генерала и особо не упираться, появилось множество желающих. Завистники начали будировать этот вопрос, но, получив категорический отказ со стороны Министра, отступили. Лукин понимал, что это временное отступление. Прав был Рудольф Амбарцумович, предупреждая, чем закончится его идея.

С другой стороны, вся жизнь у него в борьбе. Так почему бы не повоевать за свое счастье? Лукин затихорился и ждал, когда и кто проявит себя с этой борьбе. У него тылы были прикрыты возможностью обратиться к заместителю председателя Совмина СССР Ивану Степановичу Силаеву. Да и бывший руководитель МВД СССР Александр Власов дружил с его тестем еще с учебы в Высшей партийной школе. Он теперь руководил Совмином РСФСР. Но пока не время, да и к чему было подключать «тяжелую артиллерию».

Он набрал свой домашний телефон, но никто не ответил. Даша читала лекции в Станкине. Он долго смотрел на телефонный аппарат, но ждать звонка от Олеси было не реально, так как командировка была ночью, а в Грузии не было связи с Москвой. Возможно, она звонила на работу, но ответить было некому и она должна дога-

даться о командировке. Он набрал ее домашний телефон в Бескудниково и прикрыл на всякий случай рукой трубку, но сняла трубку на другом конце она.

– Олеся, добрый день. Я в Москве. Тебе удобно говорить?

– Здравствуй, я одна дома. Мама уехала отдыхать на все лето на озеро Селигер. Давно прилетел?

– Два часа назад.

– Не было сообщений о катастрофах, а ты говорил, что я буду знать из новостей о твоих командировках.

– Я был в Грузии, а оттуда пока не доходят новости до Москвы. Тебе нравятся грузинские вина. Я привез несколько бутылок их розлива. Есть с чем сравнить.

– Вряд ли я смогу уловить в вине такие тонкости, но от бокала не откажусь.

– Тогда предлагаю завтра днем отметить мой приезд на берегу озера Круглое с шашлыками. Как у тебя со временем?

– Я согласна. Во сколько?

– С утра я покажусь на работе. Потом поеду в Шереметьево, а по пути в ресторане куплю шашлыки и за тобой заеду к часу. Устраивает?

– Вполне. А как же в Шереметьево?

– Нам по пути на озеро. Я отдам ребятам один документ, и мы свободны, – сказал Лукин.

В Москве стояла теплая солнечная погода. Уже открылся купальный сезон. Он подъехал в Бескудниково к часу дня.

– Мы можем поехать на Клязьменское водохранилище у друзей пожарить шашлыки и поплавать, – сказал Виктор.

– Я хочу побыть с тобой вдвоем, да и купальник не

взяла.

– Тогда я повезу тебя на дикий берег озера, где никого нет.

Виктор давно хотел услышать от Олеси такие слова и уже знал местечко в запретной зоне озера, где никого нет даже в теплую летнюю погоду. Не доезжая Шереметьево, он передал в ГосНИИ ГА Евгению Гордееву постановление на экспертизу, и они поехали дальше в сторону Лобни.

Перед озером Круглое он свернул направо и углубился в лес, но вскоре выскочил на небольшую поляну на берегу озера. Место было сказочное по красоте. Виктор снял костюм с галстуком и одел спортивный с кроссовками.

– У тебя в машине целый гардероб? – улыбнулась Олеся.

– И не только, – он достал из багажника шерстяное одеяло и подушку, – я иногда езжу далеко на рыбалку, а там гостиниц нет.

Потом Виктор положил на углу одеяла плетеную корзину с красивым натюрмортом. Из корзины торчали горлышки бутылок грузинского вина, лаваш, зелень и сыр, которые он прихватил с тбилисского рынка. Отдельно в пакете были ароматные шашлыки из баранины по-карски от Шамиля из ресторана «Узбекистан». Мангал у него был очень простым: четыре титановых колышка с рогатинами, на которые укладывались титановые прутья и на них поперек шампуры. Все было изготовлено на авиационном заводе, очень легкое, прочное и выдерживало большую температуру.

– Виктор, а как в Грузии?

– Я забыл. На заднем сидении газеты на русском и

грузинском языках. Там пишут об аварии самолета и о нашей комиссии. Газеты на грузинском можно пустить на растопку.

– Не хочу читать. А что там было?

– Ничего сложного. Все остались живы. Ты ванной с пеной пользуешься?

– Да, конечно.

– А в аэропорту Тбилиси залили пожарной пеной взлетно-посадочную полосу, и в нее плюхнулся самолет Ту-154 на пузо без шасси. Дикий скрежет металла по бетону и пассажиров пригласили к выходу по надувным трапам.

– Я и так боюсь летать, а после твоих командировок на катастрофы близко не подойду к самолету.

– Олеся, накрой стол с холодной закуской, а я за дровами.

– Я боюсь одна оставаться, – Олеся прижалась к нему и поцеловала.

– Тогда мы останемся без шашлыков. Там, в лесу, бурелом. Я далеко не пойду. Ты будешь меня видеть.

Виктор положил газету, а сверху кучу дров из березы и сосны, которые охватил огонь, и они начали потрескивать. Нанизав на шампуры шашлыки, он разлил по стаканам «Хванчкару» тбилисского разлива, которое на свежем воздухе в лесу показалось еще ароматнее…

Он заметил, что Олесе нравилось, когда он не навязывал ей своих решений. Происходило так, что Олеся немного позже вспоминала какое-нибудь его предложение, и получалось, что оно исходит от нее. На работе он придумывал себе местные командировки в аэропорты Шереметьево и Домодедово. Там он появлялся на короткое время, а потом они с Олесей ехали на озеро

Круглое недалеко от аэропорта Шереметьево или на Пятницкое водохранилище, откуда возвращались по Новорижскому шоссе. Его тогда только открыли, не было ни одной машины. Здесь можно было выжать из «восьмерки» по максимуму, и он наслаждался скоростью. Олеся уже не искала аренды дачи, а он высказался, что проще построить летний дом и отдыхать, не зависев ни от кого. И лучше по Новорижскому шоссе. Если же его командировка была в аэропорт Домодедово, то вскоре они оказывались на реке Пахре или на Оке с песчаными пляжами. Он пользовался благами, пока образовывалось свободное время между расследованиями. Наверное, общение с молодой красивой женщиной, которая нравилась ему все больше и больше, расшевелило его. Жалование у него было приличным, и финансы никто не контролировал. Жена не знала, сколько он зарабатывает, так как ни в чем не испытывала нужды. Ему нравилось баловать Олесю. Он понимал, что она не просто любовница и выстраивал планы на будущее, пока про себя. Лукин уже не представлял свою жизнь без нее. Он мог долго любоваться ею, но чаще украдкой, чтобы не смутить. Виктор чувствовал, что его глаза говорят ей о том, что пока не произносят губы. В его груди при встрече с ней все трепетало, как у охотника, увидевшего дичь. Он был рад, что снова может произнести такие простые слова, но с глубоким чувством: «Я люблю тебя».

Совесть по поводу измены жене его совершенно не мучила. Скорее, дома он изменял Олесе. И так продолжаться долго не могло. Они с Дашей фактически разошлись, а проживали вместе по совету тестя. Ее родители еще надеялись, что в их семье все может наладиться. Все,

может быть, и наладилось бы, если бы ни встреча с Олесей. Хотя вряд ли. Надо было знать его характер. Лукин никогда не возвращался к прошедшему. А отложить на время развод согласился лишь потому, что не было свободного времени на его юридическое оформление. Да и не было другой женщины рядом. Развод подразумевал не только отказ от штампа в паспорте, но и дележ квартиры и всего остального. Все остальное он мог с легкостью оставить жене. Тем более что последнее время он не очень-то и тратился на обустройство семейного очага и даже накопил денег. Для решительного шага не хватало только Олеси. Он мечтал, чтобы она стала его женой. Лукин никогда не интересовался семейными делами девушки. Он и так замечал, что Олеся все чаще ночует у мамы. Он боялся только одного, что может вспугнуть ее предложением руки и сердца. Может быть, она уже была сыта по горло семейной жизнью и хотела пожить свободной. Надо было принимать решение. Но как подготовить к нему Олесю? Он знал только одно: инициатива должна исходить от него самого.

В Домодедово он ставил машину около вагончиков слева от аэропорта, где выдавали багаж, прилетевших пассажиров. Там руководил получением зелени и цветов его знакомый еще по Центральному рынку азербайджанец Гаджи Алиев. Недавно вышло постановление Правительства о кооперации. Он подошел к Лукину с просьбой о помощи, зная его связи среди руководства аэропорта и местной милиции. Гаджи нужно было лишь отрекомендовать им, а дальше он решил бы все сам. Видимо, руководству аэропорта и милиции тоже была выгодна его деятельность с цветами и зеленью, которые получали в качестве багажа пассажиров из Баку. Вроде

бы все законно. Только пассажиры, вылетающие из Баку не знали, что у них были в багаже цветы и зелень, да большей частью бесплатно. Лукину всегда перепадал от Гаджи большой букет свежих цветов для Олеси и зелени для шашлыков. Правда, Гаджи обещал, что какой-то процент от его деятельности будет платить Лукину, но пока молчал. А Виктор никогда не намекал, зная, что информация об этом может уйти за рамки багажного отделения аэропорта. Он вроде бы не в МВД, а откомандированный, но лишние засветки ему были не нужны. Так он стал «теневым» участником кооперативного движения. Гаджи раскрутился и купил себе «Волгу». Возможно, дойдет очередь и до Лукина. Азербайджанцы народ предприимчивый и с ними идут руководители на контакт из сферы обслуживания, так он называл милицию и руководство аэропорта.

Северная мечта

Катастрофы с самолетами и вертолетами случались на всей обширной территории Союза ССР. Где только не побывал Лукин на расследовании: в Узбекистане и Туркмении, в Армении и у нефтяников в Сибири, на Урале, на Дальнем Востоке и в Якутии. В некоторых местах он был не один раз. Такая у него была работа.

19 июля 1989 года в 15 часов экипаж самолета АН-26 выполнял полет в сложных метеоусловиях по ледовой разведке с гидрологами на борту. Полет проходил над акваторией Восточно-Сибирского моря в 80 километрах от Певека. При выходе из последнего разворота около берега самолет столкнулся с каменистым склоном сопки на высоте 145 м над уровнем моря, разрушился и сгорел. Все члены экипажа и гидрологи погибли.

В самый разгар лета, кому повезло, были в отпусках, а Лукин с Борисом только закончили расследование аварии в Тбилиси. Комиссию по расследованию катастрофы на Чукотке снова возглавил Борис Горюнов, с которым они побывали не на одной «яме». И вновь по просьбе Бориса Лукина назначили в комиссию его заместителем.

– Борис, надо дежурному сказать, чтобы два места для нас заказал у чукчей в яранге, – улыбнулся Лукин.

– Зря ты улыбаешься белый человек. В краю непуганых птиц и белых медведей может и яранги не оказаться, а на мысе Кибера, куда нам надо, арктические птицы яйца откладывают.

– Поставим палатку, я буду ловить рыбу и охотиться на куропаток, а ты расследовать.

– Все бы тебе охотиться. Ты забыл, что еще можно яйца собирать на скалах, – сказал Борис.

– Да, я так, что мы не пропадем и в тех местах.

– С тобой никогда, но думаю, местные власти нас всем обеспечат, как всегда. И рыбалку с охотой тебе организуют.

Дежурная машина, как всегда доставила их в депутатскую комнату, где можно было спокойно отдохнуть в случае задержки рейса, а в Певеке часто погода не разрешала посадку для Ту-154. Но в тот день все было в порядке и задержек не предвиделось. Их с Борисом разместили в первом салоне. Время в пути было восемь часов. Вылетали они поздно вечером, а на месте должны быть к обеду. Борис откинул кресло и тихо посапывал во сне, а Лукину спать совсем не хотелось. В Москве был самый разгар лета, а там оно наступит только в августе на короткое время. В детстве Лукин зачитывался воспоминаниями полярных летчиков о спасении челюскинцев и мечтал о полетах среди

вечных снегов. К сожалению, некоторые мечты сбываются не так, как хотелось бы…

Ему припомнилось спасение челюскинцев. В сентябре 1933 года в Восточно-Сибирском море на пути парохода «Челюскин» все чаще встречались тяжелые льды. Судно получило пробоины. Капитан повернул к берегу в сторону Певека, где льды были не такими большими. Далее они шли по прибрежной воде между мысом Кибера и островом Шалаурова по протоке в восемьсот метров. Судя по сводке, в том самом месте и произошла авиационная катастрофа с самолетом ледовой разведки. У челюскинцев была своя воздушная разведка, которая обнаружила в нескольких милях от берега тяжелые льды, которые прижимали их к берегу. Стало невозможно добраться до острова Врангеля, а он был в ста милях на северо-восток от мыса Кибера. А через несколько миль судно оказалось в железных тисках льда, который сковал море до самого берега и чукчи добрались до «Челюскина» на собачьих упряжках. 3 октября Шмидт отправил с ними на материк больных, а «Челюскин» лег в дрейф. В начале ноября льды вынесли судно в Берингов пролив к берегам Аляски. До чистой воды оставалось несколько миль, но их судьба зависела от ледовой обстановки. Из пролива течение унесло льды вместе с вмерзшим в них «Челюскиным» обратно в Чукотском море, где он затонул, раздавленный сжатием льдов в феврале следующего года.

Челюскинцы успели высадиться на льдину, которая дрейфовала между Аляской и Чукоткой. Их спасение стало возможным только самолетами. У американцев самолеты были рядом на Аляске, но власти засекретили экспедицию. Нашим летчикам предстоял героический перелет, за который семерым летчикам вручат золотые звезды Героев Со-

ветского Союза. С одним из них – летчиком Николаем Петровичем Каманиным – Лукин встречался неоднократно у соседей в доме на Новослободской, куда тот приезжал в гости к отцу его друга. Они вместе воевали.

Объявление о посадке разбудило Бориса. Он привел кресло в вертикальное положение, а бортпроводница сообщила, что температура воздуха в Певеке плюс пять градусов. Через несколько минут самолет мягко приземлился и покатил по бетонной полосе.

– Я поспал немного, – потянулся Борис.

– Интересная взлетно-посадочная полоса в Певеке. Кругом вода. У меня сложилось впечатление, что ее построили в большой луже, – сказал Лукин.

– Так и есть. Только не в луже, а на мелководье залива. За взлетной полосой многовековой ил, из которого невозможно вытащить самолет в случае выкатывания.

В салон самолета вошел пограничный наряд. Лукин с Борисом предъявили служебные удостоверения. Пограничники посмотрели на их лица и сверили с фотографиями.

– Вас встречает наше руководство у трапа самолета, – сообщил прапорщик.

У трапа самолета к ним подошел мужчина лет пятидесяти в штатском, подполковник-пограничник и мужчина из руководства аэропорта в летной куртке и фуражке гражданской авиации.

– Павел Афанасьевич, заместитель Председателя райисполкома, а это наш комендант – подполковник Костенко Анатолий Степанович и командир авиаотряда Николай Иванович, – представил Павел Афанасьевич.

– Горюнов, Председатель государственной комиссии. А это мой заместитель Лукин, – сказал Борис.

– Вам придется работать в погранзоне. Пограничники могут помочь в поисках обломков самолета и транспортом. У них есть «Урал» и вездеход. Мы можем поместить вас в гостинице аэропорта или в городе. Здесь у нас все рядом, – сообщил Павел Афанасьевич.

– А как у вас дорога до мыса Кибера? – спросил Лукин.

– До прииска по проселочной дороге можно на «уазике», а далее дороги нет. Только на вездеходе, – сказал подполковник. – Мы здесь передвигаемся на вертолете.

– Тогда нам лучше к месту базирования вертолетов в гостинице аэропорта. Там найдется два приличных номера? – спросил Борис.

– Пять лет назад мы построили новое современное здание аэровокзала. Старое деревянное переоборудовали под гостиницу. Люксов у нас нет, но два номера будут со всеми удобствами. Отопление у нас и летом не отключают, потому с горячей водой нет перебоев, как в Москве, – улыбнулся Павел Афанасьевич.

– Мы согласны, – сказал Борис. – Да и с нашими коллегами в аэропорту нам проще общаться, но и от помощи пограничников не откажемся.

– Тогда предлагаю отобедать с нами. После отдохнете, а утром Николай Иванович подготовит вам вертолет.

– Нам бы хотелось до обеда заслушать Николая Ивановича по обстоятельствам катастрофы и определиться до утра, кто будет работать в нашей комиссии. Павел Афанасьевич, Вы поприсутствуете на первом заседании Государственной комиссии? – Борис, кажется, специально сделал акцент на слове «государственной».

Он правильно перехватил инициативу у руководителя местного Исполкома, чтобы тот прочувствовал всю не-

обходимость помогать работе комиссии, а не отделаться обедом и гостиницей, которые предоставлялись членам Государственной комиссии бесплатно.

– В процессе выполнения полета «галсами» от берега в море и обратно самолет проводил ледовую разведку над Восточно-Сибирским морем с воздушной съемкой и конечным пунктом маршрута был Певек. При очередном развороте у берега самолет оказался на удалении от него на расстоянии 1200 метров, вместо положенных десяти километров, а высота его полета над водной поверхностью составляла 100 м. Самолет столкнулся с сопкой высотой 170 метров, расположенной на мысе Кибера на уровне 145 метров. Предполагаем, что командир в последний момент увидел берег и взял штурвал на себя, но не хватило времени перемахнуть сопку. Бортовой самописец и «черный ящик» сегодня обнаружены. Расшифровка даст ответы на многие вопросы, – доложил Николай Иванович.

– Самописец с параметрами полета отправим в Москву ближайшим рейсом, а бортовой расшифруем здесь на месте. Кому принадлежал самолет, и кто может знать голоса членов экипажа? – спросил Борис.

– Самолет принадлежит Колымо-Индигирскому авиаотряду Якутии. Их представители утром прилетели и уже работают в комиссии, – сказал Николай Иванович.

– Павел Афанасьевич, надо организовать местное население помочь в работе комиссии. На месте во время осмотра мы будем изымать детали и узлы самолета, по которым при необходимости проведем экспертизы, – сказал Борис.

– Все артели и колхозы в распоряжении комиссии, да и пограничники помогут, – сказал Павел Афанасьевич.

– Без помощи пограничников нельзя. Можем случайно

заблудиться и в Америке оказаться, – улыбнулся Лукин.

– До Америки далековато будет. Дорог у нас нет. У нас только чукчи мотаются на Аляску и на острова к американцам за диковинными продуктами и боеприпасами, – сказал подполковник. – Но чукчи «контрабасят» для себя и возвращаются домой, поэтому им нечего делать в Америке.

– Я в шутку. В таких местах каждый штык пригодится в работе комиссии, – сказал Лукин.

А сам не понимал, кого на местной границе охраняют пограничники. Достаточно проверки в аэропорту. Подругому сюда не доберешься. А из аэропорта кто осмелится протопать тысячу километров по Арктике в Америку? Да и шпионам здесь деваться некуда: до железной дороги тысячи километров по заполярью и тайге.

– С другими мероприятиями определимся после осмотра места происшествия, – сказал Борис. – Теперь можем перекусить, если никто не возражает.

– Тогда прошу в мою машину, поедем в город, – сказал Павел Афанасьевич.

Утром вертолет доставил комиссию на мыс Кибера.

– Виктор, я пока проведу осмотр места происшествия, а ты подумай, как лучше отснять место катастрофы, – сказал Борис.

– Лучше всего снимать с моря или с острова на том же уровне. Надо подняться к маяку и сделать снимки с телеобъективом. Только, когда тумана не будет.

– Без тумана здесь редкие дни, но днем солнышко проглядывает. Фотографии за тобой, ты в них специалист.

– Хорошо. Пойду, договорюсь с чукчами-китобоями, у них баркас с мотором, а у других охотников и рыбаков байдарки. До острова всего восемьсот метров, но среди льдов

что-то не хочется болтаться на байдарочке. А если перевернется, то температура воды не более трех градусов, – сказал Виктор.

– Ты смотри сам, а то и с берега сделай фото.

– На высоте 150 метров непонятно получится. Надо снимать на уровне с острова.

– Смотри, на остров часто заходят белые медведи, а они в плавании могут моторную лодку обогнать во льдах.

– Ты меня совсем запугал. Да я знаю, что белые мишки живут на острове Врангеля, что на северо-востоке в ста километрах отсюда. Там у них целая колония, но некоторые из них добираются до материка.

– Вот и я про то. Карабин возьми у охотников, хоть отпугнешь. Убивать нельзя, потом не отпишешься.

Китобои Николай и Федор согласились доставить большого начальника из Москвы Лукина на остров за бутылку спирта и летный сухой паек. Карабин ему не дали, а сами с оружием спать ложились в обнимку. У них были обычные карабины СКС калибра 7,62 мм для промысловиков. С берега мыса Кибера торчал остров неприступной отвесной стеной. Солнце высвечивало его верхушку с маяком на деревянном постаменте. Лукина предупредили, что маяк работает от радиоизотопного генератора на стронции 90, около которого счетчик Гейгера зашкаливает. К острову они подошли с Северной стороны. Небольшая волна бросала их баркас на торчащие из воды камни и била кусками льда по бортам. Они вытащили нос баркаса на берег, который отлого сбегал к морю зеленым логом и по нему легко пройти до вершины. Остров был всего с километр с севера на юг и метров пятьсот поперек. Кроме маяка, на острове ничего не было, и он весь просматривался. Сквозь темно-синие со свинцовым оттенком тучи

высвечивало яркое солнце, но совсем не согревало из-за холодного ветра. Из растительности на острове попадался местами скудный мох с белыми и синими цветочками. Еще встречались ромашки и луговые грибы, похожие на тульские рядовки серовато-синего цвета. Лукин не решился их попробовать рядом, так как здесь стоял радиоактивный маяк. Он обошел его на всякий случай подальше.

Солнце удачно высветило высокий скалистый берег мыса Кибера и обломки самолета. Лукин нащелкал снимков в разных ракурсах, потом попросил Николая подойти на баркасе с западной стороны острова, а сам, пока они шли к баркасу, спустился к морю. Ему хотелось сделать несколько фото дикой арктической природы вторым фотоаппаратом на цветные слайды, а если повезет, то моржа или тюленя. Когда еще попадешь сюда? Чукчи оказались шустрыми. Пока Лукин спускался, они уже причалили к берегу среди льдов, от которых протока освободится в августе-сентябре. А в октябре снова море скуют льды двухметровой толщины до самого берега. Как говорят про суровый край: «Одиннадцать месяцев зима, а остальное лето».

Спустившись к морю, Лукин немного расслабился на берегу усыпанному галькой, самая из них мелкая – размером с мужской башмак. Море с той стороны было спокойным. Но, несмотря на июль, купаться совсем не хотелось. Романтика севера по-тихому таяла. Читая в детстве книги о полярных летчиках и зимовках на дрейфующих льдинах, сидя на диване, можно было мечтать о полетах в Арктике. Теперь он взрослый. И повидал многое. Здесь он увидел кромку вечных льдов Северного Ледовитого океана с борта самолета. Сегодня утром пролетел над плавающими льдинами Восточно-Сибирского моря на вертолете ледо-

вой разведки. А теперь прошел на баркасе среди льдин, прибитых к берегу с самого севера.

Знакомство с Арктикой, хоть и летом, но состоялось. Виктор все чаще вспоминал Олесю. Как им было бы хорошо на подмосковных пляжах, а вечерами у костра. При расставании около дома они долго целовались, и он с нетерпением ждал следующей встречи. Ему все больше нравились их романтические свидания, нежели романтика на берегу Северного Ледовитого океана.

Погода стояла ясная. Как на ладони с берега были видны на Северном морском пути суда, которые запрашивали прогноз погоды и ледовую обстановку. Самолет ледовой разведки в паре с вертолетом барражировали надо льдами моря и сообщали сведения на суда. Жизнь на Северном морском пути продолжалась.

Одной из обязанностей Лукина в работе комиссии были выявление и опрос очевидцев катастрофы, что означало общение с местными чукчами и эскимосами на побережье. Об их гостеприимстве он знал только по анекдотам и согласился, когда их с Борисом пригласили в гости сначала оленеводы, а потом местные рыбаки. Спирта в авиации всегда хватало, а на Севере они пили только пищевой. Так и было прописано на пол-литровых бутылках «Пищевой». Поэтому они были готовы попробовать сырое мясо и рыбу.

Они с Борисом предвкушали знакомство с местными блюдами и думали, что они сродни японским суши. Но жизненный опыт подсказал Лукину, что надо прихватить с собой привычный для них летный сухой паек. Он распихал по многочисленным карманам летной куртки галеты, нарезки колбасы, сыра и шоколад. В яранге перед ними предстала картина, которая превзошла все их ожидания и

представления о местной кулинарии. Они поняли, что спирта им столько не выпить, чтобы попробовать шедевры кухни. Стол был уставлен экзотическими закусками. В глаза бросились колотый кусками сахар, сырокопченая колбаса и сыр, да юкола из кеты. Им с Борисом сразу захотелось попробовать вяленую кету, так как при приготовлении ее невозможно испортить, если только она уже не была с тухлинкой, как у якутов. Над очагом в середине яранги бурлил на огне котел с олениной. Чукчи недоваривают оленину и глотают ее с кровью. Именно глотают, потому что полусырую оленину прожевать невозможно. Так и случилось. Чукча Федор подцепил из котла кусок оленины и, чуть подув на нее, взял в левую руку, потом вцепился в оленину зубами, – он сделал глотательное движение горлом, как утка.

Единственным съедобным блюдом из оленины здесь была тушенка. В Лапландии тушеную оленину заливают топленым коровьем маслом, от того она становится ароматной и нежной и долго хранится. А чукчи портят ее, заливая рыбьим или тюленьим жиром. Хозяин яранги Василий был излишне гостеприимен, решив угостить их с Борисом молодой олениной и свежевыпеченным хлебом. Одна из женщин бодро месила тесто босыми ногами в большом тазе. Они с Борисом переглянулись, вспомнив, что у чукчей нет бани. Но следующая картинка и вовсе повергла их в ужас: пожилая женщина с редкими мелкими зубами тщательно пережевывала тонко нарезанное мясо молодого оленя, чтобы оно было мягким и нежным. Так привычно хозяйки отбивают мясо на кухонной доске. Пережеванные куски оленины хозяин красиво разложил на блюде и подал в сыром виде. Соль и перец, как говорится, по вкусу. Их добавят сами гости. Хорошо, что они пришли

к трапезе заранее, потому решили спирт закусывать сыром и колбасой, бесповоротно отказавшись от экзотических закусок. К хлебу они с Борисом тоже не притронулись и хрустели галетами из сухого пайка летчиков, который Лукин предусмотрительно прихватил с собой.

Борис шепотом спросил Виктора, во что им будут наливать? На столе стояли мутные стаканы и алюминиевые кружки. Василий заметил их замешательство, когда они внимательно рассматривали стаканы внутри и, открыв небольшой сундучок, достал стопку переложенных тряпочками блюдец и чашек. Удивленный Лукин взял в руки чашку темно-синего кобальта, расписанную сусальным золотом. Он не мог ошибиться. Лукин перевернул чашку. На ее донышке стояло клеймо с двуглавым орлом, а надпись ниже по ленте бисером Лукин огласил вслух:

– Товарищество Кузнецова, – и, обратившись к Борису, добавил, – с 1902 года поставщик двора его Императорского Величества, между прочим.

– Не хухры-мухры. Сервизу-то почти сто лет, – восхищенно качнул головой Борис.

Лукин бережно поставил чашку на место. Хрупкий фарфор страшно в руках держать. Какой-нибудь купец расплатился кузнецовским сервизом за сотню оленьих шкур с предками Василия. Но то, что они увидели потом, не могло их не рассмешить. Василий взял две чашки, привычно поплевал в них и вытер замусоленной тряпочкой. Лукину было не трудно догадаться, что изящные чашки предназначались только для дорогих гостей. Борис ухмыльнулся, а Лукин тяжко вздохнул. Василий налил в чашки горячего чая и протянул им. Но чая уже не хотелось. Борис не растерялся, сказал, что чай они с Виктором не любят, а выпьют лучше спирта. Борис поболтал в чашках чай,

выплеснул и на два пальца наполнил их спиртом, который тоже выплеснул, на что Василий неодобрительно покачал головой. После Борис наполнил чашки спиртом и произнес тост за хозяина яранги, потому что до следующего тоста они вряд ли бы дотянули.

Спирт под сухие галеты с сыром сразу ударил в голову. Борис, наклонившись к Лукину, шепотом рассказал анекдот: как-то геолог угостил чукчу пельменями. Тому пельмени понравились, он даже рецепт попросил. Через год экспедиция снова приехала, и на этот раз чукча пригласил геолога на пельмени. Геолог наелся и спрашивает:

– Какие вкусные пельмени. А ты почему не ешь?

– Мясорубка болит, однако...

– Борис этот анекдот ты сейчас придумал? – улыбнулся Лукин.

Теперь они оба видели, как выглядит у чукчей мясорубка. Жахнули еще грамм по сто спирта и захрустели галетами с сыром. В авиации их научили не запивать спирт и не разбавлять водой, разве что шампанским. Такой коктейль летуны называли «Северное сияние» или «Белый медведь». Иные с шампанским мешали водку, но то было для слабаков и студентов. А у летчиков спирт водился в изобилии. К тому же они умели держать удар. Оба коктейля отлично подходили для сурового климата Заполярья. Они повеселели, расслабились и взглянули на происходящее по-иному. Плеснули спирта в чашки кузнецовского фарфора, чокнулись, сдвинув кулаки, как в служебном кабинете, чтобы стаканы не звенели. Но здесь, в яранге, они боялись нечаянно разбить невесомые антикварные чашки. Неожиданно произошло еще одно событие, которое невозможно было забыть, да Лукин и не хотел его забывать, потому что после той встречи в его жизни произойдут

серьезные перемены и к лучшему.

Слева, рядом с Борисом, сидела молоденькая девушка с большими зелеными, как изумруды, глазами, с точеными чертами лица. Настоящая красавица! Звали ее на русский манер Алена. Вдруг она дернула за вплетенные в две тугие черные косы разноцветные ленточки, тряхнула головой – волосы разлетелись в разные стороны и пышные, упругие пряди, которые и расчесывать не было необходимости, легли на высокую грудь и обтягивающее гибкий стан платье. Девушка, должно быть, догадывалась о своей чарующей красоте. Ее глаза с легкой поволокой на мгновение задержались на гостях яранги. «Шаманка», – подумал Лукин, но промолчал и только улыбнулся, а потом предложил Борису подышать свежим воздухом. В яранге было душно, да и застолье больше не манило.

Лукин был наслышан о чудачествах чукчей, которые называют местными традициями. Он раньше бывал у коряков на Камчатке, у которых есть похожие обычаи. Если русский с большой земли женится на корячке, то получал калым – 50 тысяч рублей, на которые можно было приобрести пять автомобилей «Волга». В Палане, на севере Камчатки, во время очередной поездки к оленеводам подобное предложение сделали и ему, Лукину. А он, как умный и хитрый чукча, решил: зачем ему столько воды? А тут целых пять «Волг». Лукин даже не пошел на смотрины невесты, хотя местный комсомольский вожак Федор говорил про нее: «Шибко красивая, однако». Лукин тогда уже был женат на дочери партийного босса Камчатки и тот бы врезал и ему, и комсомольскому вожаку за это «шибко».

Поведение оседлых чукчей было полной противоположностью нравам чукчей – оленеводов, у которых они гостили сейчас. Чукотские девушки, несмотря на

целомудрие, не стыдливы. Они просто не знают, что такое стыд и ведут себя естественно. Зато дочери оседлых чукчей более красивы. Дело в том, что чукчи испокон веков слыли ловкими китобоями, поэтому к берегам Чукотки нередко причаливали китобойные шхуны с американскими и русскими моряками. Частенько подгулявших матросов списывали на берег. И они, случалось, вступали в браки с чукчанками. Но детей от таких браков чукчи не считали своими. Поговаривали, что приезжим гостям чукчи на ночь дарили жен или дочерей, а если случалось, что женщины оказывались залетному гостю не по вкусу, то в доказательство дружбы к чужеземцу хозяин приводил жену или дочь соседа. Одни хотели получить здоровое потомство, а другие – просто пачку табака и нитку стеклянных бус для жены. Кому теперь знать, как бывало на самом деле?

Но очарование Алены было необычным. Она явно выделялась среди чукотских красавиц. Девушка было по-европейски высока и стройна, а северные черты лица лишь добавляли ей шарма. Мимо такой красавицы и в Москве не пройдешь, не оглянувшись. Хотя сам Лукин никогда не смотрел красивым женщинам вслед, он считал, что если дама очаровала и захватила твое воображение, найди нужные слова, чтобы по-рыцарски возвысить ее. Ведь женская красота – таинственная и загадочная Вселенная, ниспосланная мужчинам, чтобы обуздать их безудержную и страстную натуру. Недаром говорят, что красота спасет мир. Однако Лукин полагал, что речь идет именно о женской красоте, которая облагораживает мужчин, делая их менее жестокими. Да кто же ты, загадочная Алена? Шаманка или просто северная красавица?

В голове Лукина буквально вспыхнуло «Северное сия-

ние», без всякого шампанского. Они вышли из яранги. Борис, как всегда, был в своем репертуаре, сыпал анекдотами и отвлек Лукина от приятных мыслей об Алене.

– Вот еще свежий анекдот, – сказал Борис. – У чукчей есть обычай: если гость желает, то может переспать с женой хозяина. Один чукча заметил, что после приезда геологов у него рождается ребенок, и запретил жене ложиться под геолога. В очередной раз пришел геолог в гости. Выпили, закусили. Геолог и говорит:

– Хочу с твоей женой переспать.

Чукча жену предупреждает:

– Под геолога не ложись!

– А сверху можно? – спрашивает жена.

– Сверху можно.

Геолог переспал с женой чукчи и уехал. Чукча смеется:

– Чукча умная: жену сверху положила, а геолога – дурак!

– Почему?

– Геолога беременный уехала.

Лукин посмеялся от души и рассказал Борису похожий анекдот.

Чукча женился на француженке, а через некоторое время его спрашивают:

–Ну как?

– Что как? Мы давно развелись.

– Почему?

– Да она грязнуля! Каждый день моется.

Оба посмеялись и решили выпить в яранге на посошок, а банкет проложить в гостинице. В яранге было тесновато. Они с Борисом при входе ненамеренно поменялись местами, так что Лукин оказался рядом с Аленой.

– Вы собрались уходить? Вам у нас не нравится? – вдруг

спросила она.

Какой приятный голос. Ему все больше нравилась ее красота в сочетании с непосредственностью, и ему уже не хотелось уходить. Конечно же, она видела, что они пьют свой спирт, закусывают его юколой из муксуна, галетами с сыром и колбасой из сухого пайка летчиков. Лукин обратил внимание на массивный перстень белого металла с замысловатым вензелем на безымянном пальце ее правой руки. Шею девушки украшало ожерелье из камней золотистого цвета неправильной формы. Каждый их таких камней был размером с виноградину. Языки пламени костра в середине яранги отражались в камнях, поэтому ожерелье переливалось и сверкало.

«Что это – горный хрусталь, турмалин, агат, топаз? Похоже на атрибут шаманки», – задумался Лукин.

– Нет, нам все у вас нравится, – прервав свои размышления, улыбнулся он. – Но нам на самом деле пора.

Лукин невольно ощутил исходившие от девушки теплые обволакивающие и дурманящие волны ее обаяния и запахов.

– Я не испугаю, если скажу, что духи обратили на тебя внимание, – Алена пристально взглянула на него. – И если не будешь торопиться, то многое узнаешь о своей будущей жизни.

– Ты все-таки шаманка и будешь мне гадать? – улыбаясь, спросил Лукин.

– До шаманки мне далеко и гадать тебе не буду. Просто знаю, что тебя ждет в ближайшем будущем. Наши духи выбирают не каждого гостя, но только того, у кого душа светлая и не робкая, а сам духом сильный. Если бы ты был из наших, стал бы шаманом.

Борис не слышал их беседы, но по нежному шепоту

решил, что Лукин попался, и они с Аленой воркуют, как два влюбленных голубка. Борис повернулся к хозяину яранги Василию и завел разговор об охоте на тюленей. Лукину начинало казаться, что совсем не случайно Борис поменялся с ним местами. Алена сразу заинтриговала его. Он ловил каждое произнесенное ею слово. Во всех красивых женщинах есть что-то от шаманок, они повелевают сильными мужчинами. От слов красавицы Лукин расслабился, хотя и воспринял их как милую шутку.

– Ты скоро женишься, – сказала Алена.

– Вот и не угадала, – хихикнул Лукин. – Я уже давно женат.

– У чукчей, если в семье нет детей, брак не признается. Они заводят новую жену. Духи сказали, что ты скоро снова женишься, и у тебя будут дети.

От таких слов у Лукина весь хмель улетучился и он посерьезнел. Чисто теоретически Алена могла узнать через Бориса о его семейных делах. Но зачем ей это? Ведь они с Борисом не знали, что попадут именно в ярангу к Василию и Лукин окажется рядом с Аленой. Да и Борис не мог рассказать.

– Ну, если я скоро женюсь, и у меня будут дети, то не от тебя ли моя прелестница?– улыбнулся Лукин, решив обратить все в шутку.

– Нет, со мной у тебя детей не будет. Меня духи выбрали шаманкой. Я должна покориться их воле, иначе хворь одолеет. А шаманка после рождения ребенка силу шаманскую теряет и вернется она к ней очень не скоро, только после того как детей вырастит. Твоих детей вижу, иначе духи на тебя даже и не глянули бы. С рождением ребенка закончится твоя кочевая жизнь, потому что тебя будет тянуть домой, – все таким же тихим и ровным голо-

сом говорила Алена.

– Алена, тогда я приглашу тебя в Москву, как сваху и отблагодарю, – улыбнулся Лукин.

– Я только рассказала то, что увидела и услышала от духов, остальное сам решишь. А теперь, если надо, идите с другом по своим делам.

– Спасибо, Алена. Как-то тепло стало на душе после общения с тобой. Очень жаль, что такая красавица решила стать шаманкой.

– Так не я решила, духи позвали, и другого пути у меня нет…

Лукин с Борисом встали и, поблагодарив за гостеприимство, поехали на УАЗе к вертолету. Борис по дороге намекнул, мол, на его месте он бы остался с Аленой или забрал ее с собой. Лукин только отшучивался. Выпивать больше не хотелось и, прогулявшись перед сном, он плотно закрыл шторы от полярного полуночного солнышка и провалился в сон. Утром он не придал никакого значения разговору с Аленой, но ее прекрасное личико мерещилось повсюду. Шаманка, одним словом.

После посещения оленеводов они уже не без опаски отправились на побережье в гости к местным рыбакам, неудобно было отказываться, да и любопытство взяло верх. Когда еще доведется посидеть с эскимосами у костра на берегу Северного Ледовитого океана? Он знал, что эскимосы живут на Аляске, а чукчи на Чукотке, но для него они были одним народом. Он и ранее бывал на Чукотке, но как-то не приходилось стоять на высоком скалистом берегу дикого пляжа Северного Ледовитого океана и разглядывать гонимые ветром морские льдины, когда круглосуточно не заходит полярное солнце.

Дыхание Арктики чувствовалось повсюду. Арктика на

карте выглядит ледяным венцом России, подобно гигантскому погребу, наполненному глыбами льда, которые пронизывают сковывающим холодом и оказывают неотвратимое влияние на климат и саму жизнь. Эти мало исследованные просторы, с их своеобразной природой, раскинулись от Северного полюса до берегов на таком же расстоянии, как Москва от Черного моря. Трудно поверить, что сейчас июль, где-то палит солнце, народ загорает на московских пляжах, а здесь, на берегу Восточно-Сибирского моря, даже куртку на улице не распахнешь. Благо еще нет комаров, так как и для них тоже холодно. Только птицы напоминают о том, что теперь климатическое лето. Воздух прогревается не более чем на десять градусов и нередки дожди с мокрым снегом. А через месяц лето закончится, и ляжет снежный покров.

Почти половина России находится на Крайнем Севере, но по-настоящему Крайний Север здесь, на побережье морей Ледовитого океана, за которыми находятся Гренландия, Канада и Аляска. Лукин понял, что только мальчишеская романтика могла манить его в эти суровые места, а увидев их воочию, вряд ли он согласился бы здесь жить и работать. Пока же наслаждаясь картинами суровой природы, он понимал: если бы не командировки, он никогда бы не увидел северные красоты. Лукин никогда бы не полетел сюда отдыхать, потому что не смог бы найти компанию. А одному здесь делать нечего, хотя он часто вспоминал Север и мог рассказывать о нем часами.

Члены комиссии по расследованию были экипированы по нормам летчиков-испытателей: комбинезоны на цигейке и, конечно же, коричневые кожаные куртки, в которых летчики ходили даже в ресторан. В такой одежде Лукин чувствовал себя комфортно даже на пронизываю-

щих ветрах, дующих с океана. Он с интересом приглядывался к эскимосской ездовой кухлянке, двойной рубашке из оленьего меха наружу и внутрь, с капюшоном, которую надевают через голову. Ведь в ней можно выдержать ледяной ветер на 40-градусном морозе. Мягкий, легкий, предельно теплый шелковистый мех оленя, будто специально создан для условий Арктики. В гостях у оленеводов он договорился о покупке кухлянки для зимней охоты.

На Чукотке стоял полярный день. Солнце трудилось без отдыха. Дни и ночи оно кружило по небосводу над горизонтом, как на восходе или закате в средних широтах, творя картины, которым позавидовал бы любой художник. Незабываемое очарование полярного лета. Солнце щедро льет холодные лучи на окоченевшую от северной стужи вечную мерзлоту. Где еще увидишь такую сказочную страну? С декабря по март – полярная ночь, а потом до августа – нескончаемый полярный день. Но чудом казалось не только отсутствие комаров и мошкары, неизменных спутников лета, но и мух.

С утра установилась чудесная погода, столь редкостная для этих широт. Пронизывающий ветер из Арктики разогнал тучи и незаметно стих. Полный штиль. Шар солнца повис на чистом голубом небе. Лукин решил прогуляться по берегу и среди камней увидел крохотные полярные незабудки, желтые головки альпийского мака и славящие жизнь камнеломки. Как же без них, проросших на камнях? У берега была видна узкая полоска гальки, а на невысоких волнах колыхались обломки льда. Вчера северный ветер подогнал их к берегу с Северного Ледовитого океана, но, кажется, льдины так и растают в бухте, скользя и шурша по гальке.

Лукин недолго любовался такой благодатью. Снова на

берегу поднялся ветер. Он усиливался и свежел с каждой минутой. Лукин решил ретироваться под навес, где Борис писал отчет о расследовании катастрофы самолета. Подкомиссии отработали и сдали ему свои заключения. «Полевое» расследование подошло к концу и оставалось только все обобщить и сделать вывод о причинах катастрофы, который был вполне очевиден.

Комиссия установила, что, в сложных метеоусловиях, за 10 минут до катастрофы неустановленный член экипажа покинул кабину, после чего произошла несогласованность в действиях членов экипажа, которая привела к ошибке в оценке местоположения самолета. За 47 секунд до катастрофы по команде штурмана на удалении 1,2 км от берега на высоте 100 м был начат правый разворот, что при данном удалении вело к неизбежному столкновению с берегом высотой до 170 м. По инструкции разворот надо было выполнять на удалении не менее 10 км от берега. В дальнейшем экипаж опасность ситуации не распознал и никаких мер для предотвращения столкновения не принял.

Усилился ветер, который гнал с севера тяжелые черные тучи, которые не предвещали ничего хорошего. Приближалась гроза. Лукин ускорил шаг. Его не пугал ливень, но не хотелось насквозь промокнуть, а потом сушить одежду. Туча заволокла полнеба, закрыла низкое солнце. Наступили тусклые сумерки, от которых они отвыкли. Вспышки молнии стали ярче. Грохот разрядов грома усилился. Когда Лукин подошел к навесу, первые крупные капли дождя шумно забарабанили по лужам. Борис улыбнулся, видимо, отметив про себя его расторопность, и предложил махнуть в номере гостиницы по сто грамм под копченого муксуна. Кто бы от такого отказался? На ста граммах они, конечно, не остановились, решив отметить в непогоду

предварительное завершение работы комиссии. Они сидели за столиком у окошка и молча наблюдали за стихией.

Подобного в Москве не увидишь. Все как будто замерло. Воцарилась тишина и потому разбушевавшаяся стихия казалась более грозной. А вскоре поднялся шквалистый ветер и хлынул ливень. И на мысе Кибера сплошной поток ливня косо хлестал по скале, в которую недавно врезался самолет ледовой разведки, он смывал последние следы авиационной катастрофы. Текли ручьи с крутого горного склона. Такие ливни недолги. Гроза медленно уходила в сторону Магадана на юго-восток. Выглянувшее солнце осветило лучами окрестности. Скалы сначала засверкали чистотой, а потом их окутал легкий туман, но и он вскоре растаял под лучами солнца. Все атмосферные явления случились одновременно. Вот только северного сияния не бывает летом.

В дверь постучал и вошел бригадир артели китобоев Николай, который ранее приглашал их в гости.

– Сегодня наши рыбаки удачно поохотились. Добыли серого кита. Сейчас все заняты разделкой туши. А завтра мы приглашаем начальника Бориса с заместителем в гости. Но если хотите посмотреть на кита, то я вас возьму сегодня с собой, – предложил Николай.

– Нет, сегодня я поработаю с документами, а завтра возможно, – Борис посмотрел на Лукина и поставил стакан для Николая, но тот замахал рукой.

– У меня, однако, много работы сегодня, а от спирта я упаду, – улыбнулся Николай.

– Давайте утром посмотрим. Надо собрать все документы по расследованию. Председатели подкомиссий отчитались устно, но еще акты не оформили, – сказал Лукин.

– Тогда на завтра я заказываю вертолет и в полдень за

вами заеду. А после праздника отвезу обратно. Хорошо? – спросил Николай.

– Хорошо, Николай. Спасибо тебе за приглашение, – сказал Борис.

– Я бы и раньше пригласил, но не было удачи на охоте. До завтра, – попрощался он.

– Что-то я не увидел в твоих глазах огромного желания поучаствовать в завтрашнем празднике, – хихикнул Борис, когда Николай ушел.

– Восторга от тебя я тоже не услышал. После посещения яранги оленеводов мне уже не хочется экспериментировать на своем желудке. Но к китобоям больше никогда не попадешь и такого не увидишь в жизни. Не полетишь же ты из Москвы сюда в туристическую поездку. Ты на Чукотке лицо официальное, как Председатель Государственной комиссии по расследованию катастрофы, поэтому тебе отказываться нельзя. Я удивляюсь, почему нас не посетили еще руководители партии и правительства Чукотки?

– Секретарь обкома партии звонил и приглашал в Анадырь.

– Полетишь? – спросил Лукин.

– Я доложил ему о причинах катастрофы и о помощи местных властей в расследовании. Мы решили не проводить совещания в обкоме, а к китобоям придется слетать. Ты правильно подметил, что мы руководители Госкомиссии и надо поблагодарить их за помощь.

– Если так, то завтра возьму с собой «тревожный чемодан». А сейчас пойду в летную подкомиссию и узнаю у местных летчиков, чем можно закусывать на празднике у китобоев, – сказал Лукин.

– Я тоже хочу послушать, – улыбнулся Борис.

– Пошли вместе, а когда вернемся в Москву, то я приглашаю тебя в кафе «Охотничье», что рядом с метро «Маяковская». У нас есть и ресторан «Охотничий» напротив Ботанического сада, но в кафе кухня на голову выше. Шеф-повар мой знакомый. Какие котлеты Кузьмич готовит из лосятины, а для друзей из оленины с кабанятиной, да с лучком, чесночком и морковкой, что никакая осетрина не может сравниться.

– Ты так рассказываешь, что я уже хочу к Кузьмичу. Почему чукчи не готовят котлеты из оленины?

– Борис, ты же видел мясорубку из редких зубов, – засмеялся Лукин. – А еще Кузьмич своим делает тушеную оленину в топленом масле и закатывает в банки. Это что-то!

– Все. Не дразни.

В кабинете летной подкомиссии все были в сборе. Летчики отработали и на столе стояли два заварных чайника, рыба копченая трех видов, сало, сырокопченая колбаса, горчица и ржаной хлеб.

– Может быть, крепкого чая? – предложил летчик-инструктор Смирнов, ставя на стол еще два граненых стакана.

– Олег Иванович, я знаю, что на Руси завсегда чай пили с селедкой. Но мне с Лукиным пока настоящего чая горячего заварите, да покрепче. Нас завтра пригласили в гости китобои. Кто из вас бывал на таких праздниках? Расскажите, чем можно закусывать у китобоев? – спросил Борис.

– Ну, это проще простого. Вот такой рыбой, что у нас на столе.

Олег Иванович выплеснул воду из фарфорового чайника и заварил свежий ароматный чай.

– Молодец, не перепутал, – Лукин с улыбкой кивнул на другой заварной чайник.

– Все в порядке, товарищи начальники, – улыбнулся Олег.

В Советском Союзе четвертый год Егор Лигачев и Михаил Горбачев вели беспрецедентную борьбу с пьянством и алкоголизмом, которая закончилась вырубкой виноградников и потерей на десятилетия качественной продукции. Сподвижники их борьбы сидели в обкомовских партийных креслах, а в народе вместо бутылок на столах и даже в ресторанах появились чайники с алкоголем. Вот и летчики в один чайник наливали пищевой спирт, а в другой воду, если кому-то надо было разбавить или запить.

– Я слышал, что китобои сегодня серого кита добыли, – сказал Олег.

– Нас сегодня пригласили, но мы отказались, сославшись на занятость, – сказал Борис.

– И правильно сделали. Зрелище не из приятных. Для эскимосов китовое мясо жизненно необходимо, а нам вот это, – Олег кивнул в сторону стола, – они располосуют кита на большие брикеты мяса и уложат на хранение. Пока мясо кита свежее, его еще можно попробовать. Мы из него даже шашлыки делали. Правильно, что в мире запретили бить китов. Я бы и эскимосов снабдил другими продуктами питания, чтобы они китов не трогали. Много существует легенд о китах. Двадцать лет я занимаюсь ледовой разведкой, и не раз убеждался, что по поведению китов можно прогнозировать состояние льдов. Восемь лет назад летом северные ветры прибили льды на пути каравана в проливе Лонга. Поднялась пурга и покрыла морской путь белым безмолвием. Всем казалось, что неожиданно в конце лета наступила зима. Караван встал и готовился к подходу

ледокола, чтобы освободиться из ледового плена. Во время ледовой разведки в трещине впереди ледокола я увидел голову кита. Этот красавец был огромного размера и в родной стихии. Он выбросил фонтан и нырнул. Жуть берет от таких доисторических исполинов, которые приходят кормиться в наши полярные моря. А если кит ныряет в редких трещинах и уходить не собирается, значит зима еще не наступила и каравану не угрожает ледовый плен. Через сутки ветер сменился юго-западным направлением и льды разошлись. Караван прибыл в Певек, а приметы о китах продолжают сбываться. Если кит подходит к нашим берегам, то лето будет теплым. Киты мои помощники в ледовой разведке, поэтому я не хожу в гости к китобоям и не разделяю их радости по поводу убийства кита. Да, именно убийства, потому что киты не боятся их судены-шек. И если бы они знали, что им грозит, то спокойно утопили китобоев. Но они добродушны и подпускают к себе, – рассказал Олег и налил Борису с Виктором чая, а себе и коллегам спирту.

– Олег Иванович, плесни мне тоже пищевого, – попросил Лукин. – Давайте выпьем за окончание работы нашей комиссии. Жаль летчиков, но решение комиссии единодушно.

– А я что, не люди? – пододвинул Борис пустой стакан к середине стола.

– Давайте за летчиков, которые не вернулись из полета. Говорят, что летчики не погибают, а улетают навсегда, – сказал Олег Иванович.

Они выпили и помолчали.

– Я тоже против того, чтобы убивали китов и вытаскивали их тракторами на берег, чтобы сожрать, – сказал командир вертолета ледовой разведки Сергей Кравченко.

– Я много раз наблюдал с вертолета за охотой китобоев. Этих циркачей можно сравнить с охотниками на мамонта, которых мы видели на фантастических картинках. Они на моторных лодках догоняют кита и, когда тот выныривает, всаживают в него гарпуны. А один охотник на ходу прыгает с лодки на широкую, но скользкую спину кита, который может в любую секунду нырнуть, вонзает еще гарпун, а потом прыгает обратно в лодку. Кита добивают из карабинов и буксируют к берегу. Китов не могу понять, ведь они могут ударом плавника разбить лодку в щепки.

– Так что же они готовят из китового мяса? – спросил Борис.

– Мясо кита по питательности приближено к говядине. Поэтому местные жители, но не чукчи, используют его в обычных блюдах. Оно бывает в консервах. А свежее мясо кита можно использовать для приготовления колбас и сарделек. Я даже угощал своих коллег шашлыком из китового мяса, но для этого надо украинское сало, – рассказал Сергей.

– Вкусно получилось,– подтвердил Олег Иванович. – Поэтому привозите завтра из гостей кусок мяса кита, Сергей приготовит, пока еще сало осталось.

– А что, можно и приготовить. Завтра купим лук, зелень, лимон, уксус и замариную мясо. На Севере с дровами туговато. Я пожарю на сковороде. Главное на сале, которое придает особый вкус мясу, – улыбнулся Сергей.

– И вкусно получается? – поинтересовался Борис.

– А разве можно сало испортить? – засмеялся украинец Сергей. – Под спирт пойдет. Но свинина и говядина лучше китового мяса.

– Спасибо, что сказал, а то бы я завтра забил холодильники китовым мясом, – сказал Лукин.

Ребята дружно засмеялись.

– Пожалуй, расскажу вам про другие блюда из кита. Пробовать вы их не станете даже после спирта, но знать надо. На празднике у эскимосов вам могут предложить нуркурак – вареное китовое мясо. В середине оно сырое. Хранят его в бочках, заливая топленым тюленьим жиром. Нуркурак еще ничего. Главным же рецептом приготовления китового мяса чукотские эскимосы считают копайку. Способ ее приготовления такой же, как у эскимосов Гренландии, которые готовят копальхен. Куски мяса весом по двадцать килограммов плотно укладываются в цилиндрическую яму, обложенную камнями. Когда яма заполнится, ее закрывают и засыпают землей до зимы. В вечной мерзлоте и чистом воздухе Севера микробов почти нет, поэтому мясо не гниет, а закисает, как шашлык маринуется. Копальхен в переводе и значит «кислое мясо», но с очень резким запахом.

– Сколько километров от Чукотки до Гренландии? – спросил Сергей.

– Тысяч пять будет, если через Северный полюс, – прикинул Олег.

– Преодолеть их без авиации невозможно. А как эскимосы этих мест могли общаться между собой? Так вот чукотские эскимосы такой деликатес называют копайкой и готовят точно так же, как в Гренландии, да и во многом другом они схожи. Кто знает, что было в этих местах тысячи лет назад? Мы открыли их только сто лет назад. А может, эскимосы жили на берегу Северного Ледовитого океана, как мы вокруг Черного моря, – Сергей затянулся сигаретой и на мгновение задумался.

– Наши летчики убегали из яранги, когда копайку подавали на стол. Ученые говорят, что в чайной ложке такого

мяса суточная доза аминокислот и других витаминов. Так что думайте сами, стоит ли пробовать это блюдо,– сказал Сергей.

– Борис, ты лицо официальное, поэтому сходи в гости сам, а я с коллегами поработаю над документами. Мне кажется отжеванные зубами куски оленины и замес хлеба ногами у чукчей завтра нам покажутся детскими шалостями по сравнению с тем, что нас ожидает у эскимосов, – улыбнулся Лукин.

– Нас двоих приглашали, поэтому неудобно отказываться. А вот на счет «тревожного чемоданчика» ты прав, – сказал Борис.

– Что за тревожный чемоданчик, – поинтересовался Олег.

– Он похож на чемодан криминалиста, с которым Лукин вылетает на место катастрофы самолета. Сколько криминалист работает на месте преступления? Часа два-три не более, а на месте катастрофы не один день. Вот Лукин и дополнил свой «тревожный чемодан», кроме сухого летного пайка, куском сала, батоном колбасы, хлебом и литровкой спирта, – сообщил с улыбкой Борис.

– С таким чемоданчиком можно ходить в гости к чукчам, – сказал Олег.

На следующий день в одиннадцать часов Борис сообщил, что Николай приехал за ними с заместителем председателя Певекского райисполкома Павлом Афанасьевичем на своем вездеходе. Представителя советской власти Николай называл Павло. Его приглашение они с Борисом восприняли, как тактический ход Николая, чтобы гости из столицы не смогли отказаться.

– Николай серьезно подошел к приглашению. Думаю, тебя оставят в яранге с местной красавицей, – улыбнулся

Лукин.

– А почему я? – спросил Борис.

– Ты для местных выше, чем начальник Чукотки.

Берег встретил их небольшой дымкой тумана, наплывшим вслед за знаменитым дождем чукотского побережья, когда тучи висели так низко, что, казалась, можно было задеть их головой, а из их серой массы сыпал мельчайший дождь с порывами ветра, проникающий во все щели. Лукин выставил ладонь, и она в момент стала мокрой. Дождь шел монотонно, лишь иногда что-то наверху превращало его ненадолго в снежную крупу. Побережье стало безрадостным и черным.

На вездеходе они подъехали к эскимосскому поселку. По берегу кубиками стояли новые сборные дома, а рядом темные яранги с кострами, около которых кучковались группы эскимосов и собаки. Дождь снова перешел в туман и в разрывах облаков появились просветы чистого неба, от чего туман стал медленно рассеиваться. Яранги оленеводов расположились в тундре, а яранги морских охотников стояли на галечниковом валу рядом с морем. Из яранг видно море, как на ладони и моторные лодки, возвращающиеся с охоты. На берегу лежал окровавленный скелет огромного исполина, который только вчера рассекал воды по кромке льда Северного Ледовитого океана. Всю ночь моросил дождь. Но он не смог смыть следов крови с гальки и травы, по которой вчера тащили тяжелые куски китового мяса к ямам, где консервировался копальхен или копайка. Скелет кита был без головы. Эскимосов интересовало в ките только мясо. В месте разделки кита стоит беспрерывный галдеж. Птицы налетают друг на друга в борьбе за лакомые куски. Здесь пируют белые полярные чайки, кайры и огромные поморники.

– Погода налаживается к приезду гостей, как по заказу, – сказал Николай.

Перед тем, как приступить к еде, охотники и жители поселка попросили дух кита простить их, что было похоже на молитву перед трапезой.

– Первый и самый лучший кусок – почетному гостю, председателю Государственной комиссии из Москвы Борису Горюнову, – объявил Николай. – А теперь прошу всех к столу на общий пир.

Борис с подозрением смотрел на кусок серого цвета, а потом с надеждой посмотрел на Лукина. Но тот пожал плечами и, улыбнувшись, положил себе в тарелку ломтики сала и колбасы, пока не успели предложить что-нибудь из местных блюд. Николай плеснул гостям спирта.

– Попробуйте, это очень вкусно. Мандак лучшее лакомство, свежая китовая кожа с жиром. Нам украинцам напоминает сало, только диетическое, – с серьезным видом предложил зампред Исполкома Павло.

Борис закусил из тарелки Лукина, что не осталось без внимания хозяина и ему поменяли тарелку. Он так и не смог оценить вкус лакомства-мандака.

– Нам о мандаке Сергей ничего не рассказывал, – улыбнулся Лукин.

На столе появилась различная рыба в сушеном и копченом виде, от чего они с Борисом немного повеселели. Потом на другом конце стола подали Копайку, запах которой и оттуда достиг ноздрей Бориса и Лукина, от чего они сморщили носы.

– К этому блюду надо привыкнуть из-за резкого запаха, а потом сами попросите добавку, – сказал Павло и положил себе в тарелку небольшой кусок.

Борис слегка захмелел и толкнул небольшую речь во

славу эскимосов и настоящих охотников. Потом он сослался, что им надо утром вылетать, а еще многое не подготовлено. Николай довез их обратно в гостиницу и вручил два свертка с рыбой на дорожку.

На Севере все быстро меняется. Дома они утеплились и вышли на берег с «тревожным чемоданчиком» Лукина. Воздух был свежим и прохладным, впрочем, как всегда в этих местах. Так почему бы не выпить за отъезд на берегу Северного Ледовитого океана и хоть до него еще пилить и пилить, но отдельные его льдины прибивались к берегу и шуршали по мокрой гальке.

– Борис, а теперь серьезно – отход, думаю, не будем бросать монеты в море, чтобы еще раз вернуться сюда. У нас с тобой команда больно крутая, поэтому не надо нам возвращаться. Давай выпьем за окончание расследования и чтобы по таким поводам летать, как можно реже, – предложил Лукин.

– К сожалению, не все от нас зависит, но с тобой согласен.

Они жахнули по сотке неразбавленного спирта. Местные погодные условия и окружающие их пейзажи уже не казались им такими суровыми.

– Борис, а ты заметил, что кит к утру был уже без головы, а она весит несколько тонн.

– Да, обратил внимание и еще подумал, что же готовят китобои из головы?

– Я думаю, что они ничего не готовят из нее, так как голова – самое ценное в ките. Китовый ус и спермацета в голове около двух тонн.

– Половой гигант, да и только, – хихикнул Борис.

– Я тоже так раньше думал, что у кита две тонны и все для этого дела. Но оказалось, что со спермой у спермацета

только название похожее, а используют его в косметологии и медицине, особенно при лечении ожогов. И стоило оно раньше бешеных денег. А теперь после запрета на промысел китов и того больше.

– Палыч, и откуда ты все знаешь? Думаешь, чукчи забодали голову? – спросил Борис.

– И к шаманке не ходи, а знаю я только то, с чем сам сталкивался. Японцы, американцы и норвежцы скупают у чукчей головы китов, а еще амбру. Им остается только мясо кита. Но у меня такое подозрение, что убивают китов именно из-за его ценной головы. А выдают за продукт для выживания местных аборигенов. Ты обратил внимание на обилие импортных упаковок в яранге?

– Да, в Москве не увидишь такого разнообразия продуктов в импортной упаковке. А ты и с китами сталкивался?

– Не с китами, а вот с их воскообразным белым веществом из его головы под названием спермацет. Недалеко от Савеловского вокзала в столице находится 15-е отделение милиции, где я начинал работать инспектором уголовного розыска. На его территории стоит фабрика «Свобода», выпускающая много чего, и в том числе различные крема для женщин, в котором используют спермацет. Говорят, он омолаживает лицо. Некоторые женщины мазались им в чистом виде и так омолодились, что пошли прыщами, как девушки в период полового созревания, – сказал Лукин.

Борис прыснул в кулак.

– Наши жулики называли ворованный с фабрики спермацет не иначе, как спермой кита. Лучшей рекламы и не нужно. Спермацет они сбывали за большие деньги косметологам в элитные женские салоны на Арбате, в Столеш-

никовым переулке. На фабрике учитывалась только готовая продукция, а ворованное сырье уголовному розыску погоды не делало, так как шло по линии борьбы ОБХСС. Опера из угрозыска иногда заглядывали к красавицам-косметологам выпить шампанского и узнать последние новости светской жизни в центре столицы. А ты говоришь киты, – улыбнулся Лукин.

Он с улыбкой вспомнил красавицу-косметолога Леру из салона «Красный мак» в Столешниковым переулке. Стройная с высоким бюстом в коротком бело-розовом халатике, верхняя пуговица которого постоянно расстегивалась на декольте, и обнажалась красивая грудь в полуоткрытом бюстгальтере. При том Лера часто моргала ресничками и смущенно отводила взгляд с поволокой больших карих глаз. Когда она повторила свое смущение, Виктор понял, что это была ее домашняя заготовка по охмурению мужчин, которые и так легко попадались на ее красоту и обаяние. Даже сейчас от воспоминаний о Лере пробежал озноб по его телу. Скорее бы домой. Прощай полярное лето. Огромным оранжевым кругом падает за горизонт солнце и вскоре поднимется вновь.

В Москве Борис получил результаты расшифровки параметров последнего полета самолета на Чукотке и доложил руководству результаты расследования.

Лукин не вспоминал предсказания шаманки Алены, но ее красивое личико, освещенное языками пламени, трудно было забыть. Она притягивала к себе, как красивые цыганки, которые в любовных чарах погубили многих мужиков. Но то было не про Лукина. Он перегорел любовным недугом с красавицей француженкой, а дуплетом пришелся по нему мимолетный роман с прибалтийской цыганкой Ирмой, и от ее красоты можно было потерять не

только голову.

Красивых женщин на свете много, но ему встречались не просто красавицы. Они были еще и деловыми женщинами, а такое сочетание считается редким. Он не был ветреным или бабником. Всегда рассматривал свои романы как с единственной и на всю оставшуюся жизнь. Однако судьба распоряжалась иначе, разведя их в разные стороны и тоже навсегда. Лаура осталась в Париже, а Ирма живет в Риге. Любимые женщины никогда не пересекались даже в его воспоминаниях. Они возникали в разные периоды его жизни, и при одном упоминании у него все еще что-то трепетало в душе, а иногда подкатывал ком к горлу от приятных воспоминаний.

Во время командировок на Север Виктор нащелкал множество фотографий оленеводов, китобоев и конечно побережья Арктики. Таким фотографиям могли бы позавидовать профессионалы, хотя бы по выбору натуры. Фотографией он увлекался давно и начинал щелкать еще фотоаппаратом «Смена-2». Фотографии были и в фотоальбомах, и в коробках из-под обуви. Лаура любила их рассматривать, когда он уходил на работу. А теперь он нежно держит в руках ее по истине царский подарок – первый профессиональный фотоаппарат «Никон» с автофокусом. Легкое жужжание при протяжке пленки и фотоаппарат через три секунды снова готов к съемке. Фантастика для Союза, где, кроме «Зенита», он никогда не держал в руках лучшего фотоаппарата. Она также подарила ему две упаковки цветной японской пленки для фото и слайдов, сопроводив свой подарок словами, что он чаще других вещей будет держать его руках и вспоминать о ней. Он не хотел принимать от нее такой дорогой подарок, ведь по цене он мог сравниться разве что с автомобилем. Однако

Лаура настояла, сказав, что они вместе прокутили не один автомобиль, а фотоаппарат ему необходим. И она оказалась права. Он брал свой «Никон» и нежно держал его в руках, как любимую женщину, а теперь разглядывал свои северные шедевры.

Он вспомнил и подарок Ирмы, но совсем не в сравнении с Лаурой и ее подарком. Лукин только сейчас понял, что их подарки были прощальными. Ирма сделала поистине царский подарок, когда они поняли, что им никогда не суждено быть вместе и от них ничего не зависит. Ирма на прощальном ужине в ресторане «Берлин» положила на стол коробочку из темно-синего бархата и пододвинула в его сторону, заметив, что отказ не принимается. Лукин открыл коробочку и изумился. На белом атласе лежал перстень-печатка, сверкая бриллиантом, достойным восточного султана. Он знал, что никогда не сможет носить перстень, разве что дома, ночью, да и то под одеялом. Но, предвидя его отказ, Ирма взяла бархатный футляр, встала из-за стола, подошла к нему и двумя руками вложила подарок ему в руку. Склонилась к нему и крепко и нежно поцеловала в губы. У Лукина не нашлось аргументов для отказа. Он понимал, что им не суждено быть вместе. Такие подарки могли сделать только женщины, которые не просто любили мужчину, но и были счастливы с ним, а разлука происходила по не зависящим от них обстоятельствам.

Он не отказался от Лауры, но реально не было никакой надежды, что у них может все сложиться… Он часто вспоминал их последний ужин наедине. Неправильное слово «последний», но из всего выходило, что так тому и быть. Виктор предпочел бы и не вспоминать тот грустный день перед разлукой. Хорошего было с Лаурой, а память выби-

рает именно тот день, и не сотрешь его, чтобы оставил в покое.

Про отношения Лукина с любимыми женщинами нельзя было банально утверждать, что каждый кует свое счастье сам. Кто знал, где оно то счастье? Казалось, вот она и больше ничего не надо. Однако судьба бросала их в бурную реку жизни. После прохождения очередного порога каждый из них с трудом выбирался на свой берег. Лишь неуловимое мгновение отделяло их от гибели, когда река обрушивалась водопадом в пропасть, из которой невозможно было выплыть. Каждый из них возвращался к своему берегу до лучших времен, догадываясь, что лучшие времена для них никогда не наступят. Тяжело было терять любимого человека с сознанием бесповоротности судьбы. Так Лукину везло, что романы с женщинами несли угрозу самому его существованию. И какая уж тут ковка личного счастья? Его романы вели к лобовому столкновению, к роковой, непоправимой ошибке, но внезапное озарение приходило к ним, и они покидали друг друга, стремительно прибиваясь к прежним, но таким чужим берегам…

Друзья прозвали Лукина «дальнобойщиком» – он так и не влюбился ни в одну москвичку, которые проживали рядом с ним в родном городе. И жена Даша была с Камчатки, прилетела поступать в МГУ. Но брак оправдал изначальное название. Он стал подобен настоящему заводскому браку. Похоже, сразу после свадьбы надо было развестись. Однако Лукин согласился с доводами тестя, который прилетел с Камчатки разобраться в ситуации и пояснил, что не стоит разводиться, если нет рядом женщины, с которой хотел бы идти по жизни и создать новую семью. Лукин подумал-подумал и решил, что, во-первых, не он дал повод для развода, а во-вторых, он останется мо-

рально и материально независимым человеком. Да и запись о разводе в личном деле не приветствуется в органах. С той поры прошло несколько лет. Предсказания чукотской шаманки не стали для него откровением, как в том анекдоте: сидит чукча на дереве и пилит сук, на котором сидит. Идет мимо охотник и говорит: «Гляди – упадешь!». Чукча пилит дальше. Сук обламывается, и чукча падает вместе с ним. Встает и говорит: «Шаман, однако!»

Лукин понимал, что надо рубить сук, на котором засиделся. Он был морально готов к падению ради той единственной. Он хотел нормальную семью с Олесей. Падение было неизбежным. Он был готов к нему, чтобы вырваться из порочного круга, в который попал после женитьбы. В жизни он всего добился сам, без чьей-либо помощи, а вот упасть, он не сомневался, что ему помогут. Пророчества Алены-шаманки периодически всплывали в памяти. Скорее, не ее слова будоражили. Не давали покоя, как наяву, колдовские зеленые глаза, в которых отражалось северное сияние. Мир крутится по спирали, хорошие времена не исчезают навечно, а пройдя необозримый круг, возвращаются. И ты снова счастлив, но уже с другой. Чистый арктический ветер продул его мозги и поставил на место.

Медовый месяц

Лукину все больше и больше нравилось общение с Олесей. Он уже не видел себя без нее. Совесть по поводу измены жене его совершенно не щекотала. Скорее, он дома изменял Олесе. Так долго продолжаться не могло. Он с Дашей уже давно разошелся и продолжал проживать вместе по совету тестя. Их сторона вместе с женой еще надеялись, что все может наладиться. Оно, может быть, и наладилось бы, если бы ни встреча с Олесей. Надо было знать характер Лукина. Он согласился тогда на отсрочку развода, потому что не было времени на эту процедуру. А она подразумевала не только ликвидацию штампа о браке в паспорте, но и дележ квартиры, да и всего остального, хотя все остальное он мог оставить жене, так как в последнее время предпочитал не тратиться на обустройство семейного очага и держать деньги наличными.

У него не было никаких сомнений в отношении Олеси. Он хотел, чтобы она стала его женой. Виктор никогда не интересовался ее семейными делами. Было и так видно, что она все чаще стала ночевать у мамы. Он боялся только одного, что может вспугнуть ее предложением о заключении брака. Может, она уже «наелась» семейной жизнью и захотела волюшки, но надо было принимать решение, и он стал готовить к нему Олесю, хотя сам не предполагал, как это будет выглядеть. Он знал одно, что инициатива должна исходить от него.

Общение с молодой красивой женщиной расшевелило его застойные мозги, да и поменялось многое в обществе и сознании народа. Раньше он отметал разные коммерческие предложения от друзей и знакомых, а теперь помог Гаджи устроить кооператив в багажном отделении аэропорта Домодедово. Увеличились расходы? Незначительно, так как его зарплата Министра была более чем приличная, его финансы никто дома не контролировал. Жена никогда не знала, сколько у него денег, а теперь тем более. Скорее всего, Лукин думал о будущей семейной жизни, да и сказывались гены его предков, которые занимались торговлей и вели большое хозяйство.

Когда в стране пропали сигареты, то руководство фабрик «Ява» и «Дукат» с подачи Лукина стали приятелями Гаджи. Потом в СССР кончился чай, и они окучивали руководство чаеразвесочных фабрик. Гаджи хватался за все, где советские руководители проявляли нерасторопность в новых условиях хозяйствования. Раньше такое называлось спекуляцией, а теперь предприятия перевели на хозрасчет.

Чай в Грузии никогда не отличался своим высоким качеством и не пользовался особым спросом, даже во время

его дефицита в стране. Его возили в Самарканд, где находится расфасовочная фабрика индийского чая. Узбеки мешали грузинский чай с индийским, от чего количество пачек чая «Три слона» увеличивалось вдвое. Излишки чая продавались «своим» людям за наличные деньги по завышенной цене. Причем, на фабрике официально открыли кооператив, и через него все прогоняли без уплаты налогов, за которые некому было спрашивать. Чая стало в два раза больше, но он теперь появлялся в отдаленных уголках необъятной Родины, где за него платили два рубля за пачку, вместо одного рубля в Москве. Гаджи нужны были только связи в западной Грузии и в Самарканде. Лукин знал нужных ему людей, поэтому Гаджи, «как сдуло» на короткое время с «цветочного» бизнеса, оставив его на своих земляков. Лукин не интересовался его «чайным» бизнесом, но Нарзулло из Самарканда звонил и приглашал в гости. Говорил, что приготовил Лукину подарок. Нарзулло работал в МВД и крутил с Гаджи чаем, потому не мог предложить Лукину деньги за посредничество. Лукин часто летал по всему Союзу, и не было такой точки на карте, где не было бы у него друзей и знакомых. Все знали о его надежности в смысле лишних разговоров, а самое главное – Лукин ничего не просил для себя.

Лукину припомнилось, как все просто начиналось:

– Виктор, а нет ли у тебя кого-нибудь на табачных фабриках «Ява» и «Дукат»? – поинтересовался Гаджи, когда в стране пропали сигареты.

– Только директор и главный инженер? – спросил Лукин.

– Сигареты пропали. Спрос поднялся. Две цены и только дай.

– Ты же знаешь, что на фабрике все расписано, куда и

сколько.

– Ты меня с ними познакомь, а дальше я сам решу.

– А я?

– Нет базара. Я тебе и так много должен. Но, поверь, у меня все доходы в обороте. Получил с цветов и деньги в чай обернул. Скоро должны привезти из Самарканда мою долю и я пущу их в сигареты. Я о тебе помню, потому что твои знакомые мне помогают. В наше время большое дело в бизнесе, когда мы верим друг другу, иначе давно бы кинули, а так на полном доверии.

Лукин впервые почувствовал силу «своего купеческого слова». Это как банковская гарантия. Вот почему вокруг него люди типа Гаджи крутятся, но пользоваться этим он еще не научился, а, вернее, не охамел и не переступил ту грань, разделяющую людей в милицейских погонах и мелких жуликов. Хотя погоны были у него вполне условные и в авиации, да и они в новых экономических условиях действовали согласно законам. Такие законы специально приняли, чтобы дать разгуляться предприимчивым людям, а попросту жулью. Лукин пока воздерживался от вознаграждений за свою деятельность, которую он обозвал «получить бабки за язык». Он лишь связывал этих людей друг с другом.

В России народилась целая армия перекупщиков товаров. Скупали все, что пользовалось спросом. В магазинах пропали многие товары. Это была чья-то хорошо продуманная акция. В этой массе перекупщиков появилась еще большая армия мошенников, которые «кидали» и продавцов, и покупателей. Вот в таких условиях многие тянулись к порядочным людям, как Лукин. Он много не запросит за свои посреднические услуги, но у той сделки был результат без «кидков».

Выкурить первую советскую сигарету с фильтром международного образца – марки «Ява» – наши соотечественники смогли в 1966 году. У совковых сигарет были и свои особенности. Перед употреблением отечественные сигареты приходилось разминать пальцами, так как их плотно набивали табаком, который закупался на валюту для импортного оборудования фабрики «Ява». Капиталисты умеют считать свои прибыли от любого производства, поэтому сигареты набивали меньшим количеством табака, да еще подмешивали компоненты для свободного тления. Советские же сигареты гасли сразу после того, как курящий переставал затягиваться.

Впервые на «Яве» выпустили длинные дамские сигареты «Ява-100». Их можно было завязать в узел и курить. Но вряд ли они могли устроить дам своим качеством. Ведь, кроме длинны, они ничем не отличались от обычной «Явы». Некоторые хозяйки ломали сигареты и пересыпали им меховые шубы от моли. Лучше всего для этих целей шел табак с медовым запахом травы донника, которую добавляли в сигареты «Золотое руно». Табака было много. Жулики воровали его с фабрик тюками и продавали на вес. Так Лукин познакомился с директором фабрики «Ява» Синельниковым и многими другими руководителями.

Табачный кризис грянул, как гром среди ясного неба. Пропали сигареты и папиросы. Даже махорку невозможно было достать, а ее всегда производили в Моршанске Тамбовской области, и она не относилась к товарам, которые приобретались за «бугром» на валюту. Кто-то решил поиграть с народом в «дефицит». Где появлялось курево, выстраивались гигантские очереди. На улицах стало чище. Ни одного брошенного окурочка не увидишь.

Предприимчивые старушки даже ухитрялись ими торговать.

Технологическая продвинутость фабрики «Ява» выходила ей боком. У фабрики была потребность в валюте для закупки оборудования и сырья, а государство к этому времени не могло распоряжаться валютой, как прежде. В стране уже был кризис. В таких рыночных отношениях можно было быстро найти общий язык продавцам и покупателям, а также посредникам. Помогали еще советским курильщикам братья из «шестнадцатой республики» Болгарии. «Ту-134» в бело-голубой пачке с изображением авиалайнера и эмблемами «Аэрофлота», а также сигареты «Стюардесса» и «ВТ», «Радопи» и, конечно, «Опал». Курильщики еще шутили по этому поводу: «Будешь «Стюардессу»?» – «Нет, у меня «Опал»...». Стоили эти сигареты, как и советские, но и на них положили глаз посредники, и цена поползла вверх.

– Гаджи, я этих людей на табачных фабриках знаю, но лучше тебе связаться с ними через Сергея и от прокурора. Я могу это организовать, потому что с руководством табачных фабрик я знаком, но, боюсь, они со мной не пойдут тебе навстречу. Ты определись, что предложить Сергею за эту операцию. На фабрике уж сам будешь делить свою прибыль. Он может сделать тебя теневым коммерческим директором табачных фабрик.

– Я уже прикидывал и готов отдавать по десять копеек с пачки сигарет за то, что меня сведут с директором фабрики, – сказал Гаджи.

– Хорошо, я так и объявлю. Мой интерес ты будешь учитывать?

– А ты разве не с Сергеем и прокурором?

– Во-первых, прокурор никогда ни с кем делиться не

будет, а я не могу им предложить семь копеек с пачки и три оставить себе. Надо отдать десять, как решили. И потом я уже с тобой давно в этом «бизнесе», и как ты сам сказал, что мои деньги тоже крутятся во всех твоих делах. Поэтому сам прикинь мою прибыль. Я тебя не душу. Крути, верти, но меня не забывай.

– Хорошо. Договорились. После этой сделки я расплачусь.

– Вот и чудненько. Завтра позвоню. Хорошо, что поставил телефон в багажное отделение.

– Но лучше было бы, если бы отправить московские сигареты в Баку. Там они в два раза дороже.

– Гаджи, я это знаю. Как в том анекдоте: «Встретились два технолога табачных фабрик. Технолог московской фабрики «Ява» говорит: «Сигареты «Столичные» мы делаем так: на мешок навоза кладем полмешка сена и лопату табака». А технолог бакинской фабрики удивляется: «Надо же! Вы еще и табак добавляете».

– Да, похоже, поэтому московские в цене.

Лукин перетер с Сергеем эту тему. Он предложил десять копеек с пачки, но попросил учесть его интересы, не ставя в известность Гаджи, так как не хотел брать «боковики» и раздавать, поручив это Сергею.

«А ведь ты превращаешься из молодого волчонка в зубастого волка», – подумал о своем поведении Виктор.

Приближался очередной отпуск. Олеся пригласила его на свой день рождения в ресторан «У Пиросмани» на Пироговке.

– Я с удовольствием. Но как ты это все представляешь?

– За столом будут только мои подруги, которых ты уже знаешь. Больше никого, – сказала Олеся.

Они встречались уже несколько месяцев и бывали у

своих друзей, но никто не предал их отношения. В их семьях была относительная тишина, если не считать, что Олеся часто оставалась у своих родителей ночевать, а Виктор далеко за полночь возвращался «с работы» домой.

В ресторане была шикарная грузинская кухня. Он-то понимал кое-что в грузинской кухне. Между столиками бродил скрипач, исполняя приятные мелодии. Лукин провел вечер в девичнике. После дня рождения Виктор сделал Олесе предложение выйти за него замуж.

– А ты, как это все представляешь? – спросила Олеся.

– Очень просто. Ни тебе, ни мне развода не дадут. Правильно?

– Это точно.

– Идем в один день в суд и подаем на развод вместе, а потом сразу на регистрацию брака. Правда, есть одна серьезная проблема с жильем, но пока я не решу ее, будем снимать квартиру. Я уже присмотрел вариант. Можно хоть сегодня съехать туда.

– Что-то очень резко. Надо подумать. Давай сначала ты разводись, а потом я.

– Я же сказал: или идем вместе на развод, или я один не буду разводиться. Зачем мне без тебя? Ты же видишь, свободы у меня, сколько хочешь и без развода. Так зачем я буду себе устраивать лишние проблемы? А они будут при разводе. Или ты не хочешь выходить за меня замуж?

– Я хочу, но не сразу.

– Тогда поступим так. Моя жена купила путевки в дом отдыха Анапы. Через три дня я должен решить, ехать или нет. И если ты не согласна начать бракоразводные дела, то я поеду отдыхать. У меня нет причины, чтобы остаться в Москве.

– И мы целых три недели не увидимся?

– Почему? Можем. Вот мой почтовый адрес дома отдыха МВД в Анапе. Если надумаешь разводиться и выйти за меня замуж, пришли телеграмму, что меня срочно вызывают на работу.

– А как твоя работа называется? – спросила Олеся.

– Да не заморачивайся. Телеграмма чем короче, тем лучше. А внизу любую фамилию – Иванов, Петров, Сидоров. Договорились?

– Да, хорошо. Счастливо тебе отдохнуть.

– Я еще раз повторяю, что мне не нужен отдых и море без тебя. Но я не могу сейчас ничего сделать без твоего решения.

– Я все поняла.

– Вот и хорошо.

Виктор сознательно шел на небольшую разлуку. Так было надо. Все очень просто у них получалось и легко, а так долго продолжаться не может. Или кто-нибудь «настучит» об их встречах и дойдет до скандала с любой стороны, а скандалы на такой почве не приветствуются у них на работе. Либо их отношения пойдут в затяжку, и так останутся они любовниками. Но на какое время? Это у него уже было. Много лет он ждал согласия другой половины, но мешал все тот же развод или несколько государственных границ. Все в далеком прошлом. Но он опять в борьбе за Олесю. Он ей правильно объяснил, что настоящей семьи у него нет, а любовниц могло быть много, он же парень хоть куда, но уже и не молодой паренек.

Перед самым отъездом в отпуск позвонила тетя Клава, сестра отца, и сообщила, что наконец-то его деда и их отца, Алексея Михайловича, реабилитировали. Прошло ровно шестьдесят лет после его незаконного ареста. Отсидел он пять лет в лагере на Соловках и еще столько же на Север-

ном Урале. После полного освобождения и восстановления в правах прошло полвека. А вот официально признали только сейчас и прислали документ. Ну хоть сделали это руками советской власти и то ладно, что признали свое преступление против деда, а, по сути, против всей семьи. А дед так хотел, чтобы его реабилитировали при жизни.

Прав был дед во всех своих рассуждениях и во всем, чему учил своего внука. Вот в чем оказывается дело. Все-таки гены берут свое. Недаром пришла реабилитация только сейчас, когда мозги Лукина были на перепутье. Как будто бы дед Алексей Михайлович напомнил ему, кем были его предки и что имели они до советской власти, которая оставила их семью нищими. Теперь сама эта власть летит в тартарары. Конечно же, вернуть ничего не удастся, что у них отобрали шестьдесят лет назад, но хоть совесть у Лукина будет чиста, когда он будет помогать этим «коммерсантам», которых он раньше называл спекулянтами. Его успокаивало одно: он знал, что творится в верхних эшелонах власти, которые начали рвать на части добро, которое народ заработал за семьдесят лет, получая нищенскую зарплату, медали и грамоты, ожидая «светлого будущего». И оно опять настало, но не для народа.

«Надо все-таки съездить в деревню Лукино,– решил Лукин. – Хоть посмотреть, где жили его предки».

Лукин с Дашей подкатили к Анапе на поезде. Он специально не полетел самолетом. Налетался, хотелось поспать под стук колес, отведать на полустанках пирожков с картошкой и малосольными огурчиками вприкуску. Положить на ржаной хлебушек тонким слоем хохлацкое сало и жахнуть сто граммами водки. Вот это жизнь. Даша смотрела на его причуды с укором.

А Виктор весь был в мыслях об Олесе, об их встречах и

последнем вечере у «Пиросмани». Она закатила шикарный банкет и запретила ему платить за стол. Серьезная женщина. Как она там? И поезд он выбрал медленный пассажирский, словно ему не хотелось уезжать из Москвы. Но надо было принимать решение и резко. А сначала он хотел подойти к бракоразводному вопросу осторожно, не пугая Олесю.

Они подошли к администратору дома отдыха. Лукин предъявил документы. Дом отдыха был МВД СССР, поэтому он достал удостоверение.

– Товарищ полковник, должен Вас огорчить. Мы вчера получили телеграмму. Вас срочно вызывают на работу. Вы можете позвонить из кабинета директора,– доложил администратор.

– Как на работу? – огорчилась Даша.

– Сейчас попробую выяснить, – ответил Виктор.

Лукина несли ноги и подбрасывали от радости. Он боялся разразиться у Даши на глазах диким смехом, поэтому поспешил в кабинет директора.

– Это полковник Лукин. Разрешите ему позвонить на работу? – представил его администратор.

– Да, конечно. Надо же так не повезло Вам, – сказал директор.

– Что поделаешь. Служба, – сухо ответил Лукин, а самого распирало от радости.

В телеграмме было слово в слово, как он и предлагал Олесе написать, а в конце подпись – Сидоров. Лучше было бы Иванов или Петров, потому что Сидоров Петр Семенович работал начальником отдела по расследованию авиапроисшествий.

Лукин набрал номер своего друга Леонида Алексеевича и заместителя Сидорова.

– Леонид Алексеевич, доброе утро! Что опять случилось?

– Да, все нормально у нас. Как отдыхаешь?

– Спасибо, хорошо. Скоро вылетаю.

– Куда вылетаешь? – не понял Леонид.

– Да, конечно, плохо слышно, – продолжал валять «дурака» Виктор и прервал разговор.

– Ну что там? – поинтересовался директор.

– Надо вылететь немедленно.

– Может быть, пообедаете, в море искупаетесь, коль приехали.

– Нет, спасибо не могу, – поблагодарил Лукин.

– Вам с билетами помочь? На самолет?

– Нет, не надо. У меня на авиабилеты бронь Госавианадзора СССР.

– Ну и работенка. Мы за Вами забронируем дни, что будете отсутствовать. А супруга Ваша останется? – поинтересовался директор.

– Да, конечно. Пусть отдыхает. Вы здесь за ней присмотрите, чтобы не обижали.

– Все будет в порядке. Как освободитесь, так милости просим.

Виктор вышел в холл. Даша сидела на диване с чемоданами.

– Ну что у тебя? – спросила она.

– Надо вылетать.

– Может, я с тобой полечу?– Даша была в растерянности.

– Какой смысл. Ты в отпуске, а я все ровно улечу в командировку. Отдыхай. Как освобожусь, прилечу. Номер останется за нами. Как раз бархатный сезон будет.

– Ладно, хорошо. Я буду тебя здесь ждать.

«Поздновато, дорогая», – подумал про себя Лукин.

Она, видимо, только сейчас разобралась, за кого вышла замуж. А надо было сразу знать и не наносить обид, которые сделали свое поганое дело. Ему не хотелось портить ей отпуск на море. Да и время окончательного решения еще не наступило, хотя, судя по телеграмме, Олеся готова к решительным действиям. Это его радовало. Олеся приделала ему крылья, и он мог лететь к ней без самолета, но на нем быстрее.

«Не стерпелось и не слюбилось», как советовал Николай Сергеевич.

С большим уважением он к нему относился, поэтому и поддался на уговоры. Но даже тогда это был не первый порыв к разводу. А разводиться надо было сразу через месяц после семейной жизни, после первой же подлянки. Да и что теперь о том вспоминать. Конечно, жаль было Дашу. Она, видимо, только вошла во вкус их семейной жизни. И ее родителям уже нравится надежный зять, которому многие вопросы «по плечу». Но ему от этого не легче, остались трещины в их семейной жизни, которые не зарубцевались.

Случилось то, что и должно было случиться, рано или поздно, но годы уходили в бесцельной семейной жизни. Он не стал ее будоражить своими заявлениями о предстоящем разводе. Лукину припомнилось, что в день их свадьбы мама Даши предложила ему при разводе не устраивать разборов в народном суде, а все сделать тихо. Хорошее поздравление в день свадьбы. Он так и сделал тихо, даже телеграмму с вызовом на работу придумал, чтобы никого не тревожить своей отлучкой из семьи, а может быть, и окончательным уходом.

Из аэропорта Внуково Лукин набрал телефон Олеси, и

она подошла к телефону.

– Добрый день. Я в Москве, на работу вызывала?

– Я думала, что ты дня три поплаваешь в море, позагораешь, но я рада твоей оперативности. Какие планы?

– Мои планы зависят от твоих предложений. Я сейчас еду домой. Соберу ружья, спиннинги, остальное у меня уже с собой и поедем куда-нибудь. Сейчас открылся сезон охоты. Ты же хотела пострелять по уткам?

– А еще на лошадях покататься.

– И на лошадях тоже. Я тебе из дома перезвоню. Можно?

– Да, конечно. Буду ждать звонка.

Виктор взял такси и через полчаса был дома. Повернул ключ в замке. Замок открылся с полуоборота, хотя он четко помнил, что закрывал замок на два оборота. Входная дверь была напротив кухни. Он сразу увидел мать Даши и ее родственников из Кабардино-Балкарии. Они распивали чай на кухне и, судя по домашней одежде, жили в его квартире. У них на лице появилось удивление. Точно такое же чувство посетило Виктора, так как никто не говорил, что у него будут жить гости. Хоть он и решил уехать на охоту, а потом съехать на снятую квартиру, ему совсем не хотелось, чтобы в его квартире жили чужие люди.

– А ты почему в Москве? Что случилось? И где Даша? – засыпала вопросами ее мать.

– Меня срочно вызвали на работу. Что случилось, пока не знаю. Даша отдыхает в Анапе. А она разве Вам не звонила?

– Да, она звонила. Все в порядке. А когда ты возвращаешься к ней?

– Пока не знаю. Сейчас поеду на работу и все узнаю.

– Так ты будешь жить дома?

– Да, если не возражаете. Но, возможно, вызов связан с командировкой.

– Конечно, конечно. Мы с родственниками как раз хотели уезжать к нам в Домодедово.

– Я буду дома вечером, – намекнул Виктор на их присутствие.

Он сел на машину и рванул к Олесе. Рассказал ей обстановку в доме. После поехал в хозяйственный магазин, купил личинку к замку, который стоял в квартире и поменял ее. Посмотрел по всем углам, не забыли ли гости своих вещей, чтобы не искали его. Все было чисто. На холодильнике в кухне лежала, забытая им утром телеграмма о вызове на работу, но он не придал этому значения. Его квартира была защищена от проникновения непрошенных гостей. Теперь можно отпраздновать с Олесей их намерения быть вместе. Больше ни о чем он не мог думать.

Родители Даши купили трехкомнатную квартиру в городе Домодедово и уже переехали с Камчатки. Лукин помог купить им мебель. В это время нельзя было купить табуретку без предварительной записи. Он давно уже записался на стенку, спальню и мягкую мебель для себя, но пришлось уступить. Сбережения остались целыми, которые ему еще, видимо, понадобятся для строительства новой семьи, но он не хотелось пока загадывать.

– Что ты планируешь делать? – поинтересовалась Олеся.

– У меня отпуск, который не часто бывает. У тебя тоже может быть, потому что не сезон с концертами. Поэтому давай сначала отдохнем. Хочешь, поедем куда-нибудь к морю?

– Нет, я не люблю лежать на одном месте. Мне больше нравится активный отдых. Ты что-то говорил об охоте и

лошадях.

– Тогда давай начнем с ужина в ресторане, а утром поедем ко мне на реку Проню. Там дом сейчас свободный. Все уехали в Москву.

– Но на охоту и рыбалку я тебя одного не отпущу. Я вместе с тобой буду охотиться и рыбачить.

– Я уже понял и приготовил тебе подарок, правда, не зарегистрированный, но со мной можно, – Лукин достал из багажника в коричневом кожаном чехле охотничье ружье.

– «Зауэр», четыре кольца, стволы кованные, курковка и ложе из тигрового ореха. Двенадцатый калибр. Оно, наверное, из коллекции Геринга, любителя таких ружей. У нее стволы на пятнадцать сантиметров длиннее моего Иж-27, поэтому бьет кучнее и отдачи почти никакой.

– Я уже хочу сейчас пострелять.

– Потерпи до завтра.

Они провели вечер в ресторане. Виктор предложил поехать, пока не обустроились в съемной квартире к нему домой.

– Утром рано поедем в Беломестное, а потом займемся переездом.

– Хорошо, поехали.

Они были свободны. Не надо было оглядываться и бояться, что дома могут возникнуть лишние вопросы по их позднему возвращению домой.

«Как же хорошо, когда не надо врать, юлить»,– подумал Лукин. Но недолго он радовался такому обстоятельству.

Они переступили порог его квартиры, а там телефон уже раскалился от непрерывных звонков.

– Да, я слушаю.

– Это я тебя слушаю. Я звоню целый вечер, – начала наезжать мать Даши. – Я все узнала у тебя на работе. Сидоров тебя не вызывал на работу, я с ним разговаривала.

– А причем здесь Сидоров из авиации? – нашелся Виктор.

Он и сам не ожидал такого оборота, что она будет звонить Сидорову в Госкомиссию, который по стечению обстоятельств оказался с простой русской фамилией, как Иванов или Петров, и только поэтому попал в телеграмму. Он представил, как тот испуганно отвечал на ее вопросы, ничего не понимая, что от него хотят.

– Как причем Сидоров. Он же подписал телеграмму о твоем вызове на работу.

– Так тот Сидоров в Госавианадзоре, а меня вызвал начальник управления из МВД.

– Скажи, из какого управления вызвали и зачем? Я проверю.

– Я полковник милиции, а не школяр из пятого «Б», чтобы меня проверяли. Вызвали меня для выполнения специального задания, и я уже сообщил Вам много лишнего. Вы же знаете, какая обстановка в стране? – перехватил инициативу Виктор.

– И на какое время вызвали?

– Тоже не могу сказать. И хватит об этом, иначе в госбезопасности могут спросить, почему кого-то интересуют эти вопросы, – Виктору пришлось импровизировать по ходу, но по-другому ответить было нельзя.

«Возможно, у них с Дашей закрались какие-то подозрения в отношении его поведения. После разговора с Сидоровым они усилились, но звонить на работу и перепроверять, зная, что его в любое время могут отозвать из отпуска, это уже слишком. Получился неожиданный по-

ворот у его затеи с телеграммой. Надо утром Сидорову позвонить и сообщить, что вызывал телеграммой однофамилец из МВД или как-то успокоить его», – подумал Лукин.

– А зачем ты поменял замок в двери? – продолжила свои подозрения мама Даши.

– Заменил не замок, а личинку замка, так как она сломалась, и мне пришлось вызывать мастера, который сообщил, что пользовались ключом, изготовленным некачественно, – Виктор намекнул, что они сделали ключи от квартиры без его ведома.

– И что он от этого сломался?

– Да, цилиндры разлетелись. Я могу показать.

– Не надо. Даша вернется, мы еще об этом поговорим. Баб поменьше води, – возразить Лукину больше было нечем, и она положила трубку.

Конечно, она о чем-то догадалась, но ему нечего было с тещей обсуждать и портить друг другу нервы, поэтому он врал «горбушками», а вернее фантазировал. Что так произошло у них с Дашей, была и ее лепта. Ему еще предстояли разговоры с женой, а выход из этой ситуации – развод.

– Да, врешь ты круто, но красиво, ни к чему не придерешься. Даже глазом не моргнул. Мне надо запомнить на будущее. Ты же не ожидал такого поворота с Сидоровым? – поинтересовалась Олеся.

– Конечно, нет. Я бы и телеграмму не оставил в квартире. Мало ли Ивановых или Сидоровых.

– Но ты быстро нашелся и тут же перехватил инициативу. Да, опер есть опер. С тобой особо не поспоришь. У тебя, наверное, сразу двадцать вариантов для отхода имеются.

– Да ладно, это был просто экспромт. Там в шкафу постельное белье новое, я сегодня купил. Займись, а я пока чай накрою. Или шампанское? Теперь точно к нам никто не приедет. Завтра дам телеграмму жене, что уезжаю в командировку, пусть отдыхает спокойно. У тебя дома как?

– Я тихо объявила, что ухожу. Собрала все необходимое, а большинство вещей у меня на квартире родителей. А тебе все еще предстоит. Квартира у тебя хорошая в центре города. Они просто так не сдадутся.

– Поэтому давай хорошо отдохнем этот месяц, а потом будем уже решать. Финансы пока есть, да и зарплата у меня, как у Министра. Проживем, посмотрим.

Утром он заскочил в ОБХСС и затоварил полный багажник хорошей выпивкой и закуской. Шашлыки от Шамиля из «Узбекистана» и, конечно, «Хванчкару». Уж если в Москве ничего в магазинах не стало, так в Тульской области можно в магазины не заглядывать.

Потом он позвонил на работу Леониду, который сообщил, что Сидоров рвет и мечет. Лукин попытался объяснить Сидорову, что никто его именем не пользовался и никаких телеграмм от его имени не посылал, что все выдумки родителей жены.

– А Вы сейчас, где находитесь? – язвительно спросил Сидоров.

– В Москве.

– Жена в Анапе, а Вы здесь, в Москве. И никто Вас не вызывал на работу?

– На работу не вызывали, а прилетел потому, что трубу прорвало в квартире и соседей затопило, поэтому весь дом два дня был без воды. А Сидоров – это начальник ЖЭКа, он давал телеграмму о вызове, поэтому все увязали с Вашей фамилией. Начальник ЖЭКа специально написал,

что вызывают на работу, чтобы прилетел, а теща позвонила дежурному по Госавианадзору, который сказал, что есть такой Сидоров.

Лукин с улыбкой вспомнил юмористический диалог Карцева о Сидорове, когда собеседник не мог понять, что Сидоров кассир.

– А о чем Вы разговаривали с моей тещей и на какую тему, я не знаю. Наверное, каждый о своем, – сказал Лукин.

– Ладно, я все понял, но Вы меня подставили перед своими высокопоставленными родственниками. Что мне сказать, если она опять будут звонить?

– Все, что угодно. Я в отпуске. Трубу починили. Воду в доме дали, но они больше звонить не будут, так как выяснили, что телеграмму давал Сидоров начальник ЖЭКа. Помните у Карцева про Сидорова кассира, который стал убийцей. Вот получилось что-то похожее, когда разговаривали два глухонемых.

– Лукин, у тебя одни шуточки, а у меня могут быть неприятности.

– Я все понял. Вам хочется еще раз пообщаться с моей тещей.

– Вы неправильно поняли. Все, приятного Вам отдыха.

Погода была, как по заказу, солнечная и тепло. Виктор вырулил на Каширское шоссе и покатил в сторону Серебряных прудов. Они с Олесей переехали через мост на реке Ока, которая делила их путь ровно пополам. На берегу реки пляжи с желтым песком, а в середине русла отмели и острова. Вскоре в глубокой балке показалась река Осетр, похожая на реку Проню высокими берегами, заросшими тростником и кустарником. Река Осетр отделяет черноземную зону от глинистой почвы Каширского района. За

рекой раскинулись бескрайние черные, как воронье крыло, поля. Чернозем здесь не глубокий, слой его до пятидесяти сантиметров, но вполне хватает, чтобы вырастить хороший урожай овощей и зерновых. На спуске к реке Проня Виктор остановился.

– Олеся, мы уже приехали. Внизу вдоль реки деревня Беломестное, а через овраг – Иваньково, в которой недавно жил художник Александр Шилов. Он написал немало здешних пейзажей. Посмотри, вот там третий дом с краю наш, а под ним река и три вербы. У Шилова это место на картине «Притихло».

– Да, красиво здесь.

Еще не было затяжных дождей и в деревянном доме было сухо. Он достал из машины сумки и поставил чайник.

– А можно сегодня покататься на лошадях? – спросила Олеся.

– Чай отменяется. Сейчас возьмем что-нибудь с собой для пастухов, а заодно и сами с ними перекусим. Поехали.

Он уложил в сумку баночное пиво, водку и закуску. Пастухов они обнаружили на берегу реки. Они загнали телят в стойло и расположились в кружок у костра. Их кони паслись тут же. Они их не распрягали, видимо, скоро погонят телят дальше по заливным лугам вдоль берега.

Старшим у пастухов был Виктор Носов. Он служил в Новочеркасске в 1962 году и был участником тех страшных событий, когда расстреляли мирную демонстрацию рабочих завода. Носов узнал Виктора.

– Каким ветром занесло в родные края? Давно не был в деревне? – спросил он.

– Да уж, лет десять, наверное, – чуть задумался Виктор.

Виктору вспомнился его последний приезд сюда с француженкой Лаурой, когда они жили в лесном доме от-

дыха, грели воду на костре в ведрах, чтобы принять душ после прогулки за грибами. Но все было так давно…

Рядом с ним Олеся, женщина, которая «железным занавесом» отгораживает его от всех воспоминаний и показывает реальность жизни, от которой хочется петь. Приятно, когда рядом красивая молодая женщина, что нет желания крутить головой при виде какой-нибудь сногсшибательной дивы. Теперь их стало гораздо меньше, если они совсем не перевелись, но не надо себя уж совсем в монахи записывать.

Он достал из сумки все запасы и выложил на широкое полотенце.

– Да, я слышал, что ты в больших чинах ходишь. А по какому случаю такое богатство на столе?– Виктор выпустил дым от сигареты «Памир». Как он только курил, такие крепкие? Их жесткость чувствовалась по запаху даже на свежем воздухе.

– Просто давно не был здесь. Вот решили пару дней отдохнуть, рыбу половить, пострелять, а если, Виктор, позволишь, то и на конях покататься.

– Что и жена тоже хочет покататься?

– Вот она только и хочет, а я лучше с вами по сто грамм, – Лукин открутил пробку на бутылке с водкой и разлил разом на четыре стакана среди мужиков. Олеся предпочла пиво.

– Тебе, какого коня порезвей или поспокойней? – спросил Носов.

– Витя, дай уздечку от Орлика. Он поспокойней будет, – сказал Лукин.

– Почему поспокойней? Я хочу коня порезвей, – возмутилась Олеся после пива.

– Ну чего хозяин? Какого?

– Давай коня настоящего, не клячу, – согласился Лукин.

Олеся ловко взобралась в седло. Сразу чувствовалось, что она знает толк в верховой езде. Она поскакала на коне вдоль берега. Около ручья развернулась и сделала круг около их компании. Лицо ее сияло от радости.

– Хочешь пивка баночку? В роднике остыла, как из холодильника, – предложил Лукин.

– Нет, больше ничего не хочу. Можно я еще покатаюсь? – спросила Олеся.

– Да, катайся, коль охота, а мы пока водочкой побалуемся, – Носов обрадовался, что гости еще не уходят и можно продолжить банкет.

– Олеся, возьми ружье, я тебя сфотографирую на коне верхом.

Олеся была в его летних «доспехах», которые были у него в изобилии от Госавианадзора, а камуфляжные костюмы из МВД. Спецамуницию он использовал для рыбалки и охоты. Вот и Олесе пригодилась кожаная курточка. Она взяла подаренную двустволку «Зауэр», а Виктор щелкал «Никоном».

– А чего просто так с ружьем фотографироваться? Пусть стрельнет, – предложил Носов.

– А конь не испугается? – спросила Олеся.

– Он у нас привычный. Вместе зайцев и лис с ним гоняем и стреляем у него над ухом.

Виктор поставил на большой камень пустую банку из-под пива. Олеся прицелилась и выстрелила по ней. Банка отлетела.

– Ветром сдуло, – посмеялся Носов с пастухами.

Виктор принес им банку, в которой светились три сквозные пробоины от дроби.

– Да, ничего, – оценили пастухи.

Виктор достал своего ИЖа со стволами получоками, штучного изготовления. Ружье било кучно. Зарядил дробью тройкой.

– Олеся, подкинь повыше.

– С коня неудобно.

– Давай я, – вызвался пастух.

Банка взлетела вверх, и Виктор поймал ее выстрелом в самой верхней точке, когда она на долю секунды замерла, чтобы начать падение на землю. Дробь порвала ее на две части, причем большая часть устремилась дальше и выше от них. Второй выстрел разорвал ту половину банки в клочья. Получился так называемый дуплет, как на тренировке на траншейном стенде, только здесь было гораздо легче, ведь скорость полета банки была меньше.

– Ну, блин, и семейка, – покачал головой пастух. – Вам лучше не попадаться на «большой дороге».

Чтобы не продолжать стрельбу, Виктор зачехлил ружья, потому как второй раз такой удачный выстрел может не получиться. У него этот прием был уже давно отработан, когда он стрелял на спор с коллегами по работе в тире. Он мог собраться и вложить в один выстрел все умение, которое приобрел долгими годами тренировок на стрельбищах. Виктор был всегда уверен, что на первый выстрел ему сопутствует еще удача, даже больше, чем мастерство, поэтому никогда не повторял этих трюков со стрельбой. Он всегда выигрывал споры, а попадания были иногда из области фокусов. Как это можно было из пневматической винтовки выстрелить «от пояса» метров с семи и попасть, не целясь, в капсюль патрона от пистолета Макарова, зажатого в щели дверной коробки. Об этом трюке его коллеги до сих пор вспоминают, так же как его выстрелы по канцелярским кнопкам из малокалиберной

винтовки за пятьдесят метров.

– Виктор, мы хотим вечерком пойти на уток. Куда лучше на Ключик или в Озерки?– спросил он совета у пастуха.

– В Озерках, в конце водохранилища их поболе будет. Только вы нам что-нибудь оставьте, а то всех пощелкаете с такой стрельбой.

– Да нам по одной штуке, и то мы их вам принесем. Олеся не любит с дичью возиться. Мы лучше что-нибудь домашнее приготовим, – Виктор вспомнил о моссоветовских бараньих шашлыках. И зачем им синеватые утки, где одни кости. Если бы с мужиками, то они бы быстро приготовили из них что-нибудь вкусное, а так лучше отдать пастухам. У них уже давно и патроны кончились.

А патроны кончались не только у них, а по всей стране. Не было в магазинах ни дроби, ни пороху. Про заряженные патроны и говорить нечего. Виктор попросил знакомых на Пермском заводе, где делают дробь, и ему прислали с проводником поезда двадцать килограмм дроби от утиной до картечи. Он отдал их своим друзьям охотникам, и они зарядили ему триста патронов, вместо платы за дробь. Теперь можно было палить направо и налево.

– Виктор, я смотрю, у тебя оба ружья двенадцатого калибра. Не можешь дать мне пяток патронов, а то мы уже полгода на голодном пайке. Последний патрон на лису еще зимой израсходовали. А лисы, как почувствовали, что у нас патронов нет, так давай по деревне кур таскать. Обнаглели. Даже днем в деревню заходят, – сказал Носов.

Виктор достал из машины три пачки патронов.

– Вот тебе две пачки на лис, а это на уток.

Носов аж глаза выпучил, а они у него и так были большими.

– Так это ж сколько стоит? Нет, я так не могу. Завтра будем резать поросенка. Приглашаю на печенку. И мясцом поделюсь.

– Вот за это спасибо.

– А если вы будете здесь пару дней, то и зайчика добуду. Потушите в сметане. А зимой могу лис настрелять. Вот твоей хозяйке шуба будет лисья – огневка, – сказал Носов.

– Ладно, Виктор, не будем загадывать. Да и лис надо хорошо выделать сначала. У меня, правда, хороший скорняк есть и ты его знаешь, Николай Федорович.

– Ну, так мы с ним и сговоримся.

– Олеся, хочешь шубу лисью?

– Посмотрим, какие шкуры будут, – она хлестанула рюмку коньяка и поскакала в сторону лесного озера.

А мужики опять налили водочки. Под такую закуску, на берегу реки водка даже с пивом совсем не забирала, а лилась внутрь как родниковая вода.

– Виктор, у тебя жена хоть куда. И красавица, и на коне, и стреляет, и даже выпить может с мужиками, – последний аргумент, видимо, больше всего убивал Носова, который, наверное, поставил Олесю в один ряд с местными девчонками и поэтому выделил.

– Она еще и поет, когда выпьет, – в такт ему продолжил Виктор.

Лукин прихватил с собой «Литературную газету» от 21 июня, в которой впервые рассказывалось, уже скандальным корреспондентом Щекочихиным, о событиях в Новочеркасске в 1962 году. Непосредственным участником тех событий был Виктор Носов. Этот русоволосых пастушок двадцать семь лет назад служил во внутренних войсках рядовым срочной службы и сразу после этих событий был досрочно демобилизован, так как от расстрела демонст-

рации рабочих, стоявших перед их оцеплением, солдаты получили психологическую травму. С них тогда взяли подписки о неразглашении государственной тайны, а эти события засекретили. Только не смог он носить эти ужасы в себе и тем же летом поделился впечатлениями с Виктором, который отдыхал в то время в деревне на школьных каникулах. Лукин никогда не страдал от отсутствия памяти. Она у него всегда была цепкой. Он все помнил детально о прошедших событиях у него на глазах, а этот рассказ Носова его детская память запечатлела на всю жизнь. Позже уже. на оперативной работе, он не упускал возможности пролить «свет» на эти события, будучи в командировках в районе Новочеркасска. Секретным это дело было в Кремле, где приняли такое решение. Но в южных областях о нем иногда вспоминали, ведь там были казачьи станицы, а они всегда повольнее рассуждали о советской действительности. Виктор специально взял эту статью в «Литературке», чтобы показать Носову, но решил это сделать не сразу. Вдруг он не захочет вспоминать те трагические события.

Вечером они с Олесей обули короткие резиновые сапожки и пошли искать уток на Озерки. На окраине деревни им встретилась целая стая пестрых куропаток, наверное, штук тридцать или более. Они выскочили из зарослей полыни с крапивой и бегом через дорогу по полю, в сторону стога соломы. За стогом садилось оранжевое солнце и ярко светило в глаза.

– А это кто? Куры? – спросила Олеся.

– Чуть поменьше будут. Куропатки.

– А можно по ним пальнуть?

– Нужно.

Они разом вскинул ружья, а куропатки тем временем

поднялись на крыло и низко полетели в сторону стога. Грянули четыре выстрела из обеих двустволок. По меньшей мере должны были упасть четыре куропатки, которые летели очень кучно. Целиться в них было не надо. Они летели рядом, метрах в двадцати, но навстречу яркому солнцу, уходящему за горизонт.

Виктор подошел к тому месту, где стаю настигла дробь, но не нашел ни одной куропатки. Они посмотрели им вслед, но и там не было видно, чтобы были подранки. Они перезарядили ружья и в азарте обошли стог, а там куропатки все так же спокойно что-то находили на земле и клевали, как будто по ним никто только что не стрелял. Вот что значит непуганые.

– Олеся, на земле бить дичь неприлично. Давай пугани их, а я их влет сниму.

Олеся сделала им «кыш-кыш» и они полетели. Виктор разрядил по ним два ствола, но эффект остался прежним. Олеся покатывалась со смеху:

– Вот увидели бы тебя сейчас пастухи, мастера спорта по стрельбе.

– Не понимаю. Заговоренные куропатки что ли?

Виктор переломил ружье и инжектор выбросил на землю две пустые бумажные гильзы. Только сейчас он обратил внимание, что это был «бекасинник». Очень мелкая дробь, от которой даже перья не полетели. Так немного больно ударил «бекасинник» по задницам куропаток, а там у них было достаточно жира и крепких перьев.

– Да, Олеся, патроны не той системы оказались. Не ту пачку взял. В патронташе есть четыре патрона на уток, а остальные на кабана.

– Хорошо, что у нас есть, что кушать, а то с таким охотником похудеешь.

– Ничего, сейчас заряжу нормальными патронами.

Они подошли к лесному озерку. На воде плавало около восьми уток.

– Надо стрелять их в воздухе, иначе из воды их не достать.

Олеся подошла поближе к берегу и оттуда одна за другой начали вылетать утки и селезни, но они летали в полуметре над водой. Сначала лапами бежали по воде, быстро взмахивая крыльями, как маленькие гидросамолеты, создавая много брызг, и плюхались в тростник на противоположной стороне озера.

– Ну, чего не стреляешь?

– А ты в воду за ней полезешь?

– Нет, конечно.

– И я тоже. Поэтому не стреляю. Доставай фотоаппарат.

Снимки взлетающих диких уток получились классные, и они пошли жарить шашлыки из баранины, которые запивали «Хванчкарой».

Ночи были уже прохладные. Всего-то на двести километров южнее от Москвы, а небо на берегу реки совсем другое. Звезды более яркие. Хорошо виден Млечный путь, Полярная звезда и, конечно, ковш Большой Медведицы. Время уже было некомариное. Но в том месте даже в мае по берегу реки не бывает комаров. Зато лягушек, сколько хочешь с их разноголосыми концертами. Вот они, наверное, всех комариков и полопали.

В начале лета соловьи заливаются при полной тишине, так как местные жители ложатся спать, как только стемнеет, а в деревне темнотища. Фонарей здесь ночных никогда не было. Только одна лампочка горит над входом в магазин, жуликов отпугивает. Вот только такая сигнализа-

ция в деревне.

– Поедем утром на пасеку. Пчел не боишься?

– Нет, конечно. С удовольствием. А это далеко?

– В Осаново. Там пасека в барском саду. Дядя Петя там заправляет с сыном. Медовухи попробуем. Ты не устала?

– Я бы еще чаю попила.

– Это я сейчас мигом самоварчик организую с родниковой водой.

– Может, из чайника.

– Нет, на пять минут дольше, зато с дымком. Ты отдыхай, я мигом.

Виктор налил в самовар родниковой воды, ловко расщепил туристическим топориком дрова на лучины да чуть покрупнее и бросил их в самовар. Легкий дымок появился из трубы самовара. Самовар сначала выдал клубы густого дыма, а затем из трубы вырвались языки пламени. Виктор только и успевал подбрасывать в топку дровишки. Через несколько минут самовар запыхтел паром и забурлил, выбрасывая капли кипятка через крышку. Виктор снял трубу и самовар поутих, но продолжал тихо шуршать на углях внутри. От самовара дом наполнился запахом костра и уюта. Олеся накрыла стол. И как было хорошо с ней вдвоем за чаем…

Утром на крыльце Виктор обнаружил трехлитровую банку холодного молока с толстым слоем сливок, которые были чуть темнее белого молока, чашу с творогом, крынку с простоквашей, поверх которой было не менее двух стаканов сметаны. Лукин знал местные молочные продукты. Рядом с дарами лежал кусок сбитого деревенского сливочного масла и записка от пастухов, что будить не стали и ждут в гости на берегу.

Позавтракав свежайшими молочными дарами, они тро-

нулись на пасеку. После деревни Иваньково спустились по крутому склону к развалинам часовни и святому источнику, колодец которого был выложен тесаным известняком в виде креста.

– А кто часовню развалил? Не Шурик ли из «Операции “Ы”»? Или в семнадцатом веке еще?

– Нет, Олеся. Эта часовня стояла пять веков до 1962 года, когда ее взорвали руководители шахт из Новомосковска по указанию партийных деятелей, – сказал Виктор.

– Но это были уже не тридцатые годы, когда церкви уничтожались.

– Вот именно. Взрыв прогремел днем в июле месяце. Я здесь с родителями отдыхал на каникулах. Столб кирпичной пыли поднялся до облаков и на пять километров был виден. Мы с ребятами прибежали сюда по берегу реки и увидели, что обломки часовни размером до метра улетели от взрыва на бугор метров за четыреста. Говорили, что эти нелюди заложили не один ящик тола. Такого добра на шахте хватало. А все из-за того, что в праздник 21 июля Казанской иконы Божьей Матери сюда приходили люди со всех окрестных областей на ночную службу. Здесь всегда в этот день большой базар. Народ купается в ледяной воде источника. Одни «смывали грехи», а другие принимали «ванны» в лечебных целях, а к вечеру все тихо расходились, набрав святой воды. В престольный праздник никто не работал. Они взорвали часовню, думая, что отучат народ от религиозных праздников, а получилось наоборот. Народу стало собираться гораздо больше. А теперь и молодежь подтянулась. Во время ночного богослужения здесь все склоны вокруг заполнены народом. В руках они держат зажженные свечи. Такое зрелище можно увидеть еще только в Иерусалиме.

– Я хочу приехать на Казанскую.

– Хорошо, не будем загадывать. А сейчас можешь умыться святой водой, и поехали наверх. Вон там, за липовой рощей, пасека.

Петро их встретил как дорогих гостей. Его сын Гришка раздул самовар. Накрыли стол и, конечно, не обошлось без медовухи. Они с сыном показали свое хозяйство и большой зимник, где ульи с пчелами, как медведи, укладывались на зимнюю спячку. Они очень сердились, когда у них отнимали мед, необходимый им для питания до весеннего цветения трав и липы. В период качки меда рядом с пасекой лучше не ходить, так как пчелы жалят всех и по несколько раз, видя в прохожих своих обидчиков. Агрессивными они становятся, защищая свои труды по сбору меда, а сейчас они успокоились и в зимнике. Несмотря на их большое скопление, можно не опасаться, что ужалят. Виктор, изрядно искусанный пчелами в детстве, до сих пор относился к ним с недоверием, даже в зимнике, а Олеся взяла в руки целый рой пчел, которых Гришка достал продемонстрировать.

– Я вам приготовил по баночке меда липового и гречишного, зимой пригодится, – сказал Петро.

Село Беломестное было тихим местечком, но Виктор составил программу активного отдыха.

– Поедем, заглянем к пастухам. Хочу узнать, что они хотят вечером сообразить, а то пойдем на рыбалку.

У Виктора Носова уже в одном ведре с холодной водой лежали потрошеные щуки, окуни и ерши, а в другом копошились раки. Костер, как обычно, полыхал. Оставалось только вывесить ведра над костром и через полчаса ужин готов.

– Да, серьезный подход к ужину, – сказал Лукин.

– Ты еще не видел главного. Мы сегодня утром гуся подстрелили. Килограмма на три потянет. Поэтому решили сегодня не резать поросенка. Здесь будем готовить гуся или возьмете с собой? – спросил Носов.

– Если позволишь, то я его здесь сделаю, чтобы дома не возиться. Олеся не кушает дикое мясо, поэтому дома мне некому помочь на кухне, – предложил Лукин.

– Да уж, с гусем лучше здесь разобраться. А я посмотрю, как охотники готовят гуся на берегу, – сказала Олеся.

– Ну блесни своими кулинарными способностями. Тебе его ощипать и опалить? – спросил Носов.

– Только крупные перья ощипать и выпотрошить, но печенку не выбрасывать.

– Мы так и сделали, да немного подсолили, чтобы не испортился.

– Не успеет испортиться. Давайте хорошенько промоем его изнутри. Потом мне нужны яблоки антоновские. Кусок сала нужен с мясными прослойками, как бекон.

– Мы решили сегодня не резать поросенка, но кусок сала с прослойкой найдем, а яблок антоновских сколько хочешь, – сказал Носов.

– Соль, перец и другие пряности у меня всегда в машине имеется.

Виктор тонко порезал бекон, а яблоки на четыре части без сердцевины. Гуся поперчил изнутри, набив его яблоками и беконом, так как дикий гусь немного суховат, а потом зашил его белыми нитками.

– Все, пускай он пока маринуется, а мне нужна белая глина. Виктор там вверх по ручью, знаешь? Там голубая и белая глина. Принесите и в ведерке замочите пока, – предложил Лукин.

Виктор сначала заготовил смесь из глины жидкую, как сметану, и опустил в нее гуся целиком. Олеся смотрела на него с нескрываемым интересом, как на гончара. Он и устроил это выступление специально для нее. Потом замесил глину погуще и обмазал гуся, сделав из него глиняный ком. На земле у пастухов был выложен очаг из камней, в которых нажгли достаточно углей. Виктор разгреб их и уложил гуся, накрыв его толстым слоем углей, а сверху бросил несколько поленьев для нужной температуры керамическому гусю.

– Виктор, ты что будешь, уху или рыбный суп? – спросил Лукин пастуха.

– А не все ли равно?

– Нет, конечно. Если с водкой, то будет рыбацкая уха, а если без нее, то рыбный суп.

– Тогда, конечно, ухи всем, – заулыбались пастухи.

Они и собрали сегодня сабантуй, чтобы московской водки выпить. Такого напитка давно уже не было в деревне. За самогон власти крепко наказывали и народ боялся гнать.

Под уху пропустили по сто граммов водки. Виктор перевернул гуся и подсыпал пышущих огнем углей, оставив его еще на час. За это время они еще отведали юшки из хищной рыбы. От щуки и окуней бульон в ухе всегда светлее и прозрачней. Виктор выкатил глиняный шар с гусем на травку и ударил по нему поленом. Глиняная скорлупа раскололась, как фарфоровая чашка на куски. Внутри осколков остались гусиные перья и части кожи.

– Ну, кулинар! Ты даешь! Готово? Можно наливать? – спросил Носов.

– Наливать можно, но еще один штрих с гусем, – сказал Лукин.

Виктор собрал в кучу еще пылающие жаром угли и соорудил мангал, а из шампуров решетку, на которую положил гуся, чтобы он подрумянился на углях. После его разломили на разделочной доске. Благоухание печеных яблок с беконом и гусиным жиром завораживал окружающих.

– Вот теперь можно под гуся, – сказал Лукин.

– Я тоже не откажусь от такой дичи. А что наливают «под дичь»?– улыбнулась Олеся.

Олесе Виктор предложил кусок сочной грудки, а запить шампанским, охлажденным в роднике. Все зачмокали языками, передавая, как вкусен гусь.

– Да, с тобой с голоду не помрешь. Я привыкла к кухонной посуде, а здесь глиной обмазал и в костер. Где тебя такому научили? – спросила Олеся.

– С детства в походной жизни с рюкзаками. Здесь, на речке, мы с друзьями так утку готовили. Потом вылазки на охоту и рыбалку. Да и в авиации во время расследований авиакатастроф надо уметь все, мало ли куда тебя закинут, – явно рисовался Лукин.

На самом деле он осваивал программу выживаемости у спецназовцев в армии. Но эта тема была закрытой.

Вечерело. Над рекой образовались облака тумана и потянулись к берегу вместе с прохладой.

– Ну что, есть предложение выпить до чая, – сказал Носов и поставил их походный самовар.

Родник протекал рядом с их стоянкой и горящие угли быстро раскочегарили самовар, который подпрыгивал от бурлящего кипятка. Пастухи тут же на берегу собрали подсохшие ягоды земляники и листья мяты, которая росла по всему берегу, и если коровы любили ее жевать, то молоко отдавало немного мятой.

– Чего здесь только нет. И душица, и чабрец, и зверобой, – сказал Лукин.

– Да, здесь есть все, кроме чая. Мы уже забыли, как он выглядит, – буркнул Носов.

– Я тебе оставлю свои запасы перед отъездом.

– Хорошо бы, а то мы давно перешли на зверобой. Да и желудки от него получаются луженые, что можно жареные гвозди переваривать. Давайте все-таки завтра к обеду на поросенка. Виктор, все давно хотел тебя спросить. Ты вот раньше приезжал сюда, капитаном был? – спросил Носов.

– Так это лет десять прошло.

– И кто ты теперь?

– Да полковником работаю, – отшутился Лукин.

– Да-а. Тебя многие в деревне вспоминают. Наверное, не было такого сада, где ты не попробовал бы яблочка. Бывало, он оборвет яблоки и угощает на вечерке девчат яблоками из их же сада. Только наша Валька однажды узнала по вкусу свой «Белый налив». Пришла домой – и точно, яблоня заметно поредела. Она родителям рассказала, а те милицию вызвали. Тогда участковый приезжал за тобой, но не нашел. Помнишь? – спросил Носов.

– Я тогда в шалаше жил и только увидел мотоцикл милицейский. Сразу дал тягу по речке в деревню Иваньково. Там у девчонок отсиделся. Когда пришел поздно домой, то родители передали пожелания участкового, чтобы больше не лазил по садам, иначе в другой раз точно найдет меня и накажет. Яблоки все съели на вечерке, а следов на траве не оставалось. Мало ли что Вальке показалось. Тоже мне, дегустатор нашлась, по вкусу определила свои яблоки. У нас в саду тоже «Белый налив» растет. Да и брал я ровно столько, сколько могли съесть, – сказал Лукин.

– Да я не к тому вспомнил. Просто интересно. А вот теперь полковник милиции. Наверное, и участкового можешь погонять за плохую работу.

– Конечно, если он гусей пасет во время работы. Но я не по той части.

– А что и генералом можешь быть?

– Легко, как говорил Чапаев Петьке. Только немного подучиться надо. Я уже окончил две Академии, так почему бы и не быть, – сказал Виктор, а сам подумал, что только и осталось красоваться перед пастухами и девчатами. – А если не получу генерала, то будет позор всему мировому пролетариату, как говорил Сема Давыдов. Да, кстати, как там Давыдовы поживают?

– У Валентины две дочери уже взрослые.

– Виктор, я случайно увидел одну статью в «Литературке» и вспомнил о тебе. Я все годы держал данное тебе слово, никому не рассказывать о том, что услышал от тебя. Да и пацаном я тогда был и во многое не верил. Теперь все совсем по-другому воспринимается. Ты почитай сам эту статью, так как пересказывать ее будет неинтересно, – сказал Лукин.

– Хорошо оставь газету, я потом прочитаю. А о чем эта статья?

– Ну сам взгляни и все поймешь.

Носов взял газету. Лукин показал статью, которую надо прочитать. Он пробежал бегло по заголовку, потом по статье и вдруг посерьезнел. Его глаза жадно вырывали строчки той статьи, прописанные кровью невинных жертв, павших на мирной демонстрации. Конечно, у любой «бузы» всегда найдутся хулиганствующие элементы и мародеры, но демонстрация все ровно была мирной. Народ хотел донести свои требования до руководства

страны, а власти должны были разобраться в действиях митингующих. Вместо этого прозвучала команда: «Огонь!» по демонстрантам с красными транспарантами и знаменами в руках. Среди абсолютного большинства демонстрантов не было агрессивных. Это было в точности, как 9 января 1905 года, известное в истории «Кровавое воскресение». Но только то было при царе, а это в СССР. Рушились остатки веры людей в справедливость власти и ее «народность». Она встала от народа по другую сторону «баррикад» и устроила кровавую бойню.

Расстрел в Новочеркасске доказал, что на XX-м и XXII-м съездах КПСС осудили культ личности Сталина его же соратники, у которых и тогда руки были не меньше в крови. А теперь они показали, что суть советского режима оставалась прежней. Для них гибель сотен невинных людей ничего не значила. Главное действовать по той же схеме: расстреляли народ и засекретили материалы, чтобы не всколыхнулся народ в других областях. Недовольных властью было много в стране-победительнице. Победили в самой страшной войне и бедствовали из-за нерадивых руководителей. И это в богатейшей стране! Архивы КГБ по расстрелу в Новочеркасске все еще были засекречены. Кто отдавал приказы, кто стрелял по демонстрантам с крыши горкома КПСС? Сколько человек погибло – неизвестно. Многие участники тех событий еще руководят государством и вряд ли позволят снять гриф секретности. «Литературка» описывала раннее утро на площади Новочеркасска. Многотысячная демонстрация рабочих местного завода с красными знаменами, цветами и портретами Ленина направилась к зданию горкома КПСС. Мотострелковой дивизии приказали перекрыть мост через реку Тузлов и атаковать демонстрантов танками. Генерал Мат-

вей Шапошников ответил: «Не вижу перед собой такого противника, которого следовало бы атаковать нашими танками». Он же отдал приказ: «Автоматы и карабины разрядить, боеприпасы сдать под ответственность командиров рот». На том военная карьера боевого генерала, Героя Советского Союза, получившего орден Ленина и «Золотую Звезду» в январе 1944 года за образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками, завершилась. Не мог он стрелять в народ…

Носов дочитал статью и молча плеснул в стакан водки. Залпом выпил и не закусывал. Они молча сидели вокруг костра и никто не решался разорвать тишину.

– И что думают по этому поводу полковники МВД? Будут ли возбуждать дело, наказывать тех, кто совершил те злодеяния?

– Вряд ли. Статью в «Литературке» написал скандальный журналист. Она, конечно, наделала шума в определенных кругах, но не более. Архивы все ровно держат в секрете. А значит, все публикации на уровне слухов.

– Но все правильно написано. Я, конечно, генерала Шапошникова лично не знал, но среди солдат были такие разговоры, что он пошел против своего руководства в отношении применения оружия против демонстрантов. И некоторые говорили, что по населению стреляли солдаты из оцепления, но это было не так. Я сам стоял в оцеплении и не мог произвести ни одного выстрела, потому что у меня патронов не было. А вот у нас за спиной с крыши горкома КПСС были отчетливо слышны винтовочные выстрелы и пулеметные очереди. Наверное, снайперы «работали», – сказал Носов.

– Нормально, да? Снайпера «работали» по мирной де-

монстрации?

– Да, там все ненормально было. Значит, не назовут настоящих виновников тех событий?

– Может быть, когда-нибудь, но не сейчас. Тебе сейчас сорок семь лет, а другим участникам событий гораздо больше. Но они держатся у руля государства и не допустят расследования. Во всяком случае, объективного, – сказал Лукин.

«Сколько же раз еще перепишут историю государства Российского?– подумал Лукин. – Ведь ее пишут политики и каждый под себя. Любое значимое событие в истории переписывалось в угоду правителям государства. А про Новочеркасск и говорить нечего. Ранее трагические события в Новочеркасске преподносили как антисоветские выступления несознательных рабочих против советской власти, в то время когда партия и Правительство неустанно заботится о благосостоянии народа. Теперь во времена гласности эти же события стали преподносить, как выступления сознательных рабочих против прогнившей советской системы, за демократию и свободу слова. На самом же деле не было ни того, ни другого. Рабочие хотели нормального отношения к себе и своим нуждам. Они хотели понять, как им выжить при повышении цен на продукты и снижении зарплаты. Но руководители не нашли нужных слов, чтобы пояснить сложившуюся ситуацию в стране, а некоторые поиздевались над нуждами народа. В результате произошел взрыв накопившихся эмоций. Народ выдвинул законные требования по улучшению их прожиточного уровня и просил довести эти требования до руководства государства. Но в ответ получили свинцовые пули. Так обычно поступают преступники, которые применяют оружие для устрашения. И здесь был расчет у

властей запугать народ, чтобы и мыслей не было выходить на площадь митинговать. Это им не 1 мая, когда они славили КПСС красными транспарантами. Власть испугалась. Она поняла силу народа, сплоченного общей бедой и доведенного до отчаяния. Именно с испуга власть показала звериный оскал социализма, хотя в те времена было принято употреблять это выражение применительно к капитализму.

А ведь в Новочеркасск в те дни прибыли высшие руководители страны. Здесь находился Козлов, второе лицо в государстве после Никиты Хрущева, знаменитый Микоян и еще половина Политбюро ЦК КПСС. Многих уже нет. Егор Лигачев в то время был заместителем заведующего отделом ЦК КПСС и тоже принимал участие в решении о кровавой развязке тех событий. Во всяком случае, он присутствовал при вынесении кровавого решения и не поступил, как генерал Шапошников. Более того, он недавно на Пленуме ЦК КПСС по кровавым событиям в Сумгаите поделился с товарищами по партии опытом, как они вводили войска в 1962 году в Новочеркасск и подавили митингующих. Он только не поделился, что была мирная демонстрация рабочих. Пастух, конечно, прав и расследование надо провести по тем событиям. Но кто будет расследовать и с какими задачами? Кто окажется виновным в тех событиях? Вопрос вопросов. Никто и никогда не найдет тех снайперов, что «работали» по митингующим, а также пулеметчиков, стрелявших с крыши горкома партии. А про руководителей страной, отдавших преступный приказ, и говорить нечего. Тайна осталась за семью печатями. Скорее всего, многие документы уничтожены. Исполнители преступных приказов замели следы».

– А мне хотелось бы, чтобы вызвали меня и моих сослу-

живцев в военную прокуратуру и допросили. Мы бы поставили, хотя бы в одном вопросе, точку, что мы не стреляли по митингующим. Насколько я понимаю, что нас комиссовали сразу после событий специально, чтобы можно было сослаться на солдат, якобы с испугу стрелявших в толпу. Если бы сделали мы из своих автоматов выстрелы в упор, то уложили бы не одну сотню людей. Мы слышали выстрелы из винтовок и пулеметов у себя за спиной, почему я даже невольно пригнулся.

– В этом ты прав. Первые пули прошлись по деревьям, где сидели любопытные мальчишки. Раненые посыпались на землю. Следы от пуль остались на памятнике Ленину. Те пули не могли быть из автоматов солдат в оцеплении. Характер всех ранений был не лобовым, а сверху вниз.

– Так значит, расследование было? – спросил Носов.

– Нет, никто ничего не расследовал. Я бывал по работе в тех местах. Лет через десять жуликов ловил. Твой рассказ я помнил с детства, поэтому интересовался у местных жителей. Не специально, конечно, а так в разговорах о наболевших вопросах. Только на площади были убиты выстрелами в голову около десяти человек. А это могли бы сделать снайперы с крыши.

– Вот что я говорил. Мы с сослуживцами так и думали, что «работают» снайперы. Но откуда они?

– Эта тайна, покрытая мраком. Известно одно, что в гостиницу Новочеркасска в тот день приехало 27 музыкантов, как значилось в их документах. В такие трагические моменты обычно отменяют все концерты в городе, а здесь прибыли три десятка артистов «веселить» народ. Кто может выселить проживающих в гостинице для размещения парней «из музкоманды»? Конечно же, не директор гостиницы. И совершенно понятно, что за музыкальные

инструменты были в их футлярах из-под контрабасов и виолончелей. Вот они могли дать «свой дьявольский концерт» с крыши Горкома партии для митингующих. Толпа от вида крови своих товарищей обезумела и разбежалась, а парни из «музкоманды» вечером тихо погрузили свои инструменты в автобус и выехали из города в неизвестном направлении, – сказал Лукин.

– Так кто же они были?

– Об этом никто и никогда не узнает, кроме официальной версии, что приезжали в город «парни музкоманды». Фамилии в гостинице остались наверняка липовыми, да их анкеты вскоре уничтожили. Ищи теперь ветра в поле. Секретная спецоперация, которая следов не оставляет, но это только предположения и не более. Если были снайперы, то реальная версия с музыкантами, но всего лишь версия. Солдаты в оцеплении были для них прикрытием. Говорили, что на следующий день на той площади был дан концерт с танцами. Возможно, также для прикрытия отъезда «парней из музкоманды». Сделать видимость, что музыканты были на самом деле. Поэтому и вас всех отправили по домам, чтобы вы в курилках не обсуждали происшедшие события и не сделали каких-нибудь ненужных выводов. А самое главное, чтобы с вами никто не общался в части, пока вы все были в куче. С вас взяли подписки о неразглашении государственной тайны. А материалы засекретили, после чего вас отпустили по домам. Поэтому я верю, что солдаты из оцепления в народ не стреляли. И ты, Виктор, можешь спать спокойно, – сказал Лукин.

– Да я и так спокоен. Но помню те разговоры, что солдаты из оцепления положили народ на площади. Спасибо тебе.

Лукин был доволен, что смог успокоить душу пастуха

Носова, который был ни в чем не виноват. Но его присутствие на площади во время трагических событий и «перевод стрелок» на солдат из оцепления не давали ему покоя все эти десятилетия. Но Лукин только и мог, что провести «разбор полетов» с пастухом Носовым. Кто бы ему позволил озвучить даже то, что он знал. Он же не корреспондент из «Литературки». Даже во времена гласности его могли лишить погон и обвинить в диссидентстве.

В их компании воцарилась тишина и первой ее нарушила Олеся:

– Виктор, мне очень интересно, слушая ваши рассказы. Но я, конечно, не могу знать, что тогда происходило в стране, потому что была совсем маленькой. А что было положительного в те времена?

Виктор вспомнил про одного зануду, который полчаса отвечал на обычный вопрос: «Как дела?» и улыбнулся.

– Я хорошо помню тот день. Трудящиеся с чувством глубокого удовлетворения узнали, что их по просьбе в ЦК КПСС и Совмине СССР приняли решение о повышении цен на мясо и молоко, – Виктор начал свой рассказ с улыбкой на лице. – Но в нашей семье это известие было встречено без того чувства, как у всех трудящихся. Мы понимали, что придется жить впроголодь. По ночам выстраивались очереди за мукой и крупой. Народ боялся пропустить завоз продуктов в магазин, а отпускали по одному килограмму в руки, поэтому стояли в очереди вместе с детьми. Народ попытался выяснить имена тех трудящихся «с чувством глубокого удовлетворения», но таких не было. На улице Горького и в Черемушках расклеили листовки с призывом к забастовке. Но в Москве ничего не случилось. Люди по-прежнему ходили на работу, матерно ругая Хрущева и вспоминая Сталина с Молотовым, кото-

рые ежегодно снижали цены. Я вспомнил пару анекдотов тех времен. Конечно, они утратили тот юмор и остроту, но надо сказать, что за любой из них можно было схлопотать до десяти лет тюрьмы, как за клевету на советскую власть:

– Два еврея стоят в очереди. Один из них причитает: «Мяса нет, молока нет, и цены растут, как на дрожжах. Сейчас бы Молотова». – «Что Вы говорите, какого молотого, хотя бы в зернах», – ответил другой еврей, картавя и на одесский манер. Один имел в виду Председателя правительства, а другой кофе молотый.

Только после этого Олеся засмеялась.

– Вот видишь, насколько анекдот утратил свою «соль». Такая же ситуация с двумя евреями в очереди, которые так же ропщут, что мяса нет, молока нет и крупа кончилась. В их разговор вмешался третий: «Вы знаете, за такие разговоры раньше расстреливали». Еврей испугался и бегом из магазина домой, где рассказал жене: «Ты знаешь, Сара, мы с Абрамом только что обсуждали, что в магазине стало нечего купить. А мне один товарищ в очереди сказал, что за такие разговоры раньше расстреливали. Я все понял. У них теперь и патронов нет».

На этот раз вся их компания рассмеялась, потому что анекдот был очень похож на теперешнюю обстановку в СССР. Но теперь за него не давали десять лет тюрьмы, как тридцать лет назад.

– А всего за два года до того, когда евреи рассказывали такие анекдоты, – продолжал Лукин, – мы ели на завтрак кашку с натуральным молочком или бутерброд с черной икрой на завтрак. Черная и красная икра свободно лежали в эмалированных лотках на прилавках магазинов, а рядом стояли бочки с такой же икрой. Ее продавали, как кваше-

ную капусту. Зернистая подороже, паюсная – подешевле. Вкуснейшую вареную колбаску «Любительскую» или «Докторскую» брали по 200 граммов. Она же была без консервантов и быстро портилась, а главное всегда была за прилавком. По всем магазинам молочные и мясные продукты завозили по ночам, хлеб же по несколько раз в день. Бывало, поинтересуешься у продавца о свежести хлеба. Она охотно отвечала: «Ночной». Это означало, что уже остыл. «Крабы в собственном соку» стояли в пирамидах для красоты на витринах магазинов, а стоили они на уровне банки килек в томате. Их никто не покупал. Куры были похожи на кур, а не на раздутых лягушек. Были и молоденькие цыплята. Их называли «синенькими», потому что были «обезжиренные» и натуральные, но цыплята-табака из них получались отменными. Из подмосковных деревень Лианозово, Алтуфьево молочницы привозили в город молоко, сметану, творог. Они же разносили по квартирам, где у них были постоянные клиенты. Рано утром просыпаешься, а в дверях стоит молочница с парным молочком и свежим творогом. Сливочное масло было маслом. Легко мазалось по хлебу тонким слоем, а сливки взбивались в пену. Попробуй взбить сейчас даже 30% сливки из магазина. Можешь месить их сутки без всякого результата. А какие были «Кулинарии» при всех ресторанах, где можно было купить полуфабрикаты ресторанного качества и даже некоторые готовые блюда. В «Праге» слоеные пирожки с мясом, корзиночки с салатом, заливные из мяса и рыба. Как же все было вкусно! Так мы питались в конце 50-х годов. Праздничный стол на 7 ноября, на 1 Мая – был сказкой! Печеночный паштет, холодец, лосось, осетрина, домашние соления, натуральные колбасы и ветчина. Пирожки с разными начинками – мясом, кар-

тошкой, капустой сами выпекали. И все под настоящие грузинские вина. Да и шампанское тогда было нормальное. А какие пирожные были! Корзиночки с грибками из безе, эклеры во рту таяли. А «картошка» или бисквит, пропитанный коньякоми с кремом. Все натуральное. Мороженое в кафе «Космос» на Горького было такое, какого больше никогда и нигде я не пробовал.

Наша семья не была богатой после того, как у нас все отобрали в 1930 году и всех отправили по лагерям с малыми детьми. Тогда время такое было, что если ты не кулак, то значит, шпион или террорист. Деда только полгода назад реабилитировали официально, а с 1939 года он руководил оборонным заводом без этого. Зарплаты хватало на все. Семья могла купить все, что я перечислил, но до начала 60-х. Потом вдруг все исчезло с прилавков магазинов, выросли цены. Зарплата стала ниже. Куда все могло деться? В том однозначно виновны руководители государства. Допустили к руководству неучей и двоечников. Вот и результат.

– Мой дедушка пропал на строительстве Беломорканала. А потом был реабилитирован,– с грустью сообщила Олеся.

– Мы с тобой обязательно съездим на Соловецкие острова и на Беломорканал поклониться нашим предкам.

Лукин разлил по стаканам водку и все молча выпили.

– Ну ладно, мужики, спасибо за хлеб-соль. Пойдем мы, посидим на своем крылечке, как Олеся?

– Да, наверное, пора. Приятная усталость, то ли от похождений и от впечатлений, – сказала Олеся.

– Давай будем спать, пока не надоест,– предложила дома Олеся.

– С удовольствием.

Но как ни пытался Виктор поспать больше положенного, не получалось. То коровы мычали, когда их выгоняли со двора в стадо на пастбище, а петухи еще раньше стали орать по всей деревне. Говорят, лисы их потаскали. Им еще есть, где разгуляться. В общем-то, на свежем воздухе он быстро высыпался и утром никаких последствий от выпивки. Вот что значит воздух и хорошая вода!

Олеся не хотела смотреть на живодерство с поросенком. И они спустились к реке немного позже, когда пастухи уже его опалили соломой и разделали. Виктор приготовил часть печенки на шампурах, как говорят «на крови». Она трещала на губах от сока и запеченной крови. Пастухи только успевали наливать по стаканам водку.

– Она у тебя не кончается. Сколько же ты привез? – спросил Носов.

– Ящик и еще немного, но уже на исходе. Поэтому пора уезжать. Вроде бы все успели попробовать.

– Мы тебе кусок мякоти отрубили. Возьмешь?

– А почему бы и нет. В Москве такого и на рынке не купишь.

Они приготовили шашлык, вернее, его поручили Виктору.

– Мы боимся испортить мясо. Его надо как-то мариновать, а мы не умеем.

– Его в Москве маринуют, потому что оно замороженное и в продаже с костями и жилами. Парное мясо просто режем на крупные куски и насаживаем на шампуры. Угли готовы? – спросил Лукин.

– Да, уже догорает костер.

– Мне нужна крупная соль и много зелени, петрушка. Кинза есть?

– Сейчас в огород мотнусь, здесь все в ста метрах от

реки.

– Тогда режьте пока огурцы и помидоры.

Носов принес целую охапку зелени.

– Так, порежь зелень в большую чашку, – Виктор уже крутил шашлыки над углями.

Как только они немного подрумянились, он насыпал в ладонь крупной соли и провел рукой по шампурам. Потом он снял сочные шашлыки с шампуров и перемешал их с зеленью, отчего они стали нежными и с запахом зелени.

– Да, я такого шашлыка еще не пробовал. Это выше всех похвал! Наверное, кавказцы позавидовали бы такой кухне, – сказал Носов.

– Конечно, они умеют только по-грузински или по-армянски. А я у них бывал везде. Могу сделать даже по-узбекски, но только не свинину, они ее не едят.

– Тебе надо книгу издать о кулинарии народов СССР.

– Почему СССР? Я и французские блюда могу, и болгарскую кухню знаю, – сказал Лукин.

– Я все поняла. На кухне мне делать нечего, иначе захаешь.

– Вот здесь ты не угадала. Я многое могу, но только не на домашней кухне. Так я могу стать хозяйкой, а ты хозяином, – улыбнулся Лукин.

– Хорошо. Но помогать будешь?

– Только, когда время будет свободное.

– Договорились.

– Да, Олеся, повезло тебе с мужем, – Виктор Носов так и не понял, почему они до сих пор делят домашнюю кухню.

– А мы еще за грибами не ходили, – сказала Олеся.

– Ну, с грибами здесь не очень. Набрать, конечно, можно, но находишься за ними. Я тебя отвезу за Оку в районе Касимов. Там, на границе с Горьковской областью,

белых грибов видимо-невидимо. Местные жители даже подосиновики и подберезовики там не собирают, а только белые, – сказал Виктор.

– А когда поедем?

– Приедем в Москву, я позвоню Борису или Михалычу, они держат вопрос на контроле и решим, когда ехать.

– Что-то уже домой захотелось.

– Так утром и поедем. Хорошо?

– Да, Виктор, а возьмешь с собой творог, сметану, молоко? – спросил Носов.

– Ну если лишнее, почему бы не взять. Ты утром заходи.

Носов утром приволок столько мясомолочных продуктов, что можно было бы ехать на рынок торговать. Виктор произвел с ним обмен. Отдал остатки водки вместе с ящиком и чай.

– Ты приезжай почаще, не забывай родные места.

– Как уж получится. А тебе спасибо за все удовольствия сразу.

– Да чего там. Ты нас тоже побаловал.

После обеда они были на Новослободской, на съемной квартире. Виктор не хотел даже случайных встреч, по его понятиям уже с бывшими родственниками, хотя еще и не развелся.

«Вот гарем открыл», – пошутил он про себя.

– Михалыч, привет. Как дела?– Виктор вечером набрал номер Анатолия Михайловича.

– Дважды звонили из Касимова. Там белый гриб пошел. Пора ехать.

– А мы готовы. Все уже в багажнике, ружья, удочки и корзины.

– Ты не один будешь?

– Да, если можно?

– Ага, значит, с женщиной. Но учти, там условия не как в доме отдыха. Все удобства на улице, – поспешил предупредить Михалыч.

– Ничего, белые грибы, да в таком количестве, как ты рассказывал, все неудобства сгладят.

– Вот это точно. Тогда выезжаем в шесть утра. Я жду тебя на Цветном бульваре.

Виктор положил трубку и повернулся к Олесе.

– Ну как, Олеся, успела отдохнуть? Мы утром выезжаем.

– Мой отдых – это горячий душ и чашка хорошего кофе, и я опять могу скитаться по глухим деревням.

– Если хочешь, можем остаться и немного побыть в Москве.

– Нет уж, давай поедем, а то грибы пройдут. Они нас ждать не будут.

– Мне нравится твой грибной азарт, впрочем, как и охотничий. А рыбалка на Оке вообще мировая. Да еще там озеро есть в лесу с карпами. Тебе понравится.

Михалыч с Борисом любит выезжать из Москвы рано утром, когда водители большегрузных автолюбителей еще изволят спать перед трудным днем. Виктор подъехал на Цветной бульвар. Рядом с Центральным рынком их ждал Михалыч с Борисом.

– Доброе утро. Познакомьтесь, Олеся, большая любительница собирать грибы, – сказал Виктор.

– Очень приятно. Анатолий Михайлович. Поехали, а то грибы разбегутся по лесу.

Олеся пошла в сторону машины, а Михалыч шепнул Виктору на ухо:

– Что-то сомневаюсь, парень, что тебе будет с ней до

грибов?

– Это еще почему?

– Так мне кажется, но одно скажу – молодец. Мы с твоей женой никогда не встречались на отдыхе и по гриб не ходили. Ты все один, да один, – Михалыч много не говорил, но подмечал всегда точно и большей частью с юмором, а здесь он был серьезен.

В утренние часы катить по Егорьевскому шоссе одно удовольствие. Шоссе извивается змейкой с крутыми поворотами по лесным массивам Подмосковья, практически не имея ни одной прямой, чтобы разогнаться. Шоссе можно было бы назвать – шоссе рыболовов, охотников, грибников и вообще любителей природы, которую тронула цивилизация только небольшими поселениями вдоль дороги. Проехали город Гжель с его сине-белой раскраской, а впереди многочисленные озера, где ловится и судак со щукой, и линь, язь, окунь, и, конечно же, плотва – местная вобла. Куровское озеро в сосновом бору. С озер только картины писать маслом. В озере Святое и Муромское под Шатурой попадаются крупные сазаны, лещи и карпы, но сегодня у их компании другие задачи. Их ждут белые. Дальше по ходу они проехали целый каскад озер и рек, как в Карелии, а знаменитая группа Мещерских озер может поспорить с Северной Швейцарией. Реликтовое озеро Белое славится чистейшей водой и глубиной более тридцати метров.

Михалыч внял просьбе компании, и они свернули налево к озеру Белое. Совершили небольшой привал, выпили чаю с бутербродами. Озеро находится как раз на полпути до Касимова в Мещерской низменности карстового происхождения. Дно озера покрыто мелким белым песком и равномерно углубляется от берега. На берегу озера рас-

положены шикарные санатории, но такой отдых не для их непоседливой компании. Олеся хорошо вписывалась в нее. Вода в озере настолько чистая и прозрачная, что видно дно на глубине в несколько метров, которое играет на солнце, особенно на мелководье у берегов, не заросшими тростниками, как другие соседние озера. Можно было остановиться где-нибудь здесь в Мещерском заповеднике. Он простирается между Егорьевским и Куйбышевским шоссе, а в диаметре более ста километров, где нет дорог и селений, поэтому здесь в изобилии грибы, ягоды и рыба.

Когда едешь по Егорьевскому шоссе, то на обочине дороги обычно продают чернику, малину, ежевику и грибы лисички, а возвращаешься через Рязань, то с другого края Мещеры в основном грибы белые, толстяки с красными шляпками и подберезовики. А нет здесь дорог и селений, потому как славится Мещера своими болотами, которые тянутся здесь непрерывной полосой и при разливе рек весной становятся совсем непроходимыми.

Такой красотой можно наслаждаться или пользоваться ее дарами только короткое время. А даров здесь у природы на сотни тысяч гектар от брусники, клюквы, черники до голубики, черной смородины и облепихи. Правда, белый гриб здесь не прижился, зато все остальное в изобилии. Есть здесь и глухари и тетерева, олени и лоси, но есть здесь и серьезные звери, как волки, рыси и медведи. Так что особо здесь не погуляешь по болотам.

Далее на их пути образовались по обочинам дороги развалы с изделиями из хрусталя. Здесь было выставлено все, что производит старинный завод в Гусь-Хрустальном. Интересно, куда раньше девался весь хрусталь, производимый на хрустальных заводах? Ведь на других трассах и рынках его не меньше выставлено. А раньше в магазинах

невозможно было купить даже рюмки. Неужели в братские страны экспортировали? Чудеса, да и только! Исчезает зарплата у шахтеров, пропадают некоторые виды продуктов, а тут появляется в огромных количествах керамика и хрусталь. Вот и перестроились. Однако все гораздо проще на самом деле. На хрустальных заводах перестали платить зарплату и работники получают ее теми изделиями, что производят. И не только на хрустальных заводах. Правда, никто в Правительстве не объяснил шахтерам, как им забирать свою продукцию. Может быть мешками? А что делать сталеварам или рабочим оборонной промышленности? Каждому по карману патронов или запчасти для самолетов?

Их автомобили продолжали катить по Егорьевскому шоссе среди сверкающего хрусталя. Виктор пока не думал, что вскоре его молодой семье понадобиться и хрусталь, а пока в его доме всего хватало. Как-нибудь поделят при разводе. Пока они просто отдыхали, и больше ни о чем не хотелось думать.

На выезде из Мещерского заповедника показался крутой берег реки Ока, на котором расположился самобытный город Касимов, основанный Юрием Долгоруким, одновременно вместе с Москвой, как пограничная крепость. Во время набегов татаро-монгол город был сожжен, но потом восстановлен. Как уж повелось на Руси, что важные события происходят в истории во времена борьбы за власть, когда теряют целые города и волости. Так было и с Василием Темным, когда великий князь боролся за московский престол. Ему помогали татарские царевичи Касим и Якуб, которые бежали от преследования своего брата, захватившего власть в Казани. Василий отдал им город, где образовалось Касимовское царство, которое просуще-

ствовало до конца семнадцатого века. Поэтому в городе свой уклад жизни и на рынке можно купить изделия из липы с красивой резьбой и валенки, а также конскую колбасу – козы, и татарские шерстяные и меховые изделия. А еще Касимов славится своим ювелирным заводом. О том нигде не пишут и не рассказывают, но Виктор знал многие скандальные истории о хищениях золота. А самая большая достопримечательность города красуется на Соборной площади – Вознесенский собор. Здесь же посреди города мечеть с минаретом и смотровой площадкой. Остается только радоваться за жителей Касимова, что во времена установления советской власти сохранились памятники старины, предающие городу особый колорит.

Далее они выехали к городу Елатьма со знаменитыми торговыми рядами, имеющими отношение к архитектору Висконти. В Елатьме их автомобили переправились на пароме через Оку, и они оказались в поселке Маяк. Далее дороги были только лесные, среди сосен по укатанному песку, поэтому после дождей дороги всегда сухие. У Михалыча здесь много знакомых, и на ночлег всех разместил. Он принес с пекарни горячего ржаного хлеба с поджаристой корочкой, предложив с парным молоком или творогом со сметаной.

Правый берег Оки наводнен многочисленными озерами на ширину около пяти километров, которые остаются при весеннем разливе реки с рыбой. На плотине реки Вянка разводили карпов, которых уже давно никто не ловит. Наверное, местные жители заелись и больше предпочитают ловить судаков и стерлядь в Оке. Возить же карпов на продажу через паром невыгодно. За лесом начинается Горьковская область, но дороги туда нет.

Народу в поселке Маяк проживает немного, да и им,

видимо, не до рыбалки и грибов. Вот и развелось здесь карпа столько, что он клюет даже на блестящий крючок, а уж если с червем или тестом, то у них, наверное, под водой драка, кто быстрей схватит. На берегу озера сохранились мостки для раздачи кормов, разделяющие водоем. На мостке утроилась Олеся с удочкой. Она ловко подсекала карпов весом до килограмма, которые вылетали из воды свечой, описывая в воздухе дугу, срывались с крючка и падали в противоположный водоем. На воде раздавался громкий шлепок и от сорвавшегося карпа оставались лишь круги на воде. От такого зрелища глаза у рыбачки сверкали и она снова пыталась уложить пойманного карпа на мостик.

– Олеся, ты их только подсеки, чтобы крючок зацепился, а потом вот так медленно подбирай леску катушкой и подводи карпа к мостку. Вот так, так, а теперь бери его сачком или попробуй тихо поднять на мостик, – подсказал Виктор рыбачке.

Олеся подняла рыбину на мостик, радость переполняла ее:

– А как мне снять его с крючка?

Да, это была для нее не самая большая проблема. Как насадить на крючок червяка, которого она не могла взять в руки. Карп бил хвостом по деревянному мостику, приближаясь к воде.

– Может, ты попробуешь на тесто ловить? – спросил Виктор, сняв с крючка карпа и нанизав нового червя.

– Нет, тесто они меньше любят, им свежака хочется. Михалыч червей в чайной заварке держит, – улыбнулась Олеся.

Так Виктор превратился в ассистента Олеси по рыбалке, так как сам не успевал закинуть удочку, как она уже

поднимала следующего карпа и просила помощи.

– Держи, держи свою удочку, ее карп утащил, – закричала Олеся.

Действительно карп, клюнувший на удочку Виктора, оказался более килограмма и утащил удочку вместе с катушкой. Чтобы не лазить в воду, пришлось удочку зацепить блесной спиннинга, и каково было удивление, когда увидели огромного карпа, похитителя удочки, который так и не смог сорваться с крючка.

– Ну, я думаю, на ужин нам достаточно рыбы, а солить ее ни к чему. Карп вкусный только свежий. Лучше завтра еще поймаем, – предложил Виктор.

– А кто будет готовить? – не просто так спросила Олеся, так как не любила чистить рыбу.

– Лучше Бориса никто не сделает рыбу, – Виктор сказал громко, чтобы Борис услышал, а он таскал карпов невдалеке от них.

– Неужели, а я думал, что лучше тебя никто не готовит, – отозвался Борис.

– Нет, шеф-повар ресторана «Узбекистан» вне конкуренции, – Виктор решил отъехать от «кухни».

– Ты давай, без своих заходов. Может быть, Олеся не знает, как ты готовишь, а нам не заливай, – пытается отбиться от кухни Борис.

– Ну хорошо, я приготовлю. Поможете мне?

– Мы-то знаем, как ему помогать. Это значит, что мы будем все готовить, а он руководить, – сообщил Борис.

– Хорошо, хорошо. Ну совсем малость. Борис, почисть рыбу и удали кости со спины, а брюхо оставь целым, но, конечно же, без потрохов.

– Олеся, сейчас что-то будет. Лукин включил свою кулинарию, для тебя устраивает гастроли, – подколол Миха-

лыч. – Ужин откладывается на неопределенное время, и я пока предлагаю тебе чашку кофе и бутерброды.

– Спасибо, Михалыч. Я чувствую, что это серьезно, – сказала Олеся.

– Нет, я, конечно, могу бросить рыбу в масло на сковородку, и через тридцать минут она будет на столе, тогда вы не вкусите всей прелести свежего карпа из китайской кухни, – предложил Виктор.

– Ну, тогда мы готовы потерпеть, – согласилась Олеся.

Дома Борис занялся рыбой, а Виктор разводил костер под таганком.

– Виктор, рыба готова. Немного подсолена и поперчена. Даже кости удалил, – сказал Борис.

– Борис, тебе цены нет. Я сейчас.

Виктор уже дожаривал на сковороде постный бекон, помидоры, «синенькие» баклажаны, лук и болгарский перец. Он купил все на рынке в Касимове, предполагая, что будет готовить карпа или просто аджаб сандал. Жаркое уложил в карпов со спины, поперек рыбы сделал острым ножом легкие надрезы, чтобы оставшиеся мелкие кости стали мягкими. Потом, обмотав ниткой, обжарил рыбу на большой чугунной сковороде на сильном огне до золотистой корочки, так что плавники хрустели. Каждому рыбаку и хозяину дома Андрею досталось по рыбине.

– Я столько не съем, – забастовала Олеся.

– Ты попробуй, другого блюда не будет, – предложил Виктор.

Приступили к трапезе, выпив по рюмке водки. Все кости из карпа вынуть невозможно, потому его кушали, осторожно перебирая губами. Вскоре компания загалдела наперебой.

– Я хоть и шеф-повар, но не пробовал ничего подоб-

ного. Олеся, он скрывал от нас свои кулинарные способности, – сообщил Борис, уплетая карпа со сложной начинкой.

– Вам только покажи, так враз окажешься поваром на всех рыбалках и охотах.

– Ну, мы согласны быть помощниками, – согласился Борис.

– Могу взять на себя только общее руководство.

– Вот, Олеся, запоминай, почему он большой начальник, а мы помощники. Потому что умеет кое-что лучше нас, и мы уже подчиненные, – подвел итог Михалыч.

– Хорошо, хорошо. Все оставим, как было. Все нагрузки поровну, и дежурство по кухне в порядке очереди, – предложил Виктор.

– А это как? – не поняла Олеся.

– Олеся, ты у нас гость, тебя это не касается. А так в нашей компании заведено дежурить по кухне. Утром в шесть часов завтрак, и все уходят на рыбалку или за грибами, а дежурный должен всех встретить горячим обедом, а потом и ужином.

– И что дежурный целый день на кухне?

– Это, кто как может. Вот Виктор один раз на Волге накануне своего дежурства приготовил баклажанную икру, ухи наварил котелок, а в большом котле заделал казацкий кулеш из пшена. Потом только разогревал и кормил нашу компанию, а сам участвовал во всех рыбалках с раннего утра до вечера. Сначала все возмутились, что он их кашей пшенной кормит целый день, но к вечеру так привыкли к его вкусному кулешу, что просили добавки и приготовить еще раз. Вот я и говорю, что некоторые из любого положения вывернуться, – улыбнулся Михалыч.

Он промолчал о том, когда Виктор в свое очередное де-

журство пригласил двух студенток из Волгограда, которые на ближайших полях около хутора Глухое собирали совхозные помидоры в стройотряде. Он с ними устроил вечеринку с шампанским, и они на следующий день накрыли стол для их компании разносолами, даже заливное из судака было. Благо, что в том краю все плавает в воде и растет на земле, что не надо ходить на рынок.

– Кому чай, кофе? И всем спать. Подъем на рассвете и в подход за белыми, – сообщил Михалыч, как главный специалист по грибам.

Привыкли они в Подмосковье уходить за грибами на целый день. А

чтобы набрать корзину хороших грибов, то пятки до заднего места стопчешь. Возвращаешься весь в осенней паутине, да еще дождь промочит. Приходишь домой, и уже не до грибов, только горячий душ и сто грамм водки. Ну а потом, может быть, и грибами можно было заняться. Здесь же была совсем другая картина. Лес начинался сразу за околицей поселка, но поехали за грибами на машинах по песчаным лесным дорожкам. В лесу в основном преобладали сосны и немного берез. Трава была мелкая и короткая, как на английском газоне, а местами переходила в мох.

– Ой, стой. Тормози, грибы! – воскликнула Олеся с азартом.

Они отъехали от села не более пятисот метров. Белые грибы стояли как на картинке высотой не более десяти сантиметров, а другие и того меньше. Не надо было бродить по лесу. Они остановились и прошлись по обочине в десяти метрах от проселка. Сразу срезали штук тридцать белых грибов, а когда возвращались к машине, то еще почти столько же.

– Я еще ни разу не собирала грибы на машине. Поехали

дальше, но очень медленно, – сказала Олеся.

Они сделали еще три остановки. Это была прогулка по чистому лесу, похожему на парк, как будто перед их приездом здесь провели субботник. А, может, скорее от того здесь чисто, что народ здесь не ходит и не мусорит, потому как народу здесь нет. Кто живет в поселке, то им не до грибов и рыбы, а может, уже надоели. Через час у каждого в корзине было не менее двухсот белых. Других грибов здесь было мало, и они их не брали.

– И что будем делать с таким количеством грибов? Вот сейчас бы банки и засолить, – сказала Олеся.

– С банками здесь туго. Они молоко в них разливают, и вряд ли хоть одну банку найдем. Надо было из Москвы везти, – сказал Михалыч.

– Михалыч знает, что делать с грибами. Недаром хлебопекарню задобрил гостинцами столицы, – успокоил беспокойства Олеси Борис.

– Да, все очень просто. Дома почистим грибы, хотя они и так чистые. К ним песок не прилипает. Так слегка отряхнуть и на пекарню в сушку. Они уже утром хлеб испекли, и печи сейчас имеют нужную температуру для сушки грибов, – подтвердил его слова Михалыч.

После сушки грибы немного отдавали печеным ржаным хлебушком, оттого аромат белых грибов только выигрывал. Их «грибной улов» уместился на снизках.

– Вот зимняя заготовка, и ничего с ними не будет в хранении. Может быть, завтра еще заход сделаем? Как народ? – предложил Михалыч.

Все одобрили это предложение и начали молча уминать с чугунной сковороды жареные грибы в сметане с лучком и картошкой. Михалыч, кроме чая, не пьет ничего, а Борис присоединился к Виктору и Олесе по части водочки. Ох, и

хорошо на природных закусках, которые сам добыл, да еще в таких глухих местах, где нет никакой цивилизации!

В Москву они возвращались налегке. Обычно Виктор тащил с собой и рыбу, и грибы свежие, чтобы угостить друзей, собрать дома компанию. А теперь не было места для сборов. Он не афишировал свои отношения с Олесей. Зачем «дразнить гусей» раньше времени? У него по такому поводу был богатый опыт конспирации, отработанный на встречах с француженкой, что о ней мало кто знал на протяжении долгих лет. Хоть они и расстались уже три года назад и, похоже, окончательно, но ведь, бывает, что и припомниться что-нибудь хорошее из их совместной жизни, а у них все было только хорошее и отличное. Все это было, но их союз не имел никакой перспективы. Любовь была бесшабашная. Они особо не задумывались о будущем, потому что оно было для них призрачным. И надо было расставаться. Как говорят, «клин клином вышибают». И он рад, что этим красивым клинышком стала Олеся, которая вывела его из того, казалось бы, вечного пике. Он еще по инерции иногда их сравнивал по поведению и характеру. Внешне Олеся давно уже выиграла, а теперь не уступала ни в чем. Она москвичка, и если выйдет за него замуж, то уже не из-за прописки в Москве или квартиры. Он вспомнил жену Дашу. Свою квартиру ему еще предстоит отстаивать, а пока жилье придется снимать. Перед Олесей он пустой, как барабан, сел в машину и увез ее из дома. Цыган, да и только.

У Виктора появилась идея показать Олесе Самарканд. Познакомить ее со своими друзьями из того древнейшего города. С Черного моря он только что сбежал и не хотел туда возвращаться, а поездка в Самарканд было необычным путешествием, а главное, что сейчас он летел туда без

ностальгии по прежним годам и встречам.

Он рассказал Олесе о «жемчужине исламского мира», столице могущественного Тамерлана, который воевал тридцать пять лет и создал огромную империю от Волги до Индии и Босфора. Тимур трижды громил Золотую Орду в конце четырнадцатого века. Он прошелся по южным областям России, громя монгол. Вероятно, своими походами ускорил окончание татаро-монгольского ига над Россией. Конечно, он не был ее освободителем, а, скорее, хотел завоевать ее земли. Он завоевал Северную Индию и разбил турок. Одно сражение Тимура было недалеко от села Беломестного, когда тот громил Золотую Орду. В 1395 году он разбил Тохтамыша на Тереке и преследовал его до самого города Ельца, что недалеко от реки Проня. Правда, Елец был разрушен, но он был золотоордынский. И Виктору еще в детстве хотелось заглянуть на родину великого воина. Да, именно на родину, в горный кишлак в пятидесяти километрах от Самарканда рядом с Таджикистаном. От того кишлака до села Беломестное в Тульской области было четыре тысячи километров, а в Средние века воины протопали тот путь пешком или на конях, а сейчас на самолете за четыре часа. В Москве совсем не хотелось проводить отпуск, и они с Олесей решали, куда поехать и что еще посмотреть.

– А можно в Самарканд? Давно уже мечтаю, – спросила Олеся.

– Легко, только перелет будет четыре часа в один конец. Выдержишь?

– Если коньяку возьмешь с собой в самолет, то ничего.

– Тогда вопрос решен. Сейчас позвоню Нарзулле и договорюсь о гостинице.

Виктор набрал его телефон в Самарканде, который

еще помнил.

– Да, я слушаю, – по-русски ответила его жена Шейра, – Виктор, Вы где? В Москве? А когда приедете к нам в гости? – засыпала она его вопросами.

– Шейра, вот как раз собираемся прилететь, хотел бы с Нарзуллой договориться, чтобы встретил и гостиницу заказал.

– А ты с кем будешь, с женой?

– Можно и так сказать.

– Сейчас дам Нарзулло, но запомни, что если остановишься в гостинице, ты мне больше не друг. Нарзулло поставил большой дом, так что места хватит. Тебя с женой устроит гостевая комната с отдельным входом со двора. Вот, и не мечтай о гостинице.

– Виктор, здравствуй. Конечно же, тебя встречу, и все будет в порядке, не волнуйся. Вовремя я подошел, иначе у тебя деньги быстро бы кончились, ты же знаешь, как Шейра любит поговорить.

– Спасибо, Нарзулло. У меня только одно пожелание, поменьше сидеть за пловом и больше посмотреть город. Я, кстати, бывал у вас уже восемь раз, но город толком не видел.

– Это легко поправить. Я попрошу своего родственника, он вам организует экскурсию. Он директор бюро путешествий области.

– И зовут его Эркин Ганиевич?

– Да, конечно. Ты с ним знаком.

– Но обычно экскурсии начинались в его кабинете, потом в ресторане «Юбилейный» напротив кабинета, потом чайхана, караван-сарай и заканчивалась эта пьянка на бахче под арбуз и дыню. Из всех исторических достопримечательностей был только караван-сарай.

– Нет, все будет по-честному. Сначала экскурсия по городу.

– Тогда иду брать билеты и вылетаю. Скажи, что привезти в подарок?

– Себя. У нас в Самарканде все есть. Это в Москве Перестройка, а мы живем по-старому.

– Хорошо, до встречи.

Виктор в подвалах гастронома «Москва» затарился московской кондитерской, водкой и колбасой. Даже если в Самарканде все есть, то не того качества. В полете Олеся приняла, как успокоительную дозу коньяка, так как панически боялась летать. В Самарканд прилетели ночью. Нарзулло встретил их в аэропорту. Дом он построил на своей старинной усадьбе в центре города недалеко от Регистана в Коммунистическом тупике. Как могли пропустить в обкоме партии и так назвать тупик, да еще в самом центре города, где столько иностранцев бывает. У кого-то с юмором было все в порядке или «Восток – дело тонкое».

Шейра стол накрыла праздничный, несмотря на поздний час. Они с Нарзуллой хорошо выпили, как обычно. Шейра успела шепнуть Виктору несколько одобрительных слов в адрес Олеси, которые он и сам уже знал, но приятно, что его друзьям она понравилась.

– Я провожу Олесю отдыхать, а вы пока с Нарзуллой можете потрепаться. Вы никому не мешаете.

– Шейра, может, я помогу убрать со стола?– спросила Олеся.

– Нет-нет, я все сама.

Шейра, может быть, еще и посидела бы с нами, но она постоянно трещала и встревала в разговор. Нарзулло к ней относился нежно, и так же нежно он ее спросил с улыбкой:

– Женщина, ты все сказала?

Шейра заулыбалась и поняла, что ей пора идти на кухню, а потом готовиться ко сну.

Утром их экскурсия началась с городского базара, размером больше Красной площади. Потом магазины. На самом деле, в магазинах было все, что пропало с прилавков в Москве. Но больше всего их удивили развалы с книгами на русском языке, которые здесь никто не покупал. За такие книги в Москве сначала сдавали десятки килограммов макулатуры, а потом бегали с талонами по магазинам в поисках нужных книг, высчитывая, сколько килограмм надо сдать газет и журналов. Они купили с Олесей всю серию книг об Анжелике с королем Франции и много зарубежных детективов.

– Виктор, я предлагаю поздний завтрак. Шейра приготовила люля из баранины и шашлыки, а плов будет в бюро путешествий, нас там ждут.

– Нарзулло, но ты же обещал.

– Да, конечно, сначала знакомство с городом, как договорились.

Эркин встретил их с восточной улыбкой и, как обычно, с шуткой:

– Виктор, который раз ты приезжаешь в Самарканд, и все с новой женой, и одна другой краше.

– Эркин, я очень рад, что ты Олесю считаешь красивей всех, – засмеялся Виктор.

Эркин увидел, что Олеся улыбалась, и они не обиделись на его солдатскую шутку по поводу его «многоженства».

– Вижу, что у вас с юмором все в порядке. Сейчас дам вам гида и свою машину.

В кабинет вошла стройная темноволосая Нина, его экскурсовод по городу.

– Нина, покажи им Самарканд и начни с обсерватории Улугбека, а через два часа я жду тебя с гостями в кабинете, поедем на экскурсию с узбекской кухней.

– Хорошо, я все поняла, – улыбнулась Нина.

В машине, пока ехали, Виктор сам многое узнал о Самарканде, где провел в общей сложности несколько счастливых месяцев весной и в знойную жару и даже видел зиму среди песков.

– Самарканд возник примерно за два тысячелетия до нашей эры, – начала свой рассказ экскурсовод Нина. – Первое название было известно, как Афросиаб, потом у греков его звали Мараканда. Он постоянно находился под ударами завоевателей из-за своего выгодного географического положения. Когда он был завоеван Александром Македонским, то был столицей древней Персии и превратился в торговый центр между Китаем и странами Средиземноморья, так как находился на Шелковом Пути. В начале восьмого века его захватили арабы и сделали центром мусульманской культуры, но в 1220 году город был полностью разрушен Чингисханом. Только Тамерлан и его потомки воссоздали его во всем величии, что мы сейчас и наблюдаем. Но не все вечно. Империя Тимура так же пала, как и многие другие. В 1500 году кочевые узбеки завоевали Самарканд.

Их автомобиль «Волга» выехала на окраину Самарканда.

– А сейчас мы подъезжаем к обсерватории пятнадцатого века, основанной одним из последних правителей империи из рода Тимура, его внуком Улугбеком, который был великим ученым, – продолжила Нина. – Астрономия была его главным интересом. Он построил обсерваторию и составил описание звездного неба, определил длину года

и первым написал о существовании другого материка, Америки. Правителем он был слабее, чем в науке, и его жизнь оборвалась трагически после конфликта и войны со старшим сыном. Обсерватория была построена им в 1428 году, и только через полтора века Джордано Бруно написал о бесконечности вселенной и мирах, что Земля является такой же звездой в своей солнечной системе, как и многие на небе. За еретические мысли его пытали в тюрьме семь лет, а потом сожгли на костре в 1600 году. «А, все-таки она вертится» и «Сжечь – не значит опровергнуть», – были последними фразами Джордано Бруно.

От обсерватории они переехали на площадь Регистана.

– И этот знаменитый ансамбль начинал строить Улугбек, соорудив одно из медресе Регистана. Во времена Тимура здесь проводились публичные казни. Здесь собирался народ по призыву медных труб, чтобы выслушать очередной указ. И только через двести лет было построены другие два медресе – для подготовки мусульманского духовенства. Таким был средневековый университет Улугбека. Обратите внимание на минареты по краям каждого медресе. На портальной арке видите изображение солнца с человеческим лицом в лучах нимба и львы, гоняющие лань. Самарканд стал отстраиваться Тимуром после похода в Индию, откуда он вернулся с огромными богатствами. Вряд ли какой другой город в Средней Азии подвергался бы таким нападениям и разрушениям, как Самарканд, который своим богатством и величием будоражил умы и алчные глаза завоевателей. Наверное, награбленное не давало покоя городу.

Виктор с Олесей отвлеклись на секунду на книжный развал посреди площади Регистан, а когда повернулись, то нигде не нашли своего экскурсовода Нину. Бюро путеше-

ствий находилось как раз напротив Регистана, и они отправились туда. За столом сидел улыбающийся Эркин и рядом Нарзулло.

– Прибыли вовремя. Поехали. Нас ждут в чайхане. Как экскурсия? – спросил Эркин.

– Все хорошо, но мы не успели поблагодарить экскурсовода Нину. Она исчезла, – сказала Олеся.

– Она пришла и доложила, что экскурсия окончена, а вы, высокие мои, стояли посреди площади Регистан, как два минарета и целовались. Вам не до экскурсии было. Вот она позавидовала вам и тихо ушла.

– Что-то я такого не помню, Олеся? – пожал плечами Виктор.

– Может, и было, но немного.

– В общем, Нина выполнила задачу. Два часа отработала. Я ее отпустил с другой группой, которые не будут целоваться по время экскурсии. А сейчас все по машинам, – улыбнулся Эркин.

Чайхана была за городом на берегу Заравшана. Летняя жара уже спала. В чайхане было очень уютно. Сидели за низким столом, а некоторые вместе с Виктором полулежа на коврах. Им тут же принесли подушки различных размеров и подложили под разные части тела, чтобы зафиксировать, выбранное ими положение. Олеся только улыбалась:

– После такого обеда нужен будет подъемный кран, чтобы выйти из-за стола.

– Это не проблема, правда, Александр Давидович? У тебя на заводе есть свободная техника? – пошутил Эркин, обращаясь к директору механического завода, с которым они дружили.

Лукин был знаком с ним ранее. Он раньше проживал в

Москве, а сейчас там остались его дети.

– Любой кран подгоним, – улыбнулся Давидович.

– Тогда продолжаем пир.

После плова принесли шашлыки из баранины. Мясо местное отличается от московского запахом курдючного жира и нежностью. Даже после обильного перекуса пловом баранина пошла "на ура". После водки в пиалы наливали зеленый чай, чтобы запить жирную пищу, а потом опять водку. На столе появились арбуз, дыня, виноград и самаркандские яблоки, которые в другом месте не попробуешь. А гранаты огромные по размерам были разломаны на четыре части и зерна малинового цвета высыпались из них на блюдо. Все росло у них во дворах и садах. Настоящие сказки Востока.

Домой они вернулись с Нарзулло поздно.

– Все, завтра я взяла выходной, и вы мои гости. Буду готовить плов, а утром я вас отвезу в магазин за шмотками, – заявила Шейра.

– Да, нам вроде бы ничего не надо, – сказал Виктор.

– Я сама лучше знаю. У меня в магазине хлопкового совхоза подпруга работает. Вот там одежда и обувь такая, как у вас в Москве в «Березке» на валюту продают. А здесь это никому не надо. Зачем колхознику в поле на уборке хлопка обувь «Саламандра» или дубленки и шапки норковые с мохеровыми шарфами?

– Не может быть? – удивилась Олеся.

– Вот поэтому поедем Нарзуллошка по магазинам. Удивим гостей. Заодно пусть посмотрят, как хлопок растет. Его скоро будут собирать, – сказала Шейра.

– Я только утром на работу загляну. Хочешь, вместе поедем, Виктор. Наши коллеги о тебе спрашивали. Им будет приятно пообщаться с полковником из МВД СССР, осо-

бенно Убайдову.

– А он еще трудится?

– И о тебе спрашивал.

– Тогда обязательно заедем утром.

– Нарзулло, только на работе без плова хорошо? – предупредила Шейра. – А мы пока с Олесей выспимся.

– Вот это правильно, – поддержала ее Олеся.

В областном УВД неудобно бы представителю Центрального аппарата появляться в свитере. Виктор облачился в костюм и галстук. Почти все сотрудники были на своих местах, кроме двоих перешедших на повышение в МВД Узбекистана. Разборки следственной бригады Генпрокуратуры Гдляна не коснулись Самарканда. Сотрудники УВД помнили, что Лукин три года назад отказался от предложенной ему должности первого заместителя УВД Самаркандской области по оперативной работе.

– А теперь, где Вы работаете? Видим, что не съели Вас за отказ от должности в нашем УВД, – спросил начальник спецслужбы Убайдов.

– Теперь я в Совете Министров СССР представляю МВД, – Виктор для пущей убедительности показал ему удостоверение с Кремлем.

Конечно же, его выпендреж нужен был для имиджа Нарзулло, а Убайдов всегда почему-то считал Лукина внедренным сотрудником КГБ и теперь его догадки будут еще прочнее. Как может полковник МВД работать в Совете Министров? Виктор только улыбался, видя растерянное лицо узбекского коллеги, да и других тоже. Им теперь надолго хватит обсуждать его службу, совершенно не зная ничего о ней.

– А Вы с женой приехали? С француженкой? – Убайдову не терпелось выяснить подробности.

– Нет, с москвичкой и русской. Все меняется в нашем королевстве, и мы тоже.

– Хорошо, когда все к лучшему. Как насчет чайханы в нашей компании? – спросил Убайдов.

Виктор отклонил его предложение пообедать. Он знал, что чай закончится пловом к обеду, мягко переходящему в ужин.

– Большое вам спасибо, но у меня короткая программа с женой. Хотелось бы все успеть. Рад был всех видеть в полном здравии и на работе, чтобы и в дальнейшем не коснулись вас новшества в худшую сторону.

– И все-таки, если найдете свободные пару часов, скажите Нарзулло, мы с удовольствием посидим с Вами за столом, – сказал Убайдов.

– Хорошо, спасибо коллега, – поблагодарил на прощание Лукин.

Ему припомнилась их встреча десять лет назад в валютном баре гостиницы «Самарканд», когда они с Лаурой там отдыхали и веселились под модные импортные напитки, расплачиваясь французскими франками. Бармен проявил бдительность и позвонил Убайдову, а дело было к полуночи, поэтому поднял того дома с постели. И каково было разочарование Убайдова, когда он увидел улыбающееся лицо Лукина. У него сорвалось задержание за нарушение валютных операций, а бармен попал на угощение всей компании за проявленную бдительность. Лукин знал, что в таких местах обслуживающий персонал постукивает спецслужбам, поэтому ожидал что-то подобное, но не начальника спецслужбы УВД Убайдова. Ему мерещились сотрудники КГБ, которые якобы проверяют его деятельность, поэтому он и думал про Лукина, что он из той службы. Должность у него была теплая и, наверное,

приносила какие-то левые доходы. Лукин не старался переубедить его в обратном, чтобы тот не потерял сон, а относился к этому с шуткой, которую поддерживал Нарзулло.

Лукин с Олесей в компании с Шейрой и Нарзуллой выехали за город в хлопковые поля. Кусты были не очень высокими, и на каждом десятками сумочек с хлопком, как комки ваты. Помесив пыль на грядках, они пощупали комочки хлопка и поехали в магазин, где знакомая Шейры предложила им за рубли валютные товары по меркам Москвы, которые можно было купить только в магазинах «Березка». Они купили себе по зимним сапогам, две шапки енотовые и шарфы мохеровые. Такой товар в Узбекистане не пользуется спросом. Лукин не мог себе представить узбека в пушистой енотовой шапке. Дубленки продавались по талонам за сданный хлопок. Он знал, что такие магазины существуют и в русских селеньях, но там были установлены такие нормы для колхозников на сдачу сена, зерна и мяса, что они всем колхозом не смогли бы получить талон на покупку дубленки. А в Узбекистан завезли зимние товары, чтобы была видна забота о братских республиках. Дефицитные товары украшали сельмаги и не более.

– Если будете в Самарканде еще пару дней, я договорюсь с кем-нибудь из колхозников. Они выпишут нужный размер. Вам дубленку мужскую или женскую? – спросила заведующая сельским магазином «Промтовары».

– Женскую, – попросил Виктор.

– Зачем, у меня шуба есть. Купи себе, – пыталась уступить Олеся.

– Тогда и ту и другую, если можно, – сказал Виктор.

– Я постараюсь и позвоню Шейре завтра.

– Виктор у тебя денег хватит, я могу одолжить, – предложил Нарзулло.

– На покупки хватит. А а вот на билеты добавишь? – прикинул свои расходы Виктор.

– Конечно. Я скоро буду в Москве, там и отдашь, – согласился Нарзулло.

– Договорились.

– Виктор, хорошо с тобой отдыхать. С Прони мед везем, с Оки сушеные грибы, а в Самарканде обулись и оделись, да еще книг прикупили. Как у тебя на самом деле с финансами? – поинтересовалась Олеся.

– Вроде бы ничего. На свадьбу хватит, а там видно будет.

Они сделали нужные покупки, так как дело шло к зиме, а он вышел из дома в одном костюме и охотничьих доспехах. У Виктора еще на сберкнижке лежала приличная сумма. Он особо не тратился на нужды семьи, предвидя, что может быть такой оборот и деньги еще понадобятся. В общем-то, копил он на другую машину, но теперь и эта его устраивала.

Конечно же, Шейра приложила все усилия, чтобы ее гости улетели с подарками в Москву, а это были на самом деле подарки. На следующий день Шейра позвонила подруге в магазин и та сообщила, что все отложено, и она может приехать с москвичами. Дубленки к зиме были, как никогда, кстати. Виктор предложил Шейре как-то отблагодарить ее подругу, но она наотрез отказалась, сообщив, что это их дела, и они сами разберутся.

– Привыкли там, в Москве, за все взятки давать, а говорите, что это только в Узбекистане, – пошутила Шейра.

Пора было возвращаться в Москву. У жены Лукина заканчивался отпуск в Анапе, откуда его вызвала Олеся, и

надо было решать бракоразводные вопросы.

Нарзулло проводил их до аэропорта и через четыре часа они приземлились в Домодедово. Дома в почтовом ящике лежало извещение о телеграмме.

«Наверное, от Даши из Анапы» – подумал Виктор.

Он позвонил на почту. Ему зачитали текст телеграммы, что дозвониться не смогла и просила встретить во Внуково завтра. Через некоторое время позвонил тесть Николай Сергеевич и спросил, сможет ли он встретить Дашу, а они с женой подъедут к ним на квартиру переговорить. Виктор подтвердил, что встретит Дашу и готов переговорить с ними.

– Олеся, завтра мне предстоит разговор с женой и ее родителями. Как освобожусь, сразу приеду домой. Будешь дома?– спросил Виктор.

– Конечно же, у нас дома. Постарайся без шума.

– Мне шуметь не о чем.

– Вот и хорошо.

Во Внуково он ожидал около турникета, где выходили прилетевшие пассажиры. Даша вышла довольная, загоревшая и посвежевшая. Правильно он сделал, что не стал портить ей отпуск на море.

– Я тебе звонила каждый день. Ты что, дома не живешь? – спокойно поинтересовалась она.

– Да, я постоянно в разъездах. Домой заезжал только сменить одежду и белье.

– Что у тебя с работой? Мы так с мамой и не поняли. Вызывали тебя телеграммой или нет?

– Теперь уже нет разницы.

– Так, значит, правильно мама догадалась, что ты хочешь уйти от меня?

– Ну, если прямо сказать, то я уже ушел, и дома не живу.

– Я тоже догадалась, но были еще сомнения. Так вот, развода ты от меня не получишь.

– Даша, вопрос уже решенный. Нечего за меня бороться. Надо было раньше думать, сама знаешь.

– Но столько времени прошло. Я думала, что все забылось.

– В том-то и дело, что только время прошло, а раны остались. Я пытался склеить, но, видимо, я сделан не из той глины, чтобы из меня лепили что угодно. Если бы это случилось не сейчас, то немного позже, но все равно бы мы расстались.

Они подъехали к дому. Даша зашла первой и огляделась. В квартире было все на своих местах, за исключением мелких личных вещей Виктора. Через некоторое время пришли ее родители, и она им сразу выпалила новость.

– Ты хорошо подумал? Если разведешься, мы тебя выселим из этой квартиры в коммуналку, работу ты потеряешь, и дворником не возьмут, – выпалила ее мать. Он никогда не называл ее тещей, а теперь уже ни к чему.

– Что же я вам всем такого хорошего сделал, что меня коренного москвича хотите загнать в коммуналку из собственной двухкомнатной квартиры, которую получали мои родители. И с работы меня уволите, – Виктор старался сохранять спокойствие, но внутри у него все негодовало от несправедливости, и он продолжил:

– Я ни о чем не просил Вас всемогущих, и Вы мне ни в чем не помогали, поэтому будьте любезны, не касаться моей работы, тем более что Даша получила от меня больше, чем даже мечтала. Прописку в Москве и жилье. Без квартиры она не останется, а про работу и говорить нечего. Когда она защитила диссертацию, что вы ей предложили? Идти преподавать недоноскам в ПТУ. Это ей, вы-

пускнику МГУ с красным дипломом и кандидату экономических наук! Я приложил немало усилий, сами знаете, и теперь она старший преподаватель ведущего ВУЗа страны у Соломенцева. А теперь меня за все хорошее, давайте мордой в грязь. Не получилась у нас семейная жизнь, и не я тому виной. Мне надо было еще тогда проявить твердость и развестись, но согласился с доводами Николая Сергеевича, чтобы не торопиться. Я не буду сейчас перемывать наши отношения. Каждый знает то, что знает, и нечего друг другу нервы портить.

– Все равно, я тебе развода не дам, – Даша стояла на своем, но не могла опровергнуть его слова.

– Тогда мне придется обратиться в суд, а не хотелось бы. Ведь твоя мама пожелала нам в день свадьбы, что если будем разводиться, то без скандала и судов.

– Я такого не говорила, – отказалась ее мама.

– Да я и не настаиваю, просто вспомнил к случаю. А память у меня хорошая. Но в суд все-таки придется обращаться.

– А квартиру будем менять и разъезжаться по коммуналкам? – не унималась ее мама.

– У меня другое предложение. Я решу квартирный вопрос. Даша получит комнату в двухкомнатной квартире в этом районе с одной соседкой. Комната метров двадцать. Потом можно ту квартиру поменять на две однокомнатные квартиры или соседку отселить и квартира будет Вашей, – предложил Виктор.

– Вот сам и займись. А Даша останется в этой квартире, – не унималась ее мама.

– Ее в любом случае не оставят в моей квартире, а предложат два дежурных варианта из комнат в коммуналках с пьяницами, а потом после ее отказов, потому как там про-

живать невозможно, ее отселят в судебном порядке, – разъяснил положение Виктор.

– Ну это мы еще посмотрим, – вызывающим тоном сообщила ее мама.

– Так и смотреть нечего. Надо было раньше смотреть, а теперь слушайте, что говорит Виктор. И если он вам не сделает, что обещает, то больше никто не сделает, – обрезал их Николай Сергеевич. – Мне очень жаль, что так получилось, и, видимо, я зря тогда уговаривал тебя не разводиться. Тогда было бы легче вам расстаться. И нам тоже. Виктор, ты мне обещаешь, что доведешь квартирный вопрос до конца?

– Николай Сергеевич, я еще ни разу не давал повода усомниться в моих словах.

– А как будем делить имущество? – уточнила, все-таки теща.

– Я ушел из дома. Делите, как хотите. Я здесь появлюсь, когда решится жилищный вопрос для Даши, и она переедет. А пока живите, не беспокойтесь. Вы вдвоем живете в трехкомнатной квартире в Домодедово, и я предлагаю жить в моей до получения жилья для Даши. Мне же придется пока снимать комнату в коммуналке, – Виктор положил свои ключи от квартиры на стол.

– А машину? – не унималась теща.

– И машину, и все остальное, что в этой квартире я купил на свои кровные. Даже Вашу новую квартиру помог обставить дефицитной мебелью.

– Я сказал, хватит, – окрикнул на свою жену Николай Сергеевич. – Неужели до сих пор не поняли, что вас жизнь свела с настоящим порядочным мужиком, а вы не смогли сразу разобраться. Виктор, я все понял. Решай все сам, я тебе верю.

– Спасибо, Николай Сергеевич, я все сделаю.

Он впервые уходил из родного дома на неопределенное время, и ему было грустно. С этими людьми он прожил много лет. Он с большим уважением относился к Николаю Сергеевичу, этому прямому тамбовскому мужику, достигшему верхних эшелонов в партии, а теперь пенсионеру. Он не сомневался, что у Даши еще сложится жизнь и скорее лучше, чем у них, она еще молодая, чуть больше тридцати.

– Так что мне в суд подавать на развод? – спросил Виктор.

– Я в ЗАГС не пойду, только через суд, – стояла на своем Даша.

– Ну хорошо, тогда жди повестки.

Он решил не затягивать с разводом, и сразу поехал в суд на Цветной бульвар. Там Виктор переговорил со знакомым судьей Юрием Безруковым, который отвел его к судье Ирине, ведущей гражданские дела. Она раньше работала в прокуратуре. Виктор бывал с ней в компаниях прокурорских работников, когда работал руководителем уголовного розыска района. Ирина выслушала его внимательно и предложила подать документы на развод. Слушание назначила через месяц, а жене выслала повестку почтой.

– У вас детей нет, поэтому проблем с разводом не будет, но раньше, чем через месяц не могу, – развела руками судья Ирина.

Виктор поблагодарил Ирину и поехал домой. Олеся приготовила обед и ждала его.

– Что-то долго ты? Скандал был?

– Немного поговорили, а потом я в суд заезжал. Подал документы на развод. Дома оставил ключи от квартиры и

ушел. Ведь нам не нужно ничего оттуда?

– Абсолютно. Я лучше куплю новое.

– Вот и правильно. Давай перекусим. А не хочешь тоже подать на развод?

– Я уже звонила мужу. Он мне отказал в разводе. Что тоже придется ехать в суд?

– Да. А у тебя Тимирязевский суд?

– Тимирязевский.

– Свидетельство о браке у тебя?

– Все у меня. Поехали, оформим документы, ты уже знаешь как.

В суде Олеся переговорила с судьей и та сообщила, что вроде бы не видит препятствий для решения дела о разводе, и назначила слушание на десятое ноября, как и ему в день милиции.

– Это дело надо отметить в ресторане. Наш первый шаг к созданию нашей семьи. Пойдем в «Узбекистан». Хочешь в зале «Самарканд» накроют стол? – предложил Виктор.

– Было бы неплохо, чтобы снять нервное напряжение.

В ресторане их встретил Александр Григорьевич, заместитель директора. С ним они часто встречались у его друга грека Юры, который работал за стеной ресторана в Металлоремонте, где перетягивал ракетки для тенниса.

– Мы только прилетели из Самарканда и хотели бы посидеть в том зале, если можно? – попросил Виктор.

– Вполне, на сегодня банкетов нет. Народ в общем зале. Пошли я провожу и распоряжусь, хотя тебя и так все знают, – Александр Григорьевич пригласил их в банкетный зал.

Вечер удался на славу, как будто бы из Самарканда не улетали. В соседнем зале в «Бухаре» сидели друзья из компании грека, заместитель прокурора района Анатолий и

знаменитый вратарь сборной СССР по футболу Ренат, зампред Исполкома Николай Иванович и директор Сандуновских бань Роберт, который и заплатит за их банкет. Народ жил своими заботами и отдыхал по мере возможности.

Отпуск Лукина подошел к концу. Закончился их маленький «медовый месяц» с Олесей. Впереди были трудовые будни, а они обернулись сразу же командировкой. Если раньше Виктор хватал свой тревожный чемодан и пулей вылетал из дома, куда угодно, лишь бы развеяться на стороне, то теперь это было вызвано только необходимостью по работе, и в данном случае трудно было подобрать ему замену на ту командировку.

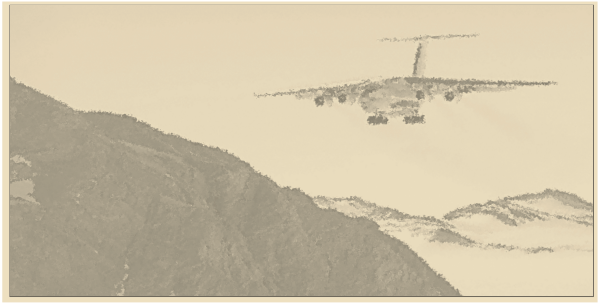
– Виктор, я буду жить у родителей на время твоей командировки. Заодно пусть привыкают, что у меня другая семья, хотя они и так меня видели чаще у себя, нежели там, – сказала Олеся.

– Я тебе буду звонить или напишу, как получится, потому что в Армении еще не все налажено после землетрясения.

– Ты осторожнее будь там.

– Хорошо. «То взлет, то посадка, то снег, то дожди. Сырая палатка и почты не жди… » – тихо пропел Виктор.

– Ты меня не пугай и позвони, как прилетишь, хоть через космос…



Зеркальная роковая ошибка

Лукин ранее расследовал авиационные катастрофы со схожими обстоятельствами и причинами, но то, что произошло сегодня ночью в Армении, не укладывалось даже в мозгах расследователя. Пока решался вопрос с составом комиссии, дежурный выяснил некоторые обстоятельства катастрофы.

Экипаж самолета Ил-76ТД из девяти инструкторов и слушателей Ульяновского Центра гражданской авиации СЭВ выполнял учебный полет, совмещенный с перевозкой 37 тонн строительных материалов из Ульяновска в Ленинакан для пострадавших от землетрясения районов Армении. На борту находилась строительная бригада из 9 человек. В 01:15 по московскому времени экипаж приступил к снижению и до входа в зону аэропорта Ленинакан полет проходил без отклонений, а через пятнадцать минут

в процессе выполнения третьего разворота самолет исчез с экрана радара. Вскоре установили, что Ил-76 столкнулся с той же горой, в которую врезался год назад Ил-76, вылетевший из Баку, как будто на той горе стоял сильнейший магнит и притягивал самолеты.

Председателем Государственной комиссии назначили начальника Управления расследований Алексея Алексеевича Куцкова, который пожелал лететь с Лукиным, который лучше других знал обстановку в беспокойной республике. Он расследовал катастрофу с югославским самолетом под Ереваном и летал с военными летчиками на место катастрофы с Ил-76 под Ленинаканом, которая была за день до югославского Ан-12.

В Ленинакан комиссия прилетели к вечеру. На место происшествия выезжать было поздно, а до места дорога в горах была опасной даже днем. Куцков распорядился собрать комиссию и заслушать работников аэродромной диспетчерской службы. По предварительным сведениям получалось, что экипаж самолета допустил ту же ошибку с установкой высотомера на отметке 737 мм и вовремя не отреагировал на звуковой сигнал об опасном сближении с землей. Бывают, конечно, разные совпадения в жизни, но вторая авиакатастрофа с одинаковыми ошибками в одном месте. Югославский экипаж самолета Ан-12 тоже выслушал диспетчера, но не выставил давление аэродрома на высотомере, и врезался в мост на той же высоте. Тогда было землетрясение и большая суматоха, хотя ее не должно быть в воздухе при управлении самолетом. Что же происходит с экипажами?

Утром прилетели руководители Ульяновского учебного центра с Дмитриевым во главе, который сообщил, что их самолет доставлял гуманитарный груз для армян и

стройматериалами для ульяновских строителей, работавших по восстановлению Ленинакана. Груз сопровождала строительная бригада, которая должна была заменить вахтовую бригаду. Дмитриев возглавил летную подкомиссию. Куцков распределил людей по рабочим местам: кто-то находился у диспетчеров и расшифровывал записи переговоров, кто-то работал на месте происшествия, кто-то занимался поиском «черного ящика». Вскоре бортовой магнитофон был прослушан, и специалисты преступили к его расшифровке. Также был найден высотомер, на котором выставлено давление в 737 мм, вместо 637 мм, как дал экипажу диспетчер, а это опять та же тысяча метров разница в перепаде высот. На магнитной записи было слышно звучание датчика опасного сближения с землей, который работал около двадцати секунд, но потом был отключен по указанию командира, так как до этого были ложные срабатывания датчика. Бортинженер перед столкновением с горой обнаружил ошибку на высотомере и доложил командиру воздушного судна, но было уже поздно, так как через восемь секунд произошла катастрофа.

На заседание комиссии приехал заместитель Министра внутренних дел Армении по строительству Виктор Павлович Лозбиков. Он представился Председателю Госкомиссии Алексею Алексеевичу. Разговорились, и оказалось, что все они москвичи и живут в Москве рядом. Лобанов был откомандирован из МВД СССР на восстановление Армении после землетрясения.

– А в нашей комиссии есть свой генерал из МВД СССР, Лукин, и ваш тезка, тоже Виктор Павлович. Он мой заместитель по общим вопросам, – сказал Куцков.

– Только не генерал, а полковник еще, – поправил Лукин Алексея Алексеевича.

– Это дело только времени, должность-то генеральская, – настоял Алексей Алексеевич. Видимо, ему приятнее было бы руководить в комиссии генералами. В его управлении расследования работал генерал-лейтенант авиации Абрамов.

– Вот что, мои москвичи, я вам скажу. В городе еще не восстановлены гостиницы, поэтому с жильем большие трудности. Меня поселили на даче маршала Баграмяна. Дача просто огромная. Раньше хозяин там жил с большой семьей и обслуживающим персоналом, а теперь я один проживаю. Скучно одному по вечерам, когда возвращаешься после работы. Правда, стоят у меня в соседней комнате пять ящиков хорошего армянского коньяка, но и выпить не с кем, поэтому предлагаю переехать ко мне всей комиссией. Я все равно постоянно нахожусь в командировках, по Армении мотаюсь, и дача пустует. Могут отобрать, а так Государственная комиссия поселиться. Как? – предложил генерал Лозбиков.

– Это было бы идеально, и дача находится в черте города, практически недалеко от аэропорта, – согласился Алексей Алексеевич.

–Алексей Алексеевич, тогда как закончите совещание, я вас сопровожу на своей машине, дам необходимые распоряжения, а дальше вы сами решите, кого из комиссии поселить на даче.

– После совещания мы поедем на место катастрофы, а попутно можем посмотреть дачу маршала, – сказал Куцков.

Место катастрофы было на той же высоте горы и в ста метрах от того места, где год назад врезался самолет Ил-76 военно-транспортной авиации из Баку. В этом месте стоял памятный камень и доска о трагедии. Экипажи, как

будто тянуло в это гиблое место. В принципе, причина была ясна. Осталось получить подтверждение расшифровки «черного ящика», что все системы самолета работали нормально, не было отказов в работе двигателей и управления планером.

– Да, Виктор, можно поставить в кабине самолета и сирену по опасному сближению с землей, но куда денешь человеческий фактор? Командиры отключают его, чтобы его писк не раздражал, – сказал Алексей Алексеевич.

– Похоже, что так, но бывают же ложные срабатывания датчика? – уточнил Лукин.

– Бывают, но в нашем случае он сработал правильно.

– А такого в полете не должно быть, правильно сработал или неправильно, это же «опасное сближение с землей», а не температура за бортом. Синоптик может ошибиться, а у нас третья катастрофа в одном месте с одинаковыми причинами, – высказал Лукин свое мнение. – Сколько их было с другими бортами?

– Может, ты и прав, но другого прибора пока нет, – развел руками Алексей Алексеевич. – Инженерно-техническая подкомиссия осматривает место катастрофы, и отправят в Москву обнаруженный «черный ящик». Начальник учебного центра Дмитриев с летчиками и диспетчерами приступили к расшифровке бортового самописца. Я скоро уеду в Москву. Поедем, покажу тебе дачу маршала Баграмяна.

Баграмян был маршалом Советского союза и дважды Героем, прошедшим все войны и революции с 1915 года. Лукин видел его награды в музее Вооруженных сил с семью орденами Ленина, а теперь заходил на дачу, где когда-то жил выдающийся полководец. Ленинакан год назад был разрушен землетрясением, поэтому их прожи-

вание там было вынужденным. Дача была государственной, как у всех партийно-советских деятелей, поэтому пустовала и не досталась родственникам. Большая семья проживала в огромном доме несколько десятков лет. Здесь выросли дети и внуки знаменитого полководца, а когда его не стало, то всю семью выселили. Опять потребительское отношение государства к верным сынам Отечества. Лукин знал много случаев, когда простые солдаты и матросы, отличившиеся при защите Отечества, получали большие наделы земли, где потом возводили свои именья, но то было при царе-батюшке. А теперь и маршалам не дозволено иметь дачу для всей семьи. Только шесть соток и дом шесть на шесть.

Вечером после работы Лукин с летчиком-инструктором из МГА Александром Касаткиным и Виктором Дмитриевым подъехали на дачу немного позже. Генерал Лозбиков прислал за ними машину. Дмитриев и Касаткин были в форме летчиков гражданской авиации. По лычкам на погонах с вышитыми «дубовыми листьями» на петлицах они соответствовали генеральским званиям. Алексей Алексеевич с генералом Лозбиковым «разминались» в его кабинете коньяком. На столе была зелень, сыр и два граненых стакана. Водитель Лозбикова пригласил женщину из соседнего дома, которая, видимо, вела хозяйство на даче Баграмяна. Она проводила их компанию в большую столовую на первом этаже и накрыла круглый дубовый стол с резьбой. Да, с закуской они явно не шиковали, как в другие времена. На белоснежную скатерть была выставлена посуда из мельхиора, столового серебра и хрусталя. Генерал с Алексеем Алексеевичем спустились к ним с полудюжиной бутылок коньяка, который должен был быть хорошего качества, потому как бутылки были в многолет-

ней пыли. Да, и не могли другого коньяка предложить генералу МВД. Дмитриев с Касаткиным предусмотрительно закупили пять пачек пельменей, которые оказались кстати.

– У вас не будет кастрюли, чтобы отварить пельмени? – спросил Александр Касаткин хозяйку.

– Что такой кастрюль? – она искренне не понимала, что он хочет.

– Ну, ведро такое, варить в нем пельмени.

– А, поняла, каструлчик. Да-да, сейчас, – и она побежала к себе домой и принесла сразу три кастрюли разных размеров и сковороду, на всякий случай.

– Они готовят все у себя дома, и приносят сюда на стол готовые блюда, поэтому посуду здесь не держат, – пояснил водитель.

– Ну, теперь у нас тры каструлчик есть, и мы сами будем вечерами варыть, – под общий хохот заключил Касаткин.

Налили по бокалам коньяку. Надо сказать, что по запаху он превзошел все ожидания, от его аромата благоухала вся столовая. Генерал Лозбиков от такой торжественности за столом встал, и Лукин сравнил их стол, где они недавно сидели с шефом и двумя стаканами.

– Я хочу поднять этот бокал за вас, ребята. Вы выбрали в жизни одну из самых мужественных профессий – расследователей авиационных катастроф. Пока вас не было, мы успели переговорить с вашим председателем Государственной комиссии Алексеем Алексеевичем. Вы летаете в те места, где произошла несколько часов назад катастрофа, на таких же самолетах, что упали по неизвестной пока причине. А эти места происшествия могут быть и в тайге, и в горах, и в море, то есть в недоступных местах. А вам приходится там жить и работать. Ребята, за вашу мужественную профессию, – произнес тост генерал.

На стол подали горячие пельмени, посыпанные сверху зеленью, и сметану. Оказывается, они тоже хорошо идут под коньячок.

– А что же все-таки произошло с самолетом? – спросил генерал.

– Утром отправим «черный ящик» в Москву и картина будет яснее. А пока можно сказать определенно, что диспетчер дал экипажу верную информацию при посадке о давлении аэродрома 637 мм ртутного столба. Перед вылетом я лично готовил экипаж и на предполетной подготовке разобрали на тренажере причину катастрофы с Ил-76, происшедшей здесь же год назад. Мы детально отработали посадку на горный аэродром. Да, и самолетом управлял опытный пилот-инструктор нашего летного центра. Просто непонятно, почему так произошло, – сообщил Дмитриев.

– Насколько я знаю, в этом месте год назад были две катастрофы, и с такими же ошибками экипажа. Они неправильно выставили высотомеры по давлению аэродрома, который находится на высоте тысячу метров, – уточнил генерал.

– Да, Виктор Павлович, и у нас здесь ваш коллега Лукин из МВД, который участвовал в тех расследованиях год назад, – сказал Алексей Алексеевич.

– Виктор, здесь Бермудский треугольник что ли? – обратился генерал к Лукину.

– У нас сегодня не заседание комиссии, хотя она вся в сборе. Я позволю себе такую вольность и постараюсь пояснить своему коллеге из МВД. Повторяю, не нашей комиссии, так как все равно эта версия не будет рассматриваться, потому как данный вопрос находится на уровне причин катастроф в Бермудском треугольнике, как

справедливо заметил наш генерал. Алексей Алексеевич, можно?

– А почему бы нет. Вы же оговорились, что у нас не заседание комиссии, а разговор за столом.

– При расследовании тех катастроф, что произошли год назад с самолетами Ил-76 и Ан-12 сразу после землетрясения, мы пригласили геофизиков и специалистов из авиакосмической медицины, которые провели дополнительные замеры воздуха, почвы и воды. Они провели исследования, но ничего определенного не сообщили, и не могли этого сделать, так как это явление не изучено. Есть только предположение, что во время землетрясения происходит выброс через разломы земной коры отрицательной энергии. Будто, к примеру, газы гелия или радона, а может, чего и другого. У тех газов большая летучесть и зафиксировать их выброс практически невозможно. Это как синоптикам угадать погоду, которая имеет тенденцию к быстрому изменению. Кстати, те выбросы влияют и на погодные условия. Так вот, выбросы, по мнению ученых из авиакосмосмической медицины, могли оказать воздействие на экипажи психологически. Могла появиться сонливость и усталость, а это невнимательность при посадке. Но все только предположения на уровне исследования тайны Бермудского треугольника.

– Но тогда было землетрясение, а вчера его не было, – не унимался генерал.

– Не скажите. Армения находится на стыке двух плит, которые наезжают друг на друга. Эти трения могут и не создать землетрясения, как было год назад, но образовать щели, в которые могут вырваться газы, что вполне возможно, – попытался объяснить Лукин.

– И что нельзя с этим ничего поделать? – генерал был

неприклонен.

– Можно. Усилить защиту самолета. Она и так герметична, но недостаточно, а это большие деньги. Проще создать географическую карту таких разломов и опасных мест. Выдать рекомендации экипажам самолетов совершать облет тех мест, как уходят самолеты от грозовых фронтов во время полета, и, в конце концов, перенести аэродромы из тех опасных мест. Но еще раз повторяю, проблема не изучена, поэтому никто не будет вкладывать деньги в перенос аэродромов или изменение маршрутов самолетов. Вот и остается, чтобы комиссия выдала рекомендации самолетостроителям, то есть Минавиапрому, на замену пищалки в кабине экипажа об опасном сближении с землей на сирену, да чтобы она работала без ложных сигналов.

Летчики молча слушали беседу двух милицейских руководителей о полетных проблемах экипажей, да иронично ухмылялись, пока Касаткин не встал с бокалом коньяка.

– Так, ребята, налейте срочно начальнику штаба Лукину. Он мало того летчиков защищает, да уже и рекомендации выдал по окончании расследования, а ведь, он полностью прав по тому датчику, – предложил шеф-пилот Касаткин.

Лукин понимал, что ни его тема, но он предупредил сразу о причинах схожих с тайнами Бермудского треугольника, поэтому относил этот разговор к застольному.

– Виктор, а у вас летное образование? – поинтересовался генерал.

– До прихода в комиссию работал в уголовном розыске и окончил Академию МВД СССР. А здесь пришлось переучиваться в Ленинградской Академии гражданской авиации, так что теперь и расследователем катастроф стал.

– Вот это наши кадры! Давайте выпьем за моего коллегу из уголовного розыска. Там, оказывается, все могут. Я тоже раньше работал сыщиком, а теперь замминистра по строительству, – предложил генерал.

– Если не возражаете, то давайте поднимем бокалы за наших коллег из уголовного розыска, две недели назад был наш праздник, – внес поправку Лукин.

– Вот, тем более. В нашей рабоче-крестьянской милиции, как назвал ее вождь пролетариата при создании, 5 октября 1918 года был образован уголовный розыск, который мы считаем рабочим классом в милиции за их трудолюбие и полную отдачу сил в деле борьбы с преступностью. За парней из уголовного розыска, – поддержал его генерал.

Дружно зазвенели бокалы. Генерал вскоре откланялся и уехал на другую квартиру в Ленинакане, опрометчиво оставив ключ от кладовки, где стояли ящики с коньяком, Алексею Алексеевичу.

На следующий день прислали расшифровку «черного ящика», который подтвердил, что при снижении с вертикальной скоростью десять метров в секунду на высоте 270 метров сработал датчик высоты, и звучал двадцать секунд.

В Ленинакане в то время погода была спокойной: тихий ветер, видимость более пяти километров, температура плюс 4, но горы закрыты облаками. В 01:15 по московскому времени при подходе к Ленинакану экипаж отключил автопилот и начал снижение на скорости 500 км/ч и с вертикальной скоростью 12 метров в секунду. В 01:24 экипаж доложил диспетчеру подхода о занятии высоты 4 200 метров и получил разрешение снижаться до 3 000 метром. Экипаж доложил, что давление аэродрома по их данным 637. Диспетчер уточнил:

– Давление аэродрома Шура-Три-Шура 636 мм.

Экипаж подтвердил получение информации и ему разрешили дальнейший заход. Потом с экипажем происходят необъяснимые вещи. После высоты 3000 метров экипаж ошибочно выставил давление аэродрома не 636, а 736 мм, из-за чего высотомеры стали завышать высоту полета на 1100 метров. В 01:29:51 самолет находился на высоте 270 метров, а высотомеры показывали 1370 метров. В кабине пилотов сработала звуковая сигнализация опасного сближения с землей. В 01:30:04 бортинженер увидел, что давление на высотомерах установлено с ошибкой и крикнул:

– У нас давление 736, 736 давление!

Через четыре секунды отключили сигнализацию и, вероятно, экипаж увидел впереди по курсу горы и потянули штурвал на себя до упора, но малое расстояние не дало возможности избежать столкновения. Через шесть секунд самолет в полетной конфигурации со скоростью 440 км/ч врезался в гору, полностью разрушился и сгорел.

Лукин поручил оформить все документы Ульяновскому центру. У них было больше возможностей. Так закончился еще один «Бермуд» под названием «человеческий фактор». К сожалению, ничего с этим не поделаешь. Комиссия возвращалась в Москву, выдав рекомендации Минавиапрому о доработке датчиков, сигнализирующих об опасном сближении с землей. Перед вылетом Виктор позвонил Олесе.

Олеся встретила его в их временном доме. Как же хорошо возвращаться домой к любимой женщине! Она поделилась московскими новостями. Закончилось сказочное представление советских граждан о стоимости доллара США в шестьдесят копеек. Его отпустили в свободное «плавание», установив планку в девять рублей за один

«зеленый». Виктор сразу прикинул, что его зарплата обесценилась в пятнадцать раз. Это официально, так как при той стоимости доллара с рук продавали его один к трем и выше, у кого они были. И так на рубли ничего не купишь, а теперь валютные игры, которые на руку только тем, у кого она была. Кто-то готовил большую аферу в масштабе государства. Иначе, зачем были игры с валютой, и при том статья 88 УК РСФСР не отменялась. По-прежнему за нарушение валютных операций грозило наказание до расстрела. Конечно же, никого стрелять не собирались, но в то же время доллар свободно гулял по стране, менялся в банках, им расплачивались по сделкам. Даже крестьяне в деревне хотели поиметь за молоко «зеленью», и в то же время могли любого гражданина, неугодного кому-нибудь задержать, изъять валюту и осудить. Бред! Но так и было. Опять повеяло на Руси Африкой, так как любые действия можно было трактовать как угодно, чтобы получить взятку. Одни могут ворочать миллионами долларов, а других за сотню долларов в «кутузку» или последнее отберут при расследовании «дела». Отпустили доллар в свободное плавание, так отмените статью по незаконным валютным операциям или оставьте ее на уровне административного нарушения, как за торговлю трусами с рук в неположенном месте. Опять был принят закон, отдающий африканской дикостью. Не был отменен расстрел за взятки, спекуляцию или расхищение социалистической собственности на сумму свыше ста тысяч рублей, которые при такой стоимости валюты уже превратились в копейки. А саму собственность уже не расхищали, а просто расписывали по родственникам и знакомым.

Официально ничего не менялось. Цены и зарплаты остались на месте, но на рубли ничего не купишь. А если

рубли перевести в валюту, то получались совсем не те рубли, что были в 1962 году, когда принимался тот страшный расстрельный Указ. Всегда торговля иностранной валютой была очень выгодным делом, во всех странах, а для жителей СССР эти деньги представлялись, как цветные фантики от конфет, и не более. Зато, если уж кому посчастливилось бы выехать за рубеж, скажем в путешествие, то ему государство разрешало бы поменять не более тридцати рублей по курсу шестидесяти копеек за доллар. Этих денег хватало на некоторые покупки, которые компенсировали поездку. Поэтому везли с собой сало, колбасу, тушенку и пользовались маленькими кипятильниками, которыми можно было вскипятить чай в кружке. Кто был пошустрей, то плевал на «облико морале», как в комедии «Бриллиантовая рука», и покупал у спекулянтов доллары по курсу 5 рублей за штуку. На эти деньги они покупали модные вещи и магнитофоны, которые продавали в СССР, имея хорошую прибыль.

Московский черный рынок торговли валютой мало чем отличался от турецкого или арабского. Все те же «бегунки», посредники и «купцы» валюты. Фарцовщики крутились около иностранцев, скупая валюту по выгодному обеим сторонам курсу. Американцам тоже было невыгодно сдавать свои доллары в банк и получать за них шестьдесят копеек по советскому курсу. Фарцовщики были единственными видимыми фигурами на черном рынке, которые отдавали валюту посредникам, имея свой навар, а те уже продавали ее «акулам» того рынка. Они сидели на больших деньгах и ждали очередной партии. Их знали единицы по кличкам или по имени и отчеству, но, конечно же, вымышленным. Никому они особо не мешали, и если разобраться по большому счету, то и особого

экономического ущерба для государства не причиняли, так как не такой уж большой поток туристов приезжал к нам из-за рубежа, а из них еще не каждого можно уговорить продать валюту. Они рисковали попасть под статью 88 Уголовного кодекса, но для оперативных целей фарцовщики были нужны и КГБ, и МВД, иначе как узнаешь о поведении иностранцев?

Слежка «топтунами» не многое даст, а так – свои люди в их среде. Вот от таких «акул» Виктор все и узнал в начале восьмидесятых годов, когда его опера работали против «ломщиков» валюты в центре города. Правильнее их назвать мошенниками, которые при покупке или продаже валюты специально не докладывали одну или две купюры. А когда купец возмущался, то, доложив недостающие купюры, мошенник пересчитывал сумму снова и ломал пачку денег пополам на глазах у купца. Тот видел, что недостающие деньги вложены в пачку и второй раз уже не пересчитывал. Позже он обнаруживал, что из той пачки половина денег перешла в карман мошенника, которого и «след уже простыл». Обычно в самый нужный момент сделки рядом с ними вырастала фигура милиционера, и они разбегались в разные стороны, так как оба совершали незаконные операции. Был ли там милиционер в «доле» или случайно проходил, кто его знает.

Так вот, тогда за рюмкой коньяка воротилы этого бизнеса поведали Лукину о жестокой истории, происшедшей двадцать лет назад. Как-то Никита Хрущев пытался доказать вице-президенту США Никсону преимущества социализма, где рубль почти в два раза выше доллара. Но Никсон подколол Хрущева, что именно поэтому весь центр Москвы, а иностранцы останавливались только в тех гостиницах, наводнен скупщиками валюты, которые пла-

тят его соотечественникам в пять раз дороже, чем банки СССР. Это сильно разозлило Хрущева, и он потребовал от КГБ доклада. Вот так родился Указ до пятнадцати лет за нарушения правил о валютных операциях, то есть за скупку и продажу валюты.

Во все времена, в том числе и при царе, за спекуляцию жестко наказывали. В XVI веке вешали даже за незаконную торговлю табаком и ревенем, но никогда и нигде, даже в Африке, да простят ее жители, не применялись жесткие законы к уже осужденным ранее за такие преступления, когда этого закона не было. Это святая святых: «Закон обратной силы не имеет».

Это во всем мире обратной силы не имеет, но не в СССР. Ян Рокотов, Дмитрий Яковлев и Файбишенко были лидерами в том деле и, конечно же, не остались без внимания спецслужб. Причем Ян, по кличке «Косой», специализировался в основном среди арабских офицеров, которые учились в военных академиях в Москве. Собеседники Лукина тогда ходили у него в «шестерках» на подхвате, а попались ему через два десятка лет и тоже на арабском офицере. Теперь они воротилы, а их «шестерки кинули» подполковника из Палестины, который учился в военной академии имени Фрунзе в Москве. Стипендии ему не хватало, и он на Центральном рынке решил продать доллары, но попал на «ломщиков». Жулики не знали, кого «кидают», так как палестинец имел свою команду террористов и мог с ними разобраться сам. Тогда они и поведали Лукину о Яне «Косом» и его подельниках.

Когда ту троицу «акул» арестовали, то во время обыска у них нашли десятки килограммов золотых монет и камешков, и много валюты. Ну, куда им столько? Все равно в СССР можно было купить только автомобиль

«Волга», и то замучаешься отписываться, где деньги взял. Если они предполагали, что валюту отпустят в свободное обращение, так это состоялось только через двадцать семь лет, которые надо было прожить, а в СССР это не простая задача. Об их аресте доложили Хрущеву, и он потребовал сурово наказать валютчиков. Ему пояснили, что могут их осудить только на пять лет, так как Указ о расстреле за такие преступления был подписан им после их ареста, и привели все юридические доводы по тому поводу. Хрущев пришел в ярость. По его настоянию провели новое судебное разбирательство и вопреки мировой юридической практике, что такие вещи недопустимы и закон обратной силы не имеет, всех троих осудили на пятнадцать лет лишения свободы.

Но и это не устроило Никиту Хрущева, который пригрозил самих судей посадить в тюрьму. По его требованию Верховным Советом СССР был принят новый закон, предусматривающий смертную казнь за валютные операции. Сразу же дело тех троих бедолаг передали в Верховный суд, который быстро вынес приговор и всех троих расстреляли.

В СССР ничего не изменилось. Руководители страны сами были участниками репрессий тридцатых годов. Тот приговор был звеном одной цепи вместе с расстрелом рабочих в Новочеркасске. О каком соблюдении социалистической законности можно было говорить на партсобраниях в таком государстве? Вернее, можно было только говорить и не обязательно соблюдать. Но эти странные законы продолжали действовать. Статья серьезная и срока по ней немалые, а главное очень удобная, так как незаконными валютными операциями, по статье 88 УК РСФСР, занималось все население, и даже Лукин при-

общился краем, так как другого выхода не было.

Олеся сказала ему, что неплохо бы купить маленькую стиральную машинку. Он обещал ей «Малютку», но они исчезли из магазинов даже для нужных ребят из ОБХСС.

– Виктор, я могу решить эту маленькую проблему сама.

– Что для этого нужно?

– У меня есть немного долларов. Я попрошу свою подругу Фроську, и она купит стиральную машину в магазине «Березка». Там есть маленькие французские. Она купила себе такую и очень довольна.

– Ну, хорошо. Мне забот меньше.

– Только мне неудобно к ней прийти с просьбой. Давай пригласим ее на шашлыки за город, и там я ее попрошу, заодно с тобой познакомлю.

– Хорошо, я готов в любой день, хоть завтра.

– Я сейчас Фроське позвоню и договорюсь. А как у тебя на работе?

– Все нормально. Утром возьму отгул за командировку или в аэропорт Шереметьево уеду до вечера. У меня там есть дела, а рядом озеро Круглое, пока погода позволяет. Последние деньки бабьего лета.

Он давно уже облюбовал то местечко рядом с Москвой и ездил сюда с Олесей жарить шашлыки. Озеро было образовано при сходе ледника. Здесь рядом располагался пансионат МВД СССР и спортивные базы сборных команд, на которых готовились олимпийские чемпионы, поэтому это был объект повышенной «секретности». На дорогах стояли «кирпичи» – въезд запрещен. Все шутили, что здесь ракетная точка.

Озеро на самом деле было живописным – только картины писать. Вокруг лес, отлогие песчаные берега, а рыбы, грибов и ягод сколько угодно, так как сюда не всех

пускали, тем более на машинах. Озеро Круглое соединено протокой с озером Долгим, но там места больше болотистые и только для рыбалки. И такие красоты в получасовой езде от Москвы, а они все забираются за тысячи километров, мучаясь в дальних поездках, когда такие места еще не изучены. В озере всегда чистейшая вода из-за множества ключей, выбивающих со дна, вот они-то и добавляют воде лечебных свойств в виде небольшого количества радона.

Утром Лукин сообщил шефу Куцкову, что поедет взаимодействовать с милицией в Шереметьево. Было понятно, что сегодня от своих коллег он не вернется. Потом заехал к Шамилю за моссоветовскими шашлыками из баранины и «Хванчкарой». На Центральном рынке «теневой» директор Фазиль укомплектовал его машину овощами, фруктами, дыней и арбузом. Здесь же ему принесли мешок березовых углей. Прошло около десяти лет, когда Лукин работал здесь «на земле», но восточные люди его помнили и всегда встречали с радостью. В багажнике у него уже лежали все необходимые принадлежности – мангал, посуда, складные стол и кресла, как раз три штуки.

Он позвонил Олесе о своей готовности.

– Вот и хорошо, а ко мне уже приехала Фроська.

– Тогда ждите у подъезда. Я подъеду через пятнадцать минут.

Олеся стояла с женщиной довольно крупных размеров. Не сказать, чтобы она была красавицей, но приветливая и с каким-то своим шармом. Фроська благоухала до боли знакомым французским парфюмом, который Лукину запомнился на всю жизнь, так как ранее часто вдыхал его. То были не только «Шанель №5», но и сочетание кремов с лосьонами.

– Франсуаза, – представилась Фроська и протянула

руку.

– Виктор, – ответил рукопожатием Лукин.

Ему хотелось что-то спросить, но он решил, что еще будет время. Уж больно знакомая ситуация, и у него вкрались подозрения, что она совсем не Фроська из русской деревни, как легко звала ее Олеся.

– Хорошо устраивайтесь, нас ждет хороший пикник, – Виктор открыл дверцу автомобиля.

– Честно говоря, я уже покушала, – сообщила Франсуаза.

– Что ты. То, что сделает Виктор, ты такого не пробовала никогда,– рекламировала Олеся.

– Этого не может быть. Шашлыки – они везде шашлыки, – сомнительно отреагировала Франсуаза.

– Вот посмотришь.

На Дмитровском шоссе у Красной горки они свернули влево. За Лобней на посту ГАИ на Рогачевском шоссе их остановил капитан милиции. Фроська сидела на переднем сидении и попросила:

– Виктор, можно я ему покажу «кредитную карточку» и он отстанет.

– Нет, Франсуаза. Разрешите, я попробую сам.

Виктор вышел из машины.

– Капитан милиции Смирнов. Можно Ваши документы? – спросил капитан.

– Конечно, командир. А что, разве я нарушил?

– Нет, просто проверка. С какой целью едете?

Виктор достал удостоверение МВД СССР и предъявил в развернутом виде.

Капитан вытянулся и отдал честь, приложив правую руку к козырьку фуражки. Он уже привык к таким удостоверениям, так как на озере был пансионат МВД СССР.

– Извините, товарищ полковник. Счастливого Вам пути. А можно полюбопытствовать, кем Вы работаете.

– Так там все написано в удостоверении.

– В том-то и дело, что там написано, что Вы состоите в кадрах МВД СССР, потому меня заинтересовало.

– Видишь ли, капитан, если я сообщу Вам о своей службе, то мне придется написать рапорт по этому поводу и сообщить причину, по которой Вы заинтересовались моей службой. А Вам это надо? – Виктор, шутя, напустил тумана.

– Нет, товарищ полковник, я так просто. Еще раз извините, – и он стоял с рукой у козырька, пока Лукин садился в машину довольный своей шуткой с капитаном.

– Да, пожалуй, Ваша «кредитная карточка», Виктор, покруче будет, чем моя. А можно на нее взглянуть? – Франсуаза смотрела на Виктора с нескрываемым удивлением.

– Почему бы и нет, – Виктор развернул удостоверение, где он был на фото в форме со всеми наградами. Фото было, хоть и небольшим, но «металл» на его груди бросался в глаза.

– Олеся говорила, что вы работаете в авиации, – удивилась еще больше Франсуаза.

– Все правильно, я работаю в авиации, но от МВД. Я расследую авиационные катастрофы.

– Да, это серьезно.

– Франсуаза, а какую «кредитную карточку» Вы хотели показать сотруднику ГАИ, чтобы он отстал?

– Вот эту. Дипломатическая неприкосновенность, – она показала свою «кредитку», почему-то они ее так называли, и теперь у Виктора округлились глаза.

«Вот это Фроська! Да, девчонки, с вами не соскучишься», – улыбнулся Виктор.

– Но вы русская?

– Нет, француженка, я работаю с русскими. В посольстве Франции руковожу отделом виз и регистраций.

Виктор готов был провалиться сквозь днище машины и пробежаться по асфальту.

– А по-русски говорите чисто. Я только сейчас уловил небольшой акцент, но подумал бы, что Вы просто не из Москвы, так как выговор не московский, а так очень хорошо, чисто говорите.

– Спасибо, я знаю.

– И хорошо, что Вы не вышли из машины и не показали сотруднику свою «кредитку». Могли бы возникнуть вопросы у Ваших и моих коллег после пикника. Ведь сотрудник ГАИ сообщил бы, наверняка, о Вашем передвижении по этому шоссе.

– Да, я понимаю. А что это шоссе секретное?

– Раньше было секретным, теперь попроще, но могут спросить, куда едут люди из французского посольства, а потом и водителем поинтересуются.

Виктору стало вдруг смешно.

– Что так весело? – спросила Олеся.

– Я, как Штирлиц, только что был на грани провала, – пошутил Виктор.

– Что это так серьезно? – поинтересовалась Франсуаза.

– Нет, конечно, шутка, мы уже приехали, пока любуйтесь природой, а я все устрою.

– Да, это просто сказочное место и рядом с Москвой, – заключила Франсуаза. – Мы пойдем, прогуляемся с Олесей по берегу.

– Не более получаса. Все будет готово.

Виктор готовил достархан на троих и представил, во что мог вылиться сегодняшний пикник: «Вот это Фроська.

Мало того, что француженка, да еще руководитель их ОВИРа в посольстве Франции. Поди, потом докажи, что не знал об этом, а встречался с русской Фроськой, подругой Олеси».

Лукин разжег небольшой костер и высыпал из мешка в огонь березовые угли, которые быстро стали набирать жар. Наблюдая за игрой языков пламени, он вспомнил, как познакомился с русской девушкой Ларисой, которая потом оказалась француженкой Лаурой из Парижа. Более десяти лет продолжались их встречи, пока «не закрутили ему гайки» товарищи из спецслужбы, а теперь опять француженка Франсуаза под русскую Фроську «косит». Да еще из посольства Франции. Ведь недруги еще помнят его шутки с оперативниками КГБ на эту тему. И они бы, наверняка, приписали бы ему подготовку побега из СССР во Францию, иначе зачем ему устраивать пикник с Франсуазой. Вот совпадения в жизни. Наверное, Франция его так и будет преследовать по жизни.

После того, как Франсуаза представилась, он на всякий случай проверил, нет ли за ними хвостов. Все было чисто. Видимо, их службы уже не так сильно «пасли» иностранцев, а может уже давно проверили ее знакомство с Олесей, если они дружат и спокойно отпустили. Олеся молодец, Фроська да Фроська. Ей точно по барабану взаимоотношения МВД и КГБ. Он никогда ей об этом не рассказывал, а тем более о неприятностях, которые ему устроила эта служба за связь с француженкой. Вот это Олесе уж точно знать не обязательно. Ладно, что теперь дергаться, все уже состоялось, а там видно будет. Вот только покупку в «Березке» надо обставить, и не засветиться. Теперь и Олесе нельзя в «Березку». Ну, это потом.

Угли разгорелись, издавая ровный жар по всему ман-

галу. Он положил целиковые спинки баранины на шампурах над углями и сразу в ближайшем окружении появился запах жареной баранины, который разошелся по берегу озера и повернул девчат к столу. Они помыли овощи, фрукты и зелень. Виктор налил им по бокалу «Хванчкары».

– Что это за вино? Я такого не пробовала. Какой аромат. Прекрасный букет, – Фроська явно разбиралась в винах.

– Это любимое вино Сталина. «Хванчкара» двадцатый номер.

– Да, Виктор, у вас сплошная экзотика.

Виктор передал девчонкам по целому шампуру с жареной бараниной на ребрышках. Куски смотрелись довольно внушительно.

– Но я это не смогу съесть, – забастовала Франсуаза.

– Ты только откуси зубками от большого куска, как раньше кушали наши предки в пещерах, когда не было ножей и вилок, – посоветовала Олеся.

Франсуаза последовала ее совету, запила вином. Потом цокнула языком и повторила.

– Олеся, у тебя Виктор волшебник. Я была не голодна, но этот кусок я, пожалуй, съем.

– И еще добавки попросишь.

– Не исключено. Я никогда не пробовала такой нежной баранины. Она мягкая, как вареная колбаса, – все восхищалась Франсуаза.

– Эти бараны называются курдючными и в ресторан «Узбекистан» мясо доставляют из Средней Азии, поэтому нет никакого волшебства в его приготовлении. Просто мясо хорошее, – скромно пояснил Виктор.

Когда с мясом было покончено, Виктор порезал огром-

ный арбуз, который осадил в желудке баранину, приглушив чувство перенасыщенности.

Они любовались тихой гладью воды. На горизонте появился багровый закат солнца. Им повезло с погодой и отсутствием комаров. Девчата помогли Виктору собрать следы пиршества в багажник.

– Франсуаза, знаешь, мы решили с Виктором пожениться. Ты не могла бы нам кое в чем помочь? – спросила Олеся.

– Отправить вас в свадебное путешествие по Парижу? Спокойно могу. Но ты же замужем. А Виктор свободен? Подруга я уже хотела продолжить с ним знакомство. Такого гвардейца отхватила. Так чем вам помочь?

– У нас есть немного валюты. Не могла бы ты купить в «Березке» маленькую стиральную машинку, как у тебя? Сама понимаешь, что ни мне, ни Виктору там появляться нельзя.

– Да, это вообще не проблема. Я как раз собиралась в субботу поехать в «Березку» на Ленинский проспект. А где вам ее передать?

– Договоримся по времени, а после магазина поедешь домой, вот там по дороге я тебя догоню и перегрузим. В магазине тебе помогут положить в машину, – сказал Виктор.

– А, понимаю, хочешь посмотреть, нет ли за мной «хвоста»? – улыбнулась Франсуаза.

– Приятно иметь дело с умной женщиной, – отпустил ей комплемент Виктор.

– И осторожным полковником, – Франсуаза не осталась в долгу.

На обратном пути Виктор мигнул дважды дальним светом капитану на посту ГАИ, как обычно приветствовали

друг друга сотрудники милиции, и он отдал честь, когда они проезжали мимо.

– Да, Олеся, пустячок, а приятно ездить на пикник с Виктором. На посту ГАИ честь отдают.

В субботу они провели валютную сделку аж на сто долларов в виде покупки маленькой стиральной машины. Но из-за этого Лукин протащил Франсуазу от «Березки» до самого дома, где обогнал и прижался справа.

– Ну как, все чисто? Можем ехать на пикник? – с явной иронией поинтересовалась Франсуаза.

«Знала бы ты француженка, сколько пар глаз сотрудников МВД и КГБ наблюдает за покупателями в магазинах «Березка», то не стала бы так иронизировать», – подумал про себя Виктор. Он раньше заходил в тот магазин на Ленинском, но под контролем коллег из спецслужбы, которые во время «чистки» 1983 года были уволены по доносам своих же коллег.

– Сегодня прохладно. Лучше в ресторан, – предложил Виктор.

– Нет, в ресторан не хочу. Давайте как-нибудь повторим нашу поездку на озеро.

– С удовольствием. Спасибо Вам. Теперь буду чистым ходить.

– Да это пустяки. Счастья вам с Олесей.

И на самом деле, это было совершенные пустяки по сравнению с тем, что происходило в стране и ближнем зарубежье. Прошло всего три года, когда Лукина готовы были «порвать» сотрудники КГБ за связь с француженкой Лаурой, а теперь их сделка с Франсуазой по покупке стиральной машинки в «Березке» за сто долларов выглядела «детской шалостью».

За бугром все менялось гораздо быстрее, чем в СССР.

Венгрия открыла границы с Австрией, ГДР приняла постановление об открытии границ с Западной Германией, но в Москве еще не верили, что Варшавский договор рассыпается, а из социалистического лагеря выходит Восточная Европа. В тех странах стояли еще советские войска, и Москва еще оказывала влияние на смену правящей верхушки в этих странах. Но когда первый секретарь компартии Румынии Чаушеску попытался оказать сопротивление народным массам, то его тут же расстреляли вместе с женой. Их расстрел сильно напугал партийных руководителей социалистического лагеря, и они пустили ход истории на самотек, урывая по-волчьи лакомые куски от государственного имущества, издавая все новые и новые Постановления правительства. Они были только им известные и действовали короткое время для конкретных дел. Бывало, что ночью подписывались, а утром уже отменялись, чтобы другие граждане не могли ими воспользоваться. Готовился большой дележ страны – «междусобойчик» для избранных граждан страны из представителей власти и приближенных к ним лиц.

У подножья Тянь-Шаня

Лукину с Олесей предстояло в День милиции произвести в народных судах разводы. Утром он поехал в Свердловский нарсуд, а Олеся в Тимирязевский. Как-то непривычно было быть участником, хоть и гражданского, но судебного процесса.

Все оказалось очень просто. Они с Дашей зашли в зал суда, где судья Ирина выслушала обе стороны процесса и просьбы Даши, чтобы отложили их развод, что в их семье еще все наладится. Что может наладиться после появления в зале суда? Он уже три месяца, как совсем ушел из дома. Судья вышла в совещательную комнату и через пять минут объявила, что они разведены, о чем могут получить документы. Вот и всего делов. Вышли из суда чужими людьми и, видимо, ничего и не было, что называлось семьей. Лукин зашел к судье Юре Безрукову и поблагодарил.

– Когда свадьба? Пригласишь?

– Первым гостем будешь. А может, отметим помолвку, подачу заявления в ЗАГС?

– Позвони. Давно в «Узбечке» не был.

Виктор доехал на работу и тут же звонок от Олеси.

– Виктор, как дела?

– Я холостой.

– А меня не разводят. Отложили на два месяца. Муж против развода.

– Ты сейчас где?

– В суде от секретаря звоню.

– Как фамилия судьи, Соколова?

– Да.

– Перезвони мне через десять минут.

Виктор набрал телефон судьи Безрукову.

– Юра, это Лукин. В Тимирязевском суде отложили развод моей будущей жене на два месяца. Судья Соколова. Она там ждет около ее зала заседаний. Можешь позвонить прямо сейчас и объяснить Соколовой, что она рушит уже созданную молодую семью, ты же знаешь Олесю.

– Я все понял, сейчас попробую что-нибудь сделать. Перезвони минут через пять.

Виктор сидел у телефона, не отрываясь от циферблата часов, стрелки которых медленно отщелкивали секунды. Перезвонил Юрию.

– Скажи Олесе, пусть заходит. Ее ждет судья Соколова, – сказал он и положил трубку.

Вечером они встретились дома свободными от брачных уз, и их никто не мог упрекнуть в аморальных поступках.

– Как судья вышла из этой ситуации?

– После звонка я подошла к судье. Мой муж постоянно ходил за мной, думая, что после решения суда я вернусь

домой. Он зашел вслед за мной к судье Соколовой. «Вот хорошо, что вы не уехали, а то пришлось бы посылать повестки, – сказала Соколова. – Я еще раз изучила материалы по вашему заявлению о разводе и приняла решение развести вас по вновь открывшимся обстоятельствам». Когда мы вышли из зала суда, уже бывший муж только хмыкнул: «Ну, ты и нашла себе кадра. Он даже разводы по телефону устраивает, что судья отменяет через полчаса свое решение и выносит в твою пользу. Силен, ничего не скажешь. Поздравляю». Он все понял и не пытался возразить. Как хорошо, когда рядом с тобой такой сильный защитник. Ты не стал мямлить и тянуть наши бракоразводные дела, которые могли рассматриваться месяцами, пока нам не истрепали бы все нервы.

– Олеся, это здорово, что мы в один день развелись. Когда пойдем в ЗАГС на регистрацию нашего брака?

– Завтра получим все печати в паспорт и пойдем.

– Давай подадим в двух районах, у тебя и у меня по месту жительства?

– Это зачем?

– Получим по два приглашения в магазин для новобрачных и купим товаров в два раза больше. Сейчас даже с продуктами и то туго стало, – сказал Виктор.

– Да, с тобой не соскучишься. Ну если это можно, то давай.

– Можно все, что не запрещено, а об этом ничего нигде не написано. В правилах прописано, что можно подать заявление о регистрации брака по месту жительства, а по какому не указали. И потом, мы все покупаем за свои деньги и без скидок.

– Все. Ты меня убедил.

Сейчас ему хотелось жениться, на самом деле, и иметь

семью, и обязательно с детьми. Он должен стараться для кого-то. Построить дачу и многое другое, но пока надо начать с жилья, со своей квартиры, в которой теперь живут чужие люди. У бывшей жены есть трехкомнатная квартира, а он ушел из собственной квартиры и снимает чужие «углы». Конечно, все правильно, иначе бы он не шевелился так быстро. Для решения вопроса с квартирой ему нужно было свидетельство о браке с Олесей и медицинская справка, что она ждет ребенка.

После подачи заявлений в Свердловском и Тимирязевском районах Виктор предложил Олесе отпраздновать помолвку.

– А можно это сделать в банкетном зале ресторана «Узбекистан»? – спросила Олеся.

– Нет вопросов. Я хочу пригласить тех друзей, которые помогали нам на первом этапе создания нашей семьи. Давай сделаем такую деловую встречу по поводу нашей помолвки, а с нашими близкими друзьями мы потом еще раз соберемся. Хорошо? – предложил Виктор.

– Тебе виднее. Делай, как считаешь нужным.

– Тогда заказываю в «Узбечке» небольшой зал «Бухару» и компания у нас будет состоять из грека Юры, судьи Безрукова, заместителя прокурора Анатолия, заместителя Председателя Исполкома Николая Николаевича, который ведает жилищной комиссией. Эта компания дружит между собой, поэтому их можно собрать вместе, а если пригласить, кого они не знают, то вряд ли получится разговора на интересующие нас с тобой темы.

– Я все поняла. Мы только заявку подали, а ты уже раскручиваешь картину на жилищный вопрос.

– На самом деле не все так уж и сложно. Я не прошу предоставить для нас квартиру, хотя и ее я заработал давно

в Свердловском районе, мне надо отселить из моей квартиры бывшую жену, так как у нас с тобой образовывается новая семья. Этот вопрос решился бы и так в общем порядке, но времени у меня нет на эти ожидания, да и вариант я подобрал для бывшей идеальный, чтобы она сразу согласилась. Хочу сдержать свое слово.

– Тебя и так упрекнуть не в чем. Все оставил и ушел.

Во время помолвки в ресторане «Узбекистан» в отдельном кабинете «Бухара» они шиканули. Присутствовали его знакомые и друзья, которых он и наметил пригласить. Корректор во всех вопросах был грек Юра. Он же был и тамадой, поэтому не было ощущения деловитости на этом веселье. Одним словом, помолвка удалась, а главное понравилась Олесе, и Виктор сделал предварительный заказ на празднование их свадьбы в зале «Самарканд». Дома условия были стесненными и потом должен быть праздник не только для гостей, но и для них, чтобы не бегать по магазинам в поисках дефицитных продуктов, а потом после гостей разгребать посуду.

Не все его друзья и знакомые радостно восприняли развод Лукина с Дашей и намерение жениться на Олесе. Виктор выслушал их по этому поводу и сделал вывод, что он правильной ориентации и ему жить не с ними, а с Олесей. Его друг с юных лет Анатолий Прохоров понял его сразу, и они с женой приняли Олесю у себя дома, как родную. Он же и согласился стать свидетелем на их бракосочетании. Виктор с Олесей до 2 декабря разъезжали по своим друзьям и после встреч определили круг верных друзей, которые будут радоваться на их свадьбе. Лукин давно уже определил для себя, что не надо приглашать на дни рождения всех подряд, как делают некоторые. Не должно быть за праздничным столом твоих завистников

или просто недовольных чем-то, чтобы не омрачили всем праздника, так как после выпивки эти чувства обостряются. Со стороны Олеси засвидетельствовала их бракосочетание ее подруга и одноклассница Люба. Веселая девчонка, что не скажешь про ее мужа Сашу.

Большинство гостей пожелали приехать к ЗАГСу на регистрацию, которая происходила по его месту жительства рядом с кинотеатром «Форум». И практически свадьба началась прямо здесь. Потом на Садовом кольце постреляли шампанским среди сугробов. Крупные снежинки кружились и падали в их бокалы, а Олеся с Виктором сияли и принимали поздравления. По Москве катались недолго. До Воробьевых гор и сразу за стол в ресторан, где Лукина принимали с уважением после одной раскрученной им кражи.

После свадьбы Виктор с Олесей вернулись в свою небольшую комнату. И было ему немного обидно, что в жизни не повезло и теперь приходится ютиться в комнатушке, но рядом была Олеся, поэтому все вопросы были ему по плечу.

– Олеся, я должен тебе признаться, что женился на тебе по расчету.

– Это как? – часто заморгала ресничками Олеся, – у меня нет ничего такого, чтобы брак был по расчету.

– Не скажи. Иногда мужики женятся, а потом заводят себе любовниц. Так вот мне тратиться на любовниц не придется. У меня жена и любовница в одном лице.

– Меня это радует, – улыбнулась Олеся и поцеловала его.

По сути, вопрос о выделении его бывшей жене комнаты в их районе был решен положительно, и на жилищной комиссии Исполкома ждали только его документов.

Более того, участковый подобрал комнату с одной соседкой в двухкомнатной квартире соседнего дома, и сведения о той комнате не подали в Исполком, а карандашом записали за ним. Поэтому надо было торопиться, так как могли перехватить. На комнаты тоже была очередь в Исполкоме, а в той квартире соседка практически проживала у своей дочери в другом адресе. Вариант был идеальным.

После подачи документов в Исполком Лукин решил еще подстраховаться через своего бывшего начальника РУВД Куликова, с которым у него теперь сложились дружеские отношения. Морально его бывший начальник был ущемлен перед Лукиным, когда в свое время передвинул его очередь на получение квартиры, а потом ему пришлось уйти из управления в МВД без получения квартиры. Потом он не смог его защитить от несправедливых нападок КГБ. В Исполкоме начальник имел «свое слово», но в качестве поддержки Лукин привез ему письмо с ходатайством Министра. Так что после свадьбы документы были поданы на комиссию, где более половины были его знакомые по работе в комсомоле. Оставалось только ждать. Медовый месяц прошел в спокойной семейной жизни. Отпуска они уже с Олесей отгуляли в предсвадебных путешествиях.

Новый год они с Олесей праздновали в кругу его друзей в загородном доме села Новосельцево у Анатолия Прохорова и Надежды. Анатолий перешел из Министерства иностранных дел в «оборонку». Он также мотался по командировкам, но уже внутри Союза. Анатолий в отличие от Виктора все успел сделать вовремя, и теперь его сын заканчивал школу. Так получилось у Лукина по жизни, что он впервые встречал Новый год с любимой женщиной и в кругу друзей. Наташа из Севастополя не

могла доставить ему такой радости, так как была замужем, а Лаура сразу развелась, но из Франции ни разу не приезжала на Новый год. С Дашей они провели не один новогодний праздник, но не мог он сказать, что она была любимой, да и с его друзьями она не желала общаться. Теперь с Олесей и рай в шалаше, но лучше в своей квартире.

Сразу после новогоднего праздника состоялось заседание жилищной комиссии. Квартирный вопрос Лукина был решен. Куликов сообщил, что письмо его Министра подействовало на комиссию больше, чем другие доводы, хотя были мнения, чтобы предложить ему размен квартиры. Конечно, многие семьи идут на фиктивный развод, а потом подают в комиссию заявление о предоставлении бывшему мужу, как правило, комнаты за выездом, так как квартиру он оставляет жене и детям. Вот такими методами народ улучшал свои жилищные условия. Поэтому Исполкомы были завалены подобными вопросами, и очередь была неимоверная на получение комнат за выездом прежних жильцов. Одним постановлением Исполком расселял коммунальные квартиры и тут же другим решением заселял их нуждающимися в жилье. Но у Лукина был особый случай. Образована новая семья, и его поддерживают руководители Свердловского района Москвы. Он был рад такому скорому решению безмерно и позвонил Даше, чтобы она не тянула, а получила бы в Исполкоме смотровой ордер и занялась оформлением жилья.

– Эта комната такая, как обещал? – спросила она.

– Еще лучше, только поторопись, иначе могут перехватить, – сказал Виктор.

– А как имущество будем делить?

– Возьми, что хочешь, а ключи от квартиры оставь соседке Надежде после переезда. Я знаю, что сама звонить

мне не будешь.

– Хорошо. Ключи оставлю Надежде, но мне надо в новой комнате сделать ремонт, чтобы переехать.

– Даша, только не тяни. В той квартире никого нет, и все имущество можно перевести и прихожую и на кухню на время ремонта, – Виктор понял, что Даша начала вредничать и не стал накалять отношения. Оставалось дождаться звонка соседки Надежды, которая была его коллегой по работе в МВД и у них давно сложились дружеские отношения. Они дружили семьями и он уверен, что так и продолжится с Олесей.

Ежегодно по указанию дедушки Ленина на Руси происходит маленькое чудо и через две недели после празднования Нового года, в ночь с 13 на 14 января многие граждане отмечают с улыбкой Старый Новый год. Осталось по просьбам трудящихся объявить 14 января нерабочим днем. В 1990 году Старый Новый год удачно выпал с субботы на воскресенье и друзья Лукина по традиции готовились к празднованию. Однако 13 января Лукину после обеда поступил сигнал на мультитон о необходимости связаться с дежурным по Госавианадзору СССР.

– Здравствуйте, Бочаров. Что тревожите в выходные? – спросил Лукин.

– Под Первоуральском разбился Ту-134, выполнявший рейс Тюмень – Уфа – Волгоград. В районе Свердловска в грузовом отсеке самолета из-за короткого замыкания возник пожар. Экипаж пошел на вынужденную посадку и неудачно. Есть погибшие и раненые. Председателем комиссии назначили заместителя Министра Рудольфа Амбарцумовича и он включил Вас в комиссию. Дежурная машина вышла за ним на Войковскую и на обратном пути заберет Вас. Деньги и командировочное удостоверение у

водителя, на ближайший рейс до Свердловска места заказаны через депутатскую комнату, – сообщил дежурный.

В аэропорту Домодедово бортпроводница депутатской комнаты проводила их в первый салон самолета. Они вылетели в родной город смутьяна Ельцина. По сообщению бортпроводницы самолета в Свердловске лютовали сорокоградусные морозы. Пока летели, Лукин вспомнил рассказы деда Алексея Михайловича, который после Соловецкого лагеря пять лет с детьми провел в ссылке на Северном Урале в Нижней Салде, а мама работала во время войны на «Уралмаше» электросварщицей и варила башни для танков. Будет ли у него время, чтобы навести справки о маме, деде и всей родне?

Их встретили руководители Уральского управления гражданской авиации вместе с замполитом Выходцевым Александром Сергеевичем, который был назначен в комиссии руководителем подкомиссии аварийно-спасательных работ. Он и доложил по обстоятельствам катастрофы.

– Самолет Ту-134 совершил вынужденную посадку в районе Первоуральска в пятидесяти километрах от аэропорта Кольцово на заснеженном сельскохозяйственном поле. Когда обнаружили самолет, уже стемнело и к месту катастрофы пришлось пробиваться спасателям на бульдозерах и больших пожарных машинах «Урал» в ночное время. Другая техника пройти не смогла. После расчистки снега автомобили скорой медпомощи развезли раненых по больницам Первоуральска и Свердловска. Погибло около тридцати человек. По предварительным сведениям стало известно, что на высоте десять тысяч метров через полчаса после вылета из Тюмени сработала сигнализация о дыме в заднем багажном отсеке. Экипаж начал экстренное снижение, но на высоте двух километров последовало

сообщение о пожаре в обоих двигателях. Отказали авиагоризонт и курсовая системы. Экипаж, не зная о своем местонахождении, принял решение о посадке на заснеженное поле с выпущенными шасси. После касания с землей самолет подбросило, потом он еще дважды коснулся земли и понесся по глубокому снегу. На его пути оказалась засыпанная снегом труба оросительной системы. При ударе об нее самолет перевернулся, хвостом вперед продолжал скользить по снегу около километра по лесу на краю поля, круша деревья. Оторвало крыло и шасси. Аварийно-спасательные работы проводились в сложных погодных условиях при сорокаградусном морозе, поэтому были обморожения. Для работы на месте происшествия мы подготовили комплекты одежды для Госкомиссии, – доложил Александр Сергеевич.

Расследователей экипировали в меховые изделия с ног до головы, так как их городская одежда не соответствовала погодным условиям. Бежевые свитера из верблюжьей шерсти с темно-синими комбинезонами и куртками на цигейке, и, конечно, унты. А чтобы не замерзнуть в полевых условиях, им выдали еще полушубки из «чертовой кожи», как называли их летчики. Этим полушубкам не страшны никакие ветра. Комиссия работала в обычном режиме. Поиск «черного ящика» и расшифровка всех носителей информации, осмотр места происшествия и эвакуация деталей и узлов планера для проведения необходимых экспертиз.

Установили, что в 12 часов 24 минуты по московскому времени самолет Ту-134 рейса 6246 вылетел из тюменского аэропорта Рощино и через двадцать минут экипаж доложил о занятии эшелона 10 600 метров, а в 12:45 в кабине экипажа сработала сигнализация «Дым в заднем ба-

гажном отсеке». Бортмеханик осмотрел отсек заднего багажного, но ликвидировать пожар имеющимися на борту средствами не смог. В 12:47 полностью прекратилось питание самописцев. В момент прекращения записи параметры полета были на эшелоне 10600 м, с приборной скоростью 490 км/ч. В 12:48 экипаж доложил диспетчеру о пожаре двигателя, об экстренном снижении и вынужденной посадке в аэропорту Кольцово. В 12:49 диспетчер дал удаление и разрешил снижение до высоты 4 800 метров. Экипаж приступил к снижению и выпустил шасси. В 12:53 диспетчер дал указание выполнять левый разворот на посадочный курс. Разворот выполнялся в облачности и в 12:54 экипаж доложил диспетчеру круга о занятии 1 800 м и о пожаре обоих двигателей. В 12:55 экипаж выключил правый двигатель для уменьшения тяги и сокращения длины пробега на посадке. В процессе захода на посадку, не зная своего точного местонахождения, экипаж принял оправданное решение на производство вынужденной посадки вне аэродрома на поле. Выйдя на визуальный полет, экипаж подобрал подходящую площадку для посадки. В 12:56 самолет приземлился на покрытое глубоким снегом совхозное поле в 49 км от аэропорта Кольцово. Посадка произведена без крена с выпущенными шасси и убранными закрылками и стабилизатором в полетном положении. После 148 метров пробега самолет отделился от земли и произвел второе касание через 104 м обоими стойками шасси и левой плоскостью крыла. Через 44 м самолет вторично отделился от земли. Третье приземление произошло через 180 м. В том месте самолет потерял правую гондолу шасси и правую плоскость крыла, столкнувшись со стационарной системой орошения. После отделения правой плоскости под воздействием аэродинамической

силы левого крыла самолет перевернулся «на спину» с отделением киля и стабилизатора. В дальнейшем самолет столкнулся с деревьями лесополосы, в результате чего произошло отделение обоих двигателей и разрушение фюзеляжа. Полная остановка самолета произошла на удалении 1028 м от места первого касания.

На заседании комиссии обсудили результаты расследования. Ситуация на борту началась с задымления от замыкания проводки в жгуте под полом багажного отсека. Замыкание и выдало ложное срабатывание сигнала «пожар в обоих двигателях» и отказ других систем. Командир принял правильное решение о вынужденной посадке самолета при таких обстоятельствах, и если бы не труба оросительной системы на поле, то, возможно, обошлось бы без жертв. Летчики отлично понимали, что такое пожар в воздухе.

Замполит Александр Сергеевич решал задачи от аварийно-спасательных работ до одежды и обуви для пострадавших пассажиров, которые потеряли ее во время катастрофы. Оказалось, что все пассажиры летели в норковых шапках и шубах, дубленках, мохеровых шарфах и даже обувь потеряли от фирмы «Саламандра». Ну что теперь поделаешь! Пришлось замполиту мотаться по всему Уралу с письмами из облисполкома. Такие вещи были на базах по обслуживанию работников секретных объектов, расположенных на Урале. Их и раньше в магазинах не было, а теперь даже для обкомов не поставляли. Не могли пассажиры, утратившие свой багаж и одежду сговориться, чтобы получить от государства по максимуму. Видимо, сознание у народа тоже перестраивалось вместе со страной. Да и правильно они делали, потому как страховые суммы, выплаченные им, были мизерными. Никогда у нас не це-

нилась человеческая жизнь, поэтому такие выплаты. Лукин с Александром Сергеевичем только улыбались, когда слышали от пассажиров о пропавших вещах, которые можно было купить за рубежом или по спецраспределению. Они даже не пытались перепроверить их показания, так как пассажиры пережили такое, что и этого им было мало.

Вернувшись в Москву, Лукин выяснил в Исполкоме, что Даша получила смотровой ордер на комнату, но оформлять документы особо не торопилась. Он не стал звонить и торопить ее, предчувствуя, что того только и ждут. Ничего, переживет, он же предложил оставить ключи от квартиры у соседки Надежды, когда переедут.

На работе командировки сыпались одна за другой. Олеся только встретила его с Урала, а ему пора вылетать в Киргизию. Лукин раньше с удовольствие летал по командировкам, чтобы сбежать из дома, а теперь это происходило по необходимости, и Олеся опять собрала его в дорогу. В горах Тянь-Шаня произошла авария вертолета Ми-8, который обнаружили с самолета в горах недалеко от ущелья. Комиссия под руководством бывшего командующего морской авиацией на Балтийском флоте генерала Ивана Горобца вылетела в Бишкек. Лукина назначили к нему заместителем, инженерную подкомиссию возглавил Борис, а летную представитель из вертолетного отдела Валерий.

В частых командировках Лукин давно отметил, что в Госавианадзоре СССР, похоже, не существует такого понятия, как психологическая несовместимость, о чем стали упоминать психологи. Человека трудно переделать на свой лад, да и не нужно. Просто надо, видимо, держаться людей своего круга. А может быть, Лукину встречались только такие коллеги, с которыми у него складывались почти дру-

жеские отношения, от чего частые вылеты в командировки проходили без нервотрепки. Вот и сейчас их комиссия подобралась такая же, хотя с генералом Лукин никогда не вылетал на расследования.

Морозным утром самолет Ту-154–М взмыл в воздух с аэродрома Домодедово курсом на Фрунзе – столицу Киргизии. Лукину уже встречалось второе название столицы Киргизии – Бишкек.

Лукину припомнился армейский анекдот про киргиза. Подходит прапорщик к рядовому из Киргизии и спрашивает: «Вас призвали на службу в армию, на Вас надели военную форму. Кто Вы теперь стали?». – «Кыргыз», – не моргнув глазом, ответил тот. – «Вам выдали автомат. Так кем Вы теперь стали?», – допытывается прапорщик. – «Кыргыз», – стоит на своем рядовой. Прапорщик подзывает сержанта и дает команду разъяснить рядовому, кем он теперь стал. Через некоторое время прапорщик снова подходит к рядовому и спрашивает: «Ну как, поняли, кем Вы стали теперь в Армии?». – «Так точно. Чурка хренова».

Впервые он побывал в этом городе, когда работал в уголовном розыске по борьбе с наркотиками. Столица Киргизии расположена в знаменитой Чуйской долине. Давно это было. Пятнадцать лет назад, когда арестованный им за хранение килограмма анаши Вячеслав Баранов по кличке «Бяша» разоткровенничался с Лукиным. Они давно знали друг друга, но на этот раз он был взят с поличным, да еще в наркотическом опьянении. Лукин вывел его из «ломки» после наркотиков, вызвав знакомого доктора со «Скорой», который сделал ему укол 50% анальгина, а сказал «Бяше», что это морфий. Вот и повело его на откровения. «Бяша» рассказал о поездках в Чуйскую долину, где юж-

ночуйская конопля растет, как крапива или одуванчики в Подмосковье. В момент ее созревания погода стоит жаркая, и добытчики зеленого зелья раздевались догола, бегая по плантациям, от чего пыльца конопли прилипала к их потному телу. Потом они соскабливали ее с тела и вновь продолжали «кроссы по пересеченной местности». Это была самая чистая анаша по качеству.

Анаша или «план», как называли его наркоманы, были первая ступень. Обычно человек, курящий анашу, никогда не садился потом на иглу. Они их так и называют, — «плановые», но это все равно та же зависимость. К большому несчастью, в Чуйской долине сходятся три железнодорожных пути и отсюда исходят гонцы, груженные чемоданами с анашой, которые устремляются во все концы страны.

В те годы руководство страной и МВД понимало всю опасность той беды и формировало многие бригады из работников уголовного розыска всей страны, которых направляли на уничтожение этих плантаций с коноплей. Легче было уничтожить ее на корню, нежели ловить в городе многочисленных сбытчиков наркотиков. Такие же операции проводились и по «красным макам Иссык-Куля», из которых наркоманы получали опий. Теперь борьба с наркотиками происходит совсем по-другому.

«Уж лучше бы приставал к симпатичным стюардессам, чем ворошить в памяти неприятные эпизоды», – подумал про себя Лукин.

Он слегка коснулся темы наркотиков, но теперь его ожидало расследование причин катастрофы с вертолетом, который лежит на боку рядом с ущельем на высоте четыре тысячи метров и непростая задача зимой добраться до того места. Впереди четыре часа полета.

Лукин прильнул к окошку и посматривал на бесконеч-

ные облака в причудливых формах под крылом самолета. Первый салон, как обычно, был полупустым, так как бронь на билеты всегда держали до вылета самолета. Мало ли кому из высокого начальства в государстве вздумается вылетать. Поэтому их комиссия расселась поудобнее. Генерал дремал, откинувшись в кресле, Борис что-то читал, а летчик Валера ворковал со стюардессой. После женитьбы на Олесе Виктор заметил за собой, что он не окидывает взглядом салон самолета в поисках скучающей одинокой попутчицы в полете и не отпускает комплементы к симпатичным стюардессам, которые знают о его принадлежности к Госавианадзору СССР. Он стал так-то поспокойней после женитьбы, поэтому откинулся в кресле первого салона самолета и ударился в воспоминания о Киргизии.

Лукин бывал в горах западного Тянь-Шаня под Пенджикентом в Таджикистане на родине властелина Тимура и с тех пор мечтал побывать в загадочных горных цепях тех мест. Правда, зимой в горах не путешествуют, но так уж получилось. А слышал он о горах Тянь-Шаня много интересного от своих друзей.

Жизнь забросила Лукина в авиацию, поэтому встречи с коллегами из МВД стали реже. Сейчас он вспомнил рассказы эксперта-криминалиста Свердловского РУВД Володи Филимонова, с которым вместе работал. Он был немного моложе Лукина, но, как начальник уголовного розыска, всегда называл его Владимиром Ивановичем, хотя они были в приятельских отношениях. Лукину всегда нравилась криминалистика. С Владимиром он оттачивал эту серьезную и точную науку. Во всяком случае, он мог без эксперта зафиксировать и изъять с места преступления любые следы преступников и передать следователям для назначения экспертизы. Владимир никогда не возмущался,

что Лукин отбивал у него «хлеб», а тем более не было нареканий, что он загубил следы преступника при изъятии. Они часто спорили с Владимиром, но по поводу стрельбы, в которой Лукину не было равных. Владимир пытался его убедить в обратном, поэтому проигрывал в споре на радость сыщикам. Их споры всегда были на что-то, и это перепадало всем присутствующим при споре, будь то пиво, коньяк или водка. Именно он, Филимонов, заразил его своими рассказами о горах Тянь-Шаня, куда летал неоднократно с экспедициями, которые занимались поисками следов снежного человека. Для кого-то это было фантастикой, как и НЛО в горах Тянь-Шаня, но не для членов экспедиции. Володя делился с Лукиным результатами их экспедиции, потому что знал, как небезопасно было рассказывать об этом, а ему он доверял. Опасность была не только в самой экспедиции, а наибольшую опасность представляло то, что Филимонов носил погоны капитана милиции. Хотя все его экспедиции проходили во время очередных отпусков, но тема снежного человека относилась в СССР к компетенции психиатра. В «психушку» он бы не загремел, но уволить из органов могли. Володя неоднократно предлагал Виктору участие в экспедициях, но у него не получалось по времени. Экспедиции проходили в летнее время, а начальники уголовного розыска обычно отдыхали в отпусках в зимнее время и после Нового года, когда подбивали итоги борьбы с преступностью за прошедший год. И вот теперь Лукин летит в те места, о которых много слышал из рассказов Филимонова.

После первой экспедиции Володя немного изменился. Как бы посерьезнел. Рассказав Виктору об экспедиции, он показал ему снимок, сделанный ночью в горах Тянь-Шаня. На фото были отчетливо видны над горным хребтом звезд-

ное небо и светящийся след от какого-то летательного аппарата снизу вверх. Потом Володя пояснил, что в том месте нет никаких взлетных площадок, и ПВО им ответило, что в то время ими не зафиксированы на том участке какие-либо пуски ракет. Это могло означать, что Володя сделал фото неопознанного летательного объекта, как его называют НЛО. Целью его экспедиции было обнаружение следов снежного человека, а тот снимок просто случай. Виктор хорошо знал Володю, и верил ему, потому что он криминалист, и если обнаружит какие-то следы, то сможет их зафиксировать и только после того может что-то рассказать на основании фактов.

Тема поиска снежного человека среди московской интеллигенции зародилась еще в начале 80-х годов. Сенсации о снежном человеке, инопланетянах, НЛО и просто о необъяснимых явлениях происходящих вокруг людей передавались тихим голосом и были похожи на сказки. Кому-то мерещились зеленые маленькие инопланетяне, а другие рассказывали о рыже-коричневом волосатом лесном чудище.

«Закусывать надо, когда водку пьешь», – шутил по этому поводу Лукин.

Рассказ научной сотрудницы московского НИИ, которая якобы своими глазами видела снежного человека в горах Тянь-Шаня, позвал компанию Филимонова в горы. Это была разведывательная экспедиция, чтобы добыть какие-либо доказательства или опровергнуть эти сказки. На Филимонова в компании возложили обязанности по обеспечению безопасности. Капитан милиции, да к тому же эксперт-криминалист, который может дать официальное заключение по поводу обнаруженных следов, вписался в экспедицию, как нельзя лучше. Да и легкий он был на

подъем, которого друзья называли «Балаган-ака» из-за ироничного характера. Место, где якобы состоялась встреча москвички со снежным человеком, – был старейший горный заповедник, поэтому экспедиция была под официальной легендой по журналистскому расследованию.

На самом деле загадочные встречи со снежным человеком происходили и раньше, как сообщалось в прессе. Но чаще сведения такого рода в лучшем случае замалчивались, в худшем – пресекались. Согласно закрытой инструкции, бытовавшей в психиатрических клиниках до 80-х годов, «вера в снежного человека» могла рассматриваться. как один из симптомов психического заболевания. И в это Лукин верил даже больше, чем в существование этих чудищ, потому что каких только секретных инструкций о психиатрическом обслуживании граждан не существовало до последнего времени в стране Советов. Снежный человек не имеет никакого отношения к политике. Тем не менее, власти упорно сражались с ним. До Октябрьской революции проводились исследования загадочного примата, а после 1917 года закрыли эту тему. Во времена Хрущева было опубликовано ряд статей по этому вопросу и вновь молчание до середины 80-х годов.

Володя рассказал, что заповедник поразил их своей природной первозданностью, но «снежный человек на свидание» с нами так и не пришел. Единственное, что им удалось обнаружить, — это косвенные свидетельства его возможного существования. Потом местные егеря отвезли их к пастуху-киргизу в глухой район, и тот рассказал историю о встрече с семейством огромных людей, покрытых, как верблюды, шерстью буро-желтого цвета, которые на склоне кормились кореньями растений. Когда пастух

стал выглядывать из-за камня, они его увидели и убежали вверх по склону. Сначала на четвереньках, потом только на ногах. Этот рассказ показался им предельно правдивым. Пастух всю свою жизнь провел в одиночестве со стадом овец. Телевизора, радио и газет у него никогда не было, поэтому узнать о «снежных людях» из прессы он не мог. Еще больше доверия к его рассказу вызвало признание, что от непонятного страха перед этими существами он просто обмочился, и у него отнялись на какое-то мгновение ноги.

Лукин не вспомнил бы сейчас такие подробности рассказа Филимонова о страхе пастуха, если бы не встретился с Володей год назад. Коллеги из 17-го отделения милиции, где у него была лаборатория, сообщили, что он на работе сломал ногу перед Новым годом. Лукин заехал к нему домой проведать больного. Он принес ему несколько кассет с видеофильмами, чтобы он не скучал. Переговорили о коллегах и руководстве РУВД. Они и раньше никогда не выпивали спиртного, поэтому сейчас сидели за чашкой кофе.

– Я видел его в том году на Тянь-Шане, – произнес Владимир Иванович, – правда, на большом расстоянии в бинокль. Я заметил вечером на склоне горы какое-то движение. Смотрю – киик-адам. Бегает взад-вперед, переворачивает камни.

– Кого ты видел, Владимир Иванович? – переспросил Лукин, хотя понял, о ком идет речь.

– «Снежного человека». Он, наверное, почувствовал, что я на него смотрю, и скрылся за горой. Да только нельзя мне было его видеть. С ним может встречаться только человек чистый и просветленный. Я к этому стремлюсь, но не дошел до того, поэтому встреча оказалась преждевре-

менной. И вот получил сигнал свыше, – он похлопал по своей забинтованной ноге в гипсе. – Иначе, с чего бы мне ломать ногу в своей лаборатории на ровном месте? Я уверен, что страх перед троглодитом, намного превосходящий уровень естественной настороженности по отношению к неизвестному, объективно имеет место. Может ли этот страх, переходящий в панический ужас, вызывающий неожиданные, подчас трагические последствия, получить какое-то разумное объяснение?

– Володя, а ты не преувеличиваешь?

– Я за эти годы пообщался со многими свидетелями таких встреч. На Кавказе, в горах Тянь-Шаня и Ленинградской области, где на болотах с ним встретилась группа солдат срочной службы. На следующий день у всех появилась резкая головная боль и повысилась температура. Я тогда побеседовал с одним из них, и он поведал мне о страхе, что волосы дыбом встали в буквальном смысле. По всему телу жуткие мурашки. Мне стало ясно, что у ребят был просто шок от страха.

Владимир Иванович сделал паузу, а потом поведал, что не верит он в богов, но верит в то, что есть силы и законы, управляющие миром, стоящие выше наших знаний и людей и в то, что есть явления, которые, хотя и подчиняются законам физики и химии, но никогда не будут поняты людьми. Но больше всего он доверяет фактам. Он еще рассказал о некоторых фактах встреч других людей со «снежным человеком» и как это отразилось на их здоровье.

После беседы Виктор пожелал ему скорейшего выздоровления и поехал на работу. Ему опять показалось, что Володя изменился, но в чем были его перемены, он так и не уловил. Во всяком случае, он уже не тот «Балаган-ака»,

которого знал Лукин. А может быть оттого, что они долго не виделись, но после его рассказов Лукин не загорелся желанием увидеть «снежного человека», который так и остался для него больше сказкой, чем былью.

До посадки во Фрунзе было еще время. Двигатели самолета ревели монотонно. Что же не понравилось киргизам в названии их столицы Фрунзе. Полководец Красной Армии Михаил Васильевич Фрунзе, обаятельный и мужественный большевик, герой гражданской войны был родом из этого города и немало сделал для становления республики. Он сделал бы еще больше, но его судьба, покрытая тайной борьбы за власть, трагически оборвалась. В начале века населенный пункт Пишкек насчитывал 7 тысяч человек. Как поселок городского типа, он только при советской власти стал столицей Киргизия с населением свыше 400 тысяч человек, из которых только, согласно переписи, 12% были киргизы, а 67% русские. Видимо поэтому, киргизы пока не поднимали вопроса с русским населением, как в соседнем Узбекистане или Закавказье, или в Прибалтийских республиках.

Над проходом в салоне самолета включили табло: «Пристегнуть ремни». Стюардесса объявила, что самолет начал снижение, попросив пассажиров занять свои места. Вскоре справа показались верхушки снежных гор и дымка от тумана или низкой облачности у подножия гор. Самолет прорезал облачность и оказался в тумане с видимостью более ста метров. Боковой ветер дул поперек полосы, от чего видимость в тумане увеличивалась. Мягко коснувшись колесами ровной поверхности аэродрома, самолет побежал по дорожке. Командир включил реверс и самолет начал экстренное торможение. Они рулили на стоянку за автомобилем, который в тумане показывал нам дорогу.

Двигатели выключены. В салоне воцарилась тишина. Пока ждали трапа для выхода из самолета, туман на глазах быстро надвигался, и вскоре окутал весь аэродром. Полеты закончились, и на взлетном поле стало непривычно тихо.

«Как быстро меняется погода в резко континентальном климате», – подумал Лукин.

Туман покрыл все плотной пеленой. Но это сейчас никого не беспокоило, так как они вышли из самолета и почувствовали под ногами твердую землю. На аэродроме было сыро, но по-весеннему тепло, а весна всегда повышала настроение. Лукин расправил плечи от долгого сидения в кресле и с удовольствием вдохнул всей грудью теплый горный воздух с запахом керосина от самолетов. Желтый диск солнца едва был заметен сквозь туман, а это означало, что вскоре солнечные лучи съедят его и они увидят горы. Но пока они реально могли бы улететь на запасной аэродром в Душанбе или Фергану из-за тумана.

У трапа самолета их комиссию встретил руководитель УГА Киргизии и предложил сначала проехать в управление. По дороге он сообщил, что экипаж вертолета обнаружили. К счастью, они оказались живы, только второй пилот сломал ногу. В Бишкеке днем стояла уже теплая весенняя погода, но ночью были морозы, а в горах температура доходила за минус тридцать, да еще с сильным ветром.

На первом заседании комиссии заместитель начальника управления гражданской авиацией Киргизии сообщил, что со слов экипажа вертолет во время полета в горах приблизился к склону заснеженной горы. От солнечных бликов потерял дистанцию и зацепил хвостовым винтом за склон заснеженной горы, от чего упал на крутой склон с углом около 60 градусов, на высоте 4000 метров. Падение было удачным, если это можно так назвать, по-

тому что вертолет не крутило, и он не перевернулся, а сполз по крутому склону вниз, как на санях, уткнувшись носом в сугроб. Внизу он остановился на небольшом горизонтальном плато шириной метров двадцать, а нос вертолета завис над бездонной пропастью в ущелье. Экипажу повезло, так как если бы вертолет проскользни еще несколько метров, то вряд ли кто остался бы в живых. Да из ущелья достать было бы вертолет практически невозможно. Вертолет лежал на высоте около четырех тысяч метров, и работа предстояла серьезная, если не сказать рискованная. Но сначала необходимо было дождаться погоды, позволяющей долететь до места аварии. Как и в милиции, в авиации были свои хитрости в статистике авиационных происшествий. Катастрофой воздушного судна считалось происшествие с жертвами людей. В данном случае, к счастью, все были живы, поэтому считалось аварией.

Но руководство УГА Киргизии не устраивала и авария в статистическом отчете, поэтому, не считаясь с материальными затратами, они решили сделать из аварии поломку вертолета и восстановить его. Для принятия решения по восстановлению необходимо осмотреть вертолет специалистами комиссии на месте. Потом доставить вертолет на авиабазу для восстановления, а он лежал в горах на высоте 4000 метров и на краю пропасти. Местные руководители предложили комиссии поднять вертолет с помощью двух мощных вертолетов Ми-26, для чего нанять альпинистов, которые установят страховки и зацепят вертолет на тросах для подъема. Такое предложение было на уровне цирка «Шапито». По Положению о расследованиях авиапроисшествий, поломку должна расследовать комиссия УГА Киргизии, а члены Государственной

комиссии могут возвращаться домой в Москву. Однако принять решение о передаче расследования коллегам из Киргизии, как минимум, необходимо было специалистам Госкомиссии. Они должны были провести осмотр места происшествия и вертолета, чтобы дать заключение, что вертолет можно восстановить.

Московская комиссия решила переместиться в гостиницу и в спокойной обстановке провести заседание, потому что вылетать на место аварии можно было только утром, а экипаж был уже опрошен и они решили пока не тревожить выздоравливающих.

– Наши коллеги из Киргизии предлагают очень опасное мероприятие, которое, кроме улучшения их статистики и больших материальных затрат, ничего для авиации не даст, – сообщил председатель инженерно-технической подкомиссии Виктор Хромов.

Он был из вертолетного отдела, а Лукина больше направляли на расследование тяжелых самолетов, потому он впервые вылетел с генералом Горобцом, инженером Хромовым и летчиком-инструктором по вертолетам Валерой Кузнецовым.

– Место происшествия на высоте 4000 метров, где, по показаниям экипажа, многометровый снежный покров. Сам по себе полет вертолета МИ-8 в горах на предельной высоте опасен, а туда придется доставлять альпинистов. Борт лежит в снегу на краю пропасти, а что под снегом никто не знает. Нос вертолета завис над пропастью. А если под ним нет твердой поверхности? Вертолет может продавить снежный покров и в любую минуту сорваться в пропасть. Один неверный шаг и крах, – согласился с Хромовым Председатель комиссии. – Что решаем, «мой боевой зам»? – спросил он Лукина.

– Без осмотра места происшествия нам не обойтись. Осмотр надо делать обязательно, но не хотелось бы, чтобы рискованная операция по эвакуации вертолета была в нашем присутствии. Опасная авантюра. Нам их статистика «по барабану», а получить цирковой номер под куполом неба «под знаменами» Госавианадзора СССР можем по полной программе. При удачном завершении операции вертолет поднимут, отремонтируют, а через месяц спишут. В результате одни необоснованные затраты и объяснения прокурору, а если пойдет не так, то и тюрьмой пахнет. Думаю, что «Шапито» на высоте 4000 метров нельзя допускать. Нам это надо? Местные бабаи мыслят не по государственному. После столкновения вертолета с горой вряд ли можно его восстановить и потом летать на нем. Поэтому возможна разборка вертолета на запчасти и эвакуация лучше летом, а не в тридцатиградусный мороз, – высказал свое мнение Лукин.

– Я с НКВД согласен, – улыбнулся генерал и добавил серьезно, – все, готовим вылет на место происшествия и не забывайте, что в горах передали до минус 35 и ветер.

– С удовольствием. Редко бывает такое, что во время расследования делать нечего, кроме как ждать вылета. Только вылет в горы готовлю я сам лично. У меня допуск к полетам до 6000 метров, а у местных пилотов надо еще проверить допуска к полетам на таких высотах, – предложил летчик Валера.

– А что есть сложности в получении такого допуска? – спросил Лукин.

– Полеты в горах требуют довольно сложной летной подготовки. Сразу к полетам на таких высотах не допускают. Сначала вертолетчик получает разрешение летать на 1000 метров, потом после ста часов налета на 2000, потом

на 3000 метров, а после – допуск через каждые 500 метров, – сказал Валера.

– Значит самый высокий допуск у пилота-инструктора 6 тысяч метров? – спросил Лукин.

– У меня максимальный допуск, но вертолеты так высоко не летают. Обычные рабочие высоты до 4000.

– Валера, а какие потолки у вертолетов?

– Местные хотят использовать Ми-26, у них потолок до 6500 метров, но их не используют в горах. А Ми-8 могут летать до 6000 метров, но на тех высотах нужен кислород.

– Чем грозит командиру экипажа нарушение высотного допуска?

– Могут лишить свидетельства пилота, – сказал Валера.

– Если ликбез закончился, и вопросов больше нет, то предлагаю по сто грамм за прилет и партию в преферанс. Идет?– спросил генерал.

– С удовольствием, – сказал Лукин.

– Председатель инженерно-технической подкомиссии Виктор Хромов в преферанс не играет, поэтому проверяет экипировку для комиссии к вылету в горы совместно с руководителем аварийно-спасательных работ аэропорта. Так пулю записывает каждый сам себе, – подвел итог небольшого совещания Председатель.

Лукину нравилось играть в карты в компании, которая не знает его нестандартных ходов, против всякой логики, так что есть возможность, пока его не узнали, как игрока-экстремала, разобраться с партией. Вскоре он так и сделал – при розыгрыше ловленного мизера сделал нелогичный снос и выиграл.

– Авантюрист появился и в нашей компании, – оценил его ход генерал.

– Нет, я просто учусь в карты играть, – сказал Лукин.

– Это вот им расскажи, а я-то игрок в преферанс со стажем, – засмеялся Председатель.

С вечера решили после одной партии в преферанс и ста граммов не заводиться, а хорошо отдохнуть перед вылетом в горы. Виктор вернулся к вечеру и доложил о готовности комиссии к вылету утром, что все находится на борту вертолета: одежда, унты, сухой паек.

– А спирту пять литров выписал? Из расчета литр на члена комиссии плюс один? – поинтересовался Лукин.

– Склад закрылся, и мы не успели.

– Значит, комиссия к вылету не готова. Вылет запрещаю, если утром не успеешь получить спирт, – серьезно заявил Лукин.

– Это что – шутка такая? – спросил Виктор.

– Даже очень серьезно. Сами лучше меня знаете, что на высоте четыре тысячи метров у вертолетов где-то рядом потолок высоты полета. Да еще погодные условия, мороз и ветер. А если вынужденная посадка? Нет, ребята, ночь в горах при минус тридцати – это не шутка! Вызовите кладовщика сейчас или рано утром, – поддержал Лукина Председатель комиссии.

Так они и сделали. Теперь был полный порядок. Спиртными напитками их и так снабжали киргизские коллеги, чтобы они особо в горы не рвались, поэтому спирт нужен был на самом деле в целях безопасности.

Лукин летал на вертолетах, но над морем. Председатель предложил остаться ему на земле, но Лукин давно хотел побывать в горах Тянь-Шаня, а кроме как на вертолете туда не доберешься. В горах появляется привычка смотреть вверх. Может быть от того, что смотреть вниз страшно. Здесь можно своими ногами потоптать облака, поднявшись выше их, и убедится, что днем солнце светит

всегда, а ночью на небе яркие звезды. Какой-то заряд бодрости дают горы и уверенности в себе, что ты это сделал, поднявшись пусть на вертолете, но на вершины Тянь-Шаня. В горах есть что-то магическое и необъяснимое. Там можно только смотреть на величественные красоты и радоваться жизни.

– Валера, как я понял со слов экипажа, в том месте можно приземлиться только на то небольшое плато, на котором лежит вертолет. А вокруг ущелья и по-другому добраться до него невозможно? – спросил Лукин.

– Да, другого места для посадки нет, – сказал Валера.

– А кто знает, выдержит ли пласт снега наш вертолет и не сползет ли он в пропасть? – Лукин продолжил пытать по теории полета летчика Валеру.

– Экипажу вертолета Ми-8 разрешается посадка до высоты 4000 метров. А летать можно при минимальном весе вертолета до 6000 метров. Поэтому сначала высадим спасателей. Они подберут место для посадки, – сообщил Валера.

– Валерий, значит, правильно по решению Правительства нашу комиссию одевают в шмотки летчиков-испытателей? Завтра будем работать на грани допустимого? – спросил Лукин.

– Нам бы еще и зарплату, как у них. Тебе за полковничьи погоны платят, поэтому зарплата похожа на летную, и я получаю, как летчик-инструктор полторы тысячи рублей, а у инженеров только пятая часть от нашей зарплаты.

Задача состояла в том, чтобы высадить на площадке пять человек. На совещании они решили выполнить ее в два этапа. При первом заходе высадить двоих, а на втором, когда выработается часть топлива и «первый десант»

осмотрится на месте, высадить еще троих. По инструкции посадка возможна в зависимости от погоды, и какой запас мощности будет иметь вертолет, так как самое главное – взлететь с той высоты. На тот случай была отработана методика срыва, когда вертолет соскальзывал вниз, набирал в падении достаточную скорость и переходил в горизонтальный полет. Опять «Шапито», но уже при полетах.

Утром полет состоялся. Погода стояла миллион на миллион, как выражались летчики, когда не было на небе ни облачка. Самым волнующим моментом оказалось преодоление «на бреющем» нескольких перевалов, когда вертолет проносился над поверхностью земли всего в нескольких мерах. А затем выскакивал над бездной, в глубине которой где-то далеко внизу змеилась речка. Почти вертикальные каменные склоны превратились в снежно-ледовые стены, мимо которых лихо несся их летательный аппарат. Между склонами лежали многометровые шапки снега. Высунувшись в открытое окно, Лукин непрерывно снимал фотоаппаратами фантастические пейзажи. Олеся предусмотрительно дала ему свой «Никон» с цветными пленками. Он по очереди отогревал фотоаппараты под меховой курткой и вновь снимал.

«Когда это еще смогу увидеть вновь? И смогу ли вообще?», – подумал Лукин про себя.

Внезапно вертолет, пронырнув через щель между скалами, очутился над длинным, разорванным ледником. Внизу сверкали на солнце белоснежные шапки снега. Местами солнце испарило снег, и ледник, обдутый ветрами, предстал не белоснежным, а неухоженным и неопрятным, покрытым грудами рыжих и черных камней, с огромными поперечными трещинами и замерзшими блюдцами озер. Лукин представлял, какие снимки получатся после полета.

«Будет, что показать Володе Филимонову. Он в этих местах вряд ли бывал. Во всяком случае, зимой точно. Где-то здесь обитают снежные барсы и, возможно, "снежный человек"», – подумал с улыбкой Лукин.

Места дикие и величественные. Немое царство козерогов и их вечных спутников – снежных барсов. Чуть ли не единственное на земле место, где сохранились еще эти редчайшие барсы. Недаром на мировом аукционе в обмен за такую «кошку» дают слона! Его еще называют ирбисом, и считается он королем тех мест. Поймает горного козла, напьется крови, как вампир, а мясом только немного закусит. Ирбис никогда не возвращается к брошенной туше. Ему давай только свежее, чтобы еще теплую кровь пососать. Он напоминает леопарда или тигра, но отличается от них своими черными пятнами на серебристо-белом мехе, короткими ногами, длинным, очень пушистым хвостом и еще тем, что он живет в более суровом климате, чем его сородичи. Местом его обитания являются горы, где лежит вечный снег. Именно поэтому барса называют снежным. Это сильное и красивое животное выбрало высотную местность потому, что здесь обитают горные козлы, главный источник его пропитания. Причем, он поднимается по склонам гор на высоту пять тысяч метров, выше вертолета.

Окрас Ирбиса говорит о загадочности и скрытности зверя. Барс – хищник-одиночка. Он всегда сам по себе. Можно сказать, что барс – кошка-призрак. Увидеть его удавалось совсем немногим. Лишь долговременные поиски позволяли увидеть этого красавца. Барс, как призрак, то появится на склоне горы, то исчезает мгновенно, как бы растворяясь в горах».

Они благополучно долетели до упавшего вертолета, но

высадиться не решились, так как в горах менялась погода. Экипаж ЯК-40, совершавший рейс на Талас, пролетал над ними и передал с борта, что с севера надвигается грозовой фронт. Около 20 минут Валера кружил над пропастью, на краю которой лежал вертолет, оценивал возможность посадки, нащупывая восходящие и нисходящие потоки. В горах без такой оценки никак нельзя. Прекрасная видимость, голубое небо. Ветер северный 8-10 метров в секунду. Температура минус 15 по Цельсию, но на солнышке.

Лукин успел сделать фотографии места происшествия и вертолета во всех ракурсах с близкого расстояния. Он отщелкал две пленки, не жалея, потому как лететь второй раз сюда ему уже не очень хотелось. Ми-8 сильно потряхивало на этой высоте при порывах ветра, а с севера уже наплывали серые с синевой грозовые тучи. Валера поднял вертолет выше гор и направил на аэродром. Когда они вернулись, поле уже затянуло облачностью, и началась снежная поземка.

Лукин вместе с местным экспертом занялся своим любимым делом – фотографией. Сделал фотографии деталей и узлов вертолета, а главное двигателя, который был порядком разрушен. Хвост вертолета был оторван, но по фото невозможно было определить силу удара и сделать вывод о возможности восстановления машины по фюзеляжу. Это можно было прощупать и определить только при осмотре вертолета специалистами.

Уже по фотографиям было ясно, что вертолет восстановлению не подлежит, но киргизских коллег снимки не убедили. Они четко настроились на придание авиационному происшествию статуса поломки и настаивали на необходимости визуального осмотр вертолета и заключения

комиссии.

Снежная буря разыгралась не на шутку и до гостиницы в центре столицы они добрались с трудом. У комиссии вновь образовалось свободное время по погодным условиям. Лукин сделал пачку фотографий снежных пейзажей Тянь-Шаня. А что делают «воздушные работники» в нелетную погоду? Правильно: кто-то читает книги, а кто-то играет в преферанс. Кстати, книги в Киргизии были все на русском языке и, как в Узбекистане, лучшие произведения мировой художественной литературы, которую в Москве не купишь даже за талоны. Лукин и здесь купил несколько книг.

Они ежедневно готовились к вылету на место происшествия, над которым проходила трасса самолетов Як-40 от Бишкека до Таласа. Экипажи самолетов докладывали диспетчеру точный прогноз погоды над тем местом. Они каждый раз садились в вертолет и взлетали, но вскоре получали сообщения об ухудшении погодных условий и возвращались на аэродром. В течение недели облачность над упавшим вертолетом несколько раз открывалась на короткое время, но его не хватало, а о высадке в горах не могло быть и речи. У них закралось подозрение, что киргизские коллеги сами закручивают такую погоду, чтобы комиссия не смогла добраться до осмотра вертолета и вынесения заключения, но конец зимы в горах всегда обусловлен частыми снегопадами и быстрой сменой погоды.

Наигрались они вдоволь в преферанс. Сухими пайками со спиртом были забиты холодильники, так как на каждый вылет давали новый паек, где были шоколад, соки, галеты, вторые блюда в фольге и многое другое. Когда сухие пайки надоедали, то всей комиссией выходили из гостиницы на обед в ресторан, где цены были вполне приемлемыми, а

готовили вкусно, как везде на Востоке. После обеда проходили через «Ош базар», покупая фрукты и курагу, которыми торговали в основном узбеки из Ферганской долины. При виде русских, да еще в летной форме, узбеки оживились. Лукин шел немного впереди с генералом, а Валера с Виктором чуть отстали.

– Можно Вас попросить подойти, – окликнул узбек Лукина.

Он не сразу понял, что к нему обращаются, и показал на себя пальцем:

– Ты ко мне?

– Да-да. Подойдите к нам. Смотрите, какие у нас лимоны. Купите, мы уступим в цене, – предложил узбек.

Лукин подошел с генералом к прилавкам, за которыми кучками лежали лимоны, гранаты и различные сухофрукты. Он сравнил их базар с Самаркандским и ему стало скучно.

– Но я не хочу лимоны, – возразил Лукин.

– Тогда купи гранаты. Очень сладкие и сочные.

– И гранаты не хочу, – ответил Лукин и повернулся уходить.

– Э-э, – протянул узбек, – на рынке надо торговаться. Смотри. Я уступаю вам по двадцать копеек с каждого лимона и получается, что каждая кучка стоит по рублю, а если возьмете все кучки, то еще уступлю.

Лукин замотал головой и отошел от прилавка. В это время подошел Виктор и спросил, что происходит:

– Да вот доторговались с узбеком, и он все кучки лимонов отдает за рубль, – пошутил Лукин, не понимая, что будет дальше.

Виктор молча подошел к прилавку, открыл свой портфель и сгреб в него все кучки с лимонами, от чего на лице

узбека появилась улыбка, но ненадолго. Улыбка исчезла, когда Борис протянул ему один рубль, вместо семи за семь кучек. Теперь узбек принялся объяснять, что надо еще шесть рублей. Виктор высыпал лимоны обратно на прилавок. Узбек предложил ему одну кучку, но тот отказался.

Лукину нравилось копаться на центральной площади столицы в книжных развалах. Больше всего, его интересовали букинистические издания, на которые здесь никто не обращал внимания. Так у него в руках оказался сборник материалов по Азии с бумажной обложкой желтого от времени цвета. Он бегло полистал его и приобрел только из-за одной фамилии путешественника, который ходил в начале века с экспедициями по тем местам. Лукину приходилось неоднократно изучать историю СССР, но имя барона Маннергейма всегда было связано с понятием «Линия Маннергейма» во времена войны с Финляндией, а потом с немцами. После революции имя Маннергейма, если и упоминалось, то только в контрреволюционном и антисоветском контекстах.

Лукин уединился в своем номере гостиницы и жадно вчитывался в желтые страницы. Оказалось, что барон Карл Маннергейм, швед по национальности, был в течение тридцати лет офицером русской армии. Дослужившийся до чина генерал-лейтенанта, он, в прошлом выпускник Николаевского кавалерийского училища, был участником Русско-японской и Первой мировой войн. Из 124 наград Маннергейм больше всего ценил скромный крест ордена Святого Георгия, которого был удостоен за личную храбрость в 1914 году. Но не это удивило Лукина. Карл Маннергейм был выдающимся путешественником, который совершил в 1906-1908 годах экспедицию от Самарканда до Пекина, верхом на лошадях. Цель экспедиции барона

Маннергейма была напрямую связана с неудачами России в недавней войне с Японией. Пройдя по провинциям застенного Китая, полковник Маннергейм должен был ознакомиться с подготовкой обороны страны, обучением войск. Сопровождал экспедицию казак Сибирского казачьего полка Луканин и еще несколько «наемных людей» из местных жителей, включая переводчика. С большими трудностями экспедиция преодолела горные хребты Тянь-Шаня и прошла через ворота Великой Китайской стены. Маннергейм сделал в экспедиции полторы тысячи снимков. Путешествовал он по заданию Генерального штаба Русской императорской армии и был он в те годы иностранцем по происхождению, но истинным россиянином по жизни. К такому выводу пришел Лукин после ознакомления со сборником.

Во время прогулок по городу генерал обратил внимание членов комиссии на скопления местной молодежи на центральной площади и в районе базара. Сборища были до тридцати человек, которые возбужденно что-то обсуждали. По обрывкам фраз Лукин понял, что это были студенты, которые поднимали вопрос о родном языке и о земле. О таких требованиях он уже слышал в республиках Прибалтики и Армении. Значит, и до нищей Киргизии докатились такие настроения. Лукин зашел к своим коллегам в МВД Киргизии и выяснил обстановку, которая могла взорваться в любой момент. В соседнем Узбекистане уже звучали призывы к физическим расправам над русскими. Ему не верилось, что совсем недавно он отдыхал у своего друга Нарзулло в Самарканде, и вот на тебе. Лукин не мог такого предвидеть, когда отказался три года назад от предложенной ему должности первого зама УВД Самаркандской области. Теперь он понимал, как он был близок к

тому, чтобы оказаться БОМЖом по жизни, согласись на ту должность.

Бывшие коллеги из уголовного розыска в МВД Киргизии пояснили ему, что конфликт в Ферганской долине назревал давно из-за земли, которой владели десятки тысяч турок-месхетинцев, расселившиеся здесь еще со времен сталинской депортации 1944 года. Нехватка земли остро ощущалась в республике и обострила проблему до крайности. Ведь хлопок занял все посевные площади. Хлопковые плантации начинались чуть ли не у крылечек домов, они потеснили сады, бахчи и огороды. Стало невозможно вести какое-либо строительство. Дома в городах и селах Ферганской долины были построены так тесно, что их обитатели жили фактически под одной крышей. Казалось, можно было пройти из одного селения в другое по крышам домов.

Лукин прошелся по площади Бишкека, которая гудела, как улей. В такой обстановке ничего не стоило внушить коренным жителям, что якобы турки-месхетинцы заняли все лучшие земли и без них было бы просторнее. И не были эти турки-месхетинцы турками, а это были грузины из Месхетии, обратившиеся в ислам и усвоившие турецкий язык во время пребывания под властью Османской империи. Однако настоявшие еще в 1944 году на высылке этих лиц в Среднюю Азию грузинские власти категорически отказывались принимать их обратно, так как их земли были уже распределены между новыми хозяевами. Так Сталин с Берией, наверное, улучшали условия жизни своим землякам. Во всяком случае, такая версия была во время депортации народов Северного Кавказа, когда их земли заселялись грузинами.

Лукину пришла мысль сравнить Киргизию со Швейца-

рией. На территории Киргизии можно было бы разместить пять Швейцарий. Почему возникло сравнение со Швейцарией? Наверное, потому, что схожи эти страны по рельефу местности, где две трети гор, а остальное – озера с альпийскими лугами для пастбищ и небольшими долинами для земледелья. Даже туризм там схожий по горам и озерам. По географической широте Киргизия находится на уровне Италии, что южнее Швейцарии, но климат все ровно посуровее будет в Киргизии. На этом, пожалуй, сходства заканчиваются. В Швейцарии нет полезных ископаемых, а в Киргизии добывают золото, ртуть, уран, сурьму и редкоземельные металлы, не считая экспорта хлопка и электроэнергии с нескольких ГЭС. В Швейцарии высокопродуктивное сельское хозяйство с упором на производство мясомолочной продукции, а в Киргизии хлопок произрастает чуть ли не в каждом палисаднике.

По Бишкеку расползались слухи о «руке ЦРУ» в разжигании этих конфликтов и о «руке Москвы». Лукин склонялся ко второй руке больше, и кто-то явно льстил ЦРУ. Кто спровоцировал массовые беспорядки, не думал, что они будут сопровождаться совершением уголовных преступлений. Тогда и началось привлечение сотрудников уголовного розыска к раскрытию преступлений. Никто не мог произнести слова об истинных причинах тех преступлений. Такое уже было в далеком 1962 году. Сотрудники уголовного розыска еще не понимали, что их превращают в политическую полицию. Да и что могли сделать те, которые это понимали? Ничего. Они расчищали хаос, который совершался по секретным указаниям «сверху».

Лукин пришел к выводу, что сценарии всех событий были с «одной кухни» и авторы одни и те же. И киргизы здесь ни при чем. Директива была спущена из Москвы, а

на местах услужливые руководители областного масштаба донесли ее до бунтовавшего народа, и можно было догадываться в каком виде. И причины такому решению вполне объяснимы. Не дать Киргизии, самой тихой и спокойной из всех республик поднять голову, чтобы не допустить создания в ней демократических преобразований. Когда люди во многом нуждаются, ничего не стоит их спровоцировать, а провокаторов для этого в обществе всегда хватает. «Почему у турков есть земля, а у нас нет?! – возмущенно кричали одни. – Это наша земля!». – Толпа подхватила эти лозунги, и пошло-поехало. Запах крови превратил лждей в неуправляемые массы.

Лукин понимал, что народ бунтует с голодухи, а его, сытого и довольного жизнью, потянуло на политику. Все правильно. Нельзя правителям доводить народ до таких состояний, а надо выбирать что-то среднее, но не хотелось Лукину быть середнячком.

Ждать, как говориться, «у моря погоды» можно было бы долго. Председателем комиссии была достигнута договоренность с коллегами из УГА Киргизии о том, чтобы отложить все мероприятия по расследованию до установления погоды в горах, а значит, до весны. Генерал доложил об этом руководству в Москву. Затем он принял решение о возвращении комиссии домой. Бывали и такие расследования, но в Москву Лукину вернуться не удалось. Он получил указание вылететь в Ташкент, где его встретит другая комиссия по расследованию и вручат новые документы на командировку.

Его подбросили на Як-40 до Ташкента. И опять он летел через горные хребты Тянь-Шаня. Перед вылетом он узнал, что в четырех километрах от взлетной полосы аэропорта Кабула упал и взорвался Ил-76. На месте падения

практически ничего не осталось. Предположений о причинах взрыва было немного: попадание ракетного комплекса «Стингер» или минирование. Но причину установить так и не удалось. Комиссия вылетела в Кабул, а Лукин остался руководить временным штабом в Ташкенте, так как не имел загранпаспорта.

Лукин вспомнил, как ровно десять лет назад он с коллегами прилетел в Термез, где в лагерях готовили советников для работы в Афганистане, и тогда границ практически не было. Во всяком случае, для сотрудников МВД и военных. И тогда была ранняя весна. Потом он встречал весну в Ташкенте, где три года назад расследовал катастрофу с самолетом ЯК-40. Он всматривался в лица узбеков и вникал в обстановку, стараясь понять, что изменилось в республике за эти годы. Полгода назад он с Олесей прилетал в Самарканд и общался со многими своими друзьями и знакомыми, но ничего не поменялось в их отношениях ни к нему, ни к русским. Теперь не такими пышными стали приемы для работников из Центральных аппаратов СССР. Но Лукина интересовала обстановка в Узбекистане только с одной стороны. Он и так не сомневался, что принял правильное решение и отказался пять лет назад от должности заместителя руководителя УВД Самаркандской области. В те годы такой отказ был равноценен подачи рапорта на увольнение из органов. Поэтому он смотрел на конфликты между узбеками и киргизами с позиции, что сам мог бы тогда оказаться в гуще этих событий, которые поставили бы точку не только в его карьере, но и на квартире в Москве и много еще вопросов возникло бы при возвращении коренного москвича домой. В Ташкенте была спокойная обстановка, но это не означало, что если на улицах не митингуют, то никто не вынашивает пла-

нов выгнать иноземцев из Узбекистана. На Востоке могут, улыбаясь, держать нож за пазухой.

Месяц назад в Армении произошли похожие события. Вокруг Спитака в горных районах Армении жили азербайджанцы. Армяне начали выкидывать их из домов. И та толпа азербайджанцев стихийно двинулась в Баку. А кто их там ждал? Власти упустили этот конфликт, а некоторые специально не стали вмешиваться. Обиженные и бездомные азербайджанцы набросились на бакинских армян. Пролилась кровь. Было совершенно ясно, чем закончится насильственное вытеснение азербайджанцев. А до этого события в Сумгаите. Но ввод войск советской армии мог лишь локализовать конфликт, а причины должны были ликвидировать власти в республиках и в Кремле, которые уже терялись, где еще гасить очередной конфликт.

Не обошелся без армян и конфликт в Душанбе, который разразился через месяц после массовых армянских погромов в Баку. Именно через месяц армянские семьи в составе 39 человек из Баку бежали к своим родственникам в Душанбе, но по городу провокаторы распространили слухи, что до 5000 армянских беженцев из Азербайджана переселились в Душанбе и им распределяются квартиры в новостройках массива «Зеравшан». После распространения слухов здание ЦК КП Таджикистана окружила толпа таджиков, которые выкрикивали: «Долой армян!». 39 армян были вынуждены покинуть республику. Потом толпа сменила лозунг на требования: «Долой Махкамова!» – Первого секретаря ЦК Таджикистана. Начались массовые беспорядки в Душанбе. Махкамов заявил, что к событиям причастны некоторые руководители КГБ в Душанбе и в Москве.

Вечером на аэродроме под Ташкентом Лукин встре-

тился со своим товарищем пилотом-инструктором Александром Касаткиным, который подрядился возить муку из Ташкента в Кабул в качестве гуманитарной помощи Афганистану после вывода советских войск. Они последний раз вместе расследовали катастрофу с Ил-76 в горах Армении в районе Ленинакана. Вывод советских войск из Афганистана в 1989 году не вызвал там миротворческого процесса, а наоборот, побудил оппозицию к активизациивоенных действий. СССР продолжал поставку оружия, но в десятки раз меньше, чем США, которые не откликнулись на призыв Советского Союза прекратить поставки вооружия воюющим сторонам. Моджахеды не экономили на снарядах, уничтожая мирное население, своих противников и друг друга в междоусобных стычках.

Александр рассказал, что Кабул 1990 года поеживался от морозца. Все так же у бензозаправочных станций в ранние часы собираются укутанные в одеяла люди с двумятремя разноцветными канистрами. Афганцы ожидали продажи керосина и солярки, которые доставляли в армейских цистернах советские войска. Теперь кабульцы не мерзнут так, как зимой 1988-1989 годов. Стало лучше и с питанием. Экономическая блокада, навязанная городу с 2-миллионным населением в истекшем году, привела к кризису снабжения самым необходимым. Жителей спас от голода воздушный мост между Ташкентом и Кабулом. Александр не успокоил Лукина, потому что блокаду создали моджахеды, которые и будут долбить «стингерами» по воздушному мосту. Лукин гордился за своего товарища, но Касаткина толкнула нужда на эти подвиги. «Мостом» они сбили цены на рынках по рису и муке. Какой афганец может прожить без длинненького и янтарного риса, и с хлебом в Кабуле больше нет перебоев.

– Саша, но полеты очень опасны. Наши оттуда ушли год назад. Теперь афганцы сами не знают, с кем борются, и в воздухе не видно, что ты им муку везешь. Ты летаешь, чтобы прорвать блокаду, как по тонкому льду Ладожского озера в блокадный Ленинград, а у них «стингеры» некуда девать.

– Хотелось бы заработать. За муку хорошо платят. Я хоть за деньги летаю, а вы целой комиссией вылетели в Афганистан и тоже рискуете, но за копейки. Это раньше у тебя была зарплата, а теперь все обесценивается.

– Ты прав, но у нас разовая командировка, и то долететь бы до границы СССР. Ведь мы здесь десять лет воевали, и, можешь себе представить, сколько осталось врагов с незажившими ранами, кого раздражают красные звезды на бортах самолетов, как быков красная тряпка.

– Я недолго. Мне надо семью поддержать, им негде заработать на квартиру.

– Удачи тебе, Александр. Когда прилетишь домой в свой Теплый стан, позвони. Красивое название твоего района Москвы. Посидим, чаю выпьем.

– Да, с тобой только чай пить. Так я и поверил. Обязательно позвоню.

В Ташкенте Саша посадил свой Ил-76 для новой загрузки мукой, а до вывода наших войск из Афганистана он принадлежал к военной транспортной авиации ВВС. Александру Кирилловичу пора было на пенсию, но жизнь заставила его рисковать.

Вскоре к дежурному по Госавианадрору СССР поступило сообщение, что советский самолет Ил-76 был сбит «Стингером» на высоте восемь тысяч метров в семидесяти километрах от Кабула над хребтом Пагман. Ракета попала в левый борт. Взрывом вырвало кусок обшивки

около трех метров, отказали оба левых двигателя, но летчик смог посадить самолет на картофельное поле без шасси на брюхо фюзеляжа. Комиссия готовилась к вылету в Кабул без Лукина. Ему не предлагали оформить заграничный паспорт, а он и не спрашивал, хотя в МИДе синий паспорт делали в один день.

– Только Касаткин способен посадить самолет без шасси в картошку, без двух двигателей и с дырой в фюзеляже, – предположил Лукин.

Вскоре пришло сообщение, что пилотировал самолет Касаткин, и все остались живы. Кириллович посадил самолет, но это был его последний полет в Афганистан. Там на самом деле, «стингеров» было, как грязи, и он бросил затею подзаработать.

Частный сыск

Пока было относительное затишье в расследованиях авиапроисшествий, Лукина приобщили к работе комиссии от МВД по реабилитации невинно осужденных во время репрессий. Он уже неоднократно работал в Центральном архиве Октябрьской революции, где уже более года специальная комиссия пыталась определить потери населения в те страшные годы. Советская власть еще руководила страной, но под нее уже «копали».

При Никите Хрущеве в 1954 году были подсчитаны жертвы репрессий с 1921 по 1953 годы. Четыре миллиона человек было осуждено. По мнению властей, было четыре миллиона врагов, которые не приняли советскую власть, и это было известно пятьдесят лет назад. А теперь к этим исследованиям подключились историки Англии, Франции,

США, которые пытались подтвердить или опровергнуть эти цифры. Они добросовестно, как ученые, подошли к этому вопросу, но у многих эта цифра возросла в десять раз. В спор включились литераторы, которые тоже имели доступ к архивам спецслужб, и их цифры о количестве репрессированных расходились. Их решил рассудить Председатель КГБ СССР Крючков. Он пытался опровергнуть исследователей и литераторов, которые, например, писали о десяти миллионах раскулаченных. На самом деле было четыре миллиона раскулаченных крестьян, в основном середняков.

Четыре миллиона. Это много или мало? Это почти все работоспособное крестьянство с их небольшими хозяйствами, которые кормили всю Россию, а до советской власти и большую часть Европы. И что было после ликвидации работоспособных крестьян ссылаться на засуху в начале тридцатых годов, когда в России и на Украине был голод. Причиной тому была не засуха, а выселение и разорение почти всех крестьянских хозяйств и «перекосы» с колхозами. Такая «засуха» могла случиться на заре советской власти, но Кронштадтский мятеж и Тамбовское восстание не позволили устроить колхозы сразу после Гражданской войны. На том могли бы и закончиться революционные завоевания.

Ученые и спецслужбы подсчитывали потери в цифрах для восстановления истины в истории. Некоторые ораторы уже использовали их в политических спекуляциях на выборах, пугая ими народ, который имеет право знать свою историю. Именно историю своего народа, какой бы она горькой ни была, а не сказки и предположения, которые были написаны в различное время в угоду тому или иному правителю. Как можно было убивать невинных

людей, именно убивать, а не расстреливать по решению суда за совершенное преступление?!

Необходимо дать оценку лицам, допустившим беспредел в отношении народа, и относиться к ним так, как к убийцам. И что с того, что обнародовали сведения, а власть признала преступления своих предшественников? Ни один потомок репрессированного лица никогда не получит какой-либо компенсации и не услышит извинений. Не принято было извиняться? Всех извели «под корень». А сколько благ они принесли бы государству, будучи живыми и здоровыми? Измерить ту беду одними цифрами статистики невозможно.

Лукину и его родне хватило репрессий деда Алексея Михайловича. В один день их семью сделали нищими и выселили на Северный Урал. Много это или мало? Алексею Михайловичу было за семьдесят. Он давно уже оформил пенсию, но продолжал работать на заводе, пусть уже не на руководящей должности, а на научно-исследовательской работе. Так с детства приучили: пока шевелишься и «мозги на месте», надо трудиться. Остался один нерешенный вопрос в его беспокойной жизни – добиться того, чтобы власти его реабилитировали. И более всего, ему хотелось получить реабилитацию из-за детей и внуков, у которых отец и дед до сих пор числится во «врагах народа». Власти, как бы молча, признали его невиновным еще перед войной, назначив руководителем оборонного завода. Алексей Михайлович понимал, что его пребывание на Соловках может отразиться на карьере его детей и внуков. Он написал руководителям партии и правительства не одно прошение о своей реабилитации. Но ответы носили один и тот же смысл: что не время, нет возможности и даже оснований. Он понимал, что репрессии носили мас-

совый характер и по ним должно быть принято общее решение партии и правительства. Но как его принять, если многие из тех, кто участвовал в проведении репрессий, до сих пор сидели в Кремле?

После очередной «челобитной» о реабилитации, направленной Председателю Совета Министров СССР Косыгину, Алексея Михайловича вызвал заводской особист из КГБ и посоветовал больше не тревожить письмами руководителей страны. Пока нет закона о реабилитации, а посему рекомендовал благодарить Бога, что он остался жив. В чем-то особист был прав, так как многих расстреляли по той статье за шпионаж. И на Соловках ему повезло, что работал в «шарашке» с учеными. После Соловков почти все узники попали на строительство Беломорканала, откуда мало кому суждено было вернуться. В лагере на Соловках расстреляли всех в 1937 году. Даже тех, кто был осужден изначально на три-пять лет. Видимо, убирали свидетелей своих преступлений. В том же году по стране прокатилась другая волна беззакония и жестокости. Расстреляли сотни тысяч сотрудников НКВД, по таким же надуманным приговорам. Ту операцию сами чекисты называли варварски «слоеным пирогом». Почему? Непонятно. Так получается, что прав был заводской особист из КГБ. Остался жив, и будь доволен.

«Тоже мне, нашел фартового. Радуйся, мол, что не расстреляли. Да они меняют только названия своей конторы, а работники остаются такими же, что в ОГПУ, НКВД или КГБ», – вспомнил возмущения деда Лукин.

Откуда тому особисту было знать, что их деревню Лукино в Гжатском районе сначала ограбили его коллеги во время обысков и изъятия имущества, потом грабеж продолжила голытьба из соседних деревень. Растащила по

своим дворам, а больше пожгли и уничтожили. Вслед за этим вандализмом пришла война и стерла с лица земли деревню бомбами и снарядами, гусеницами танков, как наших, так и немецких. Останься он с семьей в своей деревне, то еще неизвестно, что с ними было бы. Знал бы все это особист, то послал бы деда в магазин за бутылкой за то, что его коллеги, отправив в лагерь и на поселение, спасли ему и его семье жизнь. Алексей Михайлович тогда понял, что дальнейшая переписка с властями ни к чему не приведет. Надо просто ждать. Но сколько? Ждал уже тридцать лет. В одном он был уверен, что теперь его не отправят в лагерь за свои просьбы о реабилитации, да и время стало другим.

Но за что они попали в статистику репрессированных? Только для того, чтобы доложить руководству страны, как много на Руси выдуманных врагов советской власти? Преступник, он и есть преступник, и не так важно с какой целью или выгодой для себя он совершил преступление. Они были у власти и вершили суды над невинными людьми. А теперь эту статистику муссируют в политических целях, раздувая истории, одна страшнее другой. Нельзя эту большую беду русского народа измерить цифрами статистики, когда крестьян обманули «Декретом о земле», истребили «середняков», а бедных загнали в колхозы, запретив менять место жительства и сделав их, по сути, опять крепостными холопами. Рабочим законы тоже прописали по опыту забастовок в начале века. Во времена репрессий профсоюз признали «контрреволюционным формированием», а забастовку – «саботажем», за которые прописали санкцию до расстрела. Вот и «Ура, ура! Вся власть Советам!».

В последние дни тот лозунг приобрел новое значение.

По стране прошли выборы в Советы на фоне демонстраций в Москве, в которых участвовали сотни тысяч граждан. А внутри власти все осталось по-прежнему. Михаил Горбачев 14 марта 1990 года подписал Закон о Президенте в СССР, а на следующий день его избирают на эту же должность. В этом же Законе правильно прописывается процедура выдвижения и избрания президента, как во всем цивилизованном мире, а у нас опять, как в отдельных африканских республиках. Как можно самому подписать Закон, выдвинуть и избрать себя Президентом в течение суток? Народ! Вы где? А триста тысяч на площади? Очень хорошо. Чего хотят? Непонятно. Да и кто их может понять, когда «наверху» решают свои проблемы. А магазины к тому времени уже совсем опустошили, правда, хлеб еще был в достатке. Можно долго и правильно рассуждать об экономическом кризисе в СССР, о расколе сторонников реформаторского курса Горбачева, о любой ситуации. Но народ даже не успел прочитать закон о Президенте, а Горбачев уже в новом кресле под вывеской – Президент СССР.

После семидесятилетнего молчания и мычания вождей народ хоть услышал голос руководителя. Народ жаждал хлеба и зрелищ, которых вполне хватало, а продукты питания стали пропадать и стали предметом обсуждения на митингах. Народу массово выдавали участки земли под садоводство и огородничество. Руководители надеялись разбудить в людях тягу к земле и собственности, чтобы могли сами себя прокормить.

Повезло и молодой семье Лукиных. Они получили шесть соток земли в тридцати километрах от Москвы по трассе Москва-Рига. Бывает же такое! Когда они выезжали за город с Олесей на пикник, то только и мечтали

о кусочке земли в живописных местах на берегу реки Истры. Их участок земли образовался на опушке леса. Лесной бруствер проходил по краю участка. Потом выяснили, что это были немецкие окопы 1941 года. Недолго они здесь были, но окопов нарыть успели. Под лесными деревьями стояли грибы, поэтому местные жители из соседней деревни Падиково не очень обрадовались соседству дачников: «Место грибное заняли». Лукин впервые почувствовал, что такое своя земля. Не собирался он, конечно, сажать картофель и возделывать грядки с помидорами и клубникой, а вот построить какой-нибудь домик для летнего отдыха с женой и детьми – это была первоочередная задача. Участок был на самом высоком месте не только в садовом товариществе, но и в Московской области. Однако радость подпортили жулики.

Лукин за три с лишним года стал понемногу забывать, что он раньше работал в уголовном розыске. Жулики решили проверить, не забыл ли он свою профессию, которой посвятил более пятнадцати лет. Да и сыщиком он был неплохим, поэтому их проверка могла плохо закончится для жулья. Бывшая жена Даша еще крутила мозги, и не освободила его квартиру, поэтому они жили у Олеси в Бескудниково. Вечером он с Олесей ездил в театр, а когда парковал машину около дома, пошел проливной весенний дождь. Виктор не стал корячиться, чтобы запереть педали машины хитроумным титановым замком, собственной конструкции. Это можно было сделать только под дождем, выйдя из машины. Дома они выпили чая, и он поставил кассету с новым фильмом. Перед сном он выглянул в окно, где стояли его белые «Жигули» и лег спать под стучащий дождь по отливу открытого окна. Дождь смывал остатки снега, который не успел растаять от солнца. За окном

пахло весной. Виктор уснул безмятежным сном, слегка прижавшись к Олесе…

Проснулся он, как обычно, в семь часов утра. Подошел к окну и увидел, что на месте, где стояли его «Жигули», сверкал мокрый асфальт в первых лучах солнца. Что-то екнуло у него внутри. Он понял, что его «ласточку» угнали. Огорчили его жулики и лишили средств передвижения на дачу. А без автомобиля туда сложно добираться. Ему припомнились лица потерпевших, которые приходили к нему со своими бедами, когда он работал в уголовном розыске. А теперь сам оказался в такой ситуации.

Лукин обошел вокруг дома. Мало ли, может, кто-то пошутил, но это была не шутка, а угон. Он поднялся в квартиру и вызвал милицию из местного 113-го отделения. Они обещали приехать для осмотра места происшествия, хотя смотреть там было нечего. Он сам прощупал место стоянки, но ничего не обнаружил. Лукин прождал своих бывших коллег около двух часов, но никто не появился.

Он снова набрал телефон дежурного по отделению милиции:

– Это полковник милиции из МВД СССР Лукин беспокоит. Я вызывал милицию по поводу угона своей машины. Два часа жду, и никого нет.

– Товарищ полковник, дежурный сменился и, наверное, забыл сообщить мне. Вы лучше подходите к нам, напишите заявление.

– Я бы мог это сделать два часа назад, если бы мне не обещали прислать оперативную группу, – возмутился Лукин.

В дежурной части он попросил проводить его к своим бывшим коллегам, руководителю уголовного розыска Егорову, который предложил ему написать заявление об

угоне машины.

– Хорошо, сейчас дадим сводку об угоне, и будем искать, – сказал Егоров.

– Вы хотя бы сводку об угоне дайте, а то сейчас мне расскажите о комплексе оперативно-розыскных мероприятий по розыску моей машины, – обрезал Егорова Лукин.

Ему было жаль потерянных двух часов, пока ждал опергруппу. До работы он добрался на метро и сразу к начальнику управления.

– Алексей Алексеевич, у меня угнали машину сегодня ночью. Можно я поеду, займусь ее розыском, потому как знаю теперешнюю работу своих бывших коллег?

– А как ты хочешь найти машину в Москве, которую, наверняка, спрятали? – спросил Куцков.

– Сложно, конечно, и нереально, но дело случая, а сидя в кабинете можно сразу с ней попрощаться. Надежды на бывших коллег никакой нет. У меня есть мультитон, и дежурный в любое время меня может вызвать. Да и я буду звонить ему каждые два часа. Я пока на работе ничем особо не занят, а если понадоблюсь, то сразу же приеду.

– Ну что же, удачи тебе сыщик. Мне и самому интересно будет, если найдешь машину, – улыбнулся Куцков.

– Попробую.

Лукин обзвонил своих друзей автолюбителей. Они вызвались ему помочь своими колесами. Первым делом они поехали в МУР на Петровку 38, к начальнику седьмого отдела по угонам Стрелецкому. В отделе оказался заместителем знакомый Лукина «черный полковник» Алексей Белов, который ранее работал в разбойном отделе и они вместе раскручивали квартирных разбойников.

– А ты уверен, что местная милиция дала сводку по угону машины? – спросил Белов.

– Конечно, я сам был у начальника уголовного розыска Егорова, и он обещал дать сразу, – сказал Лукин.

– Иногда не дают сводку по городу, надеясь, что машину угнали покататься и бросят, тогда уголовное дело не будут возбуждать.

– А не все ли ровно, по какой причине угнали? Угон уже состоялся и должны дело возбуждать.

– Это ты сейчас, как прокурор рассуждаешь. Сам как раньше работал?

– Да у нас раньше попробуй не дай сводку об угоне в течение получаса, так всех выговорами обвешают, как новогоднюю елочку, – сказал Лукин.

– За три года многое поменялось в стране, – Белов снял прямой телефон с дежурным по МУРу. – Проверь по утренним сводкам машину 2108, госномер 28-38, есть ли в угоне? Это точно? Хорошо, спасибо.

– Нет твоей машины в угоне, – сообщил он Лукину.

– Вот, паразиты, что делают. Ну как можно так работать? А я еще предупредил, чтобы не тянули со сводкой об угоне. Так они относятся к заявлению полковника из МВД. А как же они поступают с заявлениями граждан?

– Как обычно, в корзинку или надеются, что машина сама обнаружиться где-нибудь. Тем самым играют на руку преступникам. Да что я тебе рассказываю.

– Но я же просил дать сводку, и обещал, потом забрать заявление, если найдут машину.

– Хорошо, я сейчас дам сводку сам для придания особого внимания розыску твоей машины и попрошу нашего куратора того района взять дело на контроль. Да посмотрим преступные группы, которые специализируются на «восьмерках». Больше пока нечем тебе помочь.

– Спасибо, Алексей. Пойду к своим друзьям в «лету-

чую бригаду» начальника ГУВД Москвы пожалуюсь, чтобы вставили «пистон» коллегам из местного отделения милиции, а то ушами хлопают.

– Вот это будет правильно.

Сводку Белов дал такую, как будто машину угнали у Президента СССР: «Придавая особое значение розыску угнанной машине… прошу организовать… проверить… и письменно доложить в 7-й отдел МУРа», что здесь только не перечислялось, подлежащее проверке, наверное, все, кроме чердаков и подвалов, куда машина не могла бы заехать. Эта сводка пошла по всем отделениям милиции и постам ГАИ за подписью первого заместителя начальника ГУВД Москвы Алексея Прохоровича Бугаева. Прижился чекист на милицейской должности, побольше бы таких специалистов. Немногие уже помнили, что он пришел во времена Андропова из КГБ. Он был один из немногих, которые принесли пользу своей работой в МВД.

Первое оперативно-розыскное мероприятие было проведено Лукиным на высшем уровне. Ему уже не хотелось вступать в разборки с недотепами из местной милиции. Да и времени не было этим заниматься. Лукин иногда возвращался в Москву поздно вечером или в ночное время, и на постах ГАИ его постоянно останавливали сотрудники для проверки документов. Управлением ГАИ по Москве руководил бывший их начальник Свердловского РУВД Панкратов, который умел организовать работу. Эти ночные проверки на постах ГАИ сбили волну угонов автомобилей в столице. Лукин решил проверить записи на постах ГАИ всех выездов из Москвы от Ярославского до Ленинградского шоссе. Если угонщики вырывались из столицы, то, вероятно, из Бескудниково. Потом по кругу МКАД, пока не обнаружит свой автомобиль. Лотерея?

Несомненно. Но другого пока не было.

На посты ГАИ уже поступила грозная сводка о розыске его машины. Он прикинул по времени. В два часа ночи он видел свою машину под окном, а в седьмом часу утра ее не обнаружил. И так угонщики имели четыре часа. Однако его машины тоже не было зафиксировано в журналах на трех ближайших от дома постах ГАИ.

– Анатолий, давай подскочим на пост ГАИ в Лобне, все-таки Дмитровское шоссе, ближе всех к нашему дому, а вдруг, – обратился он к другу.

– Но на выезде из города на Дмитровском шоссе ее не записали.

– А еще таксопарком руководишь. Сколько на выезде из Москвы «пьяных дорог», чтобы объехать пост ГАИ, а в Лобне мост через Москва-реку и пост никак не объедешь.

– Может ты и прав. Если твоя затея сработает, то только на дальних постах ГАИ. Там ночью машин меньше и гаишники тормозят всех, – согласился Анатолий и повернул свою черную «Волгу» в сторону Лобни.

И чудо состоялось, по-другому Лукин не мог такое назвать. На посту ГАИ капитан милиции предоставил журнал, проехавшего автотранспорта той ночью через его пост.

– Вот она. Автомобиль с госномером 28-38 проследовал влево в сторону Рогачевского шоссе, и на требования остановиться не реагировал, – зачитал вслух Лукин.

– Товарищ капитан, а почему не организовали преследование? – обратился он к сотруднику ГАИ.

– Так ее пробили по угонам, и она не значится, а преследовать влево от трассы у нас нет возможности.

– По рации надо было сообщить на другой пост ГАИ,

– настоял Лукин.

– А у нас рация работает только по трассе Дмитровского шоссе, а машина ушла влево на Рогачевское, – попытался увернуться капитан.

– Можно было бы связаться через дежурного центрального поста.

– Товарищ полковник, но она же не в угоне.

– Но на Ваши требования остановиться не отреагировала, да и в угоне она капитан. Посмотрите сводки.

– Да, мы смотрели, и та смена, что дежурила ночью, проверяла.

– А вы посмотрите внимательней.

Он открывает папку с сотнями машин и не находит. Потом читает сводку: «Придавая особое значение розыску… », и вытягивается.

– Да, есть. А чья это машина, товарищ полковник, что такой шум?

– Моя.

– Ну, все. Нам хана.

– Вас спасло, что ночью она еще не была в угоне по сводкам, но я попрошу уж теперь повнимательней отнестись к розыску этой машины.

– Теперь я уже запомнил.

Уже кое-что было. Виктор знал направление, куда угнали его автомобиль. Он доехал до Москвы и позвонил дежурному по Госавианадзору.

– Это Лукин. Как обстановка?

– Все в порядке. Тебе жена звонила и просила перезвонить домой, – сообщил дежурный.

Такого никогда не было, чтобы жена звонила ему на работу. Значит, что-то серьезное. Он перезвонил домой.

– Виктор, звонил дежурный из нашей милиции. Твою

машину нашли под Солнечногорском. Ты ему сам перезвони, – сказала Олеся.

Виктор набрал телефон дежурного по отделению милиции.

– Я сейчас высылаю оперативную группу на место под Солнечногорск, где обнаружили Вашу машину. Вы можете приехать к нам с ключами от машины, мы подождем, – сообщил дежурный.

– Нет, вы лучше езжайте сами, организуйте задержание угонщиков и обеспечьте охрану машины, а я приеду сам на место. Кто обнаружил и как ее найти?

– Обнаружили сотрудники ГАИ на пересечении Ленинградского шоссе с «бетонкой» на 50-том километре. Машина стоит на дачах в лесу. Мы поехали, – сказал Лукин.

Лукин заехал с Анатолием в магазин, купил ящик водки без очереди у директора. Он хотел отблагодарить сотрудников ГАИ, которые нашли машину. Они приехали на пост ГАИ, где сотрудники сообщили место, где они обнаружили белую «восьмерку» около дачного поселка.

– Поедете по бетонке. На втором повороте направо, проедете метров триста и увидите белую «восьмерку», – сказал гаишник.

– Спасибо, мужики. Я встречу опергруппу и вернусь к вам, отблагодарю, – сказал Лукин.

Оперативная группа быстрого реагирования и местная милиция были еще в пути. Никакой белой «восьмерки» в обозреваемой местности Лукин не обнаружил. Настроение у Лукина стало ухудшаться, и он рванул обратно на пост ГАИ на Ленинградском шоссе.

На этот раз Лукин представился из МВД и попросил сотрудников ГАИ с патрульной машины рассказать, где

они обнаружили «восьмерку» 28-38.

– Метрах в ста от сторожки дачных участков. Она стояла на обочине дороги, ведущей на участки. Мы дернули двери, они открылись. В салоне провода зажигания были соединены напрямую. Мы связались с дежурным по ГАИ, который сообщил, что машина не в угоне, а когда приехали на пост, то увидели сводку: «Придавая особое значение розыску этого автомобиля… ». После этого мы позвонили инициатору розыска, а сами поехали по маршруту. А разве ее там нет?

– Нет. Надо было хотя бы колеса спустить, чтобы никто не уехал или сразу вернуться, как сводку такую прочитали, – сказал Лукин.

– Товарищ полковник, мы не догадались.

– А не надо было догадываться. Нужно исполнять свои обязанности, как положено. Выставить охрану до прибытия местной опергруппы или инициатора, а то и засаду устроить. Глядишь, и уже приказ бы печатался о поощрении за умелые действия при задержании преступника.

– Мы об этом не подумали. Ну куда она в лесу денется, а вот на тебе. Что же теперь будет.

– Ничего хорошего. Наказание будет вместо ящика водки, который я привез.

– Машина Ваша?

– Какие вы догадливые.

– Ну, извините нас.

– Да пошли вы. Вам только палкой махать и рубли сшибать, поэтому и торопились скорее на прикормленное место, – сказал Лукин.

Лукин подъехал обратно к дачному поселку «Солнечный», где еще недавно стояла его машина. Из милицейского УАЗика вышли два опера московского отделения

милиции.

– Ну, хозяин? Где машина? – спросил опер, подойдя вразвалочку к Лукину.

– Это у вас надо спросить. Вы что сговорились и все решили показать мне, как не надо работать по розыску угнанных автомобилей. Ваш дежурный по отделению милиции не дал сводку об угоне, а сотрудники ГАИ вовремя ее не получили, но, видя, что машина открыта, и провода замка зажигания соединены напрямую, не удосужились проверить, и не выставили охрану до приезда местной милиции. Когда же узнали, что машина в угоне, продолжили «щелкать лицом» на трассе. В результате неустановленные лица уехали на моей машине в неизвестном направлении. Так что продолжайте розыск.

– Ну, мы тогда поехали, нам здесь делать нечего, – все так же безучастно сообщил опер.

– Вы не будете выявлять свидетелей и опрашивать сотрудников ГАИ? – Лукин все еще пытался направить их на розыск машины.

– Будем, но не сегодня. У нас другие мероприятия намечены,– отрезал опер.

– Я вам не руководитель, поступайте, как знаете, только о вашем поведении будет доложено руководству ГУВД Москвы. Потом уж не обижайтесь, – предупредил Лукин.

Оперативники сели в свой милицейский «бобик» и уехали.

– Виктор, мы тоже поедем домой? – поинтересовался Анатолий.

– Нет, друг ты мой, дай мне еще часок. Пока я всю округу не облазаю, не уеду. Должен же был кто-то их видеть. Они не просто так бросали машину в лесу, а потом опять уехали. Что-то им надо было ночью в этом месте, –

предположил Лукин.

– Нет, я ничего, делай, как надо. Чувствую, не забыл ты свою профессию сыщика, – улыбнулся Анатолий.

– Да уж, конечно, больше пятнадцати лет. Только теперь мне не надо официально кого-то опрашивать и кому-то докладывать. Поэтому берем литр водки и начинаем со сторожей дачного поселка, а потом пойдем по домам, около которых есть следы на снегу. Не так уж много дачников приезжает в это время года. Грядки еще под снегом, и в домах вряд ли есть печки. Они летние.

– Можно я с тобой?

– Ну пошли.

Сторожа уже видели милицейскую машину, и «ушки держали на макушке». Только они подошли к воротам, им навстречу вышел сторож, а другой оказался с соседних дач.

– Вы чего хотели? – поинтересовался сторож.

– Поговорить, погреться, если позволите,– решил не торопиться в этом деле Лукин.

– Почему с хорошими людьми не поговорить. Заходите, – пригласил сторож.

Сторожка отапливалась небольшой печуркой из кирпича. Виктор поставил бутылку водки на стол.

– Нам чаю, если можно, а это к чаю. Меня Виктором зовут, – предложил Лукин.

– А меня Митричем. Хорошие гости, я так и чувствовал, – заулыбался сторож.

– У нас к вам вопрос есть. Вы здесь видели сегодня утром белую «восьмерку» на опушке леса? – спросил Лукин.

– Конечно, видел, – сообщил сторож, – она приехала около пяти часов утра. Еще темно было. Я посмотрел в окно и лег опять спать. Никто из машины не выходил. Они

встали за забором наших дач. Потом утром к ней подъезжала милицейская машина. Сотрудники в форме покрутились вокруг нее и уехали, а вот после них к машине подошли два парня, сели в машину и уехали. Ну а потом вы приехали. Вот и все.

– А как выглядели эти парни? Сколько лет? Во что были одеты и откуда они пришли? – поинтересовался Лукин.

– Мимо нас они не проходили, а вышли с соседних дач, или обошли нас лесом. Но я заметил, что им лет по двадцать, коротко стриженные и в темных куртках без головных уборов.

– Откуда же они могли прийти? Пойдемте, посмотрим по снегу в лесу, – Лукин почувствовал, что напал на след, и не хотелось упускать эту ниточку.

– Один из них мне показался сначала знакомым, но вот короткая стрижка меня смутила. Он всегда ходил с длинными волосами, а так вроде бы похож, но может, я ошибаюсь, – предположил Митрич.

– А кто такой?

– Мне кажется, в двадцать восьмом домике он отдыхал здесь с родителями. Я сейчас погляжу по журналу наших дачников.

Сторож полистал свой журнал.

– Вот фамилия их – Лейманы. А его зовут Константин. Вот их домашний адрес и телефон.

– Митрич, а пойдем, посмотрим их домик. Проводи нас, – предложил Лукин.

Около дома на снегу были видны следы обуви – явно кто-то недавно здесь побывал. Далее следы вели в сторону леса и к тому месту, где стояла утром машина. Кто-то явно не хотел встречаться со сторожами, и обошли их стороной по лесу. Их следы около дома 28 говорили о том, что сто-

рож был прав.

– Митрич, ты не ошибся в отношении Константина. У тебя телефон городской?

– Нет, местный, но в Москву есть выход.

Лукин набрал телефон квартиры Лейманов.

– Костю можно попросить? – спросил Лукин.

– А кто его спрашивает?– спросил женский голос в возрасте.

– Это из школы, где Костя учился. Мы собираем сведения, кто из наших учеников поступил в ВУЗ, и какой.

– Нет, Костя не поступил и пошел служить в армию.

– Спасибо.

Виктор положил трубку.

– И короткие волосы «в масть» – Костя в армии служит. Все, Митрич, мы поехали. О нашем разговоре ни слова. Пойдем, я тебе выделю еще литровку водки и попрошу только об одном: если появится здесь еще белая «восьмерка», то это моя машина. Я сам полковник милиции. Вот мои телефоны и дежурного по милиции. Сообщи сразу. Только спусти все четыре колеса, ниппеля выверни, я потом накачаю, лишь бы они опять не уехали.

– Я уже догадался, что угнали они машину. Вот паразиты, но как же служба в армии, значит, еще и сбежали, – сказал Митрич.

– Взяли в армию одного Леймана, и тот убежал, – пошутил Лукин.

– Не беспокойтесь, я все сделаю, как сказали, – заверил сторож.

У Виктора больше было надежды на сторожа Митрича, чем на своих коллег, поэтому решил дальше действовать сам, информируя сыщиков уже установленными фактами. Он сообщил по телефону начальнику милиции, что угон-

щик его машины Костя Лейман и передал ему полные данные угонщика с адресом и телефоном. Сыщики проверили его информацию, наверное, силами участкового инспектора, и вечером сообщили Лукину по телефону, что Лейман служит в армии и что он ошибается.

Такая проверка переполнила чашу терпения Лукина, и утром он был на Петровке в бригаде начальника ГУВД, в котором работал руководителем его товарищ. Со Славой Кочкиным они раньше работали операми в отделении милиции. Выслушав его рассказ, он предложил Лукину организовать встречу с начальником ГУВД города Москвы Борисенковым, который любит такие истории, как не надо работать сотрудникам милиции. Лукин не ожидал такого оборота, но отступать было поздно, да и очень хотелось как-то отреагировать на эти безобразия. Если уж его, полковника, так «футболят» с угоном, так как же они обращаются с обычными гражданами? То ли за пять лет так сильно поменялось что-то в милиции «на земле», то ли они такие здесь и были, а с Лукиным в те времена работали нормальные сыщики.

Начальник Московской милиции генерал Борисенков внимательно выслушал его рассказ о работе столичной милиции, иногда улыбаясь, сложив руки в локтях и похлопывая кистями. И, конечно же, неповторимая мимика генерала не покидала его лица. Наверное, поэтому подчиненные дали ему кличку «Луи дю Финес», потому что он был похож жестами и мимикой на знаменитого французского комика.

– Выходит, что работнику Центрального аппарата МВД пришлось самому искать свою машину, а когда Вы установили угонщика, то и этот факт в отделении милиции не захотели проверять, как положено?

– Получается, что так, товарищ генерал.

– Вот МВД отбирает у города лучшие кадры, а нам здесь приходится с такими фактами сталкиваться. Напишите по этому поводу рапорт и укажите сотрудников ГАИ, которые не организовали охрану обнаруженной машины и задержание преступников. Если бы они, выяснив, что машина в угоне, вызвали опергруппу, то угонщиков задержали бы на даче «тепленькими». А во всем вина отделения милиции, которое вовремя не дало сводку об угоне. Николай Иванович, – генерал обратился к начальнику Секретариата,– поручите срочно проверить эти факты и подготовьте приказ о наказании всех «отличившихся». После обеда доложите об исполнении, а в ГУВД Московской области направьте представление на тех разгильдяев из ГАИ, пусть их там взгреют.

После Лукин заехал в Тимирязевский райвоенкомат по месту жительства Леймана, где выяснил, что тот проходит службу в Красноярском крае. Виктор объяснил причину, и ему дали телефоны дежурного по той воинской части. Далековато и разница во времени часа четыре. Он доехал до рабочего кабинета и набрал телефон дежурного по воинской части.

– Здравствуйте, Вас беспокоит полковник милиции из МВД СССР Лукин. Мне сообщили в военкомате, что в Вашей части служит Лейман Константин. Мне хотелось бы знать, на месте он или в командировке?

– Я сейчас соединю Вас с командиром части, подполковником Серегиным.

– Подполковник Серегин слушает.

– Это полковник из МВД СССР Лукин в отношении Леймана интересуюсь. Он в части находится или за ее пределами?

После небольшой паузы Серегин выдавил:

– Лейман сбежал.

– Вот одного призвали из их нации, и тот сбежал, – посочувствовал командиру Лукин.

– А Вам что-то известно о побеге?

– Да, конечно. Даже знаю, что с ним был второй парень, тоже стриженный.

– Они убежали вдвоем с Араповым. А почему ими МВД СССР интересуется? Они что-нибудь натворили?

– Они угнали «Жигули».

– И все? Так почему же МВД СССР и еще полковник.

– Да, они угнали машину у меня.

– Ну, тогда нам будет по полной программе. Мы-то надеялись, что они побегают и вернуться, поэтому в розыск на них не подавали, а теперь все, – безучастно произнес командир части.

– Я могу Вам помочь Серегин, но в том плане, что если они вернут машину в целости и сохранности, то заберу из милиции свое заявление, а Вы и заберете своих беглецов. Разбирайтесь с ними сами.

– Вот, спасибо. Наш офицер уже два дня в Москве ищет их. Он с Вами утром свяжется.

– Этого делать не обязательно. Пусть занимается своим делом, опрашивает родственников, а они скорее найдут своих чад. Машину они пусть бросят, где угодно, и анонимно позвонят в милицию о месте ее нахождения. Мне больше ничего не надо. А сейчас дайте мне полные данные Арапова.

– Да, конечно, они у меня под рукой, даже адрес дачи есть в Орудьево, за Дмитровом.

– Вот, давайте мне все данные на этих «защитников Родины».

Серегин продиктовал Лукину все сведения о беглецах. К вечеру Виктор подъехал к начальнику уголовного розыска отделения милиции.

Тот встретил его нахмурившись.

– Не надо было, товарищ полковник, жаловаться. Приезжали из бригады начальника ГУВД Москвы и уже всех обвешали выговорами, – сказал Егоров.

– Но Вашу службу они не тронули, правильно? Я просил не наказывать сыщиков, хотя и они заслужили, но бывших коллег и не трогаю.

– Да, только дежурных наказали обеих смен.

– А они что – не заслужили? И потом, я не жаловался, а поделился информацией о разгильдяйстве ваших сотрудников со своими друзьями из ГУВД, а они устроили мне встречу с начальником ГУВД Москвы Борисенковым, который отреагировал, как положено. Ну, будем искать мою машину и угонщиков Леймана с Араповым? – спросил Лукин.

– Лейман в армии. А второй кто? – спросил Егоров.

– Если бы ваши сыщики не сбежали с места происшествия, а поработали со мной минут пятнадцать, то и Вы сейчас не выглядели бы в моих глазах раздолбаем. Два дезертира бежали из воинской части Красноярского края. Один из них ваш житель, а другой – с Новгородской улицы из соседнего района. Они угнали мою машину и сейчас дохнут на одной из дач на севере Подмосковья. У меня есть два свидетеля, которые видели их на моей машине. С командиром части я уже переговорил, они их тоже ищут. Если они бросят машину и вернуться в часть, то я не буду против, но и ждать не хочу. Я за сутки сделал за вас работу, которую вы никогда бы не сделали. Я уже начинаю думать, что зря пожалел Ваших сыщиков, которые ничего не сде-

лали по розыску и еще Вас ввели в заблуждение.

– Ну, товарищ полковник, теперь мы их в два счета вычислим и поймаем.

– Давайте, давайте, а я посмотрю, как Вы их будете ловить. Только знайте, что мои друзья из бригады Борисенкова будут интересоваться ходом розыска.

– Я уж понял, что обложили нас, – буркнул Егоров.

Лукин отлично понимал, что цены на машины резко полезли вверх и купить сейчас новую машину нереально. Даже полученная за угнанную машину страховка не покрыла бы и двадцати процентов стоимости машины. Поэтому полученный участок земли остался бы на некоторое время без его внимания, пока он не решил бы вопрос с колесами. Он делал все, чтобы найти свою машину. Вечером домой Лукину позвонил отец Кости Леймана. Виктор уже выяснил, что тот работает на Останкинском мясокомбинате, заместителем директора.

– Мне сказали, что Вы подозреваете моего сына в угоне Вашей машины. На каком основании? Он не мог этого сделать, – начал с претензии Лейман старший.

Виктор даже не стал выяснять у Леймана старшего, кто сообщил ему номер его домашнего телефон. Если бы Лейман пообщался с Митричем, тот бы сказал ему, что видел Костю на его машине, и у него бы не возникло таких глупых вопросов. Значит кто-то из ментов или «сапоги», по-другому их не назовешь в таком варианте.

– Во-первых, я не подозреваю, а знаю, что ваш сын дезертировал из армии и угнал мою машину. А если вы хотите поговорить со мной, то не в таком тоне. Я вообще, как частное лицо, не собираюсь перед Вами отчитываться, – сказал Лукин.

– Да, конечно. Я прошу извинения, нервы. Я слушаю

Ваши предложения, – сбавил тон Лейман.

– Опять неправильно. У меня угнали машину и я потерпевший на минуточку. А Вы спрашиваете у меня предложения. Они могут быть только Вашими, а мое дело соглашаться с ними или нет. Одно могу Вам обещать – это свою порядочность. Вы сами найдите сына, оставьте машину где-нибудь и позвоните мне или в милицию о ее местонахождении. Я ее получаю и пишу заявление, что претензий не имею. С милицией сами разбирайтесь.

– А сколько я Вам буду должен? – спросил Лейман.

Другого вопроса Лукин не ожидал от делового человека по фамилии Лейман. Конкретно и четко, но Лукин не хотел от него ничего лишнего.

– Мы с Вами вместе осмотрим техническое состояние машины, и Вы компенсируете мне причиненный ущерб, если будет таковой. Если не хотите, то это сделает за Вас страховое общество. Тогда мне от Вас вообще ничего не надо, – Лукин старался быть благородным, не обращая внимания на доставленные ему неудобства его сыном. Он поставил себе задачу быстрее вернуть свою машину.

– Хорошо. Я Вас понял. Где же мне их искать теперь?

– Это Вам лучше знать. Но могу подсказать, что они с Араповым ночуют на одной из дач под Солнечногорском или в Орудьево.

– Я попробую туда съездить.

– Попробуйте, только не ждите, пока их милиция задержит.

Утром Лукин поехал на дачу Арапова в Орудьево и там тоже договорился со сторожами дачных участков, задобрив их водкой и пообещав ящик водки за задержание его автомобиля. Он знал, что такая договоренность со сторожами надежнее оперативно-розыскных мероприятий сы-

щиков Москвы и Московской области, которые не намерены принимать меры к розыску уже установленных им преступников. Сторожа пояснили ему, что видели неоднократно по ночам белую «восьмерку» рядом их дачными поселками, но утром она исчезла. После этого они обнаруживали взломы замков на дачах, откуда похитили посуду, сгущенное молоко, тушенку, крупу, макароны, – в общем все, что оставили хозяева на зиму. Лукин понимал, что солдатики-беглецы с каждым днем отделяют себя от свободы все дальше и дальше, и на том не остановятся. Надо срочно предпринимать действенные меры.

Оценив обстановку, он пришел к выводу, что беглецы по ночам ездят по лесным дорогам, воруют на дачах, когда дороги ночью подмораживает, а днем солнышко пригревает, и они отсыпаются где-нибудь в лесу, так как считают себя недосягаемыми из-за подтаявших дорог, по которым днем трудно даже на милицейском «уазике» проехать. А поэтому надо заказывать вертолет. Снег уже сошел, листвы на деревьях нет, обнаружить белую «восьмерку» на черном фоне земли не составит труда.

Вертолетами командовал начальник 12-го отдела УГАИ Бесораб, который базировался в Домодедово. Лукин отлично понимал, что такое поднять в воздух вертолет, а тем более гаишный. Он расследовал катастрофы с вертолетами Ми-8 и знал, что его расход топлива в час был 600 литров, Ми-2 меньше, но все ровно дорогое удовольствие. Он заехал в МУР и «черный полковник» Леша Белов подписал у руководства ГУВД письмо на работу двух вертолетов в районе Солнечногорска, где дачи Леймана и Арапова. И там, и там их видели по ночам, но на постах ГАИ их не останавливали, или они их объезжали по проселкам между Солнечногорском и Орудьево.

Лукин позвонил Анатолию, который проводил с ним первоначальные розыскные мероприятия, но он был занят на работе и не смог. С Михалычем они обычно мотались на рыбалку, и он всегда был безотказным к его просьбам. Они вместе выехали в Домодедово, но на этот раз ловить не рыбу, а угонщиков.

Начальник 12-го отдела ГАИ Бесораб встретил предложение о направлении двух бортов вертолетов с улыбкой.

– А Вы знаете, сколько стоит час полета одного вертолета? – спросил он. Лукин понял, что он может уклониться от выполнения письменного указания руководства ГУВД.

– Я как раз знаю. Или Вы не поняли, откуда я и кто подписал письмо? Повторяю. Я из Госавианадзора СССР, полковник милиции, а Вам дано письменное указание руководителем ГУВД Москвы. Если этого не достаточно, то я сейчас вызову сюда нашу авиационную инспекцию, и они накопают столько нарушений, что вы забудете, что такое вертолет и как они летают. Это как в ГАИ техосмотр машины проходят, а мы осматриваем вертолеты, а их неисправности представляют большую опасность в полете. Ясно? – Лукин, конечно, блефанул по поводу авиационной инспекции, но это подействовало на Бесораба реальнее, чем указание руководства.

– Предельно. Сейчас один вертолет работает в Солнечногорском районе и ему сейчас передадут указания. Под Орудьево мы вылетим из Мытищ.

– Вот это другое дело. Вот все телефоны, по которым необходимо сообщить в случае обнаружения разыскиваемого автомобиля.

– Извините меня. Я впервые сталкиваюсь, чтобы угнанную машину искали вертолетом в лесу, – удивленно сказал

начальник ГАИ.

– Все мы делаем когда-нибудь впервые.

– Может быть, чаю, товарищ полковник, или что покрепче?

– От чая с бутербродом не откажусь. С самого утра на ногах, как волчара голодный.

– Марина, организуй нам чай и бутерброды, – позвал он секретаря.

– А рюмки, какие? Подо что? Извините за инициативу, – Марина заулыбалась.

– С рюмками перебор. Давайте отложим это до обнаружения моей машины, – предложил Лукин.

– Я так и не понял, а Вы из МВД или из Госавианадзора?

Лукин достал удостоверение с изображением Кремля – Совета Министров СССР.

– Ничего себе. И там наши люди есть, – пошутил Бесораб.

– Да, но в единственном числе, – улыбнулся Лукин.

Зазвонил телефон дежурного по 12-му отделу. Бесораб включил громкую связь.

– Товарищ подполковник, доложили с борта вертолета, который в Солнечногорском районе. Они обнаружили белую машину на опушке леса и дали квадрат, с привязкой к населенному пункту, где она стоит. Рядом никого, но на опушке горит костер.

– Слышали? Какое решение? – спросил Бесораб.

– Я думаю, что она. Сейчас дам команду начальнику угрозыска отделения и в ОВД Солнечногорска, пусть организовывают задержание. Спасибо Вам, товарищ подполковник, за помощь и за чай. Я Вам письмо пришлю благодарное от Госавианадзора СССР. Будет, как охран-

ная грамота от проверяющих инспекторов.

– Вот за это спасибо. Счастливо вам.

Приятно, когда коллеги понимают, что делают общее дело по борьбе с преступностью и совсем неважно, что машина его личная, Лукина. Жулики, ведь не его, а общие, поэтому здесь не должно быть никакого угрызения совести. Он набрал телефон начальника угрозыска Егорова и сообщил квадрат Солнечногорского района, где стоит его машина.

– Товарищ полковник, Вы как волшебник, то сообщаете мне полные данные угонщиков и где их искать, а теперь место, где находится машина, да еще в лесу. На Вас, наверное, экстрасенсы работают. Мы выезжаем. Вас ждать? – пытался пошутить начальник уголовного розыска отделения милиции.

– Я сам доберусь, но если Вы сейчас упустите машину, то Вашей карьере даже экстрасенсы не помогут. С милицией Солнечногорска сами свяжетесь, если сочтете нужным. Дорога в лес подтаяла и вряд ли они до ночи смогут оттуда выехать, но не расслабляйтесь. Встретимся на месте.

Когда Лукин с Михалычем подъехали к месту осмотра, то милиция уже перегружала вещественные доказательства в виде тушенки и сгущенки из его машины в милицейский УАЗик. Это они шустро делали, но могли бы поинтересоваться для приличия у хозяина машины Лукина, не его ли эта тушенка и сгущенка.

Виктор бегло осмотрел машину. Кое-где были небольшие вмятины. Он покачал машину и в амортизаторах послышался хруст. Видимо, последствия их ночных гонок по лесам. Японского магнитофона CR-50 не было, а колонки заляпаны глиной. Магнитофон с колонками ему подарила

Лаура, и он был дороже автомобиля.

– Ребята, а где магнитофон? Не думаю, что они ездили без музыки,– поинтересовался Лукин у милиционеров.

Сержант-водитель подошел к милицейской машине и с неохотой достал магнитофон:

– Вот, я снял, чтобы не пропал, – пробурчал он, как нашкодивший первоклассник.

– Егоров, наведите порядок в «своих войсках» или сейчас вызову на место сотрудников особой инспекции и будем проводить таможенный досмотр милицейской машины. Поставьте магнитофон на место и все остальное, что забрали из моей машины, да приступайте к осмотру автомобиля и места, – предложил Лукин.

– Но тушенку и сгущенку угонщики украли с дач, – сказал оперативник.

– Так опиши все в протоколе и помоги свои коллегам из Московской области, которым поступили заявления по кражам. Выложите все, что забрали из моей машины вот сюда, на сухое место, или шмон устрою, как жуликам. Егоров, Вашим сотрудникам мало выговоров, так вы теперь на уголовку тянете? Я не думаю, что вы составили протокол изъятия на все, что загрузили в свой милицейский автомобиль. Кстати, а где угонщики? Хотелось бы посмотреть на их личики, – Лукин решил одним разом поставить блюстителей порядка на место.

– А их нет. Мы подъехали. Машина открыта. В котелке варится картошка с тушенкой, и никого нет, – сказал оперативник.

– Да, они будут нас дожидаться, когда мы их задержим. Мы же въехали в лес с мигалкой и сиреной. Здесь честные граждане разбегутся. Я же говорил, выключи, и не надо было вплотную подъезжать, ведь дым от костра был виден

издалека, – пытался оправдываться другой сержант.

– А если бы они опять уехали на машине, то товарищ полковник, тебе не только выговор, а уже сегодня бы работал в народном хозяйстве. Машина на месте, и ничего они с собой даже взять не успели. Куда они теперь в лесу денутся без одежды и продуктов. Сами сдадутся или поймаем, – поправил его сержант-водитель.

– Да, вам только ворон ловить. Но все равно спасибо. Главное, что машину нашли, – махнул рукой на милиционеров Лукин.

Их все ровно не перевоспитаешь, «сколько волка не корми, а милиционеры будут тащить, что плохо лежит на месте происшествия».

– А я что говорил, давай грузи тушенку ко мне. Это же не Ваша, товарищ полковник? – приободрился сержант-водитель. Он, кроме тушенки, ни о чем другом не мог думать.

– Нет, это не мое. И вообще, из моих вещей в машине ничего не осталось, две сумки запчастей и других мелочей по туризму. Вы их точно не брали?

– Да, вот все здесь. Другого ничего не было, – сержант показал все, что они взяли из его машины.

– Тогда составьте протокол и грузите все к себе, чтобы мне с этим не таскаться. Машину я поставлю во дворе вашего отделения милиции, пока не отремонтирую замки. Наверное, начальник разрешит. Надо замки дверей и багажника поменять, они их поломали, крышку бензобака вырвали, и замок зажигания надо сделать. Завтра в автосервис, а сначала в «Госстрах»,– сказал Лукин.

Пока ехал домой, то обнаружилось еще несколько неполадок с машиной, которых не было. Есть ответчики, за счет которых можно отремонтировать автомобиль до со-

стояния, приближенного к новому. Не мог же он получить деньги за весь ремонт с их родителей.

Вечером позвонил отец Леймана, и они договорились о встрече в отделении милиции для совместного осмотра состояния автомобиля до осмотра в Госстрахе.

– Вот, смотрите сами, что они сделали с почти новой машиной, – сказал Лукин. – По кузову все повреждения видны, в салоне слой глины на полу и сиденья прожжены окурками. Амортизаторы и рулевой механизм со скрежетом, да ходовую надо приводить в порядок. Из машины украдены новые запчасти и личные вещи, а колонки магнитофона залиты глиной.

– И сколько все будет стоить? – Лейман был, как обычно, конкретен.

– Ремонт с заменой деталей и покраской около двух тысяч рублей и около тысячи запчасти и мои личные вещи, что были в салоне. Но точнее подсчитают на автосервисе, а вещи и запчасти можете сами купить, – сказал Лукин.

– Но получается половина стоимости машины. Я не согласен. Может быть, половину от всего, то есть полторы тысячи?

– Я торговаться не собираюсь. Вы спросили, сколько стоит, и я Вам ответил по заниженным ценам, так как в «Госстрахе» получил бы больше. Но у меня нет времени бегать по кабинетам и судам, чтобы получить с Вас эти деньги, поэтому я пришел на переговоры.

– Но Вы же обещали забрать заявление из милиции, когда получите машину, – сказал Лейман.

– Такой разговор был, а теперь назовите мне хоть одну причину, по которой я должен забрать свое заявление. Я обещал, если Вы отдадите мне мою машину сами, и не будет к Вам имущественных претензий. Мало того, что

мне пришлось запускать вертолеты по лесам за Вашими чудиками, так Вы еще отказываетесь компенсировать реальный ущерб. Забрать заявление невозможно, однако я мог бы написать, что мою машину угнал кто-то из озорства, и я претензий не имею. Но тогда бы Госстрах мне ничего не оплатит, и ремонтировать автомобиль пришлось бы за свой счет. Вы считаете меня ненормальным? На этом, я думаю, наш разговор окончен, и до встречи в суде, – сказал Лукин.

Он был удивлен жадности Леймана, которому он шел навстречу, чтобы не терять своего времени, не прибавив к ущербу ни копейки.

– Ну хорошо, как Вам будет угодно, – сказал тот.

– Нет, это Вам, так угодно, поэтому не обижайтесь потом. Мне придется потратить на процедуры свое время, а оно у меня дорого стоит, – сказал Лукин.

– Посмотрим, – вызывающе сказал Лейман и тем самым раздразнил Лукина.

На следующий день Лукину позвонил адвокат Леймана, и он понял, почему тот чувствовал себя спокойно, уверовав, что имеет сильного адвоката. Но Лейман не знал, что его адвокат Васин ранее работал оперативником уголовного розыска в подчинении Лукина. Его уволили из органов по отрицательным мотивам, и Лукин не думал, что он настолько силен, что сможет отрицать очевидное. Да и бороться ему против своего бывшего шефа не с руки. Лукин может еще кое-что припомнить из его темного прошлого на оперативной работе. Москва большая, а встречи бывают совершенно неожиданными. Зря Лейман нагрубил Лукину.

В Госстрах он позвонил после угона и подал заявление. Теперь девчата знали, что он нашел свой автомобиль, и не

надо будет выплачивать полной его стоимости, а для ущерба были ответчики. Катюша улыбалась, радуясь, что ему повезло.

– Катюша, у меня есть и ответчики по угону, поэтому давай, отремонтируем автомобиль по полной программе, чтобы машина была, как новая. Вредные угонщики попались. Не захотели добровольно компенсировать ущерб. Адвоката наняли и хотят меня еще «обуть». После аварии в Крыму я так не менял бампер, а они его еще раз ударили, – сказал Лукин.

– А нам все равно, что напишет клиент и сочтет нужным отремонтировать после угона, – улыбнулась Катюша.

– Тогда пишем все, – Лукин был настроен наказать материально самонадеянность и наглость Леймана.

Всего получилось с заменой бамперов спереди и сзади, с заменой и покраской крыльев и капота, амортизаторов, рулевого, трамблера и прочего около трех тысяч рублей, что на тысячу больше той суммы, которую Лукин озвучил Лейману.

– К сожалению, стоимость багажа мы выплачиваем по страховке не более пятисот рублей, а остальное можно взыскать только через суд, – сообщила Екатерина.

– Вот оказывается, на что рассчитывал Лейман. За багаж придется получать с него через суд, а там надо доказывать все, что было в багажнике и салоне машины. Хорошо, выписывайте пятьсот, а с остальным я разберусь.

– Недели через три ты получишь три тысячи пятьсот рублей, а мы уже с ними разберемся по уголовному делу.

– Вот, придурки, вернули ли бы машину сами и гораздо меньше денег было бы на ремонт, и не было бы уголовного дела. Теперь им вменят еще со значительным ущербом, да еще с причиненным государственному органу – «Гос-

страху». Идиоты. С адвокатами общаются, а сами обрекли себя на причинение ущерба государству, – сказал Лукин.

– А, тебе их жаль?

– Нет. Лейман старший работает заместителем мясокомбината, которому я сделал предложение по минимуму, но он отказался.

В отделении милиции Лукин написал заявление, что у него было похищено из автомобиля. Позже уголовное дело пополнилось заявлениями о кражах из дачных домиков в Московской области, которые совершили угонщики и дезертиры. Кражи были подтверждены изъятыми в машине Лукина предметами. Сержантам милиции, которые «похозяйничали» на месте обнаружения машины, не повезло, так как опергруппа изъяла все по протоколу. Осталось провести опознание свидетелями, которые видели Леймана и Арапова в машине, и передать уголовное дело в военную прокуратуру по подследственности.

Константин Лейман и Арапов продолжали скрываться в лесах в районе своих дач. У беглецов как будто бы «крышу сорвало». Они продолжали накручивать на себя уголовные дела и дачникам порядком надоели эти «медвежатки», которые ломали замки на их дачах, выгребали все из подвалов и столов, да еще и гадили. На одной из дач их «застукали» сторожа и окружили совместно с собравшимися дачниками, предлагая сдаться. Но Арапов с Лейманом выдвинули ультиматум, что если им не дадут уйти, то они запалят дачу. Так они и сделали. Дача сгорела за несколько минут, так и не дождавшись пожарных. Дачники сумели сбить огонь, чтобы он не перекинулся на соседние дома. Поджигателей, слегка опаленных, вытащили из горевшего дома. Били их долго и, возможно, ногами, так как они были все синие. Наверное, и поделом. Они просто так

лишили кого-то дачи. Если раньше построить дачу было тяжело, то теперь стало невозможно. Магазины и базы со стройматериалами были пусты, что даже с переплатой невозможно было что-либо купить. Вот с таким букетом уголовных дел они попали в трибунал, но не в Красноярск, по месту их службы, а в Тверь. Их ракетная часть относилась к тому округу.

Лукину оценили похищенное имущество из машины еще на две тысячи шестьсот рублей, но их можно было получить только по решению трибунала, поэтому его вызвали повесткой, в которой был записан телефон начальника трибунала. Лукин набрал номер и сослался на занятость по работе, что не может приехать в Тверь.

– Я могу рассмотреть дело и в ваше отсутствие, но арестованные отрицают, что в машине были Ваши вещи, и адвокат их поддерживает, поэтому у меня нет оснований принять ваш иск на эту сумму, – сообщил начальник трибунала.

– Хорошо, я подъеду. Не хочу делать подарки. Я им предлагал по-хорошему, чтобы мне не бегать по судам, добровольно возместить ущерб в гораздо меньшей сумме, но они отказались.

– И лучше было бы, если Вы привезете мне справки о стоимости похищенных вещей. Я думаю, что ваши свидетели пока не нужны на первое слушание, – сказал начальник трибунала.

– Но многие вещи импортные, а в комиссионных можно их оценить? Там точно знают им цену, – поинтересовался Лукин.

– Мне любая справка пойдет с печатью торговли.

Лукин заехал в комиссионный магазин автозапчастей в Лианозово, где знал заместителя директора Тагия, и на Но-

вослободскую улицу, где напротив метро в комке его все знали, так как тот магазин дважды по ночам обворовывали, и он дважды находил жуликов, изымая у них похищенную аудиоаппаратуру и фотоаппараты. Они дали ему справки о стоимости каждой похищенной у него вещи по самой верхней планке тарифа, без учета износа. Вышло все на три тысячи сто рублей, а еще плюс пятьсот рублей.

«На бензин хватит, для поездок в трибунал города Твери. Зря раздразнил меня «колбасник» с Останкинского мясокомбината, товарищ Лейман-старший», – прикинул Лукин в шутку.

Через два часа он добрался до трибунала в Твери. Начальник трибунала полковник юстиции начал с ним беседу без всяких заходов.

– А скажите, товарищ Лукин, зачем Вам нужно было возить с собой столько запчастей для машины. Два коммутатора, например, трамблер, рычаги переключения поворотов, крышка бензобака и многое другое. Непонятно. У меня и у самого сомнения возникли, не говоря уж об адвокате.

– А какая машина у Вас?– поинтересовался Лукин.

– ВАЗ-2109, а что?

– А как Вы ее ремонтируете? Можете не отвечать. Они все ремонтируются, как и моя ВАЗ-2108, только методом тыка.

– Это как же?

– Очень просто. На станциях техобслуживания их не знают, поэтому ремонт производят методом тыка, то есть снял деталь и заменил, а если не получилось, то другую деталь меняют. Правильно?

– Да, именно так, – согласился начальник трибунала.

– А я езжу часто и далеко, поэтому в машине было прак-

тически все, вплоть до запасного карбюратора, который мне тоже меняли по гарантии, а прежний я за деньги купил. В Москве и то таких деталей нет, а если отъедешь в Тверь, то тем более. Или для Вас все есть на станции автосервиса?

– Нет, – заулыбался начальник трибунала. – Для меня тоже нет, поэтому я удивился, что все детали дефицитные были у Вас в багажнике. Куда же они их тогда дели?

– А Вы интересовались, какая машина в семье Лейманов?

– Нет. А какая?

– Ни за что не догадаетесь: ВАЗ-2108. Теперь Вам понятно, куда делись мои запчасти, которые купить невозможно. Вед, обыск на их даче никто не проводил? – спросил Лукин.

– Нет в деле такого документа. Все, с этим Вы меня убедили на сто процентов. Я Вас поддержу. А вот с вещами опять вопросы возникают. Даже электробритва «Браун», зачем она в машине?

– Опять же, все не так сложно. Я недавно развелся и снова женился. Но пока в моей квартире проживает бывшая жена, а у меня нет своего угла в своей же квартире, вот и пришлось некоторые личные вещи возить пока в машине. Квартирный вопрос я уже решил, но бывшая еще не освободила мою квартиру, поэтому одна, например, электробритва была дома, где я временно живу, а другая в машине. Потом я часто бываю в командировках, поднимают по тревоге и эти вещи хранились в машине. Это все от временной неустроенности, а не для того, чтобы написать на этих беглецов лишнее. Честно говоря, по ценам могли бы быть вопросы. Эти вещи приобретались ранее, но их теперь нет в продаже и можно купить только за валюту или

в комиссионных магазинах. А то, что они лежали в машине, могут подтвердить свидетели.

– Хорошо, тоже принимается. Хотя у адвоката будут вопросы по этому поводу.

– Могу показать свидетельство о разводе и о новом браке.

– Нет, нет, не надо, мне все ясно и я Вам верю.

– Вот и хорошо, а адвокат за это деньги получает. Вот пусть и задает свои вопросы, – сказал Лукин.

Единственное, что Лукин не написал – это то, что бритва «Браун» была сломана, и он возил ее с собой, чтобы отдать в ремонт. А все остальное так. Он не хотел заниматься бумажной волокитой, но Лейман заставил его.

На работе друзья радовались его сыскным способностям, кроме сотрудников отделения милиции, которые неправильно занимались проверкой его заявления об угоне и понесли наказание. Его «восьмерка» теперь была под их охраной во дворе отделения. Так распорядился их начальник, потому как очень дорого обошелся им розыск его машины.

Утром Лукин приходит в отделение, чтобы ехать на работу, а у машины колесо спущено. Поставил запаску и поехал в шиномонтаж, где определили, что прокол шины был боковым, а значит, умышленный, то есть шилом. Он в «Госстрахе» зафиксировал факт причинения ущерба и в отделение милиции подал заявление об умышленном проколе в их дворе. Конечно же, они отказали в возбуждении уголовного дела, но ему нужна только справка для Госстраха, что он обращался по этому поводу. В Госстрахе ему выписали компенсацию в сумме стоимости бескамерной резины в сто двадцать рублей, а он поставил в ту шину камеру, и она была еще надежнее, так как бескамерные

были капризные к ударам по ямам на дорогах.

Через два дня история повторилась, и ему прокололи два колеса. На этот раз он заставил коллег из милиции сделать осмотр машины на месте во дворе отделения и зафиксировать боковые проколы, которые он показал операм, подкачав спущенные колеса, а потом написал заявление. Получил тут же справку и выписал в Госстрахе еще двести сорок рублей. Вечером заехал в магазин и купил шило за рубль. Пришел к начальнику милиции и положил ему шило на стол.

– Я уже получил в Госстрахе триста шестьдесят рублей за проколы колес. Это две твои месячные зарплаты. Вот купил шило. Отдай его своим чудакам на букву «М», пусть продолжают колоть мне колеса, а я буду ходить в сберкассу за деньгами. Только это деньги Госстраха, а значит государственные. За них спросит прокуратура возбужденными уголовными делами по каждому факту. Хорошо Вы будете выглядеть, когда сами жуликов будете искать в своем дворе. Мне и так ясно, что это в смену того дежурного, который был наказан за то, что не дал сводку об угоне моей машины. Ну если у них нет мозгов, то объясните им, что бороться со мной невозможно, тем более я скоро перееду от Вас в свой район, где был начальником. Меня там уважают до сих пор, а здесь, видимо, сотрудников набрали в милицию по объявлению, – сказал Лукин.

– Поверьте, я не знал об этом, товарищ полковник. Обещаю, что накажу их своей властью, и больше этого не повторится,– сообщил начальник милиции.

– Вот это правильно. Они совершенно не думают о последствиях. Всегда своим подчиненным вдалбливал одну простую вещь, что нельзя, чтобы эмоции преобладали над разумом, тогда все будет в порядке. Мне даже смешно

стало от мысли, если я зайду как-нибудь к начальнику ГУВД Москвы Борисенкову и поблагодарю его за помощь в розыске моего автомобиля и, между прочим, сообщу о хулиганстве Вашего дежурного по отделению.

– Товарищ полковник, будет крах. Я обещаю, что больше не повторится. Ваша машина будет под охраной. Вы давно ушли с «земли»?

– Как только пришел работать в милицию, то сразу понял, что в отделении милиции работать невозможно. Сожрут или подставят, поэтому проработал я всего два года и перешел в управление. С «земли» я ушел семнадцать лет назад, а в управлении не бывает сокрытых преступлений или отказных материалов. Я от них сразу ушел, поэтому сохранился и до сих пор служу.

– А в МВД СССР Вы давно?

– Да уже пять лет, еще со времен Федорчука, который гонял нас, как «сапожков» по всем гарнизонам, от Заполярья до Средней Азии. Любил он ссылать полковников к азиатам. Можно было подумать, что мы могли там навести порядок, особенно после начала перестройки.

– Да, Вам тоже досталось. Такие погоны просто так не даются. Я вижу по Вашей хватке, что совершенно справедливо наказали мою дежурную смену. Надо работать нормально, тогда и нареканий не будет от народа.

– Про народ я уже не вспоминаю, когда к полковникам милиции такое отношение, как будто я интендант какой-то, наворовал на машину, а им портянок не додал.

– Вы правы. Машину оставите здесь?

– Да, если можно

– Я к тому, что может быть, по сто грамм, а то мы как-то все официально, все нам некогда.

– Да, понемногу можно. У меня в машине есть.

– Ну, не обижайте, товарищ полковник, у нас тоже кое-что имеется.

Лукин протянул руку:

– Меня Виктором зовут.

– А я Николай. Что будем водку или коньяк?

– Сами, что пьете?

– Лучше коньяк.

– Тогда давайте по пять капель коньяка. От него запаху меньше.

До дома Лукину было два шага, но он позвонил Олесе, что задерживается в местном отделении милиции. Они разлили бутылку армянского коньяка и добавили азербайджанским «Апшероном», который показался им мягче.

Утром позвонил начальник трибунала и сообщил о слушании дела в пятницу утром. Просил приехать, так как ему одному будет трудно отбиваться от адвоката. Виктор давно уже привел машину в полный порядок и до Твери он долетел за полтора часа по утреннему шоссе. Только раз его успели перехватить сотрудники ГАИ под Конаково и посоветовали быть поосторожнее с большой скоростью. Перед залом трибунала толкались родственники Леймана и Арапова, а также, видимо, потерпевшие дачники. Адвокат Васин кивком головы поздоровался с Лукиным. Процесс пошел своим чередом. Начальник трибунала, зная занятость Лукина, вызвал его одним из первых.

– Расскажите нам обстоятельства угона Вашей машины и причины, почему в багажнике и салоне машины было столько вещей и запасных частей?

Начальник уже слышал его объяснения на собеседовании, но он хотел, чтобы услышали другие и адвокат. Лукин повторил все то же самое.

– У кого есть вопросы к Лукину? Адвокат Васин, прошу Вас.

– У меня все-таки есть сомнения, что все предметы находились в машине. Ну зачем Вам столько запасных частей? – спросил Васин.

– Я уже объяснял, но попробую еще более доходчиво. Только у меня есть пару вопросов к рядовым Лейману и Арапову, можно?

– Конечно, пожалуйста, – разрешил начальник трибунала.

– У меня в машине не работал рычаг поворотов на рулевой колонке. Не Вы ли его починили, когда пользовались моей машиной? – поинтересовался Лукин у арестованных.

– Да, это мы заменили рычаг поворотов, – с гордостью ответил Лейман, видимо, думая, что зарабатывает у трибунала этим положительные очки.

– А где Вы взяли новый рычаг? – спросил Лукин.

– У Вас в багажнике лежал в сумке с запасными частями.

«Так, «карасик» заглотил приманку», – подумал Лукин и продолжил раскручивать Леймана, который уже упомянул о сумке, которую не обнаружили при задержании.

– А у меня была крышка бензобака с замком, а теперь простая. Как же вы заправлялись, и кто ее поменял? – такой вопрос тоже был настолько простым, что они не почувствовали подвоха.

– Тоже мы. Ту крышку пришлось сломать, когда кончился бензин и новую поставить.

– Где Вы взяли новую крышку от бензобака?

– В сумке в багажнике, – сказал Лейман.

– Спасибо, ребята. У меня вопросов больше нет. Това-

рищ Васин, я ответил на Ваш вопрос, а вернее, рядовые сами ответили на него. Кто-то утверждал, что никакой сумки с запчастями в багажнике не было, – сказал Лукин.

Начальник трибунала слегка покачал головой и ухмыльнулся, видимо, его полностью устраивало объяснение рядовых, признавшихся о наличии в багажнике сумки с запчастями.

– У меня больше вопросов нет, – заключил адвокат Васин.

– У меня есть вопрос к потерпевшему, – сказал рядовой Лейман, наконец-то поняв, что его ловко заманили в ловушку и вопросами о добрых делах заставили невольно признать кражу вещей из угнанной машины.

– Ну, пожалуйста, задавайте, – разрешил ему начальник трибунала.

– А где тогда, по-вашему, эти сумки с запчастями? – умнее он ничего и придумать не мог, а просто огрызнулся.

– Я думаю, что на машине Ваших родителей. Их ВАЗ-2108 стоит под окнами трибунала, – в таком же духе ответил ему Лукин.

– Вопрос был не по существу, – отметил начальник трибунала, – объявляется перерыв.

Лукин зашел к начальнику трибунала и попросил разрешения уехать на работу.

– Да, конечно. Мне и так было ясно, но теперь и адвокат, и арестованные низложены. Я не ожидал такого поворота, думал, они меня утянут в судебные тяжбы. Вежливо задали один вопрос о крышке бензобака с рычагом, и все встало на свои места. Решение по Вашему ущербу будет положительным.

В коридоре к нему подошел адвокат Васин.

– Я извиняюсь, Виктор Павлович, но работа такая, а Вы

здорово меня и с той стороны, с которой я не ожидал.

– Так, экспромт в нашем деле лучше всего.

– Мне нравилось работать под Вашим руководством, и всегда удивляли Ваши нестандартные решения по розыску преступников. Я надеялся, что Вы не поедете в Тверь на заседание трибунала, а когда увидел, то стало ясно, что я проиграю. Вот и получил экспромт, откуда не ожидал. Ну, думал, что будете утверждать, что были эти вещи в багажнике, попросите вызвать дополнительно свидетелей, а это опять было бы пятьдесят на пятьдесят. Но все оказалось просто. Дело оказалось в крышке бензобака. Лихо. Желаю удачи. Я больше не буду упираться по делу.

– Как ты говоришь? Работа такая.

– Я представляю, что у Вас за работа, если можете вертолетами угонщиков гонять по лесам.

– Откуда ты это взял?

– Солдатики рассказали. Они сначала увидели вертолет, и не придали этому значения, а через час прямо на них вылетела милицейская машина с сиреной и маяком, – сказал Васин.

– А куда делись твои подопечные в то время?

– Да, недалеко отбежали в кусты. Видят, собаки нет, вот далеко и не побежали. Наблюдали, надеясь, что хотя бы что-нибудь из еды оставят им или котелок на костре. Но куда там, все смели под метлу, и им пришлось опять лазить по дачам, пока не попались.

– Так на это и было рассчитано. А вот на счет собаки это наше упущение. Они бы уже не ушли в тот день, но, видимо, операм не хотелось глину месить по лесу. Ладно, пока.

Через неделю Лукин получил два денежных перевода из Твери на сумму три тысячи сто рублей. Видимо, Лейман и

Арапов торопились загладить ущерб, чтобы приговор трибунала был менее суров. Итого он получил по угону шесть тысяч сто рублей. А в общей сложности, вместе с суммой по аварии в Крыму, сумма полностью покрывала стоимость автомобиля. Цены на машины еще не менялись, но их не было. А на рынке они стоили в три раза дороже. Он не стал всю сумму тратить на машину, а произвел ремонт подвесок и ходовой части, отрегулировал двигатель и покрасил съемные части, крылья и капот. Машина засверкала.

Наконец-то позвонила из соседней квартиры Надежда.

– Виктор, мне принесли ключи от твоей квартиры. Даша переехала. Позвони, когда приедешь, – сказала Надежда.

– Я сейчас выезжаю.

Они с Олесей подъехали к Надежде. С ее мужем Анатолием они занимались розыском его автомобиля. Он заглянул в квартиру Виктора, и его удивленные глаза смотрели на него.

– Лукин, а ты новосел, квартира, как после сдачи дома строителями.

Он бывал у него дома и видел, что там было. Теперь в квартире ничего не было, даже лампочек освещения. Вместо люстр торчали голые провода без электрических патронов. Похоже, люстры сдернули и оборвали провода, так как они торчали распрямленными вниз. Полки кухонного гарнитура были вырваны из стены, оставив дыры от дюбелей.

– Ну и хорошо. Проще будет делать ремонт без мебели. А то двигай ее туда-сюда – правда, Олеся? – пошутил Лукин.

– Конечно. Когда приступаем? Надо побелить потолки.

Обои сами поклеим. А это что на полу? Ба, да тут Эйфелева башня во весь пол. Вот сюда надо постелить палас во всю комнату, чтобы паркет не менять. Хорошо? – спросила Олеся.

– Нет вопросов. Завтра в ЦУМе возьму талон на палас и застелю после ремонта, – согласился Виктор.

Ремонт сделали за неделю полностью. Палас постелили. Он оказался единственным предметом из мебели. В магазинах невозможно было купить даже табурет. Пришлось напрягать свои связи в торговле и ОБХСС.

Первым делом была обставлена детская комната, а потом появилась спальня и мягкая мебель. Витька Маньков, бывший его коллега-оперативник, теперь работал в отделе по охране ГУМа и Красной площади, помог купить телевизор Львовского завода. С кухонной мебелью и люстрами ничего пока не получалось. Лукин занимался в свободное от работы время обустройством своего «гнездышка» и попутно проводил освоение дачного участка.

А в стране появилось очень много грамотных экономистов, которые быстро подсчитывали на бумаге нерентабельность производств, сельского хозяйства, золотодобычи и нефтепромысла. Во все века и во всех странах было все рентабельно, а в России уже нет. И цифрами глушили страшными, что для создания современного производства необходимо было два триллиона долларов, сравнивая производство СССР с ржавым остановившимся двигателем. Как простому обывателю, ему было непонятно: зачем было останавливать все производства? Почему нельзя запустить хотя бы сельское хозяйство, чтобы не закупать продукты питания за рубежом? Нет «новым русским», а они были далеко не русскими по на-

циональности, проще было вывести из СССР триста миллиардов долларов и купить на них автомобили «Мерседес» и виллы на Средиземноморье. Они подсчитали, что сельское хозяйство надо поднимать по-европейским нормам, когда один трактор на десять гектар и перевели это в сотни миллиардов долларов. Да, не надо было пахать в районах Крайнего Севера. Можно было бы поднять сельское хозяйство в тех областях, где всегда стабильные урожаи. Да, они бы всю страну накормили. Но руководители и экономисты продолжали делать свое поганое дело. Одни резали крупный рогатый скот, а другие уже подсчитывали, сколько стоит закупить за рубежом десятки миллионов рогатого скота. Это была не перестройка и реформация, а летела в пропасть вся экономическая система, на которой держалось все жизнеобеспечение страны.

Лукин сталкивался с программой выживаемости, когда бросают сотрудника в тайгу, горы или любое другое необитаемое место, и он должен выжить там определенное время на подножном корме. Так его перед этим экспериментом долго обучают, как себя вести, и что делать в этих условиях, а после заброски еще и контролируют, чтобы вовремя оказать помощь.

Но с русским народом можно и попроще: бросили в ледяную воду, и барахтайся сам, как хочешь. Выживешь, молодец, потому что за состоянием здоровья в том эксперименте с народом никто не наблюдает. Теперь, как в джунглях: «Выживает сильнейший».

На этом фоне Съезд народных депутатов принимает декларацию о суверенитете России. Другим республикам СССР разрешили брать этого суверенитета, сколько они хотят. Вот они и перестали подчиняться законам СССР. Коммунисты повсеместно стали сдавать пачками партий-

ные билеты. Развал страны был в полном разгаре. Опять вспоминались слова революционной песни: « … разрушим до основания, а затем … ». Но затем, как и тогда в 1917-м, не получалось. Капитализм строился четыреста лет, столетия формировали сознание человека, а россиян убеждали программами, и что совсем скоро мы будем жить в капитализме. Никто не знает, что это такое, но основоположник этого учения, Карл Маркс, сказал мудрые слова о капитале: нажитый преступным путем капитал никогда работать не будет. А они воровали, растаскивали государство. Лишь в одном они были постоянными, как и их предшественники, – они нагло врали, одурачивали народ.

Лукин носил погоны и не лез в политику. Да его туда никто и не приглашал, но в то же время «лапшу на уши» не позволял себе вешать. Он видел развитие Китая, который не стал рушить основные производства, а уж тем более приватизировать их. Расширили частный сектор, отпустили легкую промышленность, и все пошло, как по маслу, и врать народу не было необходимости. А в России главной целью перестройки все-таки было разрушение экономики «до основания». Руководители КПСС, может, этого не хотели, но их привели к этой пропасти. Поэтому Лукину надо было думать о своей молодой семье, о дочерях.

На дачном участке был нетронутый лужок с полевыми цветами. Его участок отделял от других земляной вал опушки леса, который был в зарослях малины. Вот одну культуру уже сажать не надо было. Он долго стоял утром с лопатой, перед этим земляным валом, намереваясь пробить в нем проход на участок от лесной дороги. Но первая попытка не удалась, так как напоролся лопатой на многочисленные переплетения корней кустарника. Около

трассы Москва-Рига он увидел большой дорожный бульдозер. У него все было, что нужно для разговора с бульдозеристом – это «мокрая валюта» водка. Увидев пару пузырей, он приглушил свою технику.

– Можешь помочь? – спросил Лукин.

– Что надо делать? – спросил бульдозерист.

– Вот там, на бугре, мой дачный участок, а по его краю проходит бруствер с кустарником. Надо его сравнять.

– Всего и делов-то. Через полчаса буду, – быстро согласился бульдозерист.

Еще ни на одном участке не было заборов. Стояли только колышки, которые размечали участки, поэтому для бульдозера было полное раздолье. Он в два приема сравнял бруствер с кустарником, потом раскатал кусты с корнями и сгреб их вместе со старыми пнями в кучу на краю участка. От распаханного бруствера на участке появился слой плодородной земли с лесным многолетним перегноем листьев.

– Вот, хозяин, тебе и грядки готовые. Только дорожки между ними прокопай, и можешь сажать. Давай я спалю эти пни и кустарники.

– Хорошо бы.

Он достал канистру солярки. Обильно полил кучу кустарников и поджег. Черная копоть и запах солярки попортили на время экологию и до сих пор нетронутую природу, но что поделаешь.

– Они за один раз не сгорят. После их опять в кучу собрать, что останется и снова поджечь.

– Хорошо, дальше я сам.

Они с Олесей не собирались ничего сажать на участке, но, увидев готовые грядки, Виктор поехал в Нахабино за семенами. Вода для полива была недалеко в лесном озере.

Так появились у них первые грядки с клубникой, зеленью, редиской и салатом. Жаль было, когда такая земля пропадает. В нем просыпались гены предков, но грядки были баловством. Надо было думать о какой-нибудь крыше, а для огурцов и помидор парник нужен. Не любил он сооружения под названием парник из досок и пленки, поэтому заказал на заводе из стального уголка парник три метра шириной и двенадцать в длину, под стеклом. Олеся смеялась, что пока он будет их домом.

Заводы все в Москве «лежали на боку» из-за кризиса. Материалы у них еще были в изобилии, поэтому рабочие за наличку или водку делали любую «халтуру». Что делать, если государство отпустило их в свободное плавание. На работе он договорился с военными летчиками, и они нашли ему на военной базе под Подольском новый кунг с военного «Камаза». Несмотря на свои небольшие размеры, кунг был разделен на умывальник с туалетом, кухню и комнату на два спальных места. В нем было три входа, дверь сзади с лесенкой, верхний и боковой люки. Виктор померил его ширину, поймал самосвал «Камаз». Они с водителем померили борта. Получилось, что кунг проходит, а когда стали грузить его краном, то он не вошел. Решили положить кунг на борт самосвала наискосок. Но высота превысила допустимую правилами перевозки. У Лукина не было времени искать другую машину, да и водитель оказался тульский, хотел быстрее заработать.

Пришлось сопроводить его на своей «восьмерке» через посты ГАИ, где первый же сотрудник глаза округлил:

– Первый раз вижу, чтобы так перевозил на самосвале кунг.

Тульскому Саше понравилось такое сопровождение, и

он предложил Лукину блоки и плиты по дешевке.

– Я вроде бы хотел небольшой дом поставить из бревен.

– А кто тебе мешает построить большой бетонный подвал, – подсказал Саша.

– Спасибо. Я тебе вечером позвоню.

Вечером у него был семейный совет с Олесей.

– Куда нам блоки и плиты на шести сотках? – спрашивала Олеся.

– Я соображу куда. Думаю, что подвал с подземным гаражом хороший получится.

– Я все поняла. На участке мне делать нечего. Может быть, нам снять пока дачу или на озере Селигер отдохнуть у бабы Мани?

– Лучше на Проню. Если понравится, то отдохнете там, и мне поближе будет мотаться к вам на выходные. Двести километров в один конец, – это не пятьсот, как на Селигер.

– Но там есть свои прелести. Моя мама там будет и баба Маня поможет управиться с детьми.

– Да. Я об этом не подумал. Там тебе будет удобнее. Моя мама вас примет хорошо, но у своей тебе будет комфортнее. Вот поэтому я и хочу форсировать строительство дачи, чтобы все были вместе и рядом с Москвой. Полчаса и ты в квартире, – сказал Виктор.

– Так что? На Селигер?

– Давай пока туда. А баба Маня будет не против?

– Не забывай, она сестра моей мамы.

– Тогда я утром попрошу Сергея затоварить меня дачными продуктами. Крупой, мукой, макаронами, растительным маслом и тушенкой.

– Растительное масло хорошо. Я к твоему приезду буду

рыбу ловить и жарить с корочкой. Только сгущенного молока много не бери. Там в деревне коров еще не порезали – молоко есть. А Сергей, что начальником ОБХСС работает, что может затоварить?

– Нет, он просто знает многих начальников ОБХСС и прокуроров, поэтому может.

Сергей Викторович быстро набирал обороты и привыкал к новой жизни в столице. Он выискивал золотые жилы именно в бесхозяйственности и разрухе, в которую опускалась страна. И если бы не его привязанность к игре на ипподроме и в карты, то он был бы давно респектабельным мужиком. А пока он спускал там все, что зарабатывал.

Лет десять назад Лукин из любопытства сыграл с ним несколько раз в эти азартные игры, и они не увлекли его, хотя он всегда выигрывал. Потом Сергей накосорезил по жизни и отправился на родину Ломоносова в Архангельскую губернию, аж на шесть лет. Теперь наступали его времена. Многие уголовнонаказуемые деяния отошли в историю. Теперь это называлось всеобъемлющим словом «коммерция». Модное словечко даже к взяткам стало применимо. Лукину стало интересно, куда с такими понятиями доедет государство, и ничего хорошего уже не ждал от «перестройки». Было видно невооруженным глазом, что жулики и в основном по линии ОБХСС подняли голову и закатили «пирушку» на всем пространстве СССР. У Лукина были только погоны полковника милиции, а по сути, он был штатским и задачи у него были по безопасности полетов, а с жульем пускай разбираются «колбасники» их ОБХСС.

Утром они с Сергеем заехали к одному из них. Сергей хорошо знал начальника ОБХСС Сокольников Юрия Чернова, с которым познакомил Лукина. Какой-то он был

нетипичный для той службы. Сколько у него было детей, Лукин не знал, но явно не один ребенок в семье. Юрий был такой домашний и семейный. На провокации Сергея в отношении бань с девочками не поддавался. Наверное, поэтому он проникся к просьбе полковника из МВД. А Лукин представился ему документом «прикрытия», и тот отправил их в стол заказов на Леснорядской улице, где ранее был колхозный рынок. Багажник Лукина пополнился всем необходимым для отдыха на Селигере.

Они с Олесей и детьми тронулись в путь. На работе он взял отгул на понедельник, хотя заранее знал, что не останется на Селигере. Олеся ехала к своей родне, а он не любил быть «приживалкой», поэтому настроился только переночевать.

Лукин однажды отдыхал на Байкале, но это далеко, а Селигер по красоте не уступал седому Байкалу. И езды до него было всего часов пять. До Твери дорога была ему знакома по поездкам в военный трибунал по своим угонщикам и даже до Торжка, где они молодыми инспекторами уголовного розыска брали Фрола по кличке «Рваный», который в новогоднюю ночь обворовал табачный киоск на Нижней Масловке и сбежал в деревню под Торжком к бабушке. Он им испортил праздник. Сыщики, обидевшись, быстро вычислили его и в шесть часов утра взяли тепленького на деревенской печи. Фрол тогда возмущался, что даже не успел покурить ворованные сигареты. Надо было видеть его сонное лицо через день после кражи.

От Торжка поворот на Кувшиново. Олеся сообщила, что теперь прямо по шоссе, никуда не сворачивая, пока не упремся в проселочную дорогу на село Машутина гора. Виктор заметил знакомый поворот на село Тимофееево,

где Фрол собирался курить до весны, пока сыщики не забыли бы про него.

После села Кувшиново машины на шоссе попадались все реже, а деревянные дома были перекошены и черного цвета, потому что дерево в тех местах никто не красил и не берег от загнивания. Кругом леса. Вероятно, проще срубить новый дом, нежели красить его каждый год. До самого Осташкова по обе стороны шоссе тянулись леса и болота, а перед городом слева показалась синеватая водная гладь. Водоем был похож на широченное устье реки. В городе они пересекли ее, и далее дорога обогнула озеро Селигер с Юга и пошла на Север, петляя вдоль берега между болот и мелких озер. Вскоре они въехали в Свапуще, где закончилась хорошая дорога и приблизилась к самому берегу. Лукин не отвлекался за рулем, но уже был в предвкушении пообщаться с прекрасным. В Залучье дорога кончилась и перешла в проселочную, но они уже приехали.

Деревня была настоящей с коровами и козами, гусями и петухами. Стояла она недалеко от озера, но в деревне еще был огромный пруд с прозрачной коричневатой водой от торфяника. Местные жители предпочитали полоскать стираное белье в том пруду и всплески воды на солнышке становились золотистыми.

Виктор разгрузил багажник автомобиля и пошел с Олесей окунуться в пруд. Так его называли местные. На самом деле пруд был проточным. Скорее всего, здесь было озеро от причудливого Селигера, так как все водоемы подпитывали друг друга. Ледники много тысяч лет назад создали высокие холмы Валдайской возвышенности, а растаяв, заполнили впадины водой. При сходе ледник живописно изрезал побережье, создав множество островов и разбросав по берегам озера огромные гранитные валуны, а озеро

создал на высоте 205 метров над уровнем моря.

На краю деревни небольшое болото, заросшее ольхой и мелкой березкой. Рядом выбивался чистый родник, сбрасывавший воду в маленькую протоку, в которую далее вливается еще ручеек.

Солнышко садилось над озером, когда они въехали в Свапуще. Прошлись по берегу вдоль лодок и по деревне, посмотрели на заповедный уголок Селигера. Из любопытства зашли в «Чайную» и выпили чая с плюшками. С террасы открывался прекрасный вид на плес. Ветра не было, и вода стояла, словно в блюдце. Здесь же находилась центральная усадьба совхоза «Заозерный». Как-то здесь все было по-домашнему и такое ощущение, что просто давно не приезжал домой. От озера исходила чудодейственная сила воды, света и красоты. Они с Олесей решили погулять до заката над водной гладью озера и приготовили свои фотоаппараты с цветной пленкой и слайдами. По берегу озера на песчаной почве раскинулся сосновый бор с лиловым тимьяном, вереском и, конечно, земляникой. На высоких местах между соснами травы нет, земля покрыта «оленьим мхом», а в низинах растут ели. Сумрачно и тихо среди строгих елей, много тени и прохлады. Травяной покров почти отсутствует из-за недостатка света, а земля устлана осыпавшейся хвоей, среди которой они заметили грибы. Маслята только пробивались своими коричневатыми скользкими шляпками, на которые прилипло множество еловых иголок. Здесь же встречались и смешанные леса, в основном березы и кое-где осины. Не обошлось и без черемухи с рябиной. А сколько здесь орешника, калины, крушины, шиповника и царской лесной ягоды-малины. Хоть впору приехать сюда в отпуск и собрать это все на зиму. Как приятно после бани заварить чай с такими

ягодами, да еще земляникой взбодрить.

Лукин знал много трав. Эти знания ему перешли от мамы, с которой он заготавливал травы на зиму, когда отдыхал в деревне на летних каникулах. А здесь чего только не было: луговые васильки, вероники, между ними брусника с черникой. На полянах и по опушкам леса цветет розовый Иван-чай. А белых грибов видимо-невидимо. Виктор собирал сначала в пакет, а потом высыпал в багажник автомобиля. За час он набрал примерно три большие корзины. Последний раз он видел такое изобилие белых грибов с Олесей за Окой под Касимовым.

Солнце садилось и раскрасило небо в цветном колдовстве в оранжевые, сиреневые, бордовые и фиолетовые краски. Они щелкали затворами своих фотоаппаратов, а картины менялись каждую минуту. От восторга дух захватывало. Такие закаты бывают только над большими водоемами, а на Селигере они были похожи на картины Айвазовского, только на озере было тихо.

– Баба Маня посмотри, Виктор набрал целый багажник белых грибов, – похвасталась Олеся, когда они подъехали к дому.

Баба Маня подошла к автомобилю, глянула в багажнике на грибы, а потом, улыбаясь, посмотрела на Виктора.

– Надо же такой труд и напрасно. Эти грибы надо отвести за деревню и высыпать в овраг. Это ложные белые грибы. В наших местах их много. Они растут в хвойных и лиственных лесах на песчаной почве. Иногда встречается на обросших мхом, гнилых пнях. Мы его еще называем желчным грибом или горчаком, – сделала она заключение.

– Так это ядовитые грибы? – спросила Олеся.

– Наши мужики иногда их путали по пьянке, но не отравились. Они просто очень горькие и несъедобные.

Если такой гриб попадет с другими грибами в готовящееся блюдо, то вкус будет непоправимо испорчен. Он обладает желчегонным действием, поэтому используется для лечения заболеваний печени. В следующий раз, когда засомневаешься в таком грибе, чтобы не попасть впросак, стоит только лизнуть низ шляпки сорванного гриба. Желчный гриб сразу выдаст себя горьким вкусом. Это вполне безопасно, а уберечь можно себя от многих огорчений.

– Нет, я лизать их не буду. Теперь я вижу, что у грибов мякоть розовеющая, и на срезе розовеет, а на ножке отчетливо виден темный сетчатый рисунок. Это я от азарта нахапал, так как в наших подмосковных лесах я с такими не встречался.

– Ну ничего, давайте ужинать и спать. В нашей деревне спать рано ложатся.

Оба мероприятия были Виктору по душе, так как хотелось и покушать и отдохнуть после долгой дороги. Телевизор в деревне показывал очень плохо, да и не до него было. Бабушки сидели в ожидании очередного мыльного сериала, которые действовали на Виктора успокаивающе: он часто засыпал под латиноамериканские мелодии. Он еще раз удивился местной природе.

На обратную дорогу ему завернули «тормозок», как раньше в деревнях возили обед трактористам в поле, чтобы они не останавливали процесс вспашки или обмолотки зерна и не ездили на уборочной технике на обед к себе в деревню. Обед состоял из вареных яиц и картошки, шматка сала, свежих огурцов и бутылки молока. Все то же самое было уложено и Виктору, что было гораздо лучше, чем обедать в придорожных кафе.

Он постоял у калитки с Олесей, пообещав приехать в следующие выходные. На дворе лето и ей надо отдохнуть

с детьми. Утром на шоссе ему не встретилось ни одной машины. Курортные места и народ здесь отдыхает, поэтому рано встают только рыбаки, а они живут на водоеме. В Осташкове он, не раздумывая, свернул вправо и поехал на Селижарово – отсюда до Ржева было около 100 км.

Он давно изучал по карте тот маршрут, надеясь когда-нибудь здесь побывать. Вскоре показалось Селижарово, которое, пожалуй, было знаменито тем, что здесь протекает Волга, а в Ржеве великая река обретает свою судоходность.

Дорога была совсем пустой. Что же заставило его свернуть на эту неизвестную дорогу? Виктор катил по свободному шоссе от Сунжарово, где во время войны начинался Ржево-Вяземский выступ, образовавшийся после разгрома немцев под Москвой в декабре 1941 года. Советские военачальники мыслили окружить и уничтожить немецкую группировку, ударами пятью армий. Но немцы к тому времени укрепились на отведенных рубежах, стянули несколько пехотных соединений и подбросили танковые резервы. Поэтому все удары наших войск натыкались на фланговые удары немецких дивизий и сами оказывались в окружении. На том плацдарме полтора года шли непрерывные бои с большими потерями с обеих сторон. Земля была искалечена поступью нескольких тысяч танков, разрывами бомб и снарядов, по ее многочисленным малым рекам долго текла людская кровушка. Линия Ржевско-Вяземского выступа проходила по их родному селу. В тех местах враг зверствовал особо, были сожжены соседние деревни Мишино, Злобино, Михалкино, а их Лукино неоднократно становилось передним краем то наступающих, то обороняющихся. Теперь оно стерто с лица земли и числится лишь на картах, отпечатанных еще при

царе. А при советской власти села, как будто бы и не было, и не жила там большая семья Лукиных. Поэтому его дед Алексей Михайлович был в чем-то благодарен судьбе и Вяземскому ОГПУ, что жестоко обошлись с ним, отправив его по ложному обвинению на Соловки, а его многодетную семью сослали на Северный Урал. А вот останься он с семьей в деревне Лукино, еще неизвестно, успели бы они уйти оттуда до прихода немцев. Алексей Михайлович рассказывал Виктору и убеждал себя в том, что он сделал правильный выбор и не вернулся после войны в родное село Лукино.

Лукин не собирался давать оценку действиям советских командиров, но кругом молчание. А прошло более пятьдесят лет с окончания Ржевской битвы. Но, несмотря на ее грандиозность, о ней до сих пор не было объективной информации. Александр Твардовский вспомнил о битве после войны в своем стихотворении «Я убит подо Ржевом». А другие молчат, значит, нечем хвалиться. Лукин еще в школе, когда все цитировали Василия Теркина и посмеивались, прочитал наизусть «Я убит подо Ржевом». Вся их компания притихла, а ему захотелось побывать в тех местах.

Еще ему хотелось побывать в тех местах, где воевал старший брат его мамы, Харламов Павел Иванович. Он во время той битвы командовал бронепоездом под Ржевом. В тот город в первый и в последний раз в 1943 году Сталин выехал из столицы на фронт в сопровождении Берии. Сначала в Гжатск, а затем под Ржев. Но это был уже не фронт, города освободили полгода назад. Трудно сказать, почему он приехал именно в те места. Может быть, посмотреть, за что здесь полегли более миллиона солдат. Недаром же эту двухгодичную военную кампанию

засекретили и больше не обсуждали.

Примечательно, что звание маршала Сталину было присвоено не после разгрома немцев под Сталинградом, а в результате освобождения именно тех городов, хотя немцы сами отвели войска. Его поездку по железной дороге сопровождал бронепоезд. Лукин не исключал, что им мог командовать его дядька Харламов. Правда он знал, что таким бронепоездом командовали только офицеры НКВД, из которых состояла вся его команда, а Харламов всегда был танкистом, а на танках не было энкавэдэшников.

Со слов мамы и его бывшего ординарца дяди Вани, который часто приходил к ним домой много лет спустя, Виктор знал, что Павел Иванович в середине тридцатых годов окончил Харьковское бронетанковое училище и воевал с японцами у озера Хасан и у реки Халхин-Гол командиром танкового взвода. Конфликт был небольшой, но потери наших войск в два раза превышали вражеские. Уже тогда сказывался «голод» в командном составе Красной армии. За те бои он получил свой первый орден. Едва закончились бои с японцами, как Харламова в конце ноября 1939 года направили на Выборгскую сторону под Ленинград, где по реке Сестре проходила граница с Финляндией и где произошла короткая, но такая же кровопролитная война с маленькой скандинавской страной. Павел Иванович получил второй орден Красной Звезды. Погибли тогда более ста тысяч солдат и офицеров. Многие попали после войны в застенки НКВД и потом в ГУЛАГ, так как много знали.

Во время войны с немцами у Павла Ивановича стала редкая воинская профессия – командир бронепоезда. Участвовал в боях осенью – зимой 1941 года между Брянском и Вязьмой, потом ремонтировал «свою крепость» в Под-

московье и вновь вернулся на фронт под Гжатск, где принял бой с немецкой танковой колонной. Силы были неравными, поэтому они, подбив несколько танков, отвели бронепоезд в тыл. Потом была Курская битва, а последние снаряды они выпустили из своего бронепоезда в Германии, пройдя всю войну с одним ранением.

После войны Павел Иванович работал в Москве в Совете Министров РСФСР референтом у Председателя Михаила Ивановича Родионова. В те годы по стране вновь прокатилась волна репрессий. Сначала в отношении советских полководцев, а потом придумали «Ленинградское дело», но от всех дел исходил душок борьбы за власть. Родионова арестовали вместе с Вознесенским Николаем Алексеевичем и ленинградцем Кузнецовым. А Харламов Павел Иванович скоропостижно скончался при загадочных обстоятельствах. Арестованных членов Политбюро ЦК ВКП (б) вскоре осудили и расстреляли, и кто знает, не это ли стало причиной гибели Харламова. Да, судьбу не угадаешь... Остались в семейном альбоме только его послевоенное фото в форме с орденами Красной Звезды, орденом Красного Знамени и многими медалями, да еще военные фотографии, рядом с танком и на подножке бронепоезда.

Виктор переехал через несколько железнодорожных переездов под Ржевом, по которым ездил во время войны бронепоезд Харламова. Он переехал мост через Волгу в городе Ржеве.

Сегодня о боевой славе Ржева напоминает установленный на площади Мира танк Т-34 и аллея Героев Советского Союза, обелиск и Вечный огонь недалеко от Старого моста. Виктор вышел из машины, прошелся вдоль берега Волги и тронулся дальше. От Ржева до Зубцова

было 20 км, а потом и Шаховская через 60 км, куда они ездят иногда за грибами, так что до дачного участка на Новорижском шоссе осталось совсем немного. И это еще одна причина, по которой Лукин свернул на Ржев.

Лукин понимал, в какую кабалу затягивает себя со строительством дачи при таком дефиците строительных материалов, поэтому решил «волноваться поэтапно», как он выражался. Если будут материалы, то будет и строительство, а нет, то летний домик он возведет за время отпуска. Деревню Лукино восстановить уже не удастся. Видимо, прав был дед Алексей Михайлович, что не поехал после войны в родные места, а обосновался в подмосковном Подольске.

Виктор давно уже облюбовал Тубный завод на Башиловской улице, куда завозили из Германии станки и оборудование, которые были упакованы в ящики размером с морские контейнеры. Ящики были из струганной доски толщиной 25 мм и представляли ценный материал для летнего домика. Получить эту тару можно было бы при помощи бывших коллег все из того же 15-го отделения милиции, где он начинал работать в уголовном розыске. Тубный завод только построили, и немецкие рабочие приехали монтировать оборудование для выпуска алюминиевых туб под зубную пасту, да еще многое другое планировалось выпускать на том заводе. Немцы привезли с собой щиты двухметровой высоты и выгородили в большом цеху себе помещение, как на международных выставках, где они переодевались и хранили свой инструмент. По их понятиям достаточно было охраны на заводе, а заводское руководство понадеялось на пролетарское самосознание рабочих своего завода. Хотя было незаметно, чтобы немцы переоделись в рабочую одежду. В их спе-

цовках сине-желтого цвета можно было идти даже в ресторан, а наши рабочие в черной промасленной спецодежде смотрелись, как «зеки». И один из них подтвердил это. Когда увидели у немцев в руках никелированные гаечные ключи, пассатижи и многое другое, уложенное в пластиковые чемоданчики, то у многих появилось желание поработать такими инструментами, а кто-то решил работать ими всегда.

Пришли утром немцы на работу, а инструмент украли. Немцы отказались работать советским инструментом и сообщили, что если не вернут им украденный инструмент, то они уедут на родину. Дело грозило большим скандалом на уровне посольства Германии. На место выехали коллеги Лукина – инспекторы уголовного розыска Влад Численко и Валера Титов. Оказалось, что у немцев с первого дня их работы на заводе что-то пропадало из инструментов и вещей, но они молчали, списывая на российскую нужду, а когда украли все, то они возмутились. Валера подошел к делу со всей ответственностью. По времени пропаж определил круг подозреваемых, так как было ясно, что посторонний не мог бы совершить несколько краж в разные дни. Потом круг сузился до одного слесаря Никанорова, к которому они выехали домой под видом работников профсоюза «для выяснения условий проживания» своего рабочего. Дома провели беседу с женой Никанорова. Выяснилось, что он подарил ей авторучку, похожую на похищенную у немцев. Они выпили с хозяйкой много чая, сидя на кухне, а когда пришел после работы сам Никаноров, то ему ничего не оставалось, как показать на чердаке своего дома похищенные инструменты, которые вернули немцам.

Давно это было, но на заводе работал все тот же дирек-

тор Гриднев, который помнил тот случай. Вряд ли он откажет в приобретении тары из– под станков бывшему сыщику. Влад Численко теперь работал начальником 14-го отделения милиции, а Валера устал бороться с преступностью и ушел в адвокаты. Коллеги рассказывали, что у него неплохо получалось.

Виктор однажды видел в Прибалтике подземный гараж под загородным домом. И заезд с виражом, как на велотреке, а боковины бетонные от нуля вровень с землей до самого низа, а там ворота металлические. Сразу таким строительством снимается много проблем. Будет большое подземное помещение с металлической дверью и воротами, куда можно убрать весь инструмент и стройматериалы, так как из строительного вагончика все украдут. Воровство стройматериалов процветало повсеместно, так как ничего нельзя было купить. Фундамент все ровно надо строить, а здесь он будет трехметровый в глубину, на котором можно будет ставить любое строение. Цокольный этаж будет разделен внутри блоками, и строй, какой хочешь дом, шесть на шесть или десять на десять. Он как-то видел проект постановления Совета Министров СССР о разрешении строительства дачных домов без ограничения в размерах, не то, что раньше, шесть на шесть и только ломаная крыша второго этажа, мансарда типа чердака.

Лукин решил, что проект дома будет зависеть от количества завезенных блоков и плит. Конечно, ему было далеко до деревеньки, что даровал царь его прапрадеду за заслуги перед государством российским, когда они били французов в Гжатских лесах. И получила участок его жена от Москонцерта. А им в МВД СССР предложили участки в живописном месте, недалеко от села Константиново, где родился и жил Есенин, но за двести километров от

Москвы. Туда на «Жигулях» в пятницу выехать после работы, а в субботу приехать. Выпить чая в беседке, не разгружая машины, и можно собираться обратно, чтобы успеть на работу утром в понедельник. Очень далеко для выезда на выходные, а они еще не всегда бывают. В общем, это за заслуги перед Отечеством, за двадцать пять лет службы.

Давали еще справки, что вышедшие на пенсию имеют право на получение бесплатно двадцать пять соток земли в селе и десять соток в поселке городского типа, но то было чистое издевательство, так как местные власти обычно отвечали, что свободных земель нет. Так что право есть, а земли нет. Надо же так врать, чтобы в России не было земли. Он ничему не удивлялся. Россия с африканскими законами и постановлениями. Сначала все отняли у его деда. Потом разрешили строить дачи только известным людям, дояркам и шахтерам, ученым и композиторам. Вслед за ними разрешили на болотах и в других неугодных местах строить домики не более тридцати квадратных метров и без печки. Короче, сараи для скотины в деревнях больше размером и теплее.

Наконец, расщедрились в компартии и выделили под садоводство и огородничество по шесть соток. У многих рабочих и интеллигенции было единственным средством к существованию, вырастить урожай за летний сезон и съесть его зимой до следующего урожая. Для Лукина дача была каким-то представлением об утраченном рае, который был у его предков. Его пытался возродить дед, Алексей Михайлович, после освобождения, но ему разрешили только высадить яблони в саду и построить маленький сарайчик. Новое постановление, пусть даже в проекте, его радовало, и он ударился в строительство. Саша Тульский

ждал его около фабрики «Свобода», где разбирали железнодорожную платформу около цеха готовой продукции.

– Я тебя познакомлю с бригадиром строителей, а там сам с ними договаривайся. Они разбирают платформу, а она из бетонных блоков и плит. Они должны их вывезти на свалку, но решили на этом заработать.

– Хорошо, Саша, пошли.

Подошел мужчина в рабочей одежде, весь белый от бетонной пыли.

– Ну что хозяин, чем интересуешься? – спросил он Лукина.

– Да, вот, блоки шестерки и плиты. Говорят, у Вас есть.

– Блоки по двадцать рублей, а плиты по пятьдесят рублей за штуку?

– А что так дорого?

– Так, в магазине блоки стоят восемьдесят рублей и двести плиты, а в продаже их нет. Сам знаешь, – сказал бригадир.

– Там-то новые, а эти лежали в земле пятьдесят лет. Платформу строили в тридцатые годы, – начал торговаться Лукин.

– Они лучше новых, посмотри. Где сейчас увидишь в блоках арматуру, а здесь тридцатка стоит и десяткой перевязана. Каждый блок весит около двух тонн, бетон настоящий. Мы их ковыряем не краном, а ковшом экскаватора и бросаем в кучу, так от них ни кусочка не откалывается. А теперешние новые блоки положи неаккуратно или с перекосом, сразу лопнут. Вам много надо-то? – спросил бригадир.

– Да не очень. Вот если бы за полцены, что Вы назвали, я бы взял. Или могу зайти к директору фабрики. Светлана меня хорошо знает. Она даст команду погрузить мне,

сколько нужно и бесплатно.

– А Вы откуда? – поинтересовался экскаваторщик.

– Из НКВД.

– Ах да, Саша с «Камаза» мне рассказывал, как Вы с ним кунг перевозили на самосвале.

Бригадир отлично знал, с кем разговаривает, и боялся, что получит от директора фабрики команду отдать все бесплатно. Лукин не хотел ломать их бизнес до конца, но не имел желания платить большие деньги за бесплатный материал, который они должны были вывезти на свалку. А материал на самом деле был добротным и прочным. Они сговорились по восемь рублей за блок и по двадцать за плиту перекрытия – в десять раз дешевле, чем они просили. Виктор тут же прикинул размер подвала десять на десять из пятиметровых плит, заказал двадцать плит и около восьмидесяти блоков на высоту подвала в два с половиной метра. С арифметикой у него было все в порядке.

– Всего тысячу рублей. А за перевозку сколько? – спросил Лукин.

– Это с Сашкиной бригадой на «Камазах» договаривайся.

– С учетом бесплатного вывоза на свалку, то доплачу по пятьдесят рублей за рейс, только грузите, как положено, – предложил Лукин Саше.

– Больше восьми блоков самосвал не возьмет или пять плит, итого четырнадцать рейсов, – сообщил Саша.

– Саша, переговори с водителями. Лучше было бы сразу, и я сопровожу.

Через пару минут он подошел и сообщил, что согласились все восемь водителей и сделают по два рейса, только их надо сопроводить колонной.

– Хорошо, но сотку скинете за два рейса, – сказал

Лукин.

– Погрузим бесплатно ковшом экскаватора. А там ребятам на месте кран тоже не нужен будет, они их с борта скинут. Блоки и плиты прочные, еще раз убедитесь при разгрузке, – предложил экскаваторщик, – вот, это немного ему надо, больше половины платформы забирает. Что же Вы строить собираетесь? Сейчас мы восемь машин загрузим.

– Вот Вам еще сто рублей, на десять блоков. Если уместятся, то отправьте, а если нет, то деньги Саше передайте, – Лукин решил, что больше такой халявы может не быть.

– Хорошо, попробуем.

Виктор отлично знал, что бригадир загрузит все, что нужно, не будет же он искать по улице, кому нужны блоки и плиты.Виктор ехал впереди на своей белой «восьмерке» с включенными фарами. Скорость была небольшая, так как шли колонной с перегруженными «Камазами» с фабрики «Свобода». Название красивое для парфюмерной фабрики, а что касается свободы, то это спорный вопрос. Он вспомнил, сколько крупных, а в основном мелких жуликов было отправлено «в места не столь отдаленные» с той фабрики «Свобода». Сейчас он вывозил железобетон. Прошло почти двадцать лет, когда он пришел в отделение милиции инспектором уголовного розыска, а фабрика «Свобода» находится на территории отделения.

Многие жители в округе воротили нос, находясь рядом с фабрикой от резких неприятных запахов. Но мало кто знал, что на углу Вятской улицы был еще химический завод № 6. Вот он-то и выдавал те запахи. Теперь в период хозрасчета завод «не выжил» и его закрыли. Раньше на фабрике использовались только натуральные продукты для изготовления мыла, шампуней, кремов, зубной пасты и

многого другого, что делает всех красивыми и чистыми. Те натуральные продукты получали из-за бугра. Оливковое масло в зеленых двухсотлитровых бочках из Греции и Испании, белоснежный свиной жир – из Германии, розовое масло в шестидесятилитровых нержавеющих бочках – приходило из Болгарии. На получение одной капли уходило по тридцать лепестков. Много чего получала фабрика и для производства своей продукции, но был среди них загадочный продукт, получаемый из кашалота. Это спермацет. Сами кашалоты достигают 20 метров в длину и 50 тонн веса. Примерно как железнодорожный вагон в плавании. Заживляющие свойства спермацета известны очень давно. Его применяли для приготовления противоожоговых мазей, а в парфюмерии добавляли в губную помаду и крема. На воздухе спермацет кристаллизуется, образуя мягкую, желтоватую воскоподобную массу.

Вот эти продукты были предметом хищений на фабрике «Свобода». Оливковое масло и свиной жир продавали хозяйкам, а розовое масло и спермацет уходил в салоны-парикмахерские, где для постоянных клиентов готовили крема для масок лица. И это не считая ворованной готовой продукции, которой были завалены все торговые точки в округе. Поэтому в отделении милиции постоянно улучшалась статистика раскрытых преступлений за счет задержаний жуликов с фабрики «Свобода».

На дачные участки колонна груженных под завязку «Камазов» заехала с включенными фарами. Машины разворачивались на соседнем участке и задом сваливали блоки в одной стороне, а плиты рядом, оставив в середине место для котлована. Своего участка немного не хватило, и краем бетон лег на три соседних. Прибежал председатель их товарищества Борис Моисеевич.

– Вы что собираетесь здесь строить? – спросил он.

– Маленький домик в деревне. А что? – спросил с улыбкой Лукин.

– Я думаю, Вы знаете законы, что нельзя строить дома больше, чем шесть на шесть, – Борис Моисеевич с усами и бородкой выглядел интеллигентом.

Лукин не ошибся. Потом он узнал, что их председатель работал директором кукольного театра.

– Борис Моисеевич, а где написано, что нельзя строить больше, чем шесть на шесть, но под землей? – спросил Лукин.

– Да, об этом нигде не написано.

– Наши соседи по дачам адвокаты и должны подтвердить, что, если не запрещено, то можно, – подвел итог их переговорам Лукин.

– Так Вы будете бункер строить на случай войны?

– Нет, погребок для хранения огурчиков.

– Вы все шутите. А вот Ваши блоки упали на соседние участки.

– Это нечаянно. Я с соседями договорюсь. Обещаю, если они в течение недели будут им мешать, то пригоню подъемный кран и переложу блоки.

– Вы хотите сказать, что за неделю пустите их в строительство? – спросил Борис Моисеевич.

– Да, есть такое желание.

– Удачи Вам, – заулыбался Борис Моисеевич, явно не веря в сроки, озвученные Лукиным.

– Спасибо, – поблагодарил Лукин.

Лукин успел мотнуться в местный колхоз к председателю Михаилу Алексеевичу и попросил у него бригаду на строительство нулевого цикла в выходные дни или после работы.

– Нерабочим временем своих колхозников я не распоряжаюсь. Сами с ними договаривайтесь. Я не против, только не спаивайте их, а то они на работу не выйдут после выходных, – предупредил его председатель колхоза.

Но какой колхозник будет работать без выпивки? А этого «добра» у Лукина хватало, поэтому они в колхозе работали и часто посматривали на часы, чтобы сорваться к Палычу на стройку вместе с колхозным экскаватором и краном. Лукин уже знал колхозного крановщика Владимира, который виртуозно под проливным дождем снял с самосвала его кунг и установил на бревна в углу участка. За работу он взял две бутылки водки. Теперь было, где спрятаться от дождя и даже переночевать. Экскаваторщик дядя Сережа Чернов уже побывал на его участке и знал объем работы.

– Ты, пехота, поставь мне столбики, где рыть котлован и на какую глубину, а дальше я сам все сделаю. Мы можем и ночью работать. На тракторе есть освещение. Грунт вывозить с участка?

– Да, конечно. Иначе гора будет.

– Через три дня приезжай с деньгами и «мокренького» не забудь, – так колхозники называли водку.

Водка стала дороже денег. Уже смеркалось, когда на горке показалась следующая колонна из восьми «Камазов» с блоками и плитами, и Борис Моисеевич только покачал головой.

– Вы, наверное, хотите девятиэтажный дом строить?

– Нет, Борис Моисеевич, у меня финансов не хватит.

– А то бы могли, я уже не сомневаюсь.

Прежде, чем строить дом, надо посмотреть на соседей, чтобы досуг на даче был в радость. Справа от Лукина мастерил свой домик Николай с женой и детьми. Они начали

с высадки сада и огорода. Хорошие ребята и всегда приветливые. Работали они вместе в кукольном театре. Через дорогу были пустые участки, где они с Олесей собирали грибы. Сзади участка тоже никто не поселился. А слева был участок заместителя председателя садового товарищества Охрима, который кому-то его уступил.

Лукин подъехал в село Покровское через три дня, как договорился с дядей Сережей. Экскаваторщик пригласил его в дом.

– Твой сосед слева не разрешил рыть котлован на твоем участке, сообщив, что ты забрал часть его участка. Я его бы не послушал, но было много работы в колхозе. Сегодня я освобожусь к вечеру и приступлю к твоему котловану. Мне запреты твоего соседа по барабану.

– Дядя Сережа, я все ровно выясню, почему он командует на моем участке.

– Ну, это ваши дела. Тебе вот моя хозяйка приготовила трехлитровую банку молока и пару десятков яиц. В Москве, наверное, уж и забыли, какие на вкус настоящие продукты.

– Спасибо, дядя Сережа. Скажи, сколько с меня?

– Сразу видно городского. Это просто так – гостинец от нас с бабкой.

– Так приучите к хорошему.

– В нашем селе нет проблем с молоком, и даже мясом торгуем.

Лукин понял, что в общении с сельскими жителями можно питаться натуральными продуктами. Была пятница. Соседи слева оказались на своем участке. Лукин уже выяснил, что Наум работал в какой-то телефонной компании, а его жена занималась воспитанием ребенка. Он достал пятиметровую рулетку и пошел к колышку справа,

чтобы перемерить размеры своего участка поперек. Лукин и так знал, что в сторону соседей он не сдвинулся ни на сантиметр, а наоборот, забил колышки на десять сантиметров вовнутрь своего участка. Это не означало, что он собирается подарить соседям эти двадцать сантиметров. Но для таких «голых» претензий, как от Наума, он уже «завелся». Наум, видимо, почувствовал грозу и поспешил ему навстречу, а может быть, после своего запрета на рытье котлована выяснил, что сосед полковник милиции.

– Здравствуйте, – с одесским акцентом поздоровался Наум. – Здесь приезжал экскаватор, и я запретил ему рыть котлован.

– На каком основании? – Лукин спросил сдержанно, что расслабило Наума.

– Вы залезли на мой участок. Потом глина после дождя от котлована будет стекать на мой участок, – выпалил Наум свои основания.

Лукин понял, что с таким человеком в интеллигентных тонах можно долго разговаривать и не договориться.

– Яша, Вы меня не поняли, – Лукин специально назвал его другим именем, подчеркивая его принадлежность к той нации. – Я спросил: на каком основании ты запретил работы на моем участке, не удостоверившись, что мой колышек на десять сантиметров забит вовнутрь моего участка? Давай вместе сейчас перемерим, и ты убедишься в этом.

– Я Вам верю. Не надо мерить, – согласился Наум.

– Тогда я тебе скажу, что ты обнаглел и неизвестно кем себя возомнил. Ты сорвал производственное задание моему экскаваторщику и нарушил сроки строительства, поэтому получился простой строительной бригады. Я не буду наказывать тебя финансово, а пришлю сейчас двух ав-

томатчиков и заставлю тебя рыть котлован лопатой, – наехал Лукин.

– Простите меня. Я об этом не подумал. Могу компенсировать потери.

– Все, что ты можешь сделать, так поехать в колхоз и извиниться перед экскаваторщиком, чтобы он начал работать.

– Да, конечно. Я сейчас поеду. Извините еще раз, – Наум, вероятно, понял, что если не заставят его копать лопатой, то сосед может причинить массу мелких неприятностей.

Лукин думал построить со стороны соседа туалет. Но решил ставить дом со всеми удобствами, а бетонные кольца закопать со стороны Наума, так как его участок был под горку и слив получался естественным.

Через час приехал дядя Сережа. Лукин попросил его вырыть яму под четыре кольца в левом углу участка. Дядя Сережа хитро улыбнулся, догадавшись о причинах его решения. Ковш экскаватора на базе трактора «Беларусь» легко снимал плодородный слой земли и укладывал его по краям участка. Лукин только сейчас понял, что он делает. Участок был 20 на 30 метров, а котлован 12–15 метров, поэтому от участка осталось только десять метров сзади и по четыре метра по бокам, где были уложены плиты перекрытия и блоки. Что не уместилось, крановщик уложил на задний свободный участок.

Когда он привез Олесю с озера Селигер, то она махнула рукой на свой урожай и сообщила, что будет сажать клубнику после окончания стройки. Легко сказать окончание, когда стройка только начиналась, а деньги уже заканчивались. Лукин прикинул, что может осилить только подземные сооружения, перекрыть их плитами и сделать крышу

на подвале из гидроизола, чтобы там было сухо.

Как и было договорено, котлован был готов через три дня под размер подвала десять на тринадцать. В кунге уже лежало тридцать мешков цемента и рядом две машины песка. К выходным Виктор подвез три тысячи красного кирпича, чтобы выровнять уложенные блоки перед монтажом плит. Он сам удивлялся над собой, как будто бы всю жизнь строил дома.

Дядя Сережа выкопал котлован на полметра глубже.

– Я копнул с ближнего угла, а там, на глубине трех метров, кончилась глина, пошел песок. Можно было не заказывать песок. Шучу. Наоборот, нужна еще пара машин песка и подвал всегда будет сухим. Место высокое и песок внизу. Повезло тебе, пехота. О таком подвале можно только мечтать. Вчера целый день шел проливной дождь, котлован затопило в местах, где глина. Я соединил те водоемы с местом, где песок и вода вся ушла. Вот там надо сделать дренажный колодец и забудь о воде в подвале.

Лукин с ним расплатился. Какие-то копейки стоила работа, но вот с крановщиком получилась загвоздка. Они все бригадой сбежали с работы, бросив строительство коровника, и пришли к нему укладывать блоки. Сделав планировку песком дна котлована, они опустили один ряд блоков. Стал вырисовываться контур подвала, а вернее – цокольного этажа здания, но прилетел на своем «уазике» председатель колхоза Михаил Алексеевич:

– Вы что моих рабочих сманиваете? Мы договаривались в нерабочее время.

– Все правильно, но я не знаю их рабочего времени. Если они пришли, то значит, закончили работу, я так понимаю. Я им не пастух и не хозяин.

– Хорошо, я с ними сам разберусь.

– Вот и разбирайтесь с ними, – сказал Лукин.

Они уехали на свой объект, а Виктор поехал искать на всякий случай другую бригаду в Павловскую слободу, зная крутой характер председателя. На выезде из села Покровского он увидел большой КрАз, груженый песком. Договорились о цене.

– А куда вести? – спросил водитель.

– Здесь рядом. За селом Падиково – в сторону леса – увидишь котлован на самом бугре. Поехали за мной, я сопровожу.

Виктор подъехал к своей стройплощадке, за ним был КрАз с песком.

– Куда ссыпать?

– На край котлована, чтобы крану куча не мешала.

Только самосвал начал разворачиваться, как ему поперек встал «уазик» председателя Михаила. Он подошел к Лукину.

– Вы что ездите по моим полям на машинах?

– Я езжу только по дороге, – возразил Лукин.

– А вот КрАз проехал по полю.

– Это не мой КрАз, а Ваш колхозный, вот с ним и разбирайтесь. Ему виднее, где ездить.

– Я видел в бинокль, – это было любимым занятием председателя рассматривать свое хозяйство в бинокль.

– Ну, если в бинокль, то видели, наверное, что я ехал по дороге.

– Но Вы наняли КрАз с песком.

– Я что должен его за руку водить, как в детском саду? То у Вас рабочие разбегаются раньше времени, то КрАз ездит по полям, и все я виноват. А не пойти ли тебе Миша на … – Лукин не стал уточнять куда.

– Да, я не прав, но рабочих я Вам больше не дам.

– Я уже понял час назад, поэтому поехал искать других.

Рабочих в округе было не так много, и все были заняты на объектах, но как только узнавали, что Лукин платит сухими и мокрыми, бросали все и шли на его стройку. А с водкой или самогоном, отличного качества, который употребляли руководители министерств СССР, у Лукина проблем не было. Поэтому цокольный этаж через десять дней был перекрыт и навешаны металлические ворота на въезде с хорошим гаражным замком. Правда, все труды Олеси пошли насмарку. От грядок и огорода не осталось и следа. На картошке лежали плиты. Он привез ее, чтобы похвалиться завершением первого цикла.

– Ну ты и размахнулся на шести сотках! К огороду больше не притронусь, пока не закончится строительство, – заключила Олеся.

– Давай на следующий сезон я застеклю парник. Его точно никто не завалит и не затопчет.

– Ладно, давай попробуем, – заулыбалась Олеся.

Дядя Сережа заровнял наружные пазухи котлована, подсыпав цокольный этаж. Виктор спустился вниз, а там строители один блок выдвинули в проем будущей двери между отсеками подвала.

– Это что, ребята? Надо было подкопать в одном месте котлован и задвинуть тот блок в землю. А теперь что будете делать? – спросил Лукин.

– Мы его обрубим скарпелью и кувалдой, – бодро ответил молодой работяга.

– Давайте, попробуйте, а я посмотрю.

Шустрый Коля ударил несколько раз огромной кувалдой на металлической ручке по блоку, но она только отскакивала, и ни одной крошки не отвалилось.

– Ничего не понимаю. Они же ломаются легко пополам

от таких ударов, – сказал он.

– Но не эти. Это сталинское производство, – сказал Лукин.

– Дай-ка я попробую, – взял кувалду другой, но эффект был такой же.

– Хорошо, мы пригоним компрессор, и отобьем молотком.

Они так и сделали, но долбили тот метр блока часа три. В обрубленном блоке появилась арматура толщиной в тридцать миллиметров, перевязанная «десяткой», которую не брало ножовочное полотно. Им пришлось ехать за автогеном и обрезать арматуру газосваркой. Лукин еще раз убедился в прочности бетона. Он гулял поверху плит, как по танцплощадке, и обдумывал, какой дом построить. Здесь можно было спокойной строить многоэтажку с таким фундаментом в три метра высотой. Но все его мысли были о том, где достать строительный материал хотя бы на один этаж. Он знал, что цокольное строение стоит минимум треть всего здания. В соблюдении прочности он не сомневался, так как превышал ее намного. Для себя же строил. Соседи по даче от него балдели. Соорудить такое строение. Первый поздравил с началом Борис Моисеевич.

– Вы, наверное, знали, что будет постановление Совмина о разрешении строительства домов на садовых участках без ограничения? – спросил он.

– Да, я его видел, но не знал, засекретят ли его или нет.

– Это ведь как.

– Бывает там и так, вроде бы для народа, а потом бах гриф секретно, и оказывается только для узкого круга из народа.

– Да, Вы правы, бывает и так. Я видел Вас в форме один

раз. Вы работаете в московской милиции?

– Нет, в Совете Министров СССР, – Лукин для важности упустил приставку «ПРИ».

– Нет, серьезно?

– Более чем.

– Да, потому и чувствуется размах в строительстве.

– Не потому. Это у меня от деда.

– А он был строителем? – спросил Борис Моисеевич.

– Да, на Соловецких островах, на Беломорканале и на Северном Урале.

– Юморок у Вас явно милицейский, я уже не переспрашиваю, знаю, что так и было. Мои тоже там были. Раньше об этом молчали, а теперь можно гордиться нашими предками, – с серьезным видом сказал Борис Моисеевич.

Лукин понимал, что на те деньги, что потратил на строительство, он мог бы спокойно отдохнуть всей семьей на курорте. Хотя стоп! Спокойно ли? Везде разруха началась. Пришлось бы ехать отдыхать со своими макаронами. И потом пока все шло с большой выгодой для его семьи. Блоки и плиты были бэушные, поэтому стоили в десять раз дешевле, а при их отсутствии и того больше. Он умел считать экономику и понимал, что любой забитый гвоздь на его стройке скоро будет если не золотым, то серебряным точно. И даже не в том дело. Он видел, что не скоро поднимется сельское хозяйство, а на участке будут свои огурцы и помидоры, смородина и яблоки, да и многое другое. До масштабов хозяйства деда Алексея Михайловича ему не дотянуть с шестью сотками, но дом он решил построить поэтапно и большим.

Времечко в стране наступало «веселенькое» – начало большого хаоса. В одном он был благодарен руководству компартии и лично Егору Лигачеву: борьба с пьянством

сделала «жидкую валюту» покрепче доллара. За водку можно было достать буквально все, особенно у строителей или хотя бы поддержать разговор о стройматериалах, как говорится: «Не подмажешь – не поедешь».

Лукин ушел в очередной отпуск и попробовал официально приобрести кирпич или доски для стройки. В магазине стройматериалов в Колодезном переулке он подал свою дачную книжку, и ему поставили штамп и номер очереди. Он тут же поинтересовался, когда примерно она подойдет. Ему четко пояснили, что если заводы кирпичные не остановятся, то года через три. Все правильно. Получил участок земли, вот и сажай картошку, а то народ размечтался о домах, об отдыхе. Было выдано народу очень большое количество участков, так что не скоро государство сможет обеспечить желающих стройматериалами.

А стройки народного хозяйства все встали. Где-то кирпича не было, а где цемента, но большей частью рабочим платить было нечем. Лукин объехал всех своих знакомых из милиции и прокуратуры, выясняя, у кого из них есть строители, а он уж с ними договорится. Руководители стройплощадок продать ничего не могли официально, а вот за наличный расчет было можно, а попросту они продавали ворованное. Лукин принимал липовые накладные, зная их происхождение, и платил деньги прорабам или мастерам, которые везли ему кирпич по тысяче штук. Для большой стройки это была капля в море, а ему для домика в деревне самый раз. Цемент ему перепадали в метрострое, пятисотой марки, отдающий в синеву. Им надо было привезти пустые мешки, а цемент у них списывался на прорывы воды в шахтах метро. А сколько туда уходило, никто не контролировал. Это была теперешняя Россия, и не ему охранять эту бесхозяйственность, названную хоз-

расчетом.

Винить в том было некого. Все поровну приложили руку к развалу. Это были и коммунисты, и новые демократы-авантюристы, которые многочисленными реформами быстро добили ослабевшую экономику. А гегемону что? Пошумели, проорали «Долой КПСС», «Да, здравствует свобода» и в таком духе. Их подхватили профсоюзы и дальше стоп. Работать за копейки уже никто не хотел, а руководить производством не умели. Да и законы для перехода к капитализму еще не были написаны. На одной стройке есть кирпич, но нет цемента, на другой, наоборот, и сидят оба руководителя, не могут ничего сделать. А все предприятия до этого снабжались централизованно, поэтому теперь у многих скопились однородные материалы. Вот и стали выдумывать на производствах, ранее выпускающих оборонную промышленность, кухонную посуду, изделия из пластика и сковородки с тефлоновым покрытием, закупая импортное оборудование. Это называлось кооперативами, которые выживали только по одной причине, что не платили налоги или использовали «халявное» сырье, а попросту ворованное еще из тех богатых запасов, оставшихся от централизованного снабжения.

Лукину тоже пришлось шагать в ногу со временем. Хоть и в больших погонах и пока еще с хорошей зарплатой, но на нее купить было нечего. Государство отказалось проявлять какую-то заботу о народе, и предоставили ему самому искать пути для выживания. Службу бросать ему не хотелось, надеялся, что вот-вот все наладится. Работа Лукину нравилась. Его не прельщали легкие деньги в кооперативах. Да и пойти некуда было с двумя академиями. Делать сковородки? Никак не укладывалось. Поэтому

свой отпуск он полностью посвятил решению семейных проблем по обустройству кухни и строительству дачи.

Его друзья и соседи удивлялись его энергии. Окончательно убедившись, что купить ничего невозможно, Лукин сделал несколько фотографий кухонных гарнитуров в квартирах своих знакомых «новых русских» и приступил к его изготовлению. Он никогда ничего подобного не делал, но у него была четкая уверенность, что может сделать и не хуже. Без чертежа, по фотографии, а главное, по месту, то есть в размер стен кухни. Он никогда не работал столяром, но на заводе, где он работал до армии, шутили, что он может сделать по чертежам даже летающего крокодила или хотя бы ползающего. А здесь кухонный гарнитур. На такое решение натолкнула его опять все та же бесхозяйственность, творившаяся на мебельных фабриках. Рядом с его домом их было две, № 2 и целый мебельно-сборочный комбинат на Полковой улице. И там и там чего-то не хватало для нормальной работы и выпуска продукции. В основном комплектующих, которые не позволяли выпускать стенки и книжные шкафы. Но по-хорошему не хватало на фабриках нормальных руководителей. С одним из них и познакомили Лукина. На мебельной фабрике № 2 на Сущевском валу ему отпустили необходимое количество ламинированных ореховым шпоном щитов ДСП, шириной по 45 и 60 сантиметров и длиной метр семьдесят, которые он уложил в лоджию квартиры. Щиты он взял с запасом, потому что потом они могли бы закончиться, а их уже не производили. Там же ему выдали целый мешок петель-лягушек, ручек, декоративной отделки и другой фурнитуры, необходимой для сборки. Но самое главное – ему выдали готовые дверцы от мебельных стенок с тонированными стеклами и рас-

кладками. Оставалось приложить только руки.

Олеся сначала смеялась, надеясь, что это занятие ему скоро надоест, и все мебельное хозяйство переедет на дачу, но она ошибалась. Он трудился каждый день после работе до поздней ночи, оставляя на позднее время тихие операции по сборке, чтобы не тревожить сон молодой мамы и соседей. По утрам Олеся видела, как вырисовывался кухонный гарнитур, о котором мечтала бы любая хозяйка. Виктор закрепил все будущие шкафы, столы и полки к стенам кухни от подоконника до мойки и плиты, а потом углом до проема двери. Угловых гарнитуров он и сам не видел ни у кого. Это был экспромт ночью. Сверху закрепилась пластиковая столешница, из которой делали на фабрике кухонные столы. Таким же образом были собраны высокие метровые полки с дверцами под стеклом от мебельных стенок. Шедевром кухонного гарнитура была угловая полочка с застекленными дверцами под 45 градусов. Завершил он свое изделие изготовлением из массива красного дерева полок на противоположной стенке кухни, куда Олеся выставила красивые побрякушки.

Виктор успел все сделать к ее дню рождения, и они собрали друзей. Во время гулянки друзья прижали его в углу:

– Если еще что-нибудь сделаешь сам, то мы к тебе в гости ходить не будем, лучше в лесу собраться. Наши жены запилили: «Смотри, как надо делать. Вот Виктор умеет все», – начал выговаривать в шутку Анатолий Прохоров.

– Ну, в лесу я тоже не рекомендую, потому как, увидев, что я сделал на даче, они Вас точно перепилят, – ответил Лукин.

– Он еще и издевается. В общем-то, молодец. Даже мы такого не ожидали. У тебя уже готовый кооператив мебельный. Знаешь, сколько стоит такой кухонный гарнитур,

а тем более, построенный по месту? Около десяти тысяч долларов, – прикинул Сергей муж подруги Олеси.

– Индивидуальный заказ по любому желанию подороже потянет, – предположил Анатолий.

– Нет, ребята, я напилил деревяшек на всю оставшуюся жизнь. Они мне по ночам снятся. Такое можно сделать один раз для себя, и то от безвыходного положения. А работать на кого-то и за большие деньги – это не с моим характером. Не подхожу я для сферы обслуживания. Так что ни мебельного кооператива, ни платного туалета я открывать не будут, – засмеялся Лукин.

Анатолий с Сергеем открыли свои кооперативы. Прошка занимался установкой охранной и пожарной сигнализацией, оставив должность в МИДе. Сергей занимался кооперативным строительством. Расценки у них были серьезными, но заказчика надо было еще найти. Так уж получилось, что в их компании оказались одни Сергеи и «Борода», как они звали мужа Любашки. Ему в жизни повезло немного больше, чем другим. Сергей был внуком писателя Вячеслава Шишкова, и проживали они в его квартире на втором этаже, напротив Моссовета. Его дед написал знаменитый роман «Угрюм-река». Пятнадцать лет писал он этот роман. Они и своего друга Анатолия Прохорова прозвали Прошкой, как Ибрагим звал в том романе Прохора Громова. Их Прошка не уступал хваткой литературному герою.

Олеся была довольна больше всех. Для хозяйки огромный кухонный гарнитур был мечтой. В него поместилась вся посуда, запасы продуктов, хрусталь, фарфор и красивые бутылки со спиртным. Большую библиотеку Виктор разместил на многочисленных книжных полках от пола до потолка в гостиной. Можно было отдохнуть последнюю

неделю отпуска. Сходить на охоту, но пока одному. Олеся была на хозяйстве с детьми. Дома не хватало только люстры.

На даче строители возвели первый этаж дома шесть на шесть с торцевым выпуском кирпичной кладки, чтобы при наличии кирпича расширить дом до десяти метров в обе стороны. Накрыли первый этаж плитами перекрытия с гидроизоляцией, поэтому на первом этаже с двумя комнатами и кухней можно было уже жить. В кухне пробили в бетонной плите пола люк и построили лестницу в подвал, куда колхозники из соседнего села Покровское загрузили в деревянные ящики три мешка картошки, почти по мешку моркови, свеклы, лука, заложили свежую капусту. Виктор подготовил две дубовые бочки по 50 литров для квашения капусты. По старинному рецепту бабушки он также собирался замочить в ржаном сусле с медом и мятой антоновские яблоки, которые обещал привести Пашка из деревни Падиково. Пока шла стройка на участке, сажать что-нибудь не было смысла. Подвал в доме был трехметровой глубины, и до весны можно было на рынок не ходить. Настала грибная пора. Оставалось заготовить на зиму соленых опят и сушеных белых грибов, которых в окружающем лесу было в изобилии.

Найти хорошего мастера-печника было нелегко. В соседней деревне жили два брата Коля и Толя. С виду даже не скажешь, что они были мастерами, так пьянь пьянью, которые никогда «не просыхали», но они знали свое дело. Где взять нужную глину для кладки печи и как сложить печь, чтобы дым в трубу шел.

– Я хочу поставить печку со стороны кухни, а в гостиной камин и вывести дымоход в одну трубу. Сможете? – спросил их Лукин.

– А почему бы и нет. Как с фундаментом под такое сооружение?

– Плиты прочные монолитные, а под ними стоят блоки шестерки на перемычке подвала. Вам осталось только рассчитать, чтобы печь и камин были выстроены над теми блоками.

Они спустились в подвал. Осмотрели сооружение.

– Да, прочности здесь хватит и на русскую печь, не только на голландку с камином, – сделали они свое заключение.

К концу первого рабочего дня оба печника упали с крыльца во время очередного перекура. Крыльцо было не огорожено, и они с него ковырнулись, да так, что Лукин подумал вести их к доктору. Но они отряхнулись от глины и пошли домой. Трезвый бы разбился при таком падении, а эти были пьяны, как сапожники, или, вернее, как печники. Утром они пришли продолжать кладку трезвыми, но продержались около двух часов, потом их опять начало штормить. Виктору надоело смотреть на их личики, и он уехал домой, договорившись, что в течение трех дней они все закончат.

Да, они все сделали, даже печку сложили с сушкой наверху, но печка стояла, наклонившись, как пизанская башня. Впрочем, наклон был небольшой, печь и камин топились идеально, отдавая тепло. Заслонки хорошо реагировали на закрытие, несколько «колен» внутри дымохода способствовали быстрой отдаче тепла и экономии дров. Все это компенсировало кривизну печи.

Вокруг дачного товарищества стоял лес, поэтому Лукин не видел проблем с дровами. Во всяком случае, для шашлыков у него уже были заготовлены. К зиме местные жители из окрестных сел заготавливали дрова. Так жили их

предки, но они передавали свой опыт обустройства быта из поколения в поколение, а потом при советской власти народ отвык строить индивидуальные дома, а о каминах и подземных гаражах они только где-то слышали. Многие строили летние домики без отопления шесть на шесть, как предписывали прежние законы.

– Олеся, я решил не ездить с коллегами на охоту, а поедем на дачу за грибами. С печкой и камином будет тепло, – предложил Виктор.

– Так на улице еще тепло, чтобы печку топить.

– А для уюта. Сентябрь все-таки. Ночью детям холодно будет.

– Я понимаю. Хочешь своей работой похвастаться? А можешь приготовить обед на печке? – спросила Олеся.

– Да легко. Мне крестьяне обещали подвести в субботу парного молока, сметаны, творог. Василий будет резать бычка. Можно мясо купить.

– А баранины нет для шашлыка?

– Надо подъехать в соседнюю деревню Чесноково, там при нас барашка зарежут, шашлыки по-карски могу сделать, – сказал Виктор.

– С тобой так легко.

– Просто в колхозе пока все есть. При тебе могут поросенка зарезать или курицу с гусем. У них нет времени на московских рынках торговать, да и не пустят их туда азербайджанские спекулянты, а тут голодные дачники образовались по соседству, – сказал Виктор.

Лукин не очень удивлялся своей способности быстро налаживать связи по выполнению продовольственной программы для своей семьи. В газетах и телевизоре только и говорили об этом, но он прошел на службе другую программу, которую в спецназе называли выживаемостью. А

еще в начале 60-х годов пацаном стоял он по ночам в московские магазины, чтобы купить муки и крупы. Тогда партия во главе с Хрущевым экспериментировала с сельским хозяйством и внедряла кукурузу на полях аж до Заполярья в Архангельской области. На тех полях старики сеяли рожь, да фуражное зерно, которое давало хорошие урожаи, а кукуруза вырастала не более десяти сантиметров. Поэтому он не верил ни в коммунизм, ни в перестройку, хотя был членом партии с 18-ти лет. Именно членом партии, а не коммунистом. Давно уже их не стало, переродились и непонятно какое государство построили, хотя называют развитым социализмом. Одна болтовня.

Построил Лукин один этаж с подвалом и загрузил его овощами, а следом консервация огурчиков с помидорчиками. В это он верил больше, чем партийным болтунам, что скоро они накормят народ. Раньше Лукин никогда не делал запасов, но теперь у него семья, а в стране стали исчезать некоторые продукты, а он мотается по командировкам.

На Урале без изменений

За семь минут до наступления пятницы 14 сентября 1990 года, в 23 часа 53 минуты, в Свердловске близ аэропорта Кольцово пропал с экрана радара самолет Як-42, выполнявший ночной рейс 8175 из Волгограда в Свердловск. Среди ночи противно запищал тревожный мультитон Лукина. Он перезвонил дежурному.

– Самолет Як-42 при посадке в двух километрах от аэропорта Кольцово на высоте 20 метров врезался в верхушки деревьев. Потеряв скорость, он пролетел 300 метров и врезался в землю, разломившись надвое. Председателем Государственной комиссии по расследованию катастрофы назначен Первый заместитель Госавианадзора СССР Теймуразов. Дежурная машина за ним вышла, и они Вас заберут дома. Вылет из аэропорта Домодедово первым рейсом. Командировочные у водителя.

Счастливого Вам полета, – пожелал дежурный.

– Что тебе собрать в дорогу? – спросила Олеся.

– Спасибо, ложись спать. У меня все собрано в тревожном чемодане. Жаль обед не приготовлю тебе на даче.

– И за грибами не сходим.

– Да грибы я буду собирать в лесах Урала, – сказал Виктор.

– Так ты недавно был на Урале.

– Я тебе напишу оттуда. Днем мы будем в «поле» работать, а к ночи заседание комиссии. Потому смогу только ночью письмо написать, а когда переедем в кабинеты, то позвоню, – Виктор обнял и поцеловал Олесю, а затем заглянул в детскую комнату и вышел из дома.

Дежурный «рафик» зеленого цвета подкатил к его дому минуты через три.

В аэропорту Домодедово, как обычно, их встретила миловидная бортпроводница из депутатской комнаты и, оформив билеты, пригласила на посадку в самолет. Лукин устроился поудобнее в кресле пассажира. Рудольф Амбарцумович прикрыл глаза и задремал на взлете или пытался уснуть после бессонной ночи. Хоть пятница выпала уже на 14 число, а Лукин не был суеверным, однако он припомнил множество примет, связанных с пятницей. Чтобы не засохли деревья, поляки в этот день не собирали фрукты. Сербы считали, что если пойдет дождь, то он будет затяжным. Хорваты в пятницу не начинали важных дел, а украинцы – не пекут хлеб. Но Лукину больше нравилось, что этот день благоприятен для любовной магии. Правда, ряд исторических событий из глубины веков привели к негативному восприятию пятницы тринадцатого, и ему припомнилась пятница 13 октября 1972 года, когда в один день произошли две крупные авиационные катастрофы.

Самолет Ил-62 выполнял международный пассажирский рейс SU217 из Парижа в Москву. Московский аэропорт Шереметьево был закрыт из-за сильного тумана, поэтому экипаж направился на запасной аэродром в Ленинград, а после открытия аэропорта Шереметьево вылетел в Москву. В 21:49 на удалении 12 километров к Северу от аэропорта при скорости 620 км в час с вертикальной скоростью 12 метров в секунду врезался правым крылом в поле рядом с Нерским озером. Промчавшись по полю 300 метров, самолет врезался в лес и через 200 метров полностью разрушился. Из находившихся на борту 174 человек никто не выжил. Комиссию по расследованию возглавлял Министр обороны СССР Дмитрий Устинов, но были в ней и классные специалисты, в том числе и его шеф, Теймуразов, который дремал в соседнем кресле. Однако установить точную причину катастрофы не удалось, списав на усталость экипажа или на воздействие природного явления на его работоспособность.

В тот же день регбисты из Монтевидео полетели на спортивные соревнования в Сантьяго. На борту самолета находилось 45 пассажиров. По пути они должны были приземлиться в Буэнос-Айресе, но случилось непоправимое. Самолет пролетал над труднопроходимой местностью и в условиях тумана летчик совершил ошибку, направив самолет к вершине Анд. Экипаж долго не понимал, что происходит, пока воздушное судно не налетело на скалы, в результате чего разрушился фюзеляж и несколько кресел с пассажирами улетели наружу. В результате страшного происшествия погибли 17 человек. Других пассажиров спасло падение лайнера в снег – он на большой скорости съехал с вершины. Пассажирам пришлось 72 дня бороться за жизнь в непроходимой местности с

жутким сорокоградусным морозом.

Стюардесса предложила пристегнуть ремни. Самолет пошел на посадку. В аэропорту Кольцово температура воздуха была плюс двенадцать градусов, моросил дождь. Командир мягко посадил борт на бетонную полосу. Какие ужасы приготовили комиссии уральцы? Почти одновременно с остановкой самолета подъехал трап к их первому салону и в открытом люке показался знакомый им по расследованию катастрофы в Первоуральске замполит авиаотряда Александр Сергеевич, который пошел на повышение в замполиты Уральского управления. Он поздоровался и пригласил Лукина с Теймуразовым в машину. Они приняли решение проехать сразу на место происшествия.

Замполит опять был задействован на аварийно-спасательных работах. Они только весной передали материалы в прокуратуру по окончанию расследования авиакатастрофы в Первоуральске, и он привозил материалы в Москву.

– В два часа ночи по местному времени самолет Як-42 из Волгограда заходил на посадку. Ночью и попал в низкую облачность, шел дождь, и видимость была плохая. Пока предварительно установлено, что экипаж принял решение идти на посадку и намеренно отклонился от схемы захода на посадку, поэтому ему пришлось доворачивать и нырять под глиссаду, а при этом увеличилась вертикальная скорость. Решение об уходе на второй круг было принято с опозданием. Самолет, задев деревья, полтора километра не долетев до торца ВПП, рухнул на землю, прокатившись по пашне сотни метров. От падения самолет развалился на две части по 7 и 8 рядам кресел. Нос самолета зарылся в землю. Погиб бортинженер и три пассажира, ранены

более тридцати пассажиров, – доложил замполит.

– Виктор Павлович, у нас Александр Сергеевич стал уже опытным расследователем. После его докладов мы можем возвращаться в Москву. Только хотелось бы услышать от него, как проводились аварийно-спасательные работы, которыми он руководит? – спросил Теймуразов.

– Все раненые эвакуированы в больницы. Им оказана медицинская помощь. Вроде бы успели вовремя, – сказал Александр Сергеевич.

– Виктор Павлович, Вам придется опросить пассажиров в больнице по обстоятельствам катастрофы, а заодно задайте им вопросы по своевременному оказанию им медицинской помощи и эвакуации, – сказал Рудольф.

– Хорошо, Рудольф Амбарцумович.

Первые шаги по осмотру места происшествия показали, что она схожа с катастрофой в Красноводске с самолетом Ту-154. Аварийно-спасательные работы начались сразу после обнаружения самолета, но в шесть часов утра, то есть через четыре часа, поэтому возникли вопросы к руководству аэропорта и аварийно-спасательной службе. Обнаружили «черный ящик» и сразу отправили его в Москву на расшифровку в лабораторию Госавианадзора СССР, которой руководил Владимир Кофман.

Летная подкомиссия приступила вместе с группой управления воздушным движением к расшифровке бортового самописца. Лукин вместе с замполитом поехал по больницам опрашивать пассажиров. Он специально пригласил с собой Александра Сергеевича, чтобы тот сам слышал из первых уст оценку действий спасателей. Они понимали, что лучшими свидетелями катастрофы были средства объективного контроля, но показания свидетелей тоже нельзя было списывать со счетов. Один из сви-

детелей летел с женой и выдал оценку действиям экипажа при посадке, а потом вспомнил нехорошим словом спасателей. Хорошо, что шел проливной дождь, и самолет не взорвался.

– Вы можете рассказать, как проходил полет? – спросил Лукин пассажира Куликова и приготовил ручку записывать его показания.

– Самолет заходил на посадку, пробиваясь через низкую облачность. Вскоре появились редкие огни населенного пункта. Около двух часов ночи по местному времени самолет убавил обороты двигателя, как обычно бывает при посадке. Мы ждали касания посадочной полосы, но потом двигатели резко взревели и самолет накренился вправо. Я подумал, что летчик сумасшедший, на такой высоте и такие повороты. Потом в секунды самолет рухнул вниз и ударился о землю. Кто-то высказался матом, что летчик пьяный. Это правда? – спросил свидетель Куликов. Его распирало от справедливого возмущения за совершенную катастрофу.

– Нет, конечно. За штурвалом был опытный пилот-инструктор. Усталость у него была, но не пьяный. А что было дальше?

– Все, как в тумане. Сильно трясло. На нас что-то падало. Мы с женой пригнули головы к коленям, как когда-то видели в кино в таких случаях. Потом началась паника, но вмешались военные летчики, которые сидели сзади. Они и спасали пассажиров через аварийные люки. Всех пассажиров отвели в лес на безопасное расстояние от самолета. Вокруг пахло топливом. Самолет лежал сломанным буквой «Г». Не было заднего входного люка и 7 и 8 рядов пассажирских кресел в месте разлома. Что с этими пассажирами?

– Трое погибли и многие получили серьезные ранения, – сказал Лукин.

– Помню, как бегал летчик и орал, чтобы не подходили к самолету, так как он может взорваться, – продолжал свидетель. – В крыле оставалось две тонны керосина, а под хвостом самолета появилось пламя. Недалеко светились огни какой-то деревушки. Но мы терпеливо ждали спасательных служб аэропорта и скорой помощи, так как упали в километре от аэропорта. Но первая машина скорой помощи приехала в 6 утра, то есть через четыре часа, а нас вывезли еще позже. Так что если бы не дождь, то неизвестно, что с нами было бы.

Вот так один пассажир дал четкую оценку действиям экипажа при посадке и аварийно-спасательным службам на земле. Лукину нечем было ему возразить. Все именно так и было.

Они прошли в женскую палату, где находилась пассажирка Наташа Смирнова с трещиной ребра и ушибами. Она тоже согласилась дать показания:

– Бортпроводница объявила о посадке. Я пристегнула ремни. Самолет пробивался через низкую облачность на малых оборотах двигателя, а потом вышел из облаков и на земле показались огни деревни. После я ждала приземления, но резко взревели моторы, самолет накренился вправо и резко рухнул вниз. Я сидела у окошка, в котором все мелькало. Сверху посыпались вещи на голову. Потом резкий удар в бок и тишина. А через пару секунд завизжали женщины, но на них прикрикнули мужики. Я обернулась и увидела военных летчиков. Они и руководили высадкой пассажиров через аварийные люки. Накрапывал дождик. Все пассажиры собрались в лесочке недалеко от самолета. Все вокруг пахло керосином. С нашей стороны, где мы си-

дели, сорвало мотор – он валялся в метрах 100 от самолета, а под его хвостом слегка горело. Пилот орал, что сейчас все взорвется, он вылез через маленькую форточку.

– Наташа, а когда Вас доставили в больницу? – спросил Лукин.

– Утром газеты написали, что помощь пришла через 45 минут, так как упали в 1,5 км от аэропорта. А мы упали в два часа ночи. Первая машина приехала в шесть утра, а нас вывезли в больницу около семи. Нам повезло, так как в крыле было 2 тонны керосина, и был дождик, но в 200 метрах от нас дачи, а там электричество.

– Наташа, спасибо за помощь. Выздоравливайте, – сказал Лукин. – Пойдемте, Александр Сергеевич, буду вас опрашивать с пристрастием.

– А можно откупиться хорошим обедом? – улыбнулся замполит. – Ведь к первоначальным аварийно-спасательным работам я не имел отношения.

– Хорошо, когда руководитель ловит на лету, где могут его достать, – засмеялся Лукин. – Поехали за Председателем, он тоже только чашку кофе выпил рано утром в депутатской комнате.

Теймуразов предложил послушать на заседании комиссии членов летной подкомиссии, а обед перенести на ужин, когда можно будет немного расслабиться.

Председатель летной подкомиссии Александр Николаевич, прилетевший вместе с ними из Госавианадзора, обстоятельно доложил о полете:

– Самолет Як-42 вылетел из Волгограда и после набора высоты занял эшелон 9100 метров, после чего без происшествий долетел до воздушной зоны свердловского аэропорта Кольцово. На всем маршруте самолет пилотировал пилот-инструктор Азаров, проверяющий из их 231-

го летного отряда. Он самостоятельно записал себя в планнаряд на полет, хотя предыдущей ночью также совершал ночной рейс, после чего отдыхал всего 10 часов. На борту самолета были 124 пассажира. В 140 километрах от аэропорта Кольцово экипаж приступил к снижению. В Свердловске была ночь, шел дождь. Небо полностью закрывали слоисто-кучевые облака с нижней границей 150 метров. Видимость составляла 4000 метров.

В 65 километрах от аэропорта экипаж связался с диспетчером подхода, который дал разрешение снижаться до высоты 1800 метров к четвертому развороту. Чтобы выйти к данному развороту на указанной высоте, самолет должен был снижаться с вертикальной скоростью 15 метров в секунду. Однако на той высоте был сильный попутный ветер и обледенение, которые не позволяли выдерживать скорость снижения. Командир принял решение отвернуть влево, чтобы растянуть маневр снижения. Диспетчер же не стал исправлять данное изменение траектории самолета. Як-42 оказался в 8 километрах правее линии посадки на высоте 3700 метров, когда расчетной была 1800 метров.

На высоте 3000 метров экипаж соврал диспетчеру, что находится на высоте 1800 метров, чтобы осуществить посадку с первого захода, и получил разрешение диспетчера на осуществление правого разворота и снижение до высоты 600 метров и переходить на связь с диспетчером посадки. На установленном рубеже экипаж не стал выпускать закрылки на 20 и шасси, в результате чего в 12 километрах от полосы приборная скорость составляла 490 км/ч, вместо установленной 360 км/ч, а сам авиалайнер находился вне схемы посадки в 1200 метрах левее линии посадки. Для выхода на линию посадки диспетчер дал ука-

зание установить курс 100, что экипаж подтвердил и начал выполнять правый доворот. За 7 километров от полосы и в 200 метрах левее глиссады экипаж только начал выпускать закрылки на 20, при этом снижаясь с вертикальной скоростью 8 м/с, а двигатели работали в режиме полетного малого газа.

Авиалайнер пересек посадочную глиссаду по высоте и теперь находился под ней. При этом из-за турбулентности экипаж периодически чрезмерно отклонял руль высоты то вверх, то вниз. Траверз дальнего радиомаяка был пройден на 200 метров левее глиссады и выше ее, поэтому диспетчер дал указание: «351, дальний, пересекли посадочный, левее посадочного 70, курс 92». Самолет снижался с высокой вертикальной скоростью, находясь в непосадочном положении ниже глиссад и в 270 метрах левее ее. Сработала сигнализация опасного сближения с землей и сигнализация высоты принятия решения. В таких условиях требовалось уходить на второй круг, но экипаж продолжил заход, хотя самолет имел значительный крен и боковое уклонение.

В 3250 метрах от торца полосы высота полета составляла 150 метров, а уклонение влево 250 метров. Экипаж доложил диспетчеру, что готов к посадке. Тогда диспетчер передал: «Посадка дополнительно, курс 94, удаление 2,5, левее посадочного 100, ниже глиссады 25, уменьшите снижение». Экипаж подтвердил получение информации и снизился до 80 метров, когда командир увидел внешние ориентиры и понял, что самолет находится в непосадочном положении. В связи с этим командир потянул штурвал «на себя», снизив вертикальную скорость до 2,5 м/с, а также совершил крутой поворот вправо на посадочный курс, когда диспетчер передал: «Без снижения следовать».

Як-42 был в 60 метрах над землей. В этот момент уже вторично сработала та же сигнализация. Бортинженер успел сказать: «Уходим, командир». Командир потянул штурвал «на себя» до упора, а двигатели были переведены на взлетный режим, но высокая скорость снижения и малая высота не позволили избежать катастрофы.

– Из Москвы звонил Кофман, – сказал Теймуразов. – Они предварительно посмотрели пленку МСРП. Все параметры полета были в норме. К технике претензий нет. Лаборатория выдаст официальное заключение через два дня, а пока они подтверждают выводы летчиков. Верховцев, что у нас с отчетом аварийно-спасательных работ?

– Были сложности с поиском самолета. Его обнаружили через четыре часа после падения, но потом все провели хорошо. Сейчас члены подкомиссии занимаются компенсацией утраченного багажа и личных вещей пассажиров. Работаем со страховой компанией. Отчет подкомиссии будет через три дня, – доложил замполит Верховцев.

– Лукин, как прошел опрос пассажиров? – спросил Теймуразов.

– Они рассказали о последних минутах полета и спасательных работах. Объяснения я передал в летную подкомиссию, – сказал Лукин.

Верховцев предложил пройти в летную столовую, где был накрыт стол. За барной стойкой в столовой ловко управлялась с пивом и спиртными напитками стройная, симпатичная брюнетка Нина с хвостом волос, которым она вертела в разные стороны. Она подошла к столу комиссии и, сверкая раскосыми карими глазами с поволокой, выяснила у Лукина и Теймуразова, что им разогреть на ужин. Виктор понял, что это были проделки замполита.

На следующий день Лукину снова проехали по ушам

специалисты из авиакосмической медицины. Они, вероятно, поняли, что, кроме Лукина, у них нет собеседников. Было понятно, что снова причиной катастрофы стал человеческий фактор. Пилот-инструктор не имел достаточного отдыха перед вылетом. Медики опять вспомнили катастрофы в Армении, увязывая существование аномальных поясов и зон в тропосфере Земли, которые возбуждают кратковременные атмосферные вихри. Вот они и могут оказывать влияние на приборы и состояние экипажа, особенно на этапах снижения самолета при посадке. Командир неожиданно оказался под глиссадой и столкнулся с землей, а приборы в кабине показывали достаточный запас высоты. Деревья он зацепил на высоте двадцать метров, и они не оказали сильного влияния на падение. Была просадка самолета с увеличением вертикальной скорости. Давно уже пилоты говорили, что не надо на посадке раскачивать самолет рулем. Если бросить рули и убрать обороты двигателя, то планер сам сядет нормально, а когда начинают искать глиссаду, то рули на себя, то от себя, то оборотов прибавят, а в конце включает взлетный режим двигателям, вот и получается просадка.

Наука о гравитационном поле Земли, конечно, интересна, но невозможно это явление пощупать или хотя бы измерить и зафиксировать, поэтому она остается на уровне гипотезы или фантастики, во всяком случае, на данный момент. Исследования требуют больших капиталовложений, которые улетают в стране и без воздействия атмосферных вихрей. Конечно же, пилоты не самоубийцы, но комплекс ошибок при посадке, их усталость являются причинами катастроф. Возможно, и отрицательная энергия Земли в некоторых местностях действует на их сознание, но ученые могут это только предполагать.

Однако комиссией Госавианадзора во время расследования были выданы рекомендации по внесению изменений конструкции самолета, и почти на два года была приостановлена эксплуатация всего парка Як-42. Хоть в какой-то сфере деятельности в стране советов еще существовал здравый смысл. Руководство страны заботилось о безопасности полетов.

Работа комиссии шла вокруг установленной причины катастрофы. Оставалось провести исследования и оформить документы. Замполит Александр Сергеевич предложил провести в выходные экскурсии, и сам вызвался быть гидом для комиссии.

– Решил реабилитироваться за аварийные службы аэропорта, что не могли четыре часа собраться ночью и найти самолет в километре от ВПП? – улыбнулся Лукин.

– Это было самым трудным. Самолет пропал с экрана. Хорошо, что не было пожара, а удар никто не слышал. Вот и получились четыре часа, – развел руками Верховцев.

– Да, ничего я так. Комиссия уже дала оценку «удовлетворительно» по работе АСР и выше не будет.

– Если согласны, то в субботу на выбор экскурсии в Первоуральск к памятнику, разделяющему Европу и Азию или в Невьянск, там башня, как Пизанская, а можно в баню на Урал-золото.

– А можно утром на экскурсию, а потом в баню? – уточнил Лукин.

– Хорошо, я согласую с их руководством. Мне только надо знать, сколько будет народа, чтобы машину или автобус заказать.

– Я думаю, на комиссию хватит микроавтобуса.

– Так и решим.

Лукин отозвал Александр Сергеевича в сторону:

– Александр Сергеевич, я получил новую квартиру. Вроде бы все вопросы решил по обстановке. А вот с люстрами ничего не получилось. Я знаю, ты мужик хозяйственный, может, поможешь?

– Есть один вариант. На оборонном заводе, это как раз в сторону Невьянска, делают сказочные люстры. Одну такую они Борису Ельцину подарили. Они сделаны из литья под черненое серебро, шесть рожков из хрусталя и отделка малахитом, такие же у них и бра.

– Это, наверное, дорого?

– Совсем нет. Цены у них, можно сказать, условные, по двести рублей люстра и пятьдесят бра. Конечно же, это стоит, наверное, дороже, но эти изделия идут только в подарки гостям Урала, поэтому цена их чисто символическая. Тебе нужно в одну комнату или две? – спросил Верховцев.

– Лучше в две сразу.

– Там у них еще есть с камнем змеевиком и яшмой розовой другого вида. В общем, решим этот вопрос.

Вечером Лукин подошел к Председателю комиссии. Они пошли выпить по чашке кофе к Нине в бар. Конечно, чашкой кофе они не обошлись. Теймуразов отказался от бани и экскурсии в Первоуральск, собираясь поработать в субботу с документами подкомиссий в своем номере, который рядом с баром Нины.

Утром они подъехали к горе Березовая Первоуральска. Александр Сергеевич приступил к своим обязанностям, как замполит и экскурсовод:

– В этом месте сто пятьдесят лет назад произвели барометрические измерения и установили, что гора Березовая находится на высшей точке Сибирского тракта от Перми до Свердловска. Здесь пролегает водораздельная линия между бассейнами Волги и Оби, так называемая гра-

ница Европы и Азии. Географический знак представляет собой стену из красного мрамора. Вот здесь можно постоять одной ногой в Европе, а другой в Азии.

Горы Урала возникли в результате схождения двух тектонических платформ Европы и Азии, и остались как шрам на Земле в виде гор с севера на юг, поэтому это не выдуманная линия, а реальная граница между двумя материками. В царское время здесь был установлен на стеле золоченый двуглавый орел с повернутыми головами в стороны Европы и Азии. Так раньше и толковали, что Российская империя имела две части света, соединенные общим телом орла, а головы повернуты к обеим частям. А после революции его разрушили и поставили просто стелу. Первый памятник был из белого мрамора и смотрелся побогаче с золочением.

«Вот замполит дает», – подумал Виктор.

После обеда их ждала баня, поэтому они обошлись легким перекусом с чаем и кофе. У летчиков всегда полный порядок на борту, даже на микроавтобусе, дежурные сто грамм коньяка или водки и сухой паек с горячими блюдами в фольге.

В бане «Уралзолото» была своя история ее создания, которую поведал замполит.

– Во время строительства метро в Свердловске были обнаружены залежи белого мрамора и по качеству лучше бразильского. Да, еще в нем оказались прожилки золота. Вот одну плиту строители отшлифовали и вмазали в стену этой бани, на память. Вот видите, как сверкает тонкая жилка золота.

На стене, как на картине, сверкала золотая жила на фоне белого мрамора. Баня была в здании Объединения «Уралзолото», поэтому под ее охраной. Видел Лукин

много бань, в том числе у «новых русских», но с уральской баней ни одна из них рядом не стояла. Здесь были две парные, русская и финская.

– Да, Александр Сергеевич, удивляешь нас каждый день.

– Это не я, а мои друзья. Урал – богатейший край, и никогда не уступал Москве со времен Демидова. Вот завтра поедем в Невьянск, увидите, где Демидов изготовил вторую государственную казну и поболее царской.

Больше всего Лукину хотелось побывать в Невьянске, который входил в одну структуру Демидовских металлургических заводов вместе с Нижней и Верхней Салдой, где отбывали ссылку дед Алексей Михайлович с отцом Лукина и другими детьми. Раньше в Невьянской падающей башне, которая входила в состав оборонного завода, собирались авиационные бомбы. Совсем недавно стало возможным посмотреть ее изнутри. Подниматься на смотровую площадку не рекомендовали из-за ветхости лестницы, но музей Демидова показали, как и затопленный подвал, где чеканили золотые монеты. Когда приехала комиссия от царицы с проверкой, то открыли шлюзы и затопили подвал вместе с рабочими. Вот уж точно убрали «концы в воду». В наше время спускались туда водолазы, но так ничего и не нашли. Как можно эти помещения отгородить от поступающей из реки воды и откачать ее? Так до сих пор остается тайной производство золотых и серебряных монет. Царице докладывали, что их невозможно было отличить от монет, сделанных на Монетном дворе.

В Москву Лукин вернулся с хрустальными люстрами, отделанными малахитом. Его квартира никогда так уютно не выглядела. Он и сам удивлялся своему напору по жизни. Как будто бы до встречи с Олесей он брел в полудреме, и

только сейчас в нем открылись новые потенциалы жизнеобеспечения. Недаром он осваивал программу выживаемости, правда, не полный курс, так как не относился к спецназу, а тем более к отряду космонавтов, но со многими из них общался. Федерация космонавтики наградила его сначала медалью имени Гагарина, а потом имени Пилюгина за успехи в совместных мероприятиях в рамках той программы.

В выходные дни Лукин мотнулся на дачу, вернее, на стройплощадку. Скоро полетят «белые мухи», и перед зимой надо все убрать в дом и подвал. А дом вырисовывался серьезный. Жаль, что ему не довелось увидеть дом его деда в Лукино. Дед рассказывал, что там были подвалы, где возделывали и хранили кожи. Кроме того, была маслобойня, откуда выкатывал головки сыра, похожего на швейцарский. В соседнем селе Токарево варил сыры настоящий мастер этого дела, которого выписал из Швейцарии отставной сержант лейб-гвардии Глеб, а дед позаимствовал у него рецепт. Их семья валяла валенки и выращивала фуражное зерно и лен.

«Надо все-таки съездить туда, посмотреть хоть на остатки фундаментов, если они остались», – подумал Лукин.

Сначала голытьба все растащила вместе с Вяземским ОГПУ, а потом воевали в том месте почти два года. Деревня Лукино оказалось в центре Ржевско-Вяземского рубежа, много раз переходила от немцев к нашим войскам, а потом наоборот. Эти наступления сопровождались артподготовкой и бомбардировкой, а потом шли танки. Что там могло остаться после такого ада?

Мимо его дачного строения проехали колхозные лесозаготовители и притормозили. Это была бригада местных

строителей из колхоза, которых он называл «синяками», потому что с их лиц не сходили тени в виде синяков, то ли от драк, то ли от падений по пьянке.

– Хозяин, мокренького нет? – спросил Василий.

– А у вас, наверное, ко мне есть предложения по строительству? Вам же председатель запретил со мной общаться, – сказал Лукин.

– Да пошел он. Пусть лучше зарплату вовремя начисляет. Горбимся за копейки. Мы лес заготавливаем для колхозной лесопилки. Официально нам разрешили.

– Так у вас можно будет доску и брус заказать? – заинтересовался Лукин.

– Нет, этого не будет. Какой кругляк попадет на лесопилку, оттуда уже и на дрова обрезки не возьмешь. А вот здесь, в лесу, мы можем тебе лесу накатать в подвал и везти никуда не надо. Мы его трактором до тебя затащим, – предложил Николай.

– Сколько будет стоить? – спросил Лукин.

– Сам знаешь, мы много не берем. Так выпить, да закусить.

– Вот у меня с собой четыре бутылки водки, а остальное деньгами пойдет? – предложил Лукин.

– Водка пойдет. А у тебя нет твоей самодельной? Мужики ее больше любят. Чистая и убойная сила у нее с водкой несравнима, – улыбнулся Василий.

– Хорошо, пару банок трехлитровых привезу. Только – когда? – спросил Лукин.

– Давай ключи от подвала. Мы на неделе все сделаем, что никто не увидит. Тебе какой лес нужен? – спросил Василий.

– На стропила и на половые лаги.

– И все? Давай мы тебе на баню шесть на шесть напи-

лим, а по весне мастера срубят баню.

– Ну, давайте, если сможете.

– Да, у нас уже почти на баню напилено. Мы немного в стороне ее сложили, только покупателя не было.

«Россию не переделать,– подумал Лукин,– если не платят зарплату, то украдут, пропьют».

Его не очень щекотала совесть, что он приобретает украденный лес, который еще не был учтен в колхозе, а в лесу этих бревен много.

Лукин промолчал о цене бани, и они ничего не сказали. Неужели за самогон? Так оно и получилось. К следующим выходным его подвал десять на десять был завален сосновыми бревнами. Он понимал, что ему придется купить небольшой сруб бани, а потом расширить ее этими бревнами.

– Ну как, хозяин, хватит? – они открыли двери подвала. Бревна лежали до потолка подвала.

– Мужики, вот две банки с хорошей очисткой и что я еще должен?

– Дай рублей пятьдесят на закуску?

– Нет вопросов. Вот еще шматок сала с чесночком, – Виктор достал кусок сала килограмма на три.

– Тогда нам и в магазине делать нечего, мужики наливайте, – распорядился Василий.

Они расположились на углу цокольного этажа и приступили уничтожать «мокрую валюту», а он поехал домой. Неужели в стране мало леса и нельзя было напилить бруса и досок, чтобы народ не бегал по помойкам, собирая ящики из-под водки, используя дощечки, как стройматериалы? Лукин тоже первое время ездил на Тубный завод, рядом с фабрикой «Свобода», где знал все руководство. На этот завод поставляли немцы оборудование

в деревянных ящиках из струганных досок длиной от двух до четырех метров. Так там была целая очередь за этими досками с гвоздями. Кстати, немецкие гнутые гвозди гораздо лучше наших, которых тоже купить было невозможно. И, наверное, немцы делали доски из нашего леса, который гнали за границу кругляком за копейки. Это еще одна из причин развала нашей экономики. Что мы сами в России не могли попилить бревна на доски? Россия практически живет в лесу, а пиломатериалы купить невозможно…

Один лысый государственный деятель, Никита Хрущев, как-то пообещал, что народы СССР в 1980 году будут жить при коммунизме. Некоторые граждане еще не потеряли надежду попользоваться халявой в изобилии. Ну что поделаешь: «Ну, не шмогла». У Никиты была отмазка, его через год после обещания отстранили от власти. А другой деятель с темной отметиной на лысине, Миша Горбачев, 22 января 1991 года сделал более решительный шаг к коммунистическому распределению товаров, а заодно и денег. Станок по изготовлению денежных купюр молотил в СССР круглосуточно, а покупать было нечего на эти деньги. Увеличить выпуск продукции было невозможно. И Президент СССР Горбачев подписал указ об изъятии из обращения 50-ти и 100-рублевых купюр образца 1961 года и обмене их на более мелкие банкноты. Но обмен в течение трех дней – со среды по пятницу 23-25 января, а зачитали его Указ в 21.00 в вечернем выпуске программы «Время», когда финансовые учреждения и магазины уже были закрыты. В три дня разрешалось обменять до 1 тысячи рублей, а снять наличность в Сбербанке до 500 рублей. Гражданам необходимо было доказать, откуда у них взялась сумма свыше 1 тысячи рублей. У Лукина зарплата

была 900 рублей в месяц. Обмен был без проблем, но около десяти тысяч лежало на сберкнижке, которые просто «прогорели» и превратились в десять рублей на покупку десяти коробок спичек.

Даже в фантастическом фильме невозможно представить, чтобы в США пришло какому-нибудь в голову отменить 50-ти и 100-долларовые купюры и обменивать их до тысячи долларов, а все сбережения граждан обесценить в тысячу раз. Власти продержались бы ровно столько, сколько данная информация дошла бы до масс. А в СССР народ безропотно выстроился в очередь на обмен своих кровных, зная, что по истечении трех дней они и этих копеек не получат. Многие ворчали по поводу очередного «кидалова» народа, но то был чистой воды грабеж.

В массах росло недовольство и озлобление, грозившее вылиться в бунты против власти, которая не в состоянии накормить и обеспечить товарами первой необходимости. И до такого состояния людей доводили ни бездари у власти, а темные силы, которые задумали бунт, чтобы создать себе блага из государственных богатств. Полуголодный народ специально дразнили «шоковой терапией», ставя на грань выживаемости, и наступивший 1991 год не предвещал ничего хорошего. Невидимая темная сила подталкивала людей к краю пропасти.

Не понимали государственные деятели, что ненормально было смотреть на унижение народа, стоящего в нескончаемых очередях за бутылкой алкоголя. Не было в тех очередях горьких алкоголиков, те давно перешли на суррогаты и по-тихому спивались. Дефицит был во всем. Народ уже не хотел зрелищ, ему бы хлеба. А вскоре без предварительного объявления в СССР втрое выросли цены на товары народного потребления, которые десяти-

летиями оставались стабильными. Такой шаг Горбачева привел к полной утрате доверия. Таким грабежам даже не было оценки в уголовном кодексе. Сначала отняли сбережения у народа, а следом подняли цены в три раза на товары…

Народ все чаще стал митинговать на площадях, требуя смены власти и не понимая, что те, кто выводил их на улицу, очистили их карманы и опустошили прилавки магазинов. Вскоре показали по телевизору пустые прилавки магазинов все с той же целью.

Лукин не ходил на митинги, ему было некогда, да и многое он знал о провокациях. Как можно было людей оставить без продуктов? Такое в истории уже случалось, и теперь она просто повторилась. Остановили эшелоны и фуры с продовольствием на подходе к столице и крупным городам. Продукты из магазинов торгаши разнесли по своим дачам и гаражам. Прилавки стали пустыми, а при такой ситуации трудно было создать запасы продуктов.

Не знал народ на митингах, что некоторые руководители КПСС и комсомола уже расписали между собой все имущество СССР, которое создавалось митингующими гражданами в течение 70 лет советской власти. И никто не собирался делиться этими благами. Будущие руководители страной расписали между собой добычу нефти, газа, золота, черной и цветной металлургии и всего остального. Теперь на митингах обещания звучали, что народ в России будет жить лучше, чем в Европе. Такое могло бы произойти, если бы не жулики у власти. Что-то в стране напоминало Лукину события октября 1917 года, когда у его обоих дедов отняли все. Всем стало понятно, что не будет в СССР.

Но неужели в Советском Союзе не было силы, которая

могла бы противостоять беспределу со стороны некоторых коммунистов и комсомольцев, в основном еврейской национальности? Лукин знал, что есть в стране здравомыслящие руководители, которые готовили достойный отпор разграблению страны на фоне открытой борьбы двух медведей Ельцина и Горбачева. Было понятно, что двум медведям в одной берлоге не ужиться. Но в борьбе за власть они меньше всего думали, что будет с великой страной, которая с каждым годом «перестройки» падала все дальше в пропасть.

Не было большим секретом, что в КГБ прорабатывался вопрос о введении в стране чрезвычайного положения. Еще в декабре 1989 года Председатель КГБ Крючков подал в ЦК КПСС записку «О создании в войсках КГБ СССР дивизии специального назначения» и Политбюро приняло решение передать 103-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию ВДВ и 75-ю мотострелковую дивизию из Закавказья в Комитет госбезопасности. Таких сил хватало удержать власть или совершить любой переворот в стране. Поэтому подготовку ЧП и возглавил шеф КГБ, который опирался, кроме того, на руководство минобороны, и на 46 генералов военно-промышленного комплекса. ВПК составлял 75% экономики страны и был крупнейшим землевладельцем, который не собирался делиться властью и собственностью. Силы более чем серьезные. Мозговым центром подготовки введения чрезвычайного положения была «райская группа», так в народе называли группу советников минобороны, состоящую из отставных маршалов и генералов армии. Заместителем группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР был Герой Советского Союза Шкадов Александр Николаевич, тесть Саши Лукина, брата Виктора. До этого Шкадов служил за-

местителем Министра обороны по кадрам. Официально в маршальской группе он возглавил Всесоюзную редколлегию Книги Памяти павших в годы Великой Отечественной войны. Конечно, он не мог остаться в стороне от проработки введения чрезвычайного положения. Но Шкадов мог согласиться и поддержать только те реформы, которые шли бы на благо всего народа и укрепляли нашу страну.

15 февраля 1991 года Шкадов погиб. Он возвращался в свой кабинет после доклада Министру обороны Дмитрию Язову и на переходе улицы Знаменка был сбит автомобилем. Много таинственного было в его гибели, начиная с того, что он во время «Карибского кризиса» возглавлял группу военных специалистов на Кубе и создавал вооруженные силы Кубы, а сбили его на машине кубинского посла и водителя просто выслали на родину. Своей принципиальностью Шкадов был неудобен новым властям в стране.

Дмитрий Язов несколько лет работал под руководством Ивана Шкадова в Главном управлении кадров и всегда тепло отзывался о его деловых и человеческих качествах. Самому же будущему министру обороны не всегда хватало лидерских качеств и природной мудрости. Шкадов вступил в свой последний неравный бой с теми, кто мазал нашу Победу в Великой Отечественной войне черной краской. Официально он встречались с Язовым по вопросу создания Книги Памяти. Никто не знал сути их беседы, но Язов в тот день вернулся в свой кабинет после доклада Горбачеву. Как мог попасть под машину человек такого уровня, прошедший три войны? Если в его гибели были замешаны спецслужбы СССР или Кубы, то «концов» не найти. Те работают чисто. Они не могли допу-

стить в этом деле неустановленную машину, скрывшуюся с места происшествия. И кубинский дипломат подходил для этого, как нельзя кстати. Совершил свое поганое дело и улетел на Кубу. Сорок четыре года назад и ранее особо не мудрили, когда надо было «убрать» руководство Красной Армии или членов Правительства.

В стране и ранее случались загадочные автокатастрофы с видными государственными деятелями. Во времена Брежнева автомобиль члена Политбюро первого секретаря Компартии Белоруссии Машерова столкнулся с грузовиком, а на ближайшем Пленуме ЦК КПСС его должны были назначить на пост главы Советского правительства. И это осталось тайной со многими вопросами. Уходили скоропостижно и члены Политбюро, которых прочили в первые лица государства.

В те дни Председатель КГБ проводил тайные совещания с министрами обороны и внутренних дел по вопросу введения чрезвычайного положения. Глава МВД Пуго неоднократно требовал собрать по этому поводу Верховный Совет. Но Председатель Лукьянов отказывался. Пуго сказал, что он против введения чрезвычайного положения, если не будет решения в рамках закона.

В марте 1991 года состоялось первое официальное совещание под руководством Президент СССР Горбачева о введении в СССР чрезвычайного положения. Была создана комиссия во главе вице-президентом Янаевым. В комиссию вошли все силовые министры.

Цирковой номер ГКЧП

Старая истина гласит, что прелесть покинутых стран увеличивается прямо пропорционально времени и расстоянию. Лукин постоянно вспоминал Заполярье и не знал, какой найти предлог, чтобы полететь туда снова. Ему снился полет в кабине самолета ледовой разведки над Северным ледовитым океаном и островом Врангеля с белыми медведями и моржами. Он видел среди льдов серого кита …

К вечеру 27 марта 1991 года дежурному Госавианадзора СССР поступило сообщение о катастрофе вертолета Ми-8МТ, которая произошла днем при посадке в сложных метеоусловиях на вертолетную площадку поселка Пирамида архипелага Шпицберген. Руководство решало, кого направить на расследование катастрофы. Комиссия имела представительские функции и не могла быть большой по

количеству сотрудников. Председателем Государственной комиссии назначили Игоря Борисовича Лукьянова, который всегда был спокойным и уравновешенным. Лукин зашел к Первому заместителю Теймуразову, с которым сохранял приятельские отношения.

– Рудольф Амбарцумович, добрый вечер. Я уже полгода не был на расследовании. Так можно и квалификацию потерять, – сказал Лукин.

– А я специально не гоняю тебя по «ямам», чтобы ты укреплял молодую семью. У тебя жена – красавица. И в Навои комиссия улетела в полном составе три дня назад.

– Да, я в курсе, что катастрофа в Навои произошла с Ан-24. Самолет летел из Ташкента, а борт принадлежал Самаркандскому авиаотряду, где у меня много знакомых. Причина катастрофы в Навои очень схожа с причиной Як-42 в Свердловске, что мы с Вами расследовали. Экипаж ввел в заблуждение диспетчера о своем местонахождении при посадке и, выкатившись за пределы ВПП, врезался в бетонные плиты. Там все ясно, а я хотел бы слетать на Ми-8 с Лукьяновым.

– Что так? В Узбекистане уже лето, а на Шпицбергене еще зима.

– Рудольф Амбарцумович, я много раз бывал в Мурманске и с берега Кольского залива посматривал в сторону Шпицбергена. С детства мечтал там побывать. Если не сейчас, то уже никогда.

– Хорошо, я скажу Игорю Борисовичу, чтобы он оформил тебе паспорт и проездные документы. Думаю, он не будет против. Вы же с ним уже работали.

– Да, мы с ним в хороших отношениях. И кто откажется от помощи в суровых условиях Арктики?

– Готовьтесь к полету.

Через несколько минут в кабинет Лукина зашел Игорь Борисович. Его кабинет был рядом. Он был мозговым центром управления расследования, постоянно работал с документами по катастрофам. Он был высокого роста и носил бороду. К нему как не зайдешь, он всегда в одной позе: удобно расположившись в кресле с курительной трубкой в зубах что-то вдумчиво пишет.

– Мне шеф сказал, что хочет направить тебя со мной на расследование совместно с норвежскими коллегами. Только попроси начальника управления кадров Владимира Николаевича с оформлением паспорта в МИДе. Ты с ним вроде на охоту ходишь, – сказал Игорь Борисович.

– Не проблема. Игорь Борисович, что приготовить с собой на дорожку?

– Если ты про спиртное, то на Шпицбергене действует почти сухой закон. Каждый житель от взрослого до ребенка может купить один литр крепкого спиртного напитка в месяц. Либо в баре можешь выпить, но там наши «деревянные» рубли не в ходу и на вынос не дают. Так что делай вывод, – сказал Игорь.

– Я не собираюсь там выпивать, но на всякий случай возьму с собой шматок сала и пару фляжек спирта.

– С салом на Шпицбергене проблем нет. Там работают в основном шахтеры из Донецка. Народ на Севере живет дружно и в единственном месте на земле действительно построили коммунизм, правда без участия членов ЦК КПСС. В поселке Пирамида практически отсутствуют товарно-денежные отношения, поэтому питание и бытовые услуги предоставляются бесплатно. Зарплата шахтеров и обслуживающего персонала от 800 до 1500 рублей полностью перечисляется на сберегательные счета по месту жительства в СССР. За одну зимовку на Шпицбергене

можно заработать на машину или на кооперативную квартиру.

– Но не в нашем государстве. Шахтеры нарубили себе на сберкнижку десятки тысяч рублей, а теперь они превратились в «фантики» от конфет, – сказал Лукин.

– Да, кто-то придумал сильный ход с ограблением народа, поэтому твое решение со спиртом правильное, а я возьму коньяку.

Лукин на время командировки упаковал семью продуктами и финансами, несмотря на пустые прилавки в столице и происки правительства с отменой крупных купюр. А через три дня Лукин ощутил все прелести настоящей Арктики, на которую смотрел через иллюминатор самолета ледовой разведки в прошлом году на Чукотке. В поселке Пирамида на Шпицбергене не было очередей за водкой и в сбербанки. Здесь совсем другая обстановка, суровая и люди надежные.

Днем 27 марта экипажи авиаотряда УГАЦ на трех вертолетах Ми-8МТ выполняли перевозки шахтеров из поселков Баренцбург и Пирамида в аэропорт Лонгйир на рейс Аэрофлота СУ-208 до аэропорта Шереметьево. Погода в районе полетов была сложной. Прохождение циклона сопровождалось низкой облачностью, плохой видимостью и снежными зарядами. Радиосвязь неустойчивая. Вылет вертолета был задержан из-за нелетного прогноза с вертикальной видимостью 200 метров по горизонту 2000 метров. Минимум трассы Пирамида – Лонгйир был соответственно 300 и 3000 метров. В 11 часов местного времени была получена норвежская карта погоды 500 и 4000 метров. Было принято решение на вылет. При подготовке к взлету поступила информация, что в Лонгйире видимость 1000 м. Однако экипаж верто-

лета Ми-8МТ принял решение на вылет и произвел взлет в 11:13 с разрешения диспетчера, рассчитывая на улучшение погоды к моменту посадки. В 11:25, при видимости 2500 м, что соответствовало личному минимуму командира 100 и 1000 метров, экипаж Ми-8МТ произвел посадку в аэропорту Лонгйир. Через несколько минут в аэропорту произвел посадку другой вертолет Ми-8МТ, но после высадки пассажиров оба экипажа приняли решение на продолжение полета, хотя к тому моменту имели информацию, что в 11:25 горизонтальная видимость в Пирамиде 500 м. Первым произвел взлет экипаж вертолета Ми-8МТ № 06153 в 11:42. В 11:50 произвел взлет экипаж второго вертолета Ми-8МТ № 06155. В 11:48 посадку в Лонгйир произвел экипаж третьего вертолета № 06156. Экипаж вертолета Ми-8МТ № 06153 не смог визуально выйти на посадку в Пирамиде и ушел в Баренцбург. КВС Ми-8МТ № 06155 при погоде хуже своего минимума 1000 метров в 12:13 выполнил посадку в Пирамиде и через 20 минут вылетел в Лонгйир с пассажирами. Вылетевший позже из Лонгйира экипаж вертолета Ми-8МТ № 06156 не смог визуально выйти на Пирамиду и ушел в Баренцбург.

В 12:58 экипаж Ми-8МТ № 06155 приземлился в Лонгйир. Высадив пассажиров, экипаж в 13:28 вылетел в Пирамиду. Полет также проходил в сложных метеоусловиях. Через 11 минут полета при подходе к площадке Пирамида на удалении 8-9 км от посадочной площадки экипаж вышел на связь и запросил фактическую погоду. Не получив информацию о видимости на площадке, экипаж произвел заход на посадку, используя тот же метод, что и в первом полете – снижение ниже безопасной высоты при пилотировании по приборам с выходом на площадку по

радиолокатору. В момент захода на посадку видимость составляла не более 500-600 м. За 25 секунд до столкновения с землей экипаж прямо перед собой визуально обнаружил поселок. В тот момент вертолет находился на высоте 60 м правее посадочной площадки, скорость полета составляла 140 км в час. Избыток скорости не позволял безопасно выполнить маневр доворота на площадку. Однако командир, вопреки здравому смыслу, попытался энергично довернуть влево, создав крен около 35 градусов. Второй пилот предупредил его о недопустимом крене и, судя по характеру записи бортового самописца, вмешался в управление. Крен уменьшился до 8-10 градусов, однако сразу вновь увеличился. В 13:43 местного времени с глубоким креном вертолет столкнулся со льдом бухты Мимер в 800 м юго-восточнее посадочной площадки при левом крене более 40 градусов, на скорости 200 км/ч, и разрушился. Командир погиб на месте. Бортмеханик скончался через час в больнице, второй пилот получил телесные повреждения.

Поселок Пирамида расположен в глубине залива Ис-Фьорд, а порт Баренцбург на входе в этот залив прямо на берегу Северного Ледовитого океана. Где-то на Северо-Западе была Гренландия – примерно на таком же расстоянии от Северного полюса, что и Шпицберген.

Игорь Борисович, как всегда, тихо работал с документами расследования. Казалось, что ничто не может поколебать его спокойствие, а тут постучался к Лукину и, застегивая на ходу молнию летной меховой куртки, выпалил, что на небе что-то невероятное творится. Лукин отложил протоколы, схватил фотоаппарат, заряженный слайдами, и выскочил на улицу, где стоял народ с открытыми ртами. Лукин понимал, что другого раза не будет для посещения этих суровых мест. Арктика, вероятно, выдала

на прощание для их комиссии светомузыку северного сияния. Он не раз наблюдал северное сияние во время полярной ночи в Мурманске, но теперь перед ним настоящая Арктика, которой он грезил в юности.

На окраине поселка не было городских огней. Горизонт не загораживали дома, поэтому северное сияние раскрасило небо над бескрайними просторами Северного ледовитого океана, на фоне которого открывалась полная картина во все небо.

Арктика перевертывает привычные понятия о Севере и раскрывает необычные картины. Здесь и звезды на небе на фоне северного сияния смотрелись сказочно. Прямо перед их взором из-за горизонта высветились гигантские лучи бледно-голубого, розового, малинового и сиреневого цветов, которые упирались в центр темного небосклона. По мере удаления от горизонта их свет постепенно бледнел и, наконец, рассеивался совершенно, как летняя радуга. Форма гигантских лучей напоминала свет прожекторов, а сквозь них просвечивали звезды. Казалось, что какой-то искусный мастер разбрасывал алмазы по этой картине, которая постоянно менялась. Как будто в театре искусный осветитель играл разноцветными прожекторами по сцене.

Невидимая сила зажигала все новые цвета. Вдруг все небо загорелось нежным лиловым светом и на улице стало светло. А на небе рассыпались яркие вспышки, как на салюте во время праздника. Над сопкой на горизонте появилась тонкая полоса розово-оранжевого цвета и быстро поплыла к центру небосклона, выписывая змейку, как от самолета и так же стала расплываться по небу, расплываясь в широкую полосу голубоватого, а потом белого цвета, пока совсем не исчезла. Через секунду небо вновь раскра-

силось замысловатыми узорами. Их сменили длинные лучи, собранные в яркие пучки бледно-зеленого цвета. Они метнулись по всему небу, а потом собрались вместе в зените и замерли, растворившись, как и предыдущие картины, а они менялись каждое мгновение…

Время бежало незаметно. Лукин немного озяб, так как выскочил на минуту. Он почувствовал свежий норд на своих ребрах. Ветер проникал через молнию летной куртки, наброшенной на футболку. Шахтеры из Донецка, проживающие по соседству, вынесли на воздух бутылку спирта и сало, от которого и по морозцу повеяло чесноком. Видимо, для шахтера Николы с Украины такое зрелище было в диковинку. То ли постоянно рубал уголек под землей, а может, приехал недавно. Продрогший, но радостный Лукин вернулся в номер утеплиться и тоже прихватил с собой фляжку спирта, два стаканчика и бутерброды с колбасой. Они с Игорем Борисовичем выпили с удовольствием на свежем воздухе, от чего вокруг стало значительно светлее. Колбаса на морозе стала остекленевшей. Они решили продолжить трапезу в номере за столом. Но в уютной комнате им показалось скучновато, когда народ веселился на улице. После спирта они согрелись, прошел озноб и, одевшись теплее, опять вышли к народу посмотреть, не слабеет ли сияние, но оно разгорелось еще ярче.

Виктор, захваченный красотой развернувшейся картины, не мог оторвать зачарованного взгляда от полыхающего неба. Арктика, будто чувствуя, что сегодня приобрела нового ценителя ее красоты, все шире раскрывала свое лицо, озаренное полярным сиянием. Видевший «улыбку» Арктики, завороженный, будет любить ее лицо и тогда, когда оно хмурится в полярном тумане, и когда

оно гневно во время метели, и когда оно сияет тихой радостью в лучах незаходящего полуночного солнца.

Они наблюдали за самым захватывающим явлением природы. Люди никогда не устанут любоваться сказочной игрой его света, как никогда не перестанут складывать сказки и песни. Естественно, что человек всегда пытался объяснить сущность и происхождение сияний. Вероятно, еще на заре человечества люди, видя над собой пылающее небо, задавали себе вопрос: что это такое? Старики эскимосы и теперь еще говорят, что это «танцуют души усопших». Прямо на востоке, между темными облаками, ярким желтым светом горела узкая щель. Не успел он задержать здесь взгляда, как немного выше той щели, неведомая сила выбросила целый сноп лучей, похожих на полураскрытый веер. Оттенки красного, малинового, желтого и зеленого цветов раскрашивали его, меняя каждое мгновение окраску лучей. Один какую-то долю секунды был малиновым, потом стал пурпуровым, вдруг окрасился в нежно-желтый цвет и тут же перешел в зеленый. Уследить за сменой окраски было невозможно.

Около четверти часа продолжалась эта непередаваемая по красоте игра света. Лучи много раз вытягивались, доходили почти до зенита, затем падали и снова росли. Наконец, расцветка их стала бледнеть. Они приблизились друг к другу. Небесный веер закрылся и вдруг превратился в огромное белое перо, круто завернутое к югу. На западе лучи оторвались от горизонта и образовали три узкие бледные полосы, которые повисли на небосклоне. Яркие краски, только что фантастически украшавшие небо, померкли. От прежней картины остались лишь блеклые мазки. Так частично сбылись его детские мечты стать полярным летчиком. Он не долетел до Северного полюса, но

летал с летчиками полярной авиации по Северному морскому пути.

К маю 1991 года у Лукина был партийный стаж двадцать пять лет. Еще через столько же он получил бы золотой значок члена КПСС, но он знал, что партия не протянет и года. Все четверть века его критиковали на партийных собраниях за несвоевременную оплату членских взносов и неявку на собрания. Работа в уголовном розыске не вписывалась в расписание собраний, а частые командировки по розыску преступников создавали задержки по неуплате взносов. Но партийным секретарям надо было критиковать кого-нибудь, а Лукина можно за глаза, пока он отсутствовал. Одной из причин, что он не посещал ни одного митинга в Москве, была опять же занятость более серьезным для страны делом. Он расследовал катастрофы и решал вопросы с безопасностью полетов. Да и знал Лукин, куда заведут народ организаторы митингов, потому не желал им помогать в поганом деле.

В 1991 году перестройка и гласность привели на экраны телевизоров магов, колдунов и экстрасенсов, типа Анатолия Кашпировского, Аллана Чумака, Юрия Лонго и Джуны. Их массированные атаки на мозги телезрителей ломали пошатнувшееся сознание советского общества, которое 70 лет держали подальше от таких «специалистов». Народ прильнул к экранам телевизоров в надежде, что у них рассосутся сами собой все болезни, а «заряженная» вода в бутылях будет лечебной после передачи по телевизору. Все забыли, что есть медики и простые законы физики с химией. Однако здравый смысл ушел на задний план. Народ попросту оболванивали и готовили к самой главной афере. После потери здравого смысла в жизни

люди были готовы пропустить в политику шарлатанов и проходимцев, которые сделают свое поганое дело. Одновременно исчезнут и кумиры народа Кашпировский с Чумаком. Только останутся развалины огромного государства. Но это будет через три месяца. А пока народ уводили на уровень темного средневековья, чтобы управлять его сознанием с экрана телевизора.

Не обошли эти настроения в обществе и авиацию, вернее причины катастроф. Все чаще ученые стали вести разговоры о негативном влиянии космоса на летчиков во время полета, которое могло привести к созданию катастрофической ситуации. В Комитете госбезопасности рассекретили некоторые документы о том, что военные не раз видели нечто над Капустиным Яром, пока не укладывающееся в рамки современной науки. Конечно, были в действиях экипажей необъяснимые действия, которые вели к неминуемой катастрофе, но они не были самоубийцами.

У Лукина было свое отличное от других мнение по вопросу развала СССР и военно-промышленного комплекса. Кому-то очень не нравилось, что когда-то СССР запускал каждый год в космос сотни спутников, а США в десять раз меньше. И в авиастроении мы по разработкам оторвались от США и Европы, и если бы не развал страны, то мы определяли бы мировую авиационную моду, а не «Боинг». Поэтому многие новые модели самолетов так и остались в разработках.

После окончания Академии Лукин больше не был в Ленинграде. Тем более он не тянуло туда вместе с Правительственной комиссией по расследованию катастрофы с самолетом Ту-154. Однако 23 мая после обеда от дежурного Госавианадзора посыпались звонки по прямому про-

воду в кабинеты расследователей. Лукина вызвал начальник управления расследований Куцков.

– Нам с тобой предстоит командировка в Ленинград, где в аэропорту Пулково потерпел катастрофу Ту-154, выполнявший рейс из Сухуми. Вылет из Шереметьево через три часа. У нас есть возможность заехать домой по пути, – сказал Алексей Алексеевич.

– Было бы хорошо. Нам в Питере командировочных не хватит. Да и надо взять что-нибудь с собой из вещей и на стол. Не думаю, что питерские коллеги устроят нам теплый прием, как в Узбекистане, – сказал Лукин.

– Наверное, ты прав. Сначала заедем к тебе на Белорусскую, а потом ко мне на Сокол. По десять минут каждому.

Они приземлились в Пулково еще засветло, поэтому сразу отправились на место катастрофы. Самолет разломился. Картина напоминала Лукину катастрофы с самолетом Ту-154 в Красноводске и свердловский Як-42. Летное поле было усыпано сухумскими цветами и мандаринами, которые лежали в багажном отсеке. А ему виделась другая картина катастрофы под Батогаем в Якутии, когда самолет Ан-12 врезался в сопку и взорвался. Тогда красные яблоки усеяли все сугробы. В Чехословакии при посадке на фюзеляж развалился багажный отсек ТУ-154, и все поле было красным от блоков сигарет «Мальборо». Тем рейсом перевозили большую партию сигарет.

В 10:21 по Москве самолет вылетел из сухумского аэропорта Бабушара. Через два часа полета командир начал снижение и сказал экипажу, что посадка будет на правую ВПП. Однако на той полосе уже два дня не работала курсоглиссадная система, о чем экипаж был уведомлен письменно. Экипаж прослушал информацию о фактической погоде с кучевыми разорванными облаками высотой 1000

метров и видимостью 10 километров. В 12:45 начал снижение с высоты 10 100 метров, а в 12:51 вышел на связь с диспетчером подхода, который разрешил снижение до 3300 метров, а затем до 1800 метров.

В 12:58 самолет находился на высоте 1800 метров, когда экипаж перешел на связь с диспетчером круга и сообщил ему, что заход будет осуществляться по приводам. Однако экипаж не запросил контроля по локатору. Диспетчер круга разрешил снижение до 900 метров к третьему развороту, после завершения которого экипажу было передано разрешение на снижение до высоты круга – 600 метров. В это время погода в Пулкове значительно ухудшилась. В 13:00 шел ливневой дождь. Небо было полностью затянуто кучево-дождевыми облаками высотой 270 метров, что значительно осложняло посадку. Однако экипаж информацию об ухудшении фактической погоды не получил.

В 13:02:10 экипаж связался с диспетчером посадки и сообщил ему о выполнении четвертого разворота на высоте 600 метров. В 13:03:15 диспетчер сообщил: «Удаление 13 км, правее курса 200 метров, подходите к глиссаде». Через 30 секунд экипаж продолжил снижение на удалении 10 километров от торца ВПП вместо положенных 12,5 километров. На удалении 2900 метров от полосы самолет снижался с вертикальной скоростью 7,5 метров в секунду и должен был уходить на второй круг. Лишь в 13:05 был немного увеличен режим работы двигателей, а штурвал отклонен «на себя», что на расстоянии 2150 метров от полосы снизило вертикальную скорость до 2 м/с, тогда как самолет находился ниже глиссады на 50 метров. После того, как вертикальная скорость была снижена, экипаж вновь уменьшил тягу двигателей и отдал

штурвал «от себя».

Все повторялось, как и в других катастрофах. При посадке экипаж начал подстраивать самолет по глиссаде, делая своеобразную «горку». На удалении восемьсот метров от ВПП он изменил высоту до шестидесяти метров. Потом отдал штурвал от себя и установил управление двигателем на режим малого газа, чем вызвал пикирующий момент с увеличением вертикальной скорости. На высоте двадцать метров экипаж понял свою ошибку, взяв штурвал на себя, и дал полный газ до взлетного режима. Но было уже поздно. Двигатели набирают полную мощь только через десять секунд, а у них на высоте двадцать метров было не более трех секунд до касания с землей. Поэтому грубая посадка была в тот момент уже неизбежна.

В 13:06 с приборной скоростью 250 км/ч и с вертикальной скоростью около 7 м/с авиалайнер приземлился на концевую полосу безопасности. Первое касание было передней стойкой шасси в 6 метрах от ВПП. Из-за высокой вертикальной скорости при снижении в момент касания лайнер испытал нерасчетную перегрузку. Фюзеляж разломило по шпангоутам на три части. Пожара на месте крушения не возникло.

Расследование авиакатастрофы в Пулково контролировало правительство страны. Расследование проходило по плану. Причина катастрофы была ясна – ошибки допустили экипаж и диспетчеры. Проверка загрузки показала нарушение центровки самолета, на переднюю его часть, он летел с гостинцами из Сухуми.

Заканчивалось одно из последних расследований авиакатастроф в СССР. У Лукина появилось свободное время в Питере. Он набрал телефон своего знакомого Валерия Степановича, штурмана Ил-86 с международных авиали-

ний Пулково, с которым он познакомился в Самарканде у Нарзулло. С Валерой они встретились в аэропорту и на его автомобиле проследовали в центр Ленинграда.

– Давно в Питере? – спросил Валера.

– 23 мая прилетел на расследование катастрофы в Пулково, – сказал Лукин.

– Погоди, ты же работал в уголовном розыске. А почему авиакатастрофа? – недоумевающе спросил Валера.

– Давно мы с тобой не виделись. В жизни всякое бывает. Я уже пять лет расследую в Госавианадзоре катастрофы. Меня сослали туда за отказ от должности руководителя Самаркандского УВД. Не захотел я руководить в Средней Азии криминальной службой.

Виктор слукавил и не стал объяснять причину его перехода в комиссию Совмина, когда ему на хвост плотно сели сотрудники КГБ после их встречи с Лаурой.

– Мне Нарзулло говорил, что тебя должны были назначить к ним большим начальником, но про авиацию ни слова. Может и хорошо, что отказался от Самарканда. А как Лариса? У нее мама так и живет в Самарканде?

– Нам пришлось расстаться с Ларисой.

– Жаль. Я до сих пор помню вашу свадьбу в Самарканде в ресторане «Юбилейный». Какая красивая у вас была пара. Весь ресторан вам завидовал. Когда в зал вошла Лариса, бабаи замерли с ложкой у рта и проводили ее взглядом, а потом кушать не могли. А что расстались? Я же видел ваши счастливые личики.

– Валера, долго рассказывать. Обстоятельства сложились против нас.

– Женился?

– Два раза. Теперь у меня жена Олеся и две дочки красавицы.

– Как говорится, нашел, чем сердце успокоить?

– Думаю, да.

– Город наш видел? Знаешь наши достопримечательности?

– Много раз бывал здесь, когда учился в ОЛАГА, но не сказал бы, что знаю Питер, – признался Лукин.

– Так ты настоящим авиационным специалистом стал. Поздравляю. А что раньше не позвонил?

– Валера, сам знаешь, сколько свободного времени у слушателя заочного обучения во время сессии, когда приезжаешь с коллегами из Госавианадзора.

– Хорошо, тогда предлагаю совершить небольшую экскурсию по городу. Я буду твоим гидом. А потом ко мне домой. Жена Раиса уже хлопочет на кухне.

– Валера, а стоит жене устраивать лишние хлопоты? Могли бы где-нибудь в кабаке посидеть.

– Я поступаю, как учили аксакалы в Самарканде. Гостя сначала надо принять дома, чтобы жена накрыла стол, а там видно будет. А то привыкли в столице все по ресторанам. Давай начнем с храма. Он здесь рядом с нами.

– Здесь тебе видней. Я несколько раз гулял по Невскому, поэтому знаю Исаакиевский собор, Эрмитаж и Петропавловку.

– В Эрмитаж сегодня не пойдем, времени не хватит. А вот и храм Спас на Крови, который строили почти двадцать пять лет. А заложили его на месте, где смертельно ранили царя Александра II. Через два года после покушения. Он очень похож на ваши московские храмы, построен в стиле допетровского времени. В отделке интерьера использованы итальянский мрамор и русские самоцветы. Сейчас идет реконструкция храма и мозаичного панно в семь тысяч квадратных метров.

Недалеко от храма стоял на вечном приколе крейсер «Аврора».

– Его недавно отреставрировали, – продолжил Валера. – Мы в фильмах про революцию видели, как с «Авроры» палили по Зимнему дворцу, круша его стены. На самом деле из его пушки выстрелили один раз, да и то холостым, чтобы дать сигнал к штурму Зимнего.

– Валера, а реставрировали его зачем? Пора подавать новый сигнал к штурму? – пошутил Виктор.

– Это в столице виднее, когда подавать сигнал. У вас все мутят, как бояре после Ивана Грозного.

– Ты это точно подметил.

Потом он рассказал про Казанский собор и привез в Адмиралтейство.

– Валера, как хорошо ты знаешь свой город.

– А я изучал специально. Однажды познакомился с девушкой и пригласил ее прогуляться по городу. Она была не из нашего города, и ей все было интересно. Но я не мог ей рассказать ничего интересного о своем городе, поэтому изучил специально. А потом во время следующей встрече с был «полностью вооружен». Сейчас поедем домой на ужин, и ты ее увидишь. Завтра я собираюсь поехать в Павловск, там у меня дача.

– В самом Павловском дворце?

– Нет, рядышком с ним.

– Тоже неплохо.

– В окошко моей дачи виден Павловский дворец, который построен на высоком берегу Славянки.

Но на следующий день им было не суждено посетить летнюю резиденцию Павла I, так как Лукин собрал документы комиссии и улетел в Москву. А Павловский дворец, состоящий из сорока пяти залов, построенных в различ-

ных стилях европейской архитектуры, Виктор посещал во время учебы в Академии гражданской авиации. Там на летней веранде он танцевал с дамой вальс под духовой оркестр, а потом они с коллегами дурачились с музыкантами и фотографировались на память в их белых папахах. Музыканты были одеты в военную форму Павловских времен. Наверное, про этот зал рассказывал Аркадий Райкин: «В греческом зале, в греческом зале… ». Зал был оформлен в античном стиле, статуи в нишах. Да, там было, по мнению сатирика, куда поставить закусочку. Беззаботное времечко было на сессиях.

В рабочем кабинете был один Леонид Каширский, с которым они перекинулись двумя словами по майскому Указу Президента Горбачева о порядке введения чрезвычайного положения в отдельных регионах страны. Про Указ мало кто знал в стране, но комиссию Совмина его заверенная копия поступила.

Через два месяца об Указе и вовсе забудут. А Горбачев от всего откажется.

Когда Лукин перешел из уголовного розыска в Госкомиссию Совмина СССР, то в кабинете начальника Свердловского РУВД столицы Куликова они встретились с бывшими коллегами за чашкой чая с коньяком. Начальник ОБХСС Борис пошутил, что Лукин сам может придумать для себя должность в МВД. Он такого и представить не мог, чтобы числиться в действующем резерве Министра внутренних дел, а работать в комиссии Совмина, где можно служить до семидесяти лет и генерала получить. Шутка Бориса навела Лукина на мысль, а почему бы и нет. Он четыре года проходил полковником, а такой же прикомандированный сотрудник из МВД СССР в ЦК КПСС работает в генеральских погонах. А почему бы не при-

своить генерала, прикомандированному к Совмину СССР? Всего-то нужно было изменить оргштатное расписание и заменить «потолок» звания полковника на генерала, сославшись, что такие структурные подразделения создаются в союзных республиках. И Лукин пошел по кабинетам своих знакомых в МВД, объясняя руководителям, что генеральская должность в Совмине «никакой погоды» не сделает для штатного расписания МВД и те согласились.

Страна все больше погружалась в мутную неразбериху. Лукин решил воспользоваться этим для своего блага. Хоть что-то урвать от начавшегося беспредела, в котором реально замаячили его генеральские погоны. После получения разрешения в МВД, Лукин пришел к начальнику управления кадров комиссии Владимиру Николаевичу.

– Николаевич, мы как-то шутили с тобой на охоте о моих генеральских погонах. Так я проработал данный вопрос в МВД. Они готовы изменить оргштатное расписание. Ты поддержишь меня? – спросил Лукин.

– Что тебе сказать? Скромность всегда украшала наших сотрудников, но они никогда не будут генералами. Конечно, я поддержу тебя и Рудольф тоже, но ты не отделаешься попойкой на охоте, – улыбнулся Николаевич.

– Я готов отмечать в ресторане на твой выбор каждое прохождение документов.

– Не сомневаюсь. Но так мы можем допиться до «белочки». Пойдем к Рудольфу. Ты как раз закончил с Куцковым расследование в Питере и руководство осталось довольно.

Николаевич снял трубку прямого телефона Теймуразова:

– Рудольф Амбарцумович, можно мы с Лукиным зай-

дем? Хорошо, через пять минут.

Их кабинеты располагались напротив. Они вошли в приемную, и миловидная секретарша сообщила, что Теймуразов их ждет.

– Рудольф Амбарцумович, у нас есть один военный вопрос, – сказал Владимир Николаевич. – Этот молодой человек хочет стать генералом.

– Серьезный вопрос. Я не против. Но, сами знаете, что его должность на сегодня не позволяет этого сделать.

– Так он в МВД решил этот вопрос. Нам осталось только выйти с предложением об изменении штатного расписания.

– Хорошо, я могу сам подписать. Но, думаю, и сам Иван Ефремович подпишет с удовольствием. Ему приятнее будет летать на расследования с генералом МВД, у которого на месте будут более широкие полномочия, хотя Лукин может и в лейтенантских погонах всех построить, – улыбнулся Рудольф.

– Ты хотел сказать в генерал-лейтенантских погонах, – засмеялся Николаевич.

– Только недавно говорили, что полковника в тридцать семь не просто получить в МВД. А что скажут про генерала? Виктор, ты уверен, что во время подписания штатного расписания на генерала твою должность не займет кто-то другой. Ведь полковников в МВД много, а генералы на особом учете? – спросил Рудольф.

– Рудольф Амбарцумович, я этот вопрос проговорил в МВД. Документы будут подписываться одновременно на звание и на штатку, – сказал Лукин.

– Больше вопросов нет, если он серьезно подошел к решению данного вопроса, – сказал Рудольф.

Каждый документ необходимо было сопровождать,

чтобы не положили под сукно, как обычно бывало. Лукин провел половину лета в кабинетах руководителей МВД СССР, согласовывая представление от одного министра к другому. И когда осталось только ждать результата, он оформил очередной отпуск, наблюдая со стороны, как крутиться его жизненно-важный вопрос.

Министр внутренних дел Пуго ушел в отпуск. Лукин вслед за ним. Потому в пятницу 16 августа в свой последний рабочий день он приехал в приемную исполняющего обязанности Министра Ивана Федоровича Шилова, который подписал его представлении. В тот же день Лукин хотел завизировать представление в минфине, так как все изменения в его зарплате надо было согласовывать с ними. Разница в зарплате между генералом и полковником была в пятьдесят рублей, но согласие на это давали только в Министерстве финансов. После их визы можно было отдыхать. Но чиновники в минфине не засиживались на работе и предложили ему приехать с документами в понедельник. Конечно же, пятница – дачный день. На дачу они с Олесей не поехали, так как с понедельника он был отпуск, и отдых на даче еще надоест.

В понедельник 19 августа с утра по всем каналам телевидения звучала музыка Чайковского и показывали балет «Лебединое озеро». Народ догадывался, что в стране произошло серьезное событие. Но информации не было и оставалось только гадать. Под мостами через Москва-реку напротив Кремля стояли танки и бронетранспортеры. Лукин приехал утром в минфин, где ему пояснили, что на работу вышел из отпуска Министр внутренних дел Пуго, и представление надо переделать за его подписью. Он поехал к себе в МВД СССР на Житную, 16. В министерстве все было тихо. Сотрудники работали в обычном

режиме. В кабинетах обсуждали «Лебединое озеро», которое продолжали показывать по всем программам телевидения, и танки на мостах вокруг Кремля. Представление перепечатали и отнесли помощнику министра вместе со старым, за подписью Шилова. Через некоторое время помощник Министра позвонил и сообщил, что Пуго подписал.

В коридоре Лукину сообщили о введении какого-то ГКЧП. Скоро будет обращение к народу. У него в руках была его мечта и генеральские лампасы. Теперь надо было передать документ в Главном управлении кадров МВД СССР, которое находилось на Огарева, 6. Можно было оставить приказ в управлении делами. Но кто поедет в минфин? Кому надо «толкать» его вопрос? Отправят по почте или чего доброго потеряют на время. У бюрократов каждая бумажка должна вылежаться. Поэтому он пока не мог все бросить на самотек и уехать на дачу. Да и уехав, он не увидел бы «цирка» в доме 6 по улице Огарева.

Он с улыбкой посмотрел на створки окон второго этажа знаменитого дома 6, про который снимали фильмы и писали детективные романы. Теперь створок в окнах не было. В проемах на подоконниках лежали мешки с песком, как в Брестской крепости 22 июня 1941 года, образовывая пулеметные гнезда. Было такое впечатление, что все сотрудники МВД готовились к съемкам фильма о войне. Но его рассмешил вид самих сотрудников, готовящихся к обороне. Все шныряли по коридору в металлических касках, морских тельняшках и бронежилетах с автоматами наперевес и обвешанные гранатами. Среди них Лукин встретил много знакомых из расформированного за ненадобностью 8-го спецуправления МВД СССР и некоторых бывших сотрудников, уволенных по отрицательным моти-

вам. Теперь они представляли, похоже, МВД России.

Вперед вышел Геннадий Федорович Мирюк, бывший его сослуживец по 15-му отделению милиции города Москвы. Потом он работал в МУРе и был уволен за очередную пьянку. На нем «бронник» висел, как на гвозде.

– Ген, ты с кем собрался воевать, а? Уж, не с нами ли? Поехали, покажу, как живет уголовный розыск на Житной, 16 в МВД СССР. Мы так же ходим в костюмах и галстуках, даже табельное оружие не получали. Все так же пьем водку или чай, кому что нравится. А вы чего здесь цирк устроили? На публику работаете?

– Это не мы начали. Ваш Министр Пуго в составе ГКЧП, – завелся Геннадий.

– Кто тебе сказал?

Лукин пока не знал, что такое ГКЧП и ее состав. Утром он видел коллег из МВД СССР, которые не получали табельного оружия.

– Да, по телевизору показывали.

– Показывали, что мы уже наступаем? Воевать будешь?

– Ничего я не знаю. Дали команду готовиться к отражению атаки, вот мы и выполняем, – сказал Гена.

– А я уверен, если нам дадут команду, то мы сначала крепко подумаем. Ладно, бывайте. Совсем мозги пропили, – бросил Лукин.

– А ты чего приезжал-то? – спросил Геннадий.

– Хотел разведать вашу дислокацию войск перед атакой, – улыбнулся Лукин.

– У тебя всегда шутки были по теме, только сейчас так шутить опасно, – серьезно ответил Геннадий.

– Ладно, ладно, а то сейчас кому-нибудь доложишь, и поймут неправильно. Здесь, я вижу, люди без юмора собрались. Я в кадры приезжал регистрировать представле-

ние. Вот смотри, – Лукин специально сунул ему под нос приказ за подписью Министра Пуго от 19 августа. – Видишь, у нас жизнь в обычном режиме, без всяких экстремальных команд.

– Да уж, вижу, но только в такой обстановке не подписывают документов на присвоение генералов просто так.

– Конечно же, просто так не дают, а за особые заслуги перед Отечеством. Я сегодня пошел в отпуск, и меня никто не отзывал. Я был в приемной министра и минфине. Тихо везде. Разрешают отдыхать в отпуске, – пояснил Лукин.

– Что-то я ничего не понимаю, – с удивлением сказал Геннадий.

– Вот-вот, разберись в своих мозгах и заодно своим товарищам расскажи, что в МВД СССР нет никакого особого положения. А танки и около нас стоят, но это ничего не значит. Это вы здесь собрались воевать Значит, и штаб ГКЧП здесь, – бросил Лукин на ходу, что Геннадий рот разинул, но их дискуссия уже закончилась.

В Главном управлении кадров МВД вместо его товарища Виктора Федоровича его встретил другой сотрудник Рябов, который заметил:

– Быстро Вы обернулись. Как обстановка в центре города?

– Стоит военная техника кое-где на обочинах дорог, а так все спокойно.

– Ну, можете отдыхать. Я думаю, к концу отпуска можете заказывать в ателье лампасы на брюки.

– Вы тогда позвоните. Я подъеду, проставлюсь, как положено.

– Хорошо. Обязательно позвоним.

Подписание таких приказов всегда обмывалось по-

этапно. Лукин решил собрать друзей. Он заехал к Юре Чернышову, начальнику Сокольнического ОБХСС, и вместе пошли в стол заказов, чтобы купить что-нибудь вкусного на стол. В кабинете директора сидели полупьяные майоры и полковники советской армии и «правили бал». Узнав, что он из МВД СССР, приняли его как своего. Но Лукин, сославшись, что за рулем, от пьянки с ними отказался. Директор Мария Федоровна все упаковала, и он расплатился.

Пока собирали ему покупки, Лукин понял, что «сапоги» гуляли за счет «заведения» – стола заказов. Даже сотрудники ОБХСС так не вели себя. Может, красноармейцы прилично выпили, но «вояки» поднимали тосты за уже состоявшийся захват власти. И все ровно «маскарад» с мешками песка на подоконниках и сотрудники МВД России в бронежилетах был перебором. Перед ним лежало его отпускное удостоверение, которое означало, что отпуска не отменены, а поэтому ничего серьезного не происходило. Кому и с кем воевать?

На следующий день они с друзьями пошли в ресторан «Будапешт», а там то же самое. «Сапоги» и раньше гуляли в том ресторане, но скромно, а сегодня они не стеснялись военной формы. Разгул был полный.

У Лукина сложилось неприятное впечатление, как ранее показывали хунту в Чили. Они чувствовали себя хозяевами. Только хозяевами чего? Непонятно, едва дышащего государства? Неужели они совершенно не понимали, что своим выступлением окончательно разваливают страну? А причина их выступлений опять же, возможно, очень проста: это борьба за власть отдельных личностей. Крючков – Председатель КГБ СССР, Язов – Министр обороны, и Павлов – Премьер лишались своих постов при

подписании нового союзного договора, который должны были подписать сегодня. Так решили на встрече в Ново-Огарево три президента СССР, России и Казахстана. Даже Горбачеву предложили не выдвигать свою кандидатуру на новых выборах, которые были намечены после подписания договора. Это означало, что и он лишается своего поста Президента. Содержание этого обсуждения стало известно Председателю КГБ. Вот он все и замутил. Только жаль из этой компании Министра внутренних дел Пуго, которого отозвали из отпуска. Мог бы пару дней подождать с выходом на работу. И Василий Стародубцев из соседнего села Спасское, что рядом с Беломестным в Тульской области влез в эту компанию, наверное, с мыслями, что может сделать революцию в сельском хозяйстве, которую ждали более семидесяти лет. Он принялся писать Указ о сельском хозяйстве, но за подписью Горбачева. В общем, собрался квартет дедов и пьяниц: скрипка, бубен и утюг, а хотели что-то серьезное в стране изменить. И так было видно, что, несмотря на длительную подготовку к введению чрезвычайного положения, они выступили неорганизованно, торопились зацепиться за власть, которая вот-вот должна была у них кончиться.

Но только в Москве и частично в Питере народ выступил против ГКЧП, а в других областях и союзных республиках их поддержали, несмотря на то, что объявление чрезвычайного положения с первых часов походило на провокацию. Цирковое представление с танками специально пугало народ и достигло своей цели. Союз советских республик рассыпался. Цирк начался с утра, когда по всем программам телевизора показывали балет «Лебединое озеро», а по улицам столицы грохотали танки. Если хотели бы взять власть в свои руки, то не нужны были танки и бро-

нетранспортеры. Достаточно было бригады спецназа КГБ. Именно так большевики в октябре 1917 года взяли Зимний дворец, арестовав Временное правительство силами отряда финских егерей, а потом передали их пьяным революционным матросам.

Вице-президент объявил главным по ГКЧП председателя Правительства СССР Павлова, который был не в большом авторитете. Как можно было ставить во главе самого серьезного шага в стране «Ежика в тумане», как прозвал его народ. Накануне объявления ГКЧП он ударился в запой и 18 августа был с алкогольным отравлением, а через два дня глухого запоя попал в Кремлевскую больницу с инфарктом. ГКЧП напугало народ введением комендантского часа и обещаниями арестов. Народ испугался возвращения репрессий 1937 года. Люди в столице высыпали на улицу. Хотя в Постановлении ГКЧП было прописано все правильно о скатывании страны в хаос, но надо было начинать не с танков.

Председатель КГБ, как хитрый лис, лавировал между Ельциным и Горбачевым, уговаривая то одного, то другого сотрудничать с ним. Сотрудники группы «Альфа», видимо, видя такое поведение своего шефа, «никак» не могли задержать Ельцина, как неуловимого «Джо». В окружении Язова были сторонники Ельцина, которые отговаривали его от решительных действий – это Павел Грачев, Шапошников и Лебедь. Министра Пуго призывали отказаться от участия в той компании герой афганской войны Громов и его первый заместитель Шилов. Исполняющий обязанности Президента СССР Янаев в такой обстановке просто скис. Уже делать и ничего не надо было, все путчисты были готовы сдать свои позиции, но некому было дать им команду. Все были заняты спасением

своей шкуры и рванули к самолету, чтобы предстать перед ясными очами Горбачева, который к тому времени уже потерял лицо, как Президент СССР.

В народе ходили упорные слухи, что Горбачев был заодно с путчистами. Хорошо, что этот путч затеяли нерешительные «деды», которые не были готовы к действиям и не отдавали приказы на применение силы, иначе неизвестно, чем бы все закончилось. Среди офицеров могли бы найтись более решительные командиры, чем майор Евдокимов, перешедший с десятью танками на сторону Ельцина. Кстати, его потом уволили из армии. С одного из его танков Ельцин держал речь. Их драка с Горбачевым подходила к концу. Они все-таки подвели страну к краю пропасти. Оставалось сделать маленький толчок в спину. Руководители союзных республик наблюдали за ними со стороны и улыбались. Им не нужен был ни одни, ни другой. Они хотели править самостоятельно, а эти президенты СССР и России их пытались удержать рядом с собой новыми соглашениями.

Горбачев бездействовал и улетел отдыхать в Крым, когда Ельцин проводил встречи с руководителями союзных республик. В стране назревала большая «буза». Народ ничего не понимал, что творится, и чрезвычайное положение, если не в том составе, но должно было произойти, оно назрело. Если бы они вели себя более решительно, а главное открыто, проведя решение через Верховный Совет, как предлагал Пуго, то народ бы поддержал их. Все хотели порядка и ясности. Но ГКЧП руководили в основном генералы КГБ, которые привыкли работать в условиях секретности. Многих они сделали соучастниками большого уголовного дела об измене Родине. Некоторые только один раз поприсутствовали на совеща-

нии, где обсуждались планы захвата власти, хотя и захватывать ничего не надо было. Все было в их руках. Но еще больше было сотрудников КГБ, которые не поддержали своих руководителей.

После провала путча покончили с собой Маршал Ахромеев, Министр внутренних дел Пуго и Управляющий делами ЦК КПСС Кручина, который держал партийную кассу. Многие сомневались в их добровольном уходе из жизни. Но официально расследование выдало только такую версию. КПСС распустили, но партийную кассу так и не нашли. Вот и самоубийство, хотя Кручина не проходил по делу о ГКЧП.

Кручина и премьер-министра Павлов подписывали документы на перевод партийных денег за границу. Пропажа «золота партии» покрылась неразгаданной тайной, как во время Гражданской войны «золото Колчака».

По всей стране военные были готовы поддержать ГКЧП, но, не видя решительных действий и четких команд, все остались в местах дислокации войск. Знаменитый генерал Макашов дал четкую оценку руководству ГКЧП, что «сама Москва наложила в штаны».

Утром в пятницу 23 августа Лукину позвонили из кадров МВД и сообщили, что все документы, подписанные Министром Пуго после 19 августа – дня объявления ГКЧП – аннулированы, поэтому они могут дать ему копию приказа на память, но не более. Вот так пролетели мимо Лукина генеральские погоны, как «фанера над Парижем». Вот времечко настало.

Теперь можно было спокойно заниматься строительством дачи и выращиванием клубники. Другой перспективы он пока не видел в служебной деятельности. Во время отпуска Лукин закончил первый этаж, расширив дом с

шести до двенадцати метров, перекрыв этаж плитами. Он специально строил из кирпича, чтобы не доставали рэкетиры, собирающие дань с дворов дачников, угрожая поджогом. Правда, кирпич был весь разный, и белый силикатный, и желтый облицовочный, и красный обычный. Потом он решил оштукатурить «под шубу» снаружи, а вагонкой обить изнутри.

Дом получался внушительных размеров и частично готовый к жилью. Печка и камин давали тепло, сверху плиты обработаны гидроизоляцией, так что не капало. Вид, конечно, был не дома, а стройплощадки, но жить можно. Бревен, которые зимой накатали колхозные лесозаготовители, хватало на стропила крыши и на баню, но он пока был в раздумье. С одной стороны, он хотел сделать дом типа «шале» в один этаж, но, с другой стороны, ему уже хотелось второй этаж. Хорошо, когда нет проекта, и строишь столько, сколько есть стройматериалов. Кирпича больше не было и даже не предвиделось, но жаль было столь мощный фундамент использовать только для одного этажа. Это и вдохновило его на дальнейшие дачные подвиги по добыче стройматериалов.

Чудненько получается в стране: утром проснулся, а КГБ СССР уже нет, но КГБ России пока не создали и границы все открыты. Визы в любую точку мира. Да, такое в страшном сне не могло Лукину присниться. Карьера закончилась. Что теперь будет? Неизвестно.

Он вспомнил Париж и француженку Лауру. Вот о чем она намекала, когда прилетала в 1986 году, чтобы забрать его с собой. Она говорила, что скоро можно будет к ней приехать спокойно. Теперь можно было свободно ехать к ней, но уже не было нужды. Да и она устроила свою семейную жизнь. Их союз с Виктором был невозможен пять лет

назад. Реальнее их брачный союз мог бы состояться почти двадцать лет назад, когда они познакомились и были молоды. Он сделал ей предложение, и она согласилась, но «железный занавес» СССР встал между ними. Более десяти лет они прожили в гражданском браке, а вернее на нелегальном положении. У нее не было визы для проживания в Москве, но она жила у него месяцами, а между встречами происходил бурный «почтовый роман». И пять лет назад ничего бы не изменилось в их отношениях, которые ранее отравили действия спецслужб и правила морального Кодекса строителя коммунизма. И вспомнил он француженку потому, что во время последней их встречи пять лет назад она говорила, что в России будут большие перемены, и они смогут спокойно встречаться и ездить по Европе. Неужели, они там за бугром знали о сегодняшних переменах в стране?

Но Лукин и сейчас в это не верил, когда уже все состоялось. Значит, получается, что чекисты прохлопали ушами этот переворот или, наоборот, способствовали этому. Во всяком случае, в стороне от такой информации они не могли остаться и ничего не знать, если на Западе об этом уже давно вели разговоры. Похоже, что «железный занавес» был только для простых советских граждан.

Виктор сам решил, что теперь ничего у них с Лаурой не получится. Рядом с ним любимая женщина и две дочери. Он старался добиться в жизни поста повыше, чтобы им жилось послаще. Это не карьеризм, а обычная жизнь, и если носишь погоны, то должен стремиться быть генералом…

Утром не стало не только КГБ СССР, но и МВД СССР. Президент России «БН» издал Указ, что все министерства СССР перестали финансировать. Служащие на

работу ходили, ждали дополнительной команды от новых властей, а они не торопились. Как-то не принято было министерской интеллигенции уподобляться шахтерам и выходить на Горбатый мост у Белого дома и требовать зарплаты. Да и касок у них не было, поэтому стучать было нечем. В общем-то неприятное ощущение. Никто из министерских работников не выступал ни со стороны путчистов, ни со стороны защитников демократии. А эти два Президента, как «быки» на бандитской разборке, забили стрелку, покачали бицепсами и решили, кто из них главней. Страну двинули к пропасти вместе с народом и на это им наплевать. СССР отменили, но забыли, что там жил и работал народ. Лишили народ средств существования, ожидая, что все само рассосется, и работники сами найдут себе применение. Официальное сообщение о развале СССР появилось несколько позже. Но уже сейчас стало ясно, что ельцинское заявление, которое прозвучало ровно год назад в Уфе: «Берите столько суверенитету, сколько сможете проглотить», начало действовать.

Когда Лукину хотелось влезть в какую-нибудь заваруху, то он вспоминал наставление деда Алексея Михайловича: революции замышляют гении, свершают ее фанаты, а пользуются ее плодами проходимцы. Так оно и получилось в России. Замысел был хорош. Классические варианты мировой истории прошли в полный рост по судьбе Алексея Михайловича, поэтому Лукин всегда трезво оценивал обстановку. Ему было известно, что скрывалось за их словами и призывами. Поэтому он решил строить свой маленький капитализм или коммунизм, но в своей семье, а увлечь его бредовой идеологией и раньше было трудно, а теперь невозможно. Говорят одно, законы пишут иногда правильные, но и эти законы сами же нарушают. Как

можно им верить?

Появилось много свободного времени заняться своими делами. В районных стройуправлениях придумали новую форму воровства стройматериалов. Крыли крышу дома новым железом, а через месяц его снимали и перекрывали другим. Также списывали и другие стройматериалы. Отделали служебный кабинет большему начальнику импортными панелями под мореный дуб, а тому не понравились, показались стены его жене слишком мрачными. Причем здесь жена в рабочем кабинете? Когда же рабочие стали снимать эти панели, то жена начальника посоветовала не портить их, так как она хотела вывести их к себе на дачу. К Лукину пришил его сосед Петруха, которого он угощал разными напитками.

– Палыч, а не хочешь ли ты отделать на даче гостиную под мореный дуб? – Петруха достал из кармана кусок той панели.

– Петруха, материал очень красивый, но у меня таких денег нет, – с досадой ответил Лукин.

– Это была очередная хитрушка наших руководителей, чтобы списать панели и отделать свою дачу.

– А как же вы их сопрете?

– Да уже вопрос решен. Жена начальника присутствовала, когда мы начали разбирать те панели. Она попросила, чтобы мы это сделали аккуратно. Мы ей намекнули, что надо поставить за «ювелирную» работу, но она отказалась. Тогда мы надломили первые две панели, и она отказалась от них, так как поломанные ей не нужны. Для тебя мы снимем их без повреждений и сами отделаем твою гостиную. Ты же нас не обидишь?

– Петруха, ты же знаешь, что больших денег у меня нет, но за работу и за материалы я смогу расплатиться.

– Считай, что договорились. Наливай, – бодро скомандовал Петруха, обрадовавшись состоявшейся сделке.

«Жидкая валюта» шла при таких сделках дороже денег. Вскоре гостиная на даче была отделана под мореный дуб, и кровельное железо лежало на участке. Вроде бы новые хозяйственные отношения в стране, но народ не получал зарплаты, поэтому вертелся, как мог.

Президент России сыпал Указами, как из рога изобилия и через три дня после ГКЧП выдал о приостановлении деятельности КПСС и ее роспуске. Руководителей партии среднего звена в чрезвычайное положение затащили, как «свадебных генералов», и они ничего не предпринимали, так как всем руководили военные и КГБ. Но на следующий день новый Указ об имуществе партии, как будто чего-то не добрали. Все было похоже на разборки.

Через десять дней в Москве появился новый преемник компартии, но уже России – Зюганов. Может, он и был в Москве, выжидая, когда пройдут аресты сообщников ГКЧП, выяснял обстановку. Во всяком случае, его не было ни справа, ни слева. Ельцин продолжал копать под Горбачева и в обход его 24 августа заявил о признании независимости прибалтийских республик, а вслед за ними и все остальные союзные республики освободились от «гнета России», которая отрывала от себя не одно десятилетие на их развитие. Молчал пока Казахстан. Назарбаев, видимо, побаивался, что такой кусок земли ему Россия не отдаст.

Никто уже не вспомнил о мартовском референдуме всего населения Советского Союза, когда решили жить вместе. Но потом, видимо, народ посмотрел на борьбу двух гигантов и принял обратное решение. Сразу же начались разборки в советской армии, откуда было уволено

около трехсот генералов и более пятидесяти тысяч офицеров. ГКЧП было только предлогом для их увольнения, так как уволенные его не поддерживали. Союзные министерства и ведомства перестали финансировать с 1 сентября, создав аналогичные структуры в России, но Госавианадзора при Совете Министров России не создавали. Оставалась надежда, что новый Президент России обратит внимание на безопасность полетов.

Судьба же Лукина была под вопросом, так как он один был прикомандированным из МВД СССР, которого уже не стало. Лукин набрал телефон в Главное управление кадров МВД России и поинтересовался, кому дальше служить. Ему предложили подождать распределения или уйти на пенсию с генеральской должности. Его зарплата в соответствии с ростом цен и стоимости доллара превратилась в центы, но и ее не платили, а пенсия и того была бы меньше. Он хотел быть еще полезным Родине со своим большим опытом оперативной и руководящей работы, да и по возрасту он недавно разменял четвертый десяток. Для чего страна учила его в двух академиях? Хорош пенсионер! И куда идти? К жуликам-кооператорам или бандитам? И те, и другие его уже давно приглашали к себе, обещая сразу выплатить «подъемные» в его министерском окладе за пять лет вперед. Нет, такое время еще не наступило и вряд ли для него наступит. Не для того он надевал погоны и прослужил уже более двадцати лет. В ГУКе МВД России не осталось ни одного сотрудника, с кем можно было пообщаться по поводу дальнейшей службы. Да он и не хотел «колотиться». Сказали ему ждать, он и ждет. Одно он понял уже точно, что лишился должности и зарплаты, а уже про лампасы можно забыть. Будет, что рассказать детям на пенсии. А пока Лукин понял, что лица, которые

замутили последние события, были виновны во многих бедах, постигших страну, и лишили его счастья. Он же говорил, что генерал – это не звание, а счастье. Его же они оставили еще и без работы и зарплаты. Поэтому полковник милиции был вынужден «бомбить» на Белорусском вокзале частным извозчиком.

По окончании расследования катастрофы в Питере Лукин продолжал сопровождать уголовное дело в Генеральной прокуратуре России, но его больше интересовала информация от следователей и коллег, которые вели и сопровождали уголовное дело в отношении арестованных членов ГКЧП. Информация для оперативного работника бывает иногда важнее любых фактов, изложенных в допросах или на очных ставках. В протоколы следователи записывают только те сведения, которые относятся к данному делу, да и то их обрезают до неузнаваемости. Другое дело проверенная оперативная информация. Он верил, что Ельцин дал «добро» на введение ГКЧП Председателю КГБ Крючкову, потому что эта информация перекликалась с его согласием, высказанным Горбачеву, но с оговоркой, что ГКЧП будет введено не более чем на год. А в окружении Ельцина были такие разговоры.

Ельцин оказался «двуликим Янусом». Было ясно, что вице-президент СССР Янаев никогда бы не согласился объявить в стране ГКЧП без согласования со своим другом Горбачевым. Ну, куда ему, безхребетному, и неравнодушному к «Бахусу». А Министр обороны Язов не ввел бы ни одного солдата в столицу без указания Президента, да и против такой меры он был вместе с Пуго, который накануне 17 и 18 августа совещался с Горбачевым, для чего-то летал к нему в Форос.

Министр внутренних дел Пуго находился в отпуске. О чем он разговаривал с Президентом два дня, непосредственно накануне введения ГКЧП, осталось тайной. Поэтому его самоубийство с женой оказались еще большей тайной. А не кроется ли за этой тайной их совещание, которое он мог огласить на следствии?

Лукин встречался с Пуго утром 19 августа и не нашел в его поведении озабоченности событиями, а тем более не заметил какой-либо суеты среди его подчиненных. В МВД СССР на Житной все сотрудники работали в обычном режиме. Не было ощущения, что в стране что-то происходило. Лукин подписал у Пуго представление и поехал в МВД России на Огарева, 6. Вот там царила истерия. Сотрудники МВД России готовились к отражению атак. И теперь было понятно, что Ельцын повел себя, как «двуликий Янус».

Так информация по крупицам находила объективное подтверждение, а у следствия с каждым днем все больше возникало вопросов, но не было на них ответов. Предположения сменялись сомнениями, а не ответами.

На второй день после объявления о провале ГКЧП в служебном кабинете московского Кремля дежурным офицером охраны был обнаружен повешенным на упаковочной веревке, привязанной к батарее отопления, Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Ахромеев, который год назад был Первым заместителем Министра обороны СССР, а после стал советником Горбачева по военным делам. Было известно, что планы ГКЧП готовились в «райской группе» Министерства обороны, а поэтому не могли остаться без его внимания. Но, видимо, они были далеки по обстоятельствам от начатого «опереточного путча» 19 августа. В тот день он вернулся по своей ини-

циативе в Москву из Сочи, где он проводил отпуск вместе и внукам. Ахромеев был уверен, что эта авантюра потерпит поражение, но встретился с Янаевым. Он высказывался, что должен участвовать в событиях, чтобы в последующем назвать всех «героев» провокации по развалу СССР. Не мог Маршал и Герой Советского Союза, участник войны, трезво оценивший те события, как провокацию, покончить жизнь самоубийством, да еще и таким способом. Но все осталось на уровне версии. И Лукину припомнилась загадочная гибель 15 февраля того же года под колесами кубинского автомобиля тестя его брата Шкадова, который руководил «райской группой», готовившей ЧП.

«Теневым» двигателем августовского путча был Павел Грачев, командующий ВДВ. По плану «путчистов» он должен был осуществить захват власти. В Москве к утру уже находилось около четырех тысяч военнослужащих, триста пятьдесят танков и около четырехсот БТР. Но никто не знал, что у Ельцина были хорошие отношения с Грачевым, и он попросил его о помощи в защите демократии. Заместитель Грачева, Александр Лебедь, привел десять танков к Белому дому на сторону Ельцина, но устроил торги за будущую должность главнокомандующего, а когда Ельцин не согласился, то увел танки обратно. После недолгих переговоров командующие войсками Грачев и Лебедь, со стороны ГКЧП, согласились не штурмовать Белый дом, в чем убедили Министра обороны Язова.

Операция, задуманная председателем КГБ, заранее была обречена на провал. Он знал о секретных переговорах Президентов трех союзных республик, поэтому торопился. После совещания членов будущего ГКЧП, происходившего за два дня до выступления, они отправи-

лись в Форос, где отдыхал Горбачев, который был посвящен в их планы и мог вполне предотвратить этот цирк. Но его устраивало, видимо, такое развитие событий, где ему уготовано единоличное лидерство в стране, без Ельцина, в случае успеха ГКЧП. Телефонная связь в то время у него не отключалась, и никто его не блокировал в течение трех суток. Его молчание путчисты, видимо, восприняли, как согласие. Он и улетел отдыхать специально. В стране бушуют страсти, а Президент в отпуске на берегу моря. Горбачев предложил подписать новый союзный договор по «обновлению СССР» и представить самые широкие полномочия республикам. Подписание должно было состояться 20 августа, но Горбачев улетел на Черное море. А после провала ГКЧП Горбачев от всего открестился и стал чуть ли не жертвой готовящегося режима. Его стиль руководства всегда отличался полумерами, которые и раскачивали государство. Так и в этот раз он отказался участвовать в ГКЧП и не полетел в Москву, сославшись на плохое самочувствие. И это Президент СССР, с его властью. Поэтому на экранах телевизоров народ увидел вице-президента Янаева с трясущимися руками и, видимо, не с перепоя, а он понимал, что его затянули в театральную авантюру ГКЧП.

У Лукина жизнь шла своим чередом. Он никак не мог повлиять на ситуацию по службе, поэтому поменял машину и после сделки у него остались еще деньги на жизнь. Да и для строительных работ на даче ему больше подходила «Волга» универсал.

В то время из Чехословакии вернулся его знакомый Шелихов Алексей, который там работал в посольстве и приобрел списанную «Волгу». Лукин присел за руль и удивился, глядя в зеркало заднего вида: «Неужели это все

мое?». Алексей умудрился совершить на ней аварию с трамваем в Праге, и они ее отремонтировали в трамвайном депо. Белая эмаль на «Волге» сверкала, и вид у нее был новой машины. После посещения кремлевской автобазы, местные умельцы поставили на нее жигулевский карбюратор, и она кушала бензин по восемь литров на сто км, что почти в два раза меньше, чем другие «Волги». Виктор грузил на нее десять мешков цемента, бригаду штукатуров из четырех человек, и она спокойно перла их до дачи с приличной скоростью.

В Госавианадзоре еще СССР от столовой остался только буфет, куда завозили иногда мясные продукты. В коридоре он встретил Леонида Алексеевича, с кем Виктор шутливо соревновался, кто из них достанет больше продуктов для дома для семьи.

– Пойдем, к нам в буфет печеночку завезли, просто класс, – предложил ему Лукин.

– Не ходи, Виктор, я уже всю забрал. Двенадцать кило, – хихикнул Леонид.

– Куда тебе столько?

– А ничего, пусть будет. У меня дома морозильная камера пустует, зря на счетчик наматывает, и ей там ничего не будет. Она уже мороженная.

– Ну-ка, покажи, печеночку. Не врешь? – Лукин был настроен пошутить с Леонидом, но еще не знал, как слегка огорчить его довольное личико.

– Ну, пошли, покажу, – улыбнулся он.

В кабинете Леонид открыл морозилку, а там лежала огромными кусками печенка.

– Сколько ты говоришь, взял? – переспросил Виктор.

– Двенадцать кило.

– Я так и знал, что врешь. Здесь не больше пяти кило-

грамм. Я-то вижу по объему, – специально зацепил его Виктор.

– Да ладно.

– Ну чего, обманул меня? Двенадцать кило, двенадцать кило. Ты знаешь, сколько это в объеме? То-то и оно, – продолжал заводить его Виктор.

– Я тебе точно говорю, что здесь двенадцать.

– Тогда давай поспорим. Я говорю, что здесь не более шести килограмм. Давай взвесим. Кто проиграл, тот ставит литр коньяка, – предложил Виктор.

– Давай весы, – согласился Алексеевич.

– Откуда у меня весы.

– Сейчас у летчиков возьму.

Пока Леонид Алексеевич бегал за весами, Лукин отломил в морозильнике пару кусков печенки килограмм на пять и перенес ее в холодильник, что стоял рядом в приемной начальника управления расследований и которым пользовались все сотрудники управления.

Довольный Леонид уже предвкушал, что в результате спора ему перепадет две бутылки коньяка, и ему даже в голове не стукнуло, что в морозильнике печенки стало в два раз меньше. Он сложил ее в пакет, а когда взвесил, то удивленно смотрел на деления весов и глаза его округлились. Он снял печенку, посмотрел на весы, потом завесил пачку сахара. Весы четко показали один килограмм. Он опять подвесил печенку, весы показали пять с половиной кило.

– Ничего не понимаю, – развел он руками.

– Зато я понимаю, болтун. Неси-ка литрушечку коньяка. Мы его сейчас под остальную печеночку, – весело сообщил Лукин.

– Подожди, я сейчас, – Леонид схватил пакет с печенкой и бегом в буфет, пока не закрылся.

Через некоторое время возвращается еще больше возбужденный, хотя по характеру он очень спокойный.

– Ничего не понимаю. Буфетчица говорит, что хорошо помнит, как отпускала мне двенадцать килограмм. И мне тоже кажется, печенки было больше. Я подумал бы на тебя, что больше некому. Один такой аферист есть в комиссии, но я брал весы в кабинете напротив и видел, что ты не выходил из кабинета. Ничего не понимаю.

– Литру поставишь, поясню, как у мороженой печенки есть свойство уменьшаться в весе, – предложил Виктор.

– Но не в два раза.

– Согласен, что проиграл и поставишь коньяк?

– Ставлю, ставлю, рассказывай, – согласился Леонид.

– Вторую часть печенки возьми в морозилке, что стоит в приемной, – улыбнулся Лукин.

Он открыл морозилку в приемной и увидел свою печенку.

– Видал аферистов, но таких. Как все быстро сделал. Во время скандала с буфетчицей я понимал, что не могла она обвесить меня на шесть с лишним килограмм. Ну, на полкило, куда ни шло. Ты спор не выиграл, а обманул.

– Ладно, согласен, один коньяк с меня, а другой с тебя. Идет?

– Только в пятницу и у меня дома.

– Согласен, но жаркое из печенки твое. Я, пожалуй, поеду домой. Дел много. Мало того, что работы нет, еще и зарплату платить больше не будут. Совсем противно на работу ходить.

– Конечно, езжай. Случай чего по мультитону вызовут.

Лукин подъезжал к дому со стороны вокзала, а на углу Брестской улицы и площади Белорусского вокзал стояла молодая парочка с чемоданами. Они ловили такси. На

улице была пробка. Лукин видел, как несколько машин останавливались около них, но, не договорившись в цене, проезжали мимо. Ему стало вдруг весело. Он сравнил себя с царскими офицерами, которые после Октябрьского переворота в 1917 году оказались в Париже и других городах Европы и Азии, где некоторые из них работали таксистами. Раньше, когда он был капитаном, Лаура предлагала ему переехать с ней в Париж, но он шутил, что капитан милиции в Париже может работать, как араб, только таксистом. Тогда ему, капитану, было позорно работать в такси даже в Париже. А теперь целый полковник «подметает улицы», так называли халтуру по частному извозу. Он после августовского переворота оказался практически без зарплаты, а в скором будущем и без работы. Так почему бы не подхалтурить «царскому» полковнику милиции? Таковым он себя считал в шутку, так как полковника получил в СССР. Он иногда подвозил кого-нибудь, но если только по пути и не из-за денег, а так, симпатичных девушек. А здесь парочка была с чемоданами, значит, можно было заработать. Лукин прижался к обочине и открыл окно:

– Куда вам?

– В Шереметьево, – ответил парень.

– Садитесь, – он вышел, чтобы загрузить чемоданы в багажный отсек своего «корабля» ГАЗ-24.

– Мужик, ты чего у нас клиентов отбиваешь, – услышал он грубый голос сзади.

– Это мои знакомые, а не клиенты, – пояснил Лукин, догадавшись, что задал ему вопрос мужик из «артели» Белорусского вокзала.

– Твоим знакомым мы только что объявили, сколько будет стоить проезд до Шереметьево, так они не согласи-

лись и пошли ловить машину на улице. Не нравятся им такси на стоянке, но они уже наши клиенты, и мы за них можем твои колеса проколоть, – настаивал все тот же голос мужика.

– А если бы они пошли в метро, то Вы, наверное, рельсы разобрали бы или поезд пустили бы под откос. Правильно я Вас понял?– Лукин обернулся и увидел небритую рожу, как у барыг на рынке.

– Ну, примерно так.

– Если кто из Вас приблизится к моей машине шины прокалывать, получит лишнюю дырку в заднице, – Лукин не боролся за клиента, но не мог стерпеть наглости в отношении полковника милиции.

Правда, они об этом не могли догадаться.

– Мужики, этот может и дырок понаделать. Вы с ним поосторожней. Он шутить не любит, – Лукин услышал сзади знакомый хрипловатый голос.

Обернулся и точно – Алик. Они вместе в школе учились и жили в одном дворе. Теперь он был «бригадиром» по подбору клиентов на перроне и площади вокзала среди пассажиров, которые хотели бы совершить поездку на такси. Они пожали друг другу руки.

– Видите, мужики, теперь и генералы милиции халтурят. Видимо, тоже денег нет. Как дела, Виктор? Ладно, не буду отвлекать. Вечером во дворе расскажешь, а сейчас забирай своих пассажиров. Наши, видимо, на самом деле дорого объявили.

Они погрузились и поехали по Ленинградке.

– Извините, а Вы, правда, генерал милиции? – полюбопытствовала молодая женщина.

– Да что вы, это кличка у меня такая, – улыбнулся Виктор.

– А Вы не объявили, сколько будет стоить проезд до Шереметьева, – сказал парень.

– Это Вы сами решите по совести, – Лукин и сам не знал, сколько спросить.

– Если Вас утроит половина от той суммы, что нам объявили, то мы были бы рады. Это будет пятьдесят долларов, и двадцать за сложность посадки. Если бы не вы, то нам пришлось бы ехать на метро. Эта банда не позволила бы нам воспользоваться услугами других автомобилей.

– Вполне устроит, – сказал Лукин.

Семьдесят долларов было больше его виртуальной месячной зарплаты, которая где-то щелкает, но ее не выдают. Вот это халтура.

– А на счет банды вы правы. Они могли и по пути остановить, и высадить из машины.

При выезде из города на Ленинградке его остановил сотрудник на посту ГАИ.

– Старший инспектор Смирнов. Куда вы так торопитесь, товарищ водитель? Попрошу документы, – сказал капитан милиции.

– Извините, ребята, свои. Тороплюсь в Шереметьево, – Лукин, улыбаясь, достал удостоверение МВД СССР.

Капитан милиции подчеркнуто отдал честь и пожелал счастливого пути.

– Похоже, что генерал – Ваша кличка, вон как капитан вытянулся, – заметила пассажирка.

Виктор посмотрел на нее в зеркало и только улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой. Ему совсем не хотелось обсуждать вопрос о принадлежности в МВД с посторонними людьми, и почему извозом занялся. Он их вез, а они платили, что устраивало обе стороны. Возможно, ему не было бы так обидно и стыдно, если бы судьба распоряди-

лась иначе и он пятнадцать лет назад, будучи бывшим капитаном милиции, работал бы в такси на улицах Парижа, где его никто бы не знал. А он теперь целый полковник милиции и с двумя академиями занимается частным извозом, потому что государство оставило его без средств к существованию.

Виктор отлично понимал, что на рынке услуг были свои отношения таксистов с частными извозчиками. И те и другие хотели заработать на жизнь. Обогатиться здесь не получалось. Таксисты целыми днями простаивали на стоянках в ожидании клиента, потому что выезжать в город для его поиска намного сложнее стало. Частники «подметают» улицы от клиентов начисто. Только человек шагнет к обочине дороги и поднимет руку, так около него останавливалось сразу несколько машин с предложением своих услуг. Они так поступали не от хорошей жизни. Частникам можно в центре города кого-нибудь подцепить, кто хочет доехать по своим делам после работы или позже, подгулявших от ресторана подвезти. На вокзалы и стоянки такси частнику подъезд заказан, там работает своя мафия. У них свой «смотрящий» от бандитов, которому они платят дань. Свои работники ГАИ и постовые милиционеры, территориальные, которые тоже получают свое, и не обращают внимания на их неправильные парковки и «разборки» с несогласными пассажирами. Примерно так было и с Лукиным. В общем-то, народ сам регулировал свои отношения между собой, так как государству было не до них.

Все в стране отпустили в свободное плавание вместе с долларами, которыми скоро стали расплачиваться даже на колхозных рынках при покупке картошки или квашеной капусты. На дачных участках колхозники стали спраши-

вать оплату в «зеленых», хотя некоторые из них долларов в глаза не видели, поэтому могли получить по своему требованию каких-нибудь зеленых монгольских тугриков.

Вечером во дворе он встретил Алика в знакомой Лукину компании, с которыми вместе выросли в этом дворе дома 62 по Новослободской улице. Ребята, как всегда, около голубятни играли в карты на деньги. Лукин в молодости иногда поправлял свой бюджет катанием шаров в биллиарде или «катал» в карты. Тогда он был холостым и выигрышные деньги никогда не носил домой, а прогуливал в компании друзей и подруг. Он считал, что такие деньги приходили к нему от «лукавого», поэтому так ими и распоряжался. Может, поэтому ему и везло в азартных играх, которые были очень редкими и в основном среди друзей, да и выигрыши там же и оставались. Он никогда не был азартным и не заводился, а просто хладнокровно всех обыгрывал.

– Ну, что совсем туго стало, если выехал халтурить? А я тебе давно предлагал вступить в наш кооператив «ямщиков», – прервал его воспоминания хриплый голос Алика.

– Алик, ты же знаешь, что официально я не могу вступить в вашу банду, даже светиться на вокзале не хотелось бы. И уж тем более я не собираюсь отстегивать вашим «смотрящим». Кто там у вас – кунцевские бандиты, а за ними Саша Берлинский стоит?

– Ты сам всех знаешь.

– Алик, я не прочь подзаработать, но только с тобой. А с остальной вашей компанией, если возникнут вопросы, я сам разберусь. Могу с кунцевскими встретиться, если они захотят.

– Ну что ж, идет, но мне все равно придется им сказать,

что я с тобой работаю, чтобы потом вопросов не возникло.

– Я подъеду к своим коллегам из Свердловского ГАИ, которые работают на площади Белорусского вокзала. Они меня знают, как бывшего руководителя угрозыска района, объясню им ситуацию, что зарплату нам в МВД СССР не платят.

– Как не платят? Что и в милиции тоже?

– Не всем. Президент решил не платить сотрудникам МВД СССР, как будто бы мы на Францию работаем.

– Тебе, в какое время удобнее «бомбить»? – спросил Алик.

– Лучше рано утром перед работой или вечером, хотя я могу в любое время.

– Тогда давай будем работать рано утром, часов в пять-шесть. В это время приходят интересные поезда, и многие хотят доехать до аэропорта, а общественный транспорт еще не работает. Чтобы тебе не стоять на стоянке такси, ты припаркуйся перед мостом с Бутырского вала у палаток. От твоего дома в ста метрах, а я приведу туда клиентов или дам рукой отмашку из-под моста. Идет?

– Вполне. А сколько тебе за услуги?

– Не бери в голову. Мне помочь другу в удовольствие, а тем более полковнику милиции. Будешь работать без налогов нашей компании «ямщиков». Тогда в половине шестого жду под мостом.

Конечно же, в их компании «ямщиков» слух о полковнике милиции, «бомбящем» на Белорусском вокзале, быстро распространился. Сотрудники ГАИ отдавали честь, когда он выезжал с площади с пассажирами, а если он нарушал правила движения ранним утром, когда не было движения, то тактично отворачивались, делая вид, что не заметили. Через несколько рейсов на Шереметьево Лу-

кина признали и на посту ГАИ Ленинградского шоссе перед Химками. У них тоже глаз наметан на одни и те же машины, которые торопятся ранним утром в Шереметьево с пассажирами. Лукин однажды представился капитану милиции с того поста ГАИ и сверкнул визиткой их начальника Чехановского. Видимо, тот капитан передал по смене, что полковника МВД лишили зарплаты, и он халтурит по их трассе.

Кунцевских бандитов он знал уже давно. Они могли его не знать, но он знал, что кунцевские «оккупировали» Белорусский вокзал, Кутузовский проспект, ипподром и всю прилегающую территорию. За главного у них был «Лексик» и «Интеллигент», а Саша «Воробей» ходил в разводящих по всем стрелкам на разборках. Кличку ему дали за маленький рост и шустрость. До Саши дошла информация, что появился полковник, который халтурит на Белорусском и не хочет отстегивать в общак принципиально. Лукин передал через Алика, что может с ними встретиться, если есть к нему вопросы.

– Да, пусть «бомбит». Видимо, правильный мент, хоть у нас не отбирает, – передал Алик слова «Воробья», который подвел черту тем разговорам.

Он, видимо, не предполагал, что Лукин многое знает об их команде и даже несколько точек, с которых они получают конкретную дань. Хотя это теперь не его работа, но опера в нем уже не переделаешь. Информация сама стекалась к нему. За семнадцать лет работы в уголовном розыске осталась среда общения, которая сама по себе несла информацию.

«Куда только милиция смотрит? – подумал в шутку полковник милиции Лукин. – «Братки» упаковывались по полной программе «зеленью» и могли спокойно уйти в

бизнес, где их вообще закон не достанет, но это если у них мозгов хватит, и жадность не погубит».

Лукин совершал в деньпо несколько рейсов в аэропорт. Поездки стоили от пятидесяти до ста долларов. Рано утром, перед тем, как сесть в свой кабинет, успевал сделать пару рейсов. Потом в 14 часов прибывали поезда из Парижа и Берлина, а вечером из Варшавы.

Народ обрадовался свободе передвижения и «зашустрил» на Запад за покупками для перепродажи. Под их «забугорные» багажи, кстати, подходила белая «Волга» Лукина. За осень Лукин сколотил около двенадцати тысяч долларов. Это была огромная сумма, примерно зарплата за десять лет вперед. Теперь он был спокоен. Было на что жить его семье и безбедно. Теперь можно было ждать принятия решения руководства страны о судьбе сотрудников МВД СССР, хотя они, видимо, уже о них не думали, потому что прошло более двух месяцев с прекращения финансирования. Если бы не его халтура на вокзале, то чем кормить детей? Вот и все ответы о новой власти «дерьмократов».

До недавнего времени у Лукина было зарплата 890 рублей, и Председатель Госавианадзора СССР в ранге министра подкалывал его, что он получает всего лишь на пятьдесят рублей меньше его министра. Лукин прикинул, сколько же ему сейчас должны были заплатить при таком курсе доллара. Один «бакс» с портретом президента США стал стоить 50 рублей. Это означало, что он должен получать 18 долларов в месяц, но и их только обещали, а когда их выплатят, то их покупательская способность упадет до цветных бумажек. Доллар дорожал каждый день.

Лукин шутил про себя, что приятно просыпаться в стране миллионером. Его двенадцать тысяч долларов вме-

сте с пачкой 25-рублевых купюр, которые он скопил халтурой на жизнь составляли более миллиона. Лукин достойно отметил с друзьями день уголовного розыска. Он никогда не терял связи со своими коллегами и каждый год 5 октября они собирались, чтобы отметить свой профессиональный праздник.

Прощальные гастроли

День 7 ноября 1991 года выдался сумрачным и промозглым. Военный парад на Красной площади отменили вместе с праздником Великой Октябрьской революции, объявив ее переворотом. Как же тогда надо было назвать то, что произошло в СССР в августе этого года? Устроили цирковое представление с танками на арене с целью отстранения команды Горбачева от власти. Многие коммунисты и комсомольцы к тому времени уже перекрасились из красных в «зеленых» и «голубых», оттяпав от богатого государственного пирога по лакомому куску.

Как можно перечеркнуть Указом историю народа?

Ельцин сам руководил коммунистами четыре десятилетия и находился на самом «верху», а теперь дорвавшись до власти путем развала огромной страны начал чудить.

Лукин не был в восторге от большевиков, зная, как они пришли к власти и что потом сотворили с русским народом. Можно было бы отменить военный парад и демонстрацию трудящихся, но вычеркнуть из памяти народа 7 ноября невозможно. В тот день 74 года назад рухнула не только Россия, но и в мире были громкие отголоски тех событий. А теперь о той революции – ни одного хорошего слова.

Однако народ все помнил. Демонстрации начались с утра. Одни проклинали события октября семнадцатого года, другие поминали добрым словом. Накануне Ельцин запретил коммунистическую партию, но более 60-ти тысяч ее сторонников митинговали у памятника Ленину на Октябрьской площади и пели революционные песни: «Это есть наш последний и решительный бой… ».

На Манежной площади шел митинг, на котором народ поднимал лозунги «Долой Ельбачева и Попчака!», объединив фамилии двух президентов и мэров столиц, требуя отправить в отставку президентов СССР и РСФСР «за измену Родине». Несмотря на незаконный указ Ельцина о запрете демонстрации, десятки тысяч людей прорвались на Красную площадь, но впервые за семьдесят лет трибуны Мавзолея были пусты. Страна сотрясалась от митингов, раскалывавших общество и страну на два враждующих лагеря. Настоящее страны было гнетущее, а будущее – мрачное, но Лукина не покидала робкая надежда, что все образуется…

Душу точила тревога с непривычной тишиной в эфире. Нет утром по телевизору военного парада и демонстрации, нет концерта с патриотическими песнями и заезженными фильмами «Ленин в 1918 году» и «Ленин в Октябре». И, тем не менее, Лукин с друзьями всегда от-

мечал праздник Октября, как было заведено в СССР, в кругу семьи и друзей. Не исключением был и тот день. Он пригласил друзей вместе с женами в ресторан «Будапешт», где их принимали с уважением. Они хорошо выпили. В оркестре паузы стали частыми. Это означало, что они готовы петь хоть до утра, но за деньги. Лукина разобрал кураж.

– Анатолий, а слабо оркестру заказать песню «И вновь продолжается бой»? – спросил он Прохорова.

– Легко, – Анатолий направился к оркестру.

Лукин наблюдал, как Анатолий протянул красную десятку солисту оркестра, но тот тут же вернул ему обратно и замотал головой.

– Они сказали, что эта песня будет последней в их карьере, – улыбнулся Анатолий.

– Тогда мы сами исполним. Как, народ? – спросил Лукин у компании.

– Как скажешь,– сказал Анатолий.

Лукин обратился к знакомому метрдотелю Михалычу:

– Виктор Михайлович, все у вас в ресторане прекрасно, но не хватает для ощущения праздника песни. Только вчера на концертах звучала песня «И вновь продолжается бой» в исполнении Кобзона и Левы Лещенко, а после отмены праздника ее боятся исполнить в ресторане за деньги. Как быстро начали шагать в ногу некоторые людишки?

– Палыч, я им приказать не могу, сам понимаешь.

– Тогда оставь в оркестре одного баяниста, чтобы нам тихо подыграл, а мы сами споем. И ты можешь сходить пока вместе с оркестром покурить.

– Как я могу отказать полковнику, – улыбнулся Михалыч и пошел к оркестру.

Он почти тут же помахал ему рукой и позвал на сцену, где белобрысый баянист уже подбирал мелодию:

Неба утреннего стяг,
В жизни важен первый шаг.
Слышишь, реют над страною
Ветры яростных атак.
И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди,
И Ленин такой молодой,
И юный Октябрь впереди…

Они исполнили песню не хуже Лещенко. Но Лукина весь вечер не покидало чувство тревоги. Когда в разгар веселья пронзительно зазвенел его мультитон, он понял, почему. Олеся вопросительно посмотрела на него, но он лишь развел руками и пошел к Михалычу позвонить дежурному по Госавианадзору, пока еще СССР.

– Виктор Павлович, в Махачкале произошла катастрофа с самолетом Як-40. Все погибли. Вы назначены заместителем Председателя государственной комиссии. Наши проездные документы Госавианадзора СССР отменены вместе с нашей организацией, а денег на командировку в кассе нет. Сейчас решаем вопрос по отправке Госкомиссии в Махачкалу. Будьте готовы к вылету, о времени я сообщу дополнительно.

– Я готов, но хорошо бы и командировочные получить. Не хотелось бы сало и сухари вести с собой, чтобы заниматься государственными делами, – не удержался Лукин, подогретый спиртным.

Его так и подмывало спросить дежурного: какое государство представляет комиссия? Если они в составе

СССР, а его пока официально не отменяли, то почему прекратили финансирование? Те деятели лучше бы отменили авиационные катастрофы. Да, такие вопросы надо было задавать не дежурному.

Однако нашелся в России серьезный руководитель в ранге Председатель Совета Министров РСФСР Иван Степанович Силаев, который вечером сообщил Президенту России Борису Ельцину об авиационной катастрофе с самолетом ЯК-40 в Махачкале и задал вопрос о форменном безобразии по прекращению финансирования Госкомиссии СССР, так как в России такой орган не создан. Силаев ранее был Министром авиационной промышленности СССР и понимал, что такое авиакатастрофа. Он доложил, что создана Государственная комиссия, но в кассе нет денег на командировку до Махачкалы. Сотрудники собирают деньги на билет в шапку, кто сколько даст. Силаев не утрировал, именно так поступили специалисты по расследованию катастроф, зная, что за них никто не сможет сделать эту работу. Борис Николаевич посетовал, что с таким безобразием разберется, но Силаеву пришлось частично профинансировать работу Госкомиссии.

Он во время ГКЧП поддерживал команду Ельцина, но потом понял, что они настроены на развал СССР. Силаев принял сторону Горбачева, который при всех его недостатках все-таки был сторонником сохранения СССР. Тот назначил Ивана Степановича Председателем Межреспубликанского экономического комитета СССР на правах Совмина СССР, но никакой власти у него уже не было. Даже для решения вопроса об отправке Государственной комиссии на расследование катастрофы ему пришлось звонить Президенту России, потому что у Ельцина в Правительстве России о такой структуре забыли.

Комиссии пришлось вылетать на место происшествия двумя рейсами, так как выделенных финансов не хватило на всю комиссию. Помогли из Северокавказского управления гражданской авиации, чей самолет потерпел катастрофу. Они доставили некоторых членов комиссии в Махачкалу своими бортами бесплатно. Лукин в такой обстановке не стал суетиться, чтобы срочно вылететь в Махачкалу. Все специалисты, которые должны были работать на месте происшествия вместе с Председателем Михаилом Соколовым, уже были на месте. Вопрос был государственным, поэтому Лукин решил, что оно пускай и позаботится о его отправке. Решение было принято только 10 ноября в его профессиональный праздник милиции.

Он успел забежать в МВД СССР и махнуть с коллегами не одну рюмку за праздник перед полетом в Махачкалу, поэтому летел немного навеселе. Конечно же, раньше такого допустить было невозможно. А сейчас, когда больше двух месяцев не платили зарплату, исполнять свой служебный долг можно было уже не с прежней дисциплиной. Анархия, которая царила в государстве, передалась и ему.

Совсем недавно Лукин летал на салонном самолете Ту-134 министра авиапрома СССР Силаевана на расследование катастрофы Ан-12 в Комсомольск-на-Амуре. В Домодедово более недели стоял густой туман. В аэропорту не было ни одного самолета. Тогда министр предоставил свой личный самолет для отправки Государственной комиссии. До недавнего времени руководство страны было заинтересовано в работе комиссии. Какие же погодные условия сложились сейчас в России, чтобы никого, кроме специалистов, не интересует авиакатастрофа и безопасность полетов. А ведь там погибло

более пятидесяти человек. Президент пообещал разобраться с таким безобразием, но ему 7 ноября было неуютно в своем кресле после отмены праздника революции 1917 года, когда народ высыпал на улицу. Сам-то, наверное, махнул несколько рюмок за свой праздник, так как в карьере дошел до самых высоких должностей в ЦК КПСС, и забыл о своем обещании разобраться с финансированием Госавианадзора.

Самолет, на котором прилетел Лукин в Махачкалу, мягко совершил посадку в аэропорту после обеда. Стюардесса пригласила его к выходу из первого салона вперед пассажиров. Было приятно, и Лукин понимал, что скоро такого не будет. К самолету тут же подали трап, у которого встречал Председатель комиссии Михаил Соколов и его коллега Валерий Черняев из Госавианадзора. На шаг впереди стоял мужчина среднего роста в большой «кепке-аэродром» и пышными усами с проседью. Сразу было видно, что он большой местный руководитель.

Дойдя до середины трапа, Лукин остановился:

– Коллеги! Чтобы меня отправить к вам в Махачкалу наши сотрудники собирали в шапку по три рубля, поэтому, если накормите, то останусь работать, а если нет, то улечу обратно этим же бортом.

– Спускайтесь, товарищ Лукин, я решу все вопросы, – мужчина в большой кепке вальяжно помахал рукой, призывая спускаться.

Он, не торопясь, спустился по трапу и подошел к нему напрямую, протянув руку.

– Лукин – заместитель Председателя комиссии.

– Магомед Магомедович, заместитель Председателя Совета Министров Дагестана. С чего начнем? С гостиницы или ресторана?

Другой бы, может быть, проглотил язык от такой встречи, но не Лукин, который был чуть навеселе. Он отнесся к Магомеду Магомедовичу с большим уважением, но его должность ничуть не смутила. Его уровень примерно соответствовал заместителю Председателя облисполкома, а в еще существующем СССР Государственная комиссия на местах общалась примерно на таком уровне и выше. Что Магомед Магомедович встретил его у трапа, вызывало уважение и чувство гордости за свою работу, если, конечно, не рассматривать, что диспетчеры аэропорта Махачкалы все-таки приложили руку к той катастрофе.

– Магомед Магомедович, большое спасибо за встречу и, думаю, будет неудобно с такими высокими руководителями республики осматривать спальные места в гостинице. Поэтому лучше начать с обеда. За столом будет возможность обсудить некоторые вопросы. Я думаю, они есть, – сказал Лукин, здороваясь с коллегами.

– Михаил Иванович, Вы не против обеда? – спросил Лукин Председателя комиссии.

Но тот только развел руками, вроде бы работы много, но уже было поздно отказываться. Лукин вместе с Магомедом Магомедовичем все решили в момент. Им не хотелось терять время для поездки в город. Магомед Магомедович пригласил в ресторан аэропорта, который тут же был закрыт на спецобслуживание. Посетители занимали два столика, и тех быстро рассчитали.

Им навстречу вышел директора ресторана. Магомед Магомедович отвел его в сторону вместе с командиром авиаотряда Махачкалы Козыренко. Они о чем-то переговорили, им подали чай и восточные сладости. Соколов был начальником отдела по расследованию катастроф с верто-

летами, поэтому Лукин никогда не попадал с ним на расследования, так как его больше направляли на катастрофы с тяжелыми самолетами.

Михаил Иванович закурил и рассказал Лукину обстоятельства катастрофы:

– 7 ноября в аэропорту Элисты в 32-местный самолет ЯК-40 было посажено 34 пассажира, а после регистрации подсадили еще 13 безбилетников, что в порядке вещей на Северном Кавказе. Коллеги из Элисты сообщили, что в 12.43 из их аэропорта вылетел самолет с превышением максимального взлетного веса на 260 килограмм. В нашу комиссию назначен специалист из Инспекции МГА Силин, который займется, в том числе и этим вопросом, а Вас, Виктор Павлович, прошу взять это на контроль. При необходимости можете слетать в Элисту.

– Хорошо, Михаил Иванович, – сказал Лукин.

– В 13:42 самолет, летящий в облаках в 23 километрах западнее махачкалинского аэропорта, на высоте 550 метров врезался в отрог горы Кукурт-Баш высотой 894 метра, полностью разрушился и загорелся, – продолжил Михаил Иванович. – Все члены экипажа и 47 пассажиров на борту погибли. Полет должен был проходить через точки Актур, Алмар, Ронка и Кизляр, после чего выйти в район снижения на посадку. Экипаж связался с диспетчером и запросил разрешения выполнять полет вне трассы и направиться сразу на Кизляр, в обход Ронки. Вероятно, не желая усложнять себе работу, диспетчер Северо-Кавказского центра запретил следовать на Кизляр, но разрешил при этом полет вне трассы. Его курс должен был проходить вдоль побережья Каспийского моря, но была облачность и нулевая видимость. Самолет уклонился вправо от курса в сторону горного хребта. Но диспетчер дал

команду на снижение и отвлекся, выдав экипажу недостоверную информацию о местонахождении самолета. Экипаж, в свою очередь, не перепроверил информацию диспетчера, и сам дал неверную информацию о пролете маяка. И экипаж, и диспетчер забыли в тот день, что самолет идет на посадку при нулевой видимости, и рядом горная местность. Диспетчер без проверки местонахождения самолета дал дальнейшую команду снижаться до 400 метров. Будем разбираться детально, но уже сейчас видно, что ошибка была обоюдной. На этом я считаю, пока надо все обсуждения прекратить. Еще раз изучим все переговоры, расшифруем параметры полета, тогда и выводы будем делать. В Махачкалу прилетел командир авиаотряда из Элисты. Они понимают, что теперь в условиях хозрасчета у виновной стороны будут серьезные неприятности. Одна из авиакомпаний может разориться.

– Да, при таких обстоятельствах катастрофы у нашей комиссии щекотливая ситуация. Я привык к различным ситуациям на Востоке, но встреча у трапа самолета с высокопоставленным чиновником меня несколько удивила, поэтому я повел себя так свободно, – улыбнулся Лукин.

– Я и попросил включить тебя в Госкомиссию, как представителя МВД. А заместитель Председателя Совмина Дагестана Магомедов с нами с первого дня, поэтому на встречу с тобой пошел с нами. Однако Восток – дело тонкое, – задумчиво сказал Михаил Иванович.

– Вот именно, – заметил Лукин. – От нас, как обычно, ждут объективного расследования. Не хотелось бы даже на фоне развала нашей конторы под названием Госавианадзор терять свое лицо. А коль случилось застолье, то и здесь надо соблюдать объективность. Я вижу в нашей компании местного командира Козыренко. А где его коллега,

командир авиаотряда из Элисты? Он может истолковать наше застолье с дагестанцами по-своему, поэтому надо его пригласить. Пускай слышит, что мы у него за спиной ничего не решаем.

– Это будут правильно. Я сейчас попрошу Козыренко, чтобы он пригласил коллегу, – согласился Михаил Иванович.

– Все знают, что мы в Госавианадзоре СССР третий месяц не получаем зарплату. Но это не означает, что нас можно купить за тарелку щей, – Лукин опять обратил внимание, что лица коллег стали напряженными.

Все громко засмеялись.

– Я пошутил, но если серьезно, то должен вам сообщить, что у меня с собой приличная сумма денег, – Лукин достал пачку сиреневых купюр по 25 рублей. – Друзья попросили купить им сувениры из кубачинского серебра. Я к тому, чтобы вы были в курсе, что деньги у меня появились не в Махачкале.

– Палыч, это лишне. Тогда я должен сообщить, что у меня с собой нет ни копейки, потому что командировочных не выдали, – грустно улыбнулся Валера.

– Да, я сообщил не для вас. У других могут быть вопросы, на какие это шиши Палыч серебро скупает? – пояснил Лукин.

– И то верно. Пойдемте, я подскажу Козыренко, чтобы пригласил командира из Элисты, – предложил Соколов.

Оказалось, что Козыренко и сам хотел пригласить коллегу, но не знал, как посмотрит на это комиссия. Может и зря Лукин проявил некоторую подозрительность, так как у всех были открытые лица, как будто бы за столом собралась родня. Но он понимал, что на Востоке всякое бывает.

– Товарищ Лукин, как Вы относитесь к тому, чтобы от-

метить сегодня ваш профессиональный праздник – День милиции? – спросил Магомедов.

– С удовольствием, Магомед Магомедович. Но должен сказать, что КГБ Дагестана работает лучше ЦРУ. Это они сообщили о моей принадлежности к МВД? – улыбнулся Лукин.

– Работало, а теперь все за штатом, – грустно отметил Магомедов.

– Так и МВД СССР, где я работаю, тоже подлежит ликвидации. Но праздник Рабоче-крестьянской милиции никто не отменял.

– И это правильно. Я предлагаю попробовать наш дагестанский бренди «Дербент».

Сыпались тосты один за другим. На столе преобладали дары Каспийского моря – черная икра и осетрина в разных видах, от холодного и горячего копчения до шашлыков. Была и долма, и баранина. Такого изобилия Лукин давно не встречал. А когда подали кутабы – тонкие блины с начинкой от картошки, сыра с зеленью и до мяса – Лукин с коллегами удивились, как можно в такие тонкие блины еще начинку запихнуть. Они сначала отказались от них, потому что уже не могли больше кушать, но потом подали зеленый чай, и блины умяли в лучшем виде, запив рюмкой бренди «Дербент» на посошок. После чего рабочий день был закончен.

– Ну как обед, мягко перешедший в ужин? – поинтересовался Магомед Магомедович.

– Такие обеды бывают только на приеме у султана, да и то в сказке. Но сегодня мы обедали с Вами, Магомед Магомедович, а вот посмотрим, как нас завтра будут кормить, – пошутил Лукин, но он не ожидал, что Магомед Магомедович серьезно отнесется к его шутке.

– Хорошо, я распоряжусь, – спокойно сказал Магомед Магомедович и подозвал директора ресторана, которому тихо поставил задачу, чтобы их разговор никто не слышал.

– Палыч, ну ты даешь, – сделал замечание Соколов.

– Ну, извините, выпил «малек», – Лукин и сам не ожидал, что такая будет реакция на его шутку.

После его шутки все две недели расследования в Махачкале члены комиссии чмокали языком во время трапезы в ресторане и вспоминали замечание Лукина. За те две недели все блюда были разными на вкус и, что немаловажно, для их бедственного положения они были бесплатными, как было прописано в Положении. Хотя Лукин перед командировкой «подлатался», работая «частным извозчиком» на Белорусском вокзале, но не хотелось тратить свои деньги, если государство не позаботилось выдать командировочных.

Комиссию разместили в гостинице Совета Министров Дагестана. Она расположиласьна берегу Каспийского моря. Номера выделили «люкс» на втором этаже, куда можно было попасть только на лифте, который ходил до второго этажа. При входе в лифт стоял милицейский пост. В том крыле гостиницы было четыре одноместных номера для руководства комиссии и большой холл с минеральной водой на столе и коврами на полу. Лукин отклонил все предложения членов комиссии о продолжении банкета в холле гостиницы, чтобы не испортить впечатление от сказочного вечера, и они разошлись по своим номерам.

Виктор распахнул в номере окно и дверь в лоджию. Температура была около плюс 10 градусов. Морской прохладный воздух ворвался в номер и быстро вытеснил тепло замкнутого пространства, в котором было неуютно спать после спиртного. Он вышел в лоджию с видом на

море. Морской бриз ночью гонал с моря прохладный воздух и поднимал волны, которые с плеском падали на берег, перекатываясь в десяти метрах от здания гостиницы. Он положил голову на подушку и под приятный шум морского прибоя провалился в сон. Было ощущение, что прилег на берегу моря, где-то на пляже, только под тобой не песок и галька, а белоснежная, накрахмаленная постель.

«Прекрасная жизнь у некоторых бабаев на Востоке», – подумал Лукин.

Утром встал бодренько, как будто бы и не выпивал спиртного накануне. Из лоджии был прекрасный вид на море. Солнышко с Востока уже сверкало на мокрой гальке. Гребешки небольших волн раскатывались по гальке и шуршали, но купаться было холодно, даже после водки. И все-таки соблазн перед Каспийским морем и уютным пляжем для высоких гостей взял свое. Лукин спустился в халате на первый этаж. Сотрудник милиции показал дверь, ведущую к морю, предупредив, что вода около двадцати градусов, но он не мог знать, что Лукин летом купается на даче в реке Истра, в которой температура воды выше и не поднималась. Долго поплавать не удалось, все-таки прохладно, и один на весь пляж.

В кабинете председателя комиссии Соколова постоянно толкались командиры авиаотрядов Махачкалы и Элисты. Козренко было проще, так как это был его кабинет – он уступил его на время комиссии. Их беспокойство можно было понять. Кроме беды, свалившейся на их головы в связи с погибшими людьми, им еще предстоит по окончании расследования ликвидировать все последствия за счет виновной стороны. Виновная сторона платит за все, а оба эти авиапредприятия небольшие, поэтому кому-то грозит разорение в новых условиях хозяйствования.

С каждым днем расследования комиссия все больше убеждалась, что вина была обоюдной, экипажа и диспетчера. Все было, как всегда. Катастроф не бывает по одной причине. Она совершается, когда неблагоприятные факторы накладываются один на другой, либо, как в этом случае, когда экипаж и диспетчеры пренебрегли правилами безопасности полетов и недобросовестно отнеслись к выполнению своих обязанностей. Но задачей комиссии было установить причину катастрофы, а вина будет установлена дальнейшим расследованием прокуратурой в рамках уголовного дела. Конечно же, комиссия должна выложить им на блюдечках объективную причину катастрофы и дать рекомендации по безопасности.

Надо было получить из Москвы результаты расшифровки «черного ящика», которую могли сделать только специалисты в лаборатории. Другие намеченные мероприятия в работе комиссии были выполнены. Можно было возвращаться в Москву, но хотелось объявить о результатах расследования с подтверждением расшифровки средств объективного контроля самолета. Председателю вместе с ними понравились гостеприимные дагестанцы, которые были подчеркнуто внимательны. Во время поездки в Дербент они зашли в местный ресторан, где стол ломился от различных блюд из осетрины, но командир авиаотряда Козыренко предложил Лукину копченую скумбрию.

– Какая может быть скумбрия, когда на столе семь видов осетрины! – отказался Лукин.

– А ты попробуй кусочек, а потом скажешь.

Лукин вкусил скумбрию и обомлел. Она напоминала по нежности мясо угря, а душистость копчения была неповторима.

– Это скумбрия? – спросил он, не веря своим глазам.

– Да, скумбрия,– улыбнулся Козыренко.

– Я такую никогда не пробовал. Сказка, а не рыба.

– Дело в том, что ее ловят и готовят на острове в Каспийском море. А в нашем авиаотряде специально держим самолет Ан-2, который в течение двух часов доставляет эти деликатесы на стол Совмина Дагестана. Вот и нам перепадает с царского стола. Если копченая рыба лежит на складе более двух часов, то она теряет этот нежный вкус, не говоря уже про московские магазины, куда копченая рыба поступает спустя несколько дней. Она не испорченная, но вкус уже не тот, – пояснил командир.

– Да, живут же «бабаи» и некоторые люди, – улыбнулся Лукин.

– А вот жерех холодного копчения отведай, – предложил командир.

– Как? – спросил Козыренко, видя, как Лукин принялся рвать зубами хищного жереха холодного копчения.

– И сказать нечего, просто класс. Можно с языком проглотить, – дал оценку рыбе Лукин.

Вроде бы попробовали за обедом вкусной рыбы и разошлись по своим делам. Никто ни у кого ничего не просил, а тем более ничего не обещали. Но утром Лукин обнаружил на своей лоджии по ящику копченой скумбрии и жереха. На совещании он пытался отказаться от подарков, объясняя, что пока он довезет их до Москвы, то вкус у рыбы будет такой же, как на прилавках магазинов.

– Рыбу коптили по спецзаказу. В магазине такой не купите, – пояснил Козыренко.

– В другое время я бы оспорил, но сейчас при пустых прилавках магазинов мне не стыдно приехать в Москву с копченой рыбой. Вот только ее упаковать надо перед по-

летом и разделить всем в комиссии, а пока убрать в холодильник, – согласился Лукин.

– Об этом не беспокойся, все сделаем.

«И чего на самом деле отказываться? Здесь, в Махачкале, в самолет все погрузят, а в Москве машину подадут к трапу самолета»,– подумал Лукин.

Из Москвы сообщили результаты расшифровки параметров полета с «черного ящика», которые подтверждали выводы комиссии, но они решили дождаться документов, которые доставят утренним рейсом.

Решили расписать пулю. В их компании курил только Председатель Соколов, поэтому играли в преферанс в его номере, чтобы не портить воздух в других номерах. Игра была в полном разгаре. Бутылка коньяка быстро закончилась. Лукин зашел в свой номер за другой бутылкой коньяка и достал из костюма портмоне, чтобы расплатиться в случае проигрыша. Он любил платить сразу, может быть потому, что проигрывал очень редко. Открыв портмоне, он не поверил глазам.

«А где же деньги?», – мелькнуло в голове Лукина.

Он обшарил все карманы пиджака, но что было бесполезно. Он четко помнил, что вся сумма лежала час назад в портмоне. Там было полторы тысячи рублей. Он где-то прочитал, что лучше всего расслабляет и действует благоприятно на состояние здоровья подсчет своих денег. Он знал точную сумму, что была у него, а так же приметы некоторых купюр. Их ветхость, надрывы, цифры от банковских подсчетов.

Лукин вспомнил, как вошел в номер, снял костюм и переоделся в спортивный. Прокрутил всю картину назад. Потом они все одновременно собрались в номере Соколова. Свои номера они закрывали на замок и оставляли

ключи в замке, поэтому было видно, что хозяин номера отсутствует.

«Стоп, стоп. Во время игры после очередной раздачи карт из номера выходил только один игрок, Силин»,– вспомнил Лукин.

Проникновение в номер постороннего лица Лукин исключил, так как попасть к ним на второй этаж можно было только на лифте, у которого постоянно дежурил капитан милиции, который знает их в лицо и поинтересуется, к кому идут гости, а потом позвонит и убедится, что их ждут. Поэтому подняться жулику на второй этаж на лифте невозможно. Забраться на второй этаж через лоджию в принципе можно, но равноценно самоубийству: здесь была наружная охрана, которая не подпустит постороннего близко к зданию гостиницы. Лукин сразу поинтересовался вопросами безопасности комиссии на второй день после вселения.

«А что там рассказывал Силин, когда он часто воровал по мелочевке и ничего не мог с этим поделать», – вспомнил Лукин.

В тот вечер Силин сильно подвыпил. Алкоголь развязал ему язык. Слаб он оказался на выпивку и откровенничал. Но Лукин еще тогда отметил про себя, что он, возможно, болен клептоманией. За семнадцать лет работы в уголовном розыске Лукин насмотрелся на таких жуликов, у которых, помимо их воли, руки тянутся к чужому добру. Медицина решила, что они больны. А Лукин считал такое явление их распущенностью, которая появлялась у них из-за недоказанности или мелочности краж. Ничего нет хуже, когда воруют свои. Ну пусть не свои, а те, с кем в силу обстоятельств приходится сидеть за столом, кушать хлеб-соль. И доказать сложно, ведь деньги не пахнут. Но Лукин

помнил свои сиреневые купюры по 25 рублей, из которых две были очень потрепанные, одна склеена прозрачной липкой лентой и еще зеленым фломастером несколько цифр написано, а другие записи химическим карандашом. Видимо, та купюра попадала неоднократно в банковские операции, когда торгаши готовили деньги в банк, и при подсчетах писали на купюрах. Сомнений не было, что он узнает свои деньги. Но как их увидеть? Вызвать милицию? Толку никакого. Только шум поднимется до небес, что в Госкомиссии воруют.

Проверить карманы Силина не было оснований, а добровольно тот не стал бы их выворачивать. Даже если он и обокрал Лукина, то нагло скажет, что все деньги его. Удостоверения МВД и Госавианадзора СССР жулик оставил в портмоне, хотя они уже не имели никакого значения. Лукин не видел другого выхода, как провести досмотр личный вещей Силина, по сути, незаконно обыскать его, как опера поступали при задержании преступника или в случае оперативной необходимости. А она была и именно необходимость, потому что надо было либо доказать вину своего соседа по гостинице, либо опровергнуть. Лукин уже и в мыслях не называл его коллегой, а просто соседом, так как у него была уверенность, что кроме него некому. О том, что у Лукина есть деньги, знали все. Он сам говорил, что друзья дали на покупку кубачинского серебра, и показывал их.

Он подошел к номеру Силина, но он был закрыт на замок. Ключа в замке не было. Его подозрения усилились, так как они никогда не запирали номера, оставляя ключи в замках. Силин вдруг проявил бдительность, когда выходил после раздачи карт.

«Надо действовать быстро, пока в компании ждут от

него коньяка», – подумал Лукин.

Он заглянул через ограждения между лоджиями и увидел, что удача ему сопутствует. У Силина открыта балконная дверь. Он вспомнил годы, когда ему, молодому оперу, выдали путевку в санаторий ЦК КПСС в Гагры, а туда приехал комсомольский актив после своего съезда поправить расшатавшиеся нервы. Море, солнце и красавицы комсомолки, но в партийном санатории все было под контролем работников администрации, которые «сливали» информацию о поведении отдыхающих в спецслужбу. Поэтому пришлось Лукину ходить на романтические свидания с красавицей Светланой из Костромы, перелезая через такие же балконы их номеров. Сорваться было невозможно потому, что они были удобными для таких переходов. Вот и сейчас ему пригодился этот опыт. Быстрый «шмон» по карманам одежды Силина и опять удача, но для Лукина, а для хозяина номера большая неприятность. В его кармане лежала пачка сиреневых двадцатипятирублевых купюр, которые он даже не успел убрать в свое портмоне. Лукин быстро пересчитал их, и вот она – склеенная липкой лентой с цифрами и одни из них зеленые, на других химический карандаш. Общая сумма совпадала с похищенной у него. Лукин забрал их, не раздумывая.

«Теперь быстро подумай о своих действиях дальше. Нашел и забрал свои деньги – молодец! Но просто так уйти нельзя. В таких случаях можно набить рожу жулику. Однако опять скандал до небес, что у столичного руководства воровство и мордобой. Вызвать милицию означало признаться, что сам залез в номер Силина и украл свои деньги. Ему ничего не докажешь, а сам сознаешься. Да, ситуация», – подумал Лукин.

И опять скандала в Госкомиссии не хотелось придавать огласке. Теперь Лукин не опасался, что хозяин войдет в свой номер. Без сомнения полторы тысячи рублей были его. На все вопросы хозяина у Лукина был коронный удар кулаком промеж глаз. У Силина зарплата полторы тысячи рублей. Выплачивают ее регулярно, в отличие от Госавтанадзора СССР. Теоретически такая сумма могла быть у Силина, но не его купюрами. Потрепанными они бывают часто, но не с записью зеленым цветом и липкой лентой. Говорят, что деньги не пахнут. Лукин свои узнал и «по запаху». Он знает тип таких людей, как Силин. Встанет в позу, будет уверять, что деньги его. Придется доказывать и прибегать к свидетельским показаниям, кто видел у него те купюры. Шум большой, а результата никакого.

Поэтому он решил наказать его красиво и разыграть маленький «спектакль». Забрав свои деньги, Лукин прихватил портмоне Силина, вынул из него семьдесят рублей, больше не было. Он мог свои деньги взять с собой на игру. Лукин протер на всякий случай отпечатки пальцев рук и завернул портмоне в носовой платок вместе с удостоверением личности Силина. Он никогда не крал и ему жгли руки чужие семь красных червонцев, но для «спектакля» было необходимо. Он сразу решил, что вернет их Силину, но в виде подарка или потратит их на компанию преферансистов и ровно на семьдесят рублей, чтобы у Силина «шарики» в голове нагрелись. Лукину хотелось сделать намек, что тот вычислен и практически пойман. Но из-за нецелесообразности скандала он отпущен. Так будет по-честному. С такими мыслями он перелез через лоджию в свой номер. Деньги спрятал под матрас, завернув в бумагу, а пустое портмоне Силина и его летное удостоверение пилота подбросил в кабину лифта, потому что им никто,

кроме их комиссии, не пользовался. Если лифт вызовет снизу милиционер, то обнаружит портмоне. Главным козырем было удостоверение, от потери которого Силин должен завопить. Оставалось ждать развязки в его «спектакле».

Лукин был неплохим опером в уголовном розыске и жулики иногда «подпрыгивали» от неожиданности, когда он применял нестандартные ходы для их розыска и задержания. А таких воров с «домашней заготовкой», которых называли «своими», вычислить было очень сложно в коллективе, где они обитали. Кражи в трудовых коллективах не редкость. Многие с ними сталкивались. Жулики пользовались тем, что доказать их вину очень сложно. Многие потерпевшие не обращались в милицию потому, что не верили в успех и не хотели огласки. А если и обращались в милицию, то в лучшем случае все заканчивалось опросом коллектива, а потом заявление падало прокурору «Корзинкину», а проще в мусорное ведро. На это и рассчитывали такие жулики, как Силин.

«Так. Стоп. Ты еще не доказал ему вину, а уже поставил к стенке, обобщив его с жуликами. Как «в августе 44-го» Таманцев прокачивал шпионов до момента истины, так сейчас нужно прокачать Силина», – подумал с улыбкой Лукин.

Он всегда реагировал на такие заявления потерпевших достойно. Правда, его действия были связаны с небольшими провокациями, но они срабатывали. К своему нестандартному мышлению, которое не нарушало закон или было на грани того, как сегодня, он применял еще инженерную мысль. Недаром он учился в МАИ, но в силу обстоятельств перешел на учебу в Высшую школу МВД. «Свои» жулики рассчитывали на интеллигентность своих

коллег, которые не будут поднимать шума, как случилось сегодня. Лукин всегда выходил на место, где происходила такая «домашняя» кража в коллективе и подробно опрашивал всех присутствующих, чтобы очертить круг лиц, которых можно было подозревать. В таких случаях воровал кто-то один, а подозрение падало на многих. Поэтому проще было определиться с теми, кто был вне подозрений, а дальше – дело техники. Лукин выбирал в коллективе своего помощника с «железным» алиби и уговаривал его сыграть роль подставного потерпевшего, заранее пообещав ему, что в случае выявления жулика он не будет передавать материалы в следствие, потому что будет небольшая провокация. Потом он заготавливал толстый «лопатник с бабками», который выбранный им «потерпевший» засветит перед кругом лиц, которые могли иметь причастность к краже в коллективе. Такой же «лопатник» Лукин заряжал контейнером на пружине с красящим веществом родамин и подменял тот с деньгами. Потом будущий «потерпевший» вешал свой пиджак на спинку стула и уходил якобы по делам в другое помещение. Оставалось только ждать, когда жулик выберет благоприятный момент и попытается вытащить из «лопатника» деньги. При его открывании пружина выбрасывала родамин и окрашивала жулика в малиновый цвет.

Родамин отмывался с трудом на третьи сутки, но при просвечивании ультрафиолетовыми лучами люминесцировал еще долго зеленым цветом. Оперативники называли это химловушками. Они их готовили в красочных коробочках из-под ювелирных изделий или дорогих наручных часов, которые «потерпевшие» демонстрировали коллективу, а жулики попадались на их детские ловушки. Выявленного жулика он сдавал коллективу, и они решали его

судьбу. Посадить или поколотить, а возможно, просто выгнать с работы. Вообще-то был самосуд. Лукин рисковал оказаться перед прокурором, но он называл свои действия оперативными формальностями, а не нарушением закона.

Сегодня у Лукина не было времени раскручивать вокруг Силина оперативно-розыскные мероприятия. Он приготовил ему психологическую ловушку, поставив его в роль «потерпевшего», и ожидал результата.

«Теперь Ваш ход, товарищ Силин», – подумал Лукин, который был еще и неплохим шахматистом.

Вернувшись в компанию, Лукин поставил на стол бутылку коньяка, взятую в своем номере.

– Что-то ты долго ходил, мы уже за тебя сыграли одну сдачу, – сказал Валера.

– Да, живот прихватило. Немудрено от такого переедания. Все, перехожу на кефир и гантели, – Лукин ожидал такого вопроса.

Напряжения в поведении Силина он не заметил, хотя тот должен был ожидать вопросов. Лукин настоял, чтобы за игровым столом не курили, а желающие могли бы покурить после сдачи карт в фойе. Постоянно курил только Соколов, а другие иногда после выпивки. Лукин хотел создать движение в коллективе, как продолжение начатого «спектакля». Силин должен был видеть, что все выходили поочередно покурить, кто был на сдаче карт. Так Лукин отводил мысли Силина то себя. Когда дошла очередь до Силина, он вышел и посетил свой номер.

– Меня обворовали! – заорал Силин через несколько минут, ворвавшись в номер, где они расписывали «пулю». Виктор ждал его реакции, ведь в его портмоне было удостоверение летчика.

– Подожди, успокойся. Расскажи толком, что случи-

лось, – удивленно спросил Соколов.

– Да чего рассказывать: номер закрыт, а денег и документов нет, – выпалил Силин.

– Сколько денег было? – спросил Соколов.

Лукин специально молчал и не задавал вопросов, ловил каждое его слово. Вот он момент истины, ради которой он затеял весь «спектакль». Сейчас он скажет, сколько денег у него украли.

– Рублей сто было, но главное – документы. Надо вызвать милицию, – ответил Силин.

Лишь Лукин знал, что Силин своим ответом чистосердечно признался в совершении у него кражи. Он не сказал, что у него украли полторы тысячи рублей, которые лежали в кармане пиджака. Лукин в душе ликовал, состоялся момент истины, но жаль, что о нем никто не узнает. Вновь сработала его оперативная смекалка, правда, на грани нарушения закона. Но победителей не судят. Да и кто теперь догадается?

– Как ты считаешь, полковник, надо милицию вызывать? – спросил Соколов у Лукина.

– Я думаю надо, тем более милиция у них в гостинице дежурит и охраняет наши номера. Пропало удостоверение. Это не шутка.

Лукина уже радовало то обстоятельство, что ошарашенный кражей Силин сам выдал себя. Он украл деньги и не посчитал сколько. Как хотелось Лукину засветить ему промеж глаз, но «цирк», который он устроил в воспитательных целях, ему все больше нравился. Пусть Силин почувствует себя в роли обворованного, хоть некоторое время. Лукин знал, что сейчас поднимутся на лифте работники милиции и принесут его документы и портмоне, которые обнаружат в кабине лифта, но без его семи

червонцев.

– Милицию я вызвал и предлагаю посмотреть всем свои карманы, – предложил Силин.

Лукин зашел в свой номер и, вернувшись, заявил подошедшему капитану милиции, что у него похищены полторы тысячи рублей купюрами по двадцать пять.

«Так-так, какова реакция Силина?– присматривался к нему Лукин. – Порядок».

Чувствовалось, что его напряжение после заявления Лукина о краже спало, его взгляд больше не выражал подозрения. Он после выхода из своего номера смотрел на Лукина с прищуром и явно подозревал его. Но когда услышал, что у него самого похищены деньги, заявил об этом капитану милиции, который принес портмоне Силина с удостоверением. Все его подозрения развеялись. По его понятию, жулик украл у Силина и те полторы тысячи, что он вытащил у Лукина. Фантастическая ситуация для Силина. В один день две кражи. Недолго он радовался удачной наживой, как через час сам оказался обворованным.

– Товарищ полковник, напишите заявление по поводу кражи, будем разбираться, – предложил капитан милиции.

– Ну, если Вы меня уже знаете, то я провожу Вас до комнаты милиции в гостинице. А вот товарищ Силин будет ли писать заявление? – поинтересовался Лукин.

– Нет-нет, все в порядке. Мне вернули удостоверение. Спасибо милиции, – засуетился Силин.

«Вот, гнида, – подумал Лукин. – Подержать бы тебя в камере пару дней, может, вылечился бы. Да, хрен с тобой».

– Пошли, капитан, – Лукин пошел с ним в сторону лифта.

– Товарищ полковник, можете мне поверить. Этот случай у нас в гостинице первый, да еще в Ваших апартамен-

тах, – заверил капитан милиции.

– Вот поэтому я никаких заявлений писать не буду и прошу забыть об этом маленьком происшествии. Не хочу портить Вашу стопроцентную статистику раскрываемости, а деньги дело наживное, – сказал Лукин.

– Спасибо, товарищ полковник,– поблагодарил капитан.

– Счастливой тебе службы, капитан, – Лукин протянул ему руку.

Лукин вернулся в компанию и предложил выпить, чтобы снять нервное напряжения, хотя сам внутри ликовал – «спектакль» удался. Его распирало от смеха. Ему хотелось хулиганить, достать ту пачку сиреневых купюр с зелеными цифрами и расплатиться за проигрыш при Силине, тем самым дав понять, что ему была отведена роль статиста в том «спектакле». Нет, все-таки хрен с ним, пусть пребывает в неведении. Пусть думает, что жулики проникли через лоджию второго этажа и не дали ему попользоваться похищенными деньгами Лукина, который был уверен, что нашел лучший выход из данного положения. Жаль, что нельзя было посмеяться всем вместе над тем случаем. Но шутки в сторону. Силин украл не ради шутки. Лукин не шутил, хотя ему было весело. Нельзя было марать комиссию официальными заявлениями. И морду бить тоже он считал уделом слабых.

Теперь оставалось легализовать свои же деньги. Не мог же он оставить своих друзей и жену из-за Силина без кубачинского серебра. Лукин позвонил в присутствии всех из номера Председателя домой и попросил Олесю выслать ему денег. Она должна была отвезти их дежурному по Госаванадзору на улицу Кржижановского, а тот переправит их утром с экипажем в Махачкалу.

Когда сотрудники Госавианадзора СССР улетали в далекие края на расследование авиационных катастроф, то они морально были готовы, что им придется есть грубую и простую пищу, состоящую из сухих пайков вместо изысканных домашних блюд, носить мягкие, бесформенные унты или парить ноги в резиновых сапогах вместо кожаной обуви, спать на снегу, а не на пуховой постели. Так бывало в Якутии и на берегу Северного Ледовитого океана. Они уже привыкли за те годы к работе «на яме». Ко всему в конце концов можно привыкнуть. Государственная комиссия по расследованию авиакатастроф состоит в основном из коллег по Госавианадзору, которым не нужна психологическая притирка. Но на месте расследования комиссия разрастается до сотни и более специалистов, с которыми иногда ранее не работали и потом больше по жизни не встретишься. Трудно бывает выработать должное отношение ко всему окружающему и, особенно, к новым сотрудникам. Обычную учтивость ты должен заменить в себе терпимостью. Так, и только так можно заслужить драгоценную награду – это истинную товарищескую преданность. Так был воспитан Лукин. Но сейчас он попал из-за подлости Силина в сложную и нестандартную ситуацию, поэтому принял именно такое решение, поставив его вне закона.

Перед сном Лукин вспомнил, что рассказ «Кавказский пленник» написал Лев Толстой на основе подлинных событий, происходивших полтора века назад в пограничном районе Дагестана с Чечней. И он усвоил с пятого класса, когда познакомился с рассказом, что предательство у горцев осуждалось во все времена как самое большое преступление. Он уже пытался в шутку про себя оправдать свои незаконные действия, примеряя их под законы гор.

На самом деле у него нигде ни екнуло, что он поступил неверно. Он вспомнил еще одного классика русской литературы, своего любимого поэта Лермонтова, но не в связи с образом Печорина, когда тот нечаянно распугал контрабандистов в «Тамани», а все тех же горцев, так как сегодняшние события произошли на земле Дагестана, про которую он писал в поэмах. Горцы отличаются отвагой и мужеством, которые сочетаются с добротой и честностью, так думал Лермонтов, а возможно так и было в те годы, когда он написал эти строки:

Там поразить врага – не преступленье.
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро – добро и кровь – за кровь.
И ненависть безмерна, как любовь.

Он спокойно уснул. Утром комиссия собралась в кабинете Козыренко в аэропорту Махачкалы. Сведения о расшифровке из Москвы еще не поступили, поэтому у них образовалось свободной время. Козыренко передал Лукину конверт от дежурного Госавианадзора, который передал экипаж с первого рейса из Москвы. Олеся молодец. Быстро передала деньги. Лукин открыл при всех конверт и достал оттуда несколько купюр сиреневых 25-рублевых купюр. Теперь он мог спокойно покупать все необходимое, а Силин еще раз убедился, что он не причастен к событию, происшедшему накануне.

– У меня есть предложение к комиссии: выехать сегодня на экскурсию на Чиркейскую ГЭС, что за Буйнакском. Там у меня дом в поселке Дубки для энергетиков. Пока еще снега не насыпало на перевале. От поездки получите огромное удовольствие, – предложил Козыренко.

– Я не против. А как народ? – Соколов бросил взгляд на комиссию.

– А в Кубачи сможем организовать поездку? Я хотел бы купить что-нибудь для дома, – поинтересовался Лукин.

– Сделаем, но в другой день, так как это в противоположной стороне от ГЭС. Мы поедем в горы на границу с Чечней, а Кубачи в горах рядом с Азербайджаном. Все эти изделия можно купить в Дербенте или в Махачкале, но в два раза дороже. И совсем дело не в деньгах – просто надо посмотреть село Кубачи. Оно не менее увлекательно, чем ГЭС, – пояснил Козыренко.

– Тогда я за обе поездки, – обрадовался Лукин.

– А меня увольте от поездки по горам в период снегопада. Я, пожалуй, отосплюсь в номере гостиницы, – сообщил Силин.

Лукин был доволен таким решением. У него стальные нервы, но он больше не хотел кушать хлеб-соль за одним столом с этим человеком. За столом приятно сидеть с друзьями и единомышленниками, а когда за стол попадает такая личность, то не получаешь удовольствия от выпивки и закуски.

Их компания проехала Буйнакск. Дорога свернула вправо – в сторону Кизилюрта рядом с Чечней. Дорога петляла в горах по живописнейшим местам водохранилища, из которого шапками торчали горы и сопки, затопленные водой и окутанные густым туманом. Его удивил бирюзовый цвет воды в Чиркейском водохранилище. Это была картина для художников. Но нигде не было ни одного деревца или кустарника. Вода и голые скалы. Было что-то странное в той красоте. Красивое озеро среди скалистых гор без селений и людей смотрелось, как лунный пейзаж.

Лукин посмотрел другими глазами на эту красоту и догадался, что на высотах ничего не росло, а сады вместе с

аулами были затоплены. Многие поколения горцев носили сюда на себе и привозили на лошадях мешки с землей из долины, чтобы вырастить хурму, персиковые деревья и виноград. Теперь все уничтожено. Вода огромного водохранилища, у которого была задача и оросительная, так и не стала помощником в сельском хозяйстве. У самой дороги показался поселок Новый Чиркей. Мудрыми были предки современных дагестанцев. Знали, где строить и как. Селение стоит неподалеку от поселка Дубки. Древний аул Чиркей был в прошлом знаменитым пристанищем абреков. Но во время строительства ГЭС его затопило водохранилище, на дне которого оказались его дома и сады. Новый аул заложили не на склоне, а в долине, открытой всем ветрам. И строили не по законам, принятым в горах, когда крыша одного дома есть двор другого, а по образцу и подобию равнинных деревень. Теперь и называют его не аул, а село с ровными улицами и просторными садами.

Лукин вспомнил свою командировку, когда он в горах Сванетии разыскивал квартирных разбойников из Грузии. Горы и села Сванетии похожи на эти в Дагестане, так как они относятся к одному Большому Кавказскому хребту. Только в Сванетии он был ранней весной, а в Дагестане была поздняя осень. Эти времена года похожи снегопадами в горах и таяниями снегов. В долинах гор еще было тепло. Шел дождь. Ему тогда казалось, что нет на свете ничего прекраснее, ничего удивительнее, чем горная страна Сванетия. Потом он удивлялся красотам Тянь-Шаня, а теперь не мог налюбоваться на горы, на их жителей – гордых аварцев.

– Бедные наши горцы,– улыбнулся Козыренко, когда они проезжали Новый Чиркей. – Дома больше двух этажей не могут построить. Говорят, денег нет. Двухэтаж-

ный дом лучше маленькой сакли, но не в горах. В высоких бетонных хоромах неуютно, когда холодно. Ветер зимой в горах такой, что дует сквозь стены. Сакли были небольшими, хватало печки, чтобы обогреться. В поселке Дубки есть котельная, в Новом Чиркее ее нет. И надо топить печь. А где взять топливо? И чтобы не стучать зубами от холода, чтобы готовить шашлык, жители Нового Чиркея катаются в лес по дрова. Около селения уже все вырубили, около поселка Дубки тоже. Теперь перебираются на другую сторону водохранилища. Каждый день проезжают три-четыре машины, доверху загруженные дровами. Разрешения на рубку леса, конечно же, ни у кого нет. Но его никто и не спрашивает. А горы лысеют. А где лысые горы, там оползни, лавины и сели.

В поселке энергетиков Дубки проживали те, кто работал на ГЭС или ее строил. Поселок расположился на высокогорном плато на пятьсот метров выше плотины водохранилища. С его окраин открывались замечательные виды на Сулакский каньон, окружающие горы и водохранилище.

Они приехали в Дубки, когда уже смеркалось, но пока еще не стемнело, пошли полюбоваться вечерними видами. В это время в горах лежал снег, немного подморозило. Приятно было из теплой дагестанской осени переехать в зиму, а потом обратно. Поднялся сильный ветер, и они поспешили в дом, где их ждал горячий домашний ужин в доме Козыренко. Жители прозвали свой поселок с явно недагестанским названием Дубки «на семи ветрах». Он не прилепился к горе, как древние дагестанские аулы, он гордо занял место на самой вершине горы.

Как только расцвело, Лукин взял свой фотоаппарат и долго щелкал затвором на краю большого плато, на

окраине поселка. Внизу было ущелье. Лукин впервые увидел парящих орлов, которые летали внизу и, видимо, выше не забирались, так как на той высоте нет никакой живности, кроме домашней птицы. И припомнились ему строки из стихотворения Пушкина:

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.

Изящная плотина, будто упругая пружина, распирала массивные скалы, удерживая рукотворное море. Козыренко не торопил, дав насладиться панорамой, открывшейся со смотровой площадки. В глубоком ущелье узкой лентой у подножия плотины серебрилась в бирюзовых оттенках река Сулак. Бирюзовая вода и голубое небо, а между ними – горы, которые казались синими. Поздняя осень уже потеряла свои красные, золотые краски. Лишь на склонах виднелись серые, подернутые мхом камни. Интересно было ощущать себя взлетевшим выше орлов. Приятно было в выходной день присесть за стол с коллегами и выпить рюмку коньяка под домашние пельмени.

– Высоко в горах Дагестана паслись козлы, – Лукин поднял рюмку с коньяком. – Вдруг на них налетел орел и унес одного. Пастух прицелился, выстрелил и убил орла с первого выстрела. Орел упал на дно глубокого ущелья, а козел полетел дальше. Так выпьем за то, чтобы орлы не падали, а козлы не летали.

Мятежная Чечня уже начала будоражить весь Северный Кавказ и не обошла Дагестан. Все вместе с неутихающей войной в Цхинвали поставило Кавказ на грань гражданской войны. В Чечне проблемы с русским населением начались еще в прошлом году, когда в почтовых ящи-

ках появились первые «письма счастья» – анонимные угрозы с требованием убираться по-хорошему из Чечни. 8 июня 1991 года Президент Чечни Дудаев провозгласил независимость Чечни. После «августовского путча» в Москве Дудаев объявил о роспуске республиканских государственных структур, обвинив Россию в «колониальной» политике. В тот же день дудаевские гвардейцы штурмом захватили здание Верховного Совета, телецентр и Дом радио. Депутатов избили, а председателя грозненского горсовета Виталия Куценко выбросили из окна, в результате чего он погиб.

Джохар Дудаев объявил о выходе Чечни из состава Российской Федерации. 7 ноября 1991 года Ельцин подписал Указ о введении в Чечне режима чрезвычайного положения, но в ответ дудаевцы окружили здания МВД и КГБ, военные городки, блокировали железнодорожные станции и аэродромы. Планы Ельцина были сорваны. Из республики был начат вывод российских войск, частей и подразделений МВД, которые приняли решение передать дудаевцам половину всего имевшегося в Чечне оружия и боеприпасов, ссылаясь на невозможность вывезти его. Не было кому погрузить, и не было вагонов. Так были вооружены мятежники.

Лукин крайне отрицательно относился к репрессиям при сталинском режиме. Однако Сталин дал всего лишь один приказ и 23 февраля 1944 года республику целиком эвакуировали в места не столь отдаленные. А теперешняя власть не в состоянии свое же вооружение вывезти с военных складов.

Министр обороны России не ведал, что творил. Нельзя вывезти оружие, так уничтожь его на месте вместе с боеприпасами. Но нет, вооружили голодных бунтующих гор-

цев танками и самолетами. А если быть точным, то в Совмине Дагестана во время доклада причин катастрофы Як-40 членов Госкомиссии проинформировали о передаче вооружения российской армией Чечне.

Дагестан лихорадило, так как вооружался их ближайший и беспокойный сосед, а часть этого оружия скоро попадет и сюда. Чечня получила от Министра обороны России пять истребителей МиГ с 300-ми авиационных ракет и 7 тысячами авиаснарядов. Два штурмовика и два боевых вертолета. Сорок два танка Т-62 и Т-72. Около ста БМП и БТР, а также 942 автомобиля. Восемнадцать установок «Град» и более 1000 снарядов к ним. 139 артиллерийских системы и 24 тысяч снарядов к ним, противотанковые орудия различных типов 700 штук и ракетные комплексы в количестве 200 штук. Пятьдесят тысяч единиц стрелкового оружия, более 150 тысяч гранат. 27 вагонов боеприпасов и полторы тысячи тонн бензина. Кроме того, в Чечне было оставлено более 10 тысяч комплектов вещевого имущества, 72 т продовольствия и 90 т медицинского имущества. И это были официальные данные, которые в такой обстановке не могут отражать истинную картину. Но вся картина стала известна позже. Никто из руководства войсками МВД и Минобороны не подумал, что оставленное оружие чеченцы добровольно не сдадут. В высших кругах Дагестана были разговоры, что оружие чеченцам было продано, а не передано.

В Чечне разразилась всеобщая безработица. Мужчины ходили с автоматами, закон исчез, бесчинствовали местные вооруженные отряды, воцарились страх, грабежи, убийства. Появилась работорговля. Прямо на улицах Грозного стали совершаться публичные казни. Целые аулы ходили грабить проходящие поезда. Вскоре движе-

ние по железной дороге прекратилось. Нарастали разбойные набеги на Ставрополье, похищение его жителей в рабство и в заложники, захваты автобусов с пассажирами.

Комиссия вместе с председателем Соколовым сидела дома у Козыренко и собиралась обратно в Махачкалу. А поселок Дубки находился в тридцати километрах от границы с Чечней, где в то время происходили эти события. И граница эта не государственная, а поэтому условная, тем более что в горах Кавказа границ не существует. Может и прав был Силин, что остался в гостинице под охраной. Он-то лучше их разбирается в местной обстановке. Тем не менее, все обошлось.

Лукин понял, почему он два дня назад вспомнил классиков Льва Толстого и Лермонтова, которые описывали в своих произведениях события на Северном Кавказе. Теперь, спустя полтора века, события повторялись: «кавказскими пленниками» стало все русскоязычное население, которое исчислялось десятками тысяч. И это не Жилин с Костылиным. Теперь у чеченцев на вооружении боевые самолеты, танки и современное оружие, поэтому новые российские власти не могут им пока противостоять. Это было предательством, но уже в больших масштабах. Такими стали правила игры накануне развала СССР и ничего с этим не поделаешь.

Надышавшись горным воздухом, Лукин спал безмятежным сном, вдыхая в гостинице морской воздух. Вот откуда в Дагестане столько долгожителей. Впереди было еще воскресенье. Соколов решил отдохнуть в гостинице, а Лукин с Валерой поехали в аул Кубачи. Козыренко выделил им автомобиль с местным водителем, который знает дорогу. Их гостиница находилась под Каспийском.

Рано утром позвонил водитель и сообщил, что он ждет

у входа на УАЗе. Такая машина была в самый раз по горным дорогам. Лукин знал по карте, что им предстояло проехать по берегу Каспийского моря до поворота на Кубачи около ста километров и свернуть вправо в сторону Большого Кавказского хребта. Там еще около пятидесяти километров по асфальту, а потом по щебенке в горах. Он изучил по карте маршрут, и ему уже не терпелось побывать в древних горных местах, где много веков назад обосновались оружейники.

На побережье Каспий¬ского моря шел дождь, было тепло и сыро. Море закрывал туман, но оно было рядом и ноздри носа ловили его неповторимый запах. Не доезжая десяти километров до Дербента, свернули направо. Потом был лес, состоящий из дуба, бука и различных ив. Лес кончился, а при въезде в горы их встретили картины с буйством красок. Кусты желто-лимонные, оранжевые, красные перемежались с участками зеленой еще травы, с серыми и рыжими скалами. Лукина удивила разница в природе, которую они видели вчера и той, что открывалась им сегодня. А всего лишь двести километров на юг. Но вчера они видели красоту искусственного водохранилища и ГЭС, а сегодня совершенно дикую и нетронутую природу в горах.

Дорога забиралась в горы. Живописные картины сменялись одна за другой, впрочем, как и погода. Сначала вдоль побережья был туман, потом в горах пошел дождь. Сначала он шел со снегом, а затем повалил снегопад. Облачность была настолько низкой, что непонятно было, туман ли это или облака.

Асфальтированная дорога закончилась. Это сделано специально, так как на крутых спусках и подъемах лучше ехать по щебенке, чтобы в зимний гололед машинам было

за что зацепиться. В горах наступила зима, но было еще тепло. Вся дорога скоро покрылась слоем жидкой грязи. Машину немного заносило. Водитель сбавил скорость, которая и так была небольшой. Туман или облачность порой перекрывали видимость до нуля, а потом вновь открывали им дальнейший путь. Вдоль дороги были проложены желтые газовые трубы, которые служили маяком в их поездке. Водитель кряхтел, но о возврате в сторону моря не сообщал.

В горах часто бывает смена погоды. Вскоре сквозь туман показался сероватый диск солнца, который быстро рассеял эту серость, и появились первые лучи солнца. Они закрывались иногда облачностью, но это уже не влияло на видимость по дороге, отчего настроение путешественников значительно улучшилось. По дороге им не встретилось ни одно транспортное средство, поэтому в такую погоду все местные жители предпочитают оставаться дома, пока не успокоится стихия.

Самое лучшее состояние гор, когда выглядывает солнце после снега. Природа представляется в резких контрастах белого и черного, что режет глаза. Насыщенная зелень склонов, которая здесь, как на альпийских лугах. И чистая синь неба, а вокруг слепящий снег.

Они поднимались все выше и выше в горы. Дорога шла вдоль отвесных стен. Внизу чернела пропасть. Облака медленно проплывали уже под ними, а от дороги шло испарение от выпавшего снега. После снегопада появилось жгучее солнце. Снег стал испаряться. Он не таял, а превращался в пар. Влага с дороги быстро стекла, стали видны просохшие места. Наконец, водитель объявил, что они преодолевают последний серпантин, за которым аул Кубачи и дальше дороги нет. Кубачи были в снегу, хотя они

расположены на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, поэтому нет здесь вечных снегов и ледников.

Лукин на месте оценил выражение, которое аул Кубачи сравнивало с небоскребом, уложенным на бок по склону горы. Жил здесь народ со своей историей и тысячелетними традициями, своим языком. Это был город-мастеров, и таких больше нет во всем мире. Дома лепятся у крутого склона один над другим, вырастая один из другого. Селение выглядит со стороны пчелиными сотами. От порогов верхних домов начинались крыши нижних домов, которые, как скалы, серого цвета, только балконы, двери и рамы домов окрашены в ярко-голубую краску.

Лукин не уставал восхи¬щаться своеобразной архитектурой домов. Они приехали в далекий аул, который сразу затмил все предыдущие впечатления о Дагестане. Он много слышал невероятных историй о происхождении аула Кубачи, которое на турецком означает «кольчужники». Корни села уходят вглубь веков первого тысячелетия до нашей эры, а другие предположения были не более красивых легенд. Одна из них рассказывала о французском происхождении оружейных мастеров, которых прислал по приглашению король Франции. Они поселились в горах у даргинцев.

Другая история была более древней. Кубачинцы рассказывали о своем римском происхождении. Будто бы они были взяты Александром Македонским из Рима для изготовления оружия во время его походов, да так и остались жить в этих горах. Они были только мастерами-оружейниками и никог¬да не занимались ни земледелием, ни скотоводством. Взяв жен из соседних аулов, они постепенно утратили свою латынь и стали даргинцами.

Раньше кубачинцы изготавливали кольчуги и шлемы,

мечи и копья, луки и стрелы, а также знаменитые кинжалы. Лукин помнил кубачинскую шашку XVI-го века из Оружейной палаты. На шашку у него не хватило бы денег, а вот кинжал в серебряных ножнах он присмотрел в мастерской. Кинжал в разукрашенных серебряных ножнах, несколько браслетов и две заготовки для серебряных рюмок с подносом лежали на столе в мастерской. Ничего мудреного из инструментов в руках мастера не было. Несколько резцов по серебру были воткнуты в деревянный брусок. Ни тисков, ни граверного станка, который мог бы облегчить работу мастера. Одна чаша с серебряными крошками от резьбы и другая с углем. Мастер резал узор, положив заготовку подноса на колено. На глазах матовое серебро засверкало на лучах света от лампы. Резьба ложилась друг на друга под разными углами, известными только мастеру, который после каждого реза подносил поднос к лампе и смотрел, как расходятся лучи от его резьбы. Вскоре вся его поверхность буквально горела белым огнем серебра. На ножнах серебро сначала были вычернено, потом создан какой-то рельеф, а уже потом мастер приступал к резьбе орнаментов. А какие получались браслеты, в которых применялась глубокая резьба, создающая ощущение не только красоты, но и его невесомости.

Лукин был очарован увиденным. Ему не хотелось торговаться с мастером при покупке изделий потому, что они в Кубачах стоили в два раза дешевле, чем в магазинах. Но на Востоке это не принято. Он приобрел поднос с шестью рюмками, два бокала для вина, турку для кофе, браслеты и, конечно, кинжал с черненными серебряными ножнами. Потом окинул все свои покупки и понял, что не напрасно приехал в аул. Кубачинцы накормили их компанию шашлыком из баранины, как оптовых покупателей. Лукин

понял, что у них скупают чудесные изделия для продажи еще дешевле. Но ему казалось, что он и так купил все за копейки, в которые с каждым днем превращались рубли.

На обратном пути Лукин задумался, почему в Кубачах совершенно другая обстановка, чем в Чечне. До Чечни всего лишь двести километров, а отношение к русским совсем другое. Они их не считают врагами. Это город мастеров, им все ровно, кто они. Гости платят деньги за их работу, поэтому их принимают, как дорогих гостей и угощают. Так было в этих краях много веков назад и, может быть, правда, что кубачинские мастера были выходцами из Франции или Италии, от которых перешли к ним некоторые элементы европейской культуры. Скорее всего, было все гораздо проще. Кубачинцы трудились постоянно, передавая свое мастерство многие века из поколения в поколение, поэтому им было не до бузы и разбоев на больших дорогах. А чеченцы всегда бунтовали. И тогда их вооружили до зубов…

Лукин заканчивал последнее расследование авиационной катастрофы. Пришли документы по расшифровке «черного ящика». Бортовые самописцы они расшифровали сами в первые дни. Соколов с Лукиным провели последнее заседание комиссии, на котором присутствовали Магомед Магомедович и командиры авиаотрядов.

– В 13:01 экипаж связался с диспетчером и запросил разрешения выполнять полет вне трассы и направиться сразу на Кизляр, в обход Ронки. Такое спрямление маршрута выводило самолет из зоны Северо-Кавказского центра и переводило в зону Астраханского УВД с согласованием между диспетчерами. Не желая усложнять себе работу, диспетчер Северо-Кавказского центра запретил следовать на Кизляр, но разрешил при этом полет вне

трассы.

В 13:23 экипаж перешел на связь с диспетчером Астраханского центра и доложил ему о следовании на эшелоне 5700 метров и о расчетном времени прохождения Кизляра. В ответ диспетчер, нарушив Инструкцию по производству полетов аэропорта Махачкалы, дал команду следовать вне трассы сразу на привод Махачкалы. Экипаж знал, что им предстоит полет над горным массивом Канабуру, но, тем не менее, не дал команду повернуть после пролета Кизляра на привод Махачкалы.

В 13:34 самолет снизился до эшелона 5100 метров и в 100 километрах от махачкалинского аэропорта был в 35 километрах правее воздушного коридора. Экипаж соврал диспетчеру подхода о входе в зону аэропорта по воздушному коридору над горами. Диспетчер подхода видел на экране дальнего радиолокатора, что самолет на самом деле находится на неустановленном рубеже, но не указал пилотам их местонахождение. В нарушение инструкций он дал команду снижаться до высоты 1800 метров по неустановленной траектории снижения, хотя самолет снижался в опасный сектор горной гряды, имевшей высоты 890 и 720 метров.

В 13:39 самолет находился на высоте 1800 метров в 45 километрах от махачкалинского аэродрома и в 23 километрах справа от трассы. Диспетчер подхода, без согласования условий передачи, дал указание переходить на связь с диспетчером посадки. Экипаж подтвердил указание, не уточнив свое местонахождение. Диспетчер дал разрешение снижаться до высоты 1050 метров, хотя по инструкции в данной зоне была установлена минимальная высота 1800 метров. Экипаж слепо выполнил указание и вскоре попал в зону «затемнения» горными вершинами, в ре-

зультате чего засветка рейса на экране радиолокатора периодически пропадала. Не видя засветки на экране, диспетчер в 13:40 назвал предполагаемое местонахождение самолета — пеленг 308 градусов, хотя фактический был 296 градусов.

Два неверных сообщения подряд о местонахождении самолета дезинформировали экипаж и создали у него ошибочное мнение о направлении самолета, что он приближается к установленному маршруту полета. В результате экипаж продолжал сохранять прежний курс, доверившись данным, переданным диспетчером, и не воспользовался пилотажно-навигационными приборами, которые могли бы подсказать, что самолет летит в горный район с высокими вершинами.

В 13:41 с борта самолета было доложено о занятии высоты 1050 метров, на что диспетчер дал указание продолжать полет. Вновь не проверив фактическое местонахождение самолета, он дал в 13:42 указание снижаться до высоты 400 метров. Самолет не был оборудован системой сигнализации опасного сближения с землей, а небо было затянуто сплошными облаками. Самолет находился в стороне от посадочного курса и, не снижая вертикальной скорости, начал доворачивать влево, чтобы выйти на посадочный курс. Но через 5 секунд в 13:43 летящий в облаках на высоте 550 метров самолет с левым креном 20 градусов врезался в отрог горы Кукурт-Баш, полностью разрушился и загорелся. Все погибли, – Председатель комиссии Соколов зачитал акт расследования и сделал паузу.

– Как мы и думали, вина была обоюдной со стороны экипажа и диспетчеров. Комиссия сделала выводы, что катастрофа явилась следствием грубых нарушений персоналом службы УВД и экипажем правил полетов и УВД в

горной местности, что привело к выполнению снижения самолета ниже безопасной высоты вне установленной схемы, столкновению с горой и полному разрушению самолета, – сообщил Соколов.

После заседания комиссии Лукин с Валерой вылетели в Москву с документами, а Соколов остался на выходные в Махачкале, так как не хватило финансов на его обратный билет.

Была Государственная комиссия, работали специалисты высокого класса, и вдруг стали ненужными. В принципе ничего нового. Все, как во всей стране. Старые бюрократические аппараты менялись на вновь созданные молодые российские структуры, готовые разорвать хозяйство, оставшееся от СССР. Неужели, так все было плохо? Ведь что-то можно было сохранить хорошее?

Нет, все порушить от сельского хозяйства до космических кораблей. Зато отменили спекуляцию. Указом Президента была объявлена свободная торговля. А когда в стране ничего не производится, то Указ означал, что товар старались купить подешевле, а продать подороже. Прибыль в карман, если государству ничего не надо.

Никто, конечно же, государству не собирался платить налоги, считая, что государство им еще многое задолжало. К рулю управления государством примерялись настоящие «кидальщики», начиная с Павлова, а после него за это дело взялось более молодое поколение, настоящие «акулы» бизнеса. Не отставала от них в Госавианадзоре и хозяйственная служба вместе с начальником Леонидом Боковым, который предложил раздеть в буквальном смысле слова членов комиссии, участвовавших в расследовании катастроф.

Постановлением Совмина СССР работа расследова-

телей авиационных происшествий приравняли к работе летчиков-испытателей, поэтому их экипировали в такую же спецодежду. От летных сапог на цигейке, унтов до кожаных курток на меху. Такая спецовка была очень удобна, как для работы на местах происшествия, так и для охоты. И Боков решил урвать свой кусок при дележе имущества Госавианадзора СССР, уговорив Председателя подписать приказ, который предписывал расследователям сдать эти спецовки в хозяйственный отдел. Лукин пытался оспорить это решение, хотя бы тем, что ранее на местах происшествия членам комиссии выдавалась эта одежда на время расследования. Но хозяйственный отдел решил сам «наварить» на этом деле, и был непреклонен. Лукин не упирался бы в том вопросе, он и так все отдал, кроме летной куртки на цигейке. Он давно уже сшил себе в ателье кожаную куртку для охоты и под кожу поставил меха летной куртки, поэтому от нее остался темно-синий верх с меховым воротником и эмблемами желтого цвета на рукаве и спине «ВВС СССР». Когда Боков в очередной раз достал его предложением сдачи куртки, он ему ответил:

– Я должен Вам доложить, что мех на летной куртке моль сожрала.

– Тогда принесите то, что осталось, – сказал Боков.

– Хорошо, принесу, – улыбнулся Лукин.

На следующий день он принес плотный непромокаемый темно-синий верх куртки с черным воротником и выпоротыми меховыми внутренностями. Боков долго вертел ее в руках, потом предложил:

– Я в таком виде принять ее не могу. Вам придется написать объяснение по этому поводу.

– Это легко, – и Лукин, взяв лист бумаги, изложил грустную историю, что после развода с женой ему при-

шлось снимать жилье, а в той квартире оказалась моль. Когда он ее обнаружил, то меха внутри куртки не осталось.

Он совсем не подумал, что Боков побежит к Председателю Госавианадзора жаловаться на него. Через десять минут Боков позвонил и сообщил, что его ждет Иван Ефремович. Лукин вошел к большому шефу, тот, поздоровавшись, поинтересовался:

– Что за моль такая у Вас завелась, что куртку съела целиком?

– Иван Ефремович, вот такая летает, сам боюсь, – Лукин показал руками моль размером с гуся и пригнул голову, изображая, как она летает над его головой.

Председатель невольно засмеялся и глухим басом вынес приговор остаткам куртки:

– Ладно, Лукин, идите, работайте. Артист. А Вы, Боков, спишите куртку, как есть.

Не получилось у хозяйственника отобрать у Лукина охотничью куртку, и то была его последняя шутка с молью в той конторе. Беспокойная была у него работа, немного опасная, как у настоящих мужчин. Коллектив был прекрасный, а его руководители были выше всех похвал. Никакого сравнения не могло быть с его коллегами по работе в милиции. Гражданские люди, но с большим чувством ответственности, совсем другой уровень. Но что поделаешь, Лукин был к ним откомандирован из МВД СССР. А теперь возвращался в кадры в МВД России за штат, что означало без должности, которую придется еще искать. С кадровиками вспрыснули его генеральские лампасы. В один миг он стал никем вместе с МВД СССР и Госкомиссией.

Поневоле пропоешь: «То взлет, то ….». Его аэроплан взлетел высоко по жизни и, возможно, продолжил бы на-

бирать высоту, но был сбит вместе со всей страной. Куда теперь Лукин спарашютирует? Он не обижался на судьбу и понимал, что сделал почти невозможное. После «залетов» в личной жизни с француженкой, когда «старшие братья» из КГБ предложили милицейскому руководству уволить его, а потом развод с женой, которая была из семьи высокопоставленного партийного руководителя, Лукин прошагал до такой должности. А если бы не ставили ему «палки в колеса», то и жить было бы скучно. Не было бы досрочно присвоенных званий, орденов и медалей, да и генералом уж точно был бы. Но опять же при ровной и скучной жизни. Да генералом работать надо, а полковником можно в свое удовольствие. Успей он получить генерала, то трудоустроиться с такой должностью в МВД России было бы проблематично. На него и так косо смотрят новые милицейские кадровики, которые видели документы, подписанные на Лукина руководителями МВД СССР.

В стране случился катаклизм, который напрямую коснулся его. Что там впереди? Лукин опять оказался на жизненном перекрестке. Уже который раз жизнь ставила его перед проблемой выбора. В какую сторону свернуть, и по какой дороге продолжить свой путь. В этот момент главное принять правильное решение и не проскочить свой поворот, да и задерживаться нельзя на перекрестке. Не самое хорошее место. Илья Муромец в русской сказке недолго решал перед камнем, на котором было прописано:

«По первой дороженьке ехать – убитым быть,
По другой дороженьке ехать – женатым быть,
По третьей дороженьке ехать – богатым быть».

Он проработал в Московском уголовном розыске пятнадцать лет, прошел путь от оперативника до начальника

отдела уголовного розыска. Зачем искать работу? Надо делать то, что умеешь лучше других. И опасно оставаться на жизненном перекрестке надолго, не зная, в какую сторону пойти. В жизни случаются моменты, когда не знаешь, куда идти. Шел, шел, и вдруг пропадает ориентир. Оказался на перепутье. Пропало солнышко. Утром встал, а солнца нет, как в одном мультике, когда его крокодил проглотил. Перестает радовать прошлое, и не видишь себя в будущем. От такого можно попасть в депрессию…

Непросто сделать выбор, когда все рушится в стране, и ты не знаешь, что будет завтра с тобой в том месте, которое ты выбрал. Но дорога жизни представляет собой паутину развилок и надо шагать лишь по одной из них. Лучше, конечно, по известной тебе или проторенной. А Лукин долгие годы слыл одним из лучших столичных сыщиков уголовного розыска, поэтому не стал долго раздумывать, решил вернуться к своей профессии.

В знаменитом сериале Шелленберг сказал: «Мюллер бессмертен, как бессмертен в этом мире сыск».

При увольнении под расчет Лукину выплатил зарплату за шесть месяцев и компенсацию за два на сумму семь тысяч рублей, на которые недавно можно было купить автомобиль «Жигули», а теперь можно было обменять их на 60 долларов. Цены на товары были отпущены в «свободное плавание» и поднялись в 25 раз. Целая сумка денег в банковских упаковках, на которые ничего не купишь. Генеральская зарплата за восемь месяцев приравнивалась к одной поездке Лукина в качестве извозчика от Белорусского вокзала до аэропорта Шереметьево, за которую ему платили от 50 до 100 долларов. И если бы полковник милиции не «бомбил» на этом поприще, то было бы не на что жить. Поэтому он посчитал большим плевком в его

душу выдачу полной сумки обесцененных денег, за двадцать пять лет безупречной службы Родине.

Лукину предлагались руководящие должности в Главных управлениях МВД по борьбе с организованной преступностью и по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, где трудились его коллеги, помнившие его нестандартные оперативные комбинации по изобличению преступников. Пока он пребывал на перепутье, сотрудник кадров Рябов предложил ему должность начальника отдела в особой инспекции по личному составу в МВД.

– Вот такая должность точно не для меня. Я там работать не смогу,– сказал Лукин.

– И напрасно. С начальником инспекции мы уже переговорили. Он согласился на собеседование с вами. Ему нужен руководитель отдела с таким опытом работы. Тем более что последние шесть лет вы находились в командировке от МВД в Совмине, поэтому вас и проверять не надо на «чистоту мундира».

– Я с вами полностью согласен, но мне эта служба не подходит по складу характера. Ведь я должен буду искать негативы в поведении сотрудников, участвовать в проверках по снятию с должностей руководителей, а это не по мне. Я лучше жуликов буду ловить.

– Вам же не вечно предлагают работать в инспекции. Поработаете немного, а оттуда можно перейти опять на генеральскую должность.

– О чем я и говорю. Напишу негативную справку о каком-нибудь генерале и займу его должность. А какими глазами я потом буду смотреть на личный состав? К тому же я сам всегда работаю «на грани фола», выражаясь футбольной терминологией. Так, что спасибо за предложение, – улыбнулся Лукин.

– Очень жаль. Тогда ищите себе должность сами.

Лукин понимал, что в ГУКе МВД России нельзя отказываться от предложенных должностей. Больше предложений не будет, о чем кадровик сказал откровенно, да еще могут «козни» строить, когда сам найдешь себе должность. Так оно и получилось, когда он выбрал свою родную стихию – уголовный розыск. Пока кадровики тянули с оформлением документов о переводе, должность начальника отдела заняли. Ему предложили поработать старшим оперуполномоченным по особо важным делам, что было понижение с его предыдущей должности примерно на пять ступеней. Старший опер-важняк ГУУР МВД РФ приравнивался к должности первого зама областного УВД, но то было возвратом к тому, с чего он начинал в МВД шесть лет назад, когда ему предложили должность первого заместителя УВД Самаркандской области. Как хорошо, что он тогда наотрез отказался от того предложения. Где теперь Самарканд и весь Узбекистан?

Федорчук многих сотрудников Центрального аппарата МВД СССР оставил без жилья и работы. Лукину предложили отдел по борьбе с разбоями и грабежами, которым руководил Алексей Плешков. Он знал его еще по работе в Московском уголовном розыске, что было немаловажно в настоящее время, когда так мало осталось знакомых в ближнем окружении. От прежнего Главного управления уголовного розыска МВД СССР в МВД России остались единицы, и среди них был генерал Дзиов, которому его представили.

– Проходи, проходи, – махнул рукой по-приятельски генерал. – А я еще засомневался – ты ли это, когда мне представили твое личное дело. Все такой же орел. Но я думал ты уже генерал. Ты ведь после Афгана пошел на

большое повышение. А почему опять оперативником?

– Судьба играет человеком, – грустно улыбнулся Лукин.

– Не жалеешь, что не остался в «Кобальте» под моим руководством?

– Если бы только под Вашим руководством, то остался бы без тени сомнений. Но тогда было принято решение о переподчинении «Кобальта» отряду КГБ «Каскад», а у меня со старшими братьями из КГБ были разногласия по личной жизни, не укладывающиеся в моральный кодекс строителя коммунизма. Мне пришлось тихо уйти из «Кобальта», чтобы не дразнить КГБ. Потом стал большим начальником, но Вы уже читали это в личном деле.

– Да, о нашей службе до сих пор даже шепотом не говорят. Нужно было сказать мне, и я притер бы твои разногласия с КГБ, – сказал первый командир отряда спецназа «Кобальт» генерал Дзиов.

– Борис Бесланович, так вы давно знакомы? – спросил Плешков.

– Да его надо представлять на заместителя Министра с должности руководителя Главка, а ты его опером со мной согласовываешь. Сколько же прошло с тех пор? – спросил генерал Лукина.

– Ровно двенадцать лет. Мы с вами встречались в феврале 1980 года перед Олимпиадой в кадрах на Огарева, 6. Потом в Ташкенте и в Термезе, а за речку в Мазари-Шариф мы уже самостоятельно ходили с коллегами из мусульманского батальона.

– Иди, работай, Виктор. Будут вопросы, заходи, – сказал генерал.

Лукин разместился в кабинете напротив генерала и вспомнил те годы, когда окунулся с головой в оперативную работу по созданию агентурной сети в милиции Афгани-

стана. В тюрьме Мазари-Шариф их группа, состоящая в основном из сотрудников МВД Узбекистана, вербовала среди арестованных агентуру для заброски в банды моджахедов. Когда Лукин узнал, что их группа спецназа будет полностью передана в подчинение КГБ, то «по болезни» ретировался в Москву. Он не стал испытывать судьбу, когда чекисты могли задать вопрос, как столичный опер, который состоял в гражданском браке с француженкой из Парижа, попал в одно из самых секретный подразделений МВД. Лукин был чист и честен, но поводов у КГБ для подозрений было хоть отбавляй. Поэтому он самостоятельно вышел из игры и никто не знал об истинных причинах.

Милицейского генерала Дзиова из Северной Осетии судьба не жаловала. Около десяти лет назад он оказался неугодным для руководства республики и, вопреки интересам дела, на пост министра внутренних дел Осетии вместо него был назначен человек со стороны. Его же отправили подальше, работать в посольстве Чехословакии. Всегда при посольствах за рубежом существовала должность советника посла, которую занимал сотрудник КГБ. Но недавно была введена такая же должность для представителя МВД СССР. И в Чехословакии ее предложили Дзиову. Такие назначения случались даже в Политбюро КПСС, но тех назначали послами, отправив в «почетную ссылку». Лукина того хуже – хотели уволить, но он не сдался и «нырнул» под крыло Совмина СССР, где его не смогли «достать» недруги из КГБ. Об истинных причинах его командировки в Совмин знали единицы, а он никогда не хвастался «маленькой войной» со «старшими братьями» из КГБ.

В 1987 году, после возвращения на Родину, Дзиов был

назначен заместителем начальника Главного управления уголовного розыска МВД СССР. Теперь его переместили на ту же должность в ГУУР МВД России. Лукина встретил генерал, умудренный жизненным опытом. Он был честным офицером с острым умом и душевной теплотой, который имел собственное мнение, отличное от мнения начальства. На мундире генерала красовалась орденская планка со многими правительственными наградами, в том числе орденами «Красной Звезды» и «Знак Почета».

В Главном управлении уголовного розыска МВД России Лукину поручили курировать Центральный округ России по раскрытию разбоев и грабежей. Он был безмерно рад, что вернулся к своей профессии.